Московский
государственный
университет
имени М.В. Ломоносова

ОБЩЕСТВО
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Международная
научно-практическая конференция
в онлайн-формате

Москва, Россия
МГУ имени М.В. Ломоносова
25 мая 2020 года

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Издательство Московского университета
2020

УДК 80
ББК 80/84
Р 89

Р 89 **Русский язык и литература в славянском мире: История и современность** : Материалы Международной научно-практической конференции в онлайн-формате / МГУ имени М.В. Ломоносова, 25 мая 2020 г. – Москва : Издательство Московского университета. – 726 с.

ISBN 978-5-19-011527-7

Р 89 В сборник вошли материалы Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в славянском мире: история и современность», посвященной Дню славянской письменности и профессиональному празднику словесников – Дню филолога. Конференция проводилась 25 мая 2020 года в онлайн-формате в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова под эгидой Общества русской словесности.

УДК 80
ББК 80/84

ISBN 978-5-19-011527-7

© Коллектив авторов, 2020
© Филологический факультет МГУ, 2020

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В.А. Садовничий,
Заместитель председателя Общества русской словесности,
ректор МГУ имени М.В. Ломоносова, академик

Выступление на пленарном заседании

V.A. Sadovnichy
Deputy Chairman of the Society of Russian Literature,
Rector of Lomonosov Moscow State University,
Full Member of the Russian Academy of Science

Plenary Speech

Ваше Святейшество!

Дорогие почетные гости и участники конференции «Русский язык и литература в славянском мире: история и современность»!

Наша сегодняшняя встреча была запланирована Обществом русской словесности и Московским университетом задолго до постигшей весь мир пандемии. Нам хотелось совместить две важные даты: День славянской письменности и культуры и День филолога – и провести двухдневное мероприятие, чтобы дать возможность нашим гостям присутствовать на праздничных воскресных службах в храмах.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Наша конференция проходит в формате видео-конференц-связи.

В России праздник славянской письменности впервые официально отметили в 1863 г. в ознаменование 1 000-летия создания святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием славянской азбуки. В 1991 г. День славянской письменности и культуры получил статус государственного праздника. Это единственный в России праздник, который объединяет светские и религиозные мероприятия. Его отмечают также на Украине, в Белоруссии, Польше, Чехии и Болгарии.

В 2010 г. Москва была признана официальным центром международных торжеств.

А День филолога был официально утвержден ЮНЕСКО в 1989 г.

Филология как наука сформировалась в XVII в. в Европе. В переводе с греческого филология означает *любовь к слову*. Это слово встречается у М.В. Ломоносова в «Кратком руководстве к красноречию». Современник М.В. Ломоносова поэт и переводчик Василий Кириллович Тредиаковский так писал:

> Филология… управляет, умножает, утверждает… повсюду сияет и объединяет все науки и знания.

Не всем нравилось это слово. Например, Николай Васильевич Гоголь предлагал заменить его на *любословие*. Так что, если следовать Гоголю, сегодня мы отмечаем День любословов.

Значение филологии для жизни общества велико. По словам нашего современника, выдающегося филолога Дмитрия Сергеевича Лихачева, «филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры».

У истоков развития отечественной филологической мысли стоял Московский университет. В 1811 г. здесь создано Общество любителей российской словесности, в уставе которого одной из задач было объявлено «исследование значения слов в разных наречиях славянского язы-

ка». В том же году в Московском университете была учреждена первая кафедра славянской словесности, по сути – кафедра церковнославянского языка.

Постепенно интерес к церковнославянскому языку как прародителю сменился вниманием к живым славянским языкам, истории и этнографии славянских народов.

Первыми профессорами-славистами в Московском университете стали Михаил Трофимович Каченовский и Осип Максимович Бодянский.

Согласно введенному в 1835 г. уставу университетов, в составе первого отделения философских факультетов утверждалась кафедра истории и литературных славянских наречий.

В 1847 г. Министерство народного просвещения утвердило программу преподавания славянской филологии.

В Петербурге в 1903 г. состоялся первый съезд русских филологов и историков-славистов.

Дорогие участники конференции!

2020 год Президентом РФ В.В. Путиным объявлен Годом памяти и славы. В эти юбилейные майские дни наш долг – почтить память военного поколения филологов, тех, кто не только сражался пером, но и грудью встал на защиту Отечества за нашу мирную жизнь.

Филологи Московского университета внесли свой посильный вклад в Великую Победу.

В 1920-е гг. в результате неудачных реформ филологический факультет прекратил свое существование, и только в 1934 г. он снова возродился как литературный факультет в составе МИФЛИ – Московского института философии, литературы и истории имени Н.Г. Чернышевского (чаще – ИФЛИ). История ИФЛИ – это часть истории Московского университета.

Всего в ИФЛИ было 4 факультета: философский, экономический, литературный и исторический; 1 757 студентов и 274 аспиранта.

На литературном факультете ИФЛИ преподавал весь цвет отечественной филологической мысли: Николай Каллиникович Гудзий, Сергей Иванович Радциг, Дмитрий Николаевич Ушаков, Рубен Иванович Аванесов, Григорий Осипович Винокур, Геннадий Николаевич Поспелов, Евдокия Михайловна Галкина-Федорук, Афанасий Матвеевич Селищев, искусствовед Михаил Владимирович Алпатов, знаменитый шекспировед Михаил Михайлович Морозов и многие другие.

В суровый час книжные эрудиты, будущие ученые, педагоги, поэты, писатели и журналисты, не задумываясь встали на защиту Родины.

Многие ифлийцы начали свой военный путь в составе добровольческого комсомольского батальона лыжников на советско-финляндской войне.

Осенью 1941 г. в составе 3-й коммунистической дивизии уходили на фронт не только студенты, но и преподаватели.

Например, профессор Леонид Ефимович Пинский в октябре 1941 г. вместе со студентами добровольцем ушел на фронт в составе 3-й дивизии московского народного ополчения.

Профессор Михаил Александрович Лившиц в первые дни войны был призван на военную службу в Пинскую военную флотилию.

Профессор Александр Абрамович Аникст ушел на фронт сначала в составе народного ополчения, затем воевал в 83-й гвардейской стрелковой дивизии Западного фронта.

ИФЛИ воспитал целую плеяду военных поэтов. Среди них особое место занимает поэт-романтик, разведчик, лейтенант Павел Коган.

Его первые стихотворения появились еще в студенческие годы, а в 1937 г. он написал ставшую популярной в 60-е гг. студенческую песню «Бригантина».

23 сентября 1942 г. лейтенант Павел Коган погиб на сопке Сахарная Голова под Новороссийском вместе с возглавляемой им разведгруппой. О нем позднее написал поэт Юрий Озеров такие строки:

Ее спасать не мог он
Лишь реками чернил.
Россию Павел Коган
Собою заслонил.

В июле 1941 г. была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) – знаменитая «рота философов», спортсменов-лыжников, для рейдов в глубоком тылу врага. Из нее впоследствии был сформирован партизанский отряд Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева. В бригаде воевали четыре филолога: поэты Семен Гудзенко, Юрий Левитанский, критик Эмиль Аркинд и героически погибший аспирант Николай Лукашенко.

В августе 1941 г. группа из 28 ифлийцев была направлена в 139 зенитный артиллерийский полк. Среди них был будущий писатель Юрий Павлович Анненков.

Осенью 1941 г. ИФЛИ был эвакуирован в Туркмению, в Ашхабад, и там влился в состав вновь образованного филологического факультета. Деканом был назначен профессор Николай Каллиникович Гудзий. В 1942 г. филфак был самым большим – 366 человек.

В Ашхабаде начала свою работу кафедра славяно-русского языкознания.

Летом 1942 г. филологический факультет был реэвакуирован в Свердловск. Московский университет размещался в здании Уральского индустриального института. В Сверд-

ловске была образована кафедра славянской филологии. Огромную роль в организации преподавания славянских языков сыграл ученик Афанасия Матвеевича Селищева выдающийся ученый-болгарист Самуил Борисович Бернштейн. С 1943 г. началось преподавание курса сравнительной грамматики славянских языков.

В тяжелые военные годы ректором университета был замечательный человек, историк по образованию Илья Саввич Галкин. Он оставил подробные воспоминания о жизни Московского университета в это нелегкое время.

В Москву университет вернулся только весной 1943 г., хотя занятия с оставшимися в столице студентами возобновились в феврале 1942 г., после разгрома немцев под Москвой, и продолжались всю войну.

Руководство страны придавало огромное значение слову как средству подъема патриотических настроений на фронте и в тылу.

В конце 1944 г. по поручению Политуправления Красной армии известные профессора филологического факультета Николай Каллиникович Гудзий и Дмитрий Дмитриевич Благой выезжали на 2-й Прибалтийский фронт для чтения лекций солдатам и офицерам. Позднее Н.К. Гудзий писал: «Мы, профессора-литературоведы, воочию убедились в том, что наша великая литература – один из важнейших источников моральной силы нашего войска».

Он вспоминал, как на передовых позициях, под гул артиллерийской перестрелки, солдаты и офицеры слушали лекции о Пушкине, и профессора чувствовали, как их зажигает и воодушевляет творчество замечательного поэта. Об этом писала газета «Московский университет».

В военное время, в июне 1944 г., были учреждены стипендии имени А.П. Чехова и И.А. Крылова.

Сразу после победного салюта 13 мая 1945 г. в Московском университете прошло Торжественное заседание Ученого совета, посвященное 150-летию А.С. Грибоедова. Постановлением Совнаркома от 14 января 1945 г. учреждены стипендии имени А.С. Грибоедова.

Московский университет сражался за Победу вместе со всей страной. В годы войны было выполнено 1 600 научных работ, 440 работ оборонного характера.

После войны на филологический факультет пришли фронтовики и свои силы отдали студентам. Многие, к сожалению, рано ушли из жизни.

Московский университет бережно хранит память о людях Московского университета, погибших на полях сражений Великой Отечественной войны. Ежегодно 22 июня студенты и преподаватели выезжают к памятнику павшим под Ельней.

Наши студенческие поисковые отряды ведут работу по идентификации останков погибших. Найдено уже 97.

В юбилейный год Великой Победы на территории Дома отдыха Московского университета в деревне Красновидово мы установили памятник в честь важного исторического события, определившего судьбу битвы под Москвой. В монументе запечатлено заседание штаба Западного фронта. Из-за пандемии торжественная церемония открытия памятника задерживается. Я приглашаю всех участников конференции, членов Общества русской словесности и всех, кому дорога память о Великой Отечественной войне, на торжественное открытие памятника. Дату объявим позднее.

Дорогие любители слова!

Наш гражданский долг – сохранить историческую правду о войне, не допустить ее искажения и вольного толкования. Эта огромная ответственность лежит на всех нас.

К юбилею Победы Московский университет провел Всероссийский творческий конкурс работ «Диалог эпох» в

четырех номинациях: «Поэзия», «Художественная проза», «Эссе» и «Литературоведческое исследование» – и Всероссийскую акцию «Литературная игра».

В творческом конкурсе приняли участие более 600 школьников и студентов не только из РФ. Около 100 работ мы получили из-за рубежа. По итогам конкурса дипломы победителей получили 29 человек, призеров 1 степени – 33 человека, призеров 2 степени – 91 человек.

В рамках Всероссийской акции «Литературная игра» к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне филологический факультет подготовил специальный проект «Победа и литература».

В нем приняли участие 2 850 человек. Бóльшая часть – это учащиеся старших классов и студенты (около 2 000 человек), но среди участников немало школьников 5–9 классов (более 700 человек). Мы благодарны учителям и людям самых разных профессий, которые не только ответили на вопросы, но и поделились с нами своими впечатлениями, приняли участие в обсуждении заданий.

Иностранные участники (их было более 200) показали хорошее знание русской литературы и русской истории. В итоге 136 человек стали победителями, 405 – призерами.

Давайте поздравим всех победителей и призеров с победой!

С праздником, дорогие любители слова!

Дорогие участники конференции!

Вам предстоит серьезная работа.

По завершении – студенческий концерт, а затем подведение итогов работы.

Желаю вам плодотворных профессиональных дискуссий и хороших учеников, которые станут вашими верными последователями и сохранят наш родной язык для будущих поколений!

О.Ю. Васильева
Председатель попечительского совета
Российской академии образования,
член Бюро Общества русской словесности, профессор

Л.В. Щерба и российское образование

O.Yu. Vasilieva
Chairman of the Board of Trustees
of the Russian Academy of Education,
Member of the Bureau of the Society of Russian Literature, Professor

L.V. Shcherba and Russian Education

Наша конференция приурочена к двум замечательным событиям – Дню славянской письменности и культуры и Дню филолога. Эти праздники для всех, кто с трепетом и любовью относится к родному языку и культуре.

В этот день мы всегда вспоминаем ученых и просветителей, чья жизнь и служение филологии оставили яркий след. Один из них – Лев Владимирович Щерба. Выдающийся лингвист, один из создателей теории фонемы. Его труды легли в основу преподавания русского языка в школах и вузах, а учебники, по мнению специалистов, являются одними из лучших и сегодня.

Начало 30-х гг. XX столетия вошло в историю как яркий и драматичный этап социалистического строительства. Индустриализация требовала новых подходов в образовании.

И переход к ним стал делом государственной важности. В 1931 г. Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» признавало объем школьных знаний не достаточным и не систематическим, упрекая школу в неподготовленности учеников к поступлению в вузы и техникумы.

Изменения в школьной системе начались с учительского корпуса: преподавать теперь могли лица, имеющие педагогическое образование. Группы вновь переименовали в классы. Специальным Постановлением ЦК ВКП(б) в школу вернулись программы и планы. Указаны были недопустимость перегрузок учебным материалом и упрощенчество с наличием научных и методологических ошибок. Основной формой учебной работы стал урок. В школу вернулись письменные, лабораторные и графические работы. Учет знаний, как и прежде в российском образовании, стал систематическим и индивидуальным. Ядром преобразований стало создание новых учебников для начальной и средней школы. В феврале 1933 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б), посвященное школьным учебникам. Предлагалось создать стабильные учебники на несколько лет. Наркомпросу было поручено составить план подготовки учебников с привлечением ученых, методистов и опытных учителей. Особое внимание уделялось написанию учебников по гуманитарным дисциплинам, которые должны были формировать коммунистическое мировоззрение юных граждан страны. Учебники по истории обсуждались в марте 1934 г. на заседании Политбюро, а доработка текста нового учебника «Краткий курс истории СССР» для 3-го и 4-го классов осуществляла специальная группа, в которой были Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, Н.М. Дружинин.

Но никакие школьные преобразования не могли состояться без новых подходов к преподаванию русского языка. Именно в 1930-е гг. Л.В. Щерба принимает участие в работах по унификации русской грамматики, занимается прав-

кой и редакцией школьного учебника по русской грамматике С.Г. Бархадурова, участвует в составлении «Проекта правил единой орфографии и пунктуации».

Спустя почти столетие его оценки применимы и к сегодняшней ситуации, сложившейся в образовании. И тогда, и сегодня проблема грамотности по-прежнему остается актуальной. «Доказывать, что грамотность наших школьников сильно понизилась, – значило бы ломиться в открытую дверь… Надо откровенно признать, что этот пробел в нашем школьном деле дошел до размеров общественного бедствия, что об этом надо кричать и изыскивать меры для его изживания»[1].

Решение проблемы Л.В. Щерба видел, в первую очередь, в высоком профессионализме и заинтересованности педагогов. «Итак, для того, чтобы дети писали грамотно, им необходимо заниматься языком как таковым. Но здесь выступает третья причина современной безграмотности (первую причину ученый видел в результатах реформы русского языка 1918г., вторую – в методике обучения. – *О.В.*), которая состоит в том, что учителя не любят и не умеют заниматься языком. Можно было бы подумать, что русские учителя не любят русского языка. Я верю, что это не так; я верю, что они любят русский язык, но любят его инстинктивно, не сознательно, не отдавая себе отчета, что и почему они должны в нем любить» (60).

Ученый убежден, что дети полюбят язык только тогда, когда учителя «заразят их своей любовью», которая должна «реально выражаться и иметь свои точки приложения» (60). И тогда, и сейчас не утихают споры о новых методах и технологиях в обучении. Их применение требует вдумчивого и взвешенного подхода. «Как это ни звучит

[1] *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 62. Далее цит. по этому изданию. Страницы указаны в скобках.

парадоксально, однако нужно сказать, что одной из причин понижения грамотности, одной из серьезных причин, являются “новые методы”. Конечно, не новые методы сами по себе – их можно только приветствовать, так как отсутствие новых методов означало бы застой педагогической мысли, – а то «усердие не по разуму», которые проявляют некоторые администраторы. Многие из них решительно помешались на разных новых методах и расценивают школы и отдельных педагогов не по достигаемым ими результатам, а по тому, насколько они применяют новые методы» (61).

По мнению ученого, государству и обществу важны не школьные методы, а степень пригодности к жизни выпускаемых школою граждан. Этот тезис актуален сегодня как никогда. Новации и инновации Л.В. Щерба оставляет «специалистам, ученым советам, исследовательским институтам, лабораторным школам, педагогическим обществам, съездам и т. п.» Для него первым требованием, предъявляемым жизнью, – грамотность и умение читать книгу (в узком и широком смысле). А сложный вопрос о методах в истории науки решался по-разному: «…едва ли в истории можно найти случаи, когда новые методы целиком могли бы быть с пользой применены в жизни» (62).

Наказом для сегодняшних педагогов звучат слова ученого: «…наши педагоги часто в погоне за новыми методами забывают о своих обязанностях перед детьми и обществом и не научают своих питомцев тому, что, несомненно, должно остаться при всяких методах» (62). И в условиях современных вызовов, когда идет ускоренное развитие информационной структуры, ничто не изменит живое общение учителя и ученика, ибо школа не только учит, но и воспитывает, формируя личность и достойного гражданина.

ЦЕННОСТИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ФИЛОЛОГИИ, ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ
И ТЕОЛОГИИ

Е.А. Андреева
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Защитники веры: образы Романа Ольговича Рязанского и Войшелка Литовского в «Степенной книге»

E.A. Andreeva
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Defenders of Faith: the Images of the Roman Olgovich of Ryazan and Voishelk Lithuanian in "The Book of Royal Degrees"

В 9 степени известного древнерусского памятника XVII в. «Степенной книги царского родословия» соседствуют два текста, на первый взгляд никак между собой не связанные, однако при этом имеющие сходную идейную направленность, создающие образы героев, руководствующихся одной целью. Первый текст – это «Страдание великаго князя Романа Олговича Рязаньскаго въ Ордѣ за вѣру Христову» (в заглавии уже даны отсылка к жанровой природе памятника и краткая характеристика подвига), другой – «О князѣ инокѣ

Вошлегѣ Литовьстѣмъ» (какие бы то ни было уточнения отсутствуют). Оба князя, хоть и являются представителями двух разных государств – удельного Рязанского княжества и земли Литовской, были современниками (Роман Рязанский – 1237–1270, Войшелк – 1223–1267). Несмотря на то что сферы их политического влияния разные, жизни их не связаны и завершается их земной путь по-разному, в тексте «Степенной книги» оба они представлены в одном «амплуа» – защитников православной веры, апологетов православия.

Русский князь Роман Ольгович Рязанский – православный удельный князь, приехавший в Орду (в тексте не уточняется, по своей ли воле он прибыл в ставку Менгу-Тимура или по вызову хана), где оказался «оклеветанъ» в конкретном злодеянии: «Сеи великии князь Романъ хулитъ тебе, великаго царя, и вѣрѣ твоеи ругается»[1] (542). Как видим, основное обвинение – недовольство русского князя ханом, и уже на втором месте стоит обвинение в оскорблении веры Менгу-Тимура (а следовательно, и всех монголо-татар, пленивших Русь). Пребывание героя в Орде подталкивает противников к попытке привлечь князя на свою сторону, склонить к «зловѣрию», что, естественно, не удается сделать ни «ласканми», ни «прѣщениемъ», результатом данного процесса становится гибель героя после длинной, довольно однозначной, жесткой и дерзкой речи, в которой Роман Ольгович сравнивает две веры, и сравнение оказывается не в пользу веры ордынцев. Защитительная речь, в которой православие названо истинной, непорочной верой, является элементом известного топоса «прений о вере»[2]. Судя по тексту, монголо-татары должны были

[1] Здесь и далее текст цит. по изд.: Степенная книга царского родословия. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007.

[2] См. подр.: *Андреева Е.А.* «Прения о вере» как сюжетообразующий топос в житиях князей-мучеников эпохи татаро-монгольского ига // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 19. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 485–497.

быть заинтересованы в том, чтобы князь сменил веру, хотя исторически подтвержден факт ханской терпимости к вере завоеванных народов. Менгу-Тимур, как известно, сам исповедовал традиционную монгольскую веру, т. е.тенгрианство, а не ислам [3: 59], и находился с Русью «в спокойных отношениях», выдал православной церкви ярлык, освободил ее от налогов и предоставил автономию во внутренних делах [3: 60]. Очевидно, что реальный Менгу-Тимур (а не художественный образ, созданный в «Степенной книге») не мог потребовать от русского князя смены веры, но мог настаивать на подчинении своей воле и власти. Цель автора текста вполне конкретна – представить героя мучеником за веру, апологетом православия, увести конфликт от междоусобного (возможно, оклеветали Романа Ольговича его соперники за Рязанские земли пронские князья) и придать ему религиозное наполнение (одна из наиболее частых моделей объяснения гибели русского князя в Орде). Ранее распространенная модель взаимоотношений русских князей, основанная на борьбе за власть, междоусобных распрях, уходит на второй план, вытесняется с появлением более масштабных противоречий: свои и чужие, русские и татаро-монголы, православные и иноверцы. Это можно проследить на примере системы жанров, глядя на то, как постепенно на периферию отходит жанр повести о княжеских преступлениях, а более актуальными становятся тексты о гибели князя в Орде, которые можно рассматривать как повести или жития (в зависимости от наполнения каждого отдельного памятника).

Таким образом, защита веры в рассматриваемом тексте предстает в нескольких аспектах:

– отказ от веры противника;

– гневная речь, обличающая веру ордынцев;

– мученичество (причем описанное очень натуралистично и подробно) как элемент топоса imitatio Christi;

– уподобление героя другим святым христианской церкви (Якову Перскому, Борису и Глебу, Михаилу Черниговскому);

– поступок князя становится способом обретения «венца» – символа мученичества за веру.

Очевидно, что данное убийство не религиозное (каким оно представлено в тексте), а политическое (отголоски ссоры удельных князей в борьбе за власть, неповиновение хану, который признавался легитимным правителем на Руси, именовался «царем», несмотря на часто сопровождавшие любого хана оценочные определения вроде «окаянный», «злочестивый» и т. п.). А потому и наказание Романа Рязанского весьма жестокое, такое, каким оно должно было быть при нарушении границ между правителем, обладающим властью, и его подчиненным.

Текст главы 10 представляет героя «земли Литовьстѣи» Войшелка, сына князя Миндовга. В отличие от православного с рождения Романа Ольговича, православие для Войшелка – это выбранные путь и религия: «…его же избра Господь поборника по правѣи вѣрѣ. Възненавидѣ же вѣру свою поганую, но благоразумно позна истинную вѣру христианьскую…» (543). Более того, перемена веры свидетельствует о его избранности. Путь этот тернистый и непростой, связанный с обучением, осознанием и принятием новой веры как единственно истинной, он требует отлучения от семьи и привычной обстановки: «И отшедъ в гору Синаискую отъ отца своего и отъ роду своего, и крестися въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, и научися святымъ книгамъ, и пострижеся въ иноческии чинъ, и пребысть тамо три лѣта, и оттуду паки прииде в землю свою» (543). Не менее важным является мотив избранничества главного

героя. Обращает на себя внимание лексика, подобная той, что использовалась в повествовании о Романе Рязанском: истинная вера противопоставлена вере поганой; отец героя, так же как и татаро-монголы, прибегает к уговорам и устрашениям (ласканиям и прѣщениям). Войшелк представлен в ситуации выбора, однако его выбор менее очевиден, чем выбор рязанского князя, и более сложен, так как он вступает в конфликт с собственным отцом, выбирая верность Отцу небесному, Миндовг же предстает в роли искусителя: «Отець же его, понганъ сыи, и ласкаше его то ставити вѣру христианьскую, и отложити чернечество, и приати царство свое» (543). Взамен царства небесного (которого можно достичь будучи христианином) Миндовг предлагает царство земное. Конфликт внутрисемейный между отцом и сыном, в отличие от политического в ситуации с Романом Рязанским, перерастает в религиозный. Результат этого противоречия таков: Войшелк оставляет отца, сулящего ему власть, и создает «монастырь въ христианѣхъ», в котором живет, «работая Богу» (544). Войшелк Литовский выходит из данного конфликта победителем (не только в смысле нравственном): он сумел не просто отстоять свое право на выбор веры без учета родительских пожеланий, но и выполнил задуманное, поступил, как считал верным, не принимая мученический венец.

Однако история литовского княжича на этом не заканчивается: сумев отстоять право выбора веры, он не отказывается от отца земного, а потому после его гибели от руки врага, будучи иноком, «сжали си зѣло, и яко не хотящю ему сътворити отмщениа крови отца своего, но обаче яко Богомъ подвизаемъ на поганую литву за кровь христианьскую, и измѣни ризы своя чернеческиа, обѣща же ся паки възложити ихъ на ся в третие лѣто, устава же мнишеского не измѣни» (544). Еще один конфликт – внутренний: герой решает, как поступить

в нелегкой ситуации – мстить за смерть отца или остаться в стороне от мирских распрей – и меняет монашескую рясу на доспехи воина. Вопрос снова решается с «божьего попущения»: отмщение за Миндовга представлено как одобряемое Богом, так как оно будет направлено против «поганых».

Князь-инок преображается в князя-воина, и в повествование включается краткая воинская повесть, воспроизводящая основные события довольно обобщенно и абстрактно: «И съ приателю отца своего множество воинства съвокупи. И помолився Христу, иде на поганую литву и поплѣни землю ихъ» (544; древнерусский книжник называет родную Войшелку Литву «поганой», таким образом сближая представления о ней с представлением об Орде). Дальнейшие слова отражают результаты боя: «И мнози отъ оружиа падоша, прочии же литовьстии людие во Псковъ бѣжаша, яко до трею сотъ съ женами и съ дѣтми, и крестишяся» (544). Приступая к битве, помолившись Богу, Войшелк Литовский добивается не просто победы – он одолевает врага физически и показывает свое нравственное превосходство, становится примером для подражания. Главный итог не количество убитых врагов и предателей, а около трех сотен человек, принявших христианскую веру. Утверждение христианства как истинной религии и есть его главная заслуга.

Дальнейшая судьба героя в тексте «Степенной книги» не прослеживается, однако в Ипатьевской и литовско-русских летописях содержатся сведения о князе. Известно, что Войшелк правил Литвой предположительно с 1264 по 1267 г., продолжал политику Миндовга по объединению Литвы и укреплению великокняжеской власти, распространял и поддерживал православие, но был убит во Владимире русскими князьями[1] (т. е. также принял мученическую смерть в

[1] См. подр.: *Огицкий Д.П.* Великий князь Войшелк // Богословские труды. Сб. 24. 1983: http://www.odinblago.ru/knaz_voishelk (дата обращения: 24.04.2020).

междоусобных распрях; эти сведения были, очевидно, сознательно исключены составителями «Степенной книги»).

Последняя фраза текста о литовском князе-иноке не связана с его жизнью или смертью, а отсылает читателей к более актуальной для Руси теме, к ситуации с татаро-монголами: «Бысть же веселие по всеи земли христианьстѣ и на многа лета, яко тогда и въ Орде умре безбожныи царь Беркаи, и наипаче же бысть ослаба христианомъ» (544). Именно поэтому отсутствуют сведения о гибели Войшелка: основными противниками, с точки зрения древнерусских книжников, являются безбожные захватчики-иноверцы, ведь одолеть врагов-литовцев силой молитвы оказалось легко, а одержать верх в противостоянии с ханом и его приспешниками невозможно; а потому логично, что Роман Ольгович в конфликте погибает, а Войшелк становится победителем.

Во втором из рассматриваемых текстов защита веры предстает в следующих аспектах:

– возможность самостоятельно выбрать веру и ее исповедовать;

– противостояние родственнику-искусителю, предлагающему земное царство вместо небесного;

– битва с иноверцами и победа.

Особенностью данного текста является отсутствие защитительных и вообще каких бы то ни было речей, речи заменены поступками, которые автор воспроизводит (если сравнить с летописями, то весьма избирательно).

Романа Рязанского и Войшелка Литовского объединяет не только защита православной веры как истинной, но и нравственная победа над врагом, несмотря на то что русский князь гибнет (не находит в лице врагов последователей своей веры, а лишь хулит веру противника) и стано-

вится святым, а литовский побеждает противника и своим примером убеждает побежденных принять православие.

Стоит обратить внимание на то, что основной корпус текстов 9 степени посвящен рассказу о жизни и деяниях князей: Даниила Московского, Довмонта Псковского, Федора Смоленского, наряду с которыми речь идет о Романе Рязанском и Войшелке Литовском. Что же объединяет данные повествования? Только ли хронология? Перед читателями предстают различные типы князей, причисленных к лику святых: святой благоверный князь, родоначальник московской ветви Рюриковичей, известный своим миролюбием; князь-воин; благоверный князь, ставший зятем хана и принявший власть монголо-татар; князь – мученик за веру; князь-инок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Е.А.* «Прения о вере» как сюжетообразующий топос в житиях князей-мучеников эпохи татаро-монгольского ига // Герменевтика древнерусской дитературы. Сб. 19. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 485–497.

2. *Огицкий Д.П.* Великий князь Войшелк // Богословские труды. 1983. Сб. 24: http://www.odinblago.ru/knaz_voishelk (дата обращения: 24.04.2020).

3. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.

4. Степенная книга царского родословия. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 542–544.

Т.Е. Владимирова
МГУ имени М.В. Ломоносова

Слово как языкотворчество и ключ к самопознанию

T.Ye. Vladimirova
Lomonosov Moscow State University

Word as Language Creation and a Key to Self-knowledge

Статья посвящена рассмотрению креативного потенциала восточнославянских языков, который проявился в процессе обособления диалектов в самостоятельные языки. И здесь закономерно встает вопрос: сохраняются ли в языке, речи и дискурсе ценностные представления и установки, общие для всех восточных славян?

В поисках ответа сосредоточим внимание на паремической картине мира, которая является едва ли не самым достоверным отражением восточнославянского «выразительного и говорящего бытия»[1] и самобытных языкотворческих тенденций. Исследовательский интерес к истокам обусловил целесообразность обращения к русинскому наследию, которое позволяет с большей полнотой проанализировать пословицы восточных славян.

В этой связи заметим, что «коренное русское население Карпатской Руси (Галичины, Буковины, Подкарпатской

[1] *Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. С. 8.

(Угорской) Руси) долгое время сохраняло не только свою русскость, но и осознание своей принадлежности к единому русскому народу и единой русской культуре»[1]. Так, в исторической памяти русинов живет предание о крещении и принятии письменности от первосвятителей Кирилла и Мефодия, а также о пребывании на их земле Андрея Первозванного.

В отсутствие исторических источников подобные свидетельства обычно рассматриваются как проявление любви к родному языку и культуре. Вместе с тем исследование М. Юрасова позволило сделать вывод о существовании определенной группы русинов, которые были крещены св. Мефодием или его учениками[2]. Так, обращение к исторической памяти одного из самых разделенных народов позволило восполнить лакуны в понимании восточнославянской духовной культуры.

Чтобы приблизиться к пониманию того субстрата, в котором формировалась восточнославянская ментальность, сосредоточим внимание на мифологемах Неба-отца и Земли-матери, которые воспринимались как оплодотворяющее (мужское) и рождающее (женское) начала.

Известны и наделенные магической функцией формульные вокативы: *Ты, Небо-отец, ты, Земля-мать!* – которые составляют родительскую пару и часто используются в заговорах и обрядовых действах[3]. Так, в древнерусском сознании утвердилось целостное мировосприятие и понимание взаимодополнительности мужского и женского начал.

---

[1] *Суляк С.Г.* Русины: уроки трагической истории // Русин. [Кишинев], 2008. №3–4(13–14). С. 7.

[2] *Иванов Ю.В.* Этническое самосознание русинов Севера Молдавии // Русин. 2007. №4(10). С. 80; *Юрасов М.* Новые данные о крещении предков русинов св. Мефодием или его учениками // Русин [Кишинев]. 2005. №2(2). С. 52.

[3] *Владимирова Т.Е.* Дохристианские верования восточных славян // Логический анализ языка. Понятие веры в различных языках и культурах. М.: Гнозис, 2019. С. 426–428.

Приступая к анализу паремий, мы будем опираться на гнездовой принцип их презентации и систематизации, который традиционно используется при классификации языковых, речевых и текстовых единиц.

Возвращаясь к мифологемам Неба-отца и Земли-матери, представим гнездо паремий, отметим **тождественность**, **близость** или **самобытность** их образно-смысловой и лексико-грамматической организации. (Первая цифра перед паремиями соответствует порядковому номеру пословичного гнезда, а вторая – отношениям тождественности (1), близости (2) или самобытности (3) их образно-смысловой и/или лексико-грамматической организации.)

1.1. *Жона – земля, а чоловік – насіня* (русин.);
Жінка – земля, а чоловік – насіння (украин.).
Женщина – земля, а мужчина – семена (русск.);
Жанчына – зямля, а мужчына – насенне (белор.)[1].

Дошедшие до нашего времени восточнославянские пословицы характеризуются также общностью ценностных представлений о семье и доме, о значимости его хозяина и хозяйки, о добрых взаимоотношениях всех домочадцев. Но в этих паремиях активно проявляются их самобытные особенности как свидетельство языкотворческого потенциала русского, белорусского, русинского и украинского языков. Приведем эти пословицы:

2.1. *Двор без гаспадара плача* (белор.);
Без господаря двір плаче (украин.).
2.3. *Без хозяина – дом сирота* (русск.);
Без вўвчаря и вўвці не отара (русин.).

[1] Лексемы *женщина* и *мужчина* зафиксированы в древнерусской письменности с XVI в., что позволяет рассматривать соответствующие пословицы как варианты более ранних пословиц с лексемами *жена*, *человек* (с XI в); *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык. 1993: Т. 1. С. 298–299; Т. 2. С. 378.

Но творцом Вселенной, «отцом и матерью всех богов» у восточных славян был **Род**, который остается, по словам Б.А. Рыбакова, «самым загадочным и наименее изученным из всех славянских божеств»[1]. Тем большую значимость приобретает русинское предание о том, как были созданы из земли Родом-Отцом первые люди (*чуловик та жинка*). Когда же они прогневили своего творца, Род как верховный судия отправил их в преисподню. А чтобы *нэ вэлиз Тато-Яма, А з нэм и Пэрва Мама Вэлэка Яма, Рид-Вотэц Вэлэкий* сотворил Карпаты. Поэтому, когда в Карпатах дрожит земля, русины говорят, что это *хоче вэлизтэ з вэлэкуи ямэ пэрвый чулувик: а вин вэрис такий здоровэй, шо трусэ Карпатэ и усю зэмлю*[2].

Культ Рода скреплял членов одного родственного клана, объединяя всех мужчин большой семейно-родовой общности. Так, в сознании утверждались общинные ценности, а на их основе возникали тождественные или близкие по смыслу пословицы.

4.1. *Доброе братство – лучшее богатство* (русск.);
Добрае братэрства – лепшае багацце (белор.);
Добре братство – краще багатства (украин.).

4.2. *Доброє братство милує богатства* (русин.).

После Крещения Руси всесильный Род продолжал восприниматься как «довольно грозная еще общественная сила»[3]. О всевластии судьбы, записанной в книгу Рода, свидетельствуют и пословицы, укорененные в сознании восточных славян. Приведем эти «народные афоризмы»,

[1] *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. С. 438.

[2] *Иванов Ю.В.* Мифологические параллели в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» и в преданиях русинов Севера Молдавии // Золотой Лев. №97–98: http://www.zlev.ru/97_1.htm (дата обращения: 20.01.2020).

[3] *Комарович В.Л.* Культ Рода и земли в княжеской среде XI–XII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1960. Т. XVI. С. 103.

обращая внимание на характерную для них образно-смысловую и лексико-грамматическую тождественность, а также на общность архаичного мировосприятия и экзистенциально напряженного бытия, за которыми стоят унаследованные ценностные представления.

5.1. *Такова его судьба* (русск.);
Такі яго лёс (белор.);
Така його доля (украин.);
5.3. *Так му было суджено* (русин.).

Крещение Руси упрочило общность лингвокультурных истоков всех восточных славян и способствовало введению в образно-смысловую ткань паремической картины мира пословиц, которые восходят к библейским текстам и поэтому отличаются слабой вариативностью. Это значительный по объему фрагмент восточнославянской паремической картины мира.

6.1. *Бог судит лишь того, кто обидит кого* (русск.);
Бог судзіць толькі таго, хто пакрыўдзіць кого (белор.);
Бог судить лем того, ко вразить дакого (русин.);
Бог судить лиш того, хто образить кого (украин.).

Настоящая статья носит поисковый характер, и в ней мы ограничились представлением лишь 6 из 15 проанализированных пословичных гнезд. Собранный и рассмотренный материал позволил выявить в них отношения тождественности, близости или самобытности образно-смысловой и лексико-грамматической организации. Согласно проведенным подсчетам, отношения тождественности характерны для 60% паремий, близости – для 14%, самобытности – для 26%.

Следовательно, креативные тенденции русского, белорусского, русинского и украинского языков проявились еще на этапе их становления. Что же касается высокой доли тождественных пословиц, то она тоже вполне объ-

яснима. Лингвистические языки возникали не на пустом месте, а надстраивались над генетическим кодом, восходящим к глубокой древности. Это и обусловило изоморфизм генетического и языкового кодов[1], а следовательно, изначальное родство славянских, а позднее восточнославянских языков.

Возникшее на этом фундаменте общее «смысловое поле» обеспечивало потенциальную готовность к взаимодействию и взаимопониманию. Что же касается трагической судьбы русинов, то они «сохраняют свою генетическую приверженность к Восточной Славии»[2].

Вместе с тем своеобразие исторического пути и экзистенциального опыта бытия привносилось в межэтнические контакты. Как следствие, взаимодействие могло ослабляться, затрудняться, прерываться и постепенно угасать, а общение на родном языке – сокращаться в силу приоритетности контактов на государственном языке. Так, в национальных паремических картинах мира, с одной стороны, проявлялись самобытные особенности, отражающие ценностные представления, смысложизненные установки и накопленный опыт бытия, а с другой – возникали иноязычные заимствования.

В заключение подчеркнем, что исследовательское внимание к этногенетическим истокам восточнославянской ментальности отвечает задаче самопознания восточных славян, которая была выдвинута академиком Н.И. Толстым в его работах, посвященных созданию «атласа духовной культуры».

---

[1] *Маковский М.М.* Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. 2-е изд. М.: URSS, 2007. С. 18–19.

[2] *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин [Кишинев]. 2016. № 3(45). С. 126.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 731 с.

Владимирова Т.Е. Дохристианские верования восточных славян // Логический анализ языка. Понятие веры в различных языках и культурах. М.: Гнозис, 2019. С. 421–433.

Иванов Ю.В. Мифологические параллели в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» и в преданиях русинов Севера Молдавии // Золотой Лев. № 97–98: http://www.zlev.ru/97_1.htm (дата обращения: 20.01.2020).

Иванов Ю.В. Этническое самосознание русинов Севера Молдавии // Русин [Кишинев]. 2007. № 4(10). С. 80–96.

Комарович В.Л. Культ Рода и земли в княжеской среде XI–XII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1960. Т. XVI. С. 84–104.

Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. [Кишинев], 2016. № 3. С. 119–128.

Маковский М.М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. 2-е изд. М.: URSS, 2007. 201 с.

Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород: [Б.и], 2011. 241 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981, 608 с.

Санько З.Ф. Краткий русско-белорусский словарь пословиц, поговорок и фразем. Минск: Навука I тэхнIка, 1991. 245 с.

Суляк С.Г. Русины: уроки трагической истории // Русин. [Кишинев], 2008. № 3–4 (13-14). С. 7-34.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык. 1993: Т. 1. 623 с.; Т. 2. 560 с.

Юрасов М. Новые данные о крещении предков русинов св. Мефодием или его учениками // Русин. [Кишинев], 2005. № 2(2). С. 46–54.

Н.Н. Вольская
МГУ имени М.В. Ломоносова

Образы «своих» в «Теребенёвской азбуке»

N.N. Volskaya
Lomonosov Moscow state University

The Images of “Their” in “Terebenevskiy ABC”

Материалом нашего исследования явилось уникальное произведение, созданное в 1815 г. и вошедшее в историю под названием «Подарок детям в память 1812 года», более известное как «Теребенёвская азбука».

Начало Отечественной войны 1812 года поставило перед русским обществом ряд сложнейших вопросов. Одним из них был вопрос о том, как отстоять независимость Отчизны, ведь уже в ходе первых боев стало ясно: чтобы сдержать натиск врага, необходимы объединенные усилия всех социальных групп, самоотверженная борьба не только военных, но и крестьянства. Таким образом, война должна была обрести статус народной. С целью популяризации идеи народной войны русскими художниками – профессионалами и любителями – была использована форма «летучих листов», которые и явились первыми политическими карикатурами в России. Не все политические карикатуры были подписными, но лучшие образцы были созданы А.Г. Венециановым, И.А. Ивановым и И.И. Теребеневым.

Предположительно И.И. Теребенев был и автором стихов, подписей к буквам. Каждый лист содержал двустишие, начинавшееся или заканчивавшееся на определенную букву русского алфавита. После Отечественной войны 1812 года было принято решение объединить два сюжета И.А. Иванова и А.Г. Венецианова и 32 сюжета И.И. Теребенева в разрезную азбуку «Подарок детям в память о событиях 1812 года», которая была напечатана в 1815 г., получив название «Теребенёвской азбуки» по имени наиболее активного из авторов «Азбуки».

Политическая карикатура – это одновременно и жанр художественного произведения, и средство борьбы с врагом, и «зеркало жизни», и показатель общественного мнения, и эффективное средство его создания. Если посмотреть на карикатуру с точки зрения массового производства сатирической графики, ее доступности всем социальным слоям, то станет очевидно влияние этого жанра на умонастроения людей во время Отечественной войны 1812 года. Близкая к фольклору в силу сложившейся в России к этому моменту техники исполнения и использования элементов разговорного языка, карикатура имела огромное влияние на простых людей, поскольку затрагивала не только сферу рационального мышления, но и воздействовала на эмоции. Графическое изображение, особенно при многократном повторении, легко запоминается и долго хранится в человеческой памяти. Это делает политическую карикатуру важным социокультурным феноменом, кроме того она является составляющей общественного сознания эпохи и источником информации об Отечественной войне 1812 года. Злободневный характер политической карикатуры определяют три функции[1]:

[1] *Вольская Н.Н.* Прецедентные вербально-визуальные феномены как основа историографии в «Теребенёвской азбуке» – первой политической карикатуре в России // Медиаскоп. 2015. № 3: http://www.mediascope.ru/node/217 (дата обращения: 12.03.2020).

– манипулятивная, направленная на создание у общества определенного отношения к какому-либо важному социальному, политическому событию или политику. Именно поэтому карикатуру можно определить как реализацию манипулятивной стратегии утверждения определенных идей;

– персуазивная, нацеленная на формирование общественного мнения;

– коммуникативная.

Задача большинства политических карикатур – освещение важнейших для государства и общества событий и проблем.

Карикатура представляет собой креолизованный текст, т.е. «особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата»[1]. Карикатура – это единство двух самостоятельных знаковых систем: вербальной и иконической, состоящей из невербальных, изобразительных знаков, имеющих отличную от вербальных текстов форму выражения. Иконическая знаковая система представляет собой организованную совокупность знаков, имеющую единую природу носителя – изображение.

Таким образом, карикатура – это, с одной стороны, графическое отображение протекающих в обществе явлений, а с другой – вербальный текст. Будучи взаимосвязанными друг с другом, эти компоненты представляют собой смысловое единство. Вопрос о взаимодействии вербальной и визуальной части является ключевым в исследовании креолизованного текста. При изучении политической карикатуры ученые часто отмечают, что именно графика выполняет главную функцию. Текст подписи под карикатурой, филактера или

[1] *Анисимова Е.Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 73.

на предметах, изображенных в визуальном пространстве карикатуры, сведен к минимуму и используется лишь для актуализации того или иного компонента значения; в данном случае он непосредственно связан с определенной буквой русского алфавита. Основным принципом связи композиционных элементов карикатуры является содержательная взаимодополнительность. В соответствии с этим смысл карикатуры складывается из смысла всех ее элементов в совокупности. Диалогичность текста, проявляющаяся в цепочке «автор – текст – читатель», создает персуазивное воздействие на читателя. Таким образом, карикатура, как креолизованный текст, является проводником от адресанта, т. е. создающего сознания, к адресату, т. е. воспринимающему сознанию. Таким образом, реализуется коммуникативная функция карикатуры: с помощью текста автор вступает с читателем в диалог. Персуазивность данного вида креолизованного текста реализуется через вербальное и невербальное воздействие на реципиента – на его индивидуальную картину мира, в том числе на мнения, суждения и оценки. Персуазивные цели политической карикатуры реализуются посредством оценки адресантом событий действительности с целью формирования заданного адресантом отношения адресата к этим событиям. Оценка адресанта выражается имплицитно в непосредственном содержании данного вида креолизованного текста. Чтобы адекватно декодировать содержание такого текста, адресату необходимо обладать фоновыми знаниями. Оценка реализуется в политических карикатурах посредством тактик изменения концептуальных представлений адресата об имеющейся картине мира. Инструментами реализации оценки адресанта на языковом и визуальном уровнях выступают: метафора, метонимия, сравнение, прецедентная ситуация. К собственно вербальному уровню относятся: языковая

игра, эпитет, риторический вопрос, просторечие, жаргонизм, диалектизм, прецедентные имена и тексты.

Авторам первых русских карикатур как политической визуальной сатиры периода Отечественной войны 1812 года было присуще намерение сделать созидаемую социальную солидарность реально существующей и, следовательно, народной. Визуальная информация имеет причинно-следственную связь с действительностью, поэтому карикатуры играют главную роль в визуализации образов «чужих» и «своих» – защитников. Карикатура, как и другие виды креолизованного текста: фотография, иллюстрация, коллаж, – моделирует образ как «чужого» – врага, так и образ «своего» – воина, защитника Отечества. Главное отличие карикатуры от, например, фотографии в том, что она предлагает реципиенту уже готовый образ «своего», поддерживающий национальную идентичность и показывающий превосходство русских и, таким образом, способствующий их победе над врагом.

Под образом «своего» принято подразумевать того, кто похож на субъекта речи физически, эмоционально, обладает такой же картиной мира.

Отечественная война 1812 года повлияла на менталитет русских людей: на внутренний мир, на их реакции на происходящее, на эмоциональное состояние и черты характера. «“Менталитет” (от лат. “mens”, “mentis” – “ум” и “alis” – “другие”) – система своеобразия психической жизни людей, принадлежащих к конкретной культуре, качественная совокупность особенностей восприятия и оценки ими окружающего мира, имеющих надситуативный характер, обусловленных экономическими, политическими, историческими обстоятельствами развития данной конкретной общности и проявляющихся в своеобычной поведенческой активности»[1].

[1] *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. С. 217.

Специфика национального менталитета, следовательно и декодирования, заключается в различных, присущих определенной культуре ценностях, архетипах, стереотипах, ведь именно в них раскрывается аутентичное для всего народа мироощущение и мировосприятие. Менталитет выражается через систему взаимосвязанных элементов, складывающихся на протяжении всей истории существования нации. Основные элементы этой системы: язык, мифотворчество, национальная память, мораль, история и отношение к ней; религия, ее значение в формировании нации, преобладающая религия; национальная культура, система ментальных символов, преобладающее отношение к жизни, закону, семье, работе и т. д.

В креолизованных текстах «Теребенёвской азбуки» два главных лица: «свое» (защитник) и «чужое» (захватчик). Все карикатуры построены на антитезе «захватчики» – «защитники». Французы, «захватчики», наделены такими качествами, как трусость, заносчивость, недалекость, слабость. Русские, напротив, обладают такими качествами, как мощь, мужество, сила, сметливость, справедливость, доброта, милосердие, юмор. Образы защитников Отечества представлены в 18 карикатурах на буквы: А, Ж, Е, И–І, К, М, О, П, Ф, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Ѣ, Э, Ѳ, Ѵ.

«Свои», защитники Отечества, представлены тремя группами героев: 1) военные (солдаты, казаки и офицеры – буквы А, М, Ш, Ъ, Ы, Ѣ, Э, Ѳ, Ѵ); 2) женские образы крестьянок (Василиса Власьевна Кожина, молодые женщины, древняя старуха – буквы Е, И–І,Ф); 3) подростки и дети (пастухи) – буквы Е, И–І, Ѵ).

Образы героев в карикатурах являются репрезентацией антитезы «свои» – «чужие», т. е. «захватчики» – «защитники», и одновременно служат кодом для раскрытия их внутреннего содержания. Карикатуры не претендовали на

документальную правдивость. Единственное, чем руководствовались ее создатели, – требованием узнаваемости. Внешность «захватчиков» художники создавали с опорой на этнические стереотипы (большие «галльские» носы», худощавость и сутулость французов, «маленький» рост и толщина Наполеона). Русские, «свои», изображены неправдоподобно большими, с лихо закрученными усами, в динамике; их позы, жесты, телодвижения говорят о бесстрашии, справедливом гневе, намерении во что бы то ни стало отстоять Отечество. Нарушение пропорций в изображении тел героев связано с идеей укоренить в сознании реципиентов представление о жалкости и никчемности захватчика, презрение к поверженному врагу и в то же время прославить защитников Отечества, запечатлеть на бумаге их подвиги. Подобным примером прославления является карикатура на букву К (автор И.И. Теребенев). На ней изображен крестьянин, который собирается отрубить себе левую руку. Подпись под рисунком: «Как черному царю на Руси не царить, так имя на руке его мне не носить». По сохранившемуся преданию, крестьянина, попавшего в плен к французам во время войны 1812 года и отличавшегося богатырским телосложением, решили взять на службу во французскую армию. В знак того, что отныне он принадлежит Наполеону Бонапарту, на его руку поставили клеймо с буквой «N». Крестьянин, не желая служить врагам Отечества, отрубил себе руку топором. Такое мужество вызвало уважение у противника, и пленный был освобожден. Поступок этого русского крестьянина И.И. Теребенев сравнивает с подвигом древнеримского Гая Муция Сцеволы, который в 508 г. до н. э. пожертвовал рукой во имя спасения родины.

Другим примером прославления не только мужества, но и милосердия русского защитника является рисунок на букву О. На нем изображены русские солдаты, кормящие

пленных французов. Подпись под карикатурой: «Один лишь росс в врагах чтит христианску кровь. Сколь месть его страшна, столь искренна любовь».

Символом бесстрашия, праведного гнева и справедливого возмездия являются женские образы, изображенные на карикатурах к буквам Е, И–І, Ф. Так, на рисунке к букве Ф изображена молодая крестьянка, готовящаяся поджечь избу с заключенными в ней французами. Подпись к карикатуре: «Французов, как мышей, словила в западню. Не будь их дух в Руси, я всех предам огню». На рисунках к буквам Е и И–І (автор А.Г. Венецианов) изображена Василиса Власьевна Кожина. Известно, что она, будучи вдовой сельского старосты хутора Горшкова Сычевского уезда Смоленской губернии, мстила за смерть замученного французами мужа и, будучи женщиной сильной и мужественной, собрала и возглавила партизанский отряд. Она несколько раз участвовала в конвоировании пленных французов в город Сычевка и однажды убила косой пленника, не желавшего подчиниться женщине. После войны Кожина была награждена Александром I серебряной медалью и денежной премией. В 1812 г. в журнале «Сын Отечества» (в № XI под рубрикой «Смесь») появилась заметка под названием «Старостиха Василиса». Под рисунком карикатуры на букву И–І подпись: «Ребятушки! Напартов здесь так много. Слышь, Власьевна! Держи на привязи их строго!»

Первая российская политическая карикатура – «Теребен1вская азбука» – представляет собой лингвовизуальный феномен и является жанровой разновидностью креолизованного текста, состоящего из двух негомогенных частей: вербальной (языковой, речевой) и невербальной (принадлежащей к другим системам, нежели естественный язык). В политической карикатуре рассматриваемого периода слово и рисунок – два равноправных вида знаков.

Подпись к каждому рисунку либо начинается, либо заканчивается на определенную букву, либо содержит ее в рифмованных окончаниях слов в подписи к карикатуре. «Теребенёвская азбука» предлагает читателям готовый образ защитника Отечества, поддерживающий национальную идентичность, показывающий превосходство русских и таким образом способствующий их победе над врагом.

Разрезная азбука «Подарок детям в память о событиях 1812 года» предоставила читателям возможность усвоить патриотические идеалы и духовные ценности российского общества, воспитать в подрастающем поколении патриотизм и гуманизм. Креолизованные тексты «Теребенёвской азбуки» формируют у реципиентов представление о формировании черт национального российского менталитета, об общенациональных культурных предметах, входящих в когнитивную базу российского лингвокультурного сообщества и имеющих надличностный инвариантный характер. Политическая карикатура – важный социокультурный феномен, она является также составляющей общественного сознания эпохи и источником информации об Отечественной войне 1812 года. Именно этим определяется еще одна важнейшая ее функция – функция историографии Отечественной войны 1812 года.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. №1. С. 73.

Вольская Н.Н. Прецедентные вербально-визуальные феномены как основа историографии в «Теребенёвской азбуке» – первой политической карикатуре в России // Медиаскоп. 2015. №3: http://www.mediascope.ru/node/217 (дата обращения: 12.03.2020).

Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.

М.М. Громова
МГУ имени М. В. Ломоносова

Словения в русскоязычных изданиях словенской детской литературы

M.M. Gromova
Lomonosov Moscow State University

Slovenia in Russian-language Editions of Slovenian Children's Literature

С 1955 г. на русском языке опубликовано значительное количество произведений словенской детской литературы. На основе русских переводов словенских сказок выходили рисованные и кукольные диафильмы; издавались сказки и на виниловых пластинках. В настоящем обзоре мы рассмотрим, насколько соответствует действительности образ Словении, складывающийся из переводов словенской детской литературы на русский язык и иллюстраций к ним.

Словенские народные сказки публикуются на русском языке начиная с 1956 г., сперва в переводах с сербскохорватского языка, причем содержат перенесенные из языка-посредника сербские фольклорные элементы (заморская вила вместо словен. *morska deklica* 'русалка') и реалии времен османского ига, которого в Словении не было (визирь). Отдельные лексемы остаются без перевода: юнак (словен. *junak* 'богатырь, герой'), жупан (словен. *župan* 'мэр'). Имя главного героя

сказки **«Пшеница – лучший цветок»** *Peter* транслитерировано как *Петар*, что с учетом русской редукции приблизительно соответствует словенскому произношению, но не написанию, – такое написание как раз характерно для сербского языка. На иллюстрациях Ф.В. Лемкуля главный герой сказки по-словенски русоволос; однако он и остальные крестьяне одеты по-балкански, король – в подобие русского кафтана, королевская дочь – в условно-европейском стиле. В одноименном диафильме 1986 г. уже все персонажи выглядят как балканские славяне. В диафильме **«Петер-молоток»** 1989 г. о фольклорном персонаже Петере Клепце имя главного героя уже транслитерировано в соответствии со словенской орфографией: *Петер*. Все персонажи хоть и голубоглазы-белокуры, но по-прежнему одеты на балканский манер.

В 1973 г. в сборнике сказок **«Пастушка Анка»** опубликована сказочная повесть Тоне Селишкара **«Дед Сом»**. На иллюстрациях персонажи-словенцы нисколько не похожи на словенцев: они носят традиционную одежду балканских славян, смуглы, усаты и черноволосы.

В 1977 г. выходит сказка **«Кто сшил Видеку рубашку»** Франа Левстика. На иллюстрациях Г. Коптеловой братья и мать Видека не по-балкански русоволосы, но их одежда всё еще напоминает сербский народный костюм.

На иллюстрациях к сказке **«Пастушок»** в сборнике 2014 г. русый голубоглазый пастушок одет по-балкански (лишь на голове у него тирольская шляпа с пером), в то время как одежда вил – вольная фантазия на тему средневекового наряда знатных дам.

В сказке Элы Пероци **«Мой зонтик – легкий шарик»** (1983, пер. Л. Яхнина) изменены имена почти всех детей. В оригинале их зовут Мишко, Ченча, Пика, Ченчек и Юрий (*Miško, Čenča, Pika, Čenček, Jurij*), а в переводе – *Мичек, Ченка, Пика, Борко* и *Юре*.

Диафильм **«Мой зонтик – легкий шарик»** (1982) содержит еще больше изменений. Так, главную героиню сказки *Елку* в диафильме зовут *Миленка*. Ни из основного текста, ни из титров диафильма невозможно узнать, что сказка написана словенской писательницей, а события происходят в Любляне. Город на рисунках В. Дранишниковой не имеет никакого сходства с Любляной, все упоминания Любляны и местных топонимов убраны.

На иллюстрациях К. Сапегина к диафильму по сказке Леопольда Суходольчана **«Пико-динозавр»** (1983) ни упомянутые в тексте реалии (*Городской парк*, *овощной рынок*, *Музей*), ни придуманные художником (башня, мост через реку) не имеют сходства с пейзажами Любляны или какого-либо иного словенского города.

В сборник **«Давайте расти! Стихи югославских поэтов»** в переводах Л. Яхнина (1986) вошли шестнадцать стихотворений одиннадцати словенских авторов. В предисловии переводчика упомянуты «словенец Отон Жупанчич», «Тоне Павчек, Нико Графенауэр, Дане Зайц, Каэтан Кович из Словении». В оглавлении книги рядом с каждым стихотворением отмечено, с какого языка выполнен перевод, однако внутри книги рядом с текстом стихотворений указано лишь имя автора без указания социалистической республики, откуда он родом, или языка оригинала. Иллюстрации, как правило, лишены национальной конкретики и отображают современную жизнь в городе. Явное несоответствие реалиям заметно прежде всего в пейзажах: так, на иллюстрациях Е. Кудрявцевой к **«Старушке Стоушко»** словенской поэтессы Саши Вегри вторые этажи городских домов выдаются вперед, подобно балканским *чардакам*.

В переводах реалистической детской прозы, как правило, имена собственные и реалии сохраняются. Так, в повести Франце Бевка **«Тончек»** (1964, пер. О. Кутасовой)

сохранены топонимы Словении, словенские названия Горицы и окрестностей: *Сушье, Костаневица, Горица, Соча, Солкан, Олимп, Ославье, Саботин*.

В приключенческой повести Леопольда Суходольчана **«Спрятанный дневник»** (1971, пер. И. Макаровской) отец главного героя, рабочий люблянского завода «Литострой», перед смертью говорит сыну: «…поедем на несколько дней в *Каринтию*… В *Поляну*… Давно я не был на родине…». По дороге в *Поляну* герои проезжают *Савиньскую долину*, *Дравоград*, *Межишскую долину* (правильно было бы *Межицскую*), *Добрие* (?). Пропавшую девочку ищут на *Урсулиной горе* и *Темельновой горе* в окрестностях *Поляны*. Вор говорит сообщникам: «К ночи я уже буду у *Целя*». Об одном из персонажей говорят: «Поглядите, какие у него кулачищи. Словно учится на кузнеца у *Мартина Крпана*». Старый партизан вспоминает: «…нас вызвали на явку к одному крестьянину в *Ямнице*… Сначала нас бросили в *дравоградский* застенок, оттуда перегнали в лагерь в *Марибор*…».

Перевод И. Макаровской автобиографической повести Бранки Юрца **«Родишься только раз»** (1976) изобилует неточностями. Так, в оригинале дается указание на происхождение отца Бранки Юрца: *iz Pihlevih*. В переводе читаем: «Отец был родом из *Пихлевих*, *деревеньки*, находившейся в каком-нибудь километре от *Крапивы*». Однако *Пихлевы* (*Pihlevi*) – не название деревеньки, а *hišno ime* (катойконим, дворовое прозвище) семьи Юрца, одной из известнейших династий каменотесов в тех краях, история которой начинается с середины XIX века. А деревенька «в каком-нибудь (калька со словен. *kakšnem*) километре от *Крапивы*», откуда родом отец Бранки Юрца, называется Брйе и находится в обчине Сежана. Несколько поколений Юрца жили в доме по адресу Brje pri Koprivi, 4 [Premrl 2016: 232]. В переводе и прозвище, и название деревни утрачены.

В повести Франце Бевка **«Черные братья»** (1977, пер. О. Кутасовой) сохранены словенские названия окрестностей Горицы и словенского Приморья: *Кобарид*, *Соча* (с примечанием «река в Словении»), скалы *Шкабриела*, *Розовая долина* (ложный друг слависта: это *Rožna dolina* – Цветочная долина), *Пологъ*, *бришская* деревушка (правильно – *брдская*, производное от топонима *Brda*), *Гройно* (правильно – *Гройна*, *Grojna*); имена словенских поэтов Антона Ашкерца и Симона Грегорчича и словенский фольклорный персонаж Петер Клепец удостоены примечаний.

В повести Антона Инголича **«Мальчик с двумя именами»** (1980, пер. И. Макаровской) сохранены словенские топонимы: *Целе*, *Марибор*, *Савиньские горы*, *Есенице*, *Крань*, *Слеме* (в косвенных падежах, как в языке оригинала, сохраняется расширение основы – *к Слемену*, *на Слемене*). Упомянутый в тексте *Франце Прешерн*, книгу которого главный герой получает по прибытии на родину, удостаивается сноски, причем и имя, и фамилия поэта приведены с неверными ударениями: «Фра́нце Пре́шерн (1800–1849) – выдающийся словенский поэт». В переводе повести Инголича **«Тайное общество ПГЦ»** также сохранено много словенских реалий: *Бохиньское озеро*, *Прешернова улица* и *улица Ашкерца*; классный руководитель – учитель словенского языка; упоминается словенский фольклорный персонаж *Петер Клепец*, а *Иван Цанкар*, *Приможъ Трубар* и *ФО* удостоены примечаний.

Из сборника Славко Прегла **«Сказки и рассказы»** (1984, пер. Л. Яхнина) невозможно понять, в каком городе и даже в какой стране живут персонажи, на каком языке говорят. Некоторые из них носят словенские имена (*Миха, Жига, Митя, Марко, Дане* и т. п.), а некоторые – такие, которые самим словенцам кажутся «необычными» (*Пипи, Гого*). Мы узнаем, что враждующие мальчишеские группировки называются «по имени улиц: *полянцы* и *пекарцы*» (*polanci* и *pekovci*), одна-

ко названия самих улиц не указаны. На иллюстрации Кости Гатника можно прочесть: «Миха Зорник. Ул. Братов Кора. Любляна». Такой улицы в Любляне нет, есть Улица братьев Комель (Ulica bratov Komel). Судя по переводу, в мире произведения имеют хождение *рубли* и *копейки*: «Иначе несчастный Миха, вероятно, блистал бы, *как новенький рубль*»; «Когда нужно несколько *копеек* для покупки какой-нибудь детали, Жига тут же вытаскивает их из кармана». Словен. *jur* ‘банкнота номиналом тысяча югославских динаров’ в переводе становится монетой: «Миха нашел монету».

В **«Волшебной книге полезных трав»** Полонцы Ковач (2019, пер. О. Смородиной) словенские имена собственные последовательно заменены на русские: *gospa Povšetova* стала госпожой Поповой, *Mateja* – Машей, *stara Danica* – бабой Дашей и т. д. Словенские топонимы и образованные от них лексемы искажены (*Pohorje* – Погорье) или убраны: *travnik ob kamniški progi* ‘луг у железнодорожных путей, ведущих в город Камник’ стал каменистым перевалом, *Kamničan* ‘житель города Камник, здесь – поезд, который ходит в Камник’, – просто поездом, холм *Ostrež* – безымянным холмом («Prav mika me, da bi se odpeljala na *Ostrež* in si je nabrala» – «Пора бы мне слетать на тот холм и собрать чабреца для своей аптечки»).

Как видим, в переводах словенской детской литературы имена собственные могут искажаться или русифицироваться, а словенские реалии – видоизменяться или исчезать, причем их сохранность варьируется в зависимости и от жанра произведения, и от формата издания (в диафильмах она значительно хуже). На книжных иллюстрациях, выполненных русскими художниками, персонажи-словенцы зачастую выглядят как балканские славяне, а люблянские пейзажи на слайдах диафильмов весьма отдаленно напоминают настоящую Любляну.

ЛИТЕРАТУРА

Premrl Božidar. Kraški kruh: Vas Kopriva na Krasu – njeni kamnolomi in kamnarji. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2016. 432 s.

В.В. Мущинская
СПбГУ, филологический факультет

Украинские пословичные параллели в электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц

V.V. Mushchinskaia
St Petersburg University

Ukrainian Proverbial Parallels in the Electronic Dictionary of Modern Active East Slavic Proverbs

Украинские пословичные параллели в электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц[1].

Данное исследование проводится в контексте лингвокультурологии как исследовательской структуры для выявления культурных элементов пословиц. Фундаментальные принципы лингвокультурологии были заложены трудами В. Гумбольдта. Не случайно многие паремиологи подчеркивают высокую ценность паремий с позиций лингвокультурологии ([Исина 2015; Ковшова 2019; Ломакина и Мокиенко 2016; Ничипорчик 2015] и др.).

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц» (№ 20-012-00105).

Данное исследование является частью проекта по созданию электронного словаря современных активных восточнославянских пословиц. Это будет словарь русско-украинских и русско-белорусских пословичных параллелей русского паремиологического минимума. Теория паремиологического минимума и интернационального паремиологического ядра была разработана в конце XX в. профессором Г.Л. Пермяковым. Его идеи получили воплощение в многоязычном пословичном словаре и в докторской диссертации руководителя коллектива М.Ю. Котовой. Параллельно ведется работа по вычленению общеславянского паремиологического ядра.

Данный проект позволит выявить восточнославянское паремиологическое ядро, отражающее общий сегмент русской, белорусской и украинской пословичных репрезентаций мира, а также лакуны в белорусском и украинском паремиологических фондах по отношению к русским пословицам.

Русская и украинская паремиографии – сложившиеся науки с богатой историей и значимыми для европейской культуры и науки достижениями. Расцвет русской паремиографии в XIX в. связан с изданием словарей В.И. Даля, М.И. Михельсона, П.К. Симони и И.М. Снегирева. В XX в. были изданы новые словари пословиц и поговорок, составленные В.П. Аникиным, В.П. Жуковым, В.И. Зиминым, А.С. Спириным и др. Наиболее значительным изданием начала XXI в. стал «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной и Е.К. Николаевой, в котором зафиксировано около 70 тысяч пословиц и поговорок.

Первые сборники украинских паремий XIX в. традиционно были составлены в алфавитном порядке (сборники К. Зиновьева, А. Павловского, В. Смирницкого, Г. Илькевича, Н. Закревского и др.). К фундаментальным работам в области украинской паремиографии можно отнести сборник М. Номиса «Українські приказки, прислів’я і таке інше»

(СПб., 1864), шеститомный сборник И. Франко «Галицько-руські народні приповідки» (Львов, 1901–1910), трехтомное издание украинской народной мудрости, осуществленное М.М. Пазяком (Киев, 1989–1991). Современная украинская паремиография отличается не только переизданием сборников паремий, но и разработкой новых типов словарей (Т. Космеда, А. Педерсен, К. Серова и др.).

Важным вкладом в сопоставительную славянскую паремиологию стал «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями», составленный проф. М.Ю. Котовой (РССПАС). В основе словаря лежит принцип паремиологического минимума Г.Л. Пермякова, к которому были подобраны параллели из семи славянских языков, в том числе 826 украинских пословиц.

Одна из фундаментальных научных задач исследовательского проекта – выявить общеславянское паремиологическое ядро современных активно используемых пословиц. Этот проект уже несколько лет осуществляется на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Выделение русско-украинского сегмента общеславянского паремиологического ядра является частью данного научного исследования.

Первым шагом данного исследования будет анализ русско-украинских пословичных параллелей, включенных в РССПАС, демонстрация их использования в современном русском и украинском языках, сбор иллюстративного материала.

Приведем пример.

В «Тематическом указателе русских пословиц», входящем в РССПАС, русская пословица *А воз и ныне там* со значением ‘Дело, о котором очень много говорили и обещали его успешное завершение, до сих пор не начато’ относится к тематической группе «Занятия. Работа. Дело. Ученье. – Отдых. Безделье. Лень. Невежество» в разделе

«Начало – конец» (РССПАС, 182). Как известно, выражение *А воз и ныне там* – это несколько измененная цитата из басни И.А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак» (1814).

Широкое использование данной пословицы в русском языке подтверждает иллюстративной материал, взятый из Интернета.

> **А воз и ныне там!** Костромские коммунисты поддерживают жителей поселка «Первый» в их борьбе за нормальную жизнь 25 февраля жители поселка «Первый» вышли на пикет с целью защиты своего права на жизнь в достойных условиях. Акция проходила в Ботниковском сквере напротив костромской администрации. Это уже не первая их попытка достучаться до власти. Ранее люди жаловались на отсутствие дорог, пешеходных зон и уличного освещения, в домах было холодно и не было горячей воды[1].

> **А воз и ныне там**: Украина продолжает планировать эвакуацию своих граждан из Уханя[2].

РССПАС приводит украинскую параллель *А віз і нині там* (РССПАС: 31), которая является калькой русской пословицы. Обширный иллюстративный материал в Интернете показывает, что украинская пословичная параллель *А віз і нині там* активно используется.

> **А віз і нині там**. Або, про прогрес у будівництві Засульського мосту.
> Наболіла для всіх Лубенців проблема ремонту Засульського мосту, що триває вже майже 2 роки, так і не вирішилась до початку січня, як обіцяли у Департаменті будівництва, містобудування, архітектури та ЖКГ Полтавської ОДА, надіславши офіційну відповідь на інформаційний запит активістів Національного Корпусу Лубен, котрий ми відправляли 24 жовтня 2019[3].

---

[1] https://kprf.ru/actions/civilresistance/192106.html (дата обращения: 06.04.20).
[2] https://news-front.info/2020/02/12/a-voz-i-nyne-tam-ukraina-prodolzhaet-planirovat-evakuacziyu-svoih-grazhdan-iz-uhanya/ (дата обращения: 06.04.20).
[3] https://nationalcorps.org/a-viz-i-nini-tam-abo-pro-progres-u-budivnictvi-zasulskogo-mostu/ (дата обращения: 06.04.20).

> Багато розмов про корупцію, **а віз і нині там**: Новак оголосила про перезапуск роботи НАЗК Вона зазначила, що НАЗК отримала доступ до реєстрів, що зробить роботу більш ефективною і швидкою. «Знаємо, що був ухвалений закон про викривачів і хочемо подивитись, як він працюватиме. Думаємо, що громадяни України будуть свідомим, надаватимуть дійсну інформацію з підтвердженими фактами, а не вирішуватимуть питання особистих цілей. Маємо показати ефективну роботу, що ми дійсно рушили вперед у напрямку боротьби з корупцією, тому що, дійсно, багато розмов про корупцію, а віз і нині там», – сказала Новак[1].

Сопоставление украинской паремии *А віз і нині там* и русской пословицы *А воз и ныне там* показывает, что перед нами полные пословичные параллели. И русская, и украинская пословицы сегодня активно используются. Благодаря своей узнаваемости пословица часто применяется в качестве заголовка к тексту в интернет-источниках, который заставляет читателя обратиться к наиболее важной и интересной части сообщения и позволяет автору легко привлекать аудиторию.

Следует отметить, что в украинской литературе есть басня Л.И. Глибова «Лебідь, Щука і Рак» (1853), которая является переводом басни И.А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак». В переводе в качестве эквивалента к пословице *А воз и ныне там* Глибов использует выражение *Хура й досі там*. Основное значение слова *хура* ‘большой воз или сани для перевозки груза, людей и пр.; подвода’ Роман позичив грошей на хату, ще й обіцяв дати хуру до лісу під матеріал [Михайло Коцюбинський 1955, I: 124; СУМ 1980, 11: 173]. Однако в качестве компонента пословицы слово *хура* не закрепилось.

В ходе данного исследования была проверена русская пословица *А воз и ныне там* из русского паремиологического

[1] https://zik.ua/news/2019/10/21/bagato_rozmov_pro_koruptsiyu_a_viz_i_nyni_tam_novak_ogolosyla_pro_perezapusk_1672833 (дата обращения: 06.04.20).

минимума и ее украинская пословичная параллель *А віз і нині там* на предмет их употребления в интернет-источниках.

Популярность отчасти объясняется тем, что это известное выражение из басни И.А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак», и, возможно, это обеспечило ей долгую жизнь в отличие от выражения *Хура й досі там*.

Как показывают контексты, пословицу употребляют в ситуации: 1) когда хотят подчеркнуть, что задуманное дело абсолютно не движется, а есть только разговоры об этом деле; 2) когда из дела ничего не вышло, потому что люди не смогли договориться между собой.

В электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц войдет русская пословица *А воз и ныне там* из русского паремиологического минимума, поскольку она активно используется в современном русском языке и исторически имеет параллель в украинском языке. Пословицы широко используются в различных контекстах, в основном как яркие названия, предназначенные для привлечения внимания аудитории.

Данное исследование раскрывает процесс идентификации восточнославянского паремиологического ядра с целью создания электронного словаря современных активных восточнославянских пословиц.

ЛИТЕРАТУРА

Большой словарь русских пословиц. Около 70000 пословиц / Под ред. В.М. Мокиенко. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

Исина Г.И. Оролиэтнонима в процессе стереотипизации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 9–4. С. 726–729.

Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000.

Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3(45). С. 119–128.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: Ленанд, 2019.

Ничипорчик Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель, 2015.

Словник української мови. Т. 11 Київ: Наук. думка, 1980. С. 173.

М.В. Михайлова, А.В. Назарова
МГУ имени М.В. Ломоносова

Трагедия русского мира в осмыслении Е.Н. Чирикова

M.V. Mikhailova, A.V. Nazarova
Lomonosov Moscow State University

The Tragedy of the Russian World in the E.N. Chirikov's Perception

Судьбе России и русского мира посвящены многие произведения известного до революции писателя Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932). Чириков вошел в литературу в конце 1880-х как бытовик и продолжатель реалистических традиций писателей-шестидесятников. Но в результате мировоззренческого переворота, который произошел с ним во второй половине 1900-х, художник постепенно отошел от остросоциальной проблематики и сосредоточился на пости-

жении народно-православных основ русской жизни и культуры, результатом чего стал ряд произведений, созданных на основе фольклорных сюжетов и мотивов. Среди них драмы-сказки «Колдунья» (1907), «Лесные тайны» (1910), монастырское сказание «Плен страстей человеческих» (1910), цикл «Волжских сказок» (1916), сказка-мистерия «Красота Ненаглядная» (опубл. в 1924) и др. В них писатель обратился к миру преданий, мифов, апокрифов и сказаний, бытовавших в народной среде. Подобный интерес Чирикова объясняется тем, что в фольклоре он увидел подлинное отражение народной души, ее достоинств и недостатков. Он желал предостеречь современников от соблазна искать ее разгадку «на улицах, в вихре всяких страстей»[1], перед властью которых она часто оказывается беззащитна. При этом писатель не идеализировал русского человека, показывая в своих произведениях причудливое соединение в его душе недовольства и мечтательности, способности к самопожертвованию и готовности смириться с нечеловеческими условиями существования, безмерного своеволия, переходящего порой в беспощадный деспотизм, и легкости падения в нравственные бездны. Автор считал, что эти особенности русского национального сознания обусловили неповторимое культурное своеобразие русского мира, который разительно отличается как от западной, так и от восточной цивилизации. Он полагал также, что представления русского народа о добре и зле, правде и лжи, его отношение к природе и государству во многом предопределили тот непростой исторический путь, которым шла России на протяжении своего существования.

Обострил эти размышления Чирикова очередной трагический виток российской истории в годы революции и Гражданской войны, в результате которого он вместе с миллионами

[1] *Чириков Е.Н.* О душе русского народа // Чириков Е.Н. Красота Ненаглядная. Берлин, 1924. С. 16.

соотечественников вынужден был навсегда покинуть родину. Эмигрантские произведения художника стали своеобразной летописью столкновений в России конца 1910-х гг. различных общественных групп. И он запечатлел эти страшные картины людской жестокости и озверения. Но, воссоздавая панораму братоубийственной бойни в романах «Зверь из бездны» (1924), «Мой роман» (1926), повестях, вошедших в сборник «Красный паяц» (1928), писатель одновременно стремился понять, что же, несмотря на ненависть народа к большевикам, все-таки заставило массы последовать за ними и тем самым обрекло, по его убеждению, Россию на гибель. В конечном счете он пришел к выводу, что истоки революционной катастрофы следует искать в недавнем прошлом страны. Поэтому Чириков обратил свой взор на последние десятилетия XIX и начало XX в. и проанализировал те процессы, которые протекали в общественной, политической и культурной жизни России в это время. Результатом этого исследования стала пятитомная семейная хроника «Отчий дом» (1929–1931), которая одновременно подвела итог и творческим исканиям художника. В книге автор продемонстрировал симптомы глубокого духовного нездоровья русского общества, которые начали проявляться уже в 1880-е гг. На первый план в «Отчем доме» вновь вышло скрупулезное изображение присущих социуму пороков и противоречий, обличение которых лежало и в основе его ранних произведений. Но теперь художник переосмыслил и скорректировал прежние взгляды и убеждения, чему способствовало знание и понимание особенностей мировосприятия русского человека, к постижению которых он обратился в середине 1900-х.

Как и в раннем творчестве, взгляд Чирикова в «Отчем доме» был устремлен на русскую провинцию, которая в его сознании стала символом русского мира. Писатель был убежден, что судьба России всегда творилась не в столице, «а в недрах

народной психологии. А где ее увидишь и поймешь, как не в необъятной русской провинции?»[1] – заметил он в одном из фельетонов, написанных еще до революции. Художник видел в русской глубинке особое культурно-историческое «ядро», где формируются основы национального самосознания, которые служат источником традиционных, религиозно-нравственных ценностей и духовных констант народной жизни. А разрушение этого ядра, следуя логике писателя, грозит потерей людьми всех ориентиров, что неизбежно влечет за собой глубочайшее и непоправимое морально-нравственное оскудение народа. Справедливость этих предостережений доказала Гражданская война, продемонстрировавшая мгновенное превращение человека, созданного по образу и подобию Божиему, в разъяренного зверя, которому не ведомы ни любовь, ни сострадание. Вот почему трагедия распада русского мира с конца 1920-х постепенно вышла на первый план в эмигрантском творчестве писателя.

В «Отчем доме» на примере конфликтов внутри семейства аристократов Кудышевых, в некоторых представителях которого, по авторскому замыслу, воплотилась «революционная идеология, приведшая к большевизму»[2], в раскрытии их взаимоотношений с бывшими крепостными крестьянами Чириков показал, что к взаимной ненависти и кровопролитию между всеми слоями общества Россию подтолкнули политики. И не только большевики, но и либеральная и радикальная интеллигенция, и даже сама царская власть. Стремясь к достижению собственных узкоэгоистических интересов, многочисленные политические авантюристы «обольстили» посулами и обещаниями недоверчивый и неосмотрительный народ, сыграв на его извечной устремленности к божеской правде.

---

[1] *Чириков Е.Н.* Успокоение (Заметки провинциала). Н. Новгород, 2018. С. 257.

[2] Письмо Е.Н. Чирикова дочери Людмиле от 16 августа 1927 г. из Праги в Нью-Йорк (см.: Архив внука писателя Е.Е. Чирикова).

Более подробно свою мысль художник обосновал в сказке-мистерии «Красота Ненаглядная», задуманной им предположительно еще в 1912 г. после поездки на озеро Светлояр, но увидевшей свет лишь в 1924 г. в Берлине. Ее сюжетным стержнем стал поиск Иваном-царевичем (фигура которого символически воплощает народ) прекрасной девы, Красоты Ненаглядной, и тот долгий и трудный, прежде всего духовный, путь, который он должен пройти, чтобы обрести свое счастье.

Большое значение в этой связи и в семейной хронике, и в сказке приобрел мотив противоборства Правды и Кривды, которые олицетворяют собой истинный и ложный пути поисков торжества справедливости. Всевластие Кривды и сила ее искушений неизбежно возникает перед теми, кто стремится жить по чести и совести. И этот мотив заявлен уже в самом начале драмы. Один из персонажей мистерии, Дядька, поет Ивану-царевичу колыбельную, которая рассказывает о вековечном споре Правды с Кривдой и победе последней, что становится ключевым эпизодом для понимания авторского замысла сказки.

Чириков смело подошел к фольклорной основе, предельно сблизив Правду, Кривду и Красоту, сделав их родными сестрами. Они оказываются почти неразличимы внешне и оттого одинаково привлекательны для царевича. Так, в созданных образах отозвалась трагическая мысль писателя, что Правда и Кривда не столь уж далеки друг от друга, как принято думать. А то, что они наделены еще и Красотой, ставит человека в ситуацию сложного нравственного выбора, поскольку неизвестно, где сокрыта Истина. Поэтому-то Иван-царевич и сбивается с праведного пути, даже становится главарем шайки разбойников. Таким образом, автор стремился объяснить современникам, что ни человек, ни целый народ не застрахованы от ошибок и заблуждений,

тем более что Кривда может легко обмануть людей, ибо они не способны сразу обнаружить подмену.

Однако Кривда имеет изъян, который, убежден автор, в конечном итоге помогает человеку распознать ее истинный облик и спастись от пагубных сетей. Кривда «хоть красивая, а поближе поглядишь – так шелудивая! Женихи-то сперва Кривду приглядят, а потом и отворачиваются, на ее сестер заглядываются»[1], – говорит один из персонажей сказки. В этих словах звучит намек: первейшая обязанность человека – вдумываться и вглядываться в житейские ситуации, размышлять над проблемами, не доверять поверхностному впечатлению. Чириков хотел внушить читателю, что прозрение народа неизбежно, он желал подтолкнуть его к решительной борьбе с Кривдой и ее прислужниками (т. е. захватившими в России власть большевиками). Он верил, что неминуемая победа над ними станет залогом покаяния и общенационального примирения и Воскресения Родины. Так в эмигрантском творчестве художника возникла устойчивая ассоциация трагической судьбы русского мира с мифом об ушедшем под воду Граде Китеже, ставшем для него символом утраты всего святого и в то же время воплощением веры в неуничтожимость России и ее народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чириков Е.Н. Красота Ненаглядная: Русская сказка-мистерия в пяти картинах со вступительной статьей-предисловием «О душе русского народа». Берлин: Издательство Ольга Дьякова и Ко, 1924. 93 с.

2. *Чириков Е.Н.* Письмо дочери Людмиле от 16 августа 1927 года из Праги в Нью-Йорк. Архив внука писателя Е.Е. Чирикова.

3. *Чириков Е.Н.* Успокоение. Заметки провинциала. Н. Новгород: Изд-во «Книги», 2018. 352 с.

[1] *Чириков Е.Н.* Красота Ненаглядная. Берлин, 1924. С. 36.

Н.А. Рядовых
Уральский государственный юридический университет

Христианское осмысление ценности здоровья (на материале текстов православных акафистов)

N.A. Ryadovykh
Ural State Law University

Christian Understanding of the Value of Health (based on the texts of Orthodox akathists)

Ценностные установки христианской картины мира находят отражение в аксиологическом своеобразии религиозного стиля современного русского языка. Функциональная стилистика закрепляет этот постулат в описании конструктивного принципа религиозного стиля как «абсолютизм в границах иерархической дихотомии Божественного и земного» [Купина, Матвеева 2017: 208].

Утверждение авторитетных ученых о том, что «в типе текстов находит свое воплощение функциональный стиль языка» [Кожин, Крылова, Одинцов 1982: 219], позволяет проанализировать, как реализуется аксиологическая специфика религиозного стиля в текстотипе акафиста.

В свете современных событий особую актуальность представляет ценность *здоровье*, особенности экспликации которой рассмотрим на текстовом материале акафистов, посвященных святым, врачевавшим телесные болез-

ни в земной жизни – святому великомученику и целителю Пантелеимону, святым бессребреникам Косме и Дамиану, святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому.

Христианское мировоззрение расценивает здоровье и болезнь двояко. Будучи антонимами в профанном понимании, эти полярные состояния получают сакральное аксиологическое переосмысление и могут расцениваться как отрицательно, так и положительно. «Все от Бога, – пишет Феофан Затворник, – и болезни, и здоровье подается нам во спасение наше» [Св. Феофан Затворник 2018: 94].

В текстах акафистов телесный недуг (*напасть*, *страдание*), рассматриваемый автономно, вне связи с духовной жизнью, характеризуется отрицательно. Это проявляется в однородности перечисления семантико-негативных номинаций при молитвенных прошениях *от всяких зол и болезней, <…> от нищеты, напастей, недугов и скорбей оградите* (Акафист святым бессребреникам Косме и Дамиану); в синтаксических конструкциях при сочетании со словами, имеющими имманентно отрицательно-оценочную характеристику *лютые страдания приял еси* (Акафист святому великомученику и целителю Пантелеимону); *страждущих недугами телесными* (Акафист святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому). Пейоративность наименований подчеркивается предельной натуралистичностью, детальностью телесных недугов *ломотныя и опухлыя; гнойныя болезни костей и ран* (Акафист святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому).

Физические страдания (зачастую насильственного характера), которые испытывают святые – адресаты акафистов, приобретают положительное переосмысление в свете христианского учения о спасении бессмертной души. Телесный недуг, физическая боль рассматриваются как средство достижения наивысшего духовного состояния

на пути спасения *язвами твоими враги уязвивый* (Акафист святому великомученику и целителю Пантелеимону); *яко страданием вашим безстрастие прияли есте* (Акафист святым бессребреникам Косме и Дамиану).

Авторы акафистов, обращаясь к святым врачевателям, демонстрируют аксиологическую двойственность восприятия болезни. Частотность экспликации ценностной оппозиции физиологического (телесного) здоровья и болезни предельна низка. Физическая болезнь, страдание как отрицательное явление противопоставляется не физическому здоровью, а процессу исцеления. Описания внешних признаков здоровья замещаются указанием на мелиоративный целительный процесс *подаяй недугующим исцеления*; *хромым благошествия устроивый* (Акафист святому великомученику и целителю Пантелеимону); *подающии здравие в болезни сущим*; *болящих скорое врачевание* (Акафист святым бессребреникам Косме и Дамиану); *денноношно во врачебнице трудился, исцеляя недуги и раны вождей и воинов отечествия земнаго* (Акафист святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому).

Имплицитно ценностным обозначается не столько физическое здоровье, сколько возможность его приобретения, которая дается по Божиему произволению *воспевающи данную тебе от Бога благодать исцелений*; *всецелебная сила моя и слава Христос есть Истинный Бог* (Акафист святому великомученику и целителю Пантелеимону); *не волшебною хитростию врачуем болезни, но силою Спаса нашего Иисуса Христа* (Акафист святым бессребреникам Косме и Дамиану); *целил еси силою Божию* (Акафист святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому).

Автономные описания физического здоровья как положительной ценности полностью отсутствуют. Телесная оболочка воспринимается как ценность с позиции матери-

ального вместилища святой души после земной кончины святого *по смерти честныя мощи твоя <…> исцеления подают* (Акафист святому великомученику и целителю Пантелеимону)*; многоценное сокровище, многоцелебныя мощи ваша*; *нетление мощей ваших* (Акафист святым бессребреникам Косме и Дамиану); *припадая ко святым мощем твоим со умилением молим тя* (Акафист святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому).

В соответствии с христианским мировоззрением в текстах акафистов манифестируется противопоставление здоровья телесного и духовного. Духовный недуг (*страсть*) расценивается категорически негативно *страстей злосмрадие* (Акафист святым бессребреникам Косме и Дамиану); *корыстолюбия обличителю*; *пагубу тщеславия показавый* (Акафист святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому).

Духовная болезнь, как и физическая, подлежит исцелению, которое совершается по молитвам святых – адресатов акафистов *лице изменися, и выя совратися, и, моляшеся к вам, глаголя: «Се ныне вижду, яко раби есте Истиннаго Бога. Молю убо вас, да якоже иных уврачеваете, сице исцелите и мене»* (Акафист святым бессребреникам Косме и Дамиану).

Приобретаемое духовное здоровье, собственно процесс духовного врачевания окрашиваются положительно. Как правило, исцеления происходят синхронно на физиологическом и духовном уровнях *врачующим душевные и телесные болезни притекающих к тебе* (Акафист святому великомученику и целителю Пантелеимону); *яко приял еси дар целити недуги душевныя и телесныя* (Акафист святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому).

Абсолютной ценностью признается здоровье духовное. Как уже указывалось, имплицитная ценность физического здоровья не имеет вербальной экспликации в текстах ака-

фистов. Духовное здоровье как главная цель христианина описывается подробно.

Духовное здоровье выражается в прославлении Бога *скорбным житием славу Божию в человеце умножили есте; духа терпения и ревности о славе Божией исполнении* (Акафист святым бессребреникам Косме и Дамиану). Здоровая душа проявляется в терпении страданий *многострадальные подвиги твоея* (Акафист святому великомученику и целителю Пантелеимону); *горькие испытания терпели есте* (Акафист святым бессребреникам Косме и Дамиану); *во градех изгнания сибирского терпя глад, мраз и жестокость клевретов безбожных* (Акафист святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому). Признаком духовного здоровья является бескорыстие *безмездное врачевание от всяких болезней*; *безмездно врачующим душевная и телесныя болезни притекающим к тебе с верою* (Акафист святому великомученику и целителю Пантелеимону); *ни от кого же мзды за исцеления вземшии* (Акафист святым бессребреникам Косме и Дамиану). Здоровая душа сострадательна *благострадательный врач* (Акафист святому великомученику и целителю Пантелеимону); *страждущих сердоболием утешавши*; *благосострадательные врачеве; милосердых целителей* (Акафист святым бессребреникам Косме и Дамиану) *врачу милосердный*; *врачу благий и милостивый* (Акафист святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому). Основа духовного здоровья заключена в состоянии бесстрастия *восторжествовавый над всеми страстьми*; *украсивыйся благодатным безстрастием* (Акафист святому великомученику и целителю Пантелеимону).

Каждое из описываемых проявлений духовного здоровья является самостоятельной ценностью. Аксиологический комплекс феномена духовного здоровья соотносится с понятием святости.

Примечательно, что достижение святости *ангели прияше святую душу твою* (Акафист святителю Луке (Войно-Ясенецкому) Симферопольскому) сопрягается с терпением физических страданий (от естественных болезней или насильственных действий) *яко неповинне каменное побиение претерпевшее* (Акафист святым бессререникам Косме и Дамиану). Физические муки начинают восприниматься как путь к бессмертию, вечной жизни *яко мученическою смертию безсмертие стяжали есте* (Акафист святым бессребреникам Косме и Дамиану), а значит, приобретают положительно-оценочную окраску.

Анализ текстов акафистов, посвященных святым, врачевавшим телесные болезни в земной жизни, позволяет сделать вывод о том, что главной ценностью в представленной парадигме является здоровье духовное. Эта высшая ценность приобретается путем страданий, в том числе физических. Соответственно телесный недуг (страдания, мучения) получает положительную оценку.

Аксиологическое своеобразие акафиста как текстотипа религиозного стиля отражает ценностные установки христианской картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Акафистник. Т. 3. Минск: Харвест, 2007. 831 с.

Акафистник. Т. 4. Минск: Харвест, 2007. 943 с.

Кожин А.Н. Функциональные типы русской речи / А.Н. Кожин, О.А.Крылова, В.В. Одинцов. М., 1982. 223 с.

Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. 415 с.

Святитель Феофан Затворник. Болезнь и смерть. М.: Сиб. Благозвонница, 2018. 96 с.

О.В. Фалалеева
МБОУ «СОШ №2» г. Ивантеевки

К.И. Галчинский и Россия

O.V. Falaleeva
Ivanteevka Secondary School No 2

K.I. Galchynski and Russia

«Поляки, не любя нас, всегда интересовались русской культурой и жили близкими к ней интересами. Они захлебывались в русском море, но не боялись в нем утонуть» [Хорев 2012: 7–8], – отмечал Давид Самойлов. На справедливость слов поэта указал исследователь В.А. Хорев, который говорил и о том, что, несмотря на многовековые русско-польские политические, идеологические, экономические противоречия, в области культуры и искусства, в том числе, а зачастую прежде всего, в литературе происходили взаимообмен, взаимообогащение, взаимовлияние, т. е. своего рода общение, которое оказывалось полезным обеим сторонам диалога [Хорев 2012].

Творчество польского поэта Константы Ильдефонса Галчинского (1905–1953) в русской критике и полонистике не подвергалось всестороннему рассмотрению, однако компаративный анализ произведений Галчинского и произведений русских поэтов весьма продуктивен.

«Всякий поэт загадочен… В Галчинском загадочность облака. Нельзя предвидеть, какие очертания примет его стих…

Гуляка праздный, мистификатор, шутник, поклонник Бахуса, беспечный и забавный. Или другое. Трагик, разыгрывающий драмы в кукольном театре. Лунатический мистик. Катастрофист» [Галчинский 1967] – так писал Давид Самойлов. Оригинальность поэзии Галчинского, как кажется, проистекает в том числе из творческого, поэтического осмысления им традиций мировой литературы. В связи с этим можно вспомнить весьма показательный момент его биографии: во время учебы в Варшавском университете Галчинскому удалось защитить дипломную работу о творчестве несуществующего английского поэта XIX в. Морриса Гордона Читтса.

Знакомство Галчинского с русской поэзией также было обусловлено фактами его биографии: с началом Первой мировой войны его семья вместе с железнодорожным ведомством, где служил отец будущего поэта, была эвакуирована в Москву.

В Москве Галчинский учился в Школе Польского Комитета. Именно здесь будущий поэт начал изучать русский язык и впервые обратился к литературе, музыке, театру: в это время он пишет стихотворения (которые, однако, не сохранились), начинает играть на скрипке, принимает участие в спектаклях школьного театра. Он изучает произведения классиков русской литературы. «Русскую поэзию, – вспоминал его школьный приятель С.М. Салиньский, – он поглощал жадно. Многие стихотворения знал наизусть. Особенно Пушкин и Лермонтов были его близкими друзьями!»[1] Галчинский интересуется и современным ему литературным процессом России, изучая преимущественно творчество и манифесты футуристов: работы Д. Бурлюка, В.В. Маяковского, В. Хлебникова. Увлекается также чтением стихотворений символистов, в частности А.А. Блока, считает близкой себе по духу поэзию С.А. Есенина. Об этом увлечении Галчинского русской поэзией вспоминала его жена Наталья в своем последнем интервью: «Константы,

[1] Poezję rosyjską pochłaniał żarłocznie. Wiele poematów umiał na pamięć. Zwłaszcza Puszkin i Lermontow byli jego bliskimi przyjaciółmi! [Kamieńska 1961: 51].

кроме русских классиков, Пушкина, стихотворения которого он знал наизусть, прозы Чехова, обожал Александра Блока… Поэзия Блока была близка Константы и всему нашему дому… Константы часто читал свое любимое стихотворение:

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету,
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну…

Также во времена тех давних милянувских[1] вечеров Константы познакомился с Есениным и его творчеством»[2].

Русская поэзия, несомненно, повлияла на лирику Галчинского: в его стихотворениях можно отметить реминисценции из Блока и Есенина. (Ср.: «Chmara nas. Miliony. Grom miliona – bo razem...» – «Нас толпы. Миллионы. Грохот / топот миллионона – потому что все вместе, сразу»; у К.И. Галчинского в стихотворении “Славяне”» (1946) и «Мильоны – вас. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы» в стихотворении «Скифы» А.А. Блока). Об этом см. статьи А. Дмитровского, работы В.А. Хорева, Н.А. Богомоловой.

Среди творческого наследия Галчинского есть стихотворения, посвященные России. В этих произведениях польский поэт с любовью пишет о России, демонстрируя, например, знание русского фольклора. В стихотворении «Rosja» («Рос-

[1] Милянувек – город в Польше.

[2] «Konstanty prócz klasyków rosyjskich, Puszkina, którego wiersze umiał na pamięć, prozy Czechowa, wielbił Aleksandra Błoka… Poezja Bloka była bliska Konstantemu i całemu naszemu domowi... Konstanty często czytował swój ulubiony wiersz:

Swiriel zapiała na mostu
i jabłoni w świetu,
i angiel podniał w wysotu
zwiezdu zielonuju odnu...

Również w czasie tych bardzo dawnych milanowskich wieczorów zapoznał się Konstanty z Jesieninem i jego twórczością (*Beylin S.* Ostatnia rozmowa z Natalią Gałczyńską: http://www.kigalczynski.pl/natalia/prasa/wywiad1.html).

сия», 1934) использована строчка из народной песни «Ай, дербень, дербень, Калуга»[1], в стихотворениях «A la russe» («А ля русс», 1937) и «Romans» («Романс», 1935) процитирована строка романса «Ах, что за боль».

Образ России в сознании поэта сопряжен не только с народными текстами, но и с предметами, явлениями, традиционно олицетворяющими Россию: с березами, медведями, ярмарками. «Wszędzie tam, gdzie brzoza / …gdzie wiewiórki są królewny, a królowie – niedźwiedzie / …wszędzie tam, / choćby to było na końcu świata, / jest Rosja» (Везде там, где береза… где белки – принцессы, а короли – медведи… везде там, даже если это на конце света, есть Россия), – пишет Галчинский в произведении «Rosja». Также, говоря о России, Галчинский неизменно выводит в стихотворениях женский образ: Россия для польского поэта там, где ходят статные женщины, в глазах которых заключена сладость света[2] («Rosja»), именно женщина исполняет романс «Ах, что за боль» («Romans»). Женский образ воспринимается еще и метафорически, как и у Блока, он начинает смыкаться с образом Богородицы: «Сквозь толщу вод – славянства знак живой – / девичий лик на золотом нам просиял до срока»[3] («Славяне», 1946).

Устойчивым мотивом таких произведений стал мотив дороги, пути, причем дорога воспринимается и в прямом значении (по дороге едет с товаром на ярмарку возок; странника, уставшего в пути, вечером ждет приют – «Rosja»; ве-

---

[1] Интересно, что в оригинальном польском тексте стихотворения в процитированной строке слово «Калуга» написано со строчной буквы. Что может свидетельствовать о том, что поэт слышал текст песни, запомнил строчку на слух, но в напечатанном виде ее не видел, поэтому воспринял слово «Калуга» как имя нарицательное, возможно, такое же диалектное, как и слово «дербень».

[2] «…gdzie kobiety noszą pierś wysoko, a w oczach / zmrużonych całą słodycz świata…».

[3] Пер. М. Кореневой

тер разбушевался на Люблинском шоссе[1] – «A la russe»), и в переносном – как жизненный путь (славяне имеют общий путь: «Нас общий путь зовет»).

Во всех стихотворениях, посвященных России, «слышатся» разные звуки. Это не только народные песни, романсы, это еще и свист разгулявшегося сентябрьского ветра, звон сосен («A la russe»), скрип колес телеги, звон тарелок в доме гостеприимного хозяина («Rosja»), игра струн («Romans»), топот миллионов ног, «хрип и храп» речи, смех, звуки песни, что зовет в бой («Славяне»). Музыкальность является особенностью не только указанных стихотворений Галчинского, но, пожалуй, большей части его творчества. Сам поэт в 1945 г. написал стихотворение «Ojczyzną moją jest muzyka» («Родина моя – музыка»). Музыка – это то, что Галчинский любил и в поэзии, и в жизни. Среди польских исследователей[2] бытует теория о том, что есть связь между той музыкой, что слушал поэт, и его произведениями, так «рождаются его стихотворения, имеющие такую глубокую связь с музыкой в целом, а с Бахом в частности»[3] [Kamieńska 1961: 492]. Часто благодаря музыке в произведениях Галчинский поэтизирует образ женщины, и эта особенность присуща и указанным стихотворениям о России.

ЛИТЕРАТУРА

Beylin S. Ostatnia rozmowa z Natalią Gałczyńską [Zasób elektroniczny]: http://www.kigalczynski.pl/natalia/prasa/wywiad1.html (дата обращения: 27.03.2020).

[1] Люблинское шоссе – в Польше Государственная дорога № 17.

[2] О музыке в стихотворениях Галчинского и о влиянии музыки на его лирику написано в статье T. Wilkoń «Motywy światła i muzyki w poezji Konstantego Ildefonsa Gałczyńskiego» («Мотивы света и музыки в поэзии Константы Ильдефонса Галчинского»).

[3] «…rodzą się jego wiersze, mające taki głęboki związek z muzyką w ogóle, a z Bachem w szczególności» [Wspomnienia o Galczynskiem 1961: 492].

Gałczyńska-Kilańska K. Konstanty Ildefons Gałczyński. Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe, 1981. 124 s.

Gałczyński K.I. Wyspy Szczęśliwe. Książka i wiedza. Warszawa, 2004. 232 s.

Kamieńska A. Wspomnienia o Konstantym Ildefonsie Gałczyńskim / J. Śpiwak, A. Kamieńska. Warszawa: Czytelnik, 1961. 618 s.

Oficjalna witryna Konstantego Ildefonsa Gałczyńskiego / Официальный сайт поэта на польском языке [Zasób elektroniczny]: http://www.kigalczynski.pl/main.html (дата обращения: 28.03.2020).

Wilkoń T. Motywy światła i muzyki w poezji Konstantego Ildefonsa Gałczyńskiego [Zasób elektroniczny]: http://www.kigalczynski.pl/prace (дата обращения: 30.03.2020).

Галчинский К.И. Варшавские голуби: Стихи / Пер. с пол.; [предисл. Г. Языковой. М.: Детгиз, 1962. 104 с.

Галчинский К.И. Стихи [Электронный ресурс] / Пер. с пол.; предисл. Д. Самойлова. М.: Художественная литература, 1967. 263 с.: http://www.belousenko.com/books/poetry/galczynski.htm (дата обращения: 28.03.2020).

Галчинский К.И. Стихи / Пер. и вступление А. Гелескула // Иностранная литература. 1999. №9. С. 19–24.

Галчинский К.И. Фарландия, или Путешествие в Темноград: Поэзия. Театр. Проза / Ред.-сост., автор предисловия и коммент. А. Базилевский. М.: Рипол Классик – Вахазар, 2004. 880 с.

Богомолова Н.А. Польские и русские поэты XX века. Творческие связи. Аналогии. Перевод / Отв. ред. В.А. Хорев. М.: Наука, 1987. 192 с.

Дмитровский А. «Славяне» К.И. Галчинского в интертекстуальной традиции // Балтийский филологический курьер. 2013. №9. С. 138–144.

Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями: Очерки М.: Индрик, 2012. 240 с.

Хорев В.А. Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 2000. С. 22–32.

Хорев В.А. Польская литература XX века, 1890–1990: https://librolife.ru/g4305207 (дата обращения: 20.01.2018).

Д.Ю. Ващенко, Т.В. Шалаева
Институт славяноведения РАН

К этимологии венгерской лексемы *veréb* ‘воробей, Passer’

Darja Vaschenko, Tatjana Shalaeva
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

On the Etymology of the Hungarian Word *veréb* ‘sparrow, Passer’

Лексема *veréb* ‘птица воробей, Passer’ имеет в венгерском языке повсеместное распространение и фиксируется в следующих фонетических вариантах: *veréb*, *vereb*, *verép*, *verep*, *beréb*, *bereb* [Kniezsa I: 554; TESz 3: 1119; Benkö 1993: 1622; MNYA 4: карта № 634]. Ее славянское происхождение не вызывает сомнений: большинство ученых считают ее источником дериват праславянского корня **verb*-. Но относительно конкретной формы и конкретного диалекта, откуда это слово было заимствовано, существуют разные гипотезы. Часть исследователей возводит *veréb* к незафиксированному древнерусскому слову *веребъ, которое реконструируется на основе др.-русск. веребии, блр.

верабе́й, укр. диал. вере́бе́й [Kniezsa I: 554; TESz 3: 1119; Benkö 1993: 1622]. В качестве аналогии приводятся фин. *varpu*, *varpunen*, эст. *värb* ‘воробей’, чей восточнославянский источник также трактуется как континуант праслав. **vorb*-/**verb*- [Там же; SKES: 1658].

Согласно другой гипотезе венг. *veréb* восходит к деривату того же праславянского корня, но в форме **vrěb*ъ, которая могла бы быть закономерным продолжением праслав. **verb*- в южнославянских, чешском и словацком языках [Kniezsa I: 554 (цитируется мнение Й. Мелиха); Хелимский 1990: 79; Хелимский 2000: 454].

Обе представленные этимологии содержат недостатки, которые не позволяют полностью принять данные решения. Так, тесные контакты венгров с восточными славянами в древности в основном имели место в конце первого тысячелетия нашей эры в районе Северного Причерноморья во время передвижения угорских племен на запад. Если предполагать, что древнерусская лексема *веребъ вошла в венгерский язык в этот период, то, скорее всего, ее дериваты сохранились бы на значительной территории в современном украинском языке или в южнорусских диалектах, но словари и лингвистические атласы фиксируют вере́бе́й и его соответствия преимущественно в белорусском языке, а также в прилегающих к нему западных русских и северных украинских говорах [ОЛА 1: 75; ЭСБМ 2: 84; ЛАБНГ 1: карта № 124; ЕСУМ 1: 570; Никончук 1968: 443; Лысенко 1966: 12; СРНГ 4: 125; КЛАРНГ: вопрос Л 249 «Воробей»]. Древнерусская форма веребии отмечена в «Летописце Переяславля Суздальского», составленном в XIII в., вероятно, во Владимиро-Суздальском княжестве и известном по списку XV в. [СлРЯ XI–XVII 2: 83]. Таким образом, уверенно утверждать, что в древности форма типа *веребъ была свойственна южной части восточносла-

вянских диалектов и из них проникла в венгерский язык, не представляется возможным.

Гипотеза о связи венгерской лексемы с **vrěbъ*, предполагаемым южнославянско-чешско-словацким континуантом праслав. **verb-*, также не находит подтверждений, поскольку указанные языки материала для реконструкции такой формы не предоставляют. Чешские и словацкие названия воробья в рамках данного этимологического гнезда содержат исключительно корень *vrab-* [ČJA 2: 116–117; SNK], а южнославянские чакавские и штокавские формы с корнем *vreb-* (например, *vrebac*) представляют собой результат преобразования *vrab-* (*vrabac*), аналогичного изменению *rasti*, *krasti* в *resti*, *kresti* [Skok 3: 616; Ивић 2018].

Однако нужно признать, что выведение венг. *veréb* из слав. **vrěbъ* имеет основания в венгерской фонетике заимствований. А именно долгий *é* регулярно отражает в них славянский *ě: например, венг. *belénd*, *beléndek* ‘растение белена; болиголов’ из слав. **blěnъ* ‘белена’ (праслав. **belnъ*: ср. с.-хорв. *blen*, словен. *blèn*, чешск. *blín*, словац. *blen*) [Benkö 1993: 93; ЭССЯ 1: 186]; венг. *cserép* ‘плитка; черепица’ из слав. **črěpъ* (праслав. **čerpъ*: ср. с.-хорв. цреп ‘черепок’, ‘черепица’, *črep* ‘черепок’, ‘глиняный горшок’, словен. *črep* ‘черепок’, ‘череп’, чешск. *střep* ‘черепок, обломок’, словац. *črep* ‘черепок, обломок’, ‘горшок’, ‘череп’, ‘черепица’ [Benkö 1993: 205; ЭССЯ 4: 72–73]; венг. *derék* ‘талия’ из слав. **drěkъ*, ср. словен. *drèk* ‘тучность, полнота’, чешск. *dřík* ‘туловище, корпус’, словац. *driek* ‘туловище’ [Benkö 1993: 255; ЭССЯ 5: 108].

Как можно видеть, приведенные венгерские слова *belénd*, *cserép*, *derék* по составу гласных звуков идентичны *veréb*, но тем не менее их нельзя поставить в один ряд, так как для последнего не находится соответствующей славянской формы с *ě. Но в венгерском языке также име-

ются славянские по происхождению лексемы с аналогичным фонетическим составом и со славянским источником без этимологического *ě: например, венг. *szemét* ‘мусор’ из слав. **sъmetъ* ‘то же’ от **mesti*, **metǫ* (ср. болг. смет, с.-хорв. *smet*, чешск. *smetí*, словац. *smet’*) (Benkö 1993: 1413–1414); венг. *kenéz* ‘князь’ из южнославянских языков, ср. болг. кнез, с.-хорв. *knez*, словен. *knez* (праслав. **kъnęzь*) [Benkö 1993: 728; TESz 2: 442–443; Kniezsa I: 262–263].

Кажется, *veréb* можно сопоставить с приведенными *szemét* и *kenéz* и допустить, что долгий *é* в нем не передает *ě, а отражает славянский *e* (возможно, долгий). Как указывалось выше, в сербохорватских диалектах известны названия воробья с корнем *vreb-* (*vrebac*, *vrebica*) и его фонетическими вариантами: *reb-* (с отпадением начального *v*, ср. *rebac*, *rebica*, *rebuša*, *rebak*), *rep-* (с оглушением конечного *b*, ср. *repac*, *repak*), *oreb-* (с переходом начального *v* в *o*, ср. *orebac*, *orebica*, *oreb*), *sereb-* (с *s*-mobile и эпентетическим *e*, ср. *serebica*) [Skok 3: 616; Ивић 2018: 472]. Данные формы являются следствием упомянутого выше изменения *ra* в *re* в отдельных корнях в ряде чакавских и западных штокавских диалектов.

Наименования типа *vrebac* имеют следующую локализацию: в Хорватии, Боснии, в хорватских говорах в Австрии, Венгрии и Италии, а также на востоке Словении [ОЛА 1: 75; Ивић 2018], т. е. в говорах, часть которых непосредственно граничит с венгерским языком и регулярно служит для него источником лексических заимствований. Следовательно, проникновение на венгерскую территорию названия воробья из указанных диалектов представляется вполне вероятным, и венг. *veréb* могло появиться на основе сербохорватских форм *vrebac*, *vrebica*.

Что касается хронологии, то, по сведениям лексикографических источников, *veréb* / *vereb* в венгерских пись-

менных памятниках фиксируется с XIV в. [Kniezsa I: 553; TESz 3: 1118–1119; Benkö 1993: 1622]. А в древних южнославянских текстах результаты перехода *ra* в *re* известны с середины XIII в. [Ивић 2018: 476–477]. Следовательно, ничто не мешает допустить заимствования венгерским языком южнославянского орнитонима в период начиная с IX–X вв., когда венгры пришли на занимаемую ими сегодня территорию.

Таким образом, в качестве альтернативы прежним этимологиям представляется возможным предположить появление *veréb* в венгерском языке из деривата корня *vreb-* ‘воробей’ – формы, известной чакавским и штокавским сербохорватским диалектам.

ЛИТЕРАТУРА

Етимологічний словник української мови / Голов. ред. О.С. Мельничук: У 6 т. Київ: Наукова думка, 1982–2012.

Ивић П. Промена ра > ре у српскохрватским говорима // Ивић П. Целокупна дела, X/2***. Расправе, студије, чланци. 2. О дијалектологији. Сремски Карловци; Нови Сад, 2018. С. 470–484.

Картотека Лексического атласа русских народных говоров. Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. Т. 1. Раслінны и жывёльны свет / Пад рэд. М.В. Бірылы, Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск, 1993.

Лысенко А.С. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины // Славянская диалектология и лексикография / Отв. ред. Л.Э. Калнынь. М.: Наука, 1966. С. 5–60.

Никончук Н.В. Полесские названия птиц // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря / Отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1968. С. 439–471.

Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Наука, 1988.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–24), Ф.П. Сороколетов (вып. 25–46), С.А. Мызников (вып. 47– .). М.; Л.–СПб., 1965–2018– .

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов (т. 1–6), Ф.П. Филин (т. 8–10), Д.Н. Шмелев (т. 11–14), Г.А. Богатова (т. 15–26), В.Б. Крысько (т. 27–29), Р.Н. Кривко (т. 30– .). Т. 1–30– . М.: Наука, 1975–2015– .

Хелимский Е.А. К корпусу ранних славянских заимствований венгерского языка // Uralo-Indogermanica: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-ей балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. Ч. 1. М.: Наука, 1990. С. 76–82.

Хелимский Е.А. Лексико-семантические раритеты в ранних славянских заимствованиях венгерского языка // Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 452–455.

Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. О.Н. Трубачева (вып. 1–31), О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева (вып. 32), А.Ф. Журавлева (вып. 33–39), А.Ф. Журавлева и Ж.Ж. Варбот (вып. 40), Ж.Ж. Варбот (вып. 41– .). М.: Наука, 1974–2018– .

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Уклад. Г.А. Цыхун і інш. Т. 1–14– . Мінск, 1978–2017– .

A Magyar nyelvjárások atlasza. R. 1–6. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968–1977.

A Magyar nyelv történeti-etimológiai szótára / Főszrek. L. Benkő. K. 1–3. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967–1976.

Český jazykový atlas. T. 1–5: www.cja.ujc.cas.cz/CJA2/ (дата обращения: 05.03.2020).

Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Ed. L. Benkö. B. 1. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.

Kniezsa I. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. K. I–II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–4. Zagreb, 1971–1974.

Slovenský národný korpus

www.korpus.juls.savba.sk:8080/manatee.ks/do_query?query=v-rabec (дата обращение: 05.03.2020).

Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Petrola R. Suomen kielen etymologinen sanakirija. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

К.И. Шарафадина
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Реальный субстрат этноботанического мотива в тургеневском метатексте: источники и контексты

K.I. Sharafadina
Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

The Real Substratum of the Ethnobotanical Motif in Turgenev's Metatext: Sources and Contexts

Донник и золототысячник, мята и мелисса, зверобой и маткина-душка, «девица в зелени» и богородицыны слезки, чернобыльник и череда, незабудки и зóря, журавлиный горох и куриная слепота, Иван-да-Марья и кашка, крыжанты и пупавка, конопель и желтый цикорий, васильки и разрыв-трава…

Как вы думаете, произведения какого писателя дали такой внушительный по объему «травник»? Полагаю, читатель удивится, узнав, что этим травознавцем был Иван Сергеевич Тургенев, а добрая половина названий взята из знако-

мых еще по школьной программе романов «Отцы и дети» и «Дворянское гнездо», рассказов из цикла «Записки охотника».

В уста своих героев писатель попутно вложил и рецепты народных снадобий. «Раза два в неделю» отец Базарова, отставной штаб-лекарь, принимает больных, которых пользует в основном «паллиативными средствами»[1]. Так, он прописывает мужичку, страдающему хронической «желтухой», морковь, золототысячник и зверобой. Свое лечебное кредо в разговоре с сыном, студентом медицинского факультета, Василий Иванович обосновывает ссылкой на авторитет: «Уж как вы ни **хитрите**, господа молодые, а все-таки старик Парацельсий святую правду изрек: in herbis, verbis et lapidibus… (лат. ‘в травах, словах и камнях’. – *К.Ш.*)» [8: 117].

Доверие бывшего штабного лекаря к утверждению знаменитого швейцарского врача и натурфилософа эпохи Возрождения может быть вызвано роднящим их жизненным опытом: путешествуя по придунайским странам, Парацельс служил военным хирургом в имперской армии Италии и был во множестве военных экспедиций того времени. В странствиях он записывал полезные сведения по народной медицине от пастухов, повитух, предсказателей, цирюльников, палачей.

Травы в Васильевке отец Базарова выращивает сам:

> – А ты посмотри, садик у меня теперь какой! Сам каждое деревцо сажал. И фрукты есть, и ягоды, и всякие медицинские травы [8: 117].

[1] Паллиативный – от лат. palliatus «окутанный в мантию», ново-лат. «подающий временное облегчение, ложный». Ср. в «Толковом словаре» Даля: «пальятивные меры, средства, помощь, временные, неспорые, обманчивые, срочно облегчающие, но не помогающие, не исцеляющие, пртвп. радикальные, коренные» [2: 14].

Как утверждает М.Д. Торэн, автор исследования по русской народной медицине, основные народные средства лечения состояли из различного рода трав, кореньев, цветов, коры, листьев, ягод, овощей, реже встречались средства животного и минерального происхождения. Покупные лекарства вошли в употребление в деревнях лишь во второй половине XIX в. [6: 30]. Ср. просьбу отца Базарова к сыну как медику новой формации: «Кстати, мне нужно с тобой поговорить. – О чем? – Здесь есть мужичок, он страдает иктером… – То есть желтухой? – Да, хроническим и очень упорным иктером. Я прописывал ему золототысячник и зверобой, морковь заставлял есть, давал соду; но это все *паллиативные* средства; надо что-нибудь порешительней. Ты хоть и смеешься над медициной, а я уверен, можешь подать мне дельный совет» [8: 117].

Круг сведений о народных растительных лечебных средствах значительно расширился в XIX в. [6: 37]. В 1860–1870-х гг. количество трав, применяемых в народной медицине русских, насчитывалось многими сотнями.

Разнообразные травы, в том числе «аптекарские», стали выращивать в усадьбе Тургеневых Спасское-Лутовиново по инициативе матери поэта, в бытность ее его владелицей (1813–1850 гг.): «При В.П. Тургеневой в усадьбе расцветает оранжерейное хозяйство. Вместо деревянной оранжереи, там же, была выстроена каменная, и вокруг нее сосредотачиваются насаждения фруктово-ягодного ассортимента: смородина, крыжовник, малина, слива и вишня, а также устраиваются многочисленные грядки с лекарственными и декоративно-лиственными растениями» [3: 77].

Бывший спасский крепостной Ф. Бизюкин в своих воспоминаниях уточняет подробности, свидетельствующие о садоводческих увлечениях матери писателя и их размахе: «В центре березового и липового парка, невдалеке от

Спасского пруда, устроены были… две большие каменные оранжереи для тропических растений и деревьев грунтовых абрикосов, персиков, слив и виноградных лоз. При оранжереях – теплица для ананасов. Вся площадь, десятины в три против оранжерей и теплицы, была засажена ягодными кустами смородины, крыжовника, малины, куманики, также разных сортов. Тут же были поделаны гряды для выращивания разных душистых, пряных и аптекарских трав, как-то: шалфея, мяты, иссопа, руты и пр.» [1: 349].

Он же делится любопытными сведениями о своем «барщинном» детстве, когда приходилось выполнять разные работы в составе «отряда барщинских детей» под началом десятника. «Результат труда такого детского муравейника (в нем состояло каждый раз не менее тридцати мальчиков и столько же девочек) всегда составлял видные вороха сработанных продуктов и материалов», – замечает мемуарист [1: 359].

Перечень вмененных «детскому муравейнику» занятий был внушителен: лесоводство, полеводство, луговодство, садоводство, огородничество. В *лесоводство* входило, в числе прочего, собирание ландышей, шпанских мух, липовых цветов (в аптеку), обдергивание березовых почек (для настоек), собирание лесных орехов (на производство масла); по *садоводству* полагалось срезывание и скашивание цветов розы и резеды (для перегонной воды), собирание плодов, ягод [1: 358].

А завершал этот перечень занятий *«аптекарский отдел»*, куда входило копанье хрену, кореньев лопушника и чистотела, собирание ромашки, цветов тысячелистника, цветов подсолнечника, валериановой травы, мать-и-мачехи и пр.» [1: 359].

Для чего нужно было собирать лекарственные растения в больших количествах? Дело в том, что при Варваре Петровне в с. Петровском была устроена «больница с под-

разделениями на покои, смотря по сорту призреваемых и больных, а также и по роду болезни, начиная с простудных, лихорадки и горячки, до умалишенных и совершенно бешеных людей. При больнице же и богадельне, в особых отделениях, помещались врач и фельдшер» [1: 344–345]. Кроме того, в Петровском была устроена приютная ферма для бедных дворянок. «Много помещалось бедных старых и не очень старых дворянок в этой приютной ферме на полном иждивении учредительницы» [1: 344]. В отдельном флигеле располагалась аптека. Для ее нужд, судя по всему, самостоятельно готовились снадобья, к примеру «перегонная водица» из резеды или розовых лепестков.

Бизюкин также запомнил этот факт: в Спасском «существовала целая аллея из одних махровых душистых роз, цветы коих употреблялись даже на добывание розовой воды посредством перегоночного куба» [1: 349].

Целебные свойства розы описывали еще Авиценна и Гиппократ. Розовая вода как промежуточный продукт при получении масла из лепестков эфиромасличной розы[1] – это натуральный, ароматный антисептик. Ее используют для промывания глаз при конъюнктивитах, воспалении и аллергии; для полоскания горла и полости рта при ангинах, диатезах, воспалении десен. Она также тонизирует кожу головы, снимает воспалительные процессы, способствует росту волос.

Садовник Спасского крепостной Яков, с усердием изучавший садовое дело еще мальчиком, будучи приставленным в качестве помощника к ухаживающему за садом искусному садовнику-немцу (В.П. доверяла только искусным рукам), вспоминал, что «перегонную водицу готовили» и из резеды[2] [10: 213].

[1] Лепестки собирают в фазе цветения розы, в утреннее время, вручную,

[2] С лечебной целью применяются все части растения: стебли, цветки, листья и корни.

Медицинская репутация этого цветка была отражена в его известном в XIX в. синонимическом названии «болеуспокоитель», восходившем к этимологии латинского родового имени растения: reseda от глагола resedare – лечить, исцелять, успокаивать[1].

Водный настой травы и листьев резеды желтой использовался как потогонное и мочегонное средство, настой свежих корней с медом применяли при болезнях сердца. Отличным лекарственным средством от переутомлений, нервных срывов, бессонницы и для улучшения настроения был и просто букет: считалось, что нежный, но стойкий аромат резеды сспособен успокоить нервную систему. Ср., как мать Тургенева описывает свое любимое цветочное окружение в усадебном доме (в нем была и специальная пристройка для оранжереи), причем речь идет о начале марта по старому стилю: «Я вся в цветах. Розы, резеда, желтофиоли – полная гостиная. Это несколько удерживает мою скуку…» [4: 166]. Позже Тургенев наделит «тургеневскую девушку» (Елену Стахову из романа «Накануне») этой ольфакторной приметой как репрезентирующей[2].

Бизюкин упомянул в числе лесоводческих занятий собирание шпанских мух[3], судя по всему, как сырье для изготов-

---

[1] Известна магическая формула римского естествоиспытателя Плиния: reseda morbos, т. е. «успокой боль» (растение прикладывали к опухолям и воспалениям).

[2] «– Кто здесь? – послышался голос Инсарова. Берсенев подошел к нему. – Я здесь, Дмитрий Никанорович. Что вам? Как вы себя чувствуете? – Один? – спросил больной. – Один. –А она? – Кто она? – проговорил почти с испугом Берсенев. Инсаров помолчал. – Резеда, – шепнул он, и глаза его опять закрылись» [7: 261].

[3] Шпанская мушка, или шпанка ясеневая (лат. Lytta vesicatoria) – вид массовых жесткокрылых из семейства жуков-нарывников. Обитает на растениях семейств жимолостные и маслиновые: ясене, бирючине, сирени, акации и маслине. «Шпанской мушкой» называют и само насекомое, и различные препараты, изготовленные из него: порошок, настойки и мази.

ления порошка и «нарывного пластыря». Любопытно, что в некоторых западных странах эту шпанскую (т. е. испанскую) мушку-жука даже переименовали в «русскую мушку», так как эти насекомые были завезены туда из России.

Порошок и пластырь из них применяли как возбуждающее средство, нарывное при параличе, укусе бешеной собаки.

Вернемся к началу статьи и вспомним, что Василий Иванович Базаров прописывает мужичку, страдающему хронической «желтухой», морковь, золототысячник[1] и зверобой. Выбор моркови и зверобоя продиктован традициями именно народной медицины. Как сообщает М. Торэн, в свою очередь ссылаясь на множество собранных ею авторитетных источников и свидетельств по народной медицине, желтуха лечилась травами с желтыми цветами[2].

Она поясняет, что «для лечения выбиралось растение, имевшее цвет, который являлся характерной особенностью некоторых заболеваний. Таким образом, цвет травы соответствовал цвету пораженной болезнью части человеческого тела. К этой группе относятся растения, употребляемые при роже, золотухе, желтухе». Так, от рожи, по ее данным, «лечились кореньями мальвы. Народное название мальвы красные рожицы. От золотухи лечились чередой. Череда дает желтую краску и имеет желтые цветы». И далее она уточняет перечень лекарств от желтухи: «настаивали на водке цветы подсолнечника... употребляли пупавку красильную, дающие желтую краску... давали пить морковный сок или ели морковь... Лечили ее желтой лилией,

[1] Русское название этого старинного лекарственного растения, упоминаемого в травниках с XIII в., имело прямое отношение к желтому цвету: слово «золото» восходит к праиндоевр. *ghel – «жёлтый».

[2] «Настолько сильно было распространено мнение, что для лечения желтухи самым главным является желтый цвет, что, например, в Тобольской губ. от желтухи носили даже желтую рубаху» [6: 232–233].

морковью, отваром желтой конопли и настойкой на водке березовых “мочек”» [6: 232–233]. В Тульской губернии отваривали траву зверобоя в воде, пили от “животных” болей [6, с. 67]. На Кубани при кровавой моче, брюшных завалах брали на стакан кипятку четыре золотника цветочных верхушек зверобоя и настой пили вместо чая: иногда его настаивали на вине, взяв две-три горсти цветов на бутылку вина [6: 67].

Бабе, которая пришла к старику-лекарю с жалобой, что ее «на колотики подняло», Василий Иванович вручает «банку беленной мази» [8: 173]. Мази на основе белены использовали наружно при кашле, плеврите, туберкулезе костей. По старинному рецепту она готовилась из смешанных с луком семян этого ядовитого растения, свиного жира и сосновой смолы.

В письмах В.П. Тургеневой к сыну мы тоже находим свидетельства ее осведомленности в «народной аптеке» и пользования домашними лечебными средствами: «Сейчас подали мне выпить горькую ромашку рюмку, после того кусочек сахарцу закусить». И далее она обыгрывает эту подробность как характеристику своей эпистолярной манеры: «В начале письма я тебя потчевала горькою ромашкою – вот тебе кусочек сахарцу закусить» [4: 457].

Напомним, что и мать Базарова Арина Власьевна «верила во всевозможные приметы, гаданья, заговоры, сны… в народные лекарства, четверговую соль[1]» [8: 113]. Поэтому понятно, почему в домике родителей Базарова пахнет лекарственными травами: «– А я люблю такие домики,

[1] Четверговая соль, согласно В.И. Далю, «пережженная в великий четверг с квасною гущею». Служила «общим лекарством от всего». Например, настой ее на водке считался хорошим средством для пищеварения. Жеваный хлеб, посыпанный мелкой солью, прикладывали к чириям; раствором соли в спирту натирали мокрый лишай до тех пор, пока не появлялась кровь, затем посыпали его одной только солью [6: 120].

как ваш, старенькие да тепленькие; и запах в них какой-то особенный. – Лампадным маслом отзывает да донником, – произнес, зевая, Базаров» [8: 118]. См. также: «…Аркадию отлично спалось в своем предбаннике: пахло мятой, и два сверчка вперебивку усыпительно трещали за печкой» [8: 113]. Заболевший Базаров просит родителей приготовить ему от озноба «липового чаю. – Простудился, должно быть… Арина Власьевна занялась приготовлением чаю из липового цвету» [8: 176].

Подводя итог комментирующему анализу выявленного и систематизированного нами по документальным источникам кластера «народная медицина», можно утверждать, что этноботаника[1] в таком ее преломлении была хорошо знакома Тургеневу как реальный субстрат через быт и реальные практики усадебной жизни в Спасском-Лутовинове, что придает особую достоверность этому мотиву в произведениях писателя, ставшему этноориентированным аспектом метатекста.

Выявленный нами мотив пусть и косвенное, но предметно-убедительное свидетельство того, что чувство причастности к природе, основанное в том числе на знании ее благотворных ресурсов, является для Тургенева выражением «общечеловеческого чувства России» (Ю.В. Лебедев).

ЛИТЕРАТУРА

1. <*Бизюкин Ф.И.*> Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове и И.С. Тургеневе // Русский Вестник. 1885. Т. 175. № 1. С. 338–373.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М.: Русский язык, 1980. С. 14 (репринт издания 1882 г.).

3. Проект организации и ведения паркового хозяйства на территории государственного мемориального и природного музея-за-

[1] О тургеневской этноботанике как «способе видения народной культуры сквозь призму мира растений» см. в нашей монографии [9].

поведника И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново». Кн. 1. Пояснительная записка // Научный архив ГМЗТСЛ. Оп. №4. Дело №221.

4. «Твой друг и мать Варвара Тургенева». Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838–1844). Тула: Гриф и К, 2012. 584 с.

6. *Торэн М.Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб.: АОЗТ Изд-во «Литера», 1996.

7. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 6. Дворянское гнездо. Первая любовь. Накануне. 1858–1860. М.: Наука, 1981.

8. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 7. Отцы и дети. Повести и рассказы. Дым. 1861–1867. М.: Наука, 1981.

9. «Селам, откройся!»: флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы: Монография. СПб.: Нестор-История, 2018.

10. *Щепкина С.Г.* И.С. Тургенев в Спасском-Лутовинове // Красный архив. 1840. №3. С. 195–228.

А.А. Бакшаева
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Христинопольский Апостол XII века: история рукописи

A.A. Bakshaeva
Kazan Federal University

The The Apostolus Christinopolitanus from the 12th century: The Manuscript History

Среди древнерусских рукописных текстов XII–XIV вв. рукопись Христинопольского Апостола занимает важное место. Данный манускрипт является галицко-волынской рукописью толкового Апостола XII в.

Рукопись в ее нынешнем состоянии является неполной. Текст львовской части начинается с Деяний Святых Апостолов 13:20, заканчивается первым посланием к Тимофею. 4:8. Содержание киевского отрывка предшествует основной части рукописи и содержит Деяния святых Апостолов 9:28–13:5. Основная часть рукописи (291 лист) хранится во Львовском историческом музее, отрывок рукописи (8 листов) хранится в Центральной научной библиотеке Национальной Академии наук Украины.

Изучение истории рукописи показывает, что, вероятно, киевская часть манускрипта привлекла внимание исследователей, в частности А.С. Пуришкевича, раньше, нежели львовская. О. Колесса указывает на то, что отрывок рукописи в 8 пергаменных листов, вероятно, пропал при передаче библиотеки Городисского монастыря Христинопольскому около 1773 г. В XIX в. пятая тетрадь рукописи попала в руки польского ученого Августа Белёвского (1806–1876) и куплена у его вдовы А.А. Петрушевичем, по данным СК-1984 не позднее 1874 г. [Колесса 1923: 18].

В 1874–1875 г. А.А. Кочубинский во время командировки в Галицию «съ особеннымъ вниманіемъ просмотрѣлъ пергаменные отрывки и лоскуты въ библіотекѣ А.С. Петрушевича». В отчете дано краткое описание пятой тетради рукописи (киевской части), перечислен ряд особенностей правописания, выдвинуты предположения о южнорусском происхождении рукописи, ее датировке XII–XIII столетием [Кочубинский 1876: 194]. Дополнения к отчету содержатся в рецензии А.А. Кочубинского на книгу П.И. Житецкого «Очерки литературной истории малорусского наречия», в которых автор издает две первые страницы Деяний и указывает на наличие в отрывке диалектных черт [Кочубинский 1892].

Сам А.А. Петрушевский в 1882 г. упоминает о Христинопольском апостоле в статье о христианстве в Предкарпатских странах. См. «въ отрывкѣ апостольскихъ дѣяній, писанныхъ на пергаменѣ чистого южного русского письма, тогоже столѣтія почерка и языка, якъ глаголическое Тетроевангеліе изъ 1143 года, тоже встрѣчаются по полямъ листовъ глаголскія буквы, выставлены въ виде астерисковъ» [Петрушевич 1882: 73]. Отрывок впервые был отождествлен с львовской частью. В библиотеке А.А. Петрушевича рукопись хранится до ее отсылки в Киев между

1986 и 1901 г. В 1910 г. данный отрывок был опубликован С.И. Масловым [Маслов 1910: 229–296].

Как уже было указано выше, львовская часть рукописи, вероятно, была передана в библиотеку Христинопольского монастыря около 1773 г. В 1888 г. он был выставлен в Ставропигийском институте, описан А.С. Пуришкевичем, а уже в 1899 г. передан в собственность института [Маслов 1910: 229–230].

Львовская часть рукописи в 1896 г. опубликована профессором Черновицкого университета Э. Калужняцким [Kałużniacki 1896]. Данное издание вызвало широкий резонанс, в частности, современники отметили пропуск предисловий и оглавлений, многочисленных комментариев на полях, восполнение лакун другими списками, ошибочную передачу орфографии рукописи, что отмечено в рецензиях Г.А. Воскресенского и Е.Ф. Карского (см. [Воскресенский 1897], [Карский 1897]). Оба ученых, однако, отмечают тщательность издания и говорят о несомненной важности публикации. Е.Ф. Карский называет Христинопольский Апостол одноим «изъ лучшихъ памятниковъ русскаго извода», а Г.А. Воскресенский предлагает использовать текст рукописи «при дальнѣйшихъ критическихъ изслѣдованіяхъ текста апостольскаго», чтобы заполнить лакуны первой, древнейшей редакции. Таким образом, значение новоизданной рукописи для современников в первую очередь определялось ее древностью и полнотой.

Во время Первой мировой войны рукопись вывозилась в Ростов-на-Дону, в 1928 г. была возвращена в Ставропигийский институт. Во время Второй мировой войны хранилась у профессора Львовского университета И.С. Свенцицкого, который в 1948 г. передал ее Львовскому историческому музею [СК 1984: 102].

В 2007–2008 гг. на средства гранта США были проведены реставрационные работы, в результате которых рукопись была расшита, покоробленные листы были выпрямлены, загрязненные – очищены, утраты восполнены специально подобранными листами пергамена, повторяющими фактуру оригинала.

В настоящее время текст ХрАп включен в «Казанскую коллекцию интернет-изданий славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв.» на портале «Манускрипт». Подготовка интернет-издания позволяет использовать в исследовании славянского Апостола компьютерные технологии, а также способствует проведению тщательного анализа лингвистических особенностей текста.

В заключение следует сказать, что АпХр является уникальным источником древнерусской письменности. Прежде всего, АпХр является одним из самых ранних сохранившихся списков Апостола, особую ценность которому придает его принадлежность к древнейшей кирилло-мефодиевской редакции, хотя и с внесёнными в отдельных случаях преславскими чтениями. Данный манускрипт отличается полнотой и архаичностью лексико-грамматических свидетельств, строгой последовательностью написания с системой четких правил. Именно такие рукописи формировали книжную норму, которая стала одним из оснований русской литературной нормы.

ЛИТЕРАТУРА

Kałużniacki Aem. Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti. Vindobonae, 1896. 376 p.

Ап XII – Городисский (Христинопольский) Апостол, сер. XII в. (Львов. ист. муз., рук. 39), 291 л. Интернет-издание цифровой фотокопии: http://www.lhm.lviv.ua/proekty/krystynopolsky_apostol.html; интернет-издание подг. М.О. Новак, Я.А. Полозкова,

Е.И. Бойкова, В.А. Баранов, при поддержке ИАС «Манускрипт», 2015 (свободный доступ после регистрации: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=94065041).

Воскресенский Г.А. [Рец. на:] Христинопольская рукопись славянского апостола XII в., и издании Венской Императорской Академии Наук [профессором Е. Калужняцким. Вена, 1896] // Богословский вестник. 1897. Т. 1. № 1. С. 198–208 (2-я пагин.).

Карский Е.Ф. Actus Epistolaeque Apostolorum Palaeoslovenice. Ad Fidem Codicis Christinopolitani Saeculo 12 Scripti, Edidit Aemilianus Kaluniacki. Vindobonae. MDCCCXCVI (Стр. XXXVI + 374 + 1 снимокъ) // Русский филологический вестник. 1897. № 3–4. С. 338–342.

Колесса О. Південно-волинське городище і городиські рукописні пам'ятники 12–16 ст. // Науковий збірник українського університету в Празі. 1923. Т. 1. С. 23–65.

Кочубинский А.А. Отчет о занятиях славянскими наречиями командированного заграницу доцента Императорского Новороссийского университета А. Кочубинского за время от 1-го августа 1874 г. по 1-е февр. 1875 г. // Записки Имп. Новорос. ун-та. 1876. Т. XVIII. С. 191–267.

Кочубинский А.А. Рецензия на книгу г. Житецкого «Очерк литературной истории малорусского наречия». СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1892. 97 с.

Маслов С.И. Отрывок Христинопольского апостола, принадлежащий библиотеке Университета св. Владимира // Изв. ОРЯС. СПб., 1910. Т. XV. Кн. 4. С. 229–269.

Петрушевич А.С. Краткое историческое известие о времени введения христианства на Галичской Руси, особенно же об учреждении святительских столиц в Галиче и Львове, и о святителях, сидевших на упомянутых столицах. Львов: Тип. Ставропигийского Института, 1882. 17 с.

Е.В. Белякова
ИРИ РАН

Заповедь Иоанна Златоустого о законе церковном (к проблеме распространения канонических памятников)1

E.V. Belyakova
The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Commandment of John Chrysostom on Church Law (to the problem of the spread of canon law texts)

Заповедь Иоанна Златоустого о законе церковном – это малоизвестный славянский памятник. В заповеди, как и во многих ранних канонических текстах, соединяются два жанра: дидактический и канонический.

Памятник впервые был опубликован в 1874 г. В. Ягичем[2]. Публикация осталась неизвестна Н.С. Суворову, который поместил этот же текст в качестве приложения к своему труду «Следы западно-католического церковного права в памятниках Древней Руси», вышедшему в 1888 г. Канонист считал, что Заповедь – древнерусское произведение, составленное в подражание «Закону судному людям»[3].

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ грант 19-512-18007 Болг_ а «Монастырские библиотеки в южнославянских землях и на Руси в XIV–XVI вв.».

[2] *Jagić V.* Sitna gradja za crkveno pravo, Starine JAZU VI (1874), 112–156.

[3] *Суворов Н.С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках Древней Руси. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1888. С. 202, прим.

В 1930 г. Р. Груич в статье «Црквене елементи Крсне славе» связал появление текста памятника с деятельностью св. Саввы Сербского по созданию Жичской архиепископии и с упомянутым в житии св. Саввы отправлением протопопов по Сербии для исправления церковных «недостатков»[1]. Предположение Р. Груича было поддержано А.В. Соловьевым[2], Д. Богдановичем[3] и вновь повторено Д. Калезичем, высказавшим удивление, почему текст не был включен в собрание творений св. Саввы.[4] Все исследователи сербской книжности пользовались публикацией Д. Ягича. О необоснованности атрибуции памятника св. Савве писала М. Цибранска-Костова[5], С. Боянин[6] и А.А.Турилов[7].

Заслугой М. Цибранской-Костовой и С. Боянина явилось обращение к рукописной традиции памятника. С. Боянин

---

[1] *Грујић Р.* Црквене елементи Крсне славе // Гласник Скопског Научног Друштва. 1930. Кн. VII–VIII. С. 36–38.

[2] Соловьев А.В. Српска црквена правила из XIV в. // Гласник Скопског Научног Друштва. 1934. Кн. XIV. С. 33–42.

[3] *Богдановић Д.* Крсна слава као светосавски култ // Гласник Српске православне цркве. Београд, 1960. Кн. 42. С. 200–207.

[4] *Калезић Д.М.* О могућности да је св. Сава писац номоканунца? // Проучаване средновековних јужнословенских рукописа / Зборник радова са III Међународне Хиландарске конференције. Београд, 1995. С. 159–165.

[5] *Цибранска-Костова М., Райкова М.* Богомилите в църковноюридическите текстове и паметници // Старобългарска литература. София, 2008. № 39–40. С. 206–207.

[6] Выражаю благодарность проф. Станоје Боянину за любезно предоставленные статьи в недоступных мне изданиях.

[7] *Бојанин С.* Парохијска заједница у огледалу српских пенитацијлних зборника // Средњовековно право у срба у огледалу историјиских извора / Уредници С. Ћирковић, К. Чавошки; Српска Академија науки и уметности. Извори Српског права XVI. Београд, 2009. С. 262-283; *Бојанин С.* Језик претње у средњовековним покајничким књигама // Теолингвистичка проучвања словенских језика. Ур. Ј. Грковић-Меліор, К. Кончаревић. Београд: Српска академија наука и уметности, 2013. С. 333–356.

посвятил особую статью двум Требникам последней четверти XIV в. из библиотеки Дечанского монастыря, в которых содержится исследуемый текст. В составе южнославянских Требников данный текст образует единый блок с епитимийным собранием «Заповедь и устав святых отец 318» и «Правила святых отец по заповеди святого и великого Василия»[1]. В настоящее время известно 20 южнославянских списков памятника, из них 12 – в составе Требников, в том числе 2 Требника из Хиландарского монастыря. Описания собраний не дают возможности определить состав памятника. Даже его первоначальная редакция производит впечатление составного текста.

Первоначальная редакция, опубликованная В. Ягичем, делится на епископское поучение, состоящее из четырех частей, в которые органично включены и правила-предписания и небольшое собрание правил после текста. Обозначим эти части.

1) Предписание священникам, как приводить людей к церкви. В церковь священник («попъ») должен собирать людей по воскресеньям и другим праздникам. С предписания сохранять воскресенье и праздники начинается и широко распространенный в славянской письменности сборник «Пседозонар»[2]. Священник должен смотреть, кто не приходит в церковь. Если кто-то не приходит в церковь, то священник должен идти к нему в дом и выяснять, по

[1] *Турилов А.А.* Какие «многие законные книги» переписал в 1219 г. св. Савва Сербский? // Турилов А.А. Межславянские связи эпохи Средневековья и книжная культура южных славян: этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. С. 361–366.

[2] *Žeňuch P., Белякова Е.В., Найденова Д., Zubko P., Marinčák Š.* Užhorodský rukopisný Pseudozonar. Pravidlá mníšskeho a svetského života z prelomu 16.–17. storočia / Ужгородский рукописный Псевдозонар. Правила монашеской и светской жизни рубежа XVI–XVII вв. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. V. Bratislava; M.; София; Košice: Veda, 2018.

какой причине он не приходит. С богатого больного надо взять «задушие» и причастить («комкать его»). Если человек не посещает церковь, то на него можно воздействовать, отказываясь принимать у него просфору, кутью, и «оброк родителем» (имеется в виду поминание родителей). Самая крайняя мера – отказ в погребении.

2) О крещении детей. В церкви должно быть «корито» на 5 ведер для крещения. Ребенка предписывается причащать семь дней подряд после крещения. Пока ребенок причащается, мать не должна есть «с чедию», а после 7 дней ребенка должны омыть. Только больного ребенка можно крестить в 1 день.

3) Как творить память святому и устраивать общие трапезы (этот раздел и считается источником «крестной славы»). Священникам запрещено благословлять жертвенных животных, совершать трапезы перед церковью. Даны предписания, как вести себя священнику в домах во время праздничной трапезы. Важно и указание отдавать большую часть «убогим».

Запрещается совершать литургию перед крестом, стоящим на пути. За отказ посещать церкви поучение грозило Божиим гневом.

4) О богомилах. Раздел о богомилах логично следует после предписания людям кланяться кресту, так как богомилы запрещали поклонение кресту. В нем можно отметить дословное совпадение с сочинением Козьмы пресвитера.

Далее идут предписания уже только в виде правил, большинство из них начинается словом «Аще», далее идет деликт и санкция. 7 раз санкция состоит в указании на сроки поста и поклонов. Один раз встречается указание на пост «о хлебе и воде». Только в этом собрании встречается правило 7 дней помазывать миром того, кто ест и пьет с армянином. С. Боянин отметил, что состав правил, присоединяемых к поучению, различен.

В восточнославянской традиции нам известно 28 списков памятника. Перемещаясь в монастырские собрания Московской Руси, памятник сменил контекст. Нам не удалось выявить его в составе Требников, но зато он известен в составе Кормчих и канонических сборников. Это очень важное изменение для памятника: из практического он перешел в разряд учительных текстов. Среди конвоя можно указать на цикл поучений к священникам[1] и главы из сборника Псевдозонар. Можно выделить 4 редакции: 1) полную первоначальную (5 списков); 2) сокращенную мясниковскую (7 списков, издана Н. Суворовым); 3) краткую кирилло-белозерскую (10 списков, издана в составе сборника Кирилло / Белозерский XII[2]); 4) краткую барсовскую (3 списка). В нашем докладе мы охарактеризуем только изменения, внесенные в сокращенную мясниковскую редакцию. 1) В составе Поучения пропущена глава о богомилах. 2) Пропущены правила о разрешении крестить одновременно много детей, о запрете служить без облачения, о потреблении причастия, о богослужении у креста, о запрете попу служить вне своего села. 3) Подборка правил имеет другой состав, чем в первоначальной редакции. Вместо 24-х правил здесь помещены другие 9 правил, при этом они имеют номера, но без указания какого собора. Правила, заимствованные из Сербской редакции, имеют ряд вставок, которые никак нельзя признать случайными. С редкой для средневековых памятников последовательностью неизвестный редактор вставлял «отца своего духов-

[1] *Баранкова Г.С., Белякова Е.В.* Жанровые и языковые особенности поучений в литургической практике славян // Liturgické Jazyky v duchovnej kultŭre Slovanov / Ed. Peter Žeňuch, Peter Zubko. Bratislava, 2017. С. 101–118.

[2] Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского. Российская Национальная Библиотека, Кирилло-Белозерское собрание №XII / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003 С. 56.

ного» и «мнишеский чин». Такие вставки имеются в толковании на 25 и 28 апостольское правило, и в 34 правило 6 вселенского собора. Неизвестный редактор был уверен в праве духовного отца извергать из сана. Указанные вставки не случайны. Они перекликаются и с переработкой 133 новеллы Юстиниана в составе Мясниковской Кормчей, в которую были сделаны вставки, усиливающие власть духовного отца и игумена и даже вводящие телесные наказания («да биен будет языки жесткими»[1]. Два правила неизвестного происхождения (под номером 86 и 8) также касаются монахов: одно грозит проклятьем тем, кто отдаст или возьмет что-либо из монастыря без благословения игумена, другое запрещает переписку без благословения игумена.

Редактор произвел и лексические замены: в трех случаях вместо глагола «комкати (се)» употреблено «причастити ся». Эта замена не случайна. Глагол «комкати» характерен для ранних славянских памятников и считается моравизмом. Исключение правил также закономерно: они отражали более раннюю утраченную церковную практику. Рассматриваемая редакция представлена в собраниях Чудовского (митрополичьего) и Соловецкого монастырей. Ее появление в Московской Руси в конце XIV – начале XV в. близко по времени и к появлению краткой кирилло-белозерской редакции, отличающейся еще более сокращенным характером. В состав двух рукописей Мясниковской редакции Кормчей включено послание митрополита Киприана к игумену Сергию и его племяннику Федору, что дает основания предполагать участие Ростовского епископа в создании редакции.

Сравнение восточнославянских редакций Заповеди с первоначальной позволяет лучше понять ее своеобразие.

[1] *Белякова Е.В.* «Той же Василий Иоанну» или сколько существует славянских редакций 133-й новеллы Юстиниана? // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М.; СПб., 2012. С. 83–85.

Необходимо отметить, что в Святосавской Кормчей отсутствуют такие лексемы, как «комкати се», «попъ», «задушие». На наш взгляд, это позволяет отнести Заповедь к более раннему периоду славянской книжности. С другой стороны, изучение миграции канонического памятника и его редактирование позволяет лучше понять своеобразие церковной традиции и особенности истории русского монашества.

ЛИТЕРАТУРА

Баранкова Г.С., Белякова Е.В. Жанровые и языковые особенности поучений в литургической практике славян // Liturgické Jazyky v duchovnej kultŭre Slovanov / Ed. Peter Žeňuch, Peter Zubko. Bratislava, 2017. С. 101–118.

Белякова Е.В. «Той же Василий Иоанну» или сколько существует славянских редакций 133-й новеллы Юстиниана? // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М.; СПб., 2012. С. 76–89.

Богдановић Д. Крсна слава као светосавски култ // Гласник Српске православне цркве. Београд, 1960. Кн. 42. С. 200–207.

Бојанин С. Парохијска заједница у огледалу српских пенитацијлних зборника // Средњовековно право у срба у огледалу историјиских извора / Уредници С. Ћирковић, К. Чавошки; Српска Академија науки и уметности. Извори Српског права XVI. Београд, 2009. С. 262–283.

Бојанин С. Језик претње у средњовековним покајничким књигама // Теолингвистичка проучвања словенских језика / Ур. Ј. Грковић-Меліор, К. Кончаревић. Београд: Српска академија наука и уметности, 2013. С. 333–356.

Грујић Р. Црквене елементи Крсне славе // Гласник Скопског Научног Друштва. 1930. Кн. VII–VIII. С. 35–75.

Калезић Д.М. О могућности да је св. Сава писац номоканунца? // Проучаване средновековних јужнословенских рукописа / Зборник радова са III Међународне Хиландарске конференције. Београд, 1995. С. 159–165.

Соловьев А.В. Српска црквена правила из XIV в. // Гласник Скопског Научног Друштва. 1934. Кн. XIV. С. 33–42.

Суворов Н.С. Следы западно-католического церковного права в памятниках Древней Руси. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1888. 273 с.

Турилов А.А. Какие «многие законные книги» переписал в 1219 г. св. Савва Сербский? // Турилов А.А. Межславянские связи эпохи Средневековья и книжная культура южных славян: этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. С. 361–366.

Цибранска-Костова М., Райкова М. Богомилите в църковно-юридическите текстове и паметници // Старобългарска литература. София, 2008. № 39–40. С. 197–219.

Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского. Российская Национальная Библиотека, Кирилло-Белозерское собрание № XII / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003.

Jagić V. Sitna gradja za crkveno pravo // Starine JAZU. 1874. Roč. VI. C. 112–156.

Žeňuch P., Белякова Е.В., Найденова Д., Zubko P., Marinčák Š. Užhorodský rukopisný Pseudozonar. Pravidlá mníšskeho a svetského života z prelomu 16.–17. storočia / Ужгородский рукописный Псевдозонар. Правила монашеской и светской жизни рубежа XVI–XVII вв. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. V. Bratislava; M.; София; Košice: Veda, 2018.

И.В. Вернер
Институт славяноведения РАН

Источниковедческое и лингвистическое значение одной лексической правки Евфимия Чудовского в Новом Завете (ГИМ, Син. греч. 472 и 473)

I.V. Verner
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Source-studying and Linguistic Value of One of Evfimij Chudovsky's Lexical Revision in the New Testament (GIM, Syn. greek 472 and 473)

В двух черновых списках Нового Завета в переводе Епифания Славинецкого, правленного после его смерти Евфимием Чудовским в 1680-е гг. по нескольким славянским и иноязычным источникам[1], среди многочисленных лексических исправлений присутствует постоянная замена лексемы **сила**, соответствующей греч. δύναμις, на **мощь**. Т. Пентковская, отметившая зависимость евфимиевского перевода аргументов к Апостолу от польского текста Библии Якуба Вуйка 1593 г., объясняет данную замену влиянием польской лексемы moc, а варьирование **сила** / **мощь** в пределах одного контекста – стремлением избежать повтора [Пентковская 2016: 201]. Однако эти замены не были специальным предметом рассмотрения. Между тем этот

[1] О списках Нового Завета, процессе правки и источниках исправления см. в: [Исаченко 2002, Пентковская 2016].

частный случай лексической правки позволяет существенно расширить наши знания как об использованных Евфимием источниках, так и о методологии библейской справы.

Правка греч. δύναμις была пристальным объектом внимания Евфимия во всех новозаветных книгах. В евангельских стихах, где речь идет не о физической, человеческой, но о божественной силе, **сила** исправлена на **мощь** в строке по зачеркнутому, стертому либо вписана в глоссах на полях. В Посланиях, текст которых присутствует только в списке ГИМ, Син. греч. 472, исправлений нет: за единичными исключениями там используется только лексема **мощь**.

Такая замена, безусловно, имеет толковый характер и обязана своим распространением в переводах на разные европейские языки Теодору Безе. Он впервые последовательно разграничил в своем латинском переводе контексты с virtus и potentia, тогда как в Вульгате греч. δύναμις преимущественно соответствует virtus. Эти изменения присутствуют уже в первом издании латинского Нового Завета в переводе Безы, напечатанном в 1556 г. в Женеве Робером Этьеном[1]. Ключевыми контекстами, определяющими замену virtus на potentia, являются слова 1-го и 2-го Послания ап. Павла к Коринфянам о силе Христовой. В славянском переводе в рукописи ГИМ, Син. греч. 472 в этих контекстах

[1] При жизни Безы вышло пять его больших изданий (in folio), четыре из которых содержали не только новый латинский перевод с авторскими комментариями, но также греческий текст и латинский текст Вульгаты, и пять двуязычных изданий меньшего формата [Krans 2006: 202–206]. Кроме того, выходили также неавторизованные издания и издания, содержавшие только латинский перевод Безы с его комментариями. Далее цитаты приводятся по изданию: Jesu Christi D.N. Novum Testamentum. Thedoro Beza interprete. Additae sunt ab eodem summae breves doctrinae in Evangelistas, & Acta Apostolorum. Londini, excudebat Thomas Vautrollerius, 1587.

читается только лексема **мощь** без исправлений[1]: 1 Кор 1:24 **мы́ же проповѣ́даемъ… хр҃ста̀ бж҃ію мо́щь, и҆ бж҃ію мꙋ́дрость** (Беза: Christum Dei potentiam, Вульгата: Dei virtutem); 2 Кор. 12:9 **и҆ речѐ довлѣ́е^т^ тебѣ̀ бл҃года́ть моя̀. мо́щь бо моѧ̀** (Беза: nam potentia mea, Вульгата: nam virtus) **в҆ не́моци совершáетсѧ. сла́дцѣ ꙋ҆бѡ па́че, похвалю́сѧ въ не́мощехъ мои́хъ, да̀ в҆селѝтсѧ в҆ мѧ мо́щь хр҃сто́ва** (Беза: potentia Christi, Вульгата: virtus Christi); 2 Кор. 13:4 **и҆бо а҆́ще ꙋ҆кр҃ствовасѧ ѿ не́моци, но̀ живе́тъ ѿ мо́ци бж҃ія** (Беза: ex potentia Dei, Вульгата: ex virtute Dei). **и҆бо мы̀ немощствꙋ́емъ в҆ то́мъ, но̀ ѡ҆живе́мъ с҆ тѣ́мъ ѿ мо́ци бж҃іѧ в҆ васъ** (Беза: ex potentia Dei, Вульгата: ex virtute Dei).

Толкование δύναμις как potentia Christi и potentia miraculorum было хорошо известно в протестантской европейской традиции, ср., например, в комментарии францисканца Иоганна Вильда (1495–1554) к Посланию ап. Павла к Римлянам: Virtus interdum pro fortitudine sive potentia ponitur, ut: Domine virtus salutis meae, hoc est, fortitudo mea. Sic hic in virtute, id est, per potentiam vel potestatem. Primum divinitatis Christi testimonium est, potentia miraculorum [Wild 1558: 18–19]. С XVII в. устойчивое новозаветное употребление potentia связывается у протестантов с авторитетом Безы. Ср. в вышедшем впервые в 1639 г. в Лондоне и неоднократно переиздававшемся компилятивном толковом лексиконе Эдварда Лея: Vocabulum *δύναμις, potentia*, dupliciter sumitur: I. *Potentia signorum*, significat efficaciam signorum, quam operabantur in cordibus illorum, qui errant conversi.

[1] Текст Посланий ап. Павла (к Римлянам и 1-е к Коринфянам) был заново переведен Епифанием Славинецким и положен в основу правленного Евфимием Нового Завета [Пентковская 2017]. В сохранившейся рукописи перевода Посланий уже присутствует соответствие δύναμις – мощь [Горский, Невоструев 1857:188], что позволяет связывать истоки такого употребления с именем Епифания Славинецкого.

II. *Potentia spiritus*, denotatur causa efficiens huius efficaciae, scil. potentia Spiritus, *Beza* [Leigh 1679: 85].

В католическом польском переводе Якуба Вуйка 1593 г.[1] в контекстах potentia Christi выступают moc «сила» и cudo «чудо» (последняя лексема встречается существенно реже первой). При этом Вуек маркирует лексемой cudo (обычно во мн.ч. cudá) иные контексты, нежели Теодор Беза, который в соответствующих случаях часто сохраняет чтение Вульгаты virtutes.

Исправления Евфимия не совпадают полностью ни с распределением лексем moc и cudo у Вуйка, ни с дистрибуцией лексем virtus и potentia у Безы. Лексема cudo вовсе не находит соответствий у Евфимия, а соответствие **мощь** – moc, по-видимому, в данном случае является лишь формальным сходством, за которым стояла различная семантика: и польско-латинские, и польско-русские лексиконы XVII в. не дифференцируют семантику лексем moc и siła, с одной стороны, а с другой – отмечают соответствие обеих польских лексем как лат. virtus, так и potentia. Ср. в рукописном «Лексиконе польском с толкованием российским»: moc **мощь сила крѣпость храбрость**; mocą **силою насиліемъ**; siła moc **крѣпость мощь сила рогъ могѹтство** (ГИМ, Син. греч. 504, л. 77); в «Тезаурусе польско-латино-греческом» Г. Кнапского: Moc / mocność / śiła / dużość. Fortitudo… Vis… Vehementia… Robur… Potentia [Knapski 1642: 420].

[1] Далее цитаты по изданию: Nowy Testament Páná náßego IESVSA CHRISTVSA. Znowu z Láćińkiego y z Gręckiego ná Polskie wiernie á ßczyrze przełożony: y Argumentámi ábo Summáriußámi káżdych Kśiąg y Rozdźiałow y Annotácyámi po brzegách obiáśniony. Przydáne są Náuki y Przestrogi málo nie zá káżdym Rozdżiałem: Porownánie Ewángelistow SS. Dzieie y drogi rozmáite Piotrá y Páwłá S. y Regestr rzeczy głownießych ná końcu. … Przez D. IAKVBA WVYKA … Kraków, A. Piotrkowczyk, 1593.

Подавляющее большинство правок Евфимия представляет собой замену **силы** на **мощь** в строке (по стертому или зачеркнутому)[1]. Часть этих замен совпадает с чтениями Безы и Вуйка: Мф 24:30 **оу҆зрѧть сн҃а чл҃ческаго грѧдꙋщаго… съ ~~силою~~ мощію и҆ сла́вою мно́гою** (Вуйек: z mocą, Беза: cum potentia); Мф 22:29 **не̑ вѣдѧще писаніи, нижѐ ~~силы~~ мо́щи бж҃іѧ** (Вуйек: mocy, Беза: potentiam); Мф 24:29 **~~силы~~ мѡ́щы нб҃сныѧ поколе́блютсѧ** (Вуйек: mocy, Беза: potestates); Мф 25:15 **ѻ҆номꙋ ꙋ҆бо дадѐ пѧ́ть тала́нты, ѻ҆вомꙋ же два, ѻ҆вомꙋ же є҆ди́нъ, коемꙋ́ждо по̀ свойстве́ной ~~силѣ~~ мо́щи** (Вуйек: przemożenia, Беза: facultatem). Такой же характер правки демонстрируют и вынесенные в глоссы лексемы **мощь**: Мк 9:1 **ви́дя^т^ цр҃ствіе бж҃ее прише́дшее в҆ си́лѣ** – глосса **мо́щи** (Вуйек: w mocy, Беза: cum potentia).

Другая часть замен **силы** на **мощь** произведена Евфимием в контекстах, где у Безы сохранен вариант Вульгаты virtus (у Вуйка в части из этих контекстов используется cudo): Лк 4:14 **во^з^врати́ся і҆и҃с в҆ мо́щи** (по стертому) **дх҃а** (Вуйек: w mocy, Беза: cum virtute); Мф 13:58 **не сотворѝ та́мѡ мо́щей** (по стертому) **мнѡ́ги^х^ за̀ невѣ́рство и҆́хъ** (Вуйек: cudow, Беза: virtutes); Лк 6:19 **ве́сь наро^д^ и҆ска́ше прикасатися є҆мꙋ: ꙗ҆́кѡ мо́щь** (по стертому) **ѿ не́го и҆схожда́ше** (Вуйек: moc, Беза: virtus); Мф 13:54 **ѿкꙋдꙋ семоу̀ мꙋдрость сїѧ̀, и҆ мѡ́щи** (по стертому) (Вуйек: cudá, Беза: virtutes). Семантика этих контекстов отвечает значению potentia Christi.

Однако есть и примеры противоположных исправлений в строке и в глоссах, когда в контекстах с той же самой семантикой мощь меняется на лексему сила: Лк 22:69 **сн҃ъ чл҃ческій сѣдѧ́й и^з^ десны́хъ ~~мощи~~ силы бж҃іѧ** (Вуйек: mocy, Беза: potentiae, Вульгата: virtutis); Лк 21:27 **ꙋ҆зрѧтъ сн҃а чл҃ческагѡ грѧдꙋща на̀ ѻ҆блацѣ съ ~~мощію~~**

[1] Далее все примеры приводятся по тексту в рукописи ГИМ, Син. греч. 473.

силою и҆ сла́вою (Вуйек: z mocą, Беза: potentia, Вульгата: cum potestate); Мт 6:13 **ꙗ҆́кѡ твоѐ є҆́сть цр҃ствіе, и҆ мо́щь, и҆ сла́ва, во̀ вѣ́ки, а҆ми́нь** – глосса **си́ла** (Вуйек: możność (на полях), Беза: potentia); Лк 5:17 **и҆ мо́щь гдⷭ҇ня бѣ̀ во є҆́же врачевати ты́ѧ** – глосса **си́ла** (Вуйек: moc, Беза: potentia). Такие случаи могут быть объяснены только колебанием в выборе переводчика.

Более красноречиво сомнения в правильности выбора демонстрируют те исправления, в которых вариант меняется дважды: в строке последовательно зачеркиваются обе лексемы, а глосса на полях содержит изначально отвергнутый вариант: Лк 19:37 **хвали́ти бг҃а гла́сомъ веліи҄м ѡ҆ всѣ́хъ ꙗ҆̀же видѣ́ша ~~мощеⷯ~~ си́лахъ** – глосса **мо́щехъ** (Вуйек: cudow, Беза: virtutibus); Лк 10:19 **сѐ даю̀ ва́мъ вла́сть стꙋ́пати верхꙋ̀ ѕміеⷭ҇ и҆ скорпіеⷭ҇, и҆ на всякꙋ̀ ~~си́лꙋ мощь~~ всю силꙋ̀ вражію̀** – глосса **всѧ̑кꙋ̀ю мощь** (Вуйек: mocy, Беза: vim); Лк 9:1 **созва́въ же двана́десять · ꙋ҆чн҃кы своя̀ дадѐ и҆̀мъ си́лꙋ** (по стертому) **и҆ вла́сть** – глосса **мо́щъ** (Вуйек: moc, Беза: vim). Заметим, что эти контексты дают некоторые основания для сомнений, поскольку позволяют по-разному трактовать possessio potentiae.

Наконец, в отдельных примерах греч. δύναμις соответствует традиционный вариант **сила**: Мф 11:20 **нача̀ поноша́ти градовѡ҆м҇ в ни́хже бы́ша множа́йшїѧ си́лы є҆гѡ̀, ꙁанѐ не пока́ѧшася** (Вуйек: wiele cudow, Беза: virtutes); Мф 11:23 **ꙁанѐ а҆́ще в҆ содо́мѣ бы́ли бы́ша си́лы бы́вшїѧ в҆ тебѣ̀, пре́были бы́ша до днесь** (Вуйек: cudá, Беза: virtutes); Лк 10:13 **ꙁане а҆́ще в҆ тѵ́рѣ и сі́дѡнѣ быша ~~мощи~~ силы были бы́вшыѧ в҆ ва́съ** (Вуйек: cudá, Беза: virtutes). Очевидно, что эти контексты отличаются от большинства иных, поскольку в них речь идет о силах, не возымевших действия на не покаявшиеся города. Евфимий, как и Беза, предпочитает обозначить эти смыслы лексически.

Таким образом, рассмотренная лексическая правка Евфимия, не находящая буквальных совпадений в польском и латинском текстах, тем не менее обнаруживает непосредственную связь и с идеей распределения данных лексем по принципу их толковой нагрузки, и со структурой лексической оппозиции virtus-potentia. И если обращение к толкованию имело прецеденты в лексической справе предшественников Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, среди которых наибольшим авторитетом для последнего выступает Максим Грек, то обращение внимания на конкретную пару лексем, подлежащих дифференциации в соответствии с их толкованием в разных контекстах, связано с актуализацией противопоставления virtus и potentia в латинском переводе Безы.

Труды «Безы еретика, наследника кальвинов», без сомнения, были хорошо известны Евфимию: в трактате на «Оглаголующия Священную Библию» он упоминает Безу, Будного и Чеховича в контексте обличения «правителей латинских и польских книг» (ГИМ, Син. 373, лл. 28–73). В многочисленных изданиях как собственно латинского перевода Безы, так и в изданиях, где его перевод печатался параллельно с греческим текстом и латинским текстом Вульгаты, неизменно присутствуют комментарии, в которых Беза не раз отмечает смысл замены virtus на potentia. По-видимому, в данном случае имела место та же ситуация, что и при переводе аргументов Апостола: как польский, так и латинский тексты активно используются Евфимием, однако он предпочитает об этом умалчивать. Какое-либо из изданий латинского перевода Нового Завета Теодора Безы, очевидно, должно было входить в число «иных» источников справы, не названных в предисловии к правленному Евфимием Чудовским Нового Завета.

ЛИТЕРАТУРА

Горский 1857 – *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Ч. I. М., 1857.

Исаченко 2002 – *Исаченко Т.А.* Новый Завет «перевода и стяжания» иеромонаха Чудова монастыря Епифания (Славинецкого) посл. трети XVII в. // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 73–92.

Пентковская 2016 – *Пентковская Т.В.* Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1(31). С. 184–229.

Пентковская 2017 – *Пентковская Т.В.* Толкования на послания апостола Павла в переводе Епифания Славинецкого как источник Нового Завета последней четверти XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2017. № 2. С. 27–52.

Knapski 1648 – *Knapski G.* Thesaurus Polonolatinograecus seu Promptuarium linguae Latinae et Graecae. Cracoviae, 1648.

Krans 2006 – *Krans J.* Beyond What Is Written: Erasmus and Beza as Conjectural Critics of the New Testament. Leiden; Boston, 2006.

Leigh 1679 – *Leigh E.* Critica sacra duabus partibus: quarum prima continet observationes philologicas & theologicas in omnes radices Veteris Testamenti. Secunda continet philologicas & theologicas observationes in omnes græcas voces Novi Testamenti. Amstelodami, 1679.

Wild 1558 – *Wild J.* Exegesis in epistolam Pauli ad Romanos. Moguntiae, 1558.

Е.А. Галинская
МГУ имени М.В. Ломоносова

Вариативность орфографических навыков новгородских писцов в конце XVI века

E.A. Galinskaya
Lomonosov Moscow State University

Variability of Spelling Skills of Novgorod Scribes at late 16th century

В Российском государственном архиве древних актов хранится уникальный документ, оформленный по раздельным переплетам еще в конце XIX в. в Московском архиве Министерства юстиции, – «Записная книга старых и новых крепостей по Новгороду, явленных дьяку Дмитрию Алябьеву» 1597–1598 гг.: ф. 1144 «Новгородская приказная палата», оп. 1, № 1 «Книга записная кабалам на холопей» и № 4 «Книга кабальная записей на разных лиц». Записные книги старых и новых крепостей велись в Новгороде с 1 декабря 1597 г. по 31 января 1598 г. Они были заведены в делопроизводстве Новгородской приказной избы для пересмотра и проверки владельческих прав на холопов и представляют собой изложение грамот, оформлявших эти права в XVI в. (в основном в последней его четверти) и в очень редких случаях в начале XVI в. и последней трети XV в. По указу от 1 февраля 1557 г. пересмотр владельческих прав на холопов должен был осу-

ществляться по всей России, но до нас дошли только книги, составленные в Новгороде.

Книга № 4 написана на 230 лл., скрепленных подписью дьяка Дмитрия Алябьева, служившего в Великом Новгороде с марта 1594 г. по май 1602 г., см. [Веселовский 1975: 21]. Книга № 1 состоит из 201 л., но скрепа Дмитрия Алябьева стоит только на лл. 1–141, далее следует челобитная грамота 1596 г. (л. 142), а оставшиеся листы написаны в XVII в. Поэтому из книги № 1 был изучен лишь текст на лл. 1–141, где есть скрепа дьяка Дмитрия Алябьева.

Лл. 1–141 книги № 1 (далее – **К1**) написаны шестью почерками: **1-й** почерк: лл. 1–8 об.; **2-й** почерк: лл. 9–75 об.; **3-й** почерк: лл. 76–77, часть л. 85 об., сер. л. 90 об.–92об.; **4-й** почерк: лл. 77 об.–90 об. до сер. л., 93–93 об.; **5-й** почерк: лл. 94–125 об.; **6-й** почерк: 126–141 об.

Книга № 4 (далее – **К4**) написана пятью почерками: **1-й** почерк: лл. 1–32 об.; **2-й** почерк: лл. 33–104 об.; **3-й** почерк: лл. 105–136 об.; **4-й** почерк: лл. 137–222 об.; **5-й** почерк: лл. 223–230 об.

Однако анализ показывает, что 3-й почерк К1 и 5-й почерк К4 принадлежат руке одного и того же писца. Равным образом одному и тому же писцу принадлежат 4-й почерк К1 и 4-й почерк К4. Следовательно, над Записной книгой (далее – **ЗК**) работали девять писцов.

Естественно, мы наблюдаем ряд устойчивых орфографических навыков, общих для всех писцов и вообще характерных для деловой письменности XVI в., например, замену **ѣ** в безударных слогах на **е** (*збежали* К4-124 об.[1],

[1] При приведении примеров из рукописей используется упрощенная орфография: і передается как **и**, w как **о**, ѕ как **з**, ѣ и ѧ как **я**, ѯ как **кс**, ѳ как **ф**. Во всех почерках в большинстве случаев употребления букв **ъ** и **ь** они имеют единый размашистый начерк. В тех случаях, когда твердость или мягкость согласного очевидна, ставятся соответственно буквы **ъ** и **ь**, а там, где твердость или мягкость могут быть связаны с диалектными особенностями, используется нейтральный знак **Ъ**.

детеи К2-107, *в роспросе* К1-129 и т. д.), сочетание **цы** (*О^в^-цы^н^* К1-92об, *у ... Курицына* К4-29, *тамо^ж^ницы* К4-38 об. и т. д.). На них мы останавливаться не будем, а продемонстрируем далее разные орфографические стратегии писцов.

1. В новгородском диалекте конца XVI в. в соответствии с этимологическим **ě* под ударением последовательно произносился звук [и] [Галинская 2002: 15–17], и каждый из писцов ЗК с той или иной степенью регулярности отражает это произношение, например:

Перед твердым согласным: *Ме^д^видевъ с҃нъ* К1-2 (1-й поч.), *згорила* К1-43 об. (2-й поч.), *бигае^т^* К1-76 (3-й поч.), *крипости* К4-230 (5-й поч.), *надилу* (Р.п.) К1-88об (4-й поч.), *о^т^ намистника* К4-138 об. (4-й поч.), *ди^в^ка* К1-98 (5-й поч.), *вели^л^* К4-1 об. (1-й поч.), *ничто ...бг҃ъ пошле^т^* К4-57 (2-й поч.).

Перед мягким согласным: *Се^р^гие^в^ с҃нъ* К1-8 об. (1-й поч.), *на Луки^р^и* К1-28 (2-й поч.), О^н^дри^и^ К1-92 об. (3-й поч.), *дити* (исправлено на *детеи*) К4-226 (5-й поч.), влади^т^ К4-191об (4-й поч.), *на Тимофи^и^ка* К1-87 (4-й поч.), *в обии^х^ кабала^х^* К1-104 об. (5-й поч.), *Ма^т^фиева до^ч^* К1-141 (6-й поч.), *не умие^т^* К4-3 (1-й поч.), *Патракиеву до^ч^* К4-126 (3-й поч.).

В конце слова: *тѣ* (**ѣ** исправлен из **и**) К1-8 об. (1-й поч.), *в рубли* К1-16 об. (2-й поч.), *на е^г^ роби* К1-77 (3-й поч.), соби К4-230 (5 поч.), *на кабали* К1-87 об. (4-й поч.), *в су^ди^* К4-182 об. (4-й поч.), *дви* К1-106 об. (5-й поч.), *во ^д^вори* К1-127об (6-й поч.), *сестри* (Д.п.) К4-16 об. (1-й поч.), ***на зади*** К4-54 об. (2-й поч.).

Однако орфографические стратегии в плане употребления букв **ѣ** – **и** – **е** в соответствии с **ě* у писцов были разными. **Три** писца (К1, 1-й поч.; К1, 4-й поч. / К4, 4-й поч.; К1, 5-й поч.) активно заменяют **ѣ** на **и** и часто пишут гиперкорректно **ѣ** вместо **и** (напр., *на нѣ^х^* К1-2 об., Денѣско К1-78 об., *на Орѣ^н^ке* К4-169 об., *бѣти челомъ* К1-108 об. и т. д.) при полном отсутствии замен **ѣ** на **е** или единичных случаях таких замен.

Один писец (К1, 3-й почерк / К4, 5-й почерк) активно заменяет **ѣ** на **и**, но обратной замены и мены **ѣ** – **е** у него нет. **Три** писца (К1, 2-й почерк; К1, 6-й почерк; К4, 1-й почерк) допускают небольшое количество случаев взаимной мены **ѣ** и **и** при наличии в заметных количествах замены **ѣ** на **е**. Возможно, случаи замены **ѣ** на **е** в слоге под ударением объясняются у этих писцов влиянием устойчивого навыка замены **ѣ** на **е** в безударной позиции. У **двух** писцов (К4, 2-й почерк; К4, 3-й почерк) видим редкие случаи замены **ѣ** на **и** при наличии не менее редких случаев обратной замены или отсутствии их; столь же редко **ѣ** заменяется на **е**.

2. С употреблением букв **ѣ**, **и**, **е** связаны предпочтения писцов в написании отдельных слов.

Так, два писца (К1, 4-й поч. / К4, 4-й поч. и К1, 5-й поч.), активно взаимозаменяющих **ѣ** и **и**, выработали устойчивый навык писать имя Дмитрий и его производные с **ѣ** в корне:

К1, 4-й поч. / К4, 4-й поч. – *Дмѣтре*^{и} К1-90, *Дмѣтрѣико* К4-185, *Дмѣтрѣе*^{в} *снъ* К1-93, К4-197, *Дмѣтрѣе*^{в}*скои дьяче*^{к} К1-90 и т. д. (всего более полусотни случаев написания **ѣ** на месте ударного [и]). К1, 5 поч. – *Дмѣтрия* (Р.) К1-109 об., *Дмѣтрие*^{в} К1-98, *Дмѣтриеву до*^{ч} К1-101об, *Дмѣтрие*^{в}*ско*^{г} (Р.п.) К1-95 и нек. др.

По-разному писцы относятся к орфографической передаче частицы **дѣи**/**дѣ**, (она восходит к глагольной словоформе *дѣю* ‘говорит’ [Зализняк 2008: 43]), при том что все они произносили ее как *дии*, *ди* в связи с эффектом реализации **ě* в [и] в безударных слогах (частица была энклитикой). В частности, в 1-м почерке К-4 постоянно пишется *ди* (*его ди люди* К4-5 об., *а до*^{ч} *ди его* К4-5об, *а в холо*^{п}*стве ди у ни*^{х} К4-2 об., *а жена*^{т} *ди* К4-10 и т. д., многократно), а писец, которому принадлежит 5-й почерк К1 обычно пишет *де* и изредка *ди* (*та де Ори*^{н}*ка* К1-107 об., *и в холо*^{п}*стви* ^{де} *у ни*^{х} К1-111 об., *и то*^{т} *де Паве*^{л}*ко з женою* К1-114об, *а снъ де его* К1-114 об., *и*

у Ива^н^ка де ро^ди^лъся сн҃ъ К1-114 об. // *у Ва^с^ки ди в холоп^с^тви* К1-101, *и тот де Ма^р^ко женат ди бы^л^ на другои жены на Ма^р^ице* К1-114 об.). В то же время, например, во 2-м почерке К2 сосуществуют *де* и *деи*, ср. на одном и том же листе: *а дете^и^ де у ни^х^* К1-55 и *и та де^и^ Дуница* К1-55.

2-й писец К1 устойчиво пишет многократно встречающееся в ЗК слово «прозвище» через **е**: *про^з^веще* К1-14, 14об, 16, 17, 19 об. и т. д., постоянно).

3. ЗК отражает твердость шипящих [ш] и [ж] (она свидетельствуется в трех почерках сочетаниями **шы**, **жы**) при том, что указания на остаточную мягкость (ими были бы сочетания **шя**, **жя**, **шю**, **жю**) отсутствуют. Для 2-го писца К1 написание **шы**, **жы** является нормой (напр.: *Гришы* (Р.п.) К1-38, *у Левушы* К1-51, *Крекшы^н^* 32, *Левшы^н^* К1-13 об., *Ме^н^шы^к^* 54, *Шыряя* (Р.п.) К1-49, *Дружы^н^ка* К1-42, *положы^л^* К1-10, *прижы^л^* К1-36, *прижыла* К1-35об, *служылую кабалу* К1-49 и т. д.). Остальные писцы стабильно пишут **ши**, **жи**, нейтральные с точки зрения обозначения твердости / мягкости, но в двух почерках, видимо, по недосмотру появляется по одному сочетанию **жы**: *во^с^мЪ служылыхъ кабалъ* К1-103 (5-й писец), *приложы^л^* К4-59 об. (2-й писец).

4. В говоре писцов присутствовал долгий (а не сложный) глухой шипящий, ср. *не що^в^ с суда* (причастие *съшьвъ* вместо *съшьдъ*) К4-124, где буква **щ** несомненно обозначает долгий звук. Взаимная мена **ш** – **щ** (напр., *про^з^вишо* К1-2 об., *пище^т^* К1-94 об.) свидетельствует о близости в произношении долгого и нормально краткого шипящего, т. е. можно предполагать твердость [ш:]. При этом не все писцы одинаково отражают это явление. Так, в К1, 3-й поч. / К4, 5-й поч. и К1, 6-й поч. замен нет совсем, редкие замены находим в К4, 1-й поч. и К4, 3-й поч., 2-й писец К1 допускает замену **ш** на **щ** только в фамилии Мышецкий (*Мыщецко^г^* К1-16 об.), а 2-й писец К4 единично заменяет **ш** на **щ** в фамилии Новокщенов (*Ново^к^шено^в^* К4-38 об.) и в имени Меньшик (с *Ме^н^щико^м^* К4-36об,

Ме^н^щика (В.п.) К4-79 об.). В то же время 1-й писец К1 и 5-й писец К1 активно взаимозаменяют **ш** – **щ** (для них это функционально одна буква). Особым образом ведет себя писец, которому принадлежат 4-й поч. К1 и 4-й поч. К4. При наличии указанных замен он активно использует буквосочетание **сщ**: *восщаная* К4-142, *Вересщаги* (Р.п.) К4-138 об., *у Вересщаги* К4-172, *с плосща^ди^* К4-172, *исщею* ‘истца’ К4-195, 203, *Насщоки^н^* К4-198, *прикасщики* К1-79 об., *Пусщи^н^* 79 об. Ср. также *восшаная* К1-89.

5. Разные стратегии у писцов были и в отношении окончания Р.п. ед. ч. ж.р. прилагательных. Два писца (К-1 6-й поч., К4, 1-й поч.) придерживаются нормы приказного языка и употребляют только окончание *-ые* /*-ие* (вряд ли оно было представлено в новгородском диалекте, поскольку сейчас там есть лишь окончание *-ой* [ДАРЯ II, карта 42]), напр., *у по^л^ные* К4-22, *Зару^с^кие половины* К1-130[1]. Один писец (К1, 4-й поч. / К4, 4-й поч.) наряду с нормативным окончанием *-ые* использует в довольно больших количествах разговорное окончание *-ой*, напр., *у ря^д^нои* К4-148 об.). У остальных писцов это окончание встречается лишь в единичных случаях.

Таким образом, мы видим, что писцы, работавшие вместе в одной приказной избе и сменявшие друг друга при написании книги (а в одном случае их почерки даже перемежаются: 3-й и 4-й почерки К1), имели разные орфографические предпочтения. У некоторых из писцов даже формировалось представление о большей или меньше синонимичности в таких парах букв, как **ѣ** – **и** и **ш** – **щ** (К1, 4-й поч. / К4, 4-й поч.; К1, 5-й поч.), тогда как другие писцы стремились соблюдать нормы приказного языка, хотя не у всех получалось делать это последовательно. Выявление в рукописи разных орфографических навыков помогает в ряде случаев определять границы почерков в том случае,

[1]У 1-го писца К4 бывает и *-ыя* (напр., *у докла^д^ныя* К4-21 об.), что, видимо, обусловлено реализацией заударного [е] в [’а].

если писец, например, уставал и начинал писать менее аккуратно либо более размашисто или если разные писцы имели почерки одного типа со схожими начерками букв.

ЛИТЕРАТУРА

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975.

Галинская Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Карты. Вып. II. Морфология. М., 1989.

Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

М.В. Ермолова
НИУ ВШЭ, ИРЯ РАН

К вопросу о функционировании кратких форм причастий страдательного залога прошедшего времени в западнорусских летописях (в сопоставлении с материалом русских говоров и других славянских языков)

M.V. Ermolova
National Research University Higher School of Economics,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS

On the Functioning of the Short Passive Participles in the West-Russian Chronicles (in comparison with the material of Russian dialects and other Slavic languages)

Употребление кратких форм страдательных причастий прошедшего времени в древнерусском языке в целом соответствует их использованию в современном русском

литературном языке. Они регулярно употребляются в качестве сказуемого со связкой в прошедшем, настоящем и будущем временах, ср.: **Томъ же лѣтѣ. престависѧ изѧславъ. стополчиць м(с)ца декабрѧ. въ гі а погребенъ бы(с) кд·дн҃ь** (Ипатьевская летопись, л. 109 об.), **Аще не вѣдае(т) крще(н) ли е(с). или не крщенъ** (Вопрошание Кирика, л. 48 об.), **Аже боудеть кии чл҃къ и крещенъ въ латиньское** (там же, л. 18 об). Аналогично страдательные причастие прошедшего времени могут использоваться и в западнорусских летописях, ср.: Супр. л. 31 **в лѣ(т) ҂ѕ҃ χ҃ нд єздиль Александрь второе ко Батыеви и ѿпоущень бы(с) со честию**[1], Крас. л. 68 об.–69 **и въскричала Рж(с) великы(м) голосо(м) и с плаче(м). и(ж) так ѡкрꙋ(т)не вси соу(т) побиты. ѿ невѣрное Литвы**. В западнорусских летописях, однако, выделяется целый ряд контекстов, в которых страдательные причастия функционируют иначе, чем в современном русском литературном языке. В настоящем докладе будут разобраны типы этих контекстов, а также будет поднят вопрос об их генезисе: являются ли они архаизмом или инновацией, следует ли в них видеть те же тенденции, которые получили развитие, с одной стороны, в западных русских говорах, с другой – в украинском, белорусском и польском языках?

1. Первым типом контекстов являются контексты, в которых при согласованных с подлежащим страдательных причастиях, употребленных по отношению к прошедшему времени, отсутствует глагол-связка. Рассмотрим примеры:

Супр. л. 66 **Тои же ѕимы м(с)ца марта ві дн҃ь. простилъ Бъ во цркви стыꙗ Бци на Москве оу гроба стго митрѡполита Петра чюдотворъца. Роуского. некоемоу члвкоу нога прикорчена ѡтьиноу(д) и исцели оу гроба стго Петра в недѣлю в҃ ю поста**;

[1] Текст воспроизводится по изданию [Западнорусские летописи 2008].

Вил. л. 446 **сына (ж) его кн҃зѧ Юрьѧ кн҃зь великыи Скиргаило ѡбретѣ ꙋ троупехъ мно(г) ранена то(л)ко жи(в) и взѧ(т) его. и нача лечити многы лѣкар(ь)ствы. и (г)лаву емꙋ постриже. занже много ране(н). и ѿчаꙗлъ собѣ живота**;

Арх. л. 72 об. **и оуме(р) оу середꙋ. и Киѧне вси понесли его на голова(х), сщ҃е(н)ницы поюще ѿходныѧ пѣсни со свѣщами. и(з) города Киева до ст҃ыѧ Б(д)ца Пече(р)ские и положо(н) кн҃зь Ски(р)гаило чꙋдныи і добрыи, по(д)ле г(ро)ба ст҃аго Феѡдосиѧ Пече(р)скаго.**

Такое употребление знают и древнерусские летописи, ср.: **приде кн҃зь всѣволодъ в новъгородъ и влд҃ка и вси моу(ж҃) одарени бе-ѡисла и ради бѣша новгородьци** (Новгородская первая летопись ст. извода, л. 94). При переводе данных примеров на русский язык мы не можем не добавить глагол *быти* в прошедшем времени: «нога была согнута в другом месте», «так как был сильно ранен», «все были одарены».

Вполне возможно, что в подобных случаях мы имеем дело с явлением, наблюдающимся в севернорусских и западных среднерусских говорах с так называемым «новым» перфектом, сформированным на базе страдательных или действительных причастий на *-н-/-т-*. Исследователи понимают под «новым» перфектом «систему грамматических единиц, специально предназначенных для выражения состояния, явившегося результатом предшествующего действия» [Кузьмина, Немченко 1971: 219]. Данная система включает в себя три временные формы (наст., прош. и буд. вр.), ср.: *кастрюля в подпол спущено*; *картошку закопано в ямья было*; *все дрова будут убраны*. В этих говорах результативная (от)причастная форма, будучи отнесенной к прошедшему или будущему времени, может употребляться без глагола-связки в соответствующей форме, ср.: *как*

отступали, машин-то нагнато [было] [Кузьмина, Немченко 1971: 195–197]. Аналогичная ситуация, по данным исследователей, наблюдается и с перфектом на *-ши/-вши*: встречаются примеры отсутствия связки и в прошедшем, и в будущем времени, и в сослагательном наклонении: *не будут расти в плотном, так они заглохши* [будут]; *оставшись с ребятами* [была], *когда мне было 31 год*; *лишь бы выросши* [были] (об огурцах) [там же: 195–197].

Учитывая возможность подобного употребления причастий и в летописном материале, кажется логичным предположить, что в случаях пропуска связки мы имеем дело с нейтрализацией временного значения при результативной форме. По всей видимости, (от)причастная форма в рассматриваемых летописных примерах выражает значение результата как таковое, и указание на время оказывается факультативным. Подобное употребление подтверждается типологически: «в ряде древних индоевропейских языков (древнеиндийском, древнегреческом, древних германских диалектах) сохранились явные следы того (позднее устраненного) положения, при котором формы перфекта могли использоваться как для обозначения настоящего, так и для обозначения прошедшего времени» ([Перельмутер 1977: 70]). По всей видимости, деактуализация временного значения при обозначении результата в древнерусском была лишь тенденцией, только начавшей формироваться и получившей развитие лишь в ряде отдельных говоров, в которых после утраты сложной системы прошедших времен и универсализации формы бывшего перфекта возник «новый» перфект. Данное предположение подтверждает и тот факт, что в древнерусских летописях центральной локализации примеры с пропуском связки единичны, в то время как в памятниках северо-западной локализации (как древнерусских, так и старорусских) их значительно

больше, ср.: **и попа немецькаго поимаша, и Нѣмець и Чюхновъ, мужеи и женъ и дѣвокъ много плениша, а все то, животъ и головы ко Пскову провадиша; а псковичь всѣх богъ оублюде святая троица, ни единъ человѣкъ не оубитъ** (Псковская I лет., Тих. л. 71 об.).

2. В другом типе контекстов страдательные причастия употребляются в безличных / неопределенно-личных конструкциях, обозначая прошлое действие, при этом глагол-связка в прошедшем действии отсутствует, как и в первой группе примеров:

Вил. л. 447 **и побѣжени быша Литва. и побѣгла. и побито и(х) мно(ж)ство. а ины(х) кнѧзеи и пано(в). много поимали**;

Вил. л. 448 об. **и побежени быша вои кн҃зѧ Корбута. и почаша бѣгати. и побито и(х) мнѡ(г)**;

Арх. л. 47 об. **і коли которого великого кнѧзѧ Лито(в)ского а(л)бо пана со(ж)жоно тело, тогды при ни(х) кладывали ко(г)ти ры(с)и або ме(д)ве(ж)и**;

Арх. л. 69 **и поможе Бг҃ъ великому кнѧзю Вито(в)ту, і побегу(т) воиско Ски(р)гаилово. і побито и(х) много. а ины(х) живы(х) поманѡ и повели кн҃зе(и) и боѧ(р)**.

С одной стороны, данные примеры могли бы рассматриваться в первой группе: действие, выраженное страдательным причастием, обозначает результат, отнесенным к прошлому. Следовательно, здесь также можно было бы предполагать пропуск связки, возможный в языковых системах, в которых существуют специальные формы для выражения результативного действия, ср. характерное употребление страдательного причастия в безличном предложении явно в результативном значении в Суздальской летописи: **а что изъимано людеи черны(х҃). и з женами и з дѣтми. то все попровадилъ прочь. а трупыа боѩръ тѣ(х҃) повелѣ по деревью извѣшати** (л. 170). С другой стороны, для укра-

инского, старобелорусского и польского языков характерно употребление форм на *-но-/-то-* без связки «в качестве сказуемого для обозначения активного действия неопределенного лица в прошлом» [Тихомирова 1978: 96], ср.: укр. *траву скошено* «траву скосили» (а не «трава скошена»!) [Перепелица 1984: 40], старобелор. *всюды wбразу лѹпено, топтано и в болото метано* «иконы обдирали, топтали и кидали в болото» [Мова беларускай письменнасці 1988: 250], польск. *jak robiono zakupy w czasach PRL* «как совершали покупки во времена ПНР». Возможно, контексты второго типа из западнорусских летописей должны рассматриваться как аналогичные приведенным примерам.

В отношении большого количества примеров нельзя однозначно решить, имеем ли мы дело с результативной формой и пропуском связки, что наблюдается в северозападных и западных среднерусских говорах с «новым» перфектом, или с неопределенно-личной конструкцией, которая характерна для польского, украинского и старобелорусского языков. Вполне вероятно, что текст западнорусских летописей отражает оба явления.

ЛИТЕРАТУРА

Западнорусские летописи 2008 – Полное собрание русских летописей. Т. XVII. Западнорусские летописи. М., 2008.

Кузьмина, Немченко 1971 – *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Мова беларускай письменнасці 1988 – Мова беларускай письменнасці XIV–XVIII стст. Минск, 1988.

Перельмутер 1977 – *Перельмутер И.А.* Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видо-временные и залоговые категории. Л., 1977.

Перепелица 1984 – *Перепелица С.С.* Реверсивные конструкции украинского языка в системе активно-пассивно оппозиции: Дисс. … канд. филол. наук. Черновцы, 1984.

Тихомирова 1978 – *Тихомирова Т.С.* Польский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарем. М., 1978.

А.И. Кузовенкова
Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота
«Военно-морская академия имени Н.Г. Кузнецова»

Переводы Ареопагитик XVIII–XX веков: от соединения двух языковых систем к стилизации

A.I. Kuzovenkova
Navy Kuznetsov Naval Academy,
Military Training Scientific Center of the Navy

Corpus Areopagiticum Translations of 18–20th centuries: From the Combination of Two Language Systems to Stylization

Двоение культурных явлений навсегда сохранилось у восточных славян: постоянно две столицы, две «веры», два «языка», две культуры и т. д.

Чтобы сохраниться, система должна изменяться.

В.В. Колесов

В докладе проводится рассмотрение языковых особенностей славяно-русских переводов трактата псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесном священноначалии» (или

«О небесной иерархии»), созданных в последней трети XVIII – XX в., в контексте истории церковнославянского языка. Первый список принадлежит преподобному Паисию Величковскому (известен по рукописи ГИМ, Симон. собр. № 5); второй создан анонимным переводчиком (возможно, их было несколько) (хранится в РГБ, ф. 178 № 1345); третий, печатный, сделан иеромонахом Моисеем Гумилевским; четвертый, в XX в., создан Г.М. Прохоровым. Целью является анализ того, как меняется язык подобной прозы.

Новые варианты перевода были предприняты в связи с неудовлетворительным состоянием памятника, жалобами читателей на неудобопонятность текста [Прохоров 1987: 58]. Данные переводы имеют неоспоримое значение для развития русского литературного языка. Тексты XVIII столетия демонстрируют языковое разнообразие, борьбу традиционного и нового, поскольку все три сделаны в период поисков пути, по которому должна была развиваться духовная литература. В этот период ей предстояло выбрать для себя церковнославянский язык Библии и богослужения или «славенороссийский», выступавший как объединение секулярного языка и церковной традиции [Живов 1996: 286].

Перевод Величковского – это образец архаизирующего церковнославянского на всех уровнях [Николаева 2007: 106]. Переводчик уделяет особое внимание грамматической правильности перевода, ориентируясь на церковные книги. У него представлены подчеркнуто маркированные славянские формы, прежде всего простые претериты, перфект со связкой, формы инфинитива на -ти, исконные формы именного склонения, формы в двойственном числе (правда, без согласования в адъективах), -аго / -яго в Р.-В.п. ед.ч. м. и ср.р. имен прилагательных: б҃лгочиннаго чиноначалїа̑ї (28), -ыя / -ия в Р.п. ед.ч. ж.р.: огненнъıѧ силъı (34), правильные формы в

И.-В.п мн.ч. ср.р.: на прѡстаѧ и невоѡбразнаѧ возвожденїѧ (2), действительные причастия сходѧи (1), ѡчищаѧи (35 об.), форма местоимения нъı (35 об.), относительные придаточные с местоимением иже.

Вместе с тем в переводе Величковского присутствуют инновации, связанные со сменой эпох в истории языка и влиянием работ его предшественников, на которые он опирался: например, вариативность в Т.п мн.ч. Аг҃глами (14 об.), Пр҃толами (15) и др., в грамматике современного церковнославянского они не зафиксированы [Плетнева, Кравецкий 2013: 66], сложенми (2), воѡбраженми (3), преклоненми (25 об.) и др., новые формы в Р.п мн.ч. Серафїмѡвъ (17), Пр҃толѡвъ (17), Оумѡвъ (20 об.) и др., М.п мн.ч. ѡ Гдствїѧхъ (21), въ мечтанїѧхъ (44), формы действительных причастий, отражающие процесс падежного замещения: сїе оубо есть ... Чинорасположенїе, ... окрестъ Бг҃а непосредственнѣ стоцее (20) и т. д. Поскольку данные вариации не носят характера случайных описок, они указывают на гибридный язык текста [Живов 1996: 384].

В рукописи из собрания РГБ также отмечаются случаи отступления от стандартного церковнославянского: например, местоименные флексии в Р.п. ед.ч. м.р. имен прилагательных и причастий: свѣта ... проливаемого (1), помъшлѧемого (4 об.), о҃ ѡпасного и обстоѧтелного (25); краткие действительные причастия употребляются без согласования с субъектом (как деепричастия): призвавши їи҃са ... прїидемъ (1); в именном склонении тенденция к унификации по продуктивным типам: изображениѧми (2), конеи собраниѧми (3), начертаниѧми (3 об.) и др.; перфект без связки: прїѧло (4 об.).

Печатный перевод Гумилевского, который вышел в свет в 1786 г., называют первыми русскими Ареопагитиками, об этом свидетельствуют следующие черты: простые претериты

отсутствуют, для выражения прошедшего времени используются только л-формы: *стяжали* (9), *предвидѣла* (16) и т. д.; новые формы словоизменения существительных; союзы *естьли*, *что*, *как*, *чтобы*; деепричастия; тенденция к унификации родовых окончаний в парадигме мн.ч. имен прилагательных: (*мужи*) *молненные* (10), *сіи*, *впрочемъ священныя*, *сложенія* (14), а также русские формы *первой* (*способъ*) (17), *всякой* (18); относительные придаточные с местоимениями (историческими) *который*, *кои*, *иже* (очень редко).

Безусловно, и в переводе Гумилевского сохраняются славянизмы, прежде всего в библейских цитатах: *сходяй* (8). Архаичные формы либо основы используются при описании Божьего мира: *престоли* (13), *на небеси* (13), *въ священныхъ Словесахъ* (14), *одеждою свѣтлою* (19), *огнь* (20) и т. д. Кроме того, Гумилевский последовательно употребляет прилагательные с -аго/-яго в Р.-В.п.: *простаго* (9), *невидимаго* (10), неполногласие *чрезъ* (10). В формах инфинитива обнаруживается вариативность: *дабы не подумати* (13), но *надлежитъ изъяснить* (12), -ыя/-ия в Р.п. ед.ч. ж.р. имен прилагательных: *образъ богоначальныя лѣпоты* (29) также варьируют с -ой: *священной* (*вещи*) (30).

Таким образом, созданные в период, когда церковнославянский и русский рассматриваются как единые по природе, а церковнославянский как компонент «славенороссийского» языка, переводы Величковского и анонимного переводчика, с одной стороны, и Гумилевского – с другой, отличаются разным набором восточнославянских и церковнославянских элементов. Прежде всего, это связано с тем, что первый выбирает за образец традиционные тексты, переводчик рукописи из собрания РГБ – тексты эпохи «извития словес» [Николаева 2007: 140], третий ориентируется на формирующиеся нормы русского литературного языка, отсюда вариативность некоторых форм в его пере-

воде. Рукописные памятники созданы средствами церковнославянского, печатный – «славенороссийского» языка, все три текста отражают сложную ситуацию выбора между наиболее подходящими языковыми вариантами для создания возвышенного стиля, тем более что отныне это не обязательно должен быть арсенал церковнославянского [Николаева 2004: 9] и многочисленные в этот период переводы научных текстов делаются на «славенороссийский» язык [Вомперский 1970: 42]. Если традиционно соотношение собственно русских и старославянских речевых элементов в различных памятниках древнерусской письменности колеблется в зависимости от жанра произведения и от степени образованности автора, а отчасти и писца той или иной рукописи [Мещерский 1981: 18], то теперь оно не обусловлено ни тем, ни другим, и на первый план выходят вопросы стиля. В большей или меньшей степени, но каждый из переводчиков Ареопагитик соединяет две языковые системы, вырабатывая индивидуальный стиль. Ярче всего русско-церковнославянский симбиоз, на котором во многом зиждется современная стилистическая система [Толстой 2002: 90], представлен в печатном переводе. Во всех трех рассмотренных переводах Ареопагитик отмечается постепенное становление стиля богословской литературы.

В контексте истории русского литературного языка данные переводы сыграли одинаковую роль – способствовали укреплению языкового сознания, в котором церковнославянский в своей застывшей форме стал восприниматься исключительно как язык Священного Писания и богослужения, т. е. как язык культовый, подобный латыни [Шапир 1989: 297]. После появления демократической сатиры и творчества Аввакума это очередной удар по церковнославянскому, поскольку, чтобы оставаться языком духовной, в частности богословской, литературы, он должен был раз-

виваться. Переводы Ареопагитик XVIII в. внесли вклад в становление стилистики как отдельной области филологических разысканий в России.

Перевод с греческого трактата «О небесной иерархии» Г.М. Прохорова, выполненный в XX в., представляет собой скорее стилизацию, т. е. сознательное употребление характерных черт «не своей эпохи», «не своего стиля», «не своей» национальной культуры [Горшков 2006: 227]. У этого переводчика последовательно представлены следующие славянизмы, в первую очередь лексические, меньше морфологические: *сии* (с. 5), *тварях* (с. 5), *оным* (с. 5), *очами* (с. 13), *ея* (с. 3), *с тою святою целию* (с. 5), *с истиною* (с. 6), *текущею во чрево* (с. 6), *чрез* (с. 6), *пред свиниями* (с. 7), *святый* (с. 15), *вторый* (с. 17), *прямый* (с. 23), *ибо* (с. 8), *дабы* (с. 8), *яко* (с. 20), *поколику* (с. 9), *поелику* (с. 21), *отселе* (с. 18), кальки *несловесностию* и *нечувственностию* (с. 6), *приматель-ностию* (с. 20), *приемлемостию* (с. 24), *маргаритов* (с. 7), *многоочитые* (с. 10), *подиръ* (с. 14) и т. д. Церковнославянский использован в библейских цитатах: *вся добра зело* (с. 5), *аз глаголю правду* (с. 12), *почто червлены ризы твоя* (с. 12), *исполнь* (с. 13), *на челах* (с. 14), *изыде слово* (с. 14), *ибо Вышний постави пределы языков по числу Ангел Божиих* (с. 15), *не веси бо*, *сказано*, *откуду приходит и камо идет* (с. 25) либо в примыкающем к ним тексте: *глас* (с. 13), *во сретение* (с. 14) и некоторые другие. Безусловно, в данном переводе, созданном на русском языке, трактат становится более понятным для читателей. Перечисленные в этом тексте языковые средства не столько «сугубо возвышают мысли» излагаемого предмета, сколько показывают, к какой области науки этот трактат относится.

ИСТОЧНИКИ

ГИМ, Симон. собр. № 5. – 45 л.

РГБ, Музейное собр. (ф. 178) № 1345. – 25 л.

Святаго Дионисія Ареопагита о Небесной іерархіи, или священноначаліи. М., 1786. 107 с.

Святого Дионисия Ареопагита. О небесной иерархии. 27 с.

ЛИТЕРАТУРА

Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 210 с.

Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учеб. для педагогических университетов и гуманитарных вузов. М.: АСТ; Астрель, 2006. 367 с.

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 591 с.

Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: СПбГУ, 2010. 512 с.

Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л.: ЛГУ, 1981. 179 с.

Николаева Н.Г. Славянские Ареопагитики: Лингвистическое исследование. Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. 184 с.

Николаева Т.М. История русского литературного языка. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. 40 с.

Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык: Учеб. изд. 5-е изд., стереот. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 272 с.

Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л.: Наука, 1987. 293 с.

Толстой Н.И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 81–90.

Шапир М.И. Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и ее сторонники: По поводу книги Б.А. Успенского «История русского литературного языка (XI–XVII вв.) // Russian Linguistics. 1989. Vol. 13. № 3. P. 271–309.

Е.А. Кузьминова
МГУ имени М.В. Ломоносова

Библейская книжная справа XVI–XVII вв.: итоги и перспективы исследования[1]

E.A. Kuzminova
Lomonosov Moscow State University

The Bible Book Correction of the 16th–17th centuries: Results and Prospects of the Study

1. Первые полные печатные своды библейских книг на церковнославянском языке – Острожская Библии 1581 г. (далее **ОБ**) и Московская Библия 1663 г. (далее **МБ**) – основательно изучены с книговедческой и искусствоведческой точек зрения. Однако слабая изученность этих библейских кодексов в лингвистическом отношении, не соответствующая их статусу языкового образца и носителя языковой нормы, обусловила отсутствие адекватной научной интерпретации **ОБ** и **МБ** в истории славянской библейской традиции и истории книжной справы.

В рамках разработанной нами модели анализа направлений библейской справы [Кузьминова 2004; Кузьминова 2017] были подвергнуты пересмотру следующие положения о **ОБ** и **МБ**, которые необоснованно господствовали в науке на протяжении двух последних столетий. Во-пер-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00224.

вых, с первой половины XIX в. в славистике бытует устойчивое представление, согласно которому при подготовке к изданию **ОБ** объектом книжной справы текста-источника – рукописной Геннадиевской Библии 1499 г. (ГИМ Син. 915) (далее **ГБ**) – были преимущественно ветхозаветные книги, переведенные для **ГБ** с Вульгаты [Алексеев 1999: 205–206]. Тогда как работа острожской библейской комиссии над Четвероевангелием, представленном в Афонской редакции XIV в., заключалась лишь в «аккуратном копировании» исходного текста **ГБ** [Алексеев 1999: 214]. Во-вторых, остается безусловно доминирующим и высказанное впервые в начале XIX в. Йосефом Добровским [Dobrowsky 1822: LII–LIII] мнение о том, что **МБ** является буквальной «перепечаткой», «переизданием» **ОБ** на Московском Печатном дворе [Астафьев 1889: 71; Чистович 1899: 13–14; Евсеев 1916: 112; Алексеев 1999: 216 и др.].

2. Создатели рукописной **ГБ** решали прежде всего задачу «*простой фиксации* [выделено нами. – *Е.К.*] наличного актуального текста Священного писания в церковнославянском переводе» [Иннокентий, 2001: 43], а не его *языковой нормализации*. В результате язык **ГБ**, представляющей собой «довольно пестрое наслоение разновременных переводов» [Евсеев 1916: 21], отличается «эклектизмом» [Евсеев 1916: 11] и «неровностью» [Foster 2001: 31]. Книгопечатание как новая форма копирования и размножения текста предъявляло особые требования к стандартизации и унификации языка, поэтому при издании библейского кодекса в Остроге на первый план была выдвинута задача именно *языковой нормализации.*

Идея правильности языка, на достижение которой была направлена филологическая работа острожских редакторов, предполагала устранение языковых «ра́зньствїй» (л. III), по определению Константина Острожского, т. е.

немотивированной вариативности. Тенденция к последовательной унификации, ограничивающей заданную в **ГБ** вариативность языковых элементов, является основной тенденцией внесенных ими исправлений как на графико-орфографическом, так и грамматическом уровнях [Кузьминова 2004; Кузьминова 2019]. Существенно, что унифицирующая справа была проведена на всем пространстве библейского текста, включая Четвероевангелие (**ГБ** – л. 684–771; **ОБ** – л. 1–56 четвертой фолиации), язык которого был подвергнут множественным исправлениям системного и регулярного характера.

В результате программной языковой редактуры, отражающей критическое отношение острожцев к лингвистическому поведению писца Четвероевангелия ГБ, в ОБ были существенно изменены параметры графико-орфографической системы текста-источника. Так, если в **ГБ** по отношению к дублетным буквам (**оу** / **ꙋ**, **ꙗ** / **ѧ** / **а**, **и** / **ї**, **ѡ** / **ѻ** / **о**) в большинстве позиций были реализован принцип вариативности, то в **ОБ** действуют строгие правила их дистрибуции. В частности, для писца евангельского текста **ГБ** нормативным являлось употребление графем **оу** и **ꙋ** как вариантов в позиции после согласных (с количественным преобладанием диграфа: **оу** – 4160, **ꙋ** – 1559). Варьирование **оу** и **ꙋ** допускается и в остальных позициях: после гласных, в абсолютном начале слова, в предлоге ***у***, однако написания **ꙋ** здесь сравнительно редки (ср. в абсолютном начале слова **оу** – 1169, **ꙋ** – 48). Преодолевая вариативность, острожские редакторы вносят исправления, направленные на дистрибуцию **оу** и **ꙋ**: а) в позиции после согласных устраняют диграф, заменяя его лигатурой **оу** → **ꙋ**: **ѿтоудоу** → **ѿтꙋдꙋ** [Мф 04:21], **соудꙋ** → **сꙋдꙋ** [Мк 03:29], **боудоуть** → **бꙋдꙋтъ** [Ин 12:42]; б) в позиции начала слова, в предлоге **ꙋ** и после гласных проводят обратную правку **ꙋ** → **оу**: **ꙋжасааχꙋ**

сѧ → **оу҆жаса́хꙋ сѧ** [Мк 06:51], **ꙋ҆ на҃** → **оу҆ насъ** [Лк 09:13], **заꙋ́тра** → **заоу҆тра̀** [Ин 20:01]. Тем самым в **ОБ** получает воплощение следующее правило распределения графем **оу** и **ꙋ**: **оу** – в абсолютном начала слова, в предлоге ***у*** и после гласных, **ꙋ** – в позиции после согласных.

Правка, нейтрализующая вариативность, видоизменяет и остальные зоны графико-орфографической системы евангельского текста **ГБ**, особенности которых определялись отражением признаков второго южнославянского влияния. Так, написания с **ь** после букв твердых согласных, обусловленные следованием южнославянской традиции, встречаются в **ГБ** в три раза чаще, чем написания с **ъ**, ср. **-кь**, **-гь**, **-хь** – 1029 примеров // **-къ**, **-гъ**, **-хъ** – 343: **ѿ кни́жникь** [Лк 09:22] // **ѿ кни́жникъ** [Мк 07:01], **на́гь** [Ин 21:07] // **на́гъ** [Мф 25:36], **жени́хь** [Мф 25:10] // **жени́хъ** [Мф 09:15]. Результатом последовательных исправлений **ь** → **ъ** стало утверждение в **ОБ** в качестве единственно нормативного написания с **ъ**: **ѿ кни́жникь** → **ѿ кни́жникъ** [Лк 09:22], **на́гь** → **на́гъ** [Ин 21:07], **жени́хь** → **жени́хъ** [Мф 25:10]. В отличие от писца **ГБ**, оформляющего корни с рефлексами праславянских сочетаний *tъrt и *tъlt несколькими способами, ср. *tъrt: **ръ** (23) // **ор** (19) – **тр҃ъжици**ˣ [Мф 11:16] // **торжици**ˣ [Лк 07:32]; *tъlt: **лъ** (42) // **ол** (66) // **олъ** (7) // **ълъ** (2) – **дл҃ъжника** [Мф 18:24] // **должникь** [Лк 16:05] // **дѡлъжника** [Лк 07:41] // **вълъхвъ** [Мф 02:16], для редакторов **ОБ** предпочтительным оказывается только один из вариантов – **ор** и **лъ** соответственно: **тръ́жици**ˣ → **торжици**ˣ [Мф 11:16], **должникь** → **длъжникъ** [Лк 16:05], **дѡлъжника** → **длъжника** [Лк 07:41], **вълъхвъ** → **влъхвъ** [Мф 02:16].

По сравнению со значительной перестройкой графико-орфографической системы, объем справы на грамматическом уровне как на более стабильном был меньше в

количественном отношении, однако ее результаты не менее показательны. Острожские редакторы не ограничились *исправлением* допущенных *аграмматизмов* (**что̀ на́мь и̑ тебѣ̀ і҃с назарѧнине → і҃се** [Мк 01:24], **что̀ хо́щете̑ да̀ сътворю̑ вама → хо́щета** [Мф 20:32], **азь посла и̑хь въ мирь → послахъ** [Ин 17:18]) и устранением проникших в **ГБ** *локальных вариантов* (И.п. мн.ч. сущ. м.р. **народѣ̀ → народи** [Мф 04:25, 09:08], Д.п. ед.ч. м.р. прич. **къ̀ звавшомоу → зва́вшемꙋ̀** [Лк 14:12], 3 л. ед. и мн.ч. без **-тъ̀ никтоже̑ мо́же̑ дѣлати → мо́жетъ** [Ин 09:04]). В соответствии с собственными нормативными представлениями они осуществляют стандартизацию языка, сводя свободные варианты языковых единиц к одному. Так, они избавляются от варьирования стяженных и нестяженных форм имперфекта (330 // 503 примеров соответственно) и членных прилагательных и причастий (336 // 130), отказываясь от нестяженных форм в пользу стяженных: **творѧше** [Ин 05:16] // **творѧаше** [Мк 06:20] → **творѧше**, **гл҃ахꙋ** [Мф 26:05] // **гл҃аа́хꙋ** [Ин 07:41] → **гл҃ахꙋ̀ нб҃наго** [Мф 13:11] // **нб҃нааго** [Мф 18:10] → **нб҃наго**, **сгщимь** [Мк 02:26] // сущіимь [Лк 06:04] → сущимы, преодолевают разнобой флексий и формообразующих суффиксов в грамматических позициях И.п. мн.ч. существительных м.р. суффиксами **-тель** и **-арь** -е̑ // -и̑ (12 // 3): **дѣлателе̑** [Лк 20:10] // **дѣлатели̑** [Мф 21:35] → **дѣлателе̑**, **мытаре̑** [Мк 02:15] // **мытари̑** [Лк 03:12] → **мытаре̑**, И.п. мн.ч. м.р. действительных причастий **-еи̑** // **-ії̑** (77 // 18): **входѧщеи̑** [Лк 08:16] // **въходѧщії̑** [Лк 11:33] → **входѧ́щеи̑**, дв. и мн.ч. императива **-и̑-** // **-ѣ̑-**: **приведѣ̑те** [Мф 17:17] // **приведи̑те** [Мк 09:19] → **приведѣ̑т**е и др.

Итак, справа евангельского текста в составе **ОБ** имела ярко выраженный языковой, а не текстологический характер. Исправления вносились не в результате приведения

одного текста в соответствие с другим, а были обусловлены нормативными представлениями справщиков, и именно поэтому они наиболее показательны для реконструкции этих представлений. Выработанная острожскими редакторами в ходе справы система норм, ставшая после выхода **ОБ** из печати «моделью-эталоном для языка канонических древнеславянских текстов позднего периода» [Толстой, 1963: 262], определила дальнейшую перспективу библейской справы на Московском Печатном дворе.

3. Результаты сопоставительного анализа языковых параметров ОБ и МБ, проведенного нами на основе сплошной выборки материала из Псалтыри, Евангелия от Марка и Евангелия от Иоанна (**МБ** л. 229–251 об., 416–423 об., 438–448; **ОБ** л. 1–29 второй фолиации, л. 17–26 об., 44–56 четвертой фолиации) позволили установить, что при подготовке **МБ** к печати филологическая работа никоновских справщиков, не сводилась к воспроизведению текста-источника **ОБ**, а представляла собой последовательную и целенаправленную книжную справу. Исследование всего объема регулярных и системных исправлений на орфографическом и грамматическом уровнях однозначно демонстрирует, что осуществленная на Московском Печатном дворе библейская справа имела грамматически мотивированный характер: она была направлена на приведение основных лингвистических параметров текста-источника **ОБ** в соответствие с системой норм московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. (М.: Печ. двор, 14.II.1648 [без имени автора]) (далее **ГМ**). Продолжая практику готовивших московское издание грамматики 1648 г. иосифовских справщиков, никоновские справщики – редакторы **МБ** – неукоснительно следуют предписаниям **ГМ**.

В частности, они демонстрируют приверженность тому способу реализации принципа антистиха, который был

утвержден в **ГМ**, где система использования графико-орфографических оппозиций для разграничения омонимичных форм, разработанная Мелетием Смотрицким, была подвергнута определенной трансформации (см. [Кузьминова 2011]). В соответствии с правилами **ГМ** редакторы **МБ** вносят правку, в результате которой на орфографическом уровне противопоставляются лексические омонимы **ѧ҆зы́къ** ‘часть тела, орган речи’ // **ꙗ҆зы́къ** ‘народ’: **ꙗ҆зыкомъ свои́мъ солгашѧ̀ є҆мꙋ̀** → **ѧ҆зы́комъ** [Пс 77:36] // **възмꙋ́тъ мѣ́сто и҆ ѧ҆зы́къ на́шъ** → **ꙗ҆зы́къ** [Ин 11:48]; расширяют сферу употребления **ѡ** и **є҆** в плюральных формах, вводя их в качестве показателей множественности в именные и глагольные формы, которые не являются омонимичными формам единственного числа: **слове́съ** → **слове́сѣ** [Ин 14:24], **болѣзнемъ** → **болѣ́знемъ** [Мк 13:08], **пла́кахомъ** → **пла́кахѡмъ** [Пс 136:1], **видѣхомъ** → **ви́дѣхѡмъ** [Ин 03:11].

Объектом справы на грамматическом уровне были те формы текста-источника **ОБ**, которые противоречили формам, кофицированным в **ГМ**, как при тождественности нормативных предписаний первого и второго издания грамматики (**ГМ**=**ГС**), так и при их расхождении – в этом случае исправления редакторов **МБ** в точности соответствовали исправлениям, внесенным в парадигмы издателями **ГМ** (**ГС** → **ГМ**). Исправления первого рода затронули флексии действительных причастий в грамматических позициях И.п. мн.ч. м.р. **-еи** → **-ї҆и** (**родѧщеи҆сѧ** → **родѧ́щїи҆сѧ** [Пс 77:6], **ви́дѧщеи҆** → **ви́дѧщїи҆** [Ин 09:40]) и В.п. мн.ч. м., ж.р. **-аѧ** → **-ыѧ** (**зна́ющаѧ** → **зна́ющыѧ** [Пс 78:06], **продаю́щаѧ и҆ кꙋпꙋ́щаѧ** → **продаю́щыѧ и҆ кꙋпꙋ́щыѧ** [Мк 11:15]), а также формы дательного приименного, которые были заменены формами родительного падежа (**пре^А^ лице́мъ вѣтрꙋ̀** → **вѣ́тра** [Пс. 82:14], **хра́мъ мл҃твѣ** → **мл҃твы** [Мк 11:17]). Исправлениям, продолжающим языковую практику ио-

сифовских справщиков, были подвергнуты многочисленные формы именного склонения: М.п. мн.ч. сущ. м. и с.р **-ѥхъ** → **-ѣхъ** (**ві всхі ꙗзыцѥхъ** → **ꙗзы́цѣхъ** [Мк 13:10], **ѿ словесѥхъ** → **словесѣ́хъ** [Пс 118:162]), Р.п. мн.ч. сущ. м. и ж.р. **-ꙗ** → **-ѥй** (**дщерꙗ** → **дщерѥй** [Пс 105:38], **ѿ людꙗ** → **ѿ людѥй** [Пс 88:20]), Д.-М.п. ед.ч. сущ. ж.р., М.п. ед.ч. сущ. м. и с.р. с исходом основы на **-ц**, **-и** → **-ѣ** (**на мы́тници** → **на мы́тницѣ** [Мк 02:14] **рече цр҃ь дв҃ци** → **деви́цѣ** [Мк 06:22], **в҃ срⷭ҇ци** → **в҃ срⷭ҇цѣ** [Пс 93:19]) и др.

Дальнейшее изучение филологических аспектов деятельности библейских комиссий в Остроге и Москве предполагает решение следующих задач. (1) Исследование направлений справы Псалтыри в составе **ОБ**. Нуждается в верификации устоявшееся в литературе мнение, согласно которому работа острожских справщиков над Псалтырью, представленной в тексте-источнике **ГБ** в кирилло-мефодиевском переводе, сводилась, как и в случае Четвероевангелия, к «аккуратному копированию». (2) Определение степени и характера грамматических и графико-орфографических исправлений в других ветхозаветных книгах **МБ**. Сопоставление по данным параметрам разных книг в составе **МБ** позволит получить представление о ходе работы никоновских справщиков над библейским кодексом в целом, о процессе формирования и утверждения лингвистических критериев, которыми они руководствовались. (3) Выявление соотношения в лингвистическом аспекте **МБ** и последующего опыта библейской справы под руководством Епифания Славинецкого, реализованного в переводе Нового Завета 1673–1674 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Астафьев Н. Опыт истории Библии в России. СПб., 1889.

Евсеев И.Е. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.

Иннокентий (Павлов). Геннадиевская Библия 1499 г. как синтез библейских традиций // Библия в духовной жизни, истории и культуре России и православного славянского мира. М., 2001. С. 11–22.

Кузьминова Е.А. Острожская Библия: направления книжной справы новозаветных книг // Слово. Грамматика. Речь. Т. 6. М., 2004. С. 30–35.

Кузьминова Е.А. Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.

Кузьминова Е.А. Книжная справа // Православная энциклопедия. Т. XXXVI. М., 2014. С. 122–134.

Кузьминова Е.А. Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной справы второй половины XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2017. № 5. С. 21–46.

Кузьминова Е.А. Острожская Библия // Православная энциклопедия. Т. LIII. М., 2019. С. 477–479.

Толстой Н.Т. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 230–272.

Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899.

Dobrovsky J. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris.Vindobonae, 1822. P. XVI–XXIII, LII–LIII.

Т.В. Пентковская
МГУ имени М.В. Ломоносова

О языке русского перевода Корана Петровской эпохи[1]

T.V. Pentkovskaya
Lomonosov Moscow State University

The Language the Quran Translated into Russian under Peter the Great

На протяжении XVIII в. было выполнено четыре перевода Корана с европейских языков, три из которых восходят к французскому оригиналу Андре Дю Рие, впервые опубликованному в 1647 г., «L'Alcoran de Mahomet». Traduit d'Arabe en Français, par le sieur Du Ryer, sieur de la Garde Malezair».

Старший русский перевод с французского оригинала, «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий», был напечатан в 1716 г. «повелением царского величества» в Санкт-Петербурге в Синодальной типографии. Этот перевод Корана, будучи важным фрагментом культурно-языковой политики Петра, практически не изучен в лингвистическом отношении. Между тем «Алкоран о Магомете» входит в число восьми книг, переведенных с французского языка с 1708 по 1724 г., причем является единственной книгой религиозного содержания [Баренбаум 2006: 43–44].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42009.

Второй перевод Корана («Закѡн Магѡметанский») с того же французского оригинала напечатан не был. Он представлен в двух рукописях: БАН, 33.7.6 и РГАДА, МГАМИД (ф. 181) № 148. Эта недатированная рукопись была переплетена в 1726 г. [Запольская 1988: 75–91]. Посвятивший статью этим переводам Корана А.А. Круминг полагает, что обе рукописи написаны одним писцом, причем рукопись БАН старше рукописи РГАДА. Язык второго перевода менее архаичен, чем первого, в нем содержится меньше ошибок [Круминг 1994: 227–239]. Третий перевод с того же французского оригинала, но с более нового издания 1770 г. принадлежит М.И. Веревкину («Книга Аль-Коранъ аравлянина Магомета»). Он был опубликован в 1790 г. Появление этого перевода стало важнейшей манифестацией культурной политики Просвещения и веротерпимости, проводимой Екатериной II [Заико 2019: 383–387].

Появление в небольшом временном интервале сразу двух переводов Св. Писания мусульман вряд ли является случайностью: это связано как с общим интересом к Востоку, так и с литературным отражением одного из важнейших направлений петровской политики.

В вопросе об авторстве старшего перевода до сих пор нет окончательного решения: он приписывался Петру Васильевичу Постникову, доктору, или же его младшему брату, переводчику и дипломату, носившему то же имя [Запольская 1988: 88]. А.А. Круминг полагает, что с именем Петра Постникова связан второй (неопубликованный) перевод Корана, а первый перевод остается анонимным [Круминг 1994: 231. Е.И. Кислова, суммирующая все известные к настоящему времени сведения о переводческой династии Постниковых, по вопросу об авторстве двух указанных переводов Корана следует за компромиссным решением, предложенным П.В. Густериным [Густерин 2013: 159–163]: считать, что

старшему Петру Постникову принадлежит авторство печатного перевода 1716 г., а младшему Петру – второй (неопубликованный) перевод [Кислова 2019: 57].

Сохранился корректурный экземпляр Корана 1716 г. – РГАДА, ф. 1251 (старопечатные книги Московской Синодальной Типографии, книги гражданской печати), № 3(36). В этом экземпляре имеется правка справщиков санкт-петербургской типографии Михаила Волкова и Ивана Кременецкого. Важной характеристикой языка перевода оказывается исправление на титульном листе корректурного экземпляра: замена прил. «славенский» на «российский» при указании на язык перевода [Круминг 1994: 232]. Данная замена может быть рассмотрена как идеологическая манифестация новой эпохи и заставляет вспомнить историю перевода и правки «Географии генеральной» 1715–1718 гг. [Живов 2017, II: 949–953], а также правку церковнославянского перевода конца XVII в. «Апофегмат» Беняша Будного, выполненную для издания 1712 г. [Истратий 2015: 155–179].

Кавычным экземпляром для печатного текста послужила рукопись РГАДА, ф. 381 (Син. тип.) № 1034, написанная Михаилом Волковым. Эта рукопись содержит систематическую правку языка, сделанную двумя санкт-петербургскими справщиками [Круминг 1994: 233], и является важнейшим источником сведений о характере литературного языка Петровской эпохи. Правка эта до настоящего времени не являлась предметом подробного лингвистического описания.

Язык перевода однозначно характеризовался исследователями как тяжелый, архаический, неточный, содержащий многочисленные ошибки (П.П. Пекарский, И.Ю. Крачковский, Н.Н. Запольская, А.А. Круминг). Замечаниями об ошибках, вызванных плохим знанием французского языка переводчиком, практически исчерпываются сведения о ха-

рактере переводческой техники первой изданной русскоязычной версии Корана.

Необходимым становится подробное описание языка печатного Корана, чтобы определить его место в кругу переводов Петровской эпохи. Хорошо известно, что язык этого времени неоднороден, в нем отсутствует единая норма: «В русском языке первой четверти XVIII в. наблюдается варьирование языковых единиц в пределах одного текста, причем это явление нередко проявляется в своих крайних формах: варианты написаний, грамматических форм и лексических обозначений могут встретиться не просто в одном тексте, а соседствовать в границах одного предложения» [Круглов 2015: 167, 171]. Это наблюдение в полной мере приложимо к языку печатного Корана 1716 г.

В диссертации, посвященной языку переводов с французского первой четверти XVIII в., В.М. Круглов предпринял обзор определений А.И. Соболевского, данных им языку Петровской эпохи [Соболевский 1908]. Из этих определений для языка печатного перевода Корана значимы следующие: «язык русский с многочисленными церковнославянизмами», «язык – смесь русского с церковнославянским», «язык ученый церковнославянский, (в общем) удобопонятный» [Круглов 2004: 20].

Среди морфологических черт в склонении им. сущ. в Коране 1716 г. можно отметить варьирование бывших книжных и некнижных форм в косвенных падежах, с преобладанием первых: они посмѣяліся пророкомъ и апостоломъ (с. 73), клишированные церковнославянские сочетания: како на небеси тако и на земли (с. 118). Регулярно употребляются церковнославянские формы вокатива: О Іисусе сыне маріинъ (с. 71).

О значимости церковнославянских элементов в языковой практике редакторов печатного Корана выразительно

свидетельствуют гиперкорректные формы им.п. сущ. человѣкъ с незакономерным эффектом второй палатализации во мн.ч., которые не подвергаются исправлению: мы раздѣліхомъ на земли добрыхъ человѣцъ отъ нечестівыхъ (с. 97). В позиции род.п. мн.ч. это можно трактовать как своеобразный гиперкорректный способ снятия грамматической омонимии, возникающей в церковнославянском языке (род.п. мн.ч. = им.п. ед.ч. человѣкъ), который обычно разрешается с помощью употребления окончания -овъ (человѣковъ). При этом форма человѣковъ также встречаются в Коране. Однако незакономерное -ц- в финали основы отмечается и для других падежей: богъ утоли огнь, которыи они зажгли, еже бы имѣти ссору съ добрыми человѣцы (с. 67) – aux gens de bien. Характерно, что гиперкорректное -ц- возникает в позиции тв.п. мн.ч., где церковнославянская форма противопоставлена русской.

В сфере прошедшего времени наблюдается характерная для текстов этого времени вариативность форм, которая может быть описана как конкуренция двух подсистем: церковнославянской, включающей в себя аорист, имперфект и перфект со связкой (причем перфект со связкой во втором лице занимает, как это свойственно данной системе, и место аориста 2 л.), и русской, которая заключается в использовании л-формы во всех контекстах. Прямых соответствий форм аориста и имперфекта формам passé simple и imparfait оригинала нет. Ни в одной из подсистем не используется плюсквамперфект. Единственный раз зафиксирована конструкция с несогласованным *было* как будто бы в значении отмененного результата: 9:81 они ***было обрадовалісь***, что осталісь назади пророка, когда онъ пошелъ бітіся за службу божію (с. 112). Однако ни французская форма, ни арабская (ils se sont réjouis d'être demeurés 'они обрадовались быть оставшимися' –فرح ألمخلفون 'обрадо-

вались оставшиеся позади’) не дают оснований для такого толкования.

Употребление дв.ч. ограничивается в основном клишированными сочетаниями, в которых выступают им. сущ., обозначающие парные предметы: онъ знаетъ тѣхъ, которые имѣютъ страхъ предъ очіма своіма (с. 109), они хотятъ угасіть свѣтіла Божія своіма устнама, токмо онъ недопустітъ (с. 108). Зафиксировано также несколько случаев гиперкорректного употребления форм дв.ч., причем в нескольких случаях это глагол ***прити*** в дв.ч. в значении мн.ч.: когда они пріидоста (с. 32); пріидоста къ вамъ напредъ сего пророки показующе чудеса (с. 43); наши пророки пріидоста къ вамъ окончати ясно многіе вещи пісанія, что вы скрываете (с. 62); мои пророки пріидоста къ отрокомъ ізраілтескімъ (с. 64); ветхія арапы полагалі ошеіникъ нашею, съ благочестіемъ когда пріидоста въ меку (с. 71, примеч.).

Из синтаксических явлений, отражающих влияние церковнославянского языка, отметим единичные случаи одинарного отрицания: рцы имъ, ніктоже вѣсть, како Богъ (с. 98) и единичный же случай употребления дательного самостоятельного оборота: По томъ мало мінувшу времяни, бысть громъ, и паде на ніхъ ужасъ и трепетъ (с. 91) – ср. peu de temps après le tremblement de terre et le tonnerre les ont surpris (с. 126).

В переводе употребляются такие формы и конструкции, которые, с одной стороны, имеют поддержку во французском оригинале, а с другой стороны, достаточно широко применялись в переводах с других языков на церковнославянский язык в предшествующую эпоху. В их числе конструкция чрезъ + вин.п. – par / per / przez / διά в орудийном значении: даждь намъ что ты обѣщалъ еси чрезъ пророки (с. 44) – par les Prophétes (с. 59). Она характерна для переводов с греческого языка на церковнославянский, доста-

точно регулярно употребляется в так называемом «ученом церковнославянском», в частности, в переводах книжников Чудова монастыря: добрыи призалогъ сохрани чре[з] дх҃а ст҃аго – διὰ πνεύματος ἁγίου. Ее же они употребляют и в переводах с польского: избави чре[з] вѣрѫ во хр[с]та – przez wiarę w Christusa [Пентковская 2016: 208–209].

Частотной конструкцией в переводе Корана является еже бы + inf. в значении цели, которой в оригинале, как правило, соответствует конструкция pour + inf.: богъ утоли огнь, которыи они зажгли, еже бы имѣти ссору съ добрыми человѣцы (с. 67) – Dieu a éteint le feu qu'ils avoient alumé pour faire la guerre aux gens de bien (с. 91). Несколько раз употребляется вариант с предлогом во еже бы + inf. в том же целевом значении: ты ли еси прішелъ и братъ твои, отвращати насъ отъ вѣры нашея, воеже бы быть возлюбленну на земли; (с. 122) – Es-tu venu toi et ton frère pour nous détourner de la Religion de nos pères? (с. 169–170). Эти конструкции конкурируют с конструкцией дабы + inf. и, вероятно, расцениваются и переводчиком, и справщиками как более книжное средство.

Подобные конструкции характерны, в частности, для переводов с польского языка, выполненных Феофаном Чудовским в конце XVII в.: во еже бы блг҃ихъ дрѫжества искати – aby dobrych towarzystwa szukał; еже бы не быти емѫ – jakoby nie był [Пентковская 2017: 173–174].

В переводе встречается немало инфинитивных конструкций, в частности вин.п. с инфинитивом, которые не обусловлены напрямую французским оригиналом: и чаютъ гнѣвъ божіи быти на невѣрныхъ, пребывающыхъ въ ихъ скверности (с. 116) – et accroît la colére de sa divine Majesté sur les infidéles (с. 161), а также дат.п. с инфинитивом: тако и протчіе нечестівые что не вѣровали воскресенію быти. суть оные погібшые (с. 120) – qui ne croient pas en la

résurrection (с. 167). Их употребление восходит к так называемому «ученому церковнославянскому» и обусловлено рекомендациями грамматик [Пентковская 2017: 174–176].

Значимость церковнославянского компонента для языка Корана поддерживается тем, что это Священное Писание. О таком восприятии данного текста свидетельствует согласование некоторых фрагментов с церковнославянской Библией: И мы посмѣемся тѣмъ людемъ. Но воістінну богъ посмѣется, и поругается имъ (с. 4) – et nous moquons de ces gens; certainement Dieu se moque d'eux et les prolongue dans erreurs à leur confusion (с. 2). Ср. Пс. 2:4 Библия 1663 живый на нб҃сѣхъ посмѣетсѧ имъ, и г^с^дь порѫгаетсѧ имъ (л. 229). Отметим, что во втором переводе в данном случае этот прием выравнивания текста не используется: БАН, 33.7.6 а мы вѣри^м^ аки и вы, и по^с^мѣхаемся оны^м^ муже^м^ вѣрующимъ Бг҃а и^с^ти^н^но Бг҃ъ оны^х^ уничижаетъ и продо^л^жаетъ во грѣхахъ на погибель онымъ (л. 7 об.).

Язык печатного перевода Корана 1716 г. может быть сопоставлен, как уже было отмечено выше, с языком «Географии генеральной», а также с напечатанными гражданским шрифтом в начале XVIII в. книгами, перевод которых был выполнен на церковнославянский язык в предшествующий период: «История о разорении града Трои», впервые напечатанная в 1709 г., «Апофегмата» (первое издание – 1711 г.), два перевода басен Эзопа – «Эзоповы притчи» (1712) и «Зрелище жития человеческого» (1712), а также «История о разорении последнем Иерусалима» (1713) [Истратий 2015: 155]. Церковнославянский компонент в печатном Коране 1716 г., несомненно, находится в том же поле, что и церковнославянский язык этих печатных «занимательных» книг. Однако Коран не переводился в предшествующий период: сведения о том, что переводчик Посольского приказа С.Ф. Чижинский в 1683 г. пере-

вел польскую книгу Алкоран, интерпретируются в настоящее время как указание на перевод антимусульманского трактата Иоанникия Галятовского *Alkoran Machometów*... (Чернигов, 1683), который не содержит текст Корана [Темчин 2018: 67–76]. При этом существенное место, которое занимают церковнославянские элементы в языке печатного Корана 1716 г., отличает этот перевод от рукописного перевода Корана той же эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Баренбаум 2006 – *Баренбаум И.Е.* Французская переводная книга в России в XVIII веке. М., 2006.

Густерин 2013 – *Густерин П.В.* К вопросу о первенстве в переводе Корана на русский язык // Вопросы истории. 2013. № 12. С. 159–163.

Живов 2017 – *Живов В.М.* История языка русской письменности: В 2 т. Т. 2. М., 2017.

Зайко 2019 – *Зайко М.* Веревкин М.И. как основатель отечественной арабистики // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2019. Вып. 2(11). С. 383–387.

Запольская 1988 – *Запольская Н.Н.* П.В. Постников – выпускник Славяно-греко-латинской академии (новые материалы для биографии) // Cyrillomethodianum. 1988. № 12. С. 75–91.

Истратий 2015 – *Истратий В.В.* Русские издания «Апофегмат» Б. Будного и формирование норм русского литературного языка в XVIII в. // Русский язык в научном освещении. 2015. № 2(30). С. 155–179.

Кислова 2019 – *Кислова Е.И.* Династия Постниковых: знатоки иностранных языков и переводчики конца XVII–XVIII вв. // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVII столетия. М., 2019. С. 53–59.

Круглов 2004 – *Круглов В.М.* Ранние рукописные переводы с французского языка на русский и формирование русского лите-

ратурного языка нового типа: Дисс.... докт. филол. наук. СПб., 2004.

Круглов 2015 – *Круглов В.М.* О характере нормы в русском языке первой четверти XVIII века // Petra Philologica. Вып. 6. Литературная культура России XVIII в. СПб., 2015. С. 167–180.

Круминг 1994 – *Круминг А.А.* Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 227–239.

Пентковская 2016 – *Пентковская Т.В.* Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1(31). С. 184–229.

Пентковская 2017 – *Пентковская Т.В.* Грецизация в церковнославянских переводах с польского Чудовской книжной школы // Классические языки в постклассический период. Казань, 2017. С. 167–177.

Соболевский 1908 – *Соболевский А.И.* Из переводной литературы Петровской эпохи. Библиографические материалы // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук Т. LXXXIV. Ч. 3. СПб., 1908.

Темчин 2018 – *Темчин С.Ю.* Какой польский печатный Коран перевел в московском Посольском приказе С.Ф. Чижинский в 1683 году: К рецепции произведений Иоанникия Галятовского // Tatarskie dziedzictwo kulturowe. Historia. Literatura. Sztuka. Toruń, 2018. С. 67–76.

И.А. Шелкова
Московский государственный университет геодезии и картографии

Омонимы с корнями вар-[1-2] в русском языке XI–XVII вв.

I.A. Shelkova
Moscow State University of Geodesy and Cartography

The Homonyms with Radicals вар-[1-2] in the Russian Language of the 11th–17th centuries

Данная статья посвящена истории омогрупп *варити*[1-2], *варитися*[1-2], *варовитый*[1-2] и *варовой*[1-2] [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 20–22]. Значения этих слов отражают омонимию производящих корней.

***вар-*[1] ‘предварять’**	***вар-*[2] ‘варить’**
варити[1] – 1) ‘быть вначале, сделать что-л. до чего-л.; предварить’; 2) ‘опередить’; 3) ‘дождаться, подстеречь кого-л.’ [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 20]	*варити*[2] – 1) ‘варить (о пище, напитках)’; 2) ‘кипятить’; 3) ‘получать, изготовлять что-л. посредством варки, кипячения, плавления (о предметах производства)’; 4) ‘обжигать, делать что-л. путем обжига’ [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 20]
варитися[1] – страд. к *варити*[1] [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 21]	*варитися*[2] – страд. к *варити*[2] [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 21]

варовитый[2] ‘осмотрительный, благоразумный’ [Сл РЯ XI-XVII вв., 2: 22]	*варовитый*[1] ‘приготовленный на закваске из хмеля’ [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 22]
варовой[2] ‘предупреждающий, предостерегающий’ [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 22]	*варовой*[1] – 1) ‘употребляемый для варки’; 2) ‘утепленный’; 3) ‘обработанный варом, смолой; просмоленный’ [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 22]

В этимологических словарях эти корни анализируются независимо друг от друга. А.Г. Преображенский отмечает, что слово **варити** ‘предварять’ (ранее ‘предупреждать; встречать’) появилось в русском книжном языке из церковнославянского и в народной речи не употребляется; достоверных сведений о происхождении данного глагола не приводит [Преображенский, 1: 65]; *варъ* ‘кипящая вода; черная смола; жар, жара’ (и, соответственно, *варити* ‘варить’) сопоставляется с литов. vìrti ‘варить’, varus ‘варкий’, izvora ‘каша, суп’ и др., латыш. virt ‘варить’, vārs ‘суп’, pavars ‘повар’ и др., армян. waṙem ‘поджигаю’, а сближение с лат. formūs и нем. warm ‘горячий’ подвергается сомнению [Преображенский 1: 67]. М. Фасмер связывает варить и варъ с литов. vìrti ‘бурлить, кипеть’, латыш. virt ‘кипеть’, армян. waṙem ‘зажигаю’ и vaṙim ‘горю’, не исключая также родства с нем. warm ‘теплый’ и алб. vorbë ‘глиняный горшок для варки’ [Фасмер 1: 273], а *варить* ‘предварять’ (и *проворный*) – с латыш. vert ‘бежать’ и литов. varýti ‘гнать (людей, скот)’, опровергая возможность заимствования гот. warjan ‘препятствовать’ [Фасмер, 1: 275]. П.Я. Черных восстанавливает для *варить* ‘кипятить’ индоевропейский корень *uer- (: *uor- : *ur-) ‘жечь, обжигать, палить’ [Черных 1: 135]. Итак, корни рассматриваемых здесь омонимов не являются генетически родственными.

Скажем несколько слов о месте ударения в глаголах *варити*[1-2] – от этого зависит тип омонимических отношений (т. е. полная лексическая омонимия или омография). А.А. Зализняк относит оба слова к акцентной парадигме с: *вари́ти* ‘coquere’ – *свари́ши* (Библия, 1570–1571 гг.), *варѧ́тъ*, *свари́тъ* (основной почерк Домостроя по Коншинскому списку, конец XVI – нач. XVII в.), *вари́ть*, *оувари́шь* (Травник и лечебник, нач. XVII в.); *вари́ти* ‘предварять’ – *ва́рю вы* (дважды в Чудовском Новом Завете, XIV в.), но *да вари́ши* (Василия Великого о постничестве, 1556 г.) [Зализняк 2014: 307]. Относительно *варити* ‘coquere’ отмечено, что современная акцентуация не является прямой наследницей древней [Зализняк 2014: 307]. Таким образом, данные акцентологического словаря позволяют считать глаголы скорее полными лексическими омонимами, чем омографами. Кстати, в «Словаре русского языка XVIII в.» ударение в формах глагола *варить* представлено как вариативное (*варю́*, *ва́ри́т* [Сл РЯ XVIII в.])

С точки зрения одновременного бытования в языке, несомненно, реальны омонимические отношения глаголов *варити*[1-2]. Оба они встречаются, например, в летописях – уже в записях, датируемых X в.: *Придѣте възрадуемъсѧ Гвви. въскликнѣмъ Бу҃ и Спсу҃ нашему.* ***варимъ*** *лице єго въ исповѣданье* (Повесть временных лет, 6496 г.) [Срезневский 1: 1: 228] – *Володимеръ… постави цр҃квь. и створи праздникъ великъ.* ***варѧ*** *·т҃·проваръ меду* (Повесть временных лет, 6504 г.) [Срезневский, 1, 1: 228]. Функционирование омонимичных лексем в одном и том же тексте убедительнее всего свидетельствует о реальности омонимии. Есть и другие памятники, где представлены оба омонима: это Ефремовская кормчая XII в., Устав студийный церковный и монастырский XII–XIII вв., Пандекты Николая Черноризца в списках 1296 г. и XIV в., Пролог 1383 г., Огласительные

поучения Феодора Студита XIV в., Киево-Печерский Патерик 1406 г. [СДРЯ, 1: 373–374]. Оба глагола употреблялись также в текстах Священного Писания: *варити* ‘предварять’ – в Чудовском Новом Завете XIV в. (1355 г.?) [Зализняк 2014: 307] и Первой Книге Судей по списку XIV в. [Срезневский, 1, 1: 228], *варити* ‘варить’ – в книге Исход по списку XIV в. [Срезневский, 1, 1: 228]. Глагол *варити* ‘варить’ был широко представлен в памятниках разных жанров, а в XVI–XVII вв. – в словарях и разговорниках: анонимном разговорнике 1568 г., словаре Марка Ридли XVI в., разговорнике Фенне 1607 г. [Словарь обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв., 2: 26]. Глагол *варити* ‘предварять’ имел более узкую сферу функционирования, так как не отмечен в бытовых памятниках, и, видимо, постепенно вытеснялся своим омонимом. В письменности XVII в. *варити* ‘предварять’ еще встречается (в списке Жития Ефрема Сирина с текста 1558 г. [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 20]). В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля *варить* ‘упреждать’ дано со ссылкой на варять [Даль, 1: 165]; глагол *варять* ‘упреждать, опереживать; предварять, предостерегать, оберегать’ – с пометой «церк. и стар.» [Даль, 1: 165]. «Словарь Академии Российской» фиксирует *варю* ‘в глиняном или металлическом сосуде на огне привожу в кипение какую жидкость, и чрез то из положенных в нее вещей вынимаю сырость и делаю их удобными к употреблению’ [САР 1: 494] и *варяю* ‘упреждаю кого в каком месте; ускоряю прийти куда; иду куда наперед кого’ [САР, 1: 509], а также *варюся* «возвр. в третьем лице употр. говоря о приуготовлении пищи и пития» [САР, 1: 494]. Всё это дает основания предполагать, что вместо глагола *варить* ‘предварять’ уже в XVIII–XIX вв. употреблялся однокоренной синоним *варять*, впоследствии вытесненный префиксальным производным *предварять*.

Омонимические отношения глаголов *варитися*[1-2], по-видимому, носили потенциальный характер: *варитися*[1] ‘быть ожидаемым, предваряться’ встречается в XIII словах Григория Богослова (XI в.) [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 21; Срезневский, 1, 1: 229], служебной минее за ноябрь 1097 г. [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 21], Путятиной минее XI в. [Срезневский, 1, 1: 229], а *варитися*[2] ‘подвергаться варке’ – в Геннадиевской Библии 1499 г. и царской грамоте П. Алябьеву 1635 г. [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 21].

Более вероятна реальная омонимия прилагательных *варовитый*[1-2]: *варовитый* ‘приготовленный на закваске из хмеля’ зафиксировано в памятнике XVI в. из книги «К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении» [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 22] , а *варовитый* ‘осмотрительный, благоразумный’ – в Луннике XV в. [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 22].

Омонимия прилагательных *варовой*[1-2] реальна: оба омонима функционируют в памятниках XVII в., хотя употребление слова *варовой*[2] ‘предупреждающий, предостерегающий’ представлено всего одним примером – из Устава ратных дел [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 22]; *варовой*[1] к *варити* ‘варить’ появилось в языке раньше (зафиксировано в Домострое по Коншинскому списку XVI–XVII вв., в рукописи 1586 г. из архива Михайло-Архангельского монастыря в Архангельске) и было более употребительно [Сл РЯ XI–XVII вв., 2: 22].

Описание исторических изменений рассматриваемых омонимов не вызывает затруднений: данные словарей современного русского языка совпадают. Обе глагольные омогруппы разрушились (если омогруппа *варитися*[1-2] существовала) – из каждой сохранилось по одному слову, не имеющему омонимов (т. е. *варить* и *вариться*) [Словарь русского языка; Толковый словарь РЯ; Ожегов 1990: 73;

БТСРЯ 2008: 112]. Обе адъективные омогруппы исчезли из языка.

Стоит отметить, что слово *варить* ‘предварять’ и его производные не характерны и для русских диалектов, что снова подтверждает мысль А.Г. Преображенского о неупотребительности этого глагола в народной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.

2. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. Т. 1 / Даль В.И. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык – Медиа; Дрофа, 2008. 699,[9] с.

3. *Зализняк А.А.* Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014. 728 с.

4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. 921 с.

5. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Вып. 1. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910. 680 с.

6. Словарь Академии Российской. Ч. I. СПб.: Императорская Академия наук, 1789. 1140 стб.

7. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I. М.: Русский язык, 1988. 526 с.

8. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 2 / Под ред. О.С. Мжельской. СПб.: Наука, 2006. 338,[2] с.

9. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999: http://feb-web.ru

10. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984- . http://feb-web.ru

11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1975. 320 с.

12. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893. 806 стб.

13. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940: feb-web.ru

14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Астрель: АСТ, 2007. 588,[4] с.

15. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. 624 с.

И.В. Баданина
МГУ имени М.В. Ломоносова

Выражение этнической и гражданской идентичности в русском языке

I.V. Badanina
Lomonosov Moscow State University

The Expression of Ethnic and Civil Identity in the Russian Language

Понятия «нация» и «государство» в русском языке в некоторых случаях могут отождествляться. Так, в толковом словаре одно из значений слова «нация» – *перен*. то же, что *государство* (полит., дипл.)[1]. С другой стороны, понятия «нация», «народ», «этнос» также находят точки соприкосновения: первые два могут употребляться как синонимы. В словаре синонимов слово «народ» входит в два синонимических ряда: *народ*, *люди*, *публика* и *нация*, *национальность*, *народ*[2]; слова «народ» и «этнос» также могут быть синонимами: в слова-

[1] Большой толковый словарь русского языка: Ок. 60 000 слов / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004.

[2] Словарь синонимов русского языка / ИЛИ РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2001.

ре иностранных слов *этнос* (этническая общность) – «исторически сложившаяся устойчивая социальная группировка людей – племя, народность, нация»[1]. Но «нация» и «этнос» в современную эпоху обнаруживают различие в своих значениях: нацией называют все население многонационального государства, и в этом случае каждый отдельный народ, т. е. представителей каждой национальности в таком государстве, называют этносом. Таким образом, гражданин многонационального (полиэтнического) государства стоит перед необходимостью формировать свою этническую и гражданскую идентичность. В условиях мононационального государства эти две идентичности могут совпадать в одной, если этноним присутствует в названии государства. В современных условиях глобализации, однако, государства становятся все более полиэтническими, что влечет за собой необходимость для человека определять свою принадлежность к этносу и государству. Обе эти идентичности составляют необходимую часть самосознания каждого человека: этническая принадлежность чаще всего связана с родным языком, а он – с культурой, носителем которой человек себя осознает; подданство того или иного государства связано с чувством патриотизма, сопричастности историческим судьбам своей родины.

В наши дни вопросы идентичности в названных аспектах актуализируются: в условиях укрупнения таких понятий, как народ, нация, представители малых народов, нетитульных национальностей начинают чувствовать себя ущемленными с точки зрения отношения к их этносу, потому что у них не всегда есть возможность использовать свой родной язык во всех сферах социальной жизни[2]. Руко-

[1] Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 сл. М.: ООО «Русские словари»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003.

[2] *Кортава Т.В.* Русский язык и культура речи: учебное пособие. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Моск. отд. изд-ва «Учитель», 2018. С. 13 и сл.

водство государств поставлено тем самым перед необходимостью проводить взвешенную национальную политику. Международное сообщество также занимается вопросами сохранения малых народов и их родных языков[1].

Для представителей крупных и малых этносов выявляются общие новые задачи – необходимость определить себя как принадлежащих к этносу и государству. Например, в русском языке два слова – *русский* и *россиянин* – обозначают связанные, но не тождественные статусы гражданина. Эти номинации могут называть два признака одного и того же человека: если он русский по национальности и является гражданином России, то для многих иностранцев эти два слова, *русский* и *россиянин*, будут обозначать одно и то же. А внутри России эти два признака различаются: *русский* – это принадлежащий русскому народу, этносу, а *россиянин* – это гражданин России, не обязательно русский по национальности. Если этнический русский является гражданином не России, а другого государства, то он также имеет две идентичности: этническая – это русский, а гражданская – по тому государству, подданным которого он является. Таким образом, человек обязательно имеет две идентичности. В некоторых случаях русские номинации лиц по этим двум признакам совпадают в одном слове. Например, чех по национальности и одновременно гражданин Чехии обозначается одним словом «чех». В России, как было показано, одним словом невозможно выразить два эти признака, нужны два слова, например *русский* и *россиянин*, причем это действует для представителей всех этносов России: *татарин* и *россиянин*, *чеченец* и *россиянин* и т. д. Это иногда приводит к тому, что нерусский по национальности россиянин за пределами родины называет себя русским, потому что иностранцы не знают названия

[1] *Кортава Т.В.* Русский язык и культура речи. С. 16.

его этноса: автору известен случай, когда этнический ингуш, россиянин, в одной из стран Латинской Америки на вопрос, кто он по национальности, ответил: «Русский». Он мотивировал это тем, что в этой стране не слышали о таком этносе, как ингуши.

Внутри России номинацию «русский» могут использовать разные этносы для самоназвания. Так, в Краснодарском крае местные жители, *казаки*, часто называют себя также *русскими*, имея, таким образом, два названия этнической принадлежности, а русских из более северных регионов европейской части страны – *кацапами*. При этом порой в их характеристиках, даваемых «кацапам», может сквозить пренебрежение. В этимологическом словаре *кацап* – украинское прозвище великорусов, встречающееся в произведениях Н.В. Гоголя. Это слово образовано украинской приставкой *ка-* от *цап* «козел»: «бритому украинцу бородатый русский казался козлом». Этимологический словарь квалифицирует это слово как устаревшее[1], но в словаре разговорной речи оно рассматривается как современное[2]: «*неодобр*. или *уничиж. трад*. Презрительное название русского (как правило, в речи украинцев)». Таким образом, можно предположить, что у жителей южнорусских регионов сохранилась номинация, возникшая в России предположительно в XIX в. и имевшая первоначально несколько иное значение. Этот пример подтверждает наблюдение, что в ходе истории слова могут менять свое лексическое значение, материально оставаясь прежними. Этноним *русский* может употребляться с разными значениями на разных уровнях деления людей по признаку «свой – чужой»: внутри государства в разных регионах

[1] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986.

[2] *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.

русский – это и собственно русский, и казак; вне государства *русский* – это вообще гражданин России любой национальной принадлежности в контекстах, где правильнее было бы называть его *россиянином*.

Один из фундаментальных законов развития языка – закон экономии речевых усилий – проявляет себя и в сфере интересующих нас номинаций. В языке современных СМИ обнаруживается тенденция именовать гражданина того или иного государства этнонимом. Это заметно применительно, например, к Украине. Так, певица Джамала, этническая крымская татарка, представлена в СМИ как украинка: ***Украинка*** *Джамала победила в «Евровидении-2016»*[1]. В других текстах ее этническая принадлежность обозначена иначе: *Крымская* ***татарка*** *Джамала, выступающая за Украину, в финале «Евровидения-2016» поборется с Сергеем Лазаревым*[2].

Налицо развитие нового значения у этнонима *украинка*. Этот вывод можно проиллюстрировать также следующим примером из СМИ: *Бывшая* ***украинка*** *Анна Буряк попала в состав сборной России по современному пятиборью на чемпионат мира, который пройдет в Варшаве с 31 августа по 10 сентября, сообщает «Весь спорт»*[3]. Можно считать, что уже сформировалось новое значение, позволяющее употреблять словосочетания типа «бывшая украинка», невозможные в первоначальном значении этнонима: как известно, этническая принадлежность дается человеку от рождения и на всю жизнь. Но гражданство можно сменить, и это делает возможным приведенное словосочетание.

[1] https://sputnik.by/culture/20160515/1022495159.html (дата обращения: 04.05.20).

[2] https://www.business-gazeta.ru/news/310531 (дата обращения: 04.05.20).

[3] https://ua.tribuna.com/pentathlon/1023158814.html (дата обращения: 04.05.20).

Есть и другое основание для расширения лексического значения этнонимов. Одно из проявлений глобализации – смешанные браки как между представителями разных национальностей внутри одного государства, так и между гражданами разных государств – ведет к размыванию этнической идентичности: потомки родителей разных национальностей должны идентифицировать себя сразу с двумя этносами. Практика жизни показывает, что такие люди воспринимают свою этническую идентичность как богатую: они могут в зависимости от ситуации отождествлять себя то с одним, то с другим этносом, субъективно воспринимая это как свое преимущество. Например, одна россиянка – полуосетинка и полуукраинка – в общении с татарином-мусульманином назвала себя осетинкой, а в общении с русскими – украинкой, что позволило ей показать себя «своей» в том и в другом случае. Американские студенты, приехавшие на летний интенсивный курс русского языка, рассказали, что в раннем возрасте с родителями уехали из Беларуси в США. Когда они жили в Беларуси, то по этнической принадлежности были евреи, теперь же, в США, они воспринимаются как белорусы. Сами студенты идентифицируют себя с обеими этими национальностями: они и евреи, и белорусы, к тому же американцы; одна из двух национальностей и гражданская идентичность актуализируется в определенных ситуациях. В таких условиях они чувствуют себя этнически богаче тех, кто идентифицирует себя с одним этносом.

Таким образом, приведенные наблюдения над функционированием номинаций лиц по этнической и гражданской (государственной) идентичности позволяют сделать вывод о том, что соотношение между этими номинациями меняется. Существительные, называющие человека по его этнической принадлежности, развивают новый лексико-се-

мантический вариант – название лица по его гражданству, подданству государства, от названия которого эти существительные образованы. Толковые словари пока, насколько нам известно, не внесли эти ЛСВ в новые выпуски, это дело будущего.

М.Д. Ваджибов
Дагестанский государственный университет

Об обогащении современного русского языка в условиях дагестанского полиязычия

M.D. Vadzhibov
Dagestan State University

On the Enrichment of Modern Russian Language in the Conditions of the Dagestan Multilingualism

Республика Дагестан – уникальный регион, в котором проживает свыше 3 млн чел., говорящих на 14 письменных и на 18 бесписьменных языках. Все письменные языки имеют статус государственных на территории субъекта, и эти языки изучают в образовательных учреждениях, на них ведутся радио- и телепередачи, издаются газеты и журналы, функционируют государственные театры, осуществляется научная деятельность и пр. В многоязычном социуме, естественно, необходим общий язык общения, каковым исторически стал русский язык, язык государствообразующего народа в РФ. Кстати, констатируем: «В Дагестане стало традицией общаться на русском языке в гостях у

представителей другой нации или при приеме гостей, носителей другого языка»[1]. Такова ситуация использования русского языка во всех сферах коммуникации горцев.

Естественно, на развитие всех языков Дагестана положительно влияет основной государственный язык. Ведь в условиях дагестанского полиязычия фактически всё делопроизводство и судопроизводство, наука и образование, медицинское обслуживание и пр. осуществляются посредством русского языка. В то же время в пределах региона дагестанские языки также оказывают определенное влияние на речь носителей русского языка, в который постоянно проникают слова из аварского (авар.), даргинского (дарг.), кумыкского (кум.), лакского (лак.), лезгинского (лезг.), табасаранского (табас.) и других местных языков. Происходит адаптация дагестанских лексем к русскому языковому пространству. Правда, не все местные слова укореняются в русскоязычной среде, участниками которой в первую очередь являются представители автохтонных народов республики.

Приводим наиболее частотные в русскоязычном употреблении регионализмы, которые мы подбирали, наблюдая за русской речью дагестанцев и письменно или устно опрашивая их с целью уточнения значений рассматриваемых слов. При этом учитываем мнение большинства респондентов, являющихся по сути билингвами или полилингвами, ср.: *ваъ* (общелезг.) «нет»; *вуч хьана?* (лезг.) «что случилось?»; *гьечIо* (авар.) «отсутствует, нет»; *дерхъаб* (дарг.) «пожелание процветания»; *нух битIаги* (авар.) «счастливого пути»; *хъинсса* (лак.) «хорошо, пожелание здоровья» и др.

В русском языке используются одни и те же слова из разных языков Дагестана, ср.: *вац* или *вацок*, *вацуля* (авар.), *ини* или *инишка* (кум.), *стха* (лезг.), *уцы* (*уци*) или *уцишка* (дарг.)

[1] *Ваджибов М.Д.* Об использовании русского языка в дагестанской семье // Русский язык в контексте культуры: Сб. науч. статей. Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. С. 66

(все четыре слова переводятся как «брат, братик, братишка»); *сагърай* (лезг.), *сахли* (авар.), *арадеш* (дарг.) (во всех трех языках эти слова означают «пожелание здоровья») и др.

В русскую лексику проникают названия местных блюд, ср.: *лаваш* (общекавказ.) «лепешка», *чуду* (дарг., кум., лак. и др.) «несладкий пирог», *ботIишал* (авар., разновидность чуду), *хинкал* (авар., кум., лак., лезг. и т. д.), *афар* (лезг., табас. и т. д.) «тонкое чуду» и др., что объясняется влиянием на русскую речевую культуру местных обрядов. Мероприятия такого формата обычно проводят в банкетных залах и ресторанах, в меню которых обязательно включают блюда дагестанской кухни.

Указанный лексический арсенал постоянно обновляется и функционирует согласно нормам живого русского языка. Мы писали о дагестанских словах: «Данный языковой материал проникал в русскую речь дагестанских студентов в течение всего двадцатого столетия, но активизировался и адаптировался в последние 20–25 лет – в конце XX – в начале XXI века»[1]. И этот процесс в настоящее время продолжается.

Большинство из перечисленных слов мы, очевидно, должны рассматривать как окказионализмы в русской речи дагестанцев. При этом не обсуждаем индивидуальное авторство, ибо, по нашим данным, никто до сих пор не фиксировал, благодаря чьим стараниям появилось в русском языке то или иное дагестанское слово. Так, аварское слово *чIанда* «ерунда, чепуха, чушь, вздор, бред и т. д.» проникло в дагестанскую русскую жаргонную речь. А новое образование *чIандаист* сравнительно недавно возникло уже в русском языке с помощью суффикса *-ист-* (по аналогии

[1] *Ваджибов М.Д., Агаева Ш.А.* Об иноязычном языковом материале в русской речевой культуре дагестанской студенческой молодежи // Куляшоускія чытанні: Материалы Международной научно-практической конференции 26–27 апреля 2012 г. / МГУ им. А.А. Кулешова. Могилев, 2012. С. 59.

со словами футболист, аферист и пр.) и означает «тот, кто говорит ерунду, несет чушь, болтун». В связи с распространением коронавируса мы в местной речи обнаружили слово «карантировать» (от слова «карантин» по аналогии со словом «гарантировать»). Эти случайные новообразования, возможно, исчезнут из русского языка в условиях дагестанского полиязычия.

В многонациональном лингвистическом пространстве Дагестана укоренились многие заимствования из восточных языков и уже воспринимаются как исконно дагестанские, ср.: *салам* или *салам алейкум* «приветствие; буквально: мир дому твоему»; *намус* «честь, совесть»; *кафир* «неверный, испачканный, грязный», *бала* «несчастье, горе, трагедия» и др. Эти слова приспособились и к нормам русского языка и употребляются в местной русскоязычной среде. К примеру, арабское слово *ахи* «брат» адаптировано в русской речи дагестанской молодежи в форме «ахишка» и образовано с помощью суффикса *-ишк-*, ср.: сынишка, братишка и др. При этом констатируем, что в дагестанском русском языке уже используется пласт лексики из арабского языка, являющийся исламской терминологией, ср.: *иншалла* «на то воля Аллаха; если Аллах пожелает»; *иман* «вера»; *намаз* «молитва»; *сабур* «терпение»; *садака* «милостыня, жертвоприношение» и др.

Благодаря коренным языкам в русском языке появляются неологизмы путем сложения основ, ср.: *ахчахандроз* «страсть к деньгам как болезнь» – *ахча* (кум.) «деньги» + «хондроз» (по аналогии со словом «остеохондроз»); посредством суффиксации, ср.: *аташка* (от мужского имени Атай в кумыкском языке; так обычно обращаются к подросткам и юношам этого народа); специфически образуются существительные в форме мн.ч. от ряда частей речи, ср.: *саул* (тюрк.) «благодарю» – *саулики* «мн.ч., но не глагол, а сущ.», *баркалла* (араб.) «спасибо, благодарю» – *баркалики*

«мн.ч., сущ.» и др. Природа появления данных слов нам не ясна, но обратим внимание на мысль, высказанную С.С. Кислицкой[1]: эти слова образовались путем смешивания языков, и перед нами конструкция, в которой использованы элементы тюркского, арабского и русского языков, ср.: *саулики*, *баркалики на воздушном шарике*.

Не менее интересны и словосочетания, в которых одно слово из восточного языка воспринимается как дагестанское, а второе является исконно русским, ср.: *делать сабур* «терпеть»; *делать намус* «поступить честно, по совести, поблагодарить человека»; *общий салам* «поздороваться сразу со всеми не за руку»; *бала на голову* «несчастье на голову, неожиданное горе» и др.

Можно констатировать, что благодаря указанным выше словам родился новый дагестанский русский молодежный жаргон. Данный сленг отличается, к примеру, от сленга юношей и девушек центральных областей прежде всего наличием регионализмов и экзотизмов. И в такой форме существования языка на русской почве родились некоторые жаргонизмы в области ономастики, которые употребляются только дагестанцами, ср. в топонимике: **Мах**, **Маха** – г. Махачкала; **Сипарка** – район завода сепараторов г. Махачкалы; **Первуха** – район Первой Махачкалы; **Хас** – г. Хасавюрт; **Терекли** – село Терекли-Мектеб и др.; ср. в антропонимике: имя **Патимат** превращается в *Патю*, *Патулю*, *Патюлю*, *Патеньку*, *Патку*; **Раисат** – в *Раю*, *Райку*, *Раечку* и др. Такое сокращение, очевидно, мотивировано влиянием русской жаргонной речи на общение дагестанцев и ее стремительным распространением в последнее время в условиях полиязычия.

[1] *Кислицкая С.С.* Особенности сленга дагестанской молодежи // Universum: Филология и искусствоведение: электронный научный журнал. 2017. № 2(36): http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4284 (дата обращения: 20.03.2020).

Живой русский язык обогащается не только дагестанскими словами, но и новыми значениями, которые имеют слова в языках-источниках. Так, общедагестанское слово *гьай-гьуй* означает «возглас, шум, веселье, скандал и пр.». Даргинское слово *ягъари*, по мнению респондентов, вообще не переводится, но имеет следующие значения: обрати внимание, удивление, возмущение, недопонимание, да ладно, выполняет функцию частицы «ведь» или «же» и т. д. В условиях дагестанского многоязычия все эти значения приобретает язык, который заимствует многозначные слова.

В контексте ряд регионализмов иногда звучит грубо при условии, если говорящий повышает тон в коммуникации или же пишущий выражает свои отрицательные эмоции, ср.: *йо* (авар.) «обращение к женщине», *тохтта* (кум.) «подожди», *лам* (лезг.) «осел», *чIа* (авар.) «подожди, остановись» и др. Такая инвектива, конечно, считается неуместной и воспринимается в поликультурном социуме негативно.

Как видим, местные народы спорадически вносят свою лепту в обогащение современного русского языка и проникновение дагестанских слов в русский язык не носит системного характера. И таково, на наш взгляд, современное состояние русского языка в условиях дагестанского полиязычия, в которых в первую очередь устная жаргонная речь местных русскоязычных обогащается регионализмами из коренных языков страны гор и лексемами из восточных языков посредством дагестанских языков. Такова тенденция обогащения русского языка, но при этом происходит экспансия в язык новых нежелательных элементов, в результате чего прослеживается жаргонизация или даже маргинализация речевой культуры как результат либерализации языка. Настало время демаргинализации русской речи в многонациональном Дагестане. Имеет ли наша мысль перспективу, можно определить по всевозможным новым

опросам и наблюдениям за живой коммуникацией. Оптимальным же нам кажется синхронное и научно обоснованное описание дагестанского русскоязычного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Ваджибов М.Д., Агаева Ш.А. Об иноязычном языковом материале в русской речевой культуре дагестанской студенческой молодежи // Куляшоускія чытанні: Материалы Международной научно-практической конференции 26–27 апреля 2012 г. / МГУ им. А.А. Кулешова. Могилев, 2012. С. 58–61.

Ваджибов М.Д. Об использовании русского языка в дагестанской семье // Русский язык в контексте культуры. Сборник научных статей. Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. С. 63–66.

Кислицкая С.С. Особенности сленга дагестанской молодежи // Universum: Филология и искусствоведение: электронный научный журнал. 2017. №2(36): http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4284 (дата обращения: 25.03.2020).

Ван Лина
Пекинсий университет иностранных языков

Дискурсивы в устном научном дискурсе (на материале лекции)

Wang Lina
Beijing Foreign Studies University

Discursive in oral scientific discourse (based on the lecture material)

Дискурсивы определяются как особая транскатегориальная система речевых единиц, так как в этот класс мо-

гут включать не только частицы, наречия, вводно-модальные слова, обороты и другие так называемые «классические» дискурсивы, но и многие двойственные речевые единицы синкретичного типа, как авторизующие конструкции, акцентивы, средства адресации и др, которые совмещают вспомогательную и основную фактическую информацию. Поэтому в нашем исследовании дискурсивы рассматриваются, что целесообразно, в широком понимании, к ним относят не только отдельные слова разных частей речи, но и словосочетания, обороты и различные предикативные конструкции.

В данной работе используется критерий классификации дискурсивов Е.Ю. Викторовой [2], которая их разделила на «дискурсивы-организаторы» и «дискурсивы-регулятивы» – по их основным функциям в контексте. На основе роли группы дискурсивов-организаторов выстраивают дискурс и обесепечивают его связность. А группа дискурсивов-релулятивов непосредственно регулирует отношения между коммуникантами [2]. К тому же все эти дискурсивы служат в качестве особых единиц-помощников на всех этапах создания, реализации, восприятия и интерпретации дискурса.

В сзязи с тем, что лекция считается одним из наиболее распространенных жанров в сфере устного научного общения [3: 123], мы проанализируем дискурсивы в лекционном дискурсе (далее ЛД). Исследование проводится на основе реального коммуникативного контекста.

В исследованном нами материале (всего 1644 словоупотребления) зарегистрирован 161 дискурсив, в том числе 84 регулятива (52 %) и 77 организаторов (48 %). Дискурсивы-регулятивы составляют большую часть всех дискурсивов, это естественно, потому что лекционный дискурс представляет собой непосредственное общение лектора с конкретной аудиторией, с помощью регулятивов могут

осуществляться прямое взаимодействие говорящего / слушающего и установление контакта с адресата.

Употребления дискурсивов-регулятивов в ЛД

Представленная ниже таблица 1 демонстрирует количественные данные по употреблению всех типов релулятивов в ЛД. Дискурсивы даны в порядке убывания суммы количества их употребления.

Таблица 1

Употребление дискурсивов-регулятивов в ЛД

№	Типы регулятивов	Количество употреблений	Процент от общего количества (%)
1	Дискурсивы-акцентивы	31	37
2	Дискурсивы-адресации	23	27,4
3	Сигналы повышения / понижения категоричности	13	15,5
4	Дискурсивы, выражающие дополнительные значения	8	9,5
5	Авторизующие дискурсивы	7	8,3
6	Этикетные дискурсивы	2	2,4

Как можно видеть из таблицы 1, лидерами по количеству употреблений в ЛД в целом являются дискурсивы-акцентивы: зарегистрирован 31 случай их использования, что составляет 37% от всех регулятивов. Это самый частотный подтип не только регулятивов, но и вообще дискурсивов в ЛД.

Дискурсивы-акцентивы довольно разнообразно. Они включают в себя не тольно отдельные слова: *же* (4), *только* (2), *даже*, *скорее*, *действительно*, *особенно*; союзные конструкции: *не только, но и* (5), *а также* (2), *все чаще* (2), *ну вот*, – но и некоторые предикативные конструкции: *Вдумайтесь в мои слова* (3), *дело в том, что*; *Я еще раз призываю*; *Обратите внамание*; *Что же такое*?.. *Поймите это*. Следует отметить, что такие предложения с акцентирующим значением, как *Вдумайтесь в мои слова, Поймите это, Обратите внамание*, *Я еще раз призываю*, можно было бы отнести и к дискурсивам-адресациям или авторизующим дискурсивам, однако, на наш взгляд, функция акцентирования в них превалирует над адресацией и авторизующей функцией в конкретном контексте, поэтому мы условно их относим к дискурсивам с акцентирующей функцией, хотя они выполняют одновременно и другие прагматические функции. Кстати, данный критерий также принят при классификации других дискурсивов. В этом как раз проявляются прагматическая полифункциональность и синкретизм дискурсивов.

Следующими регулятивами по количеству употреблений значатся дискурсивы-адресации (см. таблицу 1), в качестве которых часто выступают сигналы, апеллирующие к памяти и понятию слушателей (*Вспомните?*; *напомните?*; *понимаете?*), к их слуху (*Слышите*?); прямые вопросы (*Вы выписали?*; *У всех так?*; *На чем мы остановились?*); актуализаторы (*да?*; *ну?*), обращения по имени (*кто*?; *Инна*?; *Или Катя*?), императивы (*пишите* – 4; *посмотрите* –2; *Записывайте*; *Смотрите*; *ну перелистните*; *Не мешайте*). Данные средства адресации выполняют очень важную роль в лекционном дискурсе, с их помощью говорящий регулирует общение с аудиторией, проверяет работу канала связи с аудиторией и создает благоприятную атмосферу в аудитории.

Что касается остальных 4 типов дискурсивов-регулятивов: сигналы повышения/понижения категоричности (*и возможно* (2); *более или менее*; *вообще*; *может быть*; *почему-то*; *в какой-то мере*; *конечно* и др.), дискурсивы, выражающие дополнительные значения (*еще* (3); *и еще*; *уже* (4); *опять*), авторизующие дискурсивы (*мы же уже пишем*; *мы же с вами договорились*; *продолжаем* (2); *Шесть у нас получилось*? *Все мы об этом сказали*?), этикетные дискурсивы (*До свидания*, *Идите*), то не будем их подробно трактовать из-за того, что они составляют среди регулятивов меньшую долю (всего 35,7%).

Употребление дискурсивов-организаторов в ЛД

В приведенной ниже таблице 2 представлены данные по употреблению всех типов организаторов в лекционном дискурсе.

Таблица 2

Употребление дискурсивов-организаторов в ЛД

№	Типы организаторов		Количество употреблений	Процент от общего количества (%)
1	Сигналы логических отношений		27	35
2	Сигналы сегментации	Начало темы	3	3,9
		Переход темы	4	5,2
		Завершение темы, выводы	11	14,3
3	Ссылки		8	10,4
4	Хезитативы		6	7,8
5	Сигналы возможного продолжения		5	6,5

6	Указания на фрагмент дискурса	4	5,2
7	Сигналы уточнения	3	3,9
8	Сигналы ввода примера	3	3,9
9	Сигналы очередности	2	2,6
10	Фативы	1	1,3

Из этой таблицы следует, что самым частотным типом дискурсивов-организаторов оказались сигналы логических отношений: всего зарегистрировано 27 случаев их использования, что составляет 35 % от всех организаторов. Они выражают различные логические отношения, например: противопоставления (*а* – 3; *но* – 3; *иначе* – 2; *тем не менее*; *однако*), условия (*если* –3), причины (*так как*), следствия (*поэтому* – 2, *так что*), уступки (*хотя* – 2), добавления информации (*и* – 2, *кстати*, *Плюс к этому*, *это значит*) и др. Эти дискурсивы более разнообразны по своим функциям, они в основном отвечают за связанность, логичность и структурированность дискурса.

Вторая разновидность организаторов по количеству употреблений в лекционном дискурсе, представленная сигналами сегментации – на нее приходится около четверти всех организаторов (24 %, 18 употреблений), включает в себя сигналы начала темы (*Начнем*; *Давайте уже начнем*; *Продолжим*), сигналы перехода к другой теме (*Теперь давайте к новой теме перейдем*; *пишите новую тему*; *Теперь пишем второй пункт*; *И теперь...*) и сигналы завершения темы или выводов (*всё* – 4; *ну всё* – 2; *таким образом* – 2; *Давайте подведем итог*; *так*; *ладно*). По мнению многих исследователей, довольно частое использование сигналов сегментации позволяет «поддержать непрерывность слухового восприятия текста» и укрепить контакт с аудиторией [4: 119].

Ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть другие, реже встречающиеся дискурсивы-организаторы, которые мы будем исследовать в следующей работе.

Конечно, вся заложенная в дискурсивах информация может передаваться и основными коммуникативными единицами, но «именно в дискурсивных словах информация, организующая дискурс, эксплицируется в наиболее лаконичном, концентрированном виде» [1: 102].

Итак, классификация дискурсивов и анализ их функций в устном научном дискурсе, проведенные на материале лекции, показывают, что дискурсивы-регулятивы составляют большую часть всех дискурсивов. И все эти дискурсивы служат в качестве особых единиц-помощников на всех этапах создания, реализации, восприятия и интерпретации дискурса. Можно сказать, что «естественный русский дискурс без этих слов будет выглядеть суховато, дистиллированно» [5]. Однако если говорящий злоупотребляет этими словами, то они будут превращаться в слова-паразиты, в результате возникнет риск разрушения коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева С.В.* Элементарные конструктивно-синтаксические единицы устной речи и их коммуникативный потенциал: Дисс.... докт. филол. наук. Саратов, 2005. 347 с.

2. *Викторова Е.Ю.* Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования: Дисс.... докт. филол. наук. Саратов, 2016. 617 с.

3. *Скорикова Т.П., Орлов Е.А.* Жанровые особенности устной научной коммуникации: концепция лингвистического описания // Вестник СВФУ. 2017. № 5(61). С. 117–128.

4. Современная русская устная научная речь. Т. 1: Общие свойства и фонетические особенности / Под ред. О.А. Лаптевой. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 336 с.

5. 7 фактов о богатстве значений слов-паразитов [Электронный ресурс]: https://postnauka.ru/faq/8572

Т.В. Кортава
МГУ имени М.В. Ломоносова

Отголоски политики «коренизации» конца 20-х – начала 30-х годов XX века на постсоветском пространстве

T.V. Kortava
Lomonosov Moscow State University

Echoes of the Korenization Policy of the late 1920s and early 1930s in the Post-Soviet Space

На рубеже XX–XXI вв. процессы глобализации обозначили новые проблемы на мировом языковом ландшафте, связанные с нарушением равновесия в международном использовании языков, снижением роли национальных языков на исторических территориях их распространения и ослаблением связи между языком и идентичностью. В этой связи особенно остро встает проблема стратегического планирования государственной языковой политики.

В последние десятилетия появились новые междисциплинарные научные направления, такие как превективная лингвистика, эколингвистика. В условиях мощной экспансии английского языка встает проблема сохранения национальных языков, решать которую следует, не впадая в край-

ности. У многих стран уже есть определенный исторический опыт, позволяющий избежать повторения ошибок.

В результате распада СССР сфера распространения русского языка резко сузилась и возникла острая потребность в поиске путей для укрепления и расширения русскоязычного пространства. В этой связи представляется целесообразным оглянуться назад и по возможности предупредить неосторожные шаги в языковом строительстве.

Со времен Петра I Российская империя проводила твердую языковую политику. В 1720 г. вышел указ, требующий издавать учебную литературу на всей территории только на русском языке.

На Украине масштабное распространение русского языка началось значительно раньше, в 1654 г., сразу же после присоединения польской части Левобережной Украины. В первом профессиональном малороссийском театре, открытом в 1789 г. в Харькове, спектакли ставились только на русском языке. Первая малороссийская газета «Еженедельник» начала выходить в 1811 г. в Харькове, и тоже на русском языке. В 1853 г. Министр внутренних дел Российской империи издал указ о приостановке печатания учебных книг на малороссийском языке, за исключением художественной литературы. До 1905 г. на украинском языке обучение велось лишь в некоторых воскресных школах сельской местности.

Распространение русского языка на других национальных окраинах всегда шло нелегко. В Литве только во второй половине XIX в. в начальных школах начали преподавать на русском языке. В Латвии обязательное изучение русского языка было введено в 1874 г.; в 1888 г. русский язык стал языком делопроизводства, а в 1889 г. – языком судопроизводства.

В открытом в 1802 г. Дерптском университете преподавание велось на немецком языке. Там учились в Профессорском институте Николай Иванович Пирогов и Влади-

мир Иванович Даль. В 1893 г. Дерптский университет получил новое наименование – Юрьевский, и весь учебный процесс был переведен на русский язык. В Финляндии русский язык, наряду со шведским и финским, был объявлен государственным в 1900 г. В Варшавском университете до 1917 г. преподавание велось только на русском языке.

На Северном Кавказе и в Закавказье преподавание русского языка и развитие русскоязычного образования началось в 1848 г., с момента формирования Кавказского учебного округа. Процесс шел очень медленно, особенно на полиэтническом Северном Кавказе. Согласно Статистическому ежегоднику 1915 г., в 1897 г. доля владеющих русским языком среди горских народов составляла 0,6 %.

Для распространения русского языка в Туркестане предпринимались неимоверные усилия: с 1880 г. открывались трехлетние русско-туземные школы с преподаванием на русском языке и русскоязычные интернаты для детей кочевников. Регулярно проводились съезды учителей русского языка.

Французский лингвист Шарль Балли еще в 1921 г. в работе «Обучение родному языку и формирование духа» отметил принципиальную разницу в преподавании родного и чужого языков. При изучении родного языка достигается самораскрытие и обогащение. При изучении чужого происходит познание другого мира и постижение чужого национального менталитета, который представляет собой способ восприятия и понимания окружающей действительности.

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции, 15 ноября 1917 г., была принята Декларация прав народов России за подписями В.И. Ленина и И.В. Сталина. Пункт 2 провозгласил право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. После создания 30 декабря 1922 г. СССР начались активные процессы так на-

зываемой «коренизации». Языковая политика в СССР носила либеральный характер, а в некоторых молодых советских республиках появлялись откровенно националистические настроения. Поначалу национальный язык использовался для укрепления советской судебной и административной власти на местах, но постепенно прочно вошел в систему образования.

В 1923 г. Всеукраинский ЦИК Совнаркома УССР издал постановление «О мерах по обеспечению равноправия языков», согласно которому все государственные служащие должны были владеть украинским языком. С 1 января 1926 г. делопроизводство было переведено на украинский язык. Ликвидация безграмотности во исполнение декрета Совнаркома от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности» шла на украинском языке. Даже в таких полиэтнических городах, как Одесса и Мариуполь, все образование велось на украинском языке

В 1926 г. Брянская, Воронежская и Гомельская губернии были введены в состав УССР, и на вновь присоединенных территориях весь учебный процесс перевели на украинский язык. На Украине сложилась полиэтническая система образования: в начале 30-х гг. XX в. преподавание в школах велось на 21 языке. В 1933–1934 гг. на территории Украины были закрыты последние русскоязычные педагогические техникумы для подготовки учителей начальных классов. Появились первые ростки недовольства русскоязычного населения.

Следует вспомнить, что в 20-е гг. XX в. в Народном комиссариате просвещения был образован Совет по делам просвещения национальных меньшинств. В ожидании мировой революции разгорелась дискуссия о необходимости забвения кириллицы и введения латиницы. Кириллицу считали «пережитком махровой поповщины». В 1925 г. в г. Баку был создан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита,

выдвинувший лозунг «За латинизацию широким фронтом». Лингвист Николай Феофанович Яковлев был назначен «технографическим комиссаром» и в 1929 г. возглавил при Главнауке СССР подкомиссию по разработке русской латиницы. Его поддержал Анатолий Васильевич Луначарский, сославшись на мечту Ленина о будущем господстве латиницы во всех странах мирового пролетариата.

На основе латиницы ученые под руководством Н.Ф. Яковлева создали алфавиты для 50 бесписьменных народов. Против латинизации резко выступил И.В. Сталин. Приоритетом языковой политики он считал распространение русского языка, и 1 марта 1930 г. на заседании Политбюро проект Н.Ф. Яковлева был отвергнут. Начался процесс перевода национальных языков СССР с латинского алфавита на кириллицу. Пик обучения на родных языках пришелся в СССР на 1932 г. В то время в советских школах преподавали на 104 национальных языках.

В 1929 г. состоялась Первая Всероссийская методическая конференция национального учительства, а в 1930 г.прошли первые курсы авторов учебников для национальных школ, на которых с докладом «О национальном учебнике» выступила Надежда Константиновна Крупская. В 1931 г. появился Центральный научно-исследовательский педагогический институт национальностей.

В учебно-методическом совете при Министерстве просвещения РСФСР был создан сектор родного и русского языков в нерусских школах.

В конце 30-х гг. XX в., накануне Великой Отечественной войны, в СССР был взят твердый курс на умеренную русификацию. 30 октября 1937 г. состоялось решение Пленума ЦК ВКП(б) о восстановлении русского языка в качестве обязательного во всех школах СССР, а 13 марта 1938 г.было отменено обязательное знание национальных языков для

русскоязычных рабочих и служащих. В 1938–1941 гг. все алфавиты народов СССР были переведены на кириллицу.

Последствия поспешной коренизации проявились во время Великой Отечественной войны, когда призывники из союзных республик показали слабое владение русским языком. Появилось понимание необходимости системного фундаментального исследования теории и практики преподавания русского языка как неродного. В 1942 г. в Якутске был издан «Краткий учебник русского языка для бойцов всеобуча, не владеющих русским языком» под редакцией Федора Фроловича Советкина.

Сразу после алфавита следовала фраза «За Родину! За Сталина!». В небольшом по объему учебнике были представлены всего несколько тематических групп на русском и якутском языках: части тела, счет, оружие и снаряды. Упражнения сопровождались рисунками.

В 1944 г. в журнале «Пограничник» (№10) Ф.Ф. Советкин выступил с обобщающей методической статьей «Как обучать русскому языку бойцов нерусской национальности».

Одной из задач созданной в 1943 г., в разгар войны, Академии педагогических наук РСФСР было скорейшее методическое обеспечение преподавания русского языка в национальных школах. В ее составе до 90-х гг. работал Научно-исследовательский институт национальных школ, издавался журнал «Русский язык в национальной школе».

После распада СССР тема национальных школ стала уходить в плоскость профессиональных дискуссий и быстрых решений. Последствия недостаточного внимания к этой проблеме ощутимо отзываются на современном внутрироссийском и постсоветском пространстве.

Вероятно, настало время внимательного изучения опыта прошлого с учетом научного подхода к решению практических задач преподавания русского языка как неродного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балли Ш.* Язык и жизнь / Пер. с фр. Изд. стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2018. 230 с.

2. *Марусенко М.А.* Новый мировой языковой порядок. СПб, 2019.

3. Общие проблемы национально-языковой политики / В.М. Алпатов [и др.]; отв. ред. Е.П. Челышев. М.: А Темп, 2015.

О.А. Теуш
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина

Наименования поселений и их частей в диалектах Европейского севера России как отражение этнической идентичности населения

O.A. Teush
Ural Federal University
them The First President of Russia B.N. Yeltsin

Names of Settlements and their Parts in Dialects of the European North of Russia as a Reflection of the Ethnic Identity of the Population

Европейский север России является зоной сельского расселения. Большая часть населения этого региона живет в деревнях. Северные деревни разнообразны: это могут быть небольшие поселения, состоящие из одного-двух хозяйств, и крупные села. Поскольку коренным населением Европейского севера России является финно-угро-самодийское,

многие населенные пункты на этой территории возникли до русской колонизации. Этимологическая интерпретация заимствованных русских апеллятивов позволяет воссоздать этническую ситуацию прошлого в исследуемом регионе, определить этническую идентичность населения.

Для Европейского севера России характерен гнездовой тип расселения: деревни располагаются не в одиночку, а группами.

Наименованием куста деревень является *ша́лга* (Арх.: Карг.) [КСГРС]. Поскольку поселения располагались на возвышенностях, рассматриваемое значение вторично к *ша́лга* ‘продолговатая безлесная гора, возвышенность’ (Арх.: В.-Т., К.-Б., Нянд., Он., Плес.) [КСГРС], ‘гора или холм, на которых не растет трава’ (Арх.: Он., Холм.) [Подвысоцкий 1885: 191], ‘участок, отведенный для вырубки, делянка’ (Арх.: Он., Прим., С.-Дв., Холм., Шенк.) [КСГРС], (Арх.: Мез.) [Подвысоцкий 1885: 191], (Кольск.) [Меркурьев 1979: 178], (Помор.) [КСПЯ, 124], ‘просека, узкая вырубка в лесу’ (Арх.: Он.) [КСГРС].

Источником заимствования являются прибалтийско-финские языки, ср. фин. *selkä* ‘горный хребет’, *selin*, *selällään*, *sellällen*, *sölkä* ‘спина’, *selkämä* ‘горный хребет’, карел. *šelkä*, *selgä* ‘спина, хребет’ [SKES, 4: 995; SSA, 3: 167], вепс. *süug* ‘спина’ [СВЯ: 534]. Начальный консонантизм указывает на карельский источник заимствования, однако вокализм (русск. *а* ~ приб.-фин. *е*) в пользу заимствования из вымершего языка прибалтийско-финского типа.

Коми истоки (ср. коми *śik*, *śikt* ‘небольшое крестьянское поселение’) в имеет русское сикт ‘группа расположенных отдельно, но в близком между собою расстоянии крестьянских домов’ (Арх.) [Подвысоцкий 1885: 156][1].

[1] Этимология предложена Я. Калима (*Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu. Helsinki, 1919. XLIV. S. 222) и поддержана М. Фасмером [Фасмер, 3: 620].

Заимствованием из эстонского языка является мыза́ ‘небольшое поселение, хутор’ (Влг.: Чаг.) [КСГРС]: < эст. *mõiz* ‘поместье, имение’ [ТСРЯ: 468].

Для лексемы *лу́лаки* значение ‘новое поселение, новая деревня’ (Влг.: Баб.) [КСГРС] вторично к *лу́лаки* ‘недозревшие ягоды (чаще всего морошки), яблоки’ (Влг.: Баб., Бел., Выт.), < приб.-фин., ср. фин. *lulla*, *lullu* ‘колыбель, люлька’, ботан. ‘подчашие’, *lullaus*: häneltä päässi itkun lullaus ‘ставшее распоротым’, эст. *lullutada* ‘убаюкивать’ [SKES, 2: 308; SSA, 2: 102], карел. твер. *lullu*, *lulluka* ‘свистулька’ [Пунжина СКЯ: 146]. Родственным соответствием является мар. *лулеге* ‘скелет; кости, составляющие остов тела человека и животных’, ‘кость вообще как часть скелета’, ‘кости, остов, каркас чего-нибудь’ [СМЯ, 3: 426].

Результатом упрощения аффрикаты *ч’* (*тш’* > *т’*) является форма *тюпки́* ‘дальние деревни, захолустье’ (Влг.: Сок.) [КСГРС], ср. отмеченное наряду с этим *чу́па* ‘проулок в деревне’ (Влг.: Кад.) [КСГРС]. Лексемы заимствованы из вепсского языка, ср. вепс. *čир* ‘угол, тупик (пространство, не имеющее выхода)’ [СВЯ: 65][1]. Синонимичное к *тюпки́ ша́ваньга* ‘захолустье, глушь, далекое заброшенное место’ (Арх.: Холм.) [КСГРС] имеет оттопонимическое происхождение: произошла апеллятивация топонима *Ша́ваньга* – названия деревни, которое интерпретируется в сопоставлении с саам. им. *šavv*, кильд. *šāvv* ‘глина’[2].

Поскольку на Европейском севере России одним из основных видов деятельности был промысловый тип, достаточно распространенным было устройство временных жилищ.

Карел. *pugri* ‘место для спанья на воздухе’, *pukra*, *bugra*, *pukri*, *pugri*, *bugri* ‘шалаш’, ‘хижина’ [KKS, 4: 492] послужило

[1] Этимологию лексемы *чу́па* в других географических и негеографических значениях см. в [Фасмер, 4: 384].

[2] См.: *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007. С. 157.

источником русск. диал. *бу́гра* ‘временное жилище рыбаков, охотников – землянка, шалаш’ (Арх.: Прим.) [КСГРС], (Арх.) [Даль 1, 135], (Печор.) [СРГНП 1, 46], *бугóр* ‘временное жилище – шалаш из сосновых веток’ (Печор.) [СРГНП, 1: 46][1].

П.А. Дилакторским была записана лексема *кóуз*, *кóус* ‘шалаш, сделанный пастухом из хвойных прутьев для защиты от непогоды’ (Влг.: Кадн.) [Дилакторский 1902: 212]. В современных диалектах слово отмечено в многочисленных вариантах: *кóуз* (Влг.: Сямж., У.-Куб., Хар.), *кавýз*, *кавýзик*, *каýз*, *каýзик* (Влг.: Хар.), *коýз* (Влг.: Сямж., У-Куб., Хар.), *коýза* (Влг.: Хар.), *кóузик* (Влг.: Сямж.), *коýзик* (Влг.: Сямж., Хар.), *коýзок* (Влг.: Хар.), *коýсик* (Влг.: Хар.) ‘шалаш, крытый ветками (обычно на покосе, в поле)’ [КСГРС]. Лексема имеет прибалтийско-финское происхождение, ср. фин. *kuosto* ‘обрамление из высушенных сосен, стоящих в вертикальном положении на месте используемой стоянки’ (< саам., ср. швед. *kåste* ‘прогорклый’, вефс. *Gŭǫstiε* ‘старый’, ‘прокисший’, ‘немного изношенный’, норв. *goas’te* ‘прогорклый’, ‘прокисший’, ‘невкусный’) [SKES, 2: 242; SSA, 1: 443]. Слово должно было приобрести форму среднего рода, однако по аналогии к *шалáш* было освоено как лексема мужского рода. Приб.-фин. *-st-* на русской почве в конце слова > *с*/*з*.

Может быть предложена и альтернативная версия: лексема восходит к приб.-фин., ср. фин. *koju*, *koiju* ‘шалаш, хижина из лапника’, *kojureki* ‘крытые сани’, карел. *koju* ‘будка’, ливв. *koju* ‘сторожка, будка’ [SKES, 2: 206; SSA, 1: 386][2]. В прибалтийско-финские языки слово вошло из германских языков [SKES, 2: 206; SSA, 1: 386]. При этом со-

[1] Этимология Я. Калимы, см.: *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu. Helsinki, 1919. XLIV. S. 81.; [Фасмер, 1: 228].

[2] Этимология предложена О.В. Востриковым: *Востриков О.В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск, 1981. С. 29.

поставлении, однако, неясен исход русского слова: объяснение конечного *-с* как нового суффикса в русских говорах Европейской части СССР, вычленившегося из большого количества финно-угорских заимствований на *-с*[1] выглядит натянутым. Более правдоподобно то, что *-s*(*-z*) могло появиться в языке-субстрате[2].

М. Фасмер [Фасмер, 4: 464] считает темным словом *шóга*, *шогá* ‘шалаш, устроенный в поле или в лесу охотниками на птицу с чучелами’ (Олон.: Карг.) [Куликовский 1898: 138]. При учете возможности упрощения аффрикаты *tš*>*š* источником заимствования могло являться саам. нот. *čok’kâ*, ин. *čokke*, кольск. *tšoˀkk̄ᵉ*, кильд. *tš̆ᵔɔkk̄* ‘вершина, верхушка’, ‘холм’ [SKES, 4: 1062]. Охотничий шалаш имеет простую форму: наклонно устанавливаются тонкие стволы деревьев, которые образуют острый угол. Поверхность конуса маскируется пластами дерна таким образом, чтобы шалаш не выделялся из окружающего ландшафта и выглядел как естественный пригорок, холм. Подобно по внутренней форме *пакшá* ‘шалаш из еловых веток’ (Арх.: Плес.) [КСГРС], *пáкша* ‘избушка, шалаш, низкий, некрасивый дом’ (Карел.: Медв.) [СРГК, 4: 375]: < саам., ср. патс. *pāˀkkɒž*, нот. *pāˀkɒš̆* ‘вершина, верхушка’, ‘холм’ [KKLS, 1: 334].

Несколько лексем называют старое, ветхое, заброшенное жилье, поселение. Слово *мурья́* ‘плохой маленький дом, избушка’ (Костр.: Макар.) [КСГРС], ‘место для собаки; вообще низкое жилье’ (Влг.) [Дилакторский 1902: 263] при учете *мурья́* ‘труба’ (Казан.) [СРНГ, 18: 362], ‘в смолокуренной печи: труба, по которой стекает смола’ (Арх.: В.-Т.), ‘отверстие в мельничном жернове, куда засыпают зерно’ (Влг.: К.-Г.) может быть сопоставлено с мар. диал.

[1] *Востриков О.В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск, 1981. С. 29.

[2] Там же.

муръя ‘труба (печная)’ [СМЯ, 4: 100]. Марийское слово, вероятно, < чуваш. *muŕja* ‘песчаная труба’[1]. Развитие семантики объяснимо при учете выражения *как в мурье́* ‘грязно, неопрятно’ (К.-Перм.) [СКП: 152]. Значение ‘оставленное, разрушившееся жилище’ имеет слово *ла́дога* (Влг.: Устюж.) [КСГРС], ср. также *разоре́нная ла́дога* ‘о вымершей деревне, брошенном доме’ (Влг.: Устюж.) [КСГРС], ‘о беспорядке в доме’ (Влг.: Устюж.) [КСГРС]. Лексема имеет саамские истоки, ср. нот. *łäᵊt̀ẹs*, кильд. *łaᵃt̀ẹs* ‘ровный’ [KKLS, 1: 197]. Семантику слова можно реконструировать как ‘ровное (=пустое) место’. Саамского происхождения также лексема *ме́гра* ‘пустое место на месте бывшей деревни’ (Влг.: В.-Уст.) [КСГРС]: при учете метатезы *-рг-* > *-гр-* источник заимствования можно усматривать в патс. *tɛ̄rgɒ̂s*, сонг. *tɛ̄rγaṣ*, кильд. *taj̄rᵍ̄ḳ* ‘твердый, жесткий’, ‘окостенелый’ [KKLS, 1: 582].

В целом, заимствованные апеллятивные наименования поселений и их частей в говорах Европейского севера России представляют собой семантически и этимологически пеструю группу слов. Для большинства лексем анализируемые значения вторичны либо уже на уровне языка-источника, либо в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словари и источники (с используемыми сокращениями)

Дилакторский – *Дилакторский П.А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. 677 с.

КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

[1] Этимология Я. Калимы, см.: *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu. Helsinki, 1919. XLIV. S. 52, 89; [Фасмер, 3: 15].

КСПЯ – *Мосеев И.И.* Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. 138 с.

Куликовский – *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. 151 с.

Меркурьев – *Меркурьев И.С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.

Подвысоцкий – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 198 с.

Пунжина СКЯ – Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.

СВЯ – *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972. 747 с.

СКП – Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007. 420 с.

СМЯ – Словарь марийского языка: В 10 т. Йошкар-Ола, 1990–2005.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6 / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко: В 2 т. СПб.: Т. 1. 2003. 553 с.; Т. 2. 2005. 470 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. 1175 с.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. I–V. LSFU. XVI. Helsinki, 1968–1997. 1899 s.

KKLS – *Itkonen T.I.* Koltanja Kuolanlapin sanakirja. I–II. LSFU. XV. Helsinki, 1958. 1236 s.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU. XII. O. 1–7. Helsinki, 1958–1981. 2293 s.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000. 486 s., 470 s., 503 s.

2. Исследования

Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск, 1981. С. 3–45.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. III. Етатеринбург, 2007. 296 с.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu. Helsinki, 1919. XLIV. 265 s.

СОКРАЩЕНИЯ

1. В географических названиях

Арх. – Архангельская область (губерния), г. Архангельск
Баб. – Бабаевский район Вологодской области
Бел. – Белозерский район Вологодской области
Влг. – Вологодская область (губерния)
В.-Т. – Верхнетоемский район Архангельской области
В.-Уст. – Великоустюгский район Вологодской области
Выт. – Вытегорский район Вологодской области
Кад. – Кадуйский район Вологодской области
Кадн. – Кадниковский уезд Вологодской губернии
Казан. – г. Казань
Карг. – Каргопольский район Архангельской области
Карг. – Каргопольский уезд Олонецкой губернии
Карел. – Республика Карелия
К.-Б. – Красноборский район Архангельской области
К.-Г. – Кичменьгско-Городецкий район Вологодской области
Кольск. – Кольский полуостров
Костр. – Костромская область, Костромской район Костромской области
К.-Перм. – Коми-Пермяцкий автономный округ
Макар. – Макарьевский район Костромской области
Медв. – Медвежьегорский район Карелии
Мез. – Мезенский район Архангельской области
Нянд. – Няндомский район Архангельской области
Олон. – Олонецкая губерния

Он. – Онежский район Архангельской области
Печор. – басс. р. Печора
Плес. – Плесецкий район Архангельской области
Помор. – Поморье (побережье Белого моря)
Прим. – Приморский район Архангельской области
С.-Дв. – район г. Северодвинск
Сок. – Сокольский район Вологодской области
Сямж. – Сямженский район Вологодской области
У.-Куб. – Усть-Кубинский район Вологодской области
Устюж. – Устюженский район Вологодской области
Хар. – Харовский район Вологодской области
Холм. – Холмогорский район Архангельской области
Чаг. – Чагодощенский район Вологодской области
Шенк. – Шенкурский район Архангельской области

2. В названиях языков и диалектов

вепс. – вепсский язык
вефс. – вефсфальский диалект саамского языка
им. – диалект Имандра саамского языка
карел. – карельский язык
кильд. – кильдинский диалект саамского языка
ливв. – ливвиковский диалект карельского языка
мар. – марийский язык
норв. – норвежский диалект саамского языка
нот. – нотозерский диалект саамского языка
патс. – диалект Патсйоки саамского языка
приб.-фин. – прибалтийско-финские языки
русск. – русский язык
саам. – саамский язык
сонг. – сонгельский диалект саамского языка
твер. – тверской диалект карельского языка
фин. – финский (суоми) язык
чуваш. – чувашский язык
швед. – шведский диалект саамского языка
эст. – эстонский язык

3. Прочие

диал. – диалектное

ср. – сравни

И.А. Шаронов
РГГУ

Коммуникативы в русском речевом этикете

I.A. Sharonov
Russian State University for the Humanities

Communicatives in Russian Speech Etiquette

Речевой этикет принято рассматривать как с теоретических позиций, как систему правил речевого поведения наряду с другими принятыми формами бесконфликтного поведения в общественном месте, так и с практических позиций, как описание общепринятых стереотипных оборотов и их использования в стандартных ситуациях социального взаимодействия.

Общая теория речевого этикета основывается на работах по языковой прагматике, теории коммуникации и принципов вежливости (см. работы [Грайс 1985; Leech 1983; Brown, Levinson 1987] и др.). Теоретическое описание русского речевого этикета представлено в работах В.Е. Гольдина [Гольдин 1983], Н.И. Формановской [Формановская 1982; 1998; 2009] и др., Р. Ратмайр [Ратмайр 1997; 2003], М.А. Кронгауза [Кронгауз 1999; 2008] и др.

С практических позиций речевой этикет рассматривается как языковое оформление социально принятых речевых действий на разных стадиях диалога. Речевые действия представлены в основном шаблонными репликами (назы-

ваемыми в разных работах *рутинами*, *прагматическими клише*, *речевыми* или *этикетными формулами* и т. д.). Формулы этикета группируются в списки по речевым интенциям говорящего лица: *привлечения внимания*, *обращения* к знакомому / незнакомому адресату, *знакомства* через / без посредника, *приветствия*, *прощания*, *поздравления* / *пожелания*, *благодарности*, *извинения*, *утешения* и некоторых других речевых действий.

Одно из дальнейших направлений в описании русского речевого этикета – описание этикетных и других частотных единиц диалога через их дискурсивную адекватность, уместность употребления в определенных социальных ситуациях. Знание таких единиц и умение пользоваться ими необходимо для успешного и бесконфликтного взаимодействия коммуникантов. Очень важны и пока крайне слабо описаны ответные реплики в диалогических парах, короткие стереотипные высказывания междометного типа, которые принято называть коммуникативами.

Класс коммуникативов состоит из нескольких групп, имеющих как общие, так и специфические характеристики: это грамматические идиомы (*Ну да*, *Еще бы*, *Вряд ли*, *Вот как?*, *Так и быть*, *Никаких!* и т. п.), предикативы (*Обязательно!*, *Да ладно*, *Годится*, *Точно!*, *Чудно!*, *Кранты!* и т. п.) и коммуникативные формулы (*На здоровье!*, *С Богом!*, *Спасибо на добром слове!*, *На нет и суда нет!*, *Знай наших!*, *Это другое дело!* и т. п.).

Для иностранной аудитории в первую очередь интересны наиболее употребительные и «модные» коммуникативы, которые они встречают в художественной литературе и в речи носителей русского языка. Активное усвоение этих единиц по аналогии с обычной лексикой затрудняется ввиду особых дискурсивных правил использования коммуникативов, пока подробно не описанных.

Специфика адекватного использования коммуникатива связана с неотрывностью его от инициирующей реплики, ее синтаксического оформления, ее иллокутивного типа и спрятанных в ней представлений и эмоций собеседника. Подробное описание языковых и дискурсивных свойств коммуникативов представлено в работе [Шаронов 2015].

В докладе мы остановимся только на некоторых аспектах употребления коммуникативов, связанных с этикетным и дискурсивным характером ведения диалога, и рассмотрим употребление некоторых таких единиц. Ошибки при выборе наиболее оптимального коммуникатива для той или иной диалогической ситуации различаются в диапозоне от легкой стилистической или этикетной шероховатости до полной коммуникативной неудачи.

Предикатив ОБЯЗАТЕЛЬНО!

Толкование полнозначных слов можно обнаружить в любом толковом словаре. Не исключение и слово *Обязательно*. В МАС [МАС, 2] данное слово определяется как наречие и толкуется через синонимы ‘во что бы то ни стало, непременно’. Использование данного слова как коммуникатива во внимание не принимается, и анализ толковых словарей в целом показывает, что неучет диалогических контекстов для полнозначных слов, способных выполнять функции коммуникатива, – явление регулярное.

В позиции коммуникативпа *Обязательно* используется в двух значениях.

1. Твердое, убедительное обещание в ответ просьбу, горячее согласие с предложением.

– Так вы с ней поговорите? – **Обязательно**, – сказал я. – Не думайте об этом. До свидания. (А. Волос. Недвижимость).

– Не могли бы вы просмотреть мои контрольные работы? Мне, конечно, неудобно затруднять…

– **Обязательно**, –сказал Аркадий Лукьянович, – я вам очень обязан… (Ф. Горенштейн. Куча).

– Будешь коньячок? – спросил он у Саши. – **Обязательно.** (З. Прилепин. Санькя).

2. Убедительное подтверждение предположений обеседника, уверение св том ситуации под контролем и действие будет осуществлено. Ср.:

[Галина:] Мы здесь заживем дружно, верно? <...> По вечерам будем читать, разговаривать... Будем? [Зилов:] **Обязательно**. (А. Вампилов. Утиная охота).

– Значит, несмотря на некоторые пессимистические прогнозы, «Калина» будет? – **Обязательно!** (*Меньших П., Каданников В.* В Тольятти придут инвесторы // За рулем, 2003. 15 мая).

№ 3. Боитесь / что он отомстит? № 4. Конечно / **обязательно**. [Беседа в Новосибирске (2003)].

В устной речевой практике *Обязательно* иногда используется и в контексте прошедшего времени. Однако такое его использование – маркер современного просторечия или намеренная игровая неправильность в речи образованных носителей языка.

– Аркаш, ты в армии служил? – **Обязательно**. – Командовал отделением? – Что, заметно? (Е. Прошкин. Эвакуация).

Добрый вам денечек! Это я, Власик. – Ты что, Николай Сидорович, у меня ночевал, что ли? – **Обязательно**, Ёсиф Высарьоныч! День был такой! – Какой? – Исторический, Ёсиф Высарьоныч! – Ну и как, Власик, просох после «исторического»? – **Обязательно!** (Н. Джин. Учитель).

Коммуниктивная формула НА ЗДОРОВЬЕ!

В иностранной среде укоренилось неверное использование коммуникатива в качестве русского заздравного тоста, который иностранцы путают с коммуникативом *Ваше здоровье!*

Среди гостей я заметил Алекса, <…> мне припомнилась его способность находить в любой американской Тмутаракани очаровательные рестораны и пабы <…> Мы пожали друг другу руки и чокнулись. – Салют. – **На здоровье.** (Б. Левин. Инородное тело).

Как правильно использовать этот коммуникатив? В русском языке распространены вежливые формульные ответы на благодарность за подарок или за угощение. *Носите на здоровье* говорят в ответ на благодарность за подаренную одежду, *Пользуйтесь на здоровье* – за подаренную технику. *Кушайте* / *Пейте на здоровье!* – за принятое угощение. Коммуникатив *На здоровье!* является редукцией на последний из перечисленных типовой ответ. Опущение первого компонента *Кушайте* / *Пейте* привело к определенной трансформации в употреблении. Коммуникатив используют в ответ на благодарность уже после трапезы, когда сытому говорить «Кушайте» бессмысленно.

Когда чашка и вазочка опустели, он благодушно откинулся на спинку стула и сказал: – Большое спасибо. – **На здоровье**, – ответила я. (Мартовский кот // «Истории из жизни», 2004).

Популярность коммуникатива *На здоровье!* привела к дальнейшему расширению его употребления в сторону неформальной игровой коммуникации, намеренно ненормативного использования коммуникатива в ответ на любую благодарность. При помощи *На здоровье!* говорящий пытается снизить пафос ситуации, поставить под сомнение уместность благодарности в целом и т. п. Ср.:

– Ей напишут, – пообещал генерал, <…> – Я сам напишу. Нефедов от этого еще сильнее смутился и ответил, кашлянув: – Спасибо… – **На здоровье**, – генерал поднял стопку. – И чего это мы с тобой раскаркались? Верней – я. Ничего не должно случиться (Г.Н. Владимов. Генерал и его армия).

(Разговор с офицером НКВД, который отвез освобожденную из тюрьмы в город) – Спасибо, – искренне говорю я,

адресуя эти слова не Гайдукову, а куда-то поверх его головы. – **На здоровье**, – улыбается он и добавляет: – Завтра приходите к часу в «белый дом», ко мне, чтобы оформить подписку о невыезде. (Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут).

При помощи коммуникатива также можно подыграть собеседнику, выражающему легкую обиду или осуждение через мнимую благодарность. *На здоровье!* в таких контекстах служит в качестве неприятия претензий собеседника.

Я им сразу сказала: «В этой голове студиться нечему. И без того сквозняк». – Спасибо на добром слове. – **На здоровье**. Вертолет еще из-за этой сволочи гоняли! (С. Данилюк. Бизнес-класс).

Вам уже за сорок. Талантливые мужики к этому времени успевают все сделать и помереть с сознанием состоявшейся жизни. – Спасибо, – засмеялся Коршунов, – на добром слове. – **На здоровье**. (Г. Щербакова. Подробности мелких чувств).

Еще один устоявшийся в узусе контекст употребления, также изначально шутливый, но уже с сильно стершейся внутренней формой, хотя и сохраняющий экспрессивный и часто негативный запал, – это выражение полного безразличия, непротиводействия в ответ на чьи-то экспансивные намерения или действия.

Объединенное «Единство», например, пошло по другому пути. – **На здоровье**. КПСС тоже ходила по разным путям. (С. Бабаева. Г. Явлинский: «В двух часах лета все существует в практическом виде» (2001) // Известия. 2001. 16 дек.).

Но его дом требует ремонта, и поэтому мы с Василием Парамоновичем и Петенькой поживем пока у нас, если ты не возражаешь. – **На здоровье!** – сказал резче, чем собирался, а потом жалел. (Б. Васильев. Дом, который построил Дед).

С недавнего времени нейтральное *На здоровье!* я стал слышать от врачей в ответ на мою благодарность за оказанную медицинскую помощь. Так, на днях без тени иронии в голосе ответил на мое *Спасибо!* врач, передав мне снимок. Когда я слышал такой ответ от врачей, для которых

русский язык не был родным, просто улыбался про себя, но когда я стал слышать это от «коренных» носителей русского языка, то растерянность усилилась. Что это – прагматическая ошибка нечуствительных к языку людей или очередной этап расширения употребления коммуникатива у нового поколения?

Выводы

Приведенные примеры коммуникативов и ситуаций их использования, как кажется, наглядно демонстрируют необходимость составления словаря русских коммуникативов с описанием условий их адекватного употребления как для иностранной, так и для русскоязычной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

Грайс 1985 – *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 220–234.

Гольдин 1983 – *Гольдин В.Е.* Речь и этикет. М., 1983.

Кронгауз 1999 – *Кронгауз М.А.* Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 124–134.

Кронгауз 2008 – *Кронгауз М.А.* Руссий язык на грани нервного срыва. М., 2008.

МАС – Словарь русского языка АН СССР: В 4 т.

Ратмайр 1997 – *Райтмайр Р.* Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише (на материале русского и немецкого языков) // Вопросы языкознания, 1997. № 1. С. 15–23.

Ратмайр 2003 – *Ратмайр Р.* Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003.

Формановская 1982 – *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты. М.: Русский язык, 1982.

Формановская 1998 – *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты общения. М., 1998.

Формановская 2009 – *Формановская Н.И.* Речевой этикет в русском общении. М., 2009.

Шаронов 2015 – *Шаронов И.А.* Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. 2015. С. 145–187.

Leech 1983 – *Leech G.N.* Principles of Pragmatics. London; New York, 1983.

Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson S.C.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987.

Н.В. Шишонина
Пятигорский государственный университет

Код исторической памяти как летопись названий российских улиц

N.V. Shishonina
Pyatigorsk State University

The Code of Historical Memory as a Chronicle of the Names of Russian Streets

Изучению ономастики российских городов посвящено большое количество научных работ. Исследованы фрагментарно многие российские регионы. Вопрос о происхождении и функционировании годонимов требует осмысления филологами.

Годонимы – названия линейных объектов, в том числе улиц, линий, переулков, проездов, бульваров, набережных[1].

Наиболее часто улицы России носят названия: Молодежная, Вокзальная, Лесная, Советская, Школьная, Октябрьская, Горького, Ленина и т. п.

Т.В. Шмелевой была дана классификация характеризующих и ориентирующих годонимов, к которым обращаются современные лингвисты.

Характеризующие годонимы можно условно разделить на следующие семантические группы:

– названия улиц связаны с родом занятий людей, проживающих в данной местности, их спецификой профессии и предметами труда: *улицы Фабричная*, *Школьная*, *Строителей*, *Заводская*, *Текстильщиков* и др.;

– названия улиц связаны с описывающими внешний облик элементами: *улицы Лесная*, *Сосновая*, *Зеленая*, *Красная*, *Солнечная* и др.;

– названия улиц связаны с семантикой сравнения и соотнесения: *улицы Центральная*, *Железнодорожная*, *Вокзальная*, *Западная* и др.

Самую большую группу годонимов составляют наименования, в состав которых входят антропонимы – собственные имена людей.

По лексическим группам годонимы делятся следующим образом.

1. НАИМЕНОВАНИЯ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ В ЧЕСТЬ РУССКИХ ПОЛКОВОДЦЕВ, ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ И ГЕРОЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Эти улицы составляют как бы общесоюзный фонд наименований, многие из них есть практически во всех горо-

[1] *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988. С.52

дах бывшего Советского Союза: *ул. Суворова*, *Жукова*, *Буденного*, *Кошевого* и др.

2. НАИМЕНОВАНИЯ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ В ЧЕСТЬ ПОКОРИТЕЛЕЙ КОСМОСА

Первый полет человека в космос открыл новую главу в истории и науке и потряс весь мир: *ул. Гагарина*, *Королева*, *Циалковского*, *Титова*, *Космонавтов* и др.

3. НАИМЕНОВАНИЯ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ В ЧЕСТЬ УЧЕНЫХ

Улицы, связанные с именами этих деятелей, встречаются не так часто, но они есть. Например, в честь первого российского ученого М.В. Ломоносова, селекционера И.В. Мичурина, генетика Н.И. Вавилова, химика Д.И. Менделеева и др.

4. НАИМЕНОВАНИЯ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ В ЧЕСТЬ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Одна из самых больших групп, встречающихся чаще всех, связана с именами А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинского, С.А. Есенина, М. Горького, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского. Также можно встретить названия улиц в честь национальных писателей той или иной местности.

5. НАИМЕНОВАНИЯ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ В ЧЕСТЬ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Коммеморативные названия российских улиц связаны с политической тематикой. На наш взгляд, наименования именно этих объектов составляет самый большой процент в России: *ул. Ленина*, *Карла Маркса*, *Энгельса*, *Крупская*, *Кирова*, *Луначарского*, *Калинина*. Сюда же можно отнести *ул. Октябрьская*, *40 лет Октября*, *50 лет Октября*, *60 лет*

ВЛКСМ, *Первомайская*, *Советская*, *Комсомольская*, *Коммунистическая* и др.

Ориентирующие годонимы, в свою очередь, разделяются на внутренние и внешние.

Внутренние годонимы, по мнению Т.В. Шмелевой[1], делятся на две подгруппы:

– годонимы, выбирающие какой-нибудь природный объект:

ул. Озерная, *Лесная*, *Речная*, *Левобережная*, *Луговая* и др.;

– годонимы, ориентирующиеся на здание или сооружение, созданное в результате человеческого труда: *ул. Вокзальная*, *Железнодорожная*, *Больничная*, *Совхозная*, *Школьная* и др.

К внешним годонимам мы будем относить первоначальное название объектов: *ул. Московская*, *Кисловодская*, *Пятигорская*, *Ессентукская*, *Белгородская*, *Саратовская* и др.

Изучая внимательно названия улиц большинства городов, можно отметить повторение одного и того же названия с очередным номером: *ул. 1-я Почтовая*, *2-я Почтовая*, *пер. 1-й Юбилейный*, *2-й Юбилейный* и т. п.

В Зеленограде встречаются названия улиц, созданные на основе нумеративного принципа, т. е. только центральные улицы имеют название, все остальные объекты используются с терминами «строение» и «корпус»: *к445А*, *к3038*, *к303с1*.

Меморативный процесс в России непосредственно зависит от социальных условий того или иного периода истории и экономики страны.

[1] *Шмелева Т.В.* Современная годонимия: семантика и семиотика // Лингвистическое краеведение. Пермь: Изд-во ПГПИ, 1991. С. 33–37.

Н.В. Юдина, Т.А. Ковалева
ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве РФ»,
Владимирский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве РФ»

Языковая политика России сквозь призму наружной рекламы

N.V. Yudina, T.A. Kovaleva
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Vladimir branch

Russian Language Policy from the Perspective of Outdoor Advertising

Языковая политика понимается как «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве»[1] и проявляет себя в различных сферах: межнациональной, социальной, образовательной, информационной и ряде других. Особый интерес к изучению языковой политики наметился на рубеже XX–XXI вв., когда отечественные и зарубежные уче-

[1] *Дешериев Ю.Д.* Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616.

ные стали рассматривать обозначенную сферу в различных аспектах: социолингвистическом (см. работы В.М. Алпатова, А.Н Биткеевой, В.Г. Гака, М.И. Исаева и др.), правовом (см. работы Н.А. Бенедиктова, А.П. Бердашкевича, Е.П. Челышева и др.), образовательном (см. доклады Л.А. Вербицкой, А.О. Лалетиной, В.А. Садовничего), политическом (см. диссертационные исследования Г.Ц. Гунжитова, А.Н. Казаряна, Д.В. Перковой и др.).

При этом одним из наименее изученных и наиболее сложных направлений языковой политики является *рекламная деятельность*, которая, с одной стороны, свидетельствует о целенаправленно / нецеленаправленно проводимой государственной языковой политике, а с другой стороны, становится не только результатом языковой политики, но и ее фундаментом, так как отчасти через вывески и наружную рекламу формируется речевая культура населения.

Целью настоящей статьи является попытка определить место наружной рекламы в системе языковой политики Российской Федерации на примере одного муниципального образования – г. Владимира. При этом предложенные здесь методики могут быть экстраполированы на анализ наружной рекламы и вывесок в других городах и муниципальных образованиях Российской Федерации. **Языковым материалом** для исследования послужили более 5000 примеров элементов наружной рекламы (вывески, объявления, стенды, названия заведений и др.), представленных в г. Владимире.

Проведенный анализ современной наружной рекламы города Владимира позволил сделать вывод о том, что наблюдаются две противоположные тенденции, свидетельствующие, с одной стороны, о креативности мышления современной русскоязычной языковой личности, а с другой – о небрежности в использовании языковых средств. Первая тенденция, которая проявляет себя посредством

различных способов (прежде всего, в качестве элементов языковой игры), может оцениваться как мелиоративная, так как через языковую игру реализуется лингвокреативный потенциал носителей языка.

К трендам современной рекламы, находящимся на стыке нарушения нормы и граничащим с лингвокреативной деятельностью современной языковой личности, могут быть отнесены следующие особенности.

ГРАФИЧЕСКИЕ

а) создание нестандартных наименований с помощью соединения двух алфавитов – латиницы и кириллицы:

– смешение латиницы и кириллицы; ср.: **the Дым**, **Robo парк**;

– запись русскоязычной лексемы латиницей; ср.: **Vozduh**, **Vania**;

– запись кириллицей иноязычных лексем; ср.: **Лаки лаки**, **Чески Крумлов**;

б) использование прописных и строчных букв:

– все лексемы написаны с заглавной буквы; ср.: ***Старая Крепость**, ***Поющий Лосось**;

– отсутствие строчных и прописных букв в названиях; ср.: **ШЕШ-БЕШ**, **ТО-ТО**;

– смешение строчных и прописных букв с целью создания языковой игры; ср.: **ВеЛес** (база отдыха), **ЧайКофский** (магазин чая).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ

а) тенденция к использованию номинаций, содержащих лексему – название животного. Образованное сочетание обычно имеет нестандартную, а в ряде случаев оксюморонную сочетаемость; ср.: **Мятная Сова**, **Пшеничный кот**;

б) тенденция к созданию экспрессивных названий, основанных на обыгрывании созвучных ассоциаций, иногда

носящих эпатажный характер; ср.: **Между булок** (бургерная), **Ночной дожор** (магазин);

в) номинации, содержащие лексический повтор, в том числе плеонастического характера; ср.: **Булка хлеба** (булка – вид хлеба, уточнение избыточно), **Лаки лаки**.

К ошибочным и ненормативным явлениям в наружной рекламе г. Владимира могут быть отнесены следующие тенденции.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ

а) моделирование нестандартных наименований с помощью обыгрывания слитно-раздельного написания; ср.: булочная ***ИспекЛось**; ***ПиццаФабрика**;

б) нарушение орфографических норм с целью обыгрывания номинации; ср.: *рок-**лаБАРатория** «Другой» (название бара);

в) непреднамеренные орфографические ошибки,

связанные с нарушением морфонематического принципа; ср.: *Пр**А**кат велосипедов;

связанные с нарушением правил слитного и раздельного написания; ср.: Пицца ***на показ** (наречие); Здесь вкусно и ***не грустно!**;

связанные с нарушением правописания дефиса (в частности, его отсутствие и замена пробелом или слитным написанием); ср.: ***Бизнес ланч**, ***Гриль хаус** и др.

ПУНКТУАЦИОННЫЕ

а) отсутствие знаков препинания:

– в осложненном предложении. Ср.: название кофейни ***«Может кофе?»**, объявление в транспорте ***«Держитесь пожалуйста за поручень»**;

– на границе частей сложноподчиненного предложения. Ср.: ***Теперь ты знаешь где покупать автозапчасти** (ви-

трина магазина автозапчастей), ***Всему что вы видите, я обязана спагетти** (вывеска в пиццерии);

– на границе частей бессоюзного сложного предложения. Ср.: *Осторожно открывается вовнутрь; *Осторожно стекло (объявление в Торговых рядах);

б) неоправданное использование запятых. Ср.: ***Если вам не выдали билет, вы лишаетесь, страхования жизни** (объявление в транспорте); ***Просим вас, проверять деньги и товар, не отходя от кассы** (вывеска в магазине).

Анализ собранного языкового материала позволил также выделить в наружной рекламе тенденции нейтрального характера:

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ

– использование номинаций, состоящих из

имен существенных в косвенных падежах (с предлогом или без); ср.: **На чердаке** (антикафе), **Nabegoo** (кофейня);

адъективных частей речи (имен прилагательных, местоименных прилагательных, причастий); ср.: **Моя дорогая** (ресторан), **Театральное** (кафе);

СИНТАКСИЧЕСКИЕ

– частотность сочетаний, состоящих из сочинительных конструкций; ср.: **Тоня и ее пельмени** (кафе), **Куртош и кофе** (кафе).

Таким образом, проанализировав языковой материал, а также изучив некоторые аспекты существующей нормативно-правовой базы, касающейся наружной рекламы, можно сделать следующие выводы и предложить некоторые рекомендации в исследуемой сфере.

1. Наружная реклама является иллюстрацией, с одной стороны, активных процессов, происходящих в русском языке XXI в., а с другой стороны, лингвокреативных тенденций мышления современной языковой личности. К со-

жалению, намеренное искажение языковых норм, направленное на реализацию маркетинговой политики, является крайне частотным, формирует низкий уровень речевой и языковой культуры общества и требует, на наш взгляд, регулирования со стороны государства.

Так, например, использование латиницы в графическом оформлении и лексическом наполнении наружной рекламы нарушает п. 10 ч. 1 ст. 3 закона «О государственном языке Российской Федерации»[1]. В связи с этим представляется целесообразным использовать в вывесках и наружной рекламе исключительно кириллицу и русскоязычные лексемы.

2. Значительное количество орфографических и пунктуационных ошибок в вывесках и объявлениях свидетельствует о невысоком уровне владения языком их создателей и отражает тенденцию к демократизации и даже вульгаризации языка. Думается, что в рамках государственной и региональной языковой политики необходимо разработать комплекс мер для регулирования нормативности наружной рекламы, так как ошибки в вывесках, которые мы наблюдаем ежедневно, безусловно, оказывают пейоративное влияние на уровень грамотности населения. К таким мерам можно отнести популяризацию грамотного письма через социальные Сети, организацию образовательной и просветительской деятельности посредством проведения бизнес-форумов, тренингов, курсов правописания для предпринимателей и сотрудников рекламных агентств. Не менее конструктивной мерой может стать регламентация на законодательном уровне, а именно штрафные санкции за неоправданное нарушение норм орфографии и пунктуации в наружной рекламе, отказ регистрировать фирму с ошибкой в названии и др.

3. На региональном уровне требуется разработка локальных нормативных актов, отражающих требования к

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».

наружной рекламе, что будет способствовать формированию лингвистического имиджа региона. Так, по опросам респондентов, Владимирская область прежде всего ассоциируется с историко-культурными памятниками и событиями, которые на сегодняшний день слабо отражены в наружной рекламе. К примеру, вывески, содержащие реалии истории и культуры региона, а также прецедентные имена и названия типа *Золотые ворота*, *Владимир Мономах*, *Успенский собор* и др. не используются во вновь открывшихся заведениях, тогда как сохранение культуры народа является одной из важнейших задач языка.

Таким образом, наружная реклама, безусловно, является частью языковой политики государства, в связи с чем она нуждается в пристальном внимании и регламентации со стороны государства. В настоящее время необходима консолидация усилий специалистов в сфере различных отраслей гуманитарного научного знания (лингвистов, социологов, политологов, юристов и др.), направленных на поиск и совершенствование новых способов и методов реализации языковой политики в сфере регулирования наружной рекламы, столь необходимых для формирования языковой культуры и русскоязычной ментальности различных поколений носителей русского языка в XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

Дешериев Ю.Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616.

Федеральный закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».

Федеральный закон Российской Федерации от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 08.03.2015, с изм. от 03.07.2016).

Р.Т. Айзатуллин
ИРЯиК МГУ имени М.В. Ломоносова

Дискурсивные слова vs дискурсивные маркеры? Общие и отличительные признаки

R.T. Ayzatullin
Russian Language and Culture Institute
Lomonosov Moscow State University

Discursive Words Vs Discourse Markers? Common and Distinctive Features

Интерес к единицам, обслуживающим дискурс, непосредственно связан с развитием когнитивно-коммуникативной парадигмы, в русле которой ведутся исследования в области дискурс-анализа. Лингвистов всё больше интересует процессы взаимодействия между говорящим и слушающим, поэтому в поле зрения ученых также попали «маленькие, незначительные» слова, без которых не обходится взаимодействие. Эти «маленькие» слова с большим значением называют по-разному: *дискурсивными маркерами*, *дискурсивными словами*, *прагматическими маркерами*, *иллокутивами*, *коммуникативами* и др.

Мы ограничимся лишь описанием и анализом двух наиболее популярных и частотных в отечественной лингвистике терминов – *дискурсивный маркер* (ДМ) и *дискурсивное слово* (ДС), предпримем попытку описать имеющиеся сходства и различия, а также функциональные особенности указанных единиц.

По каким признакам и критериям можно отнести ту или иную единицу к дискурсивным единицам? В лингвистической науке на данный момент нет точных критериев для отнесения того или иного элемента к классу дискурсивных маркеров или дискурсивных слов. Говорить о каких-либо определенных критериях данных единиц не представляется возможным. Эта сложность в первую очередь связана с различными подходами к данным единицам. Например, один из подходов предполагает включение в состав ДМ не только отдельных выражений и слов, но и некоторых грамматических категорий[1], а также нелексических способов передачи дискурсивных значений[2], таких как порядок слов, интонационное оформление и др.

Термин ДМ применяется к грамматически неоднородному классу языковых единиц, объединенных общими функциональными особенностями. Основной задачей этих единиц является обеспечение связи между элементами дискурса и выражение отношения говорящего к положению дел или к высказыванию собеседника.

Мы решили сгруппировать и собрать самые, на наш взгляд, важные критерии, определяющие принадлежность к ДМ:

1) так как в основной состав ДМ входят единицы из неизменяемых частей речи, ДМ – неизменяемый элемент высказывания;

[1] *Fraser B.* What are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. 1999. № 31. С. 931–952.

[2] *Schiffrin D.* Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. С. 364.

2) в состав ДМ могут входить и некоторые грамматические формы;

3) могут выступать в роли самостоятельного ответа на вопрос;

4) к ним нельзя задать вопрос;

5) синтактически, просодически и графически интегрированы в высказывание;

6) выражают отношение говорящего к происходящему, к предмету речи и высказыванию собеседника.

Чем же отличаются (если отличаются) ДС от ДМ? Где проходит граница между данными единицами? Ответить на эти вопросы однозначно сложно. Для того чтобы хотя бы приблизиться к ответу, нам в первую очередь следует разобраться с тем, что мы имеем в виду, говоря *дискурсивный маркер* и *дискурсивное слово*. Представляется целесообразным начать с основных признаков данных единиц. Общим для ДМ и ДС является то, что они представляют собой неизменяемый элемент высказывания. Это связано с тем, что в состав дискурсивных единиц входят единицы из неизменяемых частей речи. ДС и ДМ:

1) устанавливают отношения между двумя или более составляющими дискурса;

2) отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего;

3) выражают этическую оценку и логическую связь;

4) выражают отношения фрагмента речи к общей последовательности мыслей[1];

5) могут выступать в роли самостоятельного ответа на вопрос;

6) полисемантичны, контекстуально обусловлены;

7) к ним нельзя задать вопрос;

8) синтактически, просодически и графически интегрированы в высказывание;

[1] *Баранов А., Плунгян В., Рахилина Е.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. С. 207.

9) выражают отношение говорящего к происходящему, к предмету речи и высказыванию собеседника.

Подытоживая сказанное, можно вывести следующее определение для ДМ. *Дискурсивным маркером* мы будем называть контекстуально обусловленные, синтаксически независимые единицы речи (коннективы), которые выполняют связующую функцию между частями дискурса.

Основной отличительной особенностью ДС от ДМ является явно выраженная модальность, а именно способность передавать эмоциональное отношение говорящего к происходящему, а ДМ в свою очередь представляют собой класс слов, основной задачей которых, является структурирование, «выравнивание» дискурса. ДМ, в отличие от ДС, легко «считываются», они лишены образности, которая базируется на непрозрачности и переинтерпретации. Дискурсивные единицы могут состоять как из одного компонента (ДМ: *правда*, *ведь*, *неужели*), так из двух (ДМ: с*овершенно верно*, *абсолютно точно*), (ДС: *ну*, *да*), из двух «спаянных» частиц (*ну-ну*, *во-во*, *вот-вот*), и более (*хоть бы что*). В ДС компоненты, соединяясь вместе, теряют свое индивидуальное лексическое значение и образуют новое смысловое целое, которое семантически приравнивается к отдельной единице.

Поэтому, на наш взгляд, ДС, в отличие от ДМ, характеризуются следующими критериями:

1) могут выражать эмоциональные отношения;

2) некоторые ДС воспроизводятся в готовом виде, основным свойством которых можно назвать устойчивость;

3) семантическая устойчивость, т. е. инвариантность полностью или частично переосмысленного значения при различных изменениях;

4) лексическая устойчивость, т. е. возможность замены компонентов только в рамках фразеологической инвариантности или структурной синонимии;

5) синтаксическая устойчивость, т. е. относительная стабильность порядка слов;

6) преимущественно ДС употребляются в устной разговорной, бытовой речи, в то время как ДМ преобладают в устной научной речи.

Исходя из этого мы считаем, что целесообразно рассматривать ДС как класс идиом. В пользу этой точки зрения могут послужить идеи, которые лежат в основе определений идиомы, – это *осложненность способа выражения, идиоматичность и устойчивость*. Нам представляется, что единицам, именуемым ДС, в той или иной степени присущи признаки, которые также присущи идиомам. Остановимся подробнее на свойствах идиом.

Осложненность способа выражения – это один из показателей идиоматичной речи. Под осложненностью следует понимать не усложнение языковых форм, а «концентрированность» выражения.

Идиоматичность речи сопровождается относительно большей семантической нагруженностью при относительной синтаксической простоте. Идиоматичным можно также назвать текст, который содержит значительную имплицитную информацию: пресуппозиции, следствия, импликатуры дискурса, намеки, аллюзии и т. п.[1]

В качестве основных категорий (свойств) идиоматичности обычно указывают (Баранов, Добровольский) на *переинтерпретацию, непрозрачность и усложнение способа указания на денотат*.

Переинтерпретация значения происходит в том случае, когда некоторое выражение, у которого есть прямое значение, понимается в переносном. Приведем пример: крыло (птицы) и крыло (самолета).

[1] *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии М.: Знак, 2008. С. 65.

Непрозрачность – это свойство выражения, которое препятствует пониманию («вычленению») значения. Данное свойство связано с двумя видами случаев: 1) переинтерпретации, которые не восстанавливаются на синхронном уровне без обращения к этимологии (*разводить* ***турусы*** *на колесах*) и 2) наличие в выражении уникальных компонентов (устаревших, например: *ничтоже сумняшеся*), значение которых не восстанавливается носителями языка.

Третьей категорией идиоматичности выступает усложнение способа указания на денотат. В языке есть некоторое количество выражений, у которых наряду с простыми, стандартными наименованиями, существуют и более сложные, например: у ДС *а то*, *еще бы* есть стандартные эквиваленты *конечно*, *однозначно*, *да* (в значении согласия).

Для того чтобы включить ту или иную единицу (выражение) в состав идиом, необходимо третье условие – *устойчивость*. В устойчивости выделяют *структурный* и *узуальный* аспекты. Первый характеризует выражение с точки зрения его внутреннего устройства, а второй относится к восприятию выражения языковым социумом[1]. Устойчивым, по мнению И.А. Мельчука, могут быть словосочетания с уникальными компонентами[2]. Данный подход характеризует структурный подход в языке, но не узуальный. Для нас важным представляется узуальный подход. Узуальный аспект устойчивости проявляется в регулярном воспроизводстве некоторого словосочетания носителями языка.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что существует некая граница между ДС и ДМ. Разделяющим признаком будем считать модальность ДС, осложненность способа выражения, идоматичность и устойчивость.

---

[1] *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. С. 656.
[2] *Мельчук И.А.* О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. №4. С. 73–79

Заметим, что лингвисты понимают дискурсивные слова «как такие языковые единицы, которые придают особый дискурсивный статус некоторому фрагменту дискурсивной последовательности, составляющему сферу действия дискурсивного слова»[1].

ЛИТЕРАТУРА

Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: УРСС, 2003. 304 с.

Баранов А., Плунгян В., Рахилина Е. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. С. 207.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии М.: Знак, 2008. С. 656.

Грамматика русского языка: В 2 т. / Ред. коллегия: В.В. Виноградова и др. Т. 2. М.: Русский язык, 1960.

Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка и режимы интерпретации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12(19). М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 538–555.

Мельчук И.А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 73–79.

Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: Дисс. … докт. филол. наук. Воронеж, 2014.

Шиманюк Е.Г. Коммуникативно-прагматическое описание дискурса с общим значением одобрения: Дисс. … канд. филол. наук. М., 2001.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. 24-е изд, испр. М.: Русский язык, 2003.

[1] *Шилихина К.М.* Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: Дисс. … докт. филол. наук. Воронеж, 2014. С. 45.

Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 364 p.

Fraser B. What are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. 1999. № 31. P. 931–952.

Fischer K. Towards an Understanding of the Spectrum of Approaches to Discourse Particles: Introduction to the Volume // Approaches to Discourse Particles / Ed. by K. Fischer. Amsterdam, Boston: Elsevier, 2006. P. 1–20.

А.Н. Богомолов
ИРЯиК МГУ имени М.В. Ломоносова

Лингвокультурный проект как средство адаптации инофонов в сетевой русскоязычной среде

A.N. Bogomolov
Russian Language and Culture Institute
Lomonosov Moscow State University

Lingocultural Project as Means of Adaptation of Foreign Language Learners in the E-learning Russian Language Environment

Актуальность разработки и проведения дистанционно-очных курсов лингвокультурологической адаптации иностранных учащихся определяется, с одной стороны, наличием в России развитой информационно-образовательной инфраструктуры и готовностью отечественной лингводидактики к тому, чтобы предложить спектр образовательных дистанционных услуг широкому кругу потен-

циальных потребителей, расширяя тем самым зону своего влияния, с другой – необходимостью поиска комплексного подхода к обучению русскому языку и русской культуре постоянно растущего и особенно востребованного в последнее время контингента иностранных учащихся – детей соотечественников, обучающихся в школах и гимназиях стран ближнего и дальнего зарубежья. Такой подход предполагает интеграцию новых педагогических и современных информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс, гармоничное сочетание технологий очного и дистанционного обучения. Инновационной в этом контексте представляется организация учебно-проектной деятельности иностранных учащихся, позволяющая не только проводить обучение в сотрудничестве, но осуществить постижение мира изучаемого языка.

К современным педагогическим технологиям, успешно функционирующим как в очном, так и в дистанционном обучении, исследователи относят обучение в сотрудничестве, базирующееся на методе проектов. Под методом проектов нами понимается способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, которая должна завершиться практическим результатом, оформленным в виде конкретного проекта деятельности. Проект может выполняться индивидуально, в паре или в малой группе сотрудничества (3–5 человек). Особенное внимание в рамках данной педагогической технологии уделяется сегодня телекоммуникационным проектам.

Комплексный характер телекоммуникационной проектной учебной деятельности на изучаемом языке, ее высокий мотивационный потенциал, ориентация на самостоятельные творческие виды работы с языковым и культурологическим материалом, алгоритмизация проектных этапов в виде последовательности учебно-исследовательских ша-

гов, нацеленность на создание и защиту в дискуссионной форме материального речевого продукта (презентации, реферата и т. д.), а также способность интегрироваться в любые формы обучения и даже выступать их альтернативой, дает все основания говорить о том, что языковой телекоммуникационный проект может лечь в основу организации дистанционного и смешанного обучения для такого сегмента целевой аудитории пользователей образовательных услуг в предметной области «Русский язык как иностранный» (РКИ), как иностранные учащиеся – дети соотечественников, проживающие за рубежом.

В рамках телекоммуникационного проекта дети из русскоязычных семей, осваивающие русский язык за пределами России, получают возможность самостоятельно (индивидуально или в коллективе) решать какую-либо вполне реальную, жизненно важную задачу в ходе учебно-познавательной, творческой, исследовательской деятельности на изучаемом языке, приобретать новые знания и практические навыки в процессе компьютерной телекоммуникации с преподавателем и другими носителями языка.

Опыт организации учебного процесса с применением сетевой проектной педагогической технологии, накопленный в Институте русского языка и культуры МГУ, позволяет говорить о том, что данный тип современных педагогических технологий является мощным мотивирующим фактором для изучения русского языка и культуры, становится своего рода «интеллектуальной пружиной» для дальнейшего развития коммуникативной компетенции учащихся.

В данной статье мы поделимся опытом разработки и проведения интенсивного дистанционно-очного курса лингвокультурной адаптации, в основе которого лежит метод телекоммуникационного проектирования.

Адресатами данного курса стали две группы гимназистов старших классов из Школы Восточной Финляндии: группа этнических финнов, язык обучения которых был русский как иностранный, и группа русских соотечественников, язык обучения которых – русской как родной или второй.

Разработка и проведение интенсивного дистанционно-очного курса лингвокультурной адаптации способствовали реализации следующих задач: а) учебно-практической разработке концепции универсальной инновационной модели культурно-языковой среды обучения русскому языку учащихся школ ближнего и дальнего зарубежья; б) реализации действующей модели культурно-языковой среды обучения русскому языку иностранных школьников в форме интерактивного дистанционного адаптационного экспресс-курса; в) организации очного интенсивного курса лингвокультурного погружения в специально созданную учебно-коммуникационную среду; г) организации учебно-проектной деятельности учащихся в сетевой русскоязычной среде дистанционного обучения ИРЯиК МГУ; д) подготовке учащихся к осуществлению самостоятельных поисковых и творческих видов работы с языковым и культурологическим материалом, осуществляемой в дистанционной форме.

Структура и содержание курса. Курс имел трехчастную структуру: лингвокультурная подготовка к приезду в ИРЯиК, осуществляемая в дистанционной форме, очные аудиторные и внеаудиторные занятия, в ходе которых проводился сбор необходимой информации для проектов, и третья часть – методическое руководство разработкой и реализацией учащимися серии учебных телекоммуникационных проектов в сетевой русскоязычной среде дистанционного обучения ИРЯиК МГУ и сопровождение их

деятельности. В силу того что участниками проекта являлись две группы учащихся с различным уровнем владения русским языком и социокультурной компетенцией, каждой группе предлагалась отдельная программа лингвокультурной адаптации.

Этапы реализации курса. Нами были выделены пять этапов разработки и реализации данного курса.

Первый этап – подготовительный (две недели). На этом этапе осуществлялась разработка дистанционных интерактивных учебных материалов для корректировочного курса лингвокультурной адаптации.

Второй этап – дистанционно-ознакомительный (четыре недели). В ходе этого этапа осуществлялось сетевое учебное взаимодействие учащихся друг с другом, с преподавателями и другими «удаленными» участниками курса в сетевой русскоязычной среде ИРЯиК МГУ. Проводились такие виды учебной деятельности, как самопрезентация учащихся, тестирование сформированности их языковой и социокультурной компетенций, анализ и комментирование дистанционным преподавателем письменных работ учащихся, корректировка очной программы, определение темы и обсуждение тематики учебных телекоммуникационных проектов. Это позволило преподавателю составить языковой «портрет» каждого учащегося, познакомиться с его языковой биографией, а также скорректировать учебную программу очного обучения.

Третий этап – очный (две недели). На этом этапе проводились очные аудиторные и внеаудиторные занятия в ИРЯиК МГУ, имевшие целью проведение очной лингвокультурной адаптации учащихся и осуществление сбора материалов для дальнейшей работы над учебными телекоммуникационными проектами.

Четвертый этап – дистанционно-проектный (четыре недели). В ходе этого этапа учащимися осуществлялась самостоятельная разработка учебных телекоммуникационных проектов, презентация, референтная и экспертная оценка учебных телекоммуникационных проектов. Все названные виды деятельности осуществлялись в дистанционной форме в сетевой русскоязычной среде ИРЯиК МГУ.

На пятом этапе проходила очная защита разработанных учебных телекоммуникационных проектов в одном из филиалов Школы Восточной Финляндии.

В рамках данного курса учащиеся Школы Восточной Финляндии, осваивавшие русский язык за пределами России, получили возможность самостоятельно (индивидуально или в коллективе) решать какую-либо вполне реальную, жизненно важную задачу в ходе учебно-познавательной, творческой, исследовательской деятельности на изучаемом языке, приобретать новые знания и практические навыки в процессе сетевой телекоммуникации с различными участниками учебного процесса, осуществляемого в сетевой русскоязычной среде ИРЯиК.

При выборе тематики очных и внеаудиторных занятий с двумя группами иностранных учащихся мы исходили из того, что они должны были совпадать с тематикой учебных телекоммуникационных проектов, предложенных учащимися на дистанционно-ознакомительном этапе курса. Это позволило учащимся начать собирать материал для проектов непосредственно на аудиторных и внеаудиторных занятиях, находясь в Москве.

На очных аудиторных занятиях преподаватели представили требования к оформлению будущих учебных телекоммуникационных проектов. Очные занятия в рамках второго этапа проводились с двумя группами учащихся по следующим темам, выбор которых определялся познава-

тельными интересами учащихся и уровнем владения русским языком. Приведем перечень тем, которые были предложены финским гимназистам:

1. Жизнь в большом городе: «плюсы» и «минусы».
2. Ориентация в городе: как лучше ориентироваться в московском транспорте, на улицах города.
3. Еда в городе: куда пойти поесть, как выбрать и заказать еду и т. д.
4. Магазины: что, где и как купить в Москве.
5. Символы Москвы: основные достопримечательности Москвы, которые вы хотели бы посмотреть и рассказать о них другим.
6. Традиции, обычаи, праздники: как их соблюдают современные россияне.
7. Мой друг / подруга из России: какая его / ее семья, чем он / она интересуется, как проводит свой день и т. д. (так как мы планируем встречу ваших ребят с учащимися российского колледжа, то ваши ребята могли бы сами все узнать у своих российских ровесников + рассказать им о себе).
8. Московский государственный университет (система образования в России, факультеты МГУ, учеба в университете, общежитие МГУ).
9. Спорт и фитнес в жизни современных россиян и финнов.
10. Россия и русский язык в зеркале СМИ.
11. Рок культура в России.
12. Москва – «плавильный котел» России: вопросы толерантности и др.
13. Легко ли быть молодым?
14. Современный русский язык (традиции, новации, арго большого города).

Исходя из концепции дистанционно-очного курса лингвокультурной адаптации четвертый этап являлся ключевым. В ходе этого этапа учащиеся самостоятельно разрабатывали учебные мини-проекты по выбранным темам, оформляли их в виде Power Point презентаций, давали референтную

оценку других проектов и комментировали замечания, высказанные в адрес своих проектов. Деятельность преподавателей на этом этапе сводилась к тому, что они, являясь сетевыми координаторами, сетевыми тьюторами и членами экспертной комиссии, направляли проектную деятельность учащихся, исправляли и комментировали допущенные в ходе коммуникации языковые и речевые ошибки, готовили отзыв экспертной комиссии по каждому учебному телекоммуникационному проекту. Этот этап проведения проектной деятельности состоял из трех частей-ступеней.

1-я часть – **подготовительная ступень** – 1 неделя (10 часов).

Участникам каждого проекта предлагалось:

- сформулировать тему учебного проекта, которую они собирались совместно исследовать;
- назвать 7–8 источников информации, которыми собирались пользоваться;
- представить в тезисной форме (не менее 70 ключевых слов и понятий) план своего проекта;
- перечислить предполагаемые формы работы (чтение публикаций СМИ, просмотр телепрограмм, использование личных наблюдений, проведение опросов и интервью, использование личных фото- и видеоматериалов и др.).

2-я часть – **ступень реализации** – 2 недели (20 часов).

Участники каждого проекта выполняли следующие действия:

- собирали и анализировали материалы по выбранной теме проекта;
- проводили опрос членов двух групп по теме своего проекта;
- представляли для обсуждения в рамках своей подгруппы видео- и аудиоматериалы, которые планировали использовать в проекте;
- показывали промежуточный вариант исследования остальным учащимся для обсуждения и доработки.

3-я часть – **ступень презентации и оценки проекта** – 1 неделя (10 часов).

Каждый проект был создан в редакторе Power Point и размещен в сетевом файлообменнике, где все учащиеся и преподаватели могли с ним ознакомиться. Референтная оценка каждого проекта другими учащимися проходила в виде дискуссий в формате телеконференции, развернутой на дискуссионном форуме www.dist-learn.ru/forum/. Каждая группа исследователей представляла и «защищала» практические результаты своего исследования, аргументировала свою позицию, отвечая на вопросы, комментарии и замечания членов группы, а также вносила изменения в конечный вариант своего проекта с учетом этих замечаний и пожеланий. Помимо референтной оценки учащихся каждый проект получил внешнюю / экспертную оценку преподавателей. Экспертная оценка включала в себя не только контроль усвоения языкового материала и развития речевой и коммуникативной компетенции, но и общую оценку проекта, которая касалась содержания проекта, темы, конечного результата, активности участия гимназистов в ходе всех этапов проектной деятельности. Интенсивный дистанционно-очный курс лингвокультурной адаптации завершался очной защитой разработанных учебных телекоммуникационных проектов. В этом учебном мероприятии принимали участие все гимназисты старших классов ШВФ, директор этой школы, представитель Министерства образования Финляндии, преподаватели ИРЯиК МГУ. Каждая группа авторов проектов в очной форме представляла и защищала свой проект, отвечая на вопросы аудитории о структуре и содержании своих учебных телекоммуникационных проектов, о контенте и ходе проведения интенсивного дистанционно-очного курса лингвокультурной адап-

тации. Приведем названия учебных телекоммуникационных проектов, разработанных русскоязычными и финскими учащимися в ходе осуществления своих исследований.

Русскоязычные гимназисты

1. «Золотая молодежь».
2. «Молодое поколение – оно ли строит будущее страны?»
3. «Место проживания – Интернет».
4. «Наркотики: жизнь или смерть?»
5. «Молодежь и образование в России и в Финляндии».
6. «Преступление и наказание. Преступность среди молодежи России и Финляндии»
7. «Поколение Next, или Молодежь и современная техника».
8. «Молодежь и спорт в России и Финляндии».
9. «STOPСПИД».
10. «Наркотики и творчество».
11. «Welcome to Emo-life!»
12. «Русский рок».

Финские гимназисты

1. «Где и что можно купить в Москве?»
2. «Рестораны, кафе, столовые. Как и где можно поесть в Москве?»
3. «Транспорт Москвы».
4. «Общежитие МГУ».

В завершение выскажем надежду, что разработанная в данном интенсивном дистанционно-очном курсе действующая модель лингвокультурной адаптации иностранных учащихся могла бы стать универсальной моделью организации учебного процесса в информационно насыщенной сетевой языковой среде обучения, что способствовало бы углубленному изучению русского языка, русской культуры, развитию навыков поисковой деятельности, навыков работы в мини-группах сотрудничества, а также расшире-

нию границ традиционной аудитории, привлечению новых контингентов иностранных учащихся из стран ближнего и дальнего зарубежья, формированию позитивного образа России посредством знакомства иностранных школьников с ее языком и культурой, а также упрочению культурно-информационных позиций России в мировом сообществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богомолов А.Н.* Телекоммуникационный проект в дистанционном обучении русскому языку детей соотечественников // Русский язык за рубежом. 2008. №4. С. 31–35

1. Педагогические технологии дистанционного обучения в системе образования: Учебное пособие / Под ред. Е.С. Полат. М.: Academia, 2006.

3. *Коптюг Н.М.* Интернет-проект как дополнительный источник мотивации учащихся // Иностранные языки в школе. 2003. №3. С. 62–66.

4. *Кочетурова Н.А.* Метод проектов в обучении языку: теория и практика: https://docplayer.ru/61520806-Natalya-kocheturova-metod-proektov-v-obuchenii-yazyku-teoriya-i-praktika.html

5. *Рускова Д.* Использование проектного метода при обучении русскому языку с целью соединения учебы с практикой и повышения мотивации учащихся // Русское слово в мировой культуре: Материалы X конгресса МАПРЯЛ. Направление IV. Методика преподавания русского языка: традиции и перспективы. СПб., 2003.

Мину Бхатнагар
Центр русских исследований
Университет им. Джавахарлала Неру
Нью Дели, Индия

Русский язык в эпоху пандемии COVID-19

Meenu Bhatnagar
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India

Russian Language in the Era of COVID-19 Pandemic

С начала 2020 г. новости о распространении коронавируса являются главной и горячей темой в средствах массовой информации во всем мире. Становится ясно, что пандемия коронасируса представляет явление мирового маштаба, так как охватила почти весь мир. В настоящее время коронавирус порождает разговоры по всему миру.

Коронавирус в невообразимом масштабе затрагивает нормальный ход жизни человека, экономику страны, торговлю и бизнес, обучение, путешествие, празднование, и т. п. Нынешний кризис здравоохранения видоизменяет наше поведение и образ жизни – подобно тому, как это происходило во время войны. Следует отметить, что ситуация, связанная с пандемией, оставляет свой след во многих языках мира. По словам Елены Шмелевой, «язык действительно помогает нам в трудной ситуации. Недаром

именно в эти моменты появляются новые слова, люди начинают играть с языком, шутить, каламбурить, и это помогает снять напряжение в обществе»[1]. Языки не отстают и реагируют на потребность говорящих общаться на эту наиболее обсуждаемую тему сегодня.

Язык, как и всё существующее в мире, претерпевает количественные и качественные изменения. Разнообразные по характеру, такого рода изменения постоянно влияют на общее состояние языка, приспосабливая языковую систему к потребностям говорящих субъектов и общества в целом. Исследователи традиционно выделяют два рода факторов, препятствующих окостенению языка: внутренние и внешние. К числу внешних относятся процессы, происходящие в окружающем мире. Эти процессы отражаются прежде всего на словарном составе языка. Непосредственное воздействие внеязыковой реальности на лексику языка сообщает последней подвижность. Одним из наиболее очевидных проявлений этой подвижности является постоянное появление в языке новых слов и переосмысление старых слов. Сказанное относится к любому живому языку, в том числе, разумеется, и к русскому.

В настоящее время появилось огромное количество слов в СМИ и социальных сетях, связанных с пандемией коронавируса. К числу новых слов и словосочетаний, появившихся в русском языке в эпоху пандемии, можно отнести такие слова и словосочетания, как: *COVID-19, ковидиот, санитайзер, тепловизор, самоизоляция, карантикулы, инфодемия, зумиться, зумбомбинг, карантини, карантье, кавидарность, ковидиворс, дистанционка, карантики, коронарка, коронафобия, коронабесие, карантин-шейминг, масочный режим, сдвиг пика, работать удаленно, соблю-*

[1] *Шмелева Е.* Заразительные неологизмы. Русский язык по-своему отвечает на пандемию // Коммерсантъ Наука. 2020. №10. 21 апр. С. 44: https://www.kommersant.ru/doc/4323125

дать самоизоляцию, онлайн-вечеринки, курс лимона, курс имбиря, ковид-диссиденты / корона-диссиденты и др.

Также заметен процесс переосмысления уже существующих слов в русском языке. Переосмыслению подвергаются такие слова и словосочетания, как *удаленка, контактные, подозрительные*, *социальная дистанция* / *социальное дистанцирование*.

Наряду с появлением новых слов и переосмыслением старых слов наблюдается также активизация употребления некоторых слов в русском языке, например: *карантин, эпидемия, пандемия, онлайн-обучение, бессимптомно, фомит, ИВЛ (аппарат искусственной вентиляции легких)* и др.

Новые слова и словосочетания, связанные с пандемией коронавируса появляются в русском языке разными путями: путем заимствования, калькирования и словообразования. Многие из этих слов могут теперь называться интернационализмами, так как употребляются в многих языках.

По отношению к заимствованию можно сказать, что в качестве основного языка-донора выступает английский язык. Самое название инфекции COVID-19 было заимствовано из английского языка. В русском языке пишется так же латинскими буквами. В качестве примеров можно привести следующие предложения:

> Эксперт спрогнозировал пик заболеваемости COVID-19 в регионах.
>
> Он заявил, что согласно проанализированным данным в России один из самых низких показателей смертности от COVID-19 – 0,9 %[1].
>
> В России за сутки зафиксирован 11, 231 новый случай заражения COVID-19[2].

[1] https://ria.ru/20200509/1571211751.html

[2] https://www.1tv.ru/news/2020-05-07/385401-v_rossii_za_sutki_zafiksirovan_11231_novyy_sluchay_zarazheniya_covid_19

Представитель Еврокомиссии заявил, что странам – членам Евросоюза стоит готовиться к возможному приходу второй волны распространения COVID-19[1].

В Испании за сутки из-за COVID-19 скончались 123 человека[2].

Заимствуются русским языком такие слова, как *суперспредер*, *ковидиот*, *санитайзер*, *тепловизор*, *инфодемия*, *зумбомбинг*, *ковидиворс* и др. Заимствованное слово *суперспредер* употребляется наряду с словом *суперраспространитель* / *супер-распространитель*. Слово *суперраспространитель* появилось в связи с борьбой против предыдуших коронавирусных инфекций. Слово *суперспредер* обозначает человека, зараженного коронавирусом, который заражает гораздо больше людей, чем обычно.

В связи с мерами предосторожности вошло в русский язык слово *санитайзер*. Это обеззараживающая жидкость, которая используется для дезинфицирования рук и поверхности предметов.

Новое слово *ковидиот* образовано в английском языке путем слияния двух слов «ковид» и «идиот». Оно употребляется в двух значениях: это слово, с одной стороны, употребляется для обозначения человека, который игнорирует опасность пандемии и требования о самоизоляции и социальной дистанции, а с другой стороны, для обозначения человека, который очень нервничает и в панике закупает продукты питания, туалетную бумагу, постоянно моет руки, чистит предметы...

Слово *инфодемия,* образовавшееся при слиянии слов «информация» и «эпидемия», означает поток информации об эпидемии. В основном это слово используется для обозначения слухов или фейковых новостей о пандемии.

---

[1] https://www.gazeta.ru/social/news/2020/05/11/n_14405491.shtml

[2] https://www.gazeta.ru/news/

Поскольку многие люди во всем мире работают из дома, в онлайн-режиме, некоторые сталкивались с ситуацией, когда хакеры или посторонние люди подключались к встречам на площадке приложения Zoom и показывали неприемлемый контент. Для обозначения этой неприятной ситуации родилось слово *зумбомбинг*. Недавно это слово вошло и в русский язык.

Новое слово *ковидиворс* образовалось слиянием слов «ковид» и «диворс» и обозначает случаи развода или возникновения взаимного недопонимания или разрыва между супругами во время карантина.

В русском языке появились новые словосочетания путем калькирования. Широкое распространение получили и кальки как *карантин-шейминг*, *Ковид-бумеры, онлайн-вечеринки.* Словосочетание *Карантин-шейминг* выражает гнев, направленный на тех, кто нарушает карантин и не соблюдает самоизоляцию. Словосочетание *ковид-бумеры* было образовано по аналогии с словосочетанием «беби-бумеры»» и обозначает ожидаемое появление большего числа новорожденных в конце 2020 года.

Поскольку нужно соблюдать физическую дистанцию, для празнования дней рождения, юбилеев и т. п. многие прибегают к *онлайн-вечеринкам*, когда каждый участник готовит еду и затем подключаются к чату на разных платформах со своими друзьями или родственниками – и все веселятся удаленно.

В эпоху пандемии расширяется семантика некоторых слов; так, например, словом *«контактные»* называют людей, которые прилетели из стран со вспышкой коронавируса или имели контакт с человеком, зараженным коронавирусом. Словом *«подозрительные»* называют людей с подозрением на коронавирусную инфекцию. Одним из самых распространенных словосочетаний в эпоху пандемии

является *социальная дистанция*. Это фраза употребляется для обозначения не социальной дистанции, но соблюдения физического расстояния в полтора или два метра, чтобы не заразиться коронавирусом.

> Для работы с пандемией власти просят людей не выходить на улицу, а в случае необходимого выхода из дома соблюдать социальную дистанцию 1,5 м[1].
>
> Для коронавируса-19 могут потребоваться меры социальной дисьанции даже в 2022 году. Это одно их предсказаний учёных Гарвардского университета и его подразделения общественного здравоохранения[2].

Способ образования также получил широкое распространение в появлении «заразительных неологизмов[3]». Пандемия коронавируса заставила всем нам оставаться дома. В связи с новыми правилами жизни образуются слова как «*зумиться»,* «*карантикулы*», *«карантье», «кавидарность», «дистанционка*», «*карантинки».*

Приложение «Zoom» является очень популярным как для работы, так и для развлечения по всему миру. Новое слово *зумиться* используется для названия действия, которое осуществляется при помощи приложения Zoom или на площадке Zoom.

В связи с изменяющимся образом жизни в эпоху пандемии, в русском языке образуются такие слова, как *карантикулы* – слиянием слов «карантин» и «каникулы». Это слово употребляется преимущественно для обозначения нерабочих дней, когда человек находится одновременно на карантине и каникулах.

---

[1] https://www.kommersant.ru/doc/4321871

[2] https://procoronavirus.info/socialnaja-distancija-mozhet-prodolzhatsja-do-2022-goda/

[3] *Шмелева Е.* Заразительные неологизмы. Русский язык по-своему отвечает на пандемию // Коммерсантъ Наука. 2020. № 10. 21 апр. С. 44: https://www.kommersant.ru/doc/4323125

Слово *карантье* образовалось слиянием слов «карантин» и «рантье» употребляется для называния людей, у которых есть домашние собаки. История появления этого слово интересная. Во время карантина не штрафуют тех, кто гуляет на улице с собакой, в связи с этим появились такие *люди-карантье*, которые сдают свою собаку в аренду для прогулок.

Было образовано новое слово *карантинки. Карантинками* называют картины о карантине.

Слово *карантини* образуется с помощью слияния слов «мартини» и «карантин» и называет алкогольный напиток, употребляемый во время «онлайн-вечеринок», проводимых с друзьями или родственниками.

В эпоху пандемии многие слова перешли в активную лексику. Заметно активно употребляются такие слова и словосочетания, как, например: *карантин, эпидемия, пандемия, онлайн-обучение, бессимптомно, фомит, ИВЛ, надеть маску, удаленка, работать удаленно / удаленная работа.*

Исходя из выше изложенного, можно заключить, что русский язык за последние 2–3 месяца значительно пополнился за счет пандемии коронавируса. Необходимо отметить, что многие из этих новомодных слов являются жаргонизмами или сленгом. Все эти слова носят сильный отпечаток эпохи коронавируса. Вопрос, войдут ли все эти слова в словарь современного русского языка, оставим пока под вопросом. Но, правда, без некоторых из этих слов теперь не обходится ни один разговор про пандемию COVID-19.

ЛИТЕРАТУРА

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практиой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. [Электронное издание]. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.

Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2012. 288 с.

Шмелева Е. Заразительные неологизмы. Русский язык по-своему отвечает на пандемию // Коммерсантъ Наука. 2020. № 10. 21 апр. С. 44: https://www.kommersant.ru/doc/4323125

РИА Новости: www.ria.ru

Комсомольская правда: www.kp.ru

Известия: www.iz.ru

К.А. Елистратова
Лицей № 101, Санкт-Петербург

Концепт «русский язык» в русском языковом сознании

K.A. Elistratova
Lyceum № 101, St. Petersburg

Concept “Russian Language” in Russian Language Consciousness

С конца прошлого века в рамках изменения научной парадигмы гуманитарного знания на место господствующей системно-структурной и статической парадигме приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, возвратившая человеку статус

«меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания. Лингвистика отказалась от имманентного принципа рассмотрения языка «в самом себе и для себя», в отрыве от этнокультурного, коммуникативно-прагматического и когнитивного факторов [1: 275]. Когнитивный подход отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание всей человеческой деятельности и процессов познания действительности в виде неких «квантов» знания [2: 90]. Культурные концепты представляют особый интерес для семантического анализа: они дают наиболее интересный материал для осмысления картины мира носителей данного языка.

В рамках данной статьи, выполненной в русле *семантико-когнитивного подхода* к языку, разрабатываемого научной школой Воронежского университета (З.Д. Попова, И.А. Стернин), предпринимается попытка очертить и проанализировать средства объективации концепта «русский язык» в национальном языке, чтобы составить представление о его содержании в сознании носителей языка. Изучение самого естественного языка как базового концепта языкознания началось практически сразу же с зарождением лингвокультурологии. В последние десятилетия он анализировался в следующих направлениях:

- изучалось моделирование структуры концепта «язык» в связи с господствующей научной парадигмой [3];
- проводился сопоставительный анализ концептов «язык» и «речь» в русском языке [4];
- описывались языковые концепты русского языка в различных дискурсах и в диахронии [5; 6; 7].

Источником языкового материала послужили толковые, энциклопедические, этимологические, фразеологические словари, а также тексты художественной литературы.

В структуре лингвокультурного концепта «русский язык» можно выделить три составляющие [8: 3]: *понятийную*, от-

ражающую его признаковую и дефиниционную структуру; *образную*, фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и *значимостную*, определяемой местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка.

Ядерная сфера концепта является *понятийной составляющей концепта* и рассматривается как лексико-семантическое поле «русского языка» в русском языке: «Русский язык – *один из восточнославянских языков*, *один из крупнейших языков мира*, в том числе *самый распространенный из славянских языков и самый распространенный язык Европы*, как географически, так и по числу носителей языка как родного» [9: 817]. Концепт «русский язык» имеет в языке ограниченную *лексическую объективацию*. Основной способ языковой объективации концепта – устойчивое словосочетание «русский язык». Реже используются формы «родной язык», разг. «русский». Широко употребляется эллиптическая модель, при которой апелляция к концепту происходит при помощи только определения, а также дейктическое обозначение «язык», «наш язык» и метафорическая номинация тургеневского происхождения «великий и могучий». Ограниченность номинативного поля концепта не отражает ограниченности его содержания и не свидетельствует о его коммуникативной нерелевантности для русского общения, поскольку словосочетание «русский язык» обладает высокой частотностью в русском языке, а концепт объективируется также многочисленными ассоциатами, прозаическими, публицистическими и поэтическими текстами.

Значимостная составляющая концепта рассматривается нами на материале лексикографических источников – толковых и энциклопедических словарей. При необходимости привлекаются данные из корпуса иллюстративного материала (писатели и поэты о языке).

Слово «языкъ» унаследовано из праславянского лексического фонда [10: 467] и изначально было известно в значении «орган человека или животного». Возникшее на основе метонимического переноса обозначение речи человека и языка, на котором он говорит, в древнерусском языке засвидетельствовано уже в первых памятниках русской письменности, в XI в. Анализ памятников русской письменности XI–XVII вв., проведенный И.И. Макеевой [6: 155], свидетельствует о «максимальной недифференцированности слов и их иных, чем в настоящее время, взаимосвязях». Понятие «язык» передавали слова «язык», «речь», «голос» / «глас». Диапазон понятий, обозначаемых одним словом, был шире, включая противоположные: «глас» как звуки, высказывание и как язык. Взаимосвязь «речи» и «голоса» оказывалась иной благодаря актуализации для последнего содержательной стороны. Первоначально для «слова», как и для «речи», не был актуален количественный параметр. Лишь со временем «слово» стало обозначать единицу языка и речи. Дифференциация, имевшая место в процессе языковой эволюции, привела к современному состоянию, где каждое понятие – «язык», «голос», «речь», «слово» – приобрело свою специфику. Материалы русской письменности показали: парными понятиями оказываются «язык – голос» и «речь – слово». Первые как атрибуты человека имели определения, характеризовавшие прежде всего признак говорящего. Речь как вторичное явление, результат говорения приобрела позднее отражающие признак говорящего атрибуты. Как результаты речевой деятельности «слово» и «речь» имели много общего. Это касалось предикатов, атрибутов, семантической структуры соответствующих слов. При этом «слово» было философски-богословским термином.

О родном языке очень часто говорится также по контрасту с другими [4: 287] (например, когда для кого-либо он

иностранный или когда действие происходит не в России): «Не знающая *русского языка* маленькая “башкирка Эмине”... неумело, но задорно кричала: – Привет старай гвардии от юнай смена!» (М. Чудакова). Знаменитое стихотворение в прозе Тургенева «Русский язык» тоже отражает взгляд из иностранного далека.

Очень характерно выражение «русским языком говорить / просить, спрашивать»: «Брось дурачка из себя строить! Тебя *русским языком спрашивают*: будешь в субботу работать?» (В. Шукшин). Оно означает «говорить так, что не понять невозможно». Русский язык здесь – эквивалент нормального, человеческого языка (в отличие от языка иностранного). По-немецки похожий смысл выражается репликой «*Rede ich chinesisch?*» («Я что, говорю по-китайски?»).

Можно сказать, что с точки зрения языковой картины мира говорить по-русски – это все равно, что просто говорить, а вопрос о языке возникает тогда, когда в поле зрения попадают другие языки. Не случайно слово *язык* часто используется в смысле «иностранный язык» (например, в выражении «знать языки»): «*Знает четыре языка*, читает латинских авторов в подлиннике» (Ю. Трифонов). «Четыре языка» естественно понять здесь как четыре иностранных языка. В этом плане интересно, что термины родства или такие слова, как *народ*, *дом*, *родина* и т. п. по умолчанию понимаются как «свои» (с эмпатией к говорящему или субъекту), а не «чужие». Язык (без конкретизации) в обиходных контекстах обычно не понимается и как язык вообще, человеческий язык. Поле концепта включает оценочные когнитивные признаки, что свидетельствует о преимущественно оценочном характере и самого концепта «русский язык» в русской концептосфере (доминанта – *преобладание положительной оценки*).

В лексикографических источниках, в том числе энциклопедиях и справочных интернет-ресурсах [11], из 5 когни-

тивных признаков, образующих содержание концепта, три (*красивый*, *гибкий*, *выразительный*) представляют интерпретационное поле концепта и лишь два (*богатый*, *родной*) его информационное содержание. Исследование культурного фонда концепта позволяет выявить исторические представления о концепте, входящие в его интерпретационное поле [12: 65–66]:

> Русский язык! Тысячелетия создавал народ это *гибкое, пышное, неисчерпаемо богатое, умное, поэтическое и трудовое орудие* своей социальной жизни, своей мысли, своих чувств, своих надежд, своего гнева, своего великого будущего (А.Н. Толстой);
>
> Русский язык – это прежде всего Пушкин – нерушимый причал русского языка. Это *Лермонтов, Лев Толстой, Лесков, Чехов, Горький* (А.Н. Толстой);
>
> Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины – ты один мне поддержка и опора, *о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!..* нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу! (И.С. Тургенев);
>
> Русский язык в умелых руках и в опытных устах – *красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен* (А.И. Куприн);
>
> Да будет же честь и слава нашему языку, который в *самородном богатстве* своем, почти без всякого чуждого примеса, течет как гордая, *величественная река* – шумит, гремит – и вдруг, если надобно, смягчается, журчит *нежным ручейком* и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса! (Н.М. Карамзин).

Приведенный иллюстративный материал показывает, что концепт «русский язык» обладает ярким *образным содержанием*. Образное содержание концепта «русский язык» включает перцептивные (*река*, *ручеек*, *клад*) образные признаки и метафорические образы, обнаруживаемые в когнитивных метафорах и сравнениях. Особое место в

образной когнитивной сфере занимает трактовка русского языка как *языка великой литературы*, в связи с чем имеют место *метафоры-персоналии* (метонимический перенос): «Русский язык – это прежде всего *Пушкин* – нерушимый причал русского языка. Это *Лермонтов, Лев Толстой, Лесков, Чехов, Горький*» (А.Н. Толстой).

Когнитивный признак «богатый» (информационное содержание) представлен рядом метафор: «драгоценность», «жемчуг», «клад», «достояние»: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, – *это клад, это достояние*, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь почтительно с этим могущественным *орудием»* (И.С. Тургенев); «Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок: все зернисто, крупно, как сам *жемчуг*, и, право, иное названье еще *драгоценней самой вещи*» (Н.В. Гоголь).

Исследование концепта «русский язык» в социально-территориальной концептосферах позволяет выявить когнитивные особенности изучаемого концепта как принадлежности групповой концептосферы. Так, *языковое сознание студента-иностранца* [13: 131–134] (из бывших союзных республик Казахстана, Туркменистана, Таджикистана) на первое место ставит трудность усвоения русского языка («трудный», «непонятный»). Затем идут признаки, дающие ту или иную оценку русскому языку: общую («хороший»); эстетическую («красивый»); по выразительным возможностям («богатый»).

Особое место в современной трактовке концепта «русский язык» занимает *пересечение когнитивных сфер «язык», «речь», «слово»* (ср. с памятниками книжной письменности XI–XVII вв.). Словарные определения лексем «речь» и «слово» отсылают к дефиниционному признаку манифестации языка в речи. При употреблении лексемы *речь* в базовом значении концепта ей всегда сопутствует определение,

актуализирующее признак этничности: «русская речь». При имплицитном либо эксплицитном сравнении естественного языка с другими коммуникативными системами в качестве определения употребляется атрибут «человеческий»: «человеческая речь». Место дефиниционного этнического признака занимает родовой антропоморфный.

В корпусе иллюстративного материала в базовом значении концепта лексема «слово» встречается крайне редко, при этом она не имеет определения. Тем не менее в принципе возможно и употребление лексемы с определением, указывающим на этничность: …И мы сохраним тебя, *русская речь*, // Великое *русское слово* (А. Ахматова); «Нам не дано предугадать, Как *слово наше* отзовется…» (Ф. Тютчев); «И возможно ли *русское слово* / Превратить в щебетанье щегла…» (Н. Заболоцкий); «И тогда узнаешь вдруг, Как звучит *родное слово*» (Д. Самойлов). В отдельных случаях «слово» и «речь» вступают в синонимические отношения: «Молчат гробницы, мумии и кости, – Лишь *слову* жизнь дана... / Умейте же беречь / Наш дар бессмертный – *речь*» (И. Бунин).

Значение лексемы «голос», подпадающее под понятие языка как человеческой семиотической системы, в лексикографических источниках не встречается, что говорит о крайней маргинальности этого значения. В корпусе иллюстративных материалов в значении «язык» лексема встречается крайне редко; актуализируется дефиниционный признак манифестации в речи: «В мартовскую ветреную ночь в обозе полковой козел, – многие слышали, – закричал *человеческим голосом*: “Быть беде”» (А. Толстой). Лексема всегда сочетается с определением «человеческий», употребляясь при имплицитном либо эксплицитном сравнении естественного языка с другими коммуникативными системами.

Таким образом, ядро русского лексико-семантическом поля, соответствующего концепту «русский язык», образует лексема «язык» с атрибутами «родной», «наш». Ближняя периферия представлена признаками интерпретационной и информационной сфер. Дальняя эксплицирована индивидуально-авторской интерпретацией, а также пересечением с лексемами-концептами «речь», «голос» и «слово».

ЛИТЕРАТУРА

Сусов И.П. Введение в языкознание. М., 2007.

Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина М., 1996. С. 90–93.

Ромашко С.А. «Язык»: структура концепта и возможности развертывания лингвистических концепций // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 145–158.

Левонтина И.Б. Речь vs. язык в современном русском языке // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. С. 271–289.

Дегтев С.В., Макеева И.И. Концепт «слово» в истории русского языка // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. С. 156–171.

Макеева И.И. Языковые концепты в истории русского языка // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. С. 63–155.

Никитина С.Е. Лингвистика фольклорного социума / Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. С. 558–596.

Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.

Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М., 1998. С. 817.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1993. С. 467.

Русский язык [Электронный ресурс]: www.krugosvet.ru; www.encyclopedia.ru; ru.wikipedia.org

Родное слово: учебно-методическое пособие для учителей русского языка и литературы гимназий, лицеев и средних общеобразовательных школ. Новосибирск, 2007. С. 65–66.

Симанова Т.А. Концепт русский язык в языковом сознании студента-иностранца // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. 2008. №1. С. 131–134.

Т.Н. Курохтина
Институт славяноведения РАН

Русскоязычные вкрапления в текстах украинских блогеров (на примере социальной сети Инстаграм)

T.N. Kurokhtina
Institute of Slavic Studies, RAS

Russian-language Inclusions in the Texts of the Ukrainian Bloggers (based on the Instagram blogs)

Вступление

В современной украинистике уделяется большое внимание исследованиям в области взаимодействия украинского и русского языков. И, как правило, любой русизм рассма-

тривается украинскими лингвистами как абсолютно неприемлемое явление, которое негативно влияет на украинский язык и уровень культуры украинского общества в целом. Мы не будем останавливаться на анализе негативных результатов украинско-русской интерференции[1], а обратим свое внимание на такие русскоязычные элементы, которые вставляются в письменные сообщения на украинском языке намеренно, осознанно. Чаще всего такие элементы называют вкраплениями.

Существует большое количество определений иноязычных вкраплений. Мы, вслед за Л.П. Крысиным[2] и Ю.Т. Листровой-Правдой[3], под *вкраплениями* понимаем такие иноязычные элементы, которые возникают в речи билингва и не включены в систему родного языка, т. е. являются «несистемными» и существуют только в рамках какого-то текста; их использование четко соотносится с определенной коммуникативной ситуацией и с целями адресанта. Функции вкраплений варьируются от простой номинативной до ярко выраженной экспрессивной. При этом предполагается, что адресат сообщения сможет корректно интерпретировать текст или высказывание с использованными иноязычными вставками.

---

[1] Подробнее о результатах украинско-русской интерференции изложено в ст.: *Курохтина Т.Н.* Языковые тенденции интерференционных процессов в условиях контактирования украинского и русского языков // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 26–28 ноября 2013 г. М., 2013. С. 207–210.

[2] *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М: Наука, 1968. С. 46.

[3] *Листрова-Правда Ю.Т.* Иноязычные вкрапления-библеизмы в русской литературной речи XIX–XX вв. // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 119.

Характеристика источника языкового материала

В качестве языкового материала для нашего исследования были выбраны личные страницы крупных украинских блогеров одной из самых популярных на данный момент социальных сетей – Инстаграма. Публикации блогеров в Интернете и в этой Сети, в частности, представляют собой интересный пример того, как в письменной форме речи переплетаются письменный и устный стили общения. В них ярко продемонстрированы особенности живой коммуникации, поскольку практически никаких цензурных и языковых ограничений в интернет-общении нет. У блогера есть возможность выбирать тему, стиль, способы подачи материала и самопрезентации. Запись в блоге – это заранее подготовленный, продуманный, выверенный текст, следовательно, языковые средства, которые использует автор, как правило, четко продуманы и выполняют определенные функции.

Отбор аккаунтов для языкового анализа проводился с учетом двух значимых для нас критериев: 1. язык блога (только украинский) и 2. количество подписчиков (от 100 тыс.). С учетом этих двух критериев мы отобрали 12 аккаунтов. Следует отметить, что языковой критерий отбора «информантов» существенно сузил «географию» исследования: практически все наши блогеры родом из западных регионов Украины и проживают в таких городах, как Львов, Ивано-Франковск, Тернополь, Черновцы, Хмельницкий. Один из блогеров «представляет» в нашем исследовании Киев и один – Херсон.

Все авторы, блоги которых подверглись языковому анализу, являются представителями молодежи, их возраст колеблется в диапазоне 20–35 лет. Все они владеют украинским языком и более или менее знают русский, что дает им возможность создавать выразительные тексты, включающие в себя элементы двух языков.

Анализ языкового материала

Методом сплошной выборки было выявлено более ста единиц, которые мы определяем как вкрапления. Как правило, русскоязычные вкрапления выделяются в тексте при помощи кавычек (и тогда слово или фраза обычно пишутся по-русски) либо используется украинская графика, с помощью которой акцентируется именно русскоязычное происхождение той или иной лексемы (поскольку в русском и украинском языке имеются лексемы, написание которых совпадает, а отличаются они только фонетически); нередко для выделения вкраплений используются буквы разных регистров. Все выявленные вкрапления мы разделили на три группы.

К **первой группе** мы отнесли вкрапления, которые на письме передаются при помощи русской графики. Сюда относятся названия передач, фильмов (как в 1 и 2 примерах), устоявшиеся выражения, пословицы, афоризмы (примеры 3–7), цитаты (из фильмов, телевизионных программ), а также передача речи других лиц (примеры 8, 9):

> І раджу всім подивитись програму **«Помешанные на чистоте»**[1] (@sashaabo);
>
> Сказав, що його любимий фільм «Спеши любить» *(@julia.valchyshyn)*
>
> Я обожнюю розвиватися в тих напрямках, в яких мені цікаво **«ВЕК ЖИВИ – ВЕК УЧИСЬ»** (@nstadnyk),
>
> Любіть себе, але вдосконалюватися також варто! **«НЕТ ПРЕДЕЛУ СОВЕРШЕНСТВА»**;
>
> Я не претендую на звання fashion блогера, просто **«я художник – я так вижу»** (@darina_zapesochnaya);

[1] Здесь и далее все примеры приведены с сохранением авторской графики, орфографии и пунктуации. «Жирным» шрифтом выделены русскоязычные вкрапления.

Не раз чули від інших: «за щастя треба боротись», **«мечтать не вредно, это бесполезно»**, «зроби добро, і получиш кольку в ребро і т.д. (@julia.valchyshyn);

«Меня трудно найти, легко потерять, и невозможно забыть» ☺ А які статуси з ВК ти пам'ятаєш?) (@anastasiya_mokra);

Ось така я Ваша Анастасія Стадник тут можна тільки **«понять и простить»**[1] (@nstadnyk);

Я радію, що маю сильний характер і не піддавалася тиску, коли всі мої знайомі і навіть рідні впродовж кількох років щодня казали мені: **«ты же умреш без животного белка»**))), (@anastasiya_mokra).

Помимо того, что все вкрапления из этой группы передаются в русской графике, они еще, как правило, выделяются в тексте кавычками. По крайней мере, из тех примеров, которые попали в наше поле зрения, все они оформлены в соответствии с нормами русского языка. Признаков влияния украинского языка замечено не было.

Во **вторую группу** вошли одиночные лексемы, которые являются общими для украинского и русского языков, но сознательно оформлены авторами в тексте именно как русскоязычные, на что указывает графика слов, с помощью которой передаются особенности русской фонетики.

Простіший [рецепт. – *Т.К.*], ніж зробити **бутєр**, але смак на зовсім іншому рівні. (укр. бут**е**р)[2];

Вважайте, що криза – це **прікольнєнька** можливість для розвитку. (укр. пр**и**кольний, пр**и**кольн**е**нька);

[1] Эта фраза стала популярна среди российских зрителей после появления в юмористической передаче «Наша Russia» персонажа Бородача в исполнении М. Галустяна. Охранник Бородач постоянно попадает в курьезные ситуации и просит его «понять и простить».

[2] После каждого примера в скобках отмечено, как вкрапление, которое выделено жирным шрифтом, выглядело бы, если бы было написано на украинском языке.

Житомирські шкарпетки – то смішно. А шкарпетки з провінції Ольбія-Темпіо – **соліднєнько**. (@klopotenko) (укр. солідн**е**нько);

І друге найпоширеніше питання у моєму житті, після: **«ти нАрмальний?»** (укр. н**о**рмальний);

80$ – була місячна заробітня плата старшого лейтенанта служби цивільного захисту, **на сєкундочку** – начальника сектору міжнародного співробітництва в Управлінні (@kurovskyi) (укр. на с**е**кундочку);

Прівєтікі, комплекс меншовартості, я сумував;

Смачнезний **прівєтік** з Індії. (укр. пр**и**в**і**т, пр**и**в**і**т**и**к, пр**и**в**і**т**и**к**и**);

Бо почали писати, що у мене видніється **«животік»**, і це заділо нарцисичні струни моєї душі. (@klopotenko) (укр. живіт, живот**и**к);

…з Сашком я не так встиг здружитися і зміг напрягти його, щоб провести свій **дєньчик** (@kurovskyi) (укр. д**е**нь, *д**е**ньчик);

Люди вмирають тисячами, світову економіку чекає крах, **панікьори** зачинилися по квартирах і не виходять навіть «ковтнути» свіжого повітря…(@anastasiya_mokra) (укр. паніке**р**и).

Как видно, в большинстве случаев украинское написание не отличается от русского (отличия возникают только при произнесении этих лексем, т. е. на фонетическом уровне и заключаются в твердости / мягкости согласных или в наличии / отсутствии редукции). Использование украинской графики позволяет акцентировать внимание на этих словах именно как на русскоязычных, скорее всего, чтобы тем самым подчеркнуть их экспрессию, усилить выразительность языка сообщения, сделать публикацию более привлекательной и интересной с точки зрения графического оформления текста.

В рамках **третьей** группы мы рассматриваем русскоязычные вкрапления, которые имеют украинский аналог

(т. е. в этом случае украинская и русская лексемы отличаются). В данной группе представлены слова из различных стилистических пластов, но в контексте сообщения даже нейтральная, общеупотребительная лексика приобретает большую выразительность, которая подчеркивается еще и внешним видом, т. е. графическим оформлением лексемы

Київ, **прєкращяй**… що це, якщо не жиза?

Ой **девачкииии** (…) просто **абажаю**;

бавимся в тіктокерів доганяємо **маладьож** (@nastyakarpchuk);

Мушу запостити фоточку з Наталі, бо самі **панімаєте**, в неї в профілі їх уже 7;

Те, що він весільний фотограф – **сОвпАдЄнія** (@kurovskyi);

Пристрасть, через яку я майже бед бой: весь такий **опаснєнький** та брутальний;

І все – сусіди будуть думати, що там за стінкою відбувається щось **нєпрілічне** та вісімнадцять плюс (@klopotenko);

Куди поїхати на **дівішник**? Вчора дізналася, що Саша вже створив чат свого **мальчішніка** (@natalilytvyn).

Для большей экспрессии, попадая в текст, такие вкрапления транслитерируются с сохранением произносительных особенностей, характерных для этих слов в русском языке.

Также сюда относится стилистически сниженная лексика: разговорная и грубая (*прикалуватись*, *ляшки*, *ващє*, *атвєтку*), а также сленг, жаргонизмы *(жиза, жесть, карочє*, *стрЄмно*, *гониш*).

Зробити з ним **атвєтку** у відповідь?

Якщо, наприклад, **ляшки** після all inclusive вже не ті, краще купіть жакет;

Жеесть, як вони так живуть;

І я така «Нє-нє-нє, не танцювати, ти шо **гониш**, тут обрив» (@natalilytvyn);

ШАРИТЕ? Суть самоізоляції не розповсюджувати вірус (@julia.valchyshyn);

Кароче, набридло мені сидіти вдома… ;
Ващє ізі, як бачите (@klopotenko);
я не **панікЄр**, але мені **стрЄмно** (@n.stadnyk);
Гортай підбірку. Там **жиза** (@anastasiya_mokra).

Эта группа наиболее обширная, и словоформы, которые ее составляют, представлены в самых разных видах. Так же, как и для второй группы, для слов этой категории характерно фонетическое оформление русизмов. Такой подход авторов блогов к отображению русскоязычных вкраплений мы связываем с близостью украинской и русской графических систем. Многие лексемы, общие для украинского и русского языков, имеют идентичное написание и отличаются только произношением. Поэтому для того, чтобы подчеркнуть русскоязычное происхождение лексемы, блогерам приходится прибегать к фонетической передаче «заимствований». Кроме этого, для придания эмоциональности словам используются и другие графические средства: в их написании могут чередоваться прописные и строчные буквы или использоваться только заглавные (*ШАРИТЕ*, *сОвпАдЄнія*, *КарочЄєєє*). Также частым средством усиления передаваемых эмоций служит повторение гласных (*девачкиииии*, *Жеесть*).

Выводы

Анализ украиноязычных блогов показал, что украинские блогеры не боятся использовать русизмы в своих текстах. Для них русскоязычные вкрапления служат дополнительным способом разнообразить свой стиль, сделать текст более живым, эмоциональным, приблизить его к разговорному жанру. Вкрапления никоим образом не говорят о незнании блогерами украинского языка: практически все использованные ими русизмы (кроме сленга и жаргонизмов) могут быть легко заменены на украинские аналоги,

так как входят в активный словарный запас языка, а значит, известны всем носителям украинского. Тем не менее авторы текстов делают свой выбор в пользу именно такого способа самовыражения. Какие-то из вкраплений можно назвать частотными (например, рус. *короче* или *жесть*), они часто встречаются в записях разных блогеров; какие-то вкрапления – окказиональные и свидетельствуют о склонности автора к языковой игре.

Наше исследование продемонстрировало, что нельзя однозначно негативно рассматривать взаимодействие украинского и русского языков, как это принято в украинистике. Контакт этих близкородственных языков, по нашему мнению, только расширяет языковые горизонты их носителей и дает стимул к развитию более тонкого чувства языка, а также стимулирует креативность и языковое творчество.

ЛИТЕРАТУРА

Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М.: Флинта, Наука, 2012. 322 с.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М: Наука, 1968. 208 с.

Листрова-Правда Ю.Т. Иноязычные вкрапления-библеизмы в русской литературной речи XIX–XX вв. // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 119–139.

Справочная литература

Академічний тлумачний словник української мови / [Электронный ресурс]: http://sum.in.ua/

Словарь воровского жаргона / [Электронный ресурс]: https://slovar.cc/sleng/vor/2486668.html

Л.Е. Ларюшкина
Гимназия № 6, Муром, Владимирская область

«Мой царь!»? «Мой раб!»? (о проблемах реализации предмета «Русский родной язык»)

L.Ye. Laryushkina
Gymnasium №6, Murom, Vladimir region

“My king!”? “My slave!”? (about problems of realization of the subject “Russian Native Language”)

Приказом Федерального Министерства образования и науки от 31 декабря 2015 г. в Федеральном государственном образовательном стандарте выделена предметная область «Родной язык и родная литература» как самостоятельная и обязательная для изучения. Примерная программа по учебному предмету «Русский родной язык» одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию 31 января 2018 г. № 2/18. В сжатые сроки разработаны УМК для 5–9 классов издательствами «Просвещение» (О.М. Александрова и др.), «Русское слово» (Т.М. Воителева и др). Корпорацией «Российский учебник» издан УМК «Русская словесность 5–9 классы» (авт. Р.И. Альбеткова).

Новый предмет имеет методическое и дидактическое сопровождение. Но первый из названных УМК утвержден

Приказом от 22 ноября 2019 г. № 632 в середине 2 учебной четверти текущего учебного года.

Родной язык должен углублять или расширять те понятия, которых нет в курсе государственного русского языка.

Чем различаются цели их изучения? В состоянии ли мы должным образом реализовать все цели, заявленные в примерной программе? В электронном учебнике Р.И. Альбетковой «Русская словесность» они проранжированы. Цель формирования представления о русском языке как духовной, нравственной и культурной ценности русского народа названа первой, но выделены другие: развитие познавательного интереса, совершенствование коммуникативных умений и культуры речи, умение опознавать, классифицировать, углубление и расширение знаний о явлениях и категориях современного русского языка, развитие умений работать с текстом и красной строкой – развитие проектного и исследовательского мышления. Результаты обучения всем дисциплинам ориентированы на проектную деятельность. Что нового мы увидели в сравнении с программой по русскому государственному языку?

Из заявленных в ФГОС целей, увы, в меньшей мере реализуется «становление личностных характеристик выпускника… любящего свой край и свое Отечество, знающего русский и родной язык, уважающего свой народ, его культуру и духовные традиции». Какой аспект в изучении родного языка назван приоритетным? По логике, первый в иерархии большого древа: «Воспитание гражданина и патриота… осознание национального своеобразия русского языка… воспитание ответственного отношения к сохранению и развитию родного языка, формирование волонтерской позиции в отношении популяризации родного языка».

Думаю, многие согласятся, что «совершенствование коммуникативных умений»; «обогащение словарного за-

паса и грамматического строя речи»; «совершенствование умений… анализировать, классифицировать языковые факты; умений… осуществлять информационный поиск… развитие проектного и исследовательского мышления…», воспитание самостоятельности в приобретении знаний нужно из целей сделать средством реализации концепции «изучения родного языка как инструмента познания национальной культуры и самореализации в ней», «приобщения… к фактам русской языковой истории в связи с историей русского народа… расширения представлений о русской языковой картине мира».

Какова специфика русского родного языка?

Причина вопроса кроется в методах внедрения данной дисциплины. Сначала вводится предмет «Родной язык и родная литература», затем в середине учебного года мы встаем перед необходимостью преподавания двух автономных дисциплин: «Русский родной язык» и «Русская родная литература». Возникает недоумение педагогов: «В чем разница между русским языком и русским родным языком?» Причины кроются в конфликте между опытом обучения лингвистическим дисциплинам, концепцией преподавания введенного предмета и возможностью реализовать многоцелевую программу скудными часами. Помимо благих намерений, должны быть средства их воплощения. В Базисный учебный план русский родной язык введен как составная часть, но «при расчете часы… засчитываются в региональный (национально-региональный компонент) и комп. образовательного учреждения». У родного языка не оказалось определенного места жительства. Где тут царствовать? Возникает конфликт между целью и временными ресурсами ее воплощения. Пробовали изыскать часы в соответствии с указаниями, но как поделить время между ОБЖ, физической культурой, часами проектной деятельно-

сти? Трудно, особенно в 5–6 классах, где требуется 2 часа. Более того, принцип добровольности в изучении родного русского языка не отменяет обязательности его изучения. Именно поэтому ввели предмет в инвариантную часть.

Обратимся к содержательному блоку нового учебного предмета: «Язык и культура», «Культура речи», «Речь. Речевая деятельность. Текст».

Попробуем осмыслить структуру, опираясь на мнение председателя АССУЛ Романа Дощинского. Он эти различия выделил: «В первом случае мы… большое внимание уделяем развитию речи, освоению орфографии и пунктуации. Что касается курса родного языка, то он разбит на три блока. Первый – лингвокультурология. Это попытка соотнести язык и культуру – погрузиться в забытые слова (архаизмы и историзмы)»[1]. Но в любом из соответствующих ФГОС учебников обязательно предлагается материал по лингвокультурологии. Дощинский замечает: «В обычном курсе русского языка на это просто не хватает времени»[2]. Времени не прибавится, если часть его выделить на параллельный курс. Не изыскать, а именно перераспределить.

«Второй блок – это нормы речи... – продолжает Дощинский, – все это западающие звенья традиционного курса русского языка»[3]. Получается, в систематическом курсе русского языка в разделах «Орфоэпические, лексические и грамматические нормы употребления частей речи» мы сделать это не успеваем, а в формате нового предмета научим. Третьим блоком председатель Ассоциации учителей русского языка выделяет риторику. Почему же ее изгнали из

[1] *Колесникова Ксения.* Не просто русский // Российская газета. Столичный выпуск. 2019. №207(7965). [Электронный ресурс]: https://rg.ru/2019/09/16/v-shkole-poiavilis-russkij-rodnoj-iazyk-i-russkaia-rodnaia-literatura.html

[2] Там же.

[3] Там же.

школы как дисциплину, подкрепленную уже освоенными УМК, чтобы внедрить снова, но в усеченной форме? Думается, мы растеклись по древу огромных целей. Дощинский настаивает, что русский родной язык и литература «по своему содержанию… не должны дублировать уже существующие школьные предметы». Но если цели едины, как и результаты обучения, без дублирования не получится. Председатель АССУЛ затрудняется с ответом на вопрос: «Где взять часы?» Он подтверждает, что «многое дано на откуп самой школы… в регионах для внедрения нового предмета стали сокращать и без того урезанные эстетические программы, забирать часы у русского государственного языка, несмотря на специальные письма… Рособрнадзора»[1]. Дальше я прочла алогичный, на мой взгляд, вывод: «для регионов с подавляющим большинством русскоязычного населения» есть «возможность создания интегрированных курсов. Когда… в рамках одного урока изучаются государственный русский и русский родной языки»[2]. Для чего выводили русский родной язык в специальную дисциплину, чтобы снова его интегрировать?

Уважаемый лингвист как никто заинтересован в оптимальном внедрении русского родного языка. Мысленно дискутируя с коллегой, я лишь пыталась продемонстрировать, что даже профессионалы не могут ответить на вопросы по проблеме, потому что федеральные структуры должны найти оптимальные средства воплощения грандиозного замысла.

Любовь к родному языку нельзя насаждать. Осознаю, отметка по предмету – это гарантия того, что школьник станет его усердно изучать, что можно будет оценить уровень соответствующих знаний. Но всё же эта дисциплина в первую

[1] *Колесникова Ксения*. Не просто русский: https://rg.ru/2019/09/16/v-shkole-poiavilis-russkij-rodnoj-iazyk-i-russkaia-rodnaia-literatura.html

[2] Там же.

очередь формирует отношение. А отношение оценкой не измерить. Показатель этого отношения – количество россиян, которые отмечают сегодня как государственный праздник День славянской письменности и культуры и помнят дату Дня родного языка.

Критиковать легко, тем более в начале пути. Но у меня как рядового словесника, анализирующего ситуацию изнутри, есть предложения по совершенствованию преподавания курса русского родного языка.

1. Пересмотреть Федеральный базисный учебный план с выделением времени на преподавание предмета. Это дело чести нации: государство, а не регионы должно закрепить статус предмета законным местом учебном плане.

2. Остановиться на приоритетной цели преподавания русского родного языка, формировании представления о нем как духовной, нравственной и культурной ценности русского народа.

3. Остальные цели, заявленные в рабочей программе по предмету, реализовывать в рамках государственного русского языка.

4. Изучать предмет не концентрически, а линейно. Если сейчас нам предлагают для каждого класса единые блоки: «Язык и культура», «Культура речи», «Речь. Речевая деятельность. Текст», то целесообразнее в едином блоке «Язык и культура» для каждого класса выбирать свой ракурс изучения: 5 класс – «Дорога к письменности» (славянские азбуки и их различия); 6 класс – «В содружестве с другими народами. Связь времен. Исторические изменения в языке н его реформы». 7 класс – «Великие русские лингвисты в любви к родному языку. Деятельность РОПРЯЛ, МАПРЯЛ, Общества русской словесности».
8 класс – «Старославянский и русский языки: история влияния». 9 класс – «Современный родной язык в произведениях литературы». Так мы добьемся не только формирования национальной самоидентичности, но и единства славянского мира, чтобы не устраивать теледебаты с гражданами соседнего государства.

5. Современный человек в условиях глобализации регулярно сталкивается с межъязыковой интеграцией. Еще одной составляющей курса видится: изучение неологизмов, варваризмов, сленга и осмысление будущего языка через изменение его словарного состава. В аннотации к УМК «Русский родной язык» «…в качестве дидактического материала учащимся предлагаются… фрагменты из произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, авторов XX в.». Образцы классической речи изучаются в систематическом курсе государственного русского языка и литературы. Материалом для наблюдений над современным языком я бы взяла произведения нынешних авторов, лауреатов конкурса «Новая детская книга», ибо они говорят языком русского человека XXI в. Можно будет понять, какие богатства языка Пушкина сохранились в нашей речи. Это примерное представление о содержании.

6. Чтобы сформировать ощущение личной сопричастности к судьбе родного языка, следует в качестве элемента практико-ориентированной деятельности ежегодно часть исследовательских проектов заменять участием в акциях АССУЛ «Далевский диктант», «Пушкинский диктант», «Красная книга русского языка», Дни славянской письменности и культуры.

Мы забыли, что язык – «царь», поэтому относимся к нему как к рабу, проверяя знание курса на ВПР, ОГЭ, ЕГЭ. Задача русского родного языка – убедить учеников через обращение к связи времен, что мы имеем дело с «кладом, достоянием, переданным нам нашими предшественниками», что он «живой как жизнь». Зарождение славянской письменности, грандиозные реформы языка, эпохи заимствований и связанные с ними события должны стать предметом нашего изучения в данном курсе.

Тогда каждый не только поймет метафору Державина при обращении к родному языку, но и себя почувствует царственной особой, владеющей несметным достоянием.

М.Ю. Сидорова
МГУ имени М.В. Ломоносова

Лингвистические проблемы преподавания русского как языка специальности

M.Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University

Linguistic Issues in Teaching Russian for Special Purposes

Несмотря на радикальные социальные и политические изменения конца XX – начала XXI в., за которыми последовали изменения социолингвистические и лингвополитические, русский язык продолжает принадлежать к высшему социолингвистическому рангу языков мира (по шкале EGIDS https://www.ethnologue.com), т. е. используется во всех функциональных сферах всеми поколениями своих носителей. Все больше государственных языков развитых стран тем временем оказываются в ситуации domain loss – потери одной из сфер употребления, и этой сферой оказывается сфера науки и высшего образования[1]. В част-

[1] *Stickel G.* Domain Loss of a Language and Its Short- and Long-term Consequences // National Languages in Higher Education. Ljubljana, 2010. P. 13–22; *Bennett K.* Towards an Epistemological Monoculture: Mechanisms of Epistemicide in European Research Publication // Engl. Sci. Res. Lang. Debates Discourses Engl. Eur. 2015. №2. P. 9–36; *Ferguson G.* The Global Spread of English, Scientific Communication and ESP: Questions of Equity, Access and Domain Loss // Ibérica. 2007. №13. P. 7–38.

ности эту потерю признали скандинавские страны, практически полностью сдавшие позиции в указанных областях английскому языку[1]. Мы пока находимся в иной ситуации. Русский язык живет как язык науки и высшего образования, и снова растет число инофонов, желающих получить доступ к высшему образованию на русском языке, как в России, так и за ее пределами.

Следовательно, должна развиваться и методика преподавания русского языка как языка специальности – в языковой среде и за ее пределами. Последняя ситуация приобретает сейчас особое значение в связи с открытием МГУ и другими российскими вузами филиалов и совместных университетов за рубежом. По традиции, заложенной академиком В.Г. Костомаровым, методика РКИ всегда опиралась на солидное лингвистическое основание. О двух важных лингвистических принципах, на которых мне представляется нужным строить обучение инофонов русскому языку специальности, и будет говориться далее. Фокусом внимания будет стартовый уровень освоения языка специальности, собственно введение в язык специальности.

1) Важно четко определиться с названием предмета, который преподается на начальном этапе, и привести содержание предмета в соответствие с этим названием. И на обложках учебников, и в учебных планах встречается, наряду с «Введением в язык специальности» и «Языком специальности», формулировка «Научный стиль речи». Я полагаю, что на начальном этапе мы не можем не только выполнять, но и ставить задачу обучения научному стилю речи. По определению В.В. Виноградова, «функциональный стиль – это обще-

[1] Engelskan i Sverige. Språkval i utbildning, arbete och kulturliv. Stockholm, 2004; *Carroll-Boegh A.* Internationalisation and Teaching through English: A Danish Perspective // Educate. № 5. P. 19–30; *Brandt S.S., Schwach V.* Norsk, engelsk og tospråklighet i høyere utdanning En pilotstudie om bruk av engelsk i fem fagtilbud ved fire lære-steder. Oslo, 2005.

ственно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общественного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа»[1]. Проще говоря, функциональный стиль – это сознательный выбор из системы возможностей языка (из стилистически маркированных и не маркированных элементов языковой системы). Это те решения, которые мы, носители языка, принимаем, когда выбираем между «Пшел вон!» и «Прошу вас очистить помещение», между «Слушай, что студенты-немцы у меня вчера на паре устроили» и «Уважаемый Андрей Александрович!. Сообщаю Вам о неприемлемом, с точки зрения Этического кодекса МГУ, поведении студентов 101 группы русского отделения во время семинара по синтаксису русского языка». У студентов-иностранцев начального уровня не из чего выбирать, они еще не набрали необходимый репертуар (арсенал) языковых средств, для каждого значения у них хорошо если есть один способ выражения. И они, в отличие от нас, растущих и развивающихся в «речевой общественной практике данного народа», не знают факторов и ограничений, влияющих на «употребление, отбор и сочетания средств речевого общения».

Есть принципиальная разница между обучением научному стилю русскоязычного студента филологического или нефилологического факультета и студента-иностранца на подфаке или первом курсе. Первых мы учим научному стилю либо целенаправленно, в курсе «Русского языка и культуры речи», либо в процессе освоения других предметов,

[1] *Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. №1. С. 72.

исправляя стилистические ошибки в рефератах, курсовых и дипломных работах. Обычно это обучение состоит в том, что мы – метафорически выражаясь – отбираем у студента мясорубку, которой он собирается забивать гвозди, и даем ему в руку молоток, т. е. меняем неподходящий инструмент выражения на подходящий. Запрещаем «ненаучные выражения» и заменяем их на научные. У студента-иностранца другая ситуация. Он и в общем владении еще находится на уровне B1 или ниже, с соответственно ограниченной лексической и грамматической компетенцией. Поэтому те единицы языка специальности, которые мы ему даем, ему не с чем сопоставить и нечему противопоставить. Так, реляционные предикаты типа *относиться к*, *принадлежать к* (*Волк относится к хищникам*, *Волк принадлежит к позвоночным животным*) – будущий студент-биолог узнает во введении в язык специальности (они входят в лексический минимум 1-ТРКИ, но, полагаю, в другом значении, во всяком случае из курса общего владения студенты их не знают).

Предположим, студент научился эти предикаты использовать. Значит ли это, что мы обучаем его научному стилю речи? Нет. У студента нет сознательного выбора, «совокупности приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения» в научной сфере. У него есть коммуникативная задача, например, классифицировать животное. Ему дали инструмент. Он его использует, при этом преподаватель языка специальности ничего не говорит ему об ограничениях на использование этих конструкций и их стилистическом соотношении с конструкциями типа *Волк – хищник*, *Волк – позвоночное животное*.

Что если студент-иностранец все-таки узнает на начальном этапе овладения языком специальности два разных способа выражения одного смысла? Например, при обучении языку химии он сразу должен получить высоко-

частотные синонимичные глаголы и глагольно-именные перифразы: *реагировать – вступать в реакцию*, *взаимодействовать – вступать во взаимодействие*. Для носителя русского языка первый член этой пары стилистически нейтрален, второй опознается как принадлежность научного стиля речи. Для студента-иностранца оба эти способа выражения возникают именно на уроках языка специальности, в текстах по специальности. В задачи преподавателя языка специальности не входит объяснять иностранцу, например, что в разговорной речи он может услышать *реагировать* (с совершенным видом *отреагировать*, а не только *прореагировать*), но не *вступать в реакцию* или что в современных толковых словарях, представляющих значения слов в общелитературном языке, значения глагола *реагировать* не включают химическое (в отличие от словаря Ушакова, где оно стояло первым).

У преподавателя специальности нет на это времени и не в этом состоит его цель. Даже если он этим займется, то движение будет противоположным тому, которое мы имеем в случае обучения языку науки российского школьника. Школьник узнает, что *реагировать* может обозначать *вступать в реакцию*, когда начинает осваивать химию, т. е. осваивает научное значение слова после общелитературного и место этого слова в научном стиле речи осознает на фоне общелитературного употребления. Для иностранца, повторю, и *реагировать*, и *вступать в реакцию* появляются как элементы научной речи, синонимы, в языке специальности.

Вот текст китайского студента биологического факультета Совместного университета МГУ-ППИ в Шеньчжэне, – студента, который еще далек от уровня В1 общего владения: *Белки – это животные, которые относятся к группе хордовых животных, классу млекопитающих. У белки есть голова, туловище и 4 конечности. На малень-*

кой голове находятся круглые глаза, маленький рот и уши. К хвостовой части их тела прикрепляется крупный, длинный, пышный хвост. Белки имеют разнообразную окраску. Большинство белок красновато-бурого цвета. Белки не хищные животные. Они питаются фундуками, миндалями и т. д. Обычно они двигаются и живут в высоте, например на дереве. Они очень бдительны и сообразительны. Они любят резервировать еду.

Чему учили этих студентов наши преподаватели РКИ? Языку специальности или научному стилю речи? Конечно, языку специальности. Мы видим, что автора текста достаточно хорошо научили 1) словам, нужным для описания животного; 2) структуре биологического описания вида животных – от внешнего вида к функциям, от крупного к более дробному и т. п. Есть еще грамматические ошибки и неточности словоупотребления, но учащимися освоен на первичном уровне один из главных типов текста, который понадобится им в следующем семестре в курсе зоологии позвоночных. Сообщали ли студентам преподаватели, что говорить *к телу животного прикрепляется хвост*, *к телу прикрепляются четыре короткие лапы* можно только в тексте определенного стиля? Нет. Нужно ли это? Нам представляется, что нет.

Нужно ли позиционировать глаголы *обитать* и *населять* на этом этапе как глаголы научного стиля речи по сравнению с *жить*, а *питаться* – по сравнению с *есть* (есть еще глагол *поедать*, но он недостаточно частотен, чтобы вводить его на начальном этапе)? Нет. Здесь лингвистически проблема слишком сложная, ее методически неоправданно решать на начальном этапе. Кажется, что стилистическое соотношение между этими глаголами должно быть одинаковым. Но это не так. В нашем текстовом корпусе учебников по зоологии позвоночных, которые используются на биологическом факуль-

тете МГУ, глагол *жить* употребляется 546 раз – более чем в два раза чаще, чем *обитать* (258 раз) и *населять* (227 раз). То есть, говоря о том, что *обитать* и *населять* – глаголы научного стиля речи, а *жить* – общелитературный глагол, следует уточнить, что в данном случае подразумевается, что *обитать* и *населять* менее типичны за пределами научного стиля, а *жить* – полифункционален стилистически, «годится» и для научного, и для разговорного языка. Что касается глагола *есть*, то он встречается в текстах учебников по зоологии позвоночных всего 32 раза, тогда как *питаться* – 466. Для сравнения глагол *есть* в Новом частотном словаре русской лексики О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова http://dict.ruslang.ru стоит на 1290-м месте с частотностью 94,7 вхождений на миллион словоупотреблений, а *питаться* – на 5360-м месте с частотностью 17,9 вхождений на миллион. То есть в данном случае можно говорить о том, что эти глаголы распределены между функциональными стилями речи: глагол *питаться* характерен для научного стиля и гораздо реже употребляется за его пределами, а глагол *есть* для него нехарактерен.

Нужна эта информация студенту-иностранцу на начальном этапе? Безусловно, нет. Ему нужно знать грамматические характеристики этих глаголов, в первую очередь управление: *жить*, *обитать в лесах – населять леса*, *есть насекомых – питаться насекомыми*. Постепенно из текстов учебников он узнает и то, что глагол *питаться*, в отличие от *есть*, употребляется в языке биологии в абсолютивном значении, без дополнения, для обозначения «отказа от пищи» в определенный период жизни животного или на определенном этапе его развития: *В ходе миграции миноги не питаются, используя в качестве источника энергии жировые запасы, накопленные при обитании в море*; *В реках рыбы (кета) не питаются*; *Яйцеклетки крыложаберных содержат много желтка. Вылупляющиеся из них личинки не питаются*. Является ли

это отличие стилистическим? Нет, оно семантическое, терминологическое.

Подведем итог. На начальном этапе мы не можем ставить цель обучения научному стилю речи и давать соответственное название предмету. Мы обучаем языку специальности – в первую очередь словам специальности, ведь, как отмечал В.В. Виноградов, «слово как система форм и значений является фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка»[1]. Коллегам, которые, защищая чем-то им симпатичное название «научный стиль речи», при этом утверждают, что преподают-то они как раз язык специальности, могу ответить словами либо Конфуция – «Все проблемы в этом мире происходят оттого, что вещи не называются своими именами», либо капитана Врунгеля – «Как вы лодку назовете, так она и поплывет».

2) Второй тезис: вопреки бытующему среди преподавателей РКИ мнению, «язык специальности» куда шире и разнообразнее, чем «научный стиль речи», особенно для естественнонаучных дисциплин. Так, преподаватели-естественники сетуют, что в программе обучения научному стилю речи или языку специальности на начальном этапе не уделяется внимания той разновидности их речевой практики, которую можно назвать «язык лабораторного общения», в котором перемешаны разговорные, жаргонные и терминологические элементы. Без владения этим научным подъязыком студент-иностранец испытает затруднения во взаимодействии с коллегами, не сможет правильно вести себя в лаборатории, выполнять практикумы. То, что этот подъязык находится вне фокуса внимания русистов, естественно. У нас, филологов, такой сферы речевой практики не существует, или почти не существует. Однако студент-естественник, который умеет читать

[1] *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947. С. 15.

учебник, но не способен общаться с научным руководителем и другими студентами, работающими с ним в одной лаборатории, никого не радует. Особенно значимой эта проблема становится при обучении вне языковой среды.

Особым поджанром лабораторных текстов являются и инструкции к практикумам, которые, например в химии, лексически весьма сильно отличаются от текстов из учебников, излагающих теоретические сведения. Сосредоточившись на обучении студента-иностранца чтению текстов из учебников и восприятию лекций, мы лишим его возможности понять инструкцию и правильно выполнить эксперимент. А такая компетенция от него ожидается преподавателями специальных дисциплин уже на первом курсе.

В преподавании языка специальности студентам факультета наук о материалах Совместного университета в Шеньчжэне эти проблемы сейчас решаются на основе созданного нами с доктором химических наук профессором МГУ Д.А. Пичугиной учебного пособия, построенного из диалогов на химические темы, стилистически варьирующихся от устной научной и лабораторной до устно-разговорной речи. О результатах обучения будет иметь смысл говорить после завершения апробации пособия.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.

Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.

Bennett K. Towards an Epistemological Monoculture: Mechanisms of Epistemicide in European Research Publication // English as an Academic and Research Language (English in Europe. Vol. 2). Berlin, 2015. P. 9–36.

Brandt S.S., Schwach V. Norsk, engelsk og tospråklighet i høyere utdanning En pilotstudie om bruk av engelsk i fem fagtilbud ved fire lære-steder. Oslo, 2005.

Carroll-Boegh A. Internationalisation and Teaching through English: A Danish Perspective // Educate. № 5. P. 19–30.

Engelskan i Sverige. Språkval i utbildning, arbete och kulturliv. Stockholm, 2004.

Ferguson G. The Global Spread of English, Scientific Communication and ESP: Questions of Equity, Access and Domain Loss // Ibérica 2007. № 13. P. 7–38.

Stickel G. Domain Loss of a Language and Its Short- and Long-term Consequences // National Languages in Higher Education. Ljubljana, 2010. P. 13–22.

О.В. Синёва
МГУ имени М.В. Ломоносова

Языковой портрет класса общеобразовательной школы г. Москвы и современные требования к профессиональным компетенциям педагога

O.V. Siniova
Lomonosov Moscow State University

Language Portrait of a Class in a Secondary School in Moscow and Modern Requirements for Professional Competence of a Teacher

Научные исследования языкового поведения мигрантов г. Москвы и учащихся образовательных организаций с миграцией в истории семьи, проведенные с 2010 по 2019 г., по-

зволяют утверждать, что современная общеобразовательная школа по некоторым аспектам отражает модель мультиязычного общества.

При изучении социолингвистической ситуации в образовательном пространстве г. Москвы и Московской области в рамках проектов центра балтистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Языковое поведение представителей литовской и латышской диаспор г. Москвы» и «Речевое поведение детей мигрантов и интеграция семей мигрантов в образовательное и культурное пространство г. Москвы и Московской области» (2010–2018), «Языки Москвы» Института языкознания РАН (2016–2017) была разработана методология исследования. По анкетным данным и неформализованным интервью проанализировано владение родным и русским языками респондентами, мигрантами в основном из стран постсоветского пространства, реальное употребление языков, условия выбора языка для общения с различными коммуникантами, а также языковые предпочтения и их связь с национальной самоидентификацией, доминирующий язык, возможность употребления родного языка в различных профессиональных сферах в г. Москве и Московской области (с учетом современных средств коммуникации: телефон, SKYPE-связь, Интернет). [Родной язык 2017] Данные получены не только в результате анкетирования, но также по результатам описания социолингвистической ситуации класса педагогами, участниками конкурсов педагогического мастерства, а также слушателей курсов повышения квалификации «Русский язык в разноуровневом поликультурном классе» (в настоящее время проводимых в Институте русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова).

По цели пребывания в мегаполисе Москва, под которым мы понимаем Metropolitan area (большой город с пригородами), выделены такие основные группы мигрантов:

а) трудовые мигранты, занятые низкоквалифицированным трудом; б) квалифицированные специалисты, приезжающие по приглашению компаний (бизнес, технологии, наука, образование); в) студенты; г) сотрудники иностранных представительств компаний и дипмиссий; д) вынужденные беженцы и переселенцы. В настоящее время их около 0,1 % от общего числа внешних мигрантов, они распределены по разным территориям РФ.

Продолжительное проживание мигрантов в России коррелирует с выбором ими русского языка как второго родного. Это относится к мигрантам из различных стран и регионов постсоветского пространства. Важен и такой фактор, как социализация детей, обучающихся в различных образовательных организациях (вузах, колледжах, школах и проч.), которая влияет на речевое поведение семьи.

Респонденты, родившиеся в России, по самоопределению нерусской национальности (например, азербайджанцы, литовцы, армяне и т. д.), в исследованиях разных лет регулярно отмечают, что основы владения родным языком закладывают не мать и отец, а бабушка и дедушка. Но при этом важен еще один фактор, влияющий на самоопределение и сохранение, точнее, уже овладение родным языком, – это частотность посещения родины и продолжительность пребывания в ней: если это школьники, то, как правило, в каникулы, особенно когда родители придерживаются стратегии сохранения родного языка (схема 1).

В семье мигрантов на русском языке дети часто общаются с родителями и редко с прародителями (бабушкой, дедушкой) (схема 2 по данным анкетирования). Таким образом, формируется тактика экономии речевых усилий: с родителями разговор ведется на языке социума, а в общении с прародителями (даже если они живут вместе) происходит кодовое переключение.

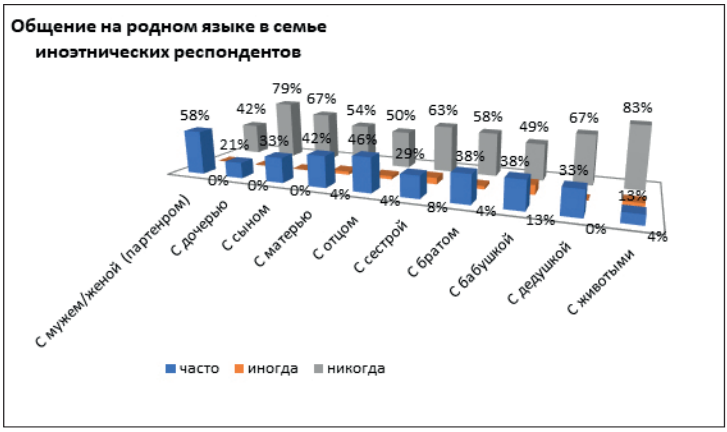


Схема 1

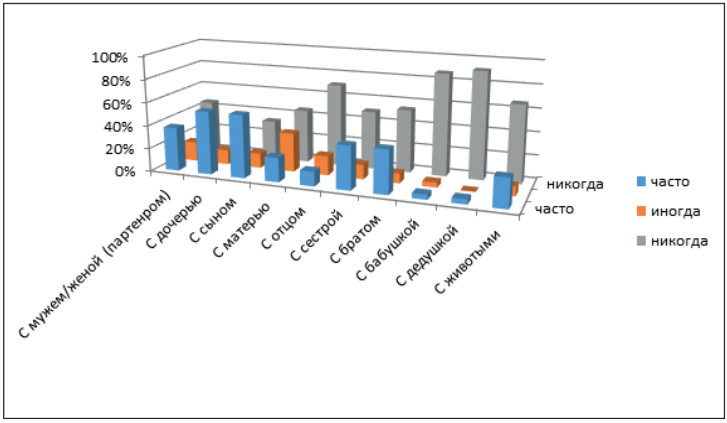


Схема 2

Общение на русском языке в семье мигрантов

В 85 % случаев мать и отец со своими родителями и между собой говорят на родном языке. Этот показатель соотносится с данными об общении на русском языке. При этом женщины чаще говорят на родном, чем на русском, а мужчины чаще на русском, чем на родном, что свидетельствует

о степени их социализации в российском обществе. Отмечены ситуации, когда в семье с разными детьми говорят на разных языках: с одним ребенком на родном, с другим – на русском, как правило с родившимся в г. Москве или давно социализировавшимся, посещающим образовательную организацию. Кроме того, такое языковое поведение может быть обусловлено разностью в возрасте детей, степенью близости контакта между детьми и родителями и возможностью контакта с коммуникантами из страны исхода, что установлено по результатам неформализованных интервью.

Таким образом, в зависимости от продолжительности проживания в России в семье формируется ситуация двуязычия в общении с детьми.

В школы Московского мегаполиса прибывают дети из разных стран (схема 3).

Схема 3

Так, в одной из школ СВАО в 2000/2001 учебном году обучались 17 % детей из семей мигрантов, в 2005/2006 – 34,1 %, в 2010/2011 – 49 %, в 2015/2016 учебном году – 75 % (по данным мониторинга школы № 250), а по данным ис-

следования 2016/2017 учебного года в этой школе учились носители 20 языков из 19 стран, в том числе из России – носители татарского и кабардинского языков (схема 4):

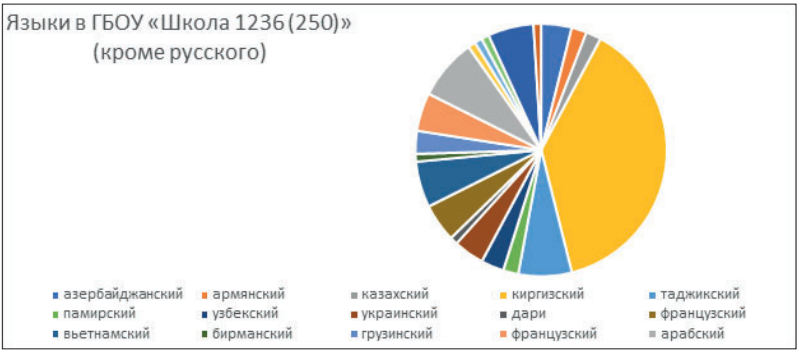


Схема 4

Схема 5

Схема 6

Подобная картина наблюдается в Юго-Западном (схема 5) и Северо-Западном административных округах (схема 6).

Анализ анкет из 10 общеобразовательных школ различных районов мегаполиса Москвы позволяет подтвердить соотношение представителей различных стран (схема 7).

В анкету для исследования речевого поведения детей включались вопросы об уровне говорения, аудирования, чтения, письма.

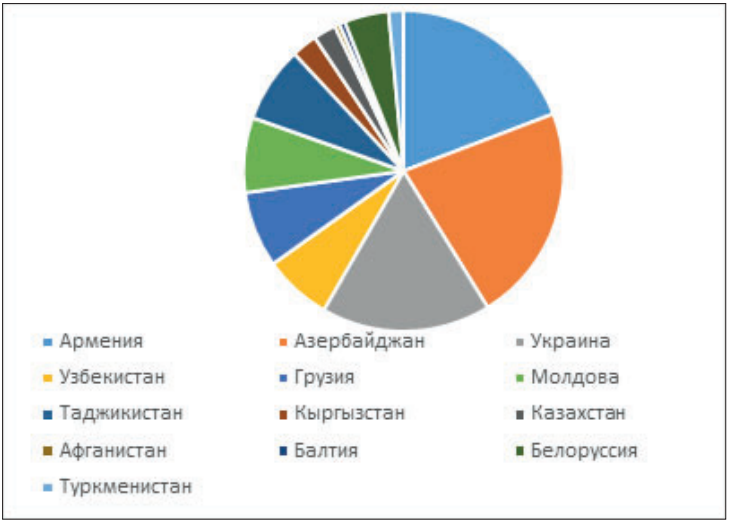


Схема 7

Для самооценки предлагалась шкала «не говорю, не понимаю, не умею (читать, писать); немного; средне; хорошо; свободно». Отметим, что 30 % опрошенных детей смотрят мультфильмы на родном и русском языках, 70 % – только на русском. В результате выделены следующие типы речевого поведения детей из семей мигрантов.

1. Общение в семье и среди родственников происходит на родном языке. При этом самооценка уровня владения этническим языком высокая, русским – от низкой до средней.

2. Общение на русском языке по сравнению с этническим преобладает. Самооценка владения русским языком высокая. Знание русского языка в семью привносит ребенок.

3. Родители, будучи носителями этнического языка, общаются в семье на русском с целью интенсифицировать интеграцию ребенка в образовательную среду. Этничность родителей и родной язык по оценке ребенка не совпадают, русский язык называется родным, общение в семье и с дру-

гими родственниками осуществляется на русском языке. Самооценка уровня владения этническим языком низкая.

Таковы основные параметры, отражающие социолингвистический портрет класса современной общеобразовательной школы. Это требует от учителя регулярно пополнять структуру своей профессиональной компетентности дополнительными педагогическими умениями, а от администрации школы необходим ряд усилий – от разработки концепции поликультурной школы в конкретной социолингвистической ситуации до принятия решений в построении учебного плана и требований к рабочим программам по предмету.

Обучение детей с неродным русским языком – инофонов и билингвов – может быть организовано по различным схемам. Это занятия

– в детских центрах или на курсах, организованных национально-культурными объединениями (НКО);

– с тьютором образовательной организации (ОО) по индивидуальной траектории обучения инофона(-ов);

– в кружках или на факультативах (по выбору) в ОО в рамках внеурочной деятельности.

Так, например, в ГБОУ «Школа №2021» г. Москвы (ЮЗАО)

– действует кружок «Русский язык от ступени к ступени» – 2 часа в неделю по методике РКИ;

– учебным планом школы предусмотрен 1 час в неделю «Работа с текстом». Классы делятся на подгруппы, как это обычно делается для урока иностранного языка, при этом из параллели формируется группа, состоящая из детей-инофонов и билингвов. Такой подход требует дополнительной работы по организации учебного процесса, составлению расписания, но получаемые результаты академической успешности стоят этих усилий;

– формируются классы, состоящие только из детей-инофонов и билингвов, т. е. это классы, в которых 100 % обучающихся с неродным русским языком (обычно на уровне НОО) (школы в ЮВАО).

Такая организация образовательного процесса позволяет осуществлять обучение, в значительной мере используя методику РКИ.

Намного сложнее работать в общеобразовательных разноуровневых классах со смешанным языковым составом.

Педагог должен уметь применять методы РКИ в освоении предмета «Русский язык» (дозированно, пошагово, концентрически, активизируя коммуникативный подход, что соответствует формированию коммуникативной компетенции по ФГОС), уметь адаптировать задания учебника, осознавая проблемы с понимаем слов и грамматических значений нофонами, а в организации учебного процесса в классе использовать речевой опыт русских детей, построив парную работу или работу в мини-группах.

Для поликультурного разноуровневого по владению языком класса рабочая программа строится концентрически, меняется структура урока: включаются в каждый урок задания на совершенствование произносительных навыков (для русских – дикция), на понимание значения слова и его запоминание (для русских – умение выделить элементы значения слова и сформулировать толкование, определить место слова в лексической системе), на словообразовательную природу слова (актуально и для русских, и нерусских, приводится в гармоничное соотношение словообразовательный и морфемный анализы), на значение грамматической формы и т. д. Обычно формулируемые темы урока «Правописание…», «Часть речи…» с соответствующими целями и задачами неэффективны в таких разноуровневых классах; их достижение – результат иной учебной работы:

по произношению, лексико-семантическим группам, значениям падежей, предъявленным не в один прием (*о воробье, нет воробья, любуюсь воробьем, дам воробью*), по словообразованию (*лесной ← лес)*.

Единый учебник для разноуровневых по владению языком классов возможен только на уровне обучения «произношению, чтению, письму и основам грамматики». Для других классов НОО и ступени ОО возможен «сопроводительный курс», одним словом, дидактический материал, который учитель может предложить инофону либо для индивидуальной работы на уроке, либо для работы в парах, либо в системе дополнительного образования.

Исключительно методы РКИ могут быть применимы, если это отдельное занятие для инофонов (обычно в системе дополнительного образования), как правило, 2 часа в неделю, а этого мало. В этом случае программа также строится концентрически, с учетом лексического минимума стандарта РКИ, хотя на практике учителя стараются сформировать и лингвистическую компетенцию (владение системой терминов и научных понятий). Дети-инофоны разноуровневых поликультурных классов в будущем сдают ЕГЭ наравне со сверстниками в соответствии с ФГОС, т. е. они должны пройти путь от «нулевого» уровня владения языком до уровня владения носителем русского родного языка. Уделяя внимание индивидуальной траектории инофона, учитель озабочен и тем, чтобы активизировать также учеников с родным русским языком. Упражнения для русских детей часто приобретают характер лингвистических задач, заданий олимпиадного характера (вместо «перепиши, вставь пропущенные буквы» – задание «сгруппируй, объясни…», «от какого слова образовано…», или «какое явление наблюдаем, к примеру, в группах слов *день-дня, пень-пня*…», или «какие слова не соответствуют правилу «____» и т. д.

Таким образом, формируется иной взгляд на методику учебного предмета «Русский язык» с учетом основ функциональной грамматики, методов РКИ и «русского языка для национальных школ», который требует определенных подходов к организации учебного процесса и системе формирования (совершенствования) профессиональной компетенции учителя.

Так, действующий ФГОС содержит обязательную часть и часть, формируемую участниками образовательных отношений, представленные во всех трех разделах основной образовательной программы: целевом, содержательном и организационном. Обязательная часть основной образовательной программы основного общего образования составляет 70%, а часть, формируемая участниками образовательных отношений, – 30% от общего объема основной образовательной программы. В разделе III «Требования к структуре основной образовательной программы начального общего образования» и «Требования к структуре основной образовательной программы основного общего образования», соответственно в пункте 17 и 15 (с. 14 и с. 23) говорится: «В целях обеспечения индивидуальных потребностей обучающихся в образовательной программе начального общего образования (и в основной образовательной программе) предусматриваются: учебные курсы, обеспечивающие различные интересы обучающихся, в том числе этнокультурные». Здесь целесообразно дополнение «и в области языковой и социально-культурной адаптации и интеграции учащихся в систему российского образования».

Учет в новом ФГОС всех вышеописанных социолингвистических особенностей современной школы позволил бы гибко выстраивать образовательный процесс, а также структурировать и приблизить к реальным требования к профессиональной компетенции учителя, работающего в условиях языкового разнообразия города.

ЛИТЕРАТУРА

Родной язык. Лингвистический журнал. Институт языкознания РАН. 2017. №2(7): http://rodyaz.ru/arhiv/7-2017

Федеральные государственные образовательные стандарты: https://fgos.ru/ (дата обращения: 08.05.2020).

List of largest cities: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_largest_cities (дата обращения: 08.05.2020).

Е.А. Хамраева
Московский педагогический
государственный университет (МПГУ),
Центра билингвального и поликультурного образования
РГПУ имени А.И. Герцена

Игровое обучение и театрализация для детей-билингвов на уроке русского языка

E.A. Khamraeva
Moscow State Pedagogical University, Interuniversity Center of
Bilingual and Polycultural Education
of Herzen State Pedagogical University

Game Training and Theatricalization for Bilingual Children in a Russian Lesson

Современная методика обучения детей русскому языку как иностранному за рубежом, как правило, ориентирована на реализацию коммуникативной цели обучения («общение»), но в детском возрасте всё чаще возникает иной социальный запрос – сохранение русского языка у детей-би-

лингвов в полнофункциональном объеме, предотвращение аттрисции [8], т. е. снижение темпа языковой регрессии.

Известно, что в XXI в. многие образовательные традиции в разных странах, особенно в преподавании языка, получили новое социокультурное и социо-игровое направление. Именно это направление в большей степени отвечает за эмоциональную сферу и формирует преимущества «языка эмоции». Так, например, вслед за английским языком, в преподавании русского языка в образовательных организациях за пределами Российской Федерации популяризируется эдьютейнмент, то есть обучение через развлечение (калька с англ. *education* ‘обучение’ и *entertainment* ‘развлечение’). Первоначально эти модели возникли в качестве идеи обучения взрослых, но в последние 10 лет традиции эдьютейнмента стали особенно популярными в технологиях языкового образования.

Несмотря на отсутствие удачного русскоязычного термина, в основе эдьютейнмента лежит отечественная концепции обучения через развлечение, театр, игру, восходящая к идеям Л.С. Выготского [2]. Термин отражает новый смысл, который нельзя свести ни к учебной деятельности, ни к игровой в прежнем ее понимании, поскольку именно он разрешил проблему организации образовательного процесса в обучении языкам, заняв самое почетное по востребованности место среди всех современных дидактических инноваций.

На наш взгляд, преодоление языковой регрессии возможно и у детей-билингвов путем совмещения когнитивных стратегий и эмоционального воздействия в рамках единого учебного языкового курса. Важен результат – достижение через совокупность технических и дидактических средств максимального обучающего эффекта [4]. Более того, организованные в виде специальных учебных технологий (теа-

трализации, ролевые игры, индивидуальные проекты и пр.), эти средства существенно увеличивают качество владения миноритарным языком у ребенка-билингва и способствуют сохранению обоих языков в активном состоянии, оперируя совокупностью игровых приемов обучения. Эдьютейнмент активизирует бессознательные процессы обучения, обнаруживая в игровых приемах уникальные и эффективные образовательные потенциалы. Обучение протекает с удовольствием, что обеспечивает его результативность.

Сходной дидактической инновацией можно считать драмогерменевтику (термин В.М. Букатова), – направление, практикующее педагогическое искусство, но позволяющее сохранить классно-урочную систему[1]. Обе эти инновации роднит отказ от стремления к осознаваемости учащимися процесса своего обучения, т. е. мы имеем дело с реализацией перечисленных предпосылок в условиях «непрямого» обучения языку [7]. В итоге стали появляться инновационные программы и технологии, адаптированные к «новым вызовам». Все это сегодня стало прообразом нового педагогического направления, «смысл которой заключается в том, что знания должны передаваться в понятной, простой и интересной форме» [5].

Театрализация – это методический прием, гармонично сочетающий театральное искусство с образовательным процессом, развивающий коммуникативные и дискурсивные мультикомпетенции, мотивирующий учащихся, «способствующий их социализации и повышающий для них привлекательность урока русского языка как иностранного» [8]. Интерес к приемам театрализации со стороны педагогов продиктован пониманием, что для успешного изучения языка необходимо, чтобы язык стал не только

[1] См.: *Ершова А.П., Букатов В.М.* Режиссура урока, общения и поведения учителя: Пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1998.

учебным предметом, но и средством, с помощью которого ученик получал бы положительную эмоцию от процесса обучения, добивался признания, решал сложные задачи.

Театр – главный носитель культурных национальных традиций и языка, в нем гармонично сливаются и изобразительная деятельность, и музыка, и литература, вот почему он может успешно использоваться на занятиях РКИ. Способы театрализации разнообразны: это выразительное чтение, чтение по ролям, инсценирование, театральное представление, работа режиссера, сценариста, коллективная оформительская, актерская деятельность. Особое внимание привлекают уроки, построенные на основе приемов персонификации и включения актерской игры, когда реально живший исторический персонаж, политический деятель, писатель или герой прочитанного произведения выступает на занятии в качестве ассистента учителя, рассказывает о себе, делится культуроведческой или исторической информацией, вступает в диалог с классом. Для юных учеников героем урока может выступить перчаточный кукольный персонаж, который, вступив в диалог с детьми, направит учебный процесс, сделает его веселым, приятным и увлекательным. Прочитанные сказки, рассказы, басни лучше запомнятся, если будут «визуализированы» через театр, т. е. разыграны детьми. Кукольный театр может послужить мощным инструментом для активного развития речи, обогащения словарного запаса, логики мышления, развития творческих способностей и фантазии ребенка. Театральная игра учит детей правильному ведению диалога, общению со сверстниками и взрослыми, сотворчеству с другими детьми, поиску решений для выхода из сложных ситуаций, которые пригодятся в жизни. Дети постарше и взрослые студенты могут разыгрывать спектакли или небольшие инсценировки. Полезно разыгрывать

диалоги или сценки на бытовые темы, которые максимально приблизят студента, изучающего русский язык, к естественной ситуации речевого общения.

Другой интересный вид работы – историческая сценка. Историческая сценка или небольшое представление, разыгранное учащимися с применением театральных атрибутов, может стать эффективным способом передачи классу исторического или культуроведческого материала, своеобразной интерпретацией прочитанного произведения. Занятия сценической речью позволяет ученикам быстрее выучить новые слова, запомнить названия предметов, они учатся выстраивать диалог с партнером по сцене, сотрудничать, т. е. получают опыт, который послужит в будущем моделью общения в реальной жизни. Г.А. Китайгородская [5], впервые применившая принципы театрализации при обучении иностранному языку, не раз отмечала их высокий потенциал и эффективность в вовлечении студентов в активную работу.

Одно из самых эффективных заданий – инсценирование текста, т. е. перевод текста в сценический вариант (для постановки на сцене). Для этого необходимо обсудить с учениками: время и место действия; идею произведения, как распределить текст между персонажами, чтобы сохранить авторский текст, не растерять его; как видоизменить, сократить текст, не исказив его смысла; какие декорации использовать для создания образа того места и времени, к которым относится действие в спектакле; героев произведения, характеры и костюмы «образов» .

Инсценирование содержит в себе неограниченный потенциал для серьезной языковой работы учащихся: это и применение накопленных литературоведческих знаний на практике, и исследовательская работа над текстом оригинала, а также создание на его основе сценического варианта. Инсценирование учит вдумчивому чтению, заставля-

ет ученика объяснять каждое слово, зачем и почему оно здесь, учит анализу текста. Театр дает повод «примерить» роль на себя, поговорить о сложном мире человеческих отношений, вместе разобраться в вопросах, которые волнуют людей сегодня. Проигрывая роль, ученик проживает определенный речевой опыт, организует собственное коммуникативное поведение и «умение действовать в определенном месте и времени» [6].

В процессе театрализации студенты совершенствуют фонетические, лексические, грамматические и интонационные навыки, отрабатывают речевые фразы, углубляют страноведческие и культуроведческие знания, учатся умению слушать и понимать речь собеседника, развивают коммуникативные навыки: «через театрализованную наглядность вполне возможно изучать язык как средство общения, а речь как процесс общения» [5].

Иными словами, использование элементов эдьютейнмента и театральной педагогики помогает сделать процесс обучения привлекательным, радостным и способствует освоению коммуникативной культуры, применению языка в реальных жизненных ситуациях. Мы считаем, что в целях улучшения преподавания русского языка двуязычным детям необходима разработка специального курса, в котором русский язык будет представлен не только «языком общения», но и «языком познания» и «языком эмоции». Сегодня многие лингводидактические системы отмечают разницу между коммуникативным взаимодействием и академическим обучением с целью овладения вторым языком, т. е. когнитивным овладением академическим языком – «языком познания». Мы убеждены, что именно когнитивный подход становится для билингвов более эффективным способом изучения нового языка, при этом двуязычие является ключом к реализации познавательного потенциа-

ла – метаязыкового анализа. По мере укрепления позиций изучаемого языка академические навыки, реализованные средствами школьного образования, позволяют билингвам сохранить осознанное отношение к своим обоим языкам.

Итак, сегодня не только методисты, но и многие отечественные психолингвисты отмечают острую необходимость в применении в языковом образовании позитивного театрального опыта, который, безусловно, важен педагогам и психологам в процессе исследования речи, мышления, внимания, эмоций. Еще в конце прошлого века в подготовке преподавателей использовались особые приемы театральной педагогики и актерского мастерства, а популярность деловых и ролевых игр и учебного театра на уроках языкового цикла сегодня уже стала всеобщей. В результате привлечения разнообразных активных ресурсов возникли нетрадиционные методики и приемы обучения языку, которые включали в языковое образование сферу искусств, спорта или психотерапевтическую практику (коуч-лингвотренеры). Именно к таким типам обучения традиционно относятся приемы театрализации, мотивирующие к изучению не только русского языка, но и русской литературы, истории театра, культуры. Этот подход к использованию термина позволяет утверждать, что в современном языковом образовании невозможно обходиться без непрямых методов обучения языку, поэтому и в методике преподавания детям-билингвам игра и театрализация занимают особенное место в исполнении «собственно роли». Это не только театральная роль, предполагающая заученный текст, это еще и проживание определенного речевого опыта, организация собственного коммуникативного поведения, умение действовать в определенном месте и времени, снижение регрессии и обеспечение устойчивости приобретенного навыка. Эти два компонента делают

успешным детские модули изучения русского языка. Все вышеизложенные понятия описывают, по сути, инновационное обучение, которое сегодня уже изменяет и традиционную образовательную парадигму.

ЛИТЕРАТУРА

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 654 с.

Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. 1996. №6. С. 62–77.

Выготский Л.С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Умственное развитие детей в процессе обучения: Сб. статей. Л., 1935. С. 53–72 [Электронный ресурс]: http://www.detskiysad.ru/ped/hrestomatia14.html (дата обращения: 25.04. 2019).

Ершова А.П., Букатов В.М. Режиссура урока, общения и поведения учителя: (Педагогика как практическая режиссура). М.; Воронеж: МПСИ, МОДЕК, 1995. 269 с.

Китайгородская Г.А. Интенсивное обучение иностранным языкам: теория и практика. М.: Высш. шк., 2009. 277 с.

Кобзева Н.А. Edutainment как современная технология обучения // Ярославский педагогический вестник. 2012. №4. Т. II (Психологопедагогические науки).

Московкин Л.В. Непрямое обучение русскому языку как иностранному // Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet. Leuven: University of Leuven, 2014. С. 45–53.

Хамраева Е.А. Теория и методика обучения детей-билингвов русскому языку. СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2017. 156 с.

О.В. Чалова
МГУ имени М.В.Ломоносова

Специфика обучения русскому языку и литературе в Филиале МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Душанбе (Республика Таджикистан)

O.V. Chalova
Lomonosov Moscow State University

Specifics of Teaching Russian Language and Literature in the MSU Branch in Dushanbe (Republic of Tajikistan)

В 2009 г. в Душанбе (Республика Таджикистан) был открыт Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В Филиале функционируют два факультета: естественнонаучный и гуманитарный. В 2011 г. на гуманитарном факультете появилась кафедра лингвистики. По итогам 4 лет обучения в бакалавриате студенты получают дипломы по специальности 45.03.02 «Лингвистика».

Вступительные экзамены и выпускные государственные экзамены, а также защиты выпускных квалификационных работ на кафедре проходят с участием преподавателей филологического факультета МГУ. 70% курсов читается командированными в филиал преподавателями МГУ, 30% приходится на долю опытных преподавателей Тад-

жикистана. Предусмотрена только очная форма обучения. Основной язык обучения – русский. Ежегодно кафедра выпускает около 20 человек.

Учебные планы и программы кафедры лингвистики составлены в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом Российской Федерации. На протяжении 10 лет преподаванием русского языка и других ведущих дисциплин на кафедре занимался Институт русского языка и культуры МГУ (ИРЯиК), с текущего 2019/2020 учебного года ответственность за реализацию учебного процесса по данному направлению легла на филологический факультет.

Первым иностранным языком в Филиале является английский, русский язык имеет статус второго иностранного языка, но обучение ведется именно на нем (за исключением дисциплин, связанных с английским языком). Специфика владения русским языком учащихся филиала состоит в особом варианте билингвизма: таджики с детства говорят на национальном варианте русского языка, его разговорной разновидности, многие учатся в русских школах, читают и слушают русскоязычные СМИ, на улицах Душанбе русский язык понимают, хотя и меньше, чем 20 лет назад. На разных направлениях подготовки Филиала есть студенты из отдаленных областей (Памир), маленьких кишлаков, для которых обучение на русском языке представляет трудность, однако о контингенте кафедры лингвистики такого, как правило, сказать нельзя.

Кафедра ставит перед собой задачу подготовить специалистов по межкультурной коммуникации и переводу, на высоком уровне владеющих русским и английским языками, а также методикой преподавания иностранных языков с учетом современных достижений в области информационно-коммуникационных технологий.

В учебном плане на фоне базовых филологических курсов, таких как «Введение в языкознание» (108 ак.ч.) и «Общее языкознание» (144 ак.ч.), «Древние языки и культуры» (180 ак.ч.), «Русская литература» (36 ак.ч.), «Зарубежная литература» (36 ак.ч.), почетное место занимают и с помощью московских преподавателей осуществляются дисциплины, связанные с русским языком, который представлен в первую очередь «Практическим курсом русского языка как иностранного» (1512 ак.ч. за все 4 года обучения), а также дисциплинами «Русский язык и культура речи» (180 ак.ч. на 1 курсе) и «Современный русский язык» (288 ак.ч. за 2–4 курсы). Особое внимание уделяется таким аспектам, как «Стилистика» (108 ак.ч.), «Русский речевой этикет» (72 ак.ч.), дается представление об «Исторической грамматике русского языка» (36 ак.ч.).

Будущие специалисты осваивают «Методику преподавания иностранных языков», в частности, 324 ак.ч. отведено «Методике преподавания русского языка как иностранного», отдельно преподается «Функционально-коммуникативная грамматика в лингвометодическом аспекте» (36 ак.ч.). Важное место в учебном плане кафедры занимает дисциплина «Информационные технологии в лингвистике» (180 ак.ч.), неизменно востребованным является курс «Основы тестологии и практика тестирования» (36 ак.ч.).

При Филиале с 2014 г. функционирует «Центр подготовки и тестирования иностранных граждан». Тестирование и подготовку к нему можно назвать одним из актуальных направлений деятельности, связанной с русским языком в Таджикистане, что обусловлено высоким процентом трудовой миграции и принятием в 2015 г. в России Федеральным законом № 308 об обязательном подтверждении знания русского языка иностранцами, получающими разрешение на временное проживание, вид на жительство или

разрешение на работу в РФ. По итогам тестирования выдается сертификат по форме, утвержденной Министерством образования и науки РФ.

Профессора и доценты филологического факультета МГУ участвуют в руководстве курсовыми работами на 2 и 3 курсе, а также выпускными квалификационными работами бакалавров 4 курса. По традиции на 2 курсе студентам предлагаются темы в рамках дисциплины «Современный русский язык», на 3 курсе – по «Методике преподавания иностранных языков», а на 4 курсе выбирается и исследуется один из названных аспектов. Традиционно интерес у студентов вызывают темы, связанные с анализом классической литературы и современных тенденций в языке СМИ, методикой преподавания различных аспектов русского как иностранного, проведения тестирования; темы, предполагающие сравнительный анализ русского, английского и таджикского языков.

За время обучения студенты не только получают теоретические знания, но и проходят учебную и производственную практику (в школах и лицеях Душанбе). Особенно высоко Филиал ценит возможность включенного обучения – в течение месяца на последнем, 4-м курсе бакалавры слушают лекционные курсы, посещают практические занятия, проходят практику РКИ и готовят выпускные квалификационные работы в Москве в стенах МГУ.

Взаимодействие Филиала с головным вузом затрагивает не только учебный процесс. Таджики с энтузиазмом вливаются в русскоязычную научную и культурную жизнь. На кафедре лингвистики в Филиале был опыт проведения совместных научно-теоретических семинаров с участием преподавателей МГУ (2015 г.), вышел сборник научных статей – Вестник (2017 г.), ежегодно проводится традиционная конференция «Ломоносов». Студенты разных направлений

Филиала принимали участие в онлайн-фестивале дружбы, который ежегодно проводится в Московском университете, получали дипломы призеров (в 2017 и 2018 гг.).

С 2015 г. кафедра выпускает бакалавров-лингвистов, часть которых продолжает обучение в магистратурах разных вузов не только в Таджикистане, но и в России (РГГУ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Дальневосточный федеральный университет, Самарский государственный университет, Кубанский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, НИУ ВШЭ РФ, МГИМО РФ). Выпускники становятся преподавателями русского языка в школах, гимназиях и университетах Таджикистана, работают в международных организациях (Олимпийский комитет, посольства), занимают высокие должности в государственных структурах Республики Таджикистан. Всего на кафедре лингвистики Филиала состоялось 6 выпусков (107 человек).

На данный момент для улучшения качества образования на кафедре лингвистики Филиала актуальными представляются следующие задачи:

– разработка учебно-методических материалов, пособий в соответствии с обновленными учебными программами;

– пополнение электронно-образовательных ресурсов и библиотек;

– организация различных продуктивных форм дистанционного обучения,

– создание системы мер по повышению уровня общей филологической культуры, в частности научной этики;

– разработка механизмов мотивации и поощрения лучших студентов.

В Филиале в целом приятно радует высокий престиж российского образования, мотивированность учащихся, тради-

ционный авторитет учителя и учебная дисциплина, не говоря уже о знаменитом восточном гостеприимстве. Опыт сотрудничества с коллегами из Таджикистана необходимо признать взаимно полезным и перспективным, способствующим продуктивному взаимодействию на всех уровнях.

С.А. Юрманова, М.С. Нетёсина,
ИРЯиК МГУ имени М.В. Ломоносова,
МГСМУ имени А.И. Евдокимова /
Российский университет дружбы народов

О месте русского языка в образовательном пространстве среднеазиатских государств – участников СНГ (по материалам общедоступных источников сети Интернет)

S.A. Iurmanova, M.S. Netesina
Institute of Russian Language and Culture
Lomonosov Moscow State University
A.I. Yevdokimov Moscow State University
of Medicine and Dentistry / RUDN University

The Role of the Russian Language in the Educational Process of the Central AsianStates – Participants of the CIS (based on the materials publicly available on the Internet)

Русский язык является важным инструментом продвижения и реализации стратегических интересов Российской Федерации в области внешней политики. Имеющиеся у Российской Федерации в зарубежных странах возможности, инструменты и средства, а также накопленный ранее

положительный опыт в сфере поддержки и продвижения русского языка в мире позволяют сегодня эффективно укреплять российскую цивилизационную парадигму, способствуют распространению русскоязычной матрицы.

Наиболее полный перечень социокультурных ролей русского языка отражен в Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом. В данном документе русский язык назван, в частности, основой истории и культуры России, значимым средством взаимодействия в Содружестве Независимых Государств, средством формирования позитивного образа нашей страны, а также инструментом российского влияния в мире.

На современном этапе общественного, исторического и политического развития России русский язык как часть Русского мира представляет собой наиболее естественный инструмент политики «мягкой силы» государства, направленный на интеграцию граждан России, соотечественников за рубежом и людей, ощущающих ментальную и духовную близость с русскими в рамках единой идентичности. Он необходим также для трансляции наиболее универсальных ценностных и культурных составляющих «русскости» за границы страны.

Ситуация, сложившаяся сегодня с положением русского языка в среднеазиатских странах СНГ, может быть охарактеризована следующим образом.

В странах СНГ Среднеазиатского региона (Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан) отмечается активный процесс закрепления доминирующих позиций титульных языков. В двух странах – Кыргызской Республике и Республике Казахстан – русский имеет статус официального языка. В Таджикистане он является языком межнационального общения. В Республике Узбекистан и

в Туркменистане русский язык фактически имеет статус иностранного языка.

Позиции русского языка и особенности местного билингвизма позволяют достаточно четко разделить рассматриваемые государства на три группы.

1. Наиболее сильными позициями характеризуется ситуация в Республике Казахстан, где за русским языком сохраняются основные функции, гарантированные ему Конституцией: он остается языком, официально употребляемым в государственных организациях и органах местного самоуправления, обеспечивается его функционирование в области образования, науки, культуры и других общественно значимых сферах. Русский язык в Республике Казахстан – второй по числу носителей и первый по владению и уровню распространения. В 2016 г. по данным Министерства культуры и спорта страны доля русскоговорящих граждан составляла 89,4 %. Однако постепенно эта ситуация меняется, тенденции к дерусификации нарастают в течение уже нескольких последних лет, предпринимаются меры по повышению статуса казахского языка, осуществляется введение трехъязычия в школах Республики, в результате чего расширяется сфера влияния английского языка.

Русские в Республике Узбекистан являются одним из основных по величине этнических меньшинств страны. И, несмотря на официальный переход на латиницу, Республика Узбекистан сохранила русский язык, а узбекская кириллица используется до сих пор. Русский язык, не имея статуса государственного, широко интегрирован в жизнь узбеков, сохраняет большое значение в общественно-государственной жизни страны и широко используется в различных сферах. Около 900 школ проводят обучение полностью на русском языке. Он по-прежнему остается в Ре-

спублике Узбекистан одним из самых распространенных и востребованных.

2. Русский язык в Кыргызской Республике – третий по числу носителей родной язык (после кыргызского и узбекского) и второй по числу владеющих им (после кыргызского). В настоящее время деятельность других иностранных государств в области продвижения языков и образования приводит к усилению акцента на углубленном изучении английского, турецкого, китайского языков.

Русский язык в сфере образования Республики Таджикистан используется во всех учебных заведениях, реализующих программы дошкольного, среднего, высшего профессионального и послевузовского образования. Около 68 % опрошенных в Республике Таджикистан утверждают, что в той или иной мере владеют русским языком. 69 % опрошенных указали русский язык как желаемый язык обучения для своих детей, однако в одном ряду с таджикским и английским.

3. В Туркменистане позиции русского языка являются наиболее слабыми на всем постсоветском пространстве.

Одним из основополагающих факторов формирования двуязычия является образование. К сожалению, в этой сфере в настоящее время заметны негативные для позиций русского языка тенденции. Например, в Республике Казахстан, несмотря на то что страна является лидером по количеству учащихся, получающих образование на русском языке, их число сократилось на 1,4 миллиона за последние 25 лет из-за закрытия 5861 школы с русским языком обучения.

В большинстве стран региона (за исключением Республики Казахстан) в школьных учебных планах неуклонно падает количество часов, отведенных на изучение русского языка, не издаются учебные пособия на русском языке, что снижает возможности его изучения как для русскоговорящих, так и для носителей титульного языка. Важную роль

играет и фактор смены самоидентификации русскоязычного населения в связи с необходимостью адаптации к новой социокультурной реальности, так как во многих странах при поступлении в вуз или на работу требуется знание языка титульной нации. Как следствие, на постсоветском пространстве наблюдается снижение доли владеющих русским языком среди молодежи.

В каждой из стран структурные компоненты образования как институционального механизма продвижения русского языка имеют свою специфику и определенные функциональные особенности. Вместе с тем, знание русского языка остается тем фундаментом, который призван существенно поддерживать процесс успешной интеграции государств СНГ в мировое сообщество. Во многом этот процесс строится на расширении сфер взаимодействия с Россией как одним из главных стратегических партнеров. Рассмотрим показатели вовлеченности русского языка в образовательную среду стран Среднеазиатского региона – участников Содружества Независимых Государств (по ситуации 2016–2018 гг.).

Русским языком в Республике Казахстан владеет 89 % от общей численности населения. На русском языке обучается 41 % школьников и студентов. Количество организаций с изучением русского языка / обучением на русском языке составляло в 2016 г. – 7100, в 2017 г. – 7047, в 2018 г. – 7014, т. е. существует тенденция к сокращению их численности. По языкам обучения, например, в 2017 г. ситуация была следующей: на казахском языке обучение вели 3746 школ (где обучалось 1 323, 3 тыс. учащихся), на русском – 1237 школ (378 614 чел.), казахском и русском языках (смешанное обучение) – 2 037 школ (1 253, 9 тыс. чел.). Процесс отхода от русского языка через понижение его статуса медленно, но неуклонно продолжается. Наиболее ярким свидетельством этого стал переход письменности на латиницу.

В Кыргызской Республике количество владеющих русским языком в рассматриваемый период составило 56 % населения; 23 % детей получают образование на русском языке. Организаций с изучением русского языка и обучением на русском языке в 2016 г. существовало 1512, в 2017 г. их количество сократилось до 1485, в 2018 г. – до 1480. В 65 % детских садов обучение и воспитание ведется на русском языке. В школах Кыргызской Республики русский является обязательным предметом и изучается с 1-го по 11-й класс. В профессиональном образовании официальный язык также представлен. Так, в вузах более 100 тыс. студентов (более 70 % получающих ВО) обучаются на русском языке. 11 высших учебных заведений готовят учителей русского языка и литературы. Однако в настоящее время деятельность других иностранных государств в области продвижения языков и образования приводит к усилению акцента на углубленном изучении английского, турецкого, китайского языков.

В Республике Таджикистан около 68 % в той или иной степени владеют русским языком. В сфере образования он используется здесь во всех учебных заведениях, реализующих программы дошкольного, среднего, высшего профессионального и послевузовского образования. Число организаций с изучением русского языка и обучением на русском языке остается практически неизменным: в 2016 г. – 3874, в 2017 г. – 3879, в 2018 г. – 3877 организаций. В Республике Таджикистан функционируют 5 школ, реализующих образовательные программы по российским стандартам. Количество школ с русским языком обучения составляло в 2016 г. 27; в 131 школе были открыты русские классы. В 2017 г. работало 29 общеобразовательных учреждений с русским языком обучения, где обучались 17332 учащихся, и 149 организаций, где обучение осуществлялось на разных языках, в том числе на русском

(русские классы); в русских классах обучались 70 206 детей. В 2018 г. в 26 школах страны обучение проводилось исключительно на русском языке, в 185 других школах – на таджикском и русском (русские классы). Русский язык в таджикских классах изучается со 2-го класса (иностранные языки – с 5-го класса по выбору ученика). Несмотря на то, что только 2,4 % школьников получают образование на русском языке, 20–25 % студентов университетов выбирают русскоязычное обучение.

В Республике Узбекистан, согласно данным открытых источников, владеет русским языком порядка 80 % населения; количество организаций с изучением русского языка и обучением на русском языке в 2016–2018 гг. демонстрирует стабильность или даже некоторую тенденцию к увеличению: 11355, 11346, 11409 организаций соответственно. Русский язык, несмотря на отсутствие статуса государственного, широко интегрирован в жизнь узбеков, сохраняет большое значение в общественно-государственной жизни страны и широко используется в различных сферах. Около 900 школ проводят обучение полностью на русском языке. Он по-прежнему остается в Республике Узбекистан одним из самых распространенных и востребованных. Обучение на русском языке в Республике Узбекистан проходят свыше 523 тысяч детей (т. е. примерно 10 % детей учатся в русскоязычных школах). Но и в школах с обучением на узбекском языке со второго класса введен предмет «Русский язык». Вместе с тем качество преподавания русского языка в Республике Узбекистан оставляет желать лучшего. Из 100 % изучающих русский язык в школе относительно свободно владеют разговорным русским не более 50 %.

Общедоступные источники, содержащие информацию о положении русского языка в Туркменистане, демонстрируют отсутствие согласованности. Туркменские инфор-

мационные агентства утверждают, что в Туркменистане практически все свободно говорят по-русски, но есть разный уровень знания иностранного языка и по степени распространенности русский язык прочно удерживает второе место и несильно уступает языку официальному, русскую речь можно услышать везде: на рынках, в общественном транспорте, в учебных заведениях и детских садах, просто на улицах городов, большая часть населения страны (кроме разве что жителей отдаленных сел и поселков) в той или иной степени владеет русским языком. Однако оценки специалистов других стран кардинально отличаются; в различных исследованиях говорится о том, что лишь 12 % населения страны знают и используют в той или иной степени русский язык. В образовательной сфере Туркменистана русский язык причислен к иностранным языкам. Русскоязычные детские дошкольные учреждения в Туркменистане отсутствуют.

В одной образовательной организации (Совместная туркмено-российская общеобразовательная школа имени А.С. Пушкина) русский язык изучается как родной. В Туркмении действуют 1760 средних школ, 37 средних профессиональных школ, 64 начальных профессиональных и 23 высших учебных заведения, в крупных есть русскоязычные классы.

Таким образом, преобразование языковой ситуации в течение двух-трех последних десятилетий привело к определенным изменениям в русской речевой практике государств Среднеазиатского региона и появлению в ней под влиянием титульной лингвокультурной доминанты определенной местной специфики. Этому в большой мере способствовало то, что, с одной стороны, изменилась языковая инфраструктура жизни, характерная для нового национально-государственного уклада, с другой – была ликвидирована офици-

альная параллель русского языка и многие новые обозначения были введены в коммуникацию только на государственном языке. Также свои последствия для изменений русской речевой практики и русской языковой личности имеет ослабление контактов с Россией и низкий (или нулевой) уровень владения русским языком на срезе молодого поколения представителей титульного населения.

Сказанное обусловливает необходимость создания концептуальных подходов в разработке комплекса способов и средств продвижения русского языка, формирования русско-национального и национально-русского двуязычия в рамках системы образования, внедрения билингвальной модели образования как одного из вариантов в сфере предоставления образовательных услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический портал StanRadar.com. К вопросу о статусе русского языка в современном Казахстане: https://stanradar.com/news/full/21250-k-voprosu-o-statuse-russkogo-jazyka-v-sovremennom-kazahstane.html

2. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике: https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/tseny/analitika/433-analiticheskie-materialy-ru/2055-demograficheskaya-situatsiya-v-respublike-uzbekistan

3. Информационно-аналитический портал «Саясат.kg». О положении русского языка в Киргизии: http://www.sayasat.kg/policy/58746-on-the-status-of-the-russian-language-in-kyrgyzstan-a-paholin.html

4. Образование в Республике Таджикистан // Статистический сборник. Tajistat, 2019: https://www.stat.tj/ru/news/publications/education-in-the-republic-of-tajikistan

5. Положение русского языка в странах Центральной Азии: http://inozpress.kg/news/view/id/53897

6. Русский язык в Туркменистане: http://infoabad.com/forum/thread448.html

7. Countrymeters / Население Туркменистана: https://countrymeters.info/ru/Turkmenistan#population_2018

8. Languages in Turkmenistan: https://www.studycountry.com/guide/TM-language.htm

Т. Акбаба
МГУ имени М.В. Ломоносова

Глаголы передачи интерпретированной информации: обучение их употреблению в турецкой аудитории

T. Akbaba
Lomonosov Moscow State University

Interpreted Information Transmission Verbs: Teaching Using Them to Turkish Audience

Создание тезаурусов как особого вида словарей представляет собой перспективное и своевременное направление лексикографической деятельности. Другая компоновка лексикона приближает словарь состава языка к истории культуры носителей языка и является, таким образом, отображением языковой картины мира данного языка.

Осмысляемая еще Сократом зона *Знание* входила в тезаурусы разных языков со времен знаменитого составителя тезауруса П. Роже[1]. Исследуемые нами русские глаголы передачи информации (далее ПИ) мы также отнесли к упомянутой смысловой зоне. Относительно русского языка сфера *Знание* затрагивалась в четырехтомном Семантиче-

[1] Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / New edition revised and edited by George Davidson. London: Penguin Group, 2004. 824 p.

ском словаре Н.Ю. Шведовой[1], Толковом словаре русских глаголов (идеографическое описание) Л.Г. Бабенко[2], комплексном словаре А.Н. Тихонова[3].

Глаголы ПИ представлены Н.Ю. Шведовой в ее знаменитом «Русском семантическом словаре» довольно широко. Это словарь академического типа, нацеленный на максимально полный охват глагольного корпуса русского языка и представляющий собой часть фундаментального курса русского языка. В него входят единицы разной частотности, в том числе и низкой, как *доложиться*[4], *провозвестить*[5], *разблаговестить*[6], *фразировать*[7] и др. Включены глаголы разных стилей, в том числе просторечия, как *долдонить*[8], *зудеть*, *талдычить*[9], *выпятить*[10].

Ряд глаголов имеется в словаре Л.Г. Бабенко, и они помещены составителем в разные (и достаточно разнородные, на наш взгляд) классы: глаголы мышления (*напоминать*[11]),

[1] Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. академика РАН Н.Ю. Шведовой. Т. 4. М.: Азбуковник, 2007. 924 с.

[2] Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСГ-ПРЕСС, 1999. 704 с.

[3] Комплексный словарь русского языка / А.Н. Тихонов, Е.Н. Тихонова, С.А. Тихонов, О.М. Чупашева, М.Ю. Зуева; под ред. д-ра филол. наук А.Н. Тихонова: М.: Рус. яз., 2001. 1229 с.

[4] Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. академика РАН Н.Ю. Шведовой. Т. 4. М.: Азбуковник, 2007. С. 465.

[5] Там же. С. 466.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 471.

[8] Там же. С. 467.

[9] Там же. С. 468.

[10] Там же. С. 471.

[11] Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСГ-ПРЕСС, 1999. С. 322.

глаголы перемещения объекта (*отправлять*[1]), глаголы графической передачи информации (*писать*[2]).

Поскольку названные словари не вполне подходят для функционального курса русского языка, то на базе данных лаборатории ЛОКЛЛ филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (под руководством проф. О.В. Кукушкиной) нами был составлен комплексный словарь глаголов ПИ, включающий 350 лексических единиц.

Русские глаголы ПИ семантически крайне разнообразны, им свойственно богатство параметров характеризации действия ПИ, а также и других компонентов 11-членной модели процесса передачи информации Шэннона-Якобсона.

Здесь мы остановимся на одном семантическом подтипе глаголов ПИ – глаголах передачи интерпретированной информации, приведя только ряд глаголов нашего списка.

Разделим их на условные группы в лингводидактических целях.

1) ГЛАГОЛЫ, ХАРАКТЕРНЫЕ (С НЕКОТОРОЙ ДОЛЕЙ УСЛОВНОСТИ) ДЛЯ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА, КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, НЕРЕДКО СВЯЗАННЫЕ С ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ИМЕНАМИ.

К этому подклассу относятся такие глаголы, как:

Величать / 0:

В деревнях, бывало, по батюшке **величали** чуть не с восемнадцати лет (Белов).

Возвеличивать / возвеличить:

Роман «Петр Первый» в целом **возвеличивает** эпоху Петра.

Воспевать / воспеть:

Сергей Есенин **воспевал** русскую природу.

[1] Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. С. 94.
[2] Там же. С. 297.

Затушевывать / затушевать:

Статья полностью **затушевывает** достоинства Михаила Горбачева как политика, а ведь они были.

Лукавить / слукавить:

«Не надо **лукавить**!» – заметил Коровьев (Булгаков).

Нахваливать / 0:

Ест галушки да знай **нахваливает** (Гоголь).

Обманывать / обмануть:

Обманули его сладкие речи Змея Горыныча (Русская народная сказка).

2) ГЛАГОЛЫ-КОНТРАДИКТОРНЫЕ ЕДИНИЦЫ, УПОТРЕБЛЯЮЩИЕСЯ В ЦЕЛЯХ НАСМЕШКИ, ИЗДЕВКИ, САРКАЗМА, КАК, НАПРИМЕР:

Радовать / обрадовать,

Осчастливливать / осчастливить:

Её отец был хозяин края, а он кто? В почтовом ящике инженер. Ну и **обрадовал** он папу таким предложением, просто **осчастливил** (Токарева).

3) ГЛАГОЛЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ В ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЯХ ИЛИ ДЕСКРИПТИВНЫХ ПРЕДИКАТАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЧРЕЗМЕРНОСТИ ЗАМЫСЛА:

Придираться / придраться:

Не надо **придираться** к словам! Все всё поняли (Прилепин).

Мучить / измучить, истязать / 0:

Долго **мучил** / **истязал** вопросами? Взял ребенка в лицей?

4) ГЛАГОЛЫ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ О ПРЕДМЕТЕ В НЕЛЕПОМ, СМЕШНОМ РАКУРСЕ, НЕРЕДКО С ЖЕЛАНИЕМ ОБИДЕТЬ / ОСКОРБИТЬ АДРЕСАТА:

Высмеивать / высмеять; глумиться / 0; издеваться / поиздеваться; измываться / 0, насмехаться / 0; осмеивать / осмеять; передразнивать / передразнить; позорить / опозорить.

Сказала, что ее шикарная трехкомнатная на Краснопресненской ее не устраивает, а нужна двушка. Подумала бы, что **издевается** надо мной, если бы не ее адский гонорар (Метелица).

Да, родители часто **высмеивают** мои кулинарные способности, особенно папа в прошлый раз отличился (Метелица).

5) ГЛАГОЛЫ ПЕРЕДАЧИ ЧАСТИЧНО ИЛИ ПОЛНОСТЬЮ НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ:

Лгать / солгать:

А родителям он **солгал**, был он там с нами, был. (Бережная).

Хитрить / схитрить:

Он **схитрил**: «Я дорогу не помню» (Прилепин).

6) ГЛАГОЛЫ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В НАИБОЛЕЕ ЖЕЛАТЕЛЬНОМ ДЛЯ АДРЕСАТА СВЕТЕ:

Льстить / польстить:

Решил **польстить** его уму? Тонко закручено (Гришковец).

Лебезить / 0:

Слышно было, что официантка **лебезила** перед невидимым собеседником. Даже трубку держала с каким-то особым почтением (Рубина).

Вместо заключения

Обучение турецких учащихся употреблению глаголов интерпретированной информации может ставить различные лингводидактические цели.

Так, например, группа 1 может дать основания для знакомства учащихся с историей русской культуры.

Изучение употребления глаголов групп 2–6 позволит учащимся лучше понимать язык СМИ и современную разговорную речь.

Материалы названного словаря в целом имеют широкого адресата, они предназначены для журналистов, филологов, политиков, бизнесменов, дипломатов.

Стилистическое разнообразие единиц, снабженных в нашем словаре стилистическими пометами, научит турецкую аудиторию уместной речи.

Наполненность словаря даст возможность в дальнейшем расширить имеющееся в различных толковых словарях и тезаурусе современного русского языка поле (таксон) под названием «Знание».

ЛИТЕРАТУРА

Комплексный словарь русского языка / А.Н. Тихонов, Е.Н. Тихонова, С.А. Тихонов, О.М. Чупашева, М.Ю. Зуева; под ред. д-ра филол. наук А.Н. Тихонова: М.: Рус. яз., 2001. 1229 с.

Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. академика РАН Н.Ю. Шведовой. Т. 4. М.: Азбуковник, 2007. 924 с.

Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.

Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / New edition revised and edited by George Davidson. London: Penguin Group, 2004. 824 p.

Э.Н. Акимова
Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина

Русский язык на Балканах: современное состояние

E.N. Akimova
Pushkin State Russian Language Institute

Russian Language in the Balkans: Current Status

«Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом», утвержденная 03.11.2015 г., в п. 4 гласит: «В современных условиях востребованность и распространенность языка за рубежом являются важнейшими показателями авторитета государства и его влияния в мире. В связи с этим русский язык необходимо рассматривать в качестве одного из основных инструментов продвижения и реализации стратегических внешнеполитических интересов Российской Федерации. Его распространение за рубежом способствует формированию положительного отношения к Российской Федерации в мировом сообществе, укреплению и расширению российского присутствия на международной арене. Таким образом, деятельность по поддержке и продвижению русского языка за рубежом является важной частью внешней политики Российской Федерации» [Концепция].

Русский язык – один из важнейших как в мире, так и, конечно же, в Европе, – на протяжении долгого периода являлся lingua franca для республик, образующих Советский

Союз, и отчасти для стран социалистического содружества. Однако за последние два с половиной десятилетия его популярность снизилась, а количество говорящих на нем резко сократилось – в результате, главным образом, распада СССР, исчезновения социалистического лагеря, утраты Россией статуса сверхдержавы. Трансформация политического строя, переориентация бывших социалистических стран на сотрудничество с западным миром, геополитические катаклизмы, проявление национализма отрицательным образом сказались на позициях как Русского мира, так и русского языка. Русский язык занимает в рейтинге самых распространенных в мире всего десятое место, при этом на нем разговаривают 235 млн человек в 27 странах. По количеству носителей языка по-прежнему безоговорочно лидируют английский (1,5 млрд) и китайский (1, 4 млрд). По прогнозу Минобрнауки России количество русскоговорящих в мире способно упасть к 2025 г. до 215 млн [Экспорт].

В балканских странах (Республики Албания, Болгария, Сербия, Словения, Хорватия) за последние 20 лет русский язык де-факто ушел из системы образования. В Сербии, например, он занимает четвертое место среди иностранных. В Хорватии и Словении ситуация обстоит намного хуже. В крупных балканских городах школы перестают преподавать русский из-за недостатка интереса со стороны молодых людей. В регионе лидирующее положение занимает Болгария, где русский язык устойчиво возвращает свою популярность (он на втором месте после английского) по двум основным причинам: конкурентное преимущество для трудоустройства и русские корни, уважение к России в семье. Особо важным представляется активное обучение русскому языку в детских садах, востребованное родителями воспитанников, аналогов которому нет ни в одном иностранном государстве (около 3 000 групп, в которых

русский язык изучают 62 000 детей). Это очень перспективное направление, опыт реализации которого желательно распространить как можно шире в других иностранных государствах. В то же время обращает на себя внимание факт, что в высшей школе учатся всего 400 русистов и 2 000 человек других специальностей изучают русский язык. Это значит, что очень скоро будет не хватать и педагогов русского языка, и тех, кто будет обучать языку будущих педагогов. О подготовке их нужного количества следует задуматься уже сейчас. Несомненным достижением является тот факт, что в последние годы в Болгарии усилия преподавателей русского языка средней и высшей школы направлены на создание новых учебно-методических комплексов, которые учитывают современные подходы в обучении. Новым аспектом данной деятельности станет обеспечение учебно-методической литературой и пособиями по РКИ детских садов Софии. Отмечается значительная роль молодых людей в продвижении русского языка, которые, общаясь между собой, лучше любых рекламных кампаний работают по продвижению русского языка [Русский язык за рубежом]. Учитывая численность русскоязычной диаспоры (25 000 человек), а также существенное расширение круга носителей русского языка в Болгарии за счет миграционных процессов и роста собственников недвижимости из России, русским в Болгарии необходимо добиться статуса национального меньшинства, дающего определенные преференции, в том числе и в плане продвижения русского языка. Для повышения престижа российского образования необходимо подписание договора между странами о взаимном признании дипломов [Международные договоры].

Что касается Сербии, следует подчеркнуть ее особый статус и значение для России в плане продвижения русского языка. Это исторически дружественная страна, пережившая в

1999 г. варварские бомбардировки НАТО, – одна из немногих в Европе, которая не ввела экономические санкции против России, не состоит в НАТО и ЕС. Основной мотив изучения русского языка в Сербии – любовь к русскому языку и русской культуре [Нигде на свете нет столько людей]. Процесс продвижения русского языка в Сербии в настоящее время можно считать удовлетворительным, так как интерес к нему активизировался. Но в условиях конкуренции со странами ЕС в аспекте продвижения их языков в Сербии и ненавязчивой информационной кампании по привлечению молодежи к изучению иностранных языков стран – членов ЕС России необходимо поддержать тенденцию возвращения русского языка, хотя и не в прежнем объеме, в сербские школы. Для открытия в школах оборудованных современной техникой классов и уголков русского языка нужно финансирование, как это делают для своих языков Франция, Греция, Испания. Учитывая вектор приложения усилий по популяризации русского языка в направлении детской и молодежной аудитории, необходимы новые подходы для привлечения интереса к изучению русского языка с использованием IT-технологий, масштабных культурных проектов (в частности, на Белградской Арене вместимостью 25 тыс. зрителей). Отмечая увеличение потребности в специалистах, владеющих русским языком и способных стать активными участниками происходящего процесса укрепления двусторонних связей Сербии и России в экономике, культуре и образовании, следует последовательно проводить идею прагматического изучения русского языка для работы, бизнеса, туризма и т. п. (как, например, в 2017 г. компания «Нефтяная индустрия Сербии» («НИС») в рамках проекта «Энергия знаний» совместно с РЦНК предоставила группе из 35 человек инженеров-нефтяников и газовиков из российско-сербских вузов возможность пройти месячную летнюю практику в их организации). Следует отметить, что

«НИС», получившая за вклад в образование «Святосавскую премию», активно способствует продвижению русского языка в Сербии через реализацию социально значимых проектов: поддержку молодежи, образования и науки, спорта, культуры, здравоохранения, благотворительности [Русский язык в Сербии]. В целях наибольшей эффективности работы по продвижению русского языка и образования на русском необходимо активно вовлекать в работу местные кадры, особенно молодых русистов, как можно полнее удовлетворять потребности в учебной, методической и художественной литературе, информации на электронных носителях и с использованием сети Интернет. Актуальной является проблема регистрации русских в качестве национального меньшинства, что дало бы ряд преференций и господдержку в различных аспектах, а также возможность иметь своего представителя в Парламенте Сербии.

Процесс продвижения русского языка в Словении и Хорватии, который осложняется, помимо ориентации этих стран на ЕС и европейское образование, еще и их «западно-католическим наследием» (Георг Райсмиллер), в настоящее время лишь условно можно считать удовлетворительным. Важным, на наш взгляд, является пример консолидации усилий образовательных организаций и организаций культуры, неправительственных и общественных организаций с бизнес-структурами Словении по поддержке и продвижению русского языка за рубежом. В Фонд поддержки русского языка и культуры им. Тоне Павчека поступают целевые спонсорские взносы (ежегодно около 20 тыс. евро) от крупных словенских компаний, работающих на российском рынке (АО «Крка», ООО «Рико»), на финансирование таких мероприятий, как курсы повышения квалификации учителей, закупка учебно-методических пособий, проведение тематических вечеров, экскурсионных поездок в Россию и др. [Как сохранить

русский язык?]. Этот опыт необходимо распространить по возможности во всех иностранных государствах. В обстановке преимущественной ориентации Словении на Запад и западное образование необходима систематическая работа по стимулированию интереса молодежи к русскому языку и российскому образованию через широкие образовательные, научные, экономические и карьерные перспективы, открывающиеся в России (Дни российских вузов, международные образовательные выставки, реклама в соцсетях и под.). Так как интерес к изучению русского языка среди школьников Хорватии проявляется устойчиво, при поддержке Департамента образования, культуры и спорта города Загреба и руководства столичных восьмилетних школ, необходимо всемерно поддерживать инициативу Общества русского языка и культуры в Загребе по проведению бесплатных занятий по русскому языку и культуре раз в неделю в качестве дополнительного образования для учеников этих школ [В Хорватии русский язык…]. Учебники и учебные пособия по РКИ в Хорватии издавались в последний раз еще в 80-е годы, ощущается их острая нехватка, особенно для детей-иностранцев. С учетом изменения реалий целесообразно не перепечатывать прежние, а создать новые. Важно также лучше обеспечивать учебный процесс наглядными пособиями, в том числе аудиовизуальными. Поскольку русский язык в Словении и Хорватии практически не используется в СМИ и организациях культуры, а русскоязычная художественная литература в широком доступе отсутствует, необходимы межведомственные соглашения в данных областях. В Хорватии необходимо открыть Российский центр науки и культуры.

Процесс продвижения русского языка в Албании можно считать достаточно успешным, несмотря на невысокие абсолютные цифры. В Албании очень небольшое население (2 876 531 человек на 01.01.2017 г.), и если сравнивать отно-

сительные цифры, то положение будет не хуже, чем, например, в Китае. Ожидать существенного возрастания интереса к русскому языку в стране не приходится по ряду объективных причин. Торгово-экономические связи между странами и туристический поток из России пока невелики, хотя и растут из года в год. Увеличение количества новых рабочих мест со знанием русского языка пока не предвидится. Количество студентов, выезжающих на учебу в Россию, исчисляется несколькими десятками, хотя в абсолютных цифрах выросло. Таким образом, общая потребность в изучении русского языка в стране определяется в несколько сотен человек в год. Очевидно, что курсы не перекрывают эту потребность, но для их расширения нужны преподаватели русского языка, которых в стране почти не осталось, а новых никто не готовит (в 2019 г. прекращен набор на единственную в стране кафедру русского языка Тиранского университета). Положительной и заслуживающей внимания является подготовка преподавателями курсов специального учебного пособия по русскому языку для слушателей, ориентированного именно на албанцев. Курсы рассчитаны на молодой и средний возраст. Для детей соотечественников дошкольного и младшего школьного возраста курсов нет, а необходимость в них очень большая. Существенным фактором, препятствующим продвижению русского языка, является то, что Албания имеет неславянское население и соответствующий конфессиональный состав. Энтузиастов-славистов в стране практически нет, в отличие от других балканских стран. Поэтому для современных условий можно считать, что русский язык продвигается в Албании достаточно успешно. Необходимо возобновить практически сошедшее на нет культурное сотрудничество.

Таким образом, на современном этапе развития международных отношений поддержка и продвижение русского

языка в балканских странах имеют для Российской Федерации особое значение и актуальность, поскольку в конце XX в. проявились и продолжают сохраняться сейчас тревожные тенденции снижения интереса к русскому языку и сужения сфер его применения в ряде стран и регионов.

ЛИТЕРАТУРА

В Хорватии русский язык стал пользоваться ажиотажным спросом: https://spbdnevnik.ru/news/2018-06-07/v-horvatii-russkiy-yazyk-stal-polzovatsya-azhiotazhnym-sprosom (дата обращения: 05.04.2020);

http://www.ruskijezik.info/croatian/index.php/hr/

Как сохранить русский язык? Опыт Словении, Хорватии и других стран: https://russkiymir.ru/publications/232017/ (дата обращения: 05.04.2020).

Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом • Президент России: http://kremlin.ru/acts/news/50644 (дата обращения: 21.03.2020).

Международные договоры о сотрудничестве в области образования: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/collaboration (дата обращения: 30.03.2020).

Михаил Швыдкой: Количество изучающих русский язык уменьшилось на 70 млн человек: https://www.interfax.ru/interview/525744 (дата обращения: 30.03.2020).

Нигде на свете нет столько людей, влюбленных в русскую культуру / Православие.Ru: https://pravoslavie.ru/102293.html (дата обращения: 30.03.2020).

Портал «Образование на Русском»: https://pushkininstitute.ru/ (дата обращения: 30.03.2020).

Русский язык в Албании: стремиться лучше понять друг друга: https://www.russkiymir.ru/publications/225629/ (дата обращения: 30.03.2020).

Русский язык в Сербии: https://www.russkiymir.ru/publications/259813/ (дата обращения: 30.03.2020).

Русский язык за рубежом /специальный выпуск/ Русистика Болгарии: https://journal-rla.pushkininstitute.ru/files/Болгария.pdf (дата обращения: 30.03.2020).

Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Вып. 8 / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2018. 536 с.: http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2018/Arefiev_Sbornik_8_001_536_2018_ispr8_15_11_18.pdf (дата обращения: 21.03.2020).

Database – Eurostat: https://ec.europa.eu/eurostat/web/education-and-training/data/database (дата обращения: 30.03.2020).

М. Буйняк
Ассоциация русистов Словакии
Школа и Гимназия для одаренных детей в Братиславе, Словакия

Учебник русской словесности для гимназий с углубленным изучением русского языка в Словакии

M. Bujňák
Association of Teachers of Russian in Slovakia
School for Gifted Children and Grammar School in Bratislava, Slovakia

Russian Language Textbook for Schools with Russian Language Teaching in Slovakia

Основываясь на итогах конференции «Братиславские встречи под Татрами», Ассоциация русистов Словакии (АРС) под руководством президента профессора Е. Колларовой начала работу над электронной версией национального учеб-

ника русского языка в Словакии. Мы провели серию встреч с российскими коллегами, выработали общую линию и методику работы и разделили наш авторский коллектив на две рабочие группы: уровни А1 – А2 и уровни В1 – В2 – С1 общеевропейской компетенции владения иностранным языком.

При подготовке новых учебников русского языка мы в Словакии уже 20 лет работаем над разработкой принципов перехода от обучения к образованию. Аристотель говорил, что мы богаты нашими знаниями, но бедны нравственностью. До сих пор этическо-нравственную роль в нашем развитии и воспитании выполняла литература. Но сейчас мы готовы передать эту роль синтетическо-художественной культуре и поэтому активно включаем ее в нашу систему образования. Не просто обучение языку, а формирование личности посредством иноязычного образования.

На круглых столах было решено создать творческий авторский коллектив, в котором будут представители разных поколений, носители русского языка, в том числе живущие в России, учителя русского языка страны национального учебника, хорошо представляющие себе вгляды современной молодежи, и учителя-мультилингвы.

Возник вопрос о посредничестве в преподавании русского языка в качестве второго иностранного языка. Одним из основных инструментов посредничества является учебник. Существуют два типа учебников для обучения иностранному языку: универсальные учебники и национальные учебники. В Словакии есть национальный учебник Русский язык для 5, 6, 7, 8 и 9 классов авторов Э. Ковачиковой и В. Глендовой, а также для средних школ «Встречи с Россией» Э. Колларовой и Л.Б. Трушиной.

Какими средствами мы достигаем нашей культуроведческой цели? Только посредством межкультурного подхода в диалоге русской культуры с родной, словацкой культурой

в контексте мировой культуры. Только тогда мы сможем увидеть всю мощь и величие русской культуры. Знакомство с другой культурой приносит углубление толератантности, понимание инакости.

На основе итогов конференции мы формулировали социальный заказ – анкетирование учеников и учителей. Была создана анкета, автором выступила профессор Л.Л. Вохмина.

Анкетирование было проведено преподавателями русского языка и литературы в марте 2018 г. в гимназиях с углубленным изучением русского языка. Опрашиваемые учащиеся были в возрасте от 15 до 20 лет и отвечали на вопросы по-русски. Цель проведения анкеты – определить интересы ребят; узнать, какие темы их интересуют больше всего, чтобы эти знания реализовать при написании учебника «Встречи с Россией. Сегодня». На вопрос: «Где вы учите русский язык?» 98 % ответило – в школе и 6 % – в семье. На вопрос: «Почему вы начали учить русский язык?» – были получены следующие ответы:

- нравится русская культура – 36 %;
- буду использовать в будущей профессии – 33 %;
- по совету родителей – 28 %;
- другое (например, «нравится русский язык»; «жил в России»; «имею русские / украинские корни»; «хотел выучить какой-то нетрадиционный язык», «мы о России мало знаем, хотел бы узнать больше») – 15 %;
- по совету друзей – 12 %.

На основе разговоров с ребятами мы предполагали, что именно влияние родителей является ключевым при выборе углубленного изучения русского языка в нашей гимназии. Однако на первом месте оказалась культура и интерес к ней. И еще, появилась и иная причина изучения русского языка, которая свойственна подростковому возрасту, а именно: противостояние, желание идти против течения, в нашем случае – против общего мейнстримового мнения,

которое они ежедневно слышат по радио, телевидению, читают в Интернете, по отношению к России.

Словаки в силу родства языков понимают около семидесяти процентов словарного состава языка (хлеб, вода, брат, сестра), а поэтому нам надо наполнить это семидесятипроцентное пространство мудростью и красотой. Это должа быть тропинка, дорога к красоте. Мы наполняем эти семьдесят процентов богатой русской культурой. (Опросник показал, что студенты хотят узнать поближе именно русскую культуру.)

В нашей работе мы исходим из того факта, что наши языки относятся к группе славянских языков, и 60–70 % словарного состава языков похожи и имеют общие корни. Мы разработали структуру цифрового учебника. Это будет целый комплекс, включающий в себя весь набор материала, необходимого для работы учителя и учащихся. Мы хотим предложить готовый набор педагогическо-методическо-иллюстративных материалов. Учебник включает в себя видеоматериалы, аудиоматериалы, рабочие материалы для учащихся, методические материалы для педагога. Это будет национальный учебник, предназначенный именно для Словакии.

При реализация содержания мы обращаем внимание на:

– возрастные особенности;
– новую ментальность;
– новое отношения к миру;
– языковой уровень А1-А2;
– спираль продолжения на уровнях В1–В2–С1.

В учебниках уровней А1–А2 «Встречи с Россией. Начало» и уровней В1–В2–С1 «Встречи с Россией. Сегодня» будут сквозные герои. Это близнецы Роман и Ольга, которые приехали из Москвы в Братиславу и учатся в словацкой школе. Мама у них русская, папа – словак, поэтому обе культуры детям близки.

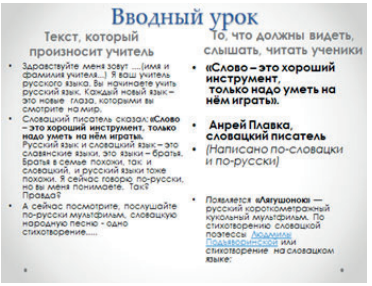
Необходим постулат культуроведческого направления иноязычного образования. В словацкой терминологии существует термин «культурологический». Е. Пассов и Е. Колларова ввели термин «культуроведческий» (от слова «страноведческий»).

Это направляет нас по пути увеличения практики и уменьшения теории. Конечно же, из общих практик РКИ мы берем коммуникативность. Но мы считаем очень важным надстроить над коммуникативностью межкультурную коммуникацию, которая начинается от родной культуры.

Новый язык и его культура нас очеловечивают.

Какими средствами мы достигаем нашей культуроведческой цели? Только посредством межкультурного подхода в диалоге русской культуры с родной, словацкой культурой в контексте мировой культуры. Только тогда мы сможем увидеть всю мощь и величие русской культуры.

Разрешите представить вам фрагмент урока новой версии учебника «Встречи с Россией. Начало». Это будет самый первый, ознакомительный урок для словацких школьников в возрасте 12–15 лет, которые только начинают учить русский язык.



Покажу вам, как выглядит та часть учебно-методического комплекса, которая предназначена для учителя. Вот слева – готовый конспект урока, учителю надо только следовать ему. А в правой колонке то, что должны видеть, слышать, читать учащиеся. Там и подсказки, и сами материалы для ребят.

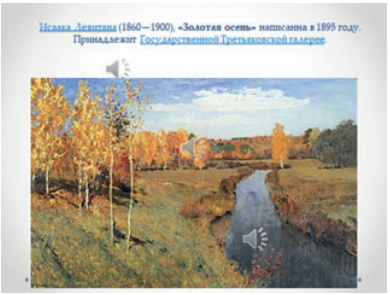
В нашем новом учебнике мы преподносим учащимся язык не как товар, или язык для бизнеса и торговли. Именно поэтому мы не говорим об обучении языку, а говорим об ОБРАЗОВАНИИ. А это значит – о формировании человека (как сказал классик: «Интерес – фундамент знаний»).

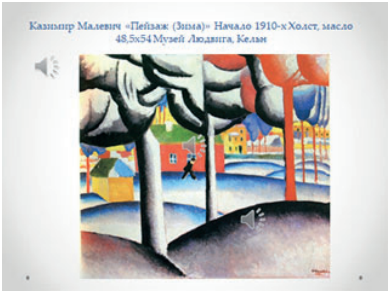
Формирование человека подразумевает прежде всего формирование нравственности. А для этого нам надо идти прямо в сердце (видим картину, слышим музыку, литературу чувствуем) и через него уже влиять на мысли учащегося. Именно поэтому мы давно уже выбрали концепцию национального учебника, а не учебника русского языка для всех.

В рамках этого важна философия современного иноязычного образования в Словакии как путь к культурологической мысли, уделяя внимание новым дисциплинам: «Визуальная и музыкальная художественная культура» и «История русской синтетической художественной культуры».

А сейчас проведем этот вводный урок по этому плану и с опорой на подготовленные для учителя материалы, и вы увидите этот же урок глазами детей. Ученики слушают Чай-

ковского и стремятся угадать время года, впоследствии появляется картина, которая символизирует время года и подскажет ученику, угадал он или нет. Картины выбраны в соответствии с культуроведческой спиралью А1–А2–В1–В2–С1.





Михаил Ларионов. «Сад весной (Весенний пейзаж)», 1904 г.; Наталия Гончарова. Пейзаж с красной землей. 1907 г. Третьяковская галерея; Исаак Левитан. «Золотая осень», написана в 1895 г. Третьяковская галерея; Казимир Малевич. «Пейзаж (Зима)». Начало 1910-х. Музей Людвига, Кельн.

Например, до сих пор мы опирались на картины художников-передвижников, а сейчас пора двигаться вперед. Нам надо пустить поколение изучающих русский язык в XX в. Если говорить о русско-словацком контексте, то мы должны дополнить и мировой контекст – мир любит Россию XX в. с ее Кандинским, Малевичем, Шагалом и так далее. И если мы не предложим эту культуру в нашем учебнике русского

языка, то этот огромный пласт культуры так и останется неизвестным нашим учащимся.

В конце урока ученики будут рисовать. Ученики слушают учителя, который им говорит по-русски, что они должны рисовать, в конце возникнет картина Марка Шагала. Не количество информации, а количество эмоций и спиритуальности. «Чувство красоты – основа добра и нравственности» (Белинский).

Домашнее задание. Ученики должны зайти на сайт, который им пришлет учитель, посмотреть видео о Словакии. Воспользовавшись своими цифровыми знаниями, они должны скомпоновать видео длительностью в 1 минуту, но так, чтобы показать русскому однокласснику выбранные им любимые места в Словакии.

Л.А. Дунаева
МГУ имени М.В. Ломоносова

Дистанционное обучение русскому языку как иностранному: теория и реальность

L.A. Dunaeva
Lomonosov Moscow State University

Distance Learning Russian as a Foreign Language: Theory and Reality

В последние годы о цифровизации, вызванной стремительным развитием микроэлектроники, информационных технологий, Интернета и коммуникаций, много говорят и пишут специалисты в области педагогики и образования, теории и методики преподавания иностранных языков, в том числе русского языка как иностранного (РКИ). Именно эта проблематика вышла на первый план в 2020 г., оказавшись в центре обсуждений на значимых международных научно-практических конференциях «Русский язык как иностранный: теория и практика обучения в цифровую эпоху» (МПГУ), «Русский язык и литература в славянском мире: история и современность» (МГУ имени М.В. Ломоносова), на предстоящем VII Конгрессе РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России».

Повышенный интерес лингводидактики к информационно-коммуникационным технологиям вполне закономерен – в силу своей специфики эта область традиционно тяготела к расширению системы средств обучения за счет методической адаптации разнообразных технических изобретений, изначально не ориентированных на образование. С начала 90-х гг. методисты РКИ осваивали компьютер как инструмент профессиональной деятельности, изучали лингводидактический потенциал информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и психолого-педагогические проблемы их применения в обучении языку, выстраивали целостную теорию электронного учебника, разрабатывали сетевые и локальные средства обучения, внедряли их в практику преподавания в новых для языкового образования формах смешанного и дистанционного обучения (Э.Г. Азимов, А.Н. Богомолов, А.Д. Гарцов, Л.А. Дунаева, О.И. Руденко-Моргун и мн. др.). До настоящего времени в подавляющем большинстве исследований интерактивный электронный ресурс рассматривался как основа и центр компьютерного обучения РКИ, и именно данный подход позволил сформировать обширный учебный цифровой контент для разных целевых групп пользователей разного уровня владения русским языком как иностранным [Общий каталог учебных электронных ресурсов по РКИ]. Помимо учебных ресурсов, изначально предназначенных для обучения РКИ, в современный лингводидактический процесс включаются разнообразные образовательные, культурно-просветительские и справочно-информационные ресурсы на русском языке, размещенные на сайтах-интеграторах и федеральных образовательных порталах, а также аутентичные ресурсы русскоязычной зоны Интернета, коммуникационные инструменты и социальные сети, в том числе специально созданные для изучающих русский

язык инофонов, как, например, «Русский клуб» [Богомолов, Дунаева 2014]. Большое количество существующих методических интернет-ресурсов дает возможность преподавателям-русистам повышать квалификацию без отрыва от работы, вести свои персональные сайты, обмениваясь накопленным опытом с коллегами и обучая своих учеников [Каталог интернет-ресурсов по методике преподавания РКИ].

Всё перечисленное представляет собой результаты информатизации области преподавания русского языка как иностранного и создает основу для безболезненной адаптации преподавателей-русистов к новым информационным условиям, в которых все виды контента переходят из аналоговых форм в цифровые, одновременно становясь мобильными и персональными, происходит переход к предельно простым и легко управляемым технологиям сетевой коммуникации. В наши дни цифровые технологии в языковом образовании – это и ставшие уже привычными электронные учебники, онлайн-курсы, компьютерное тестирование, и комплексное использование безграничных возможностей цифрового образовательного пространства, доступность смешанного, дистанционного и онлайн-обучения (прежде всего в мобильном формате), развитие цифровых библиотек и виртуальных кампусов учебных заведений. Кроме того, с началом реализации в 2016 г. приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [http://neorusedu.ru] речь идет не только о широком применении в образовательных целях уже имеющегося цифрового контента и разработке нового, но и об использовании перспективных технологий: виртуализации, дополненной реальности, облачных сервисов, мобильного Интернета, миниатюрных устройств, искусственного интеллекта. Сам термин «цифровизация» в его нынешнем понимании появился именно с возникнове-

нием этих технологий, характеризуя очередной этап развития человека и общества – от информатизации (комплекса целенаправленных мер по разработке и интеграции в традиционный учебный процесс информационной продукции, информационно-коммуникационных средств и технологий) к цифровизации, не требующей, по сути, сложных инфраструктурных решений, длительных и трудоемких программ внедрения [Никулина, Стариченко 2018].

Количество разнообразных информационных ресурсов продолжает наращиваться по экспоненте, что, по сути, позволяет говорить о переходе в эру больших данных и основанных на них технологий. Рассматривать эту глобальную проблему применительно к узкой области преподавания русского языка как иностранного не вполне корректно, но в то же время очевидно, что лингводидактика давно уже имеет дело с постоянно пополняющимся массивом структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и значительного многообразия, нуждается в их централизации, сосредоточении, упорядочивании. В этом отношении представляет интерес проект Института русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова, впервые объединивший на одной площадке (по типу «единого окна») разнообразные цифровые ресурсы, способные найти свое применение в курсах РКИ на уровнях А1, А2 и В1, в привязке к детализированному календарно-тематическому планированию по разделам, темам, подтемам, микротемам учебной программы [Тематический каталог учебных интернет-ресурсов по РКИ]. Каталогизация цифровых ресурсов по русскому языку как иностранному производилась и ранее, однако интеграция их в учебный процесс в целостном виде была крайне затруднена в силу комплексности, многокомпонентности, многотемности каждого из них. Возможно, только сегодня стало понятно,

что дробление цифровых ресурсов на отдельные элементы (цифровые учебные единицы) делает их намного более гибкими в использовании как в очном, так и в дистанционном обучении.

Еще один шаг в направлении цифровизации области преподавания РКИ был сделан совсем недавно, когда в связи с пандемией COVID-19 дистанционное обучение стало непреодолимой реальностью. Если еще недавно лингводидакты относились к дистанционному формату скептически, полагая, что коммуникативные цели обучения иностранному языку могут быть достигнуты лишь при условии обязательного личного взаимодействия преподавателя и учащихся на очном аудиторном занятии, то в наши дни доступные и несложные в освоении технологии сетевой коммуникации (Zoom, Microsoft Teams, Goole Meet, Scype и др.) позволяют организовать на расстоянии привычное очное обучение с использованием бумажных учебных материалов и, при необходимости, в сопровождении цифровых ресурсов, как разработанных профессионально, так и самим педагогом. Представления о том, что дистанционное обучение – это сложный в технологическом плане процесс, основанный на специально разработанном интерактивном ресурсе и требующий от преподавателя наивысшего уровня информационной грамотности, утратили актуальность.

Не мог не отреагировать на столь глобальные перемены в технологиях и учебник русского языка как иностранного.

Начиная с 2018 г. был выпущен ряд учебных пособий по русскому языку как иностранному с QR-кодами, позволяющими непосредственно с книжной страницы получить доступ к, например, учебному пособию по развитию речи «По-русски – легко!» Е.В. Гуськовой. Известны попытки разработать учебные ресурсы по РКИ на основе дополненной реальности с погружением в 3D-виртуальную среду

[Жильцов 2019]. В 2019 г. вышел в свет вводный фонетико-грамматический курс, включающий сквозной раздел «Разговоры с Алисой», голосовым помощником, ведущим свое происхождение из исследований и разработок в области искусственного интеллекта («Учим русский самостоятельно и на уроке. Первые шаги: учебное пособие по русскому языку как иностранному» О.И. Руденко-Моргун и др.). Всё это очень напоминает ситуацию 1990-х гг., когда привычная структура печатной учебной книги начала трансформироваться, подстраиваясь под новые информационные условия, в ней нашли свое отражение компьютерные способы и формы представления учебной информации (см., например, учебник М.П. Аксёновой «Русский язык по-новому», где действительно по-новому организован учебный материал: система помет, шрифтов, фонов, элементы техники глосс в совокупности являют нам образ учебника нового типа, стремящегося адаптироваться к потребностям учащихся разных уровней владения языком, ориентированных на разные сроки обучения, разные формы работы – коллективной и индивидуальной, аудиторной и самостоятельной; учебники с динамичным содержанием, объем которых регулируется ссылками на интернет-сайты: «Новости из России» А.Н. Богомолова, «Учебник русского языка для говорящих по-китайски» Т.М. Балыхиной и др.).

Сегодня мы являемся свидетелями того, как современные дидактические решения, постепенно развиваясь и совершенствуясь под влиянием новейших технологий, становятся привычными и естественными для преподавателя и учащегося. И если цифровизация порождает необходимость обновления подходов, принципов и методов образовательной деятельности, то следует признать, что среда русистов в целом готова к комплексному применению новых инструментов и техноло-

гий, неограниченных информационных ресурсов, телекоммуникаций, систем управления обучением.

ЛИТЕРАТУРА

Богомолов А.Н., Дунаева Л.А. Дидактический дизайн социальной сети «Русский клуб» как средства обучения инофонов русскому языку и культуре // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. Варшава: Изд-во Варшавского университета. Институт русистики, 2014. С. 257–261.

Жильцов В.А. Компьютерное моделирование языковой среды в дистанционном обучении РКИ (уровни А2–В1): Дисс. … канд. пед. наук. М.: ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019.

Каталог интернет-ресурсов по методике преподавания РКИ. М.: Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова: https://www.catalogue.irlc.msu.ru/teachers_resources (дата обращения: 01.06.2020).

Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107–113.

Общий каталог учебных электронных ресурсов по РКИ. М.: Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова: https://www.irlc.msu.ru/teachers/catalog (дата обращения: 01.06.2020).

Тематический каталог учебных интернет-ресурсов по РКИ М.: Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова: https://www.catalogue.irlc.msu.ru/thematic-catalogue (дата обращения: 01.06.2020).

Э. Ибрагим кызы Желлали
Институт русского языка и культуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Статус русского языка в Грузии

E. Ibragim kizi Zhellali
Institute of Russian Language and Culture
Lomonosov Moscow State University

Status of Russian Language in Georgia

Русский язык является одним из распространенных славянских языков. Он является рабочим языком таких международных организаций, как ООН, ЮНЕСКО. Русский язык имеет статус государственного языка в Казахстане, в Белоруссии, в Абхазии и так далее. Но во многих постсоветских странах статус русского языка является неустойчивым. В связи с внедрением национального языка в качестве единственного государственного языка русский язык в постсоветских странах постепенно вытесняется из культурной, политической и общественной жизни. Также сокращается возможность получить среднее и высшее образование на русском языке.

В двухтысячном году грузинское правительство при поддержке Всемирного банка начало реформу в сфере образования. Целью настоящей реформы было ввести в образование новые методы и стандарты. На основе этой реформы в 2005 г. был принят закон «О высшем образовании».

До 2005 г. русский язык имел статус негосударственного языка. Однако с 2005 г. русский язык получил статус иностранного языка и языка национальных меньшинств [Закон о высшем образовании].

В советские времена русский язык преподавался в национальных школах как обязательный предмет, который вводился с третьего класса. После развала Советского союза русский язык преподавался в национальных школах как язык по выбору, в секторах с преподаванием на русском языке, а также в русских школах, где все обучение проводилось на русском языке.

С 2001 по 2005 г. в Грузии насчитывалось 200 школ и секторов с преподаванием на русском языке. С 2005 г. ситуация изменилась: в Грузии две русские школы, 28 секторов с русским языком, а также 50 школ, где русский язык преподается как второй иностранный язык. Это можно объяснить разными факторами, а именно обновлением содержания программы средних образовательных школ, проблемами политического характера.

Что такое русские школы в Грузии? Это школы, где обучение проходит полностью на русском языке или частично с использованием грузинского языка. 30 % предметов преподается на грузинском языке, а 70 % на русском языке, а также русский язык можно изучать углубленно.

Что такое сектор? В Грузии есть смешанные школы, где есть сектора, в которых 80 % школьников учатся по программе грузинской школы, а 20 % школьников учатся по программе углубленного изучения русского языка.

С 2011 г. преподавание русского языка в грузинских школах перестало быть обязательным курсом, в смешанных школах преподавание русского языка значительно сократилось.

Одной из целей новой образовательной системы является знание английского языка, поэтому он стал обязательным языком, который вводится в процесс обучения с первого или второго класса. А русский язык стал вторым иностранным языком, который может выбираться школой, а может и не выбираться. Русский язык как второй иностранный язык вводят в процесс обучения в седьмом классе наряду с немецким и французским. Но с 2014 г. второй иностранный язык преподается с пятого класса.

По данным фонда «Наследие Евразии» только 30% населения Грузии свободно владеет русским языком, 5% населения изучает русский язык. В семейном общении только 1% населения говорит на русском языке. Такую же картину можно наблюдать в профессиональной сфере общения и общения вне работы [Наследие Евразии].

По данным экзаменационных центров Грузии молодежь при сдаче аттестационных экзаменов по иностранным языкам (по выбору) набирает самые низкие баллы по русскому языку, а самые высокие баллы – по английскому языку.

Программа Министерства образования и науки Грузии «Научи и обучись вместе с Грузией» предусматривает, что грузинская молодежь должна изучать западную культуру и получать полную информацию о культуре и языке (английский язык) от носителей этой культуры. Для этого Министерство образования и науки привлекло большое количество преподавателей английского языка из разных стран (Великобритания, США, Канада, Австралия).

Но вместе с тем наблюдается и положительная динамика изучения русского языка как иностранного в Грузии. Одной из самых перспективных отраслей экономики Грузии является туризм. Значительное количество туристов, посещающих Грузию, – это русскоязычные туристы, а именно туристы из России, Украины, Азербайджана и Армении.

Поэтому в Грузии возникает спрос на русский язык в сфере туризма. Для работы в сфере туризма кандидату нужно знать два языка: русский язык и английский язык. Для того чтобы быть конкурентоспособным на рынке труда, необходимо знание этих двух языков.

Наряду с ростом спроса на квалифицированных работников туристической сферы со знанием русского языка повысился спрос на русскоязычных нянь, так как русский язык в школах преподается как второй иностранный язык по выбору, который вводится в учебный процесс только в пятом классе.

Также в марте 2015 г. в городе Тбилиси открылись бесплатные курсы русского языка при поддержке российско-грузинского общественного центра совместно с российским Фондом поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова. Курсы оказались очень востребованны, поэтому на объявление об их создании откликнулось огромное количество желающих. Среди культурных мероприятий следует отметить ежегодный фестиваль российского кино, который был учрежден Эльдаром Рязановым в 2009 г. На фестивале показывают российские и советские фильмы.

Одним из значительных элементов в культурной жизни Грузии является русский драматический театр им. А. Грибоедова. Он был основан в 1845 г. и до сих функционирует. За последние годы зрители увидели на сцене постановку романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», двух произведений Достоевского – «Кроткая» и «Записки из Мертвого дома», «Жизнь прекрасна» Чехова, рассказов русских писателей XX в. «Russian блюз» и так далее.

Русский язык в Грузии является языком национальных меньшинств. Около 80 % азербайджанцев, которые проживают в регионе Квемо Картли, и армян, проживающих в регионе Самцхе-Джавахети, не знают грузинского языка.

Языком общения для них является русский язык. Также русский язык является межнациональным языком различных диаспор, которые проживают на территории Грузии.

Азербайджанцы и армяне, проживающие на территории Грузии учатся в армянских и азербайджанских школах. Они получают среднее образование на родном языке. Но высшее образование они обязаны получить на грузинском языке. Для поступления в высшее учебное заведение нужно сдавать единый экзамен на родном языке учащихся (на азербайджанском или на армянском) или на грузинском языке. Но с 2015 г. ввели тесты по предмету «Логика» на русском языке. После поступления в университет, учащиеся обязаны год учить грузинский язык в университете (на подготовительном факультете), после этого они могут перейти на тот факультет, на который поступили.

Из вышесказанного следует, что статус русского языка на сегодняшний день неустойчив, русский язык является вторым иностранным языком по выбору в школах, а также он является языком национальных меньшинств. Но при этом в последнее время русский язык стал языком туризма (а туризм является одним из важных секторов экономики Грузии), также открылись бесплатные курсы русского языка и проходят культурные мероприятия на русском языке. Статус русского языка в Грузии зависит от политических и экономических факторов.

ЛИТЕРАТУРА

Закон о высшем образовании: https://matsne.gov.ge/ka/document/view/3076630?publication=0 (дата обращения: 15.04.2020).

Наследие Евразии: https://docviewer.yandex.ru/view/20990616/ (дата обращения: 10.04.2020).

Русский драматический театр имени А. Грибоедова: https://griboedovtheatre.ge/ (дата обращения: 28.04.2020).

Т. Гмира, Е.М. Маркова
Католический университет в г. Ружомберке (Словакия),
Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина (Москва),
Католический университет в г. Ружомберке (Словакия)

Русский язык в школьном образовании Словакии

T. Gmira, E.M. Markova
Catholic University in Ruzhomberok (Slovakia),
Kosygin State University of Russia (Moscow),
Catholic University in Ruzhomberok (Slovakia)

Russian Language in School Education in Slovakia

Ситуация с обучением русскому языку в словацких школах резко изменилась после того, как 1 января 1993 г. в центре Европы были образованы два новых независимых государства: Словацкая Республика и Чешская Республика. С тех пор в Словакии было проведено несколько реформ, в результате которых изменились статус, популярность, востребованность русского языка как иностранного. Престиж русского языка в конце 90-х значительно упал, практически никто в словацких школах не выбирал этот до недавнего времени обязательный иностранный язык. Лидирующую позицию занял английский язык, который стал обязательным в словацких школах с 2011 г. Однако в дополнение к обязательному английскому языку в соответ-

ствии с решением Совета Европы для изучения в школах Словакии был введен и обязательный второй иностранный язык, среди которых значился и русский язык.

В 2016 г. была принята новая реформа, которая изменила статус второго иностранного языка с обязательного на язык по выбору. До этого года второй иностранный язык учили с пятого класса, с 2016 г. – с седьмого класса. В 2019 г. была принята другая реформа, согласно которой никакой иностранный язык не является обязательным, но ученики могут свободно выбирать один или два иностранных языка из шести языков: английского, испанского, итальянского, немецкого, русского или французского [MINEDU 2019].

Согласно Государственной образовательной программе русский язык, наряду с другими языками, относится к образовательной сфере «Язык и общение». Цель языкового образования – подготовить ученика к удовлетворению потребностей современного европейского гражданина и подготовить его к жизни в многоязычной Европе с использованием всех четырех видов речевой деятельности [DIGIPEDIA 2013]. Цель предмета «Русский язык» в соответствии с программой состоит в том, чтобы привести учеников к осознанию языкового и культурного разнообразия не только в Европе и мире, но и в отдельных социальных стратах. Через понимание важности языка для национальной культуры ученики должны воспринимать языковые различия, проявлять толерантность к инокультурам и ориентироваться в мультикультурной среде.

Из всех славянских стран Словакия имеет наилучшую ситуацию с изучением русского языка. Число выбравших русский язык в основных школах с 2003 г. увеличилось вдвое: с 15 501 до 30 558, что составляет примерно треть всех учащихся (29,35 %) [CVTI SR 2019]. Русский язык в Словакии конкурирует за второе место с немецким языком,

популярность которого среди учеников основной школы уменьшается с каждым годом. Так, его доля в 2003 г. составила 86,26 %, в 2019 г. уже только 67,64 % учеников выбрали его в основных школах. Количество учеников, выбравших тот или иной язык в качестве второго иностранного в 2019 г., представлено в таблице:

Второй иностранный язык	Количество учащихся	Процент учащихся
немецкий язык	70 417	67,64 %
русский язык	30 558	29,35 %
испанский язык	1 515	1,46 %
французский язык	1 279	1,23 %
итальянский язык	120	0,12 %
другие языки	210	0,20 %
Всего	104 099	100 %

Статистика демонстрирует неизменный рост интереса к русскому языку в словацких начальных и средних школах. В 2008/2009 учебном году 36 000 школьников учили русский язык во всех типах словацких школ, а в 2009/2010 учебном году их было более 44 000 [Квапил 2014]. Эта тенденция сохранилась: около 80 000 учеников в настоящее время изучают русский язык во всех типах словацких школ.

В связи с растущим интересом в гимназиях создаются русские секции. В настоящее время в Словакии существует девять русско-словацких гимназий, где учителя готовят учащихся к уровню C1 [Slovakia.mid.ru 2019]. В 2019 г. в словацких гимназиях (государственных, частных и церковных) обучалось 71 167 учеников. Второй иностранный язык для изучения выбрали 69 126 учеников, среди них 42 513 – немецкий язык (61,50 %), 11795 – русский язык (17,06 %), затем испанский (7 971) (11,53 %), французский (6 096) (8,82 %).

Некоторые социолингвисты объясняют популярность русского языка в Словакии, а также в Чехии тем, что в этих странах изучение второго иностранного языка было до недавнего времени обязательным и его выбирали слабые ученики, рассчитывающие на легкость в изучении при минимуме усилий [Корыченкова 2016: 90]. Однако в действительности мотивация изучения русского языка в Словакии сложнее, что подтверждается и растущим количеством выбирающих его для изучения и после реформы 2016 г., изменившей статус второго иностранного языка с обязательного на язык по выбору.

Можно указать на ряд мотивов, определяющих выбор школьников. Важными факторами при выборе русского языка является близость обоих славянских языков, относительно дружественные политические отношения между странами, экономические отношения и туризм [Коренькова, Кореньков, Краев 2019]. Сочетание одного западного языка (английского языка) и одного восточного языка (русского языка) также становится основанием для изучения русского языка.

При этом «легкость» изучения родственного языка на самом деле является мнимой, и вслед за начальным успехом вскоре приходит сильное разочарование. Многочисленные «подводные камни» в виде межъязыковых омонимов и паронимов, частичное различие систем склонения и спряжения, многочисленные различия в семантике и управлении глаголов с одинаковыми корнями, в синтагматике лексем, в структуре сложных предложений – все это значительно тормозит изучение родственного славянского языка, вызывая еще более сильную интерференцию, чем при изучении неродственного языка. Поэтому мотив близости языков, а потому простоты его изучения может иметь место в начале обучения, но не обусловливает выбор русского языка в

дальнейшем. Что касается возможностей переноса с родного языка, являющегося родственным, он должен быть систематическим, но при этом необходимо учитывать и перенос с английского языка, который изучается в качестве первого иностранного [Маркова 2019].

Некоторые исследователи справедливо отмечают роль родителей, учителей в выборе русского языка: «Основную роль при выборе иностранного языка в школе играют родители, школьники делают выбор в пользу того или иного языка под их влиянием» [Радкова 2018: 127]. Следует отметить, что старшее словацкое поколение до сих пор владеет основами русского языка и благожелательно относится к России. Кроме того, при выборе иностранного языка учащиеся также ориентируются на личность учителя, а в Словакии традиционно сильными являются учителя-русисты, которых объединяет и организует Ассоциация словацких русистов (АРС) во главе с профессором Эвой Колларовой.

Идея русскоязычного образования и межкультурное измерение стали определяющими при создании и переработке учебников русского языка, предназначенных для словацких школьников. Учебники можно разделить на три группы в зависимости от ступеней обучения:

- учебники русского языка для начальных школ (1–5 классы);
- учебники русского языка для основных школ (5–9 классы);
- учебники русского языка для средних школ (9–11 классы).

До 2014 г. учебника для начальных школ не было вообще. Поэтому значимым событием стал выход в 2014 г. учебного пособия «Здравствуй, сказка» А. Королёвой, предназначенного, в основном, для детей в возрасте 9 и 10 лет [Koroľová 2014].

Самый распространенный и единственный национальный учебник русского языка для основных школ – «*Ruský jazyk*» – был создан еще до 1989 г. Е. Ковачиковой, в 1997–2002 гг был обновлен вторским коллективом в составе Е. Ковачиковой и В. Глендовой, а в 2011 г. обогащен разнообразными иллюстрациями. В УМК входят также рабочие листы и звукозаписи. На основе комплекса учебников «*Ruský jazyk*» было создано собрание учебников «*Hravá ruština*».

На словацком рынке учебных материалов по русскому языку в основных школах есть также три иностранных комплекса. Это популярный в Чехии комплекс учебников «Поехали» (K. Eibenová, Z. Liptáková, J. Šaroch и H. Žofková), изданный в 2002 г., польский учебник «Эхо 1» (2010) и «Эхо 2» (2011) (B. Gawecka-Ajchel), а также комплекс учебников, изданный в России, – «Времена» (Е. Хамраева, Е. Иванова и R. Broniarz). Однако все же в выборе учебников в словацких школах предпочтение отдается комплексу, созданному словацкими авторами как отражающему национальную специфику, содержащему ценную культурологическую информацию, наиболее хорошо иллюстрированному.

Для средних школ в Словакии существует 6 учебников, из них 3 национальных. Основным является учебный комплекс «Встречи с Россией» (авторы Eva Kollarova и Н.Б. Трушина) (1996 и 1998 гг.). Он носит ярко выраженный культурологический характер, апеллирует к межпредметным связям русского языка с музыкой, изобразительным искусством, театром, этикой, эстетикой, географией, словацким языком. Учебник используется и студентами вузов, будущими преподавателями русского языка. Учитывая требование времени, в настоящее время авторы создают цифровую версию этого учебника.

Учебник русского языка «Да!» (E. Ondrejčeková и E. Dekanová; 2006) представляет собой интенсивный курс русского языка и основан на идее творческого общения как предпосылки и цели практического освоения иностранного языка. Третий национальный учебник – учебное пособие «Русский – Экзамен – Туризм» (O. Králiková, Л.В. Трушина и Т.Г. Волкова; 2013) – предназначен для средних профессиональных учебных заведений, ориентированных на рынок, бизнес и туризм, т. е. создан с учетом потребностей рынка. Активно используются в словацких школах и чешские УМК по русскому языку: «Радуга» и «Радуга по-новому» (S. Jelínek и др.; 2007–2011), а также «Класс!» (N. Orlová и др.; 2010–2012).

Перспективы обучения русскому языку в Словакии видят в ориентации на русскоязычное образование, на культурологический характер этого процесса. Здесь возникла и получила широкую поддержку идея так называемого *zážitkové vyučovanie*, которая не имеет синонимичного названия в русской лингводидактике и может быть переведена на русский язык как «эмоциональное обучение», «обучение через впечатления, переживания». Главной целью при таком подходе к изучению русского языка является формирование духовно богатой личности, высокоэрудированного человека, способного к диалогу культур, человека, которому есть что сказать в этом диалоге на русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

Радкова А. Изучение русского языка в славяноязычных странах Евросоюза // Acta Universitatis Lodziensis / Folia Linguistica Rossica. 2017. 133 с.

Коренькова Т.В., Кореньков А.В., Краев А.Ю. Русский язык в Словакии // Russian Language in the Multilingual World / A. Nikunlassi. Helsinki: University of Helsinki, 2019. 401 с.

Корыченкова С. Система подготовки учителей русского языка в Чешской Республике – современное состояние, задачи и перспективы направления // Новая русистика. 2016. №2. С. 89–98.

Маркова Е.М. Специфика обучения русскому языку как второму иностранному в инославянской аудитории // Сб. статей IV Всеросс. научно-практ. конф. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 380–385.

Centrum vedecko-technických informácií Slovenskej republiky – Братислава, 2019 [Электронный ресурс]: https://www.cvtisr.sk/cvti-sr-vedecka-kniznica/informacie-o-skolstve/statistiky/statisticka-rocenka-publikacia.html?page_id=9580

DIGIPEDIA. Koncepcia informatizácie rezortu školstva s výhľadom do roku 2020 / Под ред. Ľ. Šimášek. Bratislava, 2013 [Электронный ресурс]: https://www.minedu.sk/data/att/4796.pdf

Koroľová A. Učebnica ruštiny. Čo s ňou? Bratislava: Metodicko-pedagogické centrum, 2014. 70 s.

Kvapil R. Od reálií k interkultúrnej kompetencii učiteľa-rusistu. Bratislava: MPC, 2014. 55 s.

MINEDU. Najväčšou zmenou vo vzdelávaní bude v novom školskom roku uvoľnenie výučby cudzieho jazyka. 2019 [Электронный ресурс]: https://www.minedu.sk/najvacsou-zmenou-vo-vzdelavani-bude-v-novom-skolskom-roku-uvolnenie-vyucby-cudzieho-jazyka/

Slovakia.mid.ru. Русский язык полезные ссылки. 2019. [Электронный ресурс]: https://slovakia.mid.ru/russkij-azyk-poleznye-ssylki

О.Б. Трубина
Российский государственный гуманитарный университет

Русский язык в Италии: о состоянии и перспективах

O.B. Trubina
Russian State University for the Humanities

Russian Language in Italy: on the State and Prospects

Для русских Италия имела и имеет особое значение. Относительно заметная миграция русских в Италию началась еще в XIX в. Русскую эмиграцию в эту страну можно разделить на семь основных этапов: первый 1825–1905 гг. (декабрист З.Г. Чернышев, граф Д.П. Бутурлин, семья Демидовых, получивших в Тоскане княжеский титул Сан-Донато, и другие; второй этап 1905–1913 гг. (В.М. Чернов и Б.В. Савинков), третий 1913–1917 гг. (княжна М.П. Енгалычева), четвертый 1917–1922 гг. (князья В.Ю. Голицын, А.М. Волконский, Ф.Ф. Юсупов, бывший Минский губернатор князь В.А. Друцкой-Соколинский, бывший Петроградский предводитель дворянства С.М. Сомов, контр-адмирал Л.Л. Иванов, генералы Н.А. Врангель, М.М. Кантакузен, В.И. Ромейко-Гурко, И.П. Астахов и многие другие), пятый 1922–1945 гг. (самый большой и известный), шестой 1970–1991 гг. (И. Бродский и другие) и седьмой – постсоветский период[1].

[1] *Нечаев С.Ю.* Русская Италия: https://culture.wikireading.ru/56675 (дата обращения: 04.04.2020).

Конечно, отношение к сохранению литературного русского языка отличается в разных «волнах миграции», при этом очевидна современная тенденция к «вхождению» русскоязычных в итальянское общество и культуру, снижение стремления сохранить свою «русскость», что объясняется изменением социальных и культурных характеристик русской миграции. Современная русскоязычная община в Италии «внутренне» весьма неоднородна. Во-первых, это так называемая «транснациональная диаспора»; во-вторых, она состоит из двух групп: людей старшего возраста, воспитанных в советское время, и молодых людей, которые родились в Италии или в России в постсоветский период. Для первой группы русский язык, безусловно, выражает их гражданскую и этническую идентичность, т. е. русский язык для них – это объединяющий культурный элемент; для второй группы русская культура и русский язык не являются основной характеристикой личности и менталитета, для них основной язык общения – итальянский. По нашим наблюдениям и опросам (опрошено всего 27 человек), свою «русскость» молодые мигранты второй группы видят не только в связи с русским языком, но и в связи с русской культурой и менталитетом, русский язык при этом они ставят на первое место; но их отношение к тому факту, что они говорят по-русски, неоднородно: есть те, кто гордится этим фактом (33 % опрошенных), есть те, кто этого стыдится (15 %), некоторые видят в этом преимущество (33 %) или определенные сложности (19 %). По-русски они чаще всего говорят в семье, за пределами которой стремятся общаться по-итальянски.

Кроме того, по нашим наблюдениям, русские мигранты в Италии не стремятся «влиться в среду русскоговорящих». Большинство русских в Италии не ищут общества русскоязычных (около 80 % опрошенных), в первую очередь это относятся к детям мигрантов, выросшим в Италии, и к ми-

грантам младше 30 лет. Таким образом, в настоящее время подтверждается сохранение тенденции, отмеченной в работе М. Перотто[1]. Стоит заметить, что респонденты, относящиеся к современному молодому поколению, подтверждают, что читают книги, журналы и газеты на русском языке редко – 80 %, никогда – 12 %, часто – 8 %, несмотря на то что русские журналы и газеты для них доступны. Важно отметить, что издание журналов и газет на русском языке в Италии имеет исторические корни, например можно упомянуть такие журналы: «В добрый час» (Рим, 1949–1957), «В пути» (Рим, 1955–1990), «Заметки Русской духовной академии в Риме» (Рим, 1935–1940). «Младоросский очаг» (Рим, 1937–1939), «На заре» (Милан, 1921), «Наша жизнь» (Рим, 1936), «Новая Европа» (М.; Бергамо; Милан, 1992…), «Новая партия» (Рим, 1967–1993), «Россия» (Торино, 1974–1987, «Венеция», 1991–1993), «Русский голос в Риме» (Рим, 1979–1981) и др.

Италию относят к экономически благополучным странам ЕС, но при этом отмечают, что уровень жизни людей здесь несколько ниже общеевропейского. Итальянская республика для мигрантов из РФ, несмотря на сложное экономическое положение, привлекательна по нескольким критериям: климат, итальянский менталитет и итальянская культура, богатство традиционной итальянской кухни. Несмотря на то что страна достаточно популярна в среде россиян, на количестве мигрантов из России этот факт не отразился. Численность русских в Италии (по данным на 2009 г.) всего 25 786 человек, что составляет 0,6 % от общего числа легальных мигрантов. Это значительно меньше украинцев (174 129 человек – 4,1 %) и молдаван (105 600 человек – 2,5 %)[2]. По данным принимающей сторо-

[1] *Перотто М.* Два поколения русскоязычных в Италии: условия сохранения и утраты языка. Русский язык зарубежья. СПб.: Златоуст, 2013. С. 237–258.

[2] *Перотто М.* Два поколения русскоязычных в Италии: условия сохранения и утраты языка. Русский язык зарубежья. С. 237–258.

ны о легальных мигрантах в 2019 г. в Италию прибыло из РФ 287 человек, считающих себя русскими, при этом выбыло – 380. В 2018 г., соответственно, прибыло – 425, выбыло – 444 человека. Небольшое число русских мигрантов в Италии объясняется экономическим и социальным устройством Итальянской республики, в которой затруднена полноценная профессиональная интеграция иностранцев. В свою очередь, это обусловлено не только экономически, политически, но и культурно-исторически. Италия, пережившая после Первой мировой войны несколько «миграционных волн», законодательно обезопасила своих граждан и их экономическое благополучие различными барьерами для иностранцев при получении образования, социальных льгот и устройстве на работу. Но сформированная веками тесная связь России и Италии играет и в настоящее время свою важную роль. Старейшие крупные общины русских в Италии находятся в Турине и Милане. В Милане в 1979 г. создана Ассоциация русских соотечественников – важный и крупный в настоящее времени канал культурного и научного обмена. В Турине 30 лет действует ассоциация «Землячество», цель которой – сохранение русского языка, традиций и культуры России, а также сотрудничество с институциями итальянской власти, средствами массовой информации, поддержка постоянных контактов с представительством Россотрудничества в Риме и с Генеральным Консульством Российской Федерации в Милане. Русские общины существуют в других городах страны. В г. Абруццо существует Ассоциация Италия – Россия «Абрус», в г. Бари – известный центр русской культуры, в Венеции – культурная ассоциация «Апрель», а в Риме – Союз русских соотечественников. Основная цель подобных организаций заключается в том, чтобы организовать связь между соотечественниками, поддерживать их интерес к русскому языку и русской куль-

туре, для чего организуют курсы русского языка, где учатся дети мигрантов, различные фестивали и акции. При этом необходимо отметить, что «русских» районов в итальянских городах не существует, как не существует и такого феномена, как «русская диаспора». В этом отличие русской общины в Италии от аналогичной в США или Израиле.

Итальянское законодательство в сфере языковой политики гарантирует сохранность малых языков. В качестве официальной языковой политики декларируется сохранение и развитие малых языков. В отношении национальных меньшинств гарантировано уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям всех национальностей и этнических групп, создание всех возможных условий, необходимых для их развития. Но это современная тенденция. Как известно, национальное единство страна приобрела в 1861 г. в результате движения за объединение Италии (Risorgimento). После образования Итальянского государства встал вопрос формирования единого национального языка[1]. Известный писатель и ученый Алессандро Мандзони был одним из первых, кто занялся решением вопроса о статусе итальянского языка на объединенной территории, его сохранении и укреплении позиций. По его мнению, корни итальянского языка нужно искать исключительно во Флоренции, в городе, в котором используется диалект, понимаемый всем городским населением. Он сделал попытку определить соотношение итальянского языка и диалектов, квалифицировать существующие диалекты и региональные говоры, определить статус «малых» и иностранных языков[2]. При этом в ходе итальянизации всячески искоренялось иностранное влияние на итальянский язык.

[1] *Челышева И.И.* Современное лингвистическое законодательство Италии // Решение национально-языковых вопросов в современном мире / Под ред. Е.П. Челышева. М.; СПб.: Златоуст, 2003. С. 161–169.

[2] *Manzoni A.* Scritti linguistici. Milano, 1972.

В настоящее время Конституция Итальянской республики декларирует равноправие граждан независимо от их языковой и этнической принадлежности, гарантирует защиту языковых меньшинств с помощью соответствующих норм. Таким образом, необходимо заметить, что языковая политика Италии не является частью политики «плавильного котла», проводимой, например, в США и Израиле. Русский язык, имеющий в Италии статус иностранного, языка этнического меньшинства.

В последние несколько лет в Италии возрастает интерес к изучению итальянцами русского языка, наряду с китайским и арабским, при этом спрос на изучение английского языка несколько снижается. Возраст людей, желающих изучать русский, – от 25 до 50 лет, что доказывает, что большинство итальянцев хотят изучать русский язык за пределами образовательных программ курсов школ и вузов. Интерес итальянцев к русскому языку экономически мотивирован, но больше на уровне коммерческих интересов частных компаний и индивидуальных предпринимателей, что обусловлено сложностью современной политической и экономической ситуации. Кроме того важно отметить, что изучение итальянцами русского языка происходит на фоне недостаточной информированности итальянцев в вопросах русской истории и культуры (в качестве примера можно привести рассказ девушки-итальянки об опыте изучения русского языка в университете г. Венеция: https://www.youtube.com/watch?v=QXvrz1CkkoM).

Таким образом, можно констатировать, что укрепление позиций русского языка в Италии на разных уровнях является важнейшим элементом расширения межгосударственных связей, развития гуманитарных отношений и продвижения русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нечаев С.Ю.* Русская Италия. [Электронный ресурс]: https://culture.wikireading.ru/56675 (дата обращения: 04.04.2020).

2. *Перотто М.* Два поколения русскоязычных в Италии: условия сохранения и утраты языка. Русский язык зарубежья. СПб.: Златоуст, 2013. С. 237–258.

3. *Челышева И.И.* Современное лингвистическое законодательство Италии // Решение национально-языковых вопросов в современном мире / Под ред. Е.П. Челышева. М.; СПб.: Златоуст, 2003. С. 161–169.

4. *Manzoni A.* Scritti linguistici. Milano, 1972.

Ян Юнья
Шэньсийский Педагогический Университет (КНР)

Русский язык в Китае (краткий анализ)

Yang Yunya
Shaanxi Normal University

Russian Language in China (brief review)

«В современных условиях развития политической и социально-экономической ситуации в мире Россия и Китай вышли на новый уровень взаимоотношений» [Топоркова 2015], и в то же время отношения между двумя странами становятся более тесными и близкими.

По мере развития экономики КНР Китай играет все более важную роль в международном сообществе. Россия для Китая является одним из главных торговых партне-

ров. «Российско-китайские многосторонние связи, в первую очередь торговые, обеспечивают интерес к изучению русского языка со стороны китайских студентов» [Голик 2016], Россия – важный партнер Китая, поэтому для многих китайцев, чтобы общаться с русскими, создавать крепкие экономические отношения с ними, необходимо владеть русским языком и знать русскую культуру, более активно развивать межкультурную коммуникацию.

Во многих университетах Китая существуют такие специальности, как русский язык и русская литература, все больше и больше людей выбирают эти специальности, чтобы узнать русскую литературу и культуру, и в то же время, самое главное, они хотят владеть русским языком, благодаря которому смогут лучше понимать русскую литературу и культуру; после окончания университета они имеют возможность устроиться на работу по специальности, например в области международной торговли, преподования русского языка и т. д.

Если говорить о ситуации русского языка в китайских школах, в некоторых китайских провинциях (например, Шаньдун, Хэнань и т. д.) уже созданы школы, в которых преподают русский язык школьникам. Очевидно, что русский язык постепенно распространяется на территории Китая, и с каждым годом все больше школьников и абитуриентов связывают свою жизнь с русским языком и проявляют интерес к русскому языку и русской культуре. Китайцы с большим энтузиазмом окружают себя русской культурой. В последние годы в Китае вышли в прокат многие русские фильмы, например: «Лед», «Как я стал русским» и т. д.

В Китае многие люди уже знакомы с такими литературными произведениями, как повесть А.Н. Островского «Как закалялась сталь», «Мать» М. Горького и многие другие; из этого можно сделать вывод, что советская литература

произвела сильное впечатление на многих китайцев. Кроме того, у России и Китая существуют общие политические интересы, и это тоже является важным фактором того, что многие выбирают русский язык и любят русскую литературу.

Также с распространением выдвинутой концепции «Один пояс, один путь» Россия и Китай более тесно сотрудничают и прилагают все усилия, чтобы обе страны играли более весомую роль на международной арене. Сотрудничество между Россией и Китаем в разных областях успешно прогрессирует, например в области образования: 4 ноября 2017 г. были официально учреждены «Альянс по образованию учителей Шелкового пути», «Альянс гуманитарных и социальных наук Шелкового пути» и «Альянс по изданию книг и архивов Шелкового пути», инициированный Шэньсийским педагогическим университетом.

Русский как иностранный язык, безусловно, играет важную роль и для тех, кто интересуется русской литературой, культурой и даже самим русским языком, для таких людей русский язык является зеркалом, которое точно выражает истинную суть русской культуры. Русский язык – мост для общения двух народов, и, безусловно, перед русским языком в Китае открываются хорошие перспективы и новые возможности.

ЛИТЕРАТУРА

Топоркова Е.П. Оценка роли русского языка в КНР в свете современного развития российско-китайских отношений // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 2. С. 77–81.

Голик М.Я. Русский язык в Китае: прошлое и настоящее // Филологические науки. Вопросы теории и практики 1997–2911. 2016. № 1–2(55). С. 108–110.

Е.А. Айсакова
МПГУ

Особенности абзацного членения рассказа А.П. Чехова «Гриша»

E.A. Aysakova
Moscow State Pedagogical University

Peculiarities of the Paragraph Division of the Story of A.P. Chekhov "Grisha"

Прозу Антона Павловича Чехова, признанного классика русской литературы, отличают краткость и лаконизм, поэтому каждое слово, каждая фраза в его произведениях является носителем определенной функции и имеет большое значение для целостного восприятия текста. Такое же большое значение для понимания текста может иметь членение текста на абзацы.

«Абзац (нем. *Absatz*, букв. 'отступ') – 1) отступ в начальной строке печатного или рукописного текста; 2) Компонент связного текста, состоящий из одной или нескольких фраз (предложений) и характеризующийся единством и законченностью содержания…»[1].

[1] Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 10.

Г.Я. Солганик определял абзац как «семантико-стилистическую категорию, служащую средством семантико-стилистического членения текста, выделения и графического оформления синтаксических единиц»[1]. Л.М. Лосева определила критерии выделения предложений в абзац: «во-первых, новизна информации… во-вторых, ее важность в масштабах всего текста и, в-третьих, невозможность дальнейшего представления новых сведений… из-за логической несовместимости» рядом стоящих предложений[2].

Исследователи языка художественной литературы (Л.М. Лосева, Г.Я. Солганик и др.) рассматривают абзац как композиционную единицу текста, источник языковых средств выразительности художественного произведения, который организует повествование в соответствии авторскими интенциями и, таким образом, может являться отличительной особенностью языка писателя.

Как правило, абзацная структура произведения позволяет автору подчеркнуть наиболее важные в смысловом отношении моменты, точно расставить акценты для правильного восприятия прочитанного, выразить собственное отношение к изображаемому.

Кроме того, в рамках абзацного членения текста может реализовываться и эмоционально-экспрессивная функция: автор может выстраивать градацию определенных характеристик, тем самым возвышая смысловое наполнение каждого последующего абзаца. Также при делении сложного синтаксического целого на абзацы-предложения создается определенный ритм произведения. Таким образом,

---

[1] *Солганик Г.Я.* Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для студ. филол. и жур. фак. высш. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. С. 286.

[2] *Лосева Л.М.* Межфразовая связь в текстах монологической речи: основные структурные модели, типы и принципы семантической организации: Автореферат дисс. … докт. филол. наук. Одесса, 1969. С. 14.

можно говорить о ритмической функции абзацного членения текста.

Абзацное членение текста – одно из самых субъективных средств изобразительности. Не существует определенных правил построения композиции произведения, поэтому деление текста на абзацы осуществляется только в связи с авторскими предпочтениями, а сам абзац как композиционно-стилистическая единица текста может являться отличительной особенностью языка писателя. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей абзацного членения рассказа А.П. Чехова «Гриша».

Для творчества А.П. Чехова характерно использование в качестве абзаца не только объемных текстовых фрагментов, но и одного-двух предложений, способных наиболее ярко и лаконично охарактеризовать объект наблюдения.

Абзацы, совпадающие по границам со сложным синтаксическим целым, используются автором для описания предмета или человека, места изображаемых событий:

> Гриша, маленький, пухлый мальчик, родившийся два года и восемь месяцев тому назад, гуляет с нянькой по бульвару. На нем длинный ватный бурнусик, шарф, большая шапка с мохнатой пуговкой и теплые калоши. Ему душно и жарко, а тут еще разгулявшееся апрельское солнце бьет прямо в глаза и щиплет веки[1].

В большинстве случаев при графическом отделении одного-двух предложений от сложного синтаксического целого смещается акцент; автор намеренно пытается подчеркнуть ценную для него подробность. Так, начав рассказ о Грише, его возрасте, одежде и первом выходе на прогулку, автор отделяет одно предложение от сложного синтаксиче-

[1] Произведение Чехова здесь и далее по всему тексту цитируется по: *Чехов А.П.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М.: Изд-во художественной литературы, 1960.

ского целого, выразив впечатление, производимое мальчиком на окружающих:

> Вся его неуклюжая, робко, неуверенно шагающая фигура выражает крайнее недоумение.

Последнее предложение, выделенное в абзац, – точнее, сделанный на нем акцент, – кардинально меняет значение первого абзаца. После описания мальчика и его жизни мы сосредотачиваемся на его чувстве недоумения перед новой жизнью.

Особенность рассказов Чехова в том, что речь автора часто переходит в речь его героев. Довольно трудно определить, принадлежат слова повествователю или становятся словами героя рассказа. Исследователи отмечают, что в прозе Чехова мы часто встречаемся с «текстовой интерференцией, когда в одном высказывании совмещены два голоса, два мировоззрения, две речевых манеры – повествователя и персонажа»[1]. В данном рассказе автор представляет нам двух наблюдателей: рассказчика и самого маленького Гришу, с удивлением встречающего реалии большого мира.

Голос персонажа (Гриши) вплетен в речь рассказчика, и только абзацное членение текста помогает нам отделить речь повествователя от персонажа, см., например:

> Вдруг он слышит страшный топот... По бульвару, мерно шагая, двигается прямо на него толпа солдат с красными лицами и с банными вениками под мышкой. Гриша весь холодеет от ужаса и глядит вопросительно на няньку: не опасно ли? Но нянька не бежит и не плачет, значит, не опасно. Гриша провожает глазами солдат и сам начинает шагать им в такт.
>
> Через бульвар перебегают две большие кошки с длинными мордами, с высунутыми языками и с задранными вверх хвостами. Гриша думает, что и ему тоже нужно бежать, и бежит за кошками.

[1] *Моргулева О.М.* Формы авторского повествования в прозе А.П. Чехова конца 80-х – 900-х гг.: Автореферат дисс. … канд. филол. наук. М., 2005. С. 5.

Как уже было отмечено исследователями, художественные произведения Чехова наполнены юмором, а сюжеты многих его рассказов – это анекдотичные, иногда даже абсурдные ситуации, в которых оказываются его герои. В данном случае юмор ситуации создает прием остранения, когда реальный мир показан читателю через взгляд маленького мальчика.

В рассказе «Гриша», состоящем из небольших абзацев, выделяется третий абзац, несоразмерно большой по сравнению с другими частями текста. В нем сосредоточен почти весь мир мальчика Гриши, который в сознательном возрасте ранее не выходил на улицу. Данный отрезок текста не разделен на абзацы, что подчеркивает цельность мира ребенка, в то же время этот единственный в произведении крупный абзац своим размером противопоставлен всему объему текста, раздробленному на абзацы-впечатления, поэтому сам этот мир маленького мальчика оказывается совсем небольшим.

Обилие впечатлений во время первой сознательной прогулки, быстрая смена объектов внимания на бульваре переданы с помощью череды кратких абзацев, состоящих из одного двух предложений, см., например:

> Вот какая-то няня сидит и держит маленькое корыто с апельсинами. Гриша проходит мимо нее и молча берет себе один апельсин.
>
> – Это ты зачем же? – кричит его спутница, хлопая его по руке и вырывая апельсин. – Дурак!
>
> Теперь Гриша с удовольствием бы поднял стеклышко, которое валяется под ногами и сверкает, как лампадка, но он боится, что его опять ударят по руке.
>
> – Мое вам почтение! – слышит вдруг Гриша почти над самым ухом чей-то громкий, густой голос и видит высокого человека со светлыми пуговицами.

Автору важно не описать предметы как цельные объекты, а именно отобразить то впечатление, которое они производят на маленького мальчика.

Единое повествование в рассказе Чехова может дробиться на несколько абзацев с целью отразить последовательное «нарастание» абсурда в мире, окружающем главного героя. Каждый абзац, таким образом, все более усиливает чувства мальчика, «распираемого впечатлениями»:

> Кухарка и нянька целуются и вместе с человеком садятся на скамью и начинают говорить тихо. Грише, окутанному, становится невыносимо жарко и душно.
>
> «Отчего бы это?» – думает он, оглядываясь.
>
> Видит он темный потолок, ухват с двумя рогами, печку, которая глядит большим, черным дуплом...
>
> – Ма-а-ма! – тянет он.
>
> – Ну, ну, ну! – кричит нянька. – Подождешь!

Как видим, выбор абзацного членения текста обусловлен авторским замыслом: Чехов как будто выстраивает градацию впечатлений – от блестящего солнца, которое светило на бульваре, до страшной печи с большим черным дуплом. Повествование будто бы движется по восходящей, в конечном итоге достигая кульминации, своего апогея, когда у Гриши начинается жар.

Особый юмор рассказу придает последний абзац, состоящий из одного предложения. Большой и разнообразный мир, стекло, лошади, кошки, шум экипажей, блеск солнца, светлые пуговицы и страшная печь – все образы сменяются неожиданно обыденным объектом – ложкой касторки:

> – Печка! – плачет Гриша. – Пошла отсюда, печка!
>
> – Вероятно, покушал лишнее... – решает мама.
>
> И Гриша, распираемый впечатлениями новой, только что изведанной жизни, получает от мамы ложку касторки.

Так остроумно и в то же время обыденно заканчивается день для маленького мальчика и рассказ – для читателя. Последнее предложение намеренно выделено в отдельный

абзац с целью подчеркнуть юмор ситуации, сменить кадр и перейти от восприятия мира Гришей к самому рассказчику, вывести внимание читателя за пределы изображаемого на новый уровень осмысления текста.

В рассказе Чехова «Гриша» доминируют короткие абзацы, включающие в себя лишь часть определенной микротемы. Подобное абзацное членение текста решает ряд стилистических задач: позволяет автору подчеркнуть наиболее важные в смысловом отношении моменты, точно расставить акценты для правильного восприятия прочитанного, отразить внутренний мир ребенка, воспроизвести его чувства и мысли.

Абзацы в рассказе Чехова «Гриша» органично вплетаются в композицию произведения, образуя тем самым смысловое и грамматическое единство. Данная композиционно-стилистическая единица текста организует повествование в соответствии с авторскими интенциями и создает смысловой ритм произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лосева Л.М.* Межфразовая связь в текстах монологической речи: основные структурные модели, типы и принципы семантической организации: Автореферат дисс. … докт. филол. наук. Одесса, 1969. 20 с.

2. *Моргулева О.М.* Формы авторского повествования в прозе А.П. Чехова конца 80-х – 900-х гг.: Автореферат дисс. … канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.

3. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.

4. *Солганик Г.Я.* Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для студ. филол. и жур. фак. высш. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.

5. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М.: Изд-во художественной литературы, 1960.

Ранджана Банерджи
Центр русских исследований
Университет имени Джавахарлала Неру

Можем ли бросить русских писателей-классиков с парохода современности?

Ranjana Banerjee
Centre of Russian Studies
Jawaharlal Nehru University

Could We throw the Russian Classics Writers from the Ship of Modernity?

В начале прошлого века русские футуристы громко заявили в своем манифесте «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. с парохода современности»[1]. Однако литературный «пароход современности» не мог двигаться вперед без опоры на русскую классику. Русские писатели-классики оставили глубокий отпечаток на многих писателях последующего периода. Ровесники поэтов-футуристов Анна Ахматова и Марина Цветаева восхищались Александром Пушкиным и посвятили многие стихотворения этому великому поэту. Некоторые стихотворения Ахматовой написаны в духе пушкинской традиции. Влияние

[1] Пощечина общественному вкусу. Сборник. Москва. 1912 // Онлайн-энциклопедия русского авангарда: rusavangard.ru (дата обращения: 03.05.2020).

Феодора Достоевского заметно в прозе Михаила Булгакова, который считал себя учеником Ф. Достоевского[1]. Александр Солженицын говорил о литературной близости ему Льва Толстого[2]. Прозаическая работа Зощенко носит отпечаток Гоголя и Чехова, что отметил поэт Сергей Есенин[3]. Чеховскую традицию, можно сказать, продолжал также Василий Шукшин. Это только некоторые из многочисленных примеров.

Труды классиков часто упоминаются в художественных работах писателей постсоветского периода. Произведения постмодернизма во многом опираются на творчество классиков. Хотя восприятия бывают очень часто не интегральные, а дифференциальные, все же обращение к классической литературе сквозь столетия только доказывает ее значимость. Данное влияние заметно как в женской прозе, так и в других жанрах. «Пушкинский Дом» Андрея Битова, «Андеграунд, или Герой нашего времени» Владимира Маканина, «Пиковая дама» Людмилы Улицкой, «Дама с собаками», «Три девушки в голубом» Людмилы Петрушевской в ряду многочисленных примеров.

Влияние писателей классиков не ограничивается рамками советского пространства. Они продолжают оказывать влияние на писателей других стран. Многие из русских писателей-классиков внесли вклад в развитие индийской литературы и также повлияли на формирование общественно-политических взглядов писателей и общественных деятелей.

Общеизвестно, что Махатма Ганди был поклонником учения Льва Толстого о непротивлении злу насилием. При-

---

[1] *Суздальцева Н.* Достоевский и Булгаков. Отношение к христианству: https://proza.ru/2013/11/04/742 (дата обращения: 30.04.2020).

[2] *Аксючиц В.* Горизонты Александра Солженицына: https://pravoslavie.ru/1393.html (дата обращения: 30.04.2020).

[3] *Томашевский Ю.* Смех Михаила Зощенко // Зощенко М.М. Рассказы и фельетоны. 1922–1945. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 5.

меняя толстовскую философию, он ввел сатьяграха (пассивное сопротивление) против британских колонизаторов без всякого насилия.

Лев Толстой оказал огромное воздействие на ряд крупных индийских писателей, таких как Шоротчондро Чоттопадхай, Мунши Премчанд, Кхандекар, Паниграхи, Джайнендро Кумар и др. Они учились у великого русского писателя искусству проникновения во внутренний мир человека, особой форме психологического анализа, ‘диалектике души’. Как отмечает выдающийся индолог, академик Евгений Челышев, «никто из русских писателей не оказал такого плодотворного влияния на литературу, на духовную жизнь Индии, как Толстой»[1]. Причина этого, видимо, состоит в следующем: взгляды Толстого в значительной степени формировались под влиянием буддистской философии, вследствие чего они были близки и понятны индийцам. Интересно по этому поводу суждение индийского писателя Бхисма Сахни, который отмечает, что в голосе Толстого индийцы улавливают многие знакомые им ноты, что делает его более близким[2]. Несомненно, идеи непротивление злу насилием, или универсальной любви, являются неотъемлемой частью индийской духовной традиции. Другая толстовская тема, которая получила большой отклик среди индийских писателей, – это крестьянская тема. Ведь Индия, как и Россия, тоже была феодальной страной, что делает данную тему созвучной Индии.

Произведения Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Записки из подполья», «Двойник», «Белые ночи» не чужды индийскому читательскому миру. Экзистенциальная тема этого автора, тема униженного и оскорбленного произвели особое впечатление на интеллигенцию

[1] *Челышев Е.П.* Лев Толстой и индийская литература // Русская классика в странах Восток. М.: Наука, 1962. С. 35.

[2] *Сахни В.* Толстой и Индия // Удбодхон. Нью-Дели, 1978. №3. Окт. С. 15.

Индии, особенно на молодежь. Основание популярности Достоевского в Индии Академик Челышев видит, в основном, в социальной заостренности творчества Достоевского и его страстной защите униженных и оскорбленных[1].

Следует отметить неоднократную экранизацию повести Достоевского «Белые ночи». С 1960 г. она была четыре раза экранизирована в Боливуде (ассоциируется с киноиндустрией языка хинди), среди которых последние три были сняты в начале XXI в. Это свидетельствует о том, что творчество Достоевского не теряет своег значения и в настоящее время.

Основные вопросы, поставленные Иваном Тургеневым в романе «Отцы и дети», являются очень актуальными для каждого переходного периода. Особенно эти вопросы актуальны для Индии, где борьба между консервативным феодальным и либеральным лагерями еще продолжается. Созвучна Индии антикрепостническая тема, которая проходит через многие произведения Тургенева.

Русский писатель, завоевавший огромную популярность вслед за Толстым в Индии, – Антон Чехов. Мастер короткого рассказа, Чехов привлекал внимание прогрессивных писателей Индии в тридцатых годах прошлого века. Многие индийские литераторы говорят о заметном влиянии Чехова на известного писателя хинди Премчанда. По данному поводу известный индолог А.П. Баранников говорит следующее: «Подобно Чехову, значительная часть рассказов которого переведена на ряд современных индийских языков, Премчанд изображает ничем не выдающихся, средних людей в простой, повседневной, прозаической обстановке, и тем отчетливее выступают язвы, разъедающие современную Индию, особенно индийскую деревню»[2].

[1] *Челышев Е.* Индийская литература вчера и сегодня. М.: Художественная литература, 1989. С. 326.

[2] *Баранников А.П.* «Саптасародж» Премчанда // Индийская филология. Литературоведение. М., 1959. С. 9–10.

Проблема бюрократии, маленького человека, сложности человеческих отношений являются вечными проблемами. «Душечка», «Дама с собачкой», «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Хамелеон», «О любви» и многие другие очень актуальны в индийском контексте и сейчас. Неудивительно, что его рассказы и пьесы до сих пор являются довольно популярными в Индии не только у читателей, но и в театральной среде. Постановки его рассказов и пьес пользуются популярностью до сих пор.

Следует отметить вклад еще одного писателя, Максима Горького, который своим творчеством оставил свой след в истории литературы России, а также и других стран. Бесспорно, труды Горького, особенно роман «Мать», произвели особое впечатление на многих писателей и государственных деятелей и способствовали тому, что писатели Индии в своих трудах выступили против тирании Британских колонизаторов и колониального гнета. Под влиянием Горького в Индии зародилось литературное движение Прагатибад (прогрессивность) и было заимствована важная идея из романа Горького – идея права человека и универсального материнства, которая находит свое отражение в произведениях индийских писателей.

В настоящее время, с развитием женской прозы, роман Горького рассматривается с точки зрения женского вопроса. «Мать» рассматривается как выступление против притеснения женщин, против патриархального общественного строя.

Пушкинская тема лишнего человека разработана некоторыми знаменитыми писателями Индии, однако нет прямых сведений о влиянии Пушкина. Влияние гения русской литературы Александра Пушкина на писателя индийской земли отмечается именно в конце XX в. в популярном романе известного англоязычного писателя Викрама Сета, «Золотые ворота». Сам автор признавался, что он стал пи-

сателем благодаря Пушкину. «Я никогда бы не стал писателем, если бы не “Евгений Онегин” в прекрасном переводе Чарльза Джонстона», – отметил Сет[1].

Влияние русской классики не являлось своеобразной чертой литературы Индии. Аналогичные примеры можно найти даже в литературе других наций.

Упоминая вклад русских писателей в мировую сокровищницу, бенгальский писатель Шоротчондро отметил в своем очерке: «Литература, искусство и безнравственность», что «только тогда, когда писатели этой страны безграничного горя и несчастья, пожертвовав своим самолюбием, как и русские писатели, обратят внимание на жизнь низов общества, разделят их страдание, только тогда они сумеют занять достойное место не только в литературе своей страны, но и в мировой литературе»[2].

Несомненно, подлинное искусство не ограничивается временными рамками. Оно вневременное, внепространственное и, переходя границу, ассимилируется в литературном процессе другой страны и тем самым помогает литературному кораблю продвигаться вперед.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранников А.П.* «Саптасародж» Премчанда // Индийская филология. Литературоведение. М., 1959. С. 9–10.

2. *Аксючиц В.* Горизонты Александра Солженицына: https://pravoslavie.ru/1393.html (дата обращения: 30.04.2020).

3. *Суздальцева Н.* Достоевский и Булгаков. Отношение к христианству: https://proza.ru/2013/11/04/742 (дата обращения: 30.04.2020).

[1] *Солодовникова Д.Н.* Онегинские строфы Викрама Сета // Текст в культурно-историческом контексте: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. унт-та, 2005. С. 127–143: http://elar.urfu.ru/handle/10995/31375 (дата обращения: 01.05.2020).

[2] Шоротрочонаболи // Шоротчондро. Собр. соч. Т. 5. Калькутта, 1977. С. 545.

4. *Солодовникова Д.Н.* Онегинские строфы Викрама Сета // Текст в культурно-историческом контексте: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. унт-та, 2005. С. 127–143: http://elar.urfu.ru/handle/10995/31375 (дата обращения: 01.05.2020).

5. Пощечина общественному вкусу. Сборник. Москва. 1912 // Онлайн-энциклопедия русского авангарда: rusavangard.ru (дата обращения: 03.05.2020).

6. *Сахни В.* Толстой и Индия // Удбодхон. Нью-Дели, 1978. № 3. Окт. С. 15.

7. *Томашевский Ю.* Смех Михаила Зощенко // Зощенко М.М. Рассказы и фельетоны. 1922–1945. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 5.

8. *Челышев Е.П. Лев Толстой и индийская литература // Русская классика в стр*анах Восток. М.: Наука, 1962. С. 35.

9. Шоротрочонаболи // Шоротчондро. Собр. соч. Т. 5. Калькутта, 1977. С. 545.

Л.Г. Горбунова
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Поэма «Агасвер» в контексте духовно-нравственных исканий В.К. Кюхельбекера

L.G. Gorbunova
National Research Saratov State University

The Poem “Agasver” in the Context of Spiritual and Moral Search of V.K. Kuchelbecker

Литературное наследие В.К. Кюхельбекера 1830–1840-х гг., периода заточения и ссылки, можно рассматривать как единый смысловой текст – в соотнесенности с напряженными

духовно-нравственными исканиями поэта. Работа над крупными произведениями обычно была длительной и шла, по преимуществу, параллельно, что неизбежно проявлялось в общности проблематики, основных тем, идей, мотивов, утверждении вневременных ценностей и пафосе поисков, познания, обретения истины как высшего нравственного закона. Религиозная вера – важный компонент структуры художественного сознания Кюхельбекера, – в 1830–1840-е гг. во многом определяет направление и содержание его нравственно-философских и эстетических исканий. Вера была органична для поэта, убежденного, что «человеку в душу вложена потребность веровать»[1]. С годами религиозное чувство Кюхельбекера усиливалось, что связано было, как очевидно, с обстоятельствами жизни, трагизмом судьбы поэта, но имело и иные корни – в самой кризисной эпохе, сложно переживавшейся поздними декабристами. Усиление его религиозности можно рассматривать и в русле общей эволюции романтического сознания. По наблюдению Ф.З. Кануновой, «религиозное сознание художника позднего романтизма освобождало от абсолютизации причинно-следственной зависимости. Социально-исторический детерминизм дополнялся и заменялся детерминированностью человеческого бытия высшим нравственным законом»[2]. О напряженной духовной жизни свидетельствует «Дневник» (1832–1845) Кюхельбекера. К концу жизни его автор приходит к мысли, что «самые простые вопросы без веры неразрешимы» (2 апреля 1845 г.)[3]. Вместе с тем характер и эмоциональный тон дневниковых записей свидетельствуют о мучительных раздумьях и сомнениях поэ-

[1] *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 552.
[2] *Канунова Ф.З.* Проблема взаимодействия онтологии и поэтики в поэтическом завещании В.А. Жуковского («Странствующий жид») // Проблемы литературных жанров: Материалы X Международной научной конференции (15–17 октября 2001 г.). Ч. 1. Томск: Томский гос. ун-т, 2002. С. 101.
[3] *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 423.

та-узника. Чувствуется постоянное стремление укрепиться в вере, чтобы успокоить «тоскующее сердце». Их отголоском звучит, например, глубоко прочувствованное суждение: «Не по гордости – так полагаю я – страдалец Руссо отвергал утешение религии; он, смею думать я, принадлежит к тем злополучным, о которых, когда их безверие простирается еще дальше Жан-Жакова, Пушкин говорит: их “ум ищет божества, а сердце не находит” –Такое безверие ужасно, но оно более болезнь, несчастие, нежели – преступление» (23 июля 1833 г.)[1]. Десять лет спустя в горькую минуту он признается, что в его измученной душе нет уже места ни вере, ни безверию: «Сегодня годовщина матушкиной кончины, а я не могу найти в груди своей ни одного живого чувства, ни скорби, ни надежды на свиданье в лучшем мире, ни даже отчаяния, безверия… Сердце окаменело: бьешь в него, требуешь от него воды живой, сладких, горьких слез, – а сыплются только искры, суеверные приметы…» (26 марта 1844 г.)[2].

Вера Кюхельбекера, как можно предположить, основана на убеждении в ее необходимости как основе существования. Идея Бога ему представляется средством объяснения происхождения и сущности мироздания, а также силой, вносящей порядок в неустроенный мир: «Вера в премудрую, преблагую, всемогущую самобытную причину вселенной столь же необходима мне, сколь необходима вера в собственное существование. Без той и другой я совершенно теряюсь в хаосе; без них единственным моим спасением из бездны отчаяния может быть только смерть или безумие» (6 января 1835 г.)[3]. Кюхельбекер, узник одиночной камеры, оторванный от мира, в религии видел единственно реальную для себя опору в поисках ответов на мучившие его вопросы о смысле бытия, о предназначении человека. Содер-

[1] *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 261.
[2] *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 418.
[3] *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. С. 348.

жание размышлений поэта на страницах «Дневника» многое объясняет в самом характере звучания мотива веры / безверия, существенного в художественной структуре произведений разных жанров: драме-мистерии «Ижорский», романе «Последний Колонна», поэмах «Юрий и Ксения», «Семь спящих отроков», «Сирота», «Агасвер». Значение веры, по мысли автора, в самой ее природе, ведь «ее устами говорит творец» (Агасвер); «…единой вере власть дана В виду глухого, гробового сна Спокоить, укрепить, утешить душу: Блажен, чей вождь в селенье звезд она!»[1]

Осмыслением истины высшей проникнута поэма на библейский сюжет «Зоровавель» (1831): истина – это Бог, и «Бог истины благословен!» – славит ее герой[2]. Идеал веры и высокого служения истине утверждается в поэме на основе христианской легенды «Семь спящих отроков» (1831–1835), побуждая к раздумьям о вечности и бессмертии в широком звучании.

Важными в контексте духовно-нравственных исканий Кюхельбекера представляются размышления поэта о судьбах мира и человека в масштабной по замыслу историко-философской поэме «Агасвер» (1832–1846), над которой он работал до конца жизни. Фигура Агасфера, легенда о «вечном жиде» вызывали его устойчивый интерес. Работа над этой поэмой совпадает по времени с созданием романа «Последний Колонна» (1832–1845). Эпизод с Агасвером (Грауманном), предсказавшим герою судьбу Каина, является фантастическим фокусом произведения. Агасвер, лицо значимое, но эпизодическое в «Последнем Колонне», в одноименной поэме становится главным героем, точнее – антигероем. Его странствия из века в век, из государства в государство опре-

[1] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. Т.2. М.; Л.: Сов. писатель, 1967. С. 77.

[2] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. Т.1. М.; Л.: Сов. писатель, 1967. С. 498.

деляют общий фантастический колорит произведения и сюжетное движение в сменяющихся картинах (отрывках): Святая земля, Древний Рим, средневековая Германия, Франция времен революции 1789–1794 гг. В каждом из составляющих поэму отрывков богоотступничеству, безверию Агасвера противопоставлены примеры жертвенной стойкости истинных приверженцев Христа: юной мученицы Зои и ее жениха Аминта; Лютера; священнослужителей города Нанта времен якобинского террора, принявших мученическую смерть, но не отказавшихся от веры. Их поведение вызывает у Агасвера изумление, досаду, смущение и даже «тайный стыд» – в воспоминание о собственном поступке, – но не сочувствие и сострадание. Недобрый, предубежденный наблюдатель происходящего, периодически выступающий в роли провидца, врача, искусителя, Агасвер фактически среди тех, кто составляет беснующуюся, тупую, жестокую толпу, поддерживающую власть. Он был среди тех, кто отрекся от Христа, и далее, по логике произведения, «он включается в ту линию вольнодумцев, которая от саддукеев и римских светских мыслителей доходят до французских просветителей и якобинцев»[1].

Укрепленный в безверии самим Сатаной («Некто»), «окаменившем» его сердце, Агасвер не знает раскаяния в своем грехопадении. Но он несет бремя страшного наказания муками одиночества («ада одиночества») в бесконечно длящейся жизни. Агасвер, в интерпретации Кюхельбекера, – скептик, носитель разрушительной силы безверия как следствия ложно воспринятой христианской идеи. Причиной его гнева, озлобления, толкнувших на жестокий поступок по отношению к Иисусу, – обманутые ожидания. Он полагал, как и другие иудеи, что «Божий сын» совершит деяние в духе Маккавея:

«Венец Давида на себя возложит,
Шагнет – и власть языков уничтожит

[1] *Белова Н.М.* Творчество писателей-декабристов и русская литература первой половины XIX века. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2008. С. 116.

И свободит поруганный Сион».
…
«Он снимет плен с народа своего!»[1]

Однако Христос оказался «уз иного плена разрушитель»:

Не грозный вождь, не дерзостный воитель,
Пред коим в страхе обращают тыл
Полки врагов, – нет, скорбных утешитель,
Бессмертных истин кроткий возвеститель,
Недужных друг и врач больных сердец[2].
[подчеркнуто мною. – *Л.Г.*]

«Обожавший» в Христе «одну свою мечту», Агасвер отрекается от Спасителя, став частью его яростных гонителей. Лишь однажды он усомнился с своей правоте, пережив разрушение Иерусалима как Божью кару:

Он, может быть, и впрямь мессия,
И согрешили мы,
Что от сошедшего с небес в юдоль печали –
Да будет светом среди тьмы,
Владычества земного ожидали[3].

Расхожие же истины земной жизни формулирует главный критик и хулитель христианского учения Некто, собеседник Агасвера, уверяющий, что к «земному сын Земли стремиться должен», а это, прежде всего, власть и слава: «Богатство, сила, блеск почище вздоров книжных»[4]; «Вселенной правит случай или рок, Людьми же – похоть и желудок».[5] По мысли автора, Агасвер мог бы познать и «Божественную славу, которую дарует благодать», если бы не закоснел в гордыне:

---

[1] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 80.
[2] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 83.
[3] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 95.
[4] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 95.
[5] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 98.

Но гордым ли святую постигать?
Она земле в потеху и забаву[1].

Поэт пытается предположить, к какому итогу может привести человека жизнь бездуховная. В завершающем поэму «Окончательном отрывке» развернута эсхатологическая картина, в которой последний человек Земли, грешный, страдающий, отчаявшийся в одиночестве, готовый сам прервать свою жизнь, перед смертью находит неожиданного утешителя в лице Агасвера, с его тысячелетней мукой одиночества:

Без жизни пал в его объятья человек;
Тот молча на землю слагает труп недвижный;
На груду камней сел и взор подъял горе,
Навстречу дивной и таинственной заре,
Предвестнице, что сходит Непостижный[2].

И возникает «предчувствие догадки»: этим единственный раз проявленным милосердием и состраданием не засуживает ли и сам Агасвер милосердия? И не начало ли оно движению к некоему внутреннему перерождению? Сложившееся мнение о том, что «герой у Кюхельбекера статичен, совершенно бездвижен», нуждается, возможно, в коррективах[3]. Последняя поэма Кюхельбекера – это своего рода поэма-предупреждение и – предостережение человеку. Объясняя свой замысел в Предисловии к произведению, автор пишет: «…Если не прострем взора *об он пол гроба* [т. е. у края гроба. – *Л.Г.*] в область света, истины, духа, – мы никогда лучше Агасвера не постигнем святую правду Божию, и жре-

[1] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 102.
[2] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 138.
[3] *Канунова Ф.З.* Проблема взаимодействия онтологии и поэтики в поэтическом завещании В.А. Жуковского («Странствующий жид»). С. 103; *Ходанен Л.А.* Миф об Агасфере в творчестве русских романтиков // Проблемы литературных жанров: Материалы X Международной научной конференции (15–17 октября 2001 г.). Ч. 1. Томск: Томский гос. ун-т, 2002. С. 98.

бий наш при последнем часе нашей жизни непременно отчаяние, как скорбный жребий последнего человека, умирающего в Окончательном отрывке нашей поэмы в объятиях нетленного страшного странника»[1].

При общем сложном настроении поэмы, аккордом светлой надежды и упования звучат строки авторского лирического иносказания:

Но насылает Бог неистовые бури
Для очищения померкнувшей лазури;
И чудным образом, средь гроз, и зол, и бед,
Дух просыпается, и вот находит след,
Находит верную, надежную дорогу
Обратно к своему Отцу и Богу[2].

ЛИТЕРАТУРА

Белова Н.М. Творчество писателей-декабристов и русская литература первой половины XIX века. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2008. 147 с.

Канунова Ф.З. Проблема взаимодействия онтологии и поэтики в поэтическом завещании В.А. Жуковского («Странствующий жид») // Проблемы литературных жанров: Материалы X Международной научной конференции (15–17 октября 2001 г.). Ч. 1. Томск: Томский гос. ун-т, 2002. С. 100–110.

Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.; Л.: Советский писатель, 1967. 667 с.

Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М.; Л.: Советский писатель, 1967. 787 с.

Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. 790 с.

Ходанен Л.А. Миф об Агасфере в творчестве русских романтиков // Проблемы литературных жанров: Материалы X Международной научной конференции (15–17 октября 2001 г.). Ч. 1. Томск: Томский гос. ун-т, 2002. С. 95–99.

[1] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 74.

[2] *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. С. 122.

П.Ю. Гуревич
МГУ имени М.В. Ломоносова

Образы пластических искусств в неканоническом художественном мире Г.Р. Державина

P.Yu. Gurevich
Lomonosov Moscow State University

Images of Plastic Arts in the Non-Canonical Art World of G.R. Derzhavin

Основа классицистической поэтики в разделении литературы на несмешиваемые жанры: комическое не должно «осквернить “высокую” трагедию», а «возвышенное» не должно «унизить себя появлением в комедии»[1]. Державин «стоит в начале новой традиции индивидуального, авторского изображения человека и мира»[2]. В прижизненном издании сочинений 1808–1816 гг. Державин расположил стихотворения по историческим периодам и жанрам, включив в первую часть оды и лирику екатерининского времени (до 1796 г.), во вторую – оды и лирику павловского и александровского времени (до 1808 г.), в третью – легкую поэзию сборника «Анакреонтические песни» (1804). Математико-статистический анализ произведений, входящих в это издание, а также

[1] *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. М., 2003. С. 113–114.
[2] *Башкеева В.В.* Русский словесный портрет. Лирика и проза конца XVIII – первой трети XIX века: Автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 2000. С. 4.

стихотворений, которыми поэт предполагал продолжить издание 1803–1816 («ч. VII» в рукописи): надписей, надгробий, записок, эпиграмм, и известных шуточных стихотворений, изданных уже после смерти, показал, что в текстах Г.Р. Державина 258 образов архитектуры, 32 образа скульптуры, 20 – живописи. Количество пластических образов у Державина значительно превышает численность пластических образов в художественных текстах русского классицизма (Ломоносова, Кантемира, Тредиаковского, Сумарокова, Хераскова, Фонвизина)[1]: «Стихи Державина <…> не живут без реалий, <…> быта, материального окружения жизни»[2].

Эти державинские пластические образы можно разделить на 222 персонализированных, т. е. соотнесенных с определенным персонажем, и 88 неперсонализированных пластических образов. Преобладание персонализированных образов над неперсонализироваными, схожее в пропорциях с текстами классицизма, показывает функциональную направленность пластических образов для характеризации отдельных персонажей. В свою очередь эти пластические образы можно разделить на 114 «объективных» пластических образов, переданных через повествователя, и 196 «субъективных», переданных через видение персонажей. Если в недраматических текстах классицизма «объективные» пластические образы обычно преобладали над «субъективными», то в текстах Державина наблюдается почти двукратное преобладание «субъективных» пластических образов над «объективными», что указывает на связь пластических образов с носителем изложения, находящимся *внутри* изображенной реальности.

[1] *Гуревич П.Ю.* Поэтика образов пластических искусств в каноническом художественном мире русского классицизма // XX Международная научно-практическая конференция «Русское культурное пространство: язык – ментальность – понимание»: Сб. М., 2019.

[2] *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. С. 352.

Пластические образы включены в определенные контекстные отношения, которые необходимо учитывать хотя бы в первом приближении. Образы архитектуры неоднородны, состоят из тематических групп, образующих следующую количественную иерархию:

1. «Дом, жилище» <30 %>[1]. Ключевым словом является «дом», остальные слова этого синонимического ряда (хижина, жилище, поместье, шатер, изба, кущи, шалаш, землянка, светлица, спальня, сени, уборная, книгохранилище, передняя, чердак, гроб [в значении ‘дом, последнее пристанище’]) употребляются реже в 8 и более раз. В отличие от текстов классицистов, у Державина преобладает «положительный» образ дома: соотношение положительной и отрицательной контекстной семантики: 6 / 1.

2. «Архитектура царской власти» <26 %>: ключевое слово «трон», синоним «престол» используется в 2,5 раза реже. Остальные слова этого семантического поля (чертоги, терем, палаты, дворец) встречаются не так часто. Стоит отметить значительное преобладание положительной контекстной семантики в этой тематической группе (4 / 1). В произведениях русского классицизма под словами палаты, чертоги понимались царские палаты и чертоги, Державин, вроде бы находясь в русле этих традиционных представлений[2], вдруг выходит из него, и эти слова получают у него неожиданное, противоположное значение[3].

---

[1] Здесь и далее: от общего количества образов архитектуры в художественных текстах Державина

[2] «Кому взгляд царский, их *палата* // Магнитной не были стрелой?» (Державин Г.Р. «Похвала за правосудие»).

[3] «…И к небогатому богатый // За нуждою ко мне идет, // *За храм – мои просты палаты*, // За золото – солому чтет…» (Державин Г.Р. «Меркурию»); «…А наконец, хотя и хан, // <…> Убранство, роскошь презираешь, // В *чертогах низменных* живешь…» (Державин Г.Р. «К царевичу Хлору»).

3. «Религиозная архитектура»[1] <10 %>. Ключевое слово – «храм», остальные слова синонимического ряда (колокольня, церковь, святилище) употребляются реже в 6 и более раз; на втором по частотности месте слово «алтарь». Такое соотношение ключевых слов наблюдается и в текстах классицизма, отличия заключаются в особенностях контекстной семантики. Если у Державина семантика храмов и церквей вполне однозначна и выражает только хорошее, то в текстах классицистов значительное присутствие отрицательной контекстной семантики[2].

4. «Архитектура с обозначением функционального назначения зданий» <8 %>. В равной степени встречаются слова: баня, купальня, крепость, твердыни (в значении ‘враждебные крепости’), темница (тюрьма), стойлы; реже беседка, кабинет, клуб (клоб), кузница, оружейница, сенат, театр, шинок, площадь, голубятня. Положительная и отрицательная контекстная семантика практически равнозначна.

5. «Архитектура без обозначения функционального назначения зданий» (функциональное назначение определяется контекстом) <8 %>. Ключевым словом этой тематической группы является «здание», остальные слова этой группы (башня, вертеп, строение, грот, подземелье) употребляются в 2 и более раз реже. За исключением слов «башня» и «вертеп» преобладает однозначная контекстная семантика (2 / 1).

---

[1] Замена церковного государственным, их отождествление, наблюдаемое ранее в произведениях классицистов, усиливается у Державина: «…Средь дивного сего *чертога* // <...> Ее изобрази мне ты; // Чтоб, сшед с *престола*, подавала // Скрыжаль заповедей святых; <…> Хаос на сферы б разделился // Ее рукою, – напиши» (Державин Г.Р. «Изображение Фелицы»).

[2] «О лютый день! О брак! // Несносный брак! О *храм*!..» (Сумароков А.П. «Синав и Трувор»). Конфликт долга и чувства выхолащивает храм как дом Бога, он попадает в синонимический ряд «лютого» и «несносного», в христианстве нет ничего важнее любви (1Кор.13:1–3).

6. «Части дома» <8 %>. Ключевое слово – пол (паркет, ковры <напольные>). Другие слова этой группы (окно, крыльцо, своды, камин, столп, порог, лестница, «лестничный восход», кровля) встречаются реже, преобладают образы с положительной контекстной семантикой (14 / 6).

7. «Стены» <5 %>, ключевое слово – «стена», преобладает отрицательная контекстная семантика (2 / 3).

8. «Ворота, двери» <3 %>, ключевое слово – «ворота», близкое по значению «двери», употребляются лишь дважды. Преобладает положительная контекстная семантика: 5 / 2.

9. «Погребальная архитектура» <2 %>. Ключевое слово – «гробница», близкие по значению «мавзолей», пирамида, «монумент» (в значении «гробница») употребляются реже, преобладает положительная контекстная семантика (2 / 1).

Ключевым словом тематической группы «скульптура» является «кумир» (10 образов), синоним «мрамор» употребляется вполовину меньше <5>, остальные скульптурные образы встречаются реже (истукан <4>, «Фалконетов Купидон» <3>, образ [скульптуры] <2>, медь <2>, монумент <1>, бюст <1>, памятник <1>, болван <1>, «кость резная» <1>, памятник <1>). Образы скульптуры у Державина, в сравнении с текстами классицистов, отличаются бóльшим лексическим разнообразием. Ключевые слова этой тематической группы у Державина и русских классицистов не совпадают, но, как и в исследуемых текстах классицистов, в произведениях Державина преобладает положительная контекстная семантика образов скульптуры (3 / 2).

Тематическая группа «живопись» является самой малочисленной (20 образов), ключевое слово – «картина» <6> (наблюдается совпадение ключевого слова с исследуемыми текстами русских классицистов), остальные слова этого семантического поля употребляются реже: портрет <4>, изображение <2>, изография <1>, рамы <1>… Если в тек-

стах русского классицизма доминировала отрицательная контекстная семантика образов живописи, то у Державина преобладает положительная контекстная семантика с соотношением: 9 / 1.

Общим для текстов классицистов и произведений Державина является многократное преобладание образов архитектуры. Причина, по-видимому, заключается в возможности этого культурного пространства описать внутреннее через внешнее, человека через его вещи, крайним выражением будет являться жанр натюрморта, изображение человека без изображения человека. Отличия заключаются в соотношении образов скульптуры и живописи. В текстах классицистов, за исключением произведений А.П. Сумарокова и М.М. Хераскова, образы живописи и скульптуры употребляются редко и примерно поровну, а у Державина они встречаются значительно чаще, и образов скульптуры в 1,6 раза больше, чем живописи. Немногочисленность изобразительных образов в текстах классицистов может быть связана с диссонансом между осязаемостью и торжеством отвлеченного разума[1], а также с требованием только «достойных» сюжетов для картин[2], у Державина же «жизнь вошла в поэзию»[3]. Но почему у Державина образов скульптуры значительно больше, чем живописи? Количество и лексическое разнообразие говорят о важности образов скульптуры в художественном мире Державина: в логосфере культуры наиболее полно разрабатываются слова, которые имеют особое значение[4]. Но Державин требовал от поэзии картинности, лирика его «всецело живописна:

---

[1] *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб., 2000. С. 445.
[2] *Лотман Ю.М.* Об искусстве. С. 615.
[3] *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. С. 352.
[4] *Михальская А.К.* Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996. С. 37–39.

“картины” – ее главное выразительное средство»[1]: «…в превосходных лириках всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выражение <…> особую краску и приятность в себе имеющее»[2]. Последние годы жизни Державин работал над трактатом «Рассуждение о лирической поэзии»[3], «мысль о живописности лирики, о ее способности изображать картины пронизывает весь трактат. Само слово “картина” проходит через него лейтмотивом, сопровождаясь постоянными комментариями автора»[4]. Державин применяет к лирике поэтологические топосы, уподоблявшие поэзию живописи, в частности горацианский «ut pictura poesis»[5]. Видимо, в теории Державин разделял определение поэзии, схожее с римской «Риторикой к Гереннию» («Стихотворение должно быть говорящей картиной, картина – молчащим стихотворением [poema loquens pictura, pictura tacitum poema debet esse]”»[6]). Достаточно сравнить с державинским определением поэзии: «она по подражательной своей способности ничто иное есть, как говорящая живопись…»[7]. Но требование «блестящих, живых картин»[8] было, как и

[1] *Махов А.Е.* Между музыкальностью и визуальностью: теория лирики в западноевропейской поэтике XVIII в. и в трактате Г.Р. Державина «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» // Новый филологический вестник. 2016. №4(39). С. 16.

[2] *Державин Г.Р.* Рассуждение о лирической поэзии // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1878. Т. 7. С. 536.

[3] *Западов В.А.* Работа Г.Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Сб. 15. Л., 1986. С. 232–233.

[4] *Махов А.Е.* Между музыкальностью и визуальностью. С. 15.

[5] *Махов А.Е.* Между музыкальностью и визуальностью. С. 14; см. также: *Weinberg B.* A History of Literary Criticism in the Italian Renaissance: In 2 vols. Vol. 1. Chicago, 1961. P. 127.

[6] *Махов А.Е.* Между музыкальностью и визуальностью. С. 15.

[7] *Державин Г.Р.* Рассуждение о лирической поэзии. С. 575.

[8] *Державин Г.Р.* Рассуждение о лирической поэзии. С. 549.

все у Державина, особым, не похожим, оригинальным. Его представления о природе поэтического творчества базировались на романтической теории вдохновения[1], антиклассический культ чувствительности обусловил пластические «осязаемые» образы в художественных текстах поэта. В отличие от Гоголя[2], Державин строго не разграничивал виды изобразительного искусства и, говоря о живописи, он зачастую имел в виду некий синтез скульптуры и живописи[3]. Скульптурные формы естественны и в «живых картинах», упоминаемых Державиным как аллегория лирической поэзии. В отличие от Гоголя, отрицательно относившегося к скульптуре как в теории[4], так и в художественной практике[5], в эстетике Державина скульптура занимала особое место, являясь ни много ни мало пропуском в вечность человеческой памяти[6].

---

[1] *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. С. 342.

[2] *Гуревич П.Ю.* Роль образов пластических искусств в художественном мире Гоголя (на материале художественной прозы) // Гоголь как явление мировой литературы^ Сб. ст. по материалам международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя / Под ред. Ю.В. Манна. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 87–95.

[3] «…картина // Во мраморе изображена <…> // Резец и с лирой кисть видна!» (Державин Г.Р. «Урна»).

[4] «Напрасно хотели изобразить ею высокие явления христианства: она так же отдалялась от него, как самая языческая вера. Никогда возвышенные, стремительные мысли не могли улечься на ее мраморной сладострастной наружности» (*Гоголь Н.В.* Скульптура, живопись и музыка // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 8: Статьи. М.; Л., 1952. С. 10.

[5] *Гуревич П.Ю.* Роль образов пластических искусств в художественном мире Гоголя (на материале художественной прозы). С. 92.

[6] «Готов кумир! – И будет чтиться // Искусство Праксителя в нем, – // Но мне какою честью льститься // В бессмертном истукане сем? // <…> // Та мысль всех казней мне страшнее: // Представить в вечности злодея!» (Державин Г.Р. «Мой истукан»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Башкеева В.В.* Русский словесный портрет. Лирика и проза конца XVIII – первой трети XIX века: Автореф. дисс. … докт. филол. наук. М., 2000.

2. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 8: Статьи. М.; Л., 1952. 816 с.

3. *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. М., 2003.

4. *Гуревич П.Ю.* Роль образов пластических искусств в художественном мире Гоголя (на материале художественной прозы) // Гоголь как явление мировой литературы: Сб. ст. по материалам международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя / Под ред. Ю.В. Манна. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 87–95.

5. *Западов В.А.* Работа Г.Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Сб. 15. Л., 1986. С. 246–281.

6. *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб., 2000.

7. *Махов А.Е.* Между музыкальностью и визуальностью: теория лирики в западноевропейской поэтике XVIII в. и в трактате Г.Р. Державина «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» // Новый филологический вестник. 2016. № 4(39). С. 12–20.

8. *Михальская А.К.* Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.

9. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 7. СПб., 1878.

10. *Weinberg B.* A History of Literary Criticism in the Italian Renaissance: In 2 vols. Vol. 1. Chicago, 1961.

А.Х. Гусева
Институт филологии и истории,
Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

Библиографические памятники русской литературы в аспекте цифровой дидактики

A.H. Guseva
Institute of Philology and History,
Russian State University for the Humanities (RGGU)

Bibliographic Monuments of The Russian Literature in the Aspect of Digital Didactics

В современном цифровом мире русская литература представлена в текстовом формате в электронных библиотеках, а мультимедиа-технологии сделали доступными библиографические раритеты, произведения живописи, скульптуры, киноисскуства, мультипликации.

В прошедшем юбилейном году (220-летия со дня рождения А.С. Пушкина) мультимедийные материалы, посвященные творчеству великого русского поэта, были опубликованы в большом количестве как в открытом доступе, так и на официальных ресурсах электронных библиотек, научно-исследовательских подразделений и учебных заведений, требующих регистрационного доступа.

Остановимся на методике преподавания перевода с использованием мультимедиа-галереи.

При обучении профессиональной переводческой деятельности мы решили обратиться именно к сказкам А.С. Пушкина, достаточно сложным для перевода и сохранившим фольклорный стиль, народные образы и социокультурные реалии. По мнению авторитетного историка литературы и библиографа П.Н. Беркова, именно в сказках «материал для перевода из Пушкина более разнообразный и ценный» [2: 221].

Безусловно, как литературный, так и свободный и дословный перевод поэзии требуют от переводчика особого мастерства, а также дополнительных знаний, кругозора и эрудиции, в формировании и совершенствовании которых важным подспорьем являются современные иллюстративные мультимедийные материалы (ИММ). Проанализируем ИММ к сказкам А.С. Пушкина и приведем пример их использования на аудиторных занятиях по дисциплине «Электронные ресурсы переводчика», читаемой студентам Института филологии и истории РГГУ (профиль «Перевод и переводоведение»).

Уточним, что методическая концепция дисциплины основана на изучении и обработке цифровых материалов. В процессе обучения литературному переводу студенты анализируют взаимосвязь и взаимозависимость филологии, лингвокультурологии, информатики и практики перевода на современном этапе развития ИКТ, создают эссе-презентации, словарные базы данных, комментированные глоссарии.

Для развития образного мышления, а также совершенствования умения составлять переводческий комментарий студентам необходимо при выполнении заданий обращаться к материалам, явившимся результатом отражения творчества поэта.

В качестве примера приведем доступное сегодня в электронном виде парижское коллекционное издание 1921 г.:

Pouchkine A. «Conte de tsar Saltan et de son fils le glorieux» [4] («Сказка о Царе Салтане»), задуманное как библиофильское – орнаменты и иллюстрации раскрашены от руки в мастерской Марти (Marty) по рисункам Натальи Сергеевны Гончаровой, внучатой племянницы Натальи Николаевны.

Студенты изучают данный источник в процессе выполнения мотивационного задания, предваряющего практическую работу, на таких библиографических мультимедийных ресурсах, как антикварная интернет-галерея Raru's Gallery и цифровая коллекция NYPL (The New York Public Library).

Для обучения переводу в технологии адаптации особую ценность представляет подстрочный прозаический перевод на французский язык, выполненный Клодом Ане (Claude Anet) для данного издания. При формировании ассоциативного ряда переводчика иллюстрации играют важную роль, но из-за «несущественности рисунка самого по себе, применительность, относительность его по отношению к книге» [5: 148] не могут восприниматься в полной мере без переводческого чтения текста. Среди основных функций переводческого чтения в процессе обучения профессиональному переводу следует называть такие, как «овладение иностранным языком через сопоставление с родным, <...> содействие усвоению и закреплению языковых явлений изучаемого языка и преодолению интерференции на материале связного текста или его фрагмента» [1: 194].

На материале оригинальных текстов А.С. Пушкина студенты выполняют следующие задания: 1. устный последовательный и синхронный подготовленный перевод фрагментов сказок на французский язык (источники в аудио- и видеоформатах); 2. составление переводческого комментария на французском языке, содержащего пояснение социокультурных реалий в сказках А.С. Пушкина; 3. компаративный анализ текстов ранних и поздних переводов про-

изведений («Руслан и Людмила, «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о золотом петушке»); 4. создание коллекций мультимедиа-иллюстраций к сказкам А.С. Пушкина; 5. разработка иллюстрированного глоссария, снабженного гиперссылками на цифровые источники, отражающие творчество поэта.

Безусловно, перечисленные виды переводческой деятельности в основе своей подразумевают объемную и трудоемкую работу, связанную с изучением литературных и лексикографических источников, иноязычного лексико-грамматического материала, а также просмотром и отбором ИММ. В этой связи студентам в качестве базы для выполнения интерактивных заданий предлагается список источников и цифровых образовательных ресурсов, который они должны обязательно дополнить, а также и аргументировать свой выбор.

Следует уточнить, что «цифровые образовательные ресурсы – это представленные в цифровой форме фотографии, видеофрагменты, статические и динамические модели, объекты виртуальной реальности и интерактивного моделирования, картографические материалы, звукозаписи, символьные объекты и деловая графика, текстовые документы и иные учебные материалы, необходимые для организации учебного процесса» [3: 2]. Необходимо конкретизировать требования к ЦОР, выделив среди обязательных критериев такие, как: «... 2. ориентироваться на современные формы обучения, обеспечивать высокую интерактивность и мультимедийность обучения; <...> 7. основываться на достоверных материалах; <...> 13. иметь удобный интерфейс» [3: 3].

В контексте данной публикации цифровые образовательные материалы, предназначенные для обучения профессиональной переводческой деятельности на базе литературных произведений, включают 3 основных компонента: информация, коммуникация и исследование, проводи-

мое студентами по методу проекта. В свою очередь электронные ресурсы подразделяют на три основные группы: информационные, переводческие и коммуникационные.

Остановимся на первой группе, так как ИММ относятся именно к ней. Пример электронных библиотек, содержащих художественную литературу на языке страны изучаемого языка, цифровые коллекции иллюстраций и профессиональные тексты по дисциплинам гуманитарного цикла показывает, что активное использование студентами данных ресурсов способствует эффективности овладения переводческими навыками. Среди наиболее совершенных с точки зрения содержания следует назвать такие, как разработанный и пополняемый Национальной Библиотекой Франции (Bibliothèque Nationale de France) иллюстрированный электронный ресурс «Gallica», наиболее популярный в профессиональной среде. Помимо художественной литературы ресурс содержит коллекцию ИММ – фотоизображения и историческую графику, предоставляет также доступ к профессиональной литературе по истории, политике, праву и экономике, социологии, философии. Важен факт наличия на данном ресурсе энциклопедических баз данных и разнообразных словарей университетов и академических учреждений «Encyclopédies & Dictionnaires», полезных и лингвистам, и филологам, и переводчикам. Французский ресурс, предоставляющий программное обеспечение для обработки материалов гипертекстового формата «Ebooks Libres et gratuits», является бесплатным и включает доступные для скачивания тексты литературных произведений. Библиотека классической мировой литературы отражена наиболее полно в каталоге «ABU: la Bibliothèque Universelle» и представляет особый интерес для студентов, создающих проект по филологии или переводоведению.

В заключение следует отметить, что юбилейный год со дня рождения А.С. Пушкина явился важной вехой в развитии методики преподавания с использованием ИКТ. В наши дни Всемирная паутина содержит не только оригинальные тексты, но и исторические литературоведческие материалы, оцифрованные источники, библиографические раритеты, иллюстрации к произведениям в графических, аудио- и видео-форматах, документальные, художественные и мультипликационные фильмы, к которым следует обращаться для оптимизации процесса обучения переводчиков и филологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во «ИКАР», 2009. 448 с.

2. *Берков П.Н.* Пушкин в переводах на западноевропейские языки // Вестник Академии наук СССР. М.; Л., 1937. №2–3. С. 220–229.

3. *Коробкова К.В., Калиновский Е.А.* Возможности использования цифровых образовательных ресурсов в учебном процессе // Сб. статей IV Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». М.: Российская Академия Естествознания (РАЕ), 2012 [Электронный ресурс]: https://www.rae.ru/forum2012/10/2277 (дата обращения: 21.09.2018).

4. *Пушкин А.С.* Сказка о Царе Салтане, о сыне его, славном и могучем богатыре, князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди. Париж, 1921. 48 с. (*Pouchkine A.* Conte de tsar Saltan et de son fils le glorieux. Paris: La Sirene, 1921).

5. *Цветаева М.И.* Наталья Гончарова: Жизнь и творчество / Предисл. Н.А. Громовой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. 168 с.

В.А. Доманский
Санкт-Петербургский Институт Бизнеса и Инноваций

Русско-украинский переводческий дискурс: текст и контекст[1]

V.A. Domanskii
St. Petersburg Institute of Business and Innovation

Russian-Ukrainian Translation Discourse: Text and Context

В своей статье автор исходит из определения дискурса как «конкретного коммуникативного события, фиксируемого в письменных текстах и устной речи» и осуществляемого в «когнитивно и типологически обусловленном пространстве»[2]. Содержание дискурса определяется совокупностью тематически соотнесенных текстов в их интертекстуальном взаимодействии. В межлитературных и межкультурных дискурсах наиболее ярко проявляется национально-культурная особенность коммуникативных текстов.

Продуктивными способами осуществления дискурсов являются сравнительное изучение мифологии и фолькло-

---

[1] Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-013-00684 «Классика в диалоге с современностью: теоретические и методические аспекты изучения русской литературы».

[2] *Черняховская Е.В.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учебное пособие. М.: Флинта, 2006. С. 75.

ра; лингвистический билингвизм; анализ общих или заимствованных одной культурой из другой идей, концепций, сюжетов, образов, мотивов, реминисценций (типологическое сходство); а также организация различных педагогических дискурсов, возникающих в ходе контекстного изучения литератур, и прежде всего близкородственных.

Особенно эффективны в межкультурной коммуникации переводческие дискурсы из близкородственных языков, которые позволяют тоньше почувствовать многие нюансы другого языка, искать эквиваленты в родном языке его фонетическим, лексическим и синтаксическим единицам. Поэтому упражнения в переводах – лучший способ изучения другого языка и совершенствование в нем. Переводчик не просто переводит произведение, а создает один из его вариантов, хотя он может вносить в перевод свою внутреннюю тему, т. е. то, что его волнует в момент переводческой интерпретации. Как считает известный переводчик Лев Гинзбург, чтобы перевод был одухотворен внутренним огнем его создателя, «должен возникнуть контакт между текстом и сердцем переводчика»[1].

Вторая задача для переводчика, организующего дискурс между оригиналом и его поэтическим переложением, связана с ритмико-звуковой стороной текста, т. е. ритмико-интонационным строением, его метрикой, звукописью. Именно на это в свое время обращал внимание исследователей поэт и не менее значительный переводчик Б. Пастернак, который видел силу звучания стиха не в его звучности, а «в соотношении между его звучанием и значением»[2].

Таким образом, задача переводчика состоит не в точной передаче ритмики и звукописи стиха, а в передаче связей между звуковым рисунком текста и его значением. В ка-

[1] *Гинзбург Л.* В поисках святого Грааля // Поэтика перевода. М., 1988. С. 16.

[2] *Пастернак Б.* Заметки переводчика // Лит. Россия. 1965. № 13. С. 18.

ждом стихотворении имеется не только свой ритмический рисунок, но и вычленяемое интонационно ключевое слово, словосочетание или сочетание опорных звуков, которые, по мнению Вяч.Вс. Иванова, создают своеобразную анаграмму текста[1]. Вместе с тем связь между звучанием и смыслом осуществляется и другими способами:

- сочетанием стихотворных размеров в стихе,
- разными способами рифмовки,
- сочленением длинных и коротких слов,
- добавочными ударениями в стихотворных стопах или их снятием, ритмическими повторами,
- стихотворными мелодиями, создаваемыми звукописью слов,
- цезурами,
- характером синтаксических конструкций и периодов.

Третий круг вопросов, определяющий переводческие дискурсы, касается мотивной и образно-лексической сторон стиха, а также характера синтаксических конструкций и периодов.

Свои теоретические рассуждения продемонстрирую на конкретном примере – переводе стихотворения украинского поэта Владимира Сосюры. Сопоставим два текста, слева – подлинник, справа – мой перевод:

Київські вулиці, білі каштани... Дай мені руки і губи, кохана! Дай подивитись у рідні зіниці, Щастя напитись з твоєї криниці. Наче весна, ти обійми одкрила... Шаль за плечима – вишневії крила...	Улицы Киева, в белом каштаны… Руки и губы дай мне, коханная! Дай посмотреть мне в родные зеницы, Из родников твоих счастья напиться. Точно весна, ты объятья открыла… Шаль за спиною – вишневые крылья…

[1] *Иванов Вяч.Вс.* О языковых трудностях перевода художественного текста // Поэтика перевода. М., 1988. С. 73.

Радість моя і любов осіяна! Київські вулиці, білі каштани...[1]	Радость моя и любовь осиянная! Улицы Киева, в белом каштаны

Точность перевода потребовала прежде всего соответствия стихотворного размера (трехстопного дактиля), способа рифмовки (смежная рифма), кольцевой композиции (оба текста начинаются и заканчиваются одинаковой строкой). Ключевое слово подлинника *кохана*, т. е. «любимая», необходимо было сохранить и в переводе, хотя такой лексемы нет в русском языке, но из контекста ее значение легко проясняется. Это ключевое слово определяет анаграмму стиха и стержневые рифмы стиха: *кохана – каштани – осіяна*. Их также пришлось сохранить, хотя здесь и не обошлось без потерь: в украинском языке краткие формы отглагольных прилагательных не воспринимаются как усеченные в русском языке, поэтому в переводе пришлось сохранить их полную форму, в результате чего строки оказались несколько утяжеленными.

В целом русский перевод по своей мелодике, соотношению между его звучанием и значением приближается к подлиннику, хотя оригинал фонетически более мелодичен. В нем больше нежности благодаря качественно отличающейся мягкости согласных в украинском языке после гласного і; даже всегда твердый в русском языке звук ц в украинском языке звучит мягко, что придает чистоту звучания двум рифмующимся словам – *зіниці* / *криниці*, на которые заканчиваются соответственно третья и четвертая строки.

Лексика перевода также предельно приближена к оригиналу, хотя в четвертой строке я вынужден были заменить лексему *криниці* на *родники*, поскольку в русском языке первая не имеет такого ясного поэтического смысла, как в украинском. Единственное, что при переводе полностью

[1] *Сосюра Володимир*. Вибрані твори: В 2 т. Т. 1. К., 1956. [Электронный ресурс]: https://litvek.com/br/225672?p=68 (дата обращения: 21.04.2020).

удалось сохранить – это синтаксические единицы текста, не имеющие особых отличий в близкородственных языках.

Одним из сложнейших дискурсов, осуществляемых в процессе взаимосвязанного изучения литератур, является взаимодействие текста с контекстом. В лингвистике и логике контекст понимается как относительно законченный в смысловом отношении отрывок текста или речи, в котором выясняется смысл и значение входящих в него слов, словосочетаний, предложений. В тексте художественной литературы, который весь представляет собой «сцепление» образов и смыслов, любой «знак есть знак, взятый в свете своего контекста»[1]. Ученые П. Линдсей и Д. Норман считают, что контексты задают правила, по которым строится перцептивный мир[2].

Текст весь погружен в контексты, окружен ими. Можно выделить основные его контексты: авторско-биографический, социально-исторический, философский, историко-культурный, художественный.

В психологических работах выделяют еще несколько контекстов: деятельностный, поведенческий, эмоциональный, контекст общения. Образно *текст – контекст* можно представить в виде песочных часов, в которых один объем, в зависимости от его положения *верх – низ*, может перетекать в другой. Культурно-семантические единицы текста становятся контекстами сцен, эпизодов, фрагментов жизни и даже биографий героев, произведения в целом.

Иногда достаточно одного образа, мотива, чтобы возник в сознании читателя контекст для всего текста. Таким контекстом для пушкинского романа «Дубровский», например, является фабульное строение поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод», о которой имеется упоминание в пушкинском тексте.

---

[1] *Лосев А.Ф.* Знак, символ, миф. М., 1978. С. 61.

[2] *Линдсей П., Норман Д.* Переработка информации у человека. М., 1974.

Герой поэмы Мицкевича – литвин Альф, но выдает себя за немца Конрада, становится Магистром ордена, чтобы проникнуть в лагерь своих врагов. Встреча с возлюбленной Альдоной, заточенной в Мариенбургском замке, заставляет его на время отложить свою месть. Когда наконец тевтонские рыцари начинают войну против Литвы, Конрад вступает в сговор с литовским князем Витольдом и обрекает своих мнимых соотечественников на поражение от литовцев.

Как видим, эту сюжетную канву использует А.С. Пушкин. Его главный герой Дубровский, чтобы отомстить своему врагу Троекурову, выдается себя за француза Деформжа и проникает в его дом в качестве мнимого учителя. Любовь к дочери Троекурова Маше заставляет Владимира Дубровского забыть о своей мести. Интересно, что и в финале пушкинского романа слышна перекличка с финалом поэмы Мицкевича. Как и Альдона, пушкинская героиня не принимает свободы из рук своего возлюбленного, смиряясь с судьбой.

Обращаясь к контекстным дискурсам, мы переводим диалоги о литературе в плоскость культуры, но для этого необходима постоянная тренировка механизма появления ассоциаций, расширение их ассоциативного поля. Свидетельством о воспитании художественных ассоциаций у читателя является его способность обнаружить в нужный момент в своем сознании нужную художественную ассоциацию, что свидетельствует о высоком уровне освоении им мира другой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Гинзбург Л. В поисках святого Грааля // Поэтика перевода. М., 1988.

Иванов Вяч.Вс. О языковых трудностях перевода художественного текста // Поэтика перевода. М., 1988.

Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М., 1974.

Лосев А.Ф. Знак, символ, миф. М., 1978.

Пастернак Б. Заметки переводчика // Лит. Россия. 1965. №13.

Сосюра Володимир. Вибрані твори: В 2 т. Т. 1. К., 1956. [Электронный ресурс]: https://litvek.com/br/225672?p=68 (дата обращения: 21.04.2020).

Черняховская Е.В. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учебное пособие. М.: Флинта, 2006.

Н.И. Ефименко
Школа «Марьино» имени маршала авиации
А.Е. Голованова, Москва

Развитие читательской грамотности школьников (аспект восприятия художественного текста)

N.I. Yefimenko
School "Maryino" named after Marshal of Aviation
A.E. Golovanov, Moscow

Development of Reading Literacy among Schoolchildren (aspect of perception of literary text)

О читательской грамотности в последнее время говорят и пишут очень много. Особенно после получения результатов международного исследования PISA, где проверка

читательской грамотности является одной из важных составляющих.

Анализ полученных результатов позволяет выделить проблему: молодые люди, воспринимая текст, плохо осознают его как часть своего личного существования. Они практически не привлекают к работе над текстом внетекстовое поле и, как следствие, не воспринимают данный им текст в рамках решения своих бытовых и социальных задач.

Особенно явно это видно в процессе восприятия художественных произведений. А ведь именно художественное литературное произведение дает модель решения множества личностных и социальных проблем. Особенно здесь хочется подчеркнуть эстетическую сторону восприятия художественного произведения, которое, являясь по самой своей сути синтетическим, воздействует прямо на подсознание читателя, укореняя в нем ту или иную модель поведения.

Для последних десятилетий характерно отношение к чтению как восприятию и усвоению информации. Такая точка зрения обусловлена, с одной стороны, информационным бумом, а с другой стороны, крайней степенью технологизации социального быта в развитых странах конца XX – начала XXI в. Литературное произведение все больше стало восприниматься в своей герменевтической составляющей, как текст, подобный, например, объявлению, расписанию или таблице.

Да, детское чтение называют интеллектуальным ресурсом страны, главным резервом развития человеческого потенциала нации. Да, ЮНЕСКО в последние годы рассматривает чтение как «одно из приоритетных направлений работы по повышению качества базового образования». Однако особое внимание обращается на то, что умение читать – это «способность человека к осмыслению письменных текстов и рефлексии на них, к использованию их

содержания для достижения собственных целей, развития знаний и возможностей для активного участия в жизни общества». Восприятие художественного текста как эстетического феномена практически не рассматривается.

Именно эта тенденция позволила появиться многочисленным «кратким пересказам» больших художественных литературных произведений, где все содержание, понимаемое как информация о событиях, укладывается в 1–2 страницы сухого текста. И текст этот весьма трудно соотнести с событиями своей личной жизни из-за почти полной подчеркнутой эмоциональной нейтральности.

Данная тенденция породила и почти полное исчезновение феномена выразительного чтения в семьях и школах. Ведь, согласитесь, выразительно читать сухую, пусть и информативно насыщенную инструкцию о том, «что в произведении у автора произошло», удовольствия не доставляет. В свою очередь, массовое отсутствие навыка выразительного чтения все более убирает из повседневного обихода стихотворную речь. Ведь известно, что ритмика текста гораздо лучше ощущается при чтении вслух.

Немалую роль в данном процессе сыграло и распространение электронной книги, электронных текстов, текстов, расположенных в сети Интернет. Нужно признать, что тексты электронных изданий пока выполняют чисто информационные задачи и довольно далеки от эстетической привлекательности. Тем более что сугубо последовательное прочтение таких текстов лишает возможности читателя «общения с книгой», т. е. возможности просто «полистать страницы», перечитать отдельные «интересные места», поискать запомнившиеся детали текста, наконец, окинуть все произведение целиком. Как следствие, восприятие книги как целостного объекта, как произведения писательского и издательского искусства стремительно

уходит в прошлое. Пустеют домашние библиотеки, заменяясь собраниями CD-дисков и флеш-накопителей.

Существовавшее ранее четкое разделение чтения на «досуговое» и «деловое» также исчезает. Это тревожно, так как именно «досуговое» чтение всегда было основой общей культуры человека, питательной средой литературы. Сегодня эта читательская страта все более заполняется развлекательной литературой. И даже не собственно литературой, а ее суррогатами – видео-заменителями, которые не в силах предоставить зрителю возможности полноценного самостоятельного создания читательского образа, без чего восприятие художественного произведения затруднительно.

Общая тенденция общества к социальной глобализации весьма быстро породила противодействие – противоположную тенденцию самоизоляции от общества. Совместные эстетические действия сегодня все более отходят на второй план, молодое поколение предпочитает наедине воспринимать произведение искусства. Как следствие, уходят «чтение вслух», «коллективное чтение», «читательские клубы» и пр. А ведь именно здесь вырабатывалось умение увидеть и отстоять свое видение и понимание художественного текста, которое как раз и подразумевает подключение к обсуждению всей внетекстовой информации.

Прискорбно признавать, но немалую роль в данном процессе играют школьные уроки литературы. Традиционно школьная литература делится на три части: история литературы, теория литературы и литературная практика. Литературной истории в современной школе много. Сегодня российский школьник знает, например, о русской литературе XIX в. несравнимо больше, чем о литературе XXI в., которая в художественных образах отражает непростые реалии современного ему быта, современные проблемы. Каждый выпускник школы должен знать, например, отли-

чие романтизма от реализма в XIX в., но не обязан быть в курсе того, что происходит в литературной среде окружающего его мира конца второго десятилетия XXI в. Отсюда рождается устойчивое понимание «несовременности литературы» вообще, ощущение, что «литература – это что-то из позапрошлого века», что «в литературных произведениях невозможно найти ответы на вопросы и тревоги современного молодого человека». А значит, и читать ее (литературу) «для себя» не стоит. Так художественная литература оказывается вне пространства личного и социального существования современного молодого человека.

Теории литературы в школе тоже немало. Однако если аналитическая составляющая представлена в традиционном преподавании достаточно полно (анализ образов, композиции, художественных приемов), то последующий синтез, который обязателен при адекватном восприятии произведения искусства, как правило, опускается. И у школьников не складывается целостного эстетического впечатления. Литературный шедевр предстает перед ними в виде хорошо и умело препарированного тела. Увы! Уже не жизнеспособного. И опять – данный «умерший художественный текст» очень трудно, практически невозможно рассматривать с позиций своего актуального существования.

Что касается литературной практики, то мы можем здесь предоставить нашим ученикам уникальную возможность самим создавать художественные произведения. Как страдают учителя, преподающие живопись или музыку от того, что их ученики не могут сносно написать даже простой натюрморт или сочинить простенькую мелодию! Ведь без этого понять, даже просто почувствовать величие художественного шедевра затруднительно. В литературе же любой современный человек, и школьник не исключение, создает за свою жизнь немало текстов. Но являются ли они

литературными произведениями, пусть небольшими и несовершенными? Где разница между просто текстом и художественным текстом? Все это остается для большинства выпускников современных школ загадкой. «Текст – это то, что написано буквами», – резюме подавляющего числа выпускников.

Поэтому совсем не случайно большинство родителей сегодняшних школьников на предложение продолжить фразу «Чтение ребенка сегодня – это...» пишут: «чтение из-под палки», «написание реферата», «программная обязаловка», «наша родительская мука», «наши затраченные нервы», «случайный процесс ситуативного характера», «выполнение домашнего задания». В этих высказываниях горечь несостоявшейся встречи ребенка с художественным произведением.

Первое впечатление – удивление, восхищение, интерес – это очень ответственно. Это ключевой момент дальнейшего общения (или не общения) с книгой. Разумно ли такой момент полностью оставлять на ученика? «Вы дома прочитайте, а потом мы с вами будем это обсуждать». А еще можно задать много произведений (иногда до 30–40) прочитать за лето, «впрок на будущий год». Тут и вовсе обеспечена та формальность чтения, о которой говорят родители, и то отстранение от личной жизни ребенка, которое фиксируют многочисленные диагностики.

Те, кто много читает, знают, что вдохновение нужно не только художнику. Полноценное восприятие произведения искусства предполагает не меньшее вдохновение, чем его создание. По словам А.С. Пушкина, вдохновение – это «расположение души к живейшему восприятию впечатлений». Это творчество зрителя, которое предполагает умение видеть, слышать, читать и, главное, думать. Это и есть процесс присвоения произведения искусства, процесс пре-

вращения его в «свое», «хорошо знакомое» и, может быть, «любимое». А ведь учитель должен учить этому восприятию своих учеников. Именно воспринимать, а потом уже анализировать.

Но есть и противоположная тенденция – ошибка, свойственная учителям, особенно увлеченным литературой. Это замена факта его толкованием. Современный читатель, слушатель, зритель при всех своих стараниях часто даже в новостях не может пробиться сквозь ворох мнений и суждений, чтобы увидеть то, что на самом деле произошло. А учитель, подчас в стремлении сократить путь ученика к литературному произведению, рассказывает ему о том, что можно (и даже нужно) увидеть в повести или романе, услышать в стихотворении. Так произведение искусства постепенно подменяется рассказом о нем, а ученик лишается собственного первого впечатления.

Посмотрите, как тщательно подготавливается зрительское восприятие в театре. Спектакль – это особое время, свободное от дел и забот. Это особое помещение. Истинному театралу посещение театра не заменят никакие видеофильмы с записями тех же спектаклей, ведь ему нужно не просто зрительское творчество, но совместное творчество. Он хочет воспринять не только сам спектакль, но и особую атмосферу театра. Он готовится к «погружению в театр»; не спеша проделывает путь от входной двери до зрительного зала; наслаждается суетой последних минут перед спектаклем; успокаивается и сосредотачивает свое внимание на сцене, когда в зале гаснет свет – и все это тщательно простроено для создания зрительского вдохновения. Это целый ритуал. И заядлый театрал часто идет в театр не на определенный спектакль, но для того, чтобы снова ощутить это сладостное вдохновение восприятия.

А совместное, специально организованное чтение литературных произведений у нас сегодня практически полностью исчезло. Еще сравнительно недавно популярные публичные чтения, с которыми выступали лучшие российские актеры в концертных залах, сегодня успешно перекочевало на CD-диски. И никакого ритуала, никакого приобщения к действу – просто включаешь и слушаешь, поскольку самому читать вроде бы и некогда.

Впечатление ученика от всего увиденного (услышанного) на уроке сильно зависит от цели восприятия. Часто ученик плохо понимает, зачем ему, человеку XXI в., углубляться в мир «онегиных» или «обломовых», какое они имеют к нему отношение. Можно говорить о литературном произведении потому, что оно просто красиво. Так часто поступают с поэзией. Но с такой целью восприятие быстро утрачивает свежесть. Можно произведением иллюстрировать то или иное теоретическое положение. В этом случае произведение, оказывается лишь подсобным материалом и чаще всего быстро забывается. И только тогда, когда само произведение во всей его сложности и неповторимости ставится в центр, и ради него, его восприятия, его понимания ведется урок, – только тогда ученик невольно сосредотачивается на самом произведении. Более того, именно в этот момент и развивается подлинная читательская грамотность.

Восприятие произведения искусства – это его познание. И как всякое познание оно может быть истинным или ложным. Да, можно ошибочно воспринимать литературное произведение. Ведь восприятие – это проникновение в видение художника, в его образ мысли. Но вот, например, дети младшего школьного возраста, воспринимая любое литературное произведение, начинают бурно фантазировать. Эти фантазии, несомненно, развивают творческие

способности, творческие эмоции. Но к самому произведению они часто имеют весьма отдаленное отношение. Такое фантазирование на тему произведения может открыть ребенку доступ к нему, поможет «присвоить» произведение. Но далее необходимо проникновение в суть фантазии художника, понимание его речи и его мыслей, а не выработка вместо них своих, пусть даже и очень оригинальных.

Немало вреда для обретения желания читать, понять прочитанное приносит и навязчивое внушение учителей о великой ценности каждого изучаемого литературного произведения. При этом забывается тот факт, что эстетическая ценность, как одна из высших ценностей человека, глубоко индивидуальна. Действительно, все, что написано А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, А.П. Чеховым (и далее до построения фантастически большого списка) объявляется особо ценным уже потому, что написано именно ими. Однако тут путаются причина и следствие. Мы ценим произведение не потому, что оно написано Л.Н. Толстым, а ценим Л.Н. Толстого за то, что он написал такие произведения. И главным для читателя в паре «художник-произведение» оказывается произведение. Поэтому не нужно путать изучение, постижение литературы с изучением биографий великих писателей. Биографии, в данном случае, важный, но явно вспомогательный материал для постижения замысла произведения.

В идеале учитель должен сделать учеников соучастниками своего сегодняшнего восприятия литературного произведения. «Вот оно, перед вами! И я его вместе с вами еще раз открываю для себя!» Именно в этот момент проявляется подлинное влияние личности учителя.

Литература в России никогда не была только областью чистого искусства. Евгений Евтушенко писал:

Поэт в России – больше,чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
кому уюта нет, покоя нет.

И российский учитель, который действительно хочет открыть литературное произведение своим ученикам, тоже должен быть гражданской личностью – неравнодушной и неуспокоенной. У таких учителей дети не просто много читают, но и формируют себя, свою личность с помощью прочитанного. Они учатся соотносить прочитанное со своей жизнью, с ее реалиями. А это, в конечном счете, и составляет основу подлинной читательской грамотности.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева М.А. Преподавание литературы: образовательные технологии: [учеб.-метод. пособие], Изд-во Уральского ун-та, 2014.

Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество // Вопросы литературы. 1961. № 2.

Балакина Ю.В. Электронный текст: принципиально новый тип текста? // Вести Волгоградского ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 3.

Вест М., Эй Х. Чтение в эпоху мобильной связи («Reading in the Mobile Era»), доклад ЮНЕСКО, 2014.

Григорьев Б.В. Герменевтика и теория интерпретации. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002.

Евтушенко Е.А. Братская ГЭС. М.: Советский писатель, 1967. 240 с.

С.Б. Потемкин
МГУ имени М.В. Ломоносова

Переводы Чехова и мировая литература

S.B. Potemkin
Lomonosov Moscow State University

Chekhov's Translations and the World Literature

Чехов еще при жизни был признан писателем мирового значения. Европа познакомилась с ним уже в конце 1890-х гг., когда были переведены на французский и итальянский языки «Мужики» и «Палата № 6». Популярность Чехова быстро выросла и в других странах Европы, а затем и в Америке. Чеховские рассказы вызвали подражание в европейской и американской литературах. Можно назвать таких новеллистов, как в Англии Менсфильд, в Америке Андерсон, в произведениях которых заметно влияние Чехова. Бернард Шоу в связи с 40-летием со дня смерти Чехова заявлял: «В плеяде великих европейских драматургов Чехов сияет, как звезда первой величины, даже рядом с Толстым и Тургеневым. Не менее значительны и малые формы, созданные Чеховым – его рассказы и повести». Переводы Чехова выполнялись на многие европейские языки и языки Азии. Нашей целью является обработка корпуса переводов Чехова, а именно выравнивание оригинала и перевода каждого произведения на уровне предложений.

Параллельные корпуса и особенно двуязычные корпуса с выравниванием на уровне предложений могут очень эффективно использоваться в качестве ресурса для многочисленных исследовательских проектов или создания новых ресурсов, таких как средства машинного перевода, многоязычный поиск информации, изучение языков, составление многоязычной терминологии и при построении семантических сетей. Процесс выравнивания предложений параллельного корпуса обнаруживает две основные проблемы: размер корпуса и расхождения в представлении параллельных текстов.

Для русского языка, имеющего богатый культурный и исторический пул текстов, создание электронных инструментов и ресурсов представляет значительный интерес. В этом плане собрание сочинений Чехова и переводы его произведений на иностранные языки представляют собой обширный ресурс для изучений русского языка как в рамках РКИ, так и для пополнения двуязычных словарей и пр.

Нами были собраны переводы рассказов и пьес Чехова более чем на 16 языков, не только европейских, но также таких «экзотических», как армянский и фарси. Процесс выравнивания в лапидарном изложении заключается в следующем: а) при наличии достаточно полного двуязычного словаря в машиночитаемом виде выполнялось сопоставление слов оригинала и эквивалентов из перевода в рамках предложения оригинала и некоторого набора близких к нему предложений перевода и сопоставления наиболее близких предложений методом динамического программирования; б) в отсутствие двуязычного словаря выполнялся автоматический перевод текста оригинала по предложениям средствами онлайн-переводчика (Google) с последующим сопоставлением текста автоматического перевода и перевода, выполненного человеком, также методом динамического программирования.

Контроль выполненного таким образом выравнивания выполнялся студентами 2 курса романо-германского отделения филологического факультета МГУ в качестве задания по летней компьютерной практике.

Результаты работы по выравниванию текстов Чехова и переводов его произведений будут представлены в Интернете для свободного использования специалистами в области лингвистики и литературоведения, а также всеми, кто изучает русский и иностранные языки.

Т.Л. Шапошникова, О.А. Гордиенко, А.Ю. Егорова, Е.А. Трунова
Кубанский государственный
технологический университет, Краснодар

Русская литература сквозь призму сетевого общества и культурного наследия

T.L. Shaposhnikova , O.A. Gordienko, A.Y. Egorova, E.A. Trunova
Kuban State Technological University, Krasnodar

Russian Literature through the Prism of Network Society and Cultural Heritage

Мир идет аршинными шагами к техническому прогрессу, поэтому одной из актуальных проблем современности становится сохранение этико-культурного наследия общества, без которого невозможно оценить пути и перспективы развития техники и технологии, сформировать духовные ценности нового поколения.

Самый старый и проверенный способ морально-этического самосохранения общества – знакомство нового поколения с классической художественной литературой. Ее письменная форма в свое время заменила устное народное творчество, после чего дописьменные формы литературы стали архаичными. А сейчас, в свою очередь, фиксация на бумажном носителе заменяется фиксацией на носителе электронном в сетевом обществе. Следующий этап развития науки приведет к другому техническому решению, способствующему иному способу сбережения духовных ценностей, но суть художественного слова как хранителя духовного богатства народа останется неизменной.

Сетевое общество задало иную цену времени, которое затрачивается человеком на духовное развитие. Достаточно сравнить протяженную речь сказителя, тон и темп молитвы и отрывистые лозунги современных СМИ. Кратость стала уделом нашего времени, в результате художественная литература приспособилась под потребность краткости. Но это не умалило ее значения и ее воздействия на людей: в сетевом обществе также востребована мораль и нравственность, выраженная художественным словом, как и в предшествовавших обществах.

Многие сейчас обратили внимание, что в Интернете всё больше появляется сборников цитат и что они пользуются большой популярностью. Современный потребитель информации стал получать в свернутом виде гуманистическую идею в хорошем литературном оформлении.

Удачная цитата заставляет обратиться ко всему произведению, к творчеству автора. Это тоже один из способов продвижения литературы. И он продиктован временем.

Если раньше читатель собирал по крупицам крылатые выражения, читая книгу за книгой, то теперь мы получаем безо всякого духовного труда квинтэссенцию творчества

сразу многих писателей. Потребность в духовном общении с книгой есть, но времени нет не то чтобы на книгу, даже на хороший фильм, отснятый по литературному произведению. Можно ли винить людей в лености, винить технику, за скоростями которой вынужден гнаться современный человек?

Если есть проблема и наличествует вызов времени, то можно пронаблюдать, как эту проблему начал решать социум. Первое решение – предложение при написании ОГЭ и ЕГЭ широко пользоваться цитатами и крылатыми выражениями в иллюстративных целях, а также уметь описать значение фразеологизма или цитаты в творческом задании ОГЭ. Второе решение – предложение при написании ЕГЭ извлекать цитаты из рассматриваемого текста для доказательства позиции автора.

Таким образом, навык работы со смысловым содержанием цитат выработан школьной системой обучения. И этот навык сохраняется при переходе учащегося в высшую школу, в том числе и в техническую, о которой далее пойдет речь.

В нашем подходе к проблеме продвижения русской литературы в инженерном вузе была использована, кроме сформированной школой привычки к цитированию, выявленная нами в ходе психолингвистического эксперимента возможность учащихся осваивать литературный материал средствами цитат.

Нами был проведен тест-опрос среди студентов первого курса технического вуза (Кубанского государственного технологического университета) и учащихся колледжа, находящегося при вузе, на предмет того, каким они представляют свое будущее. И мы в какой-то мере получили литературный портрет молодого поколения.

Оказалось, что философские взгляды позаимствованы молодым поколением в основном из западной литературы, включая публицистику, высказывания духовных лидеров. Но при этом выяснилось, что привлеченные респондентами высказывания не входят в противоречие с гуманистическими взглядами русских классиков. То есть респонденты ассоциативно подобрали те смысловые, концептуальные позиции, которые не входят в противоречие с русской национальной ценностной картиной мира [1], отражением которой выступают цитаты из произведений русских классиков.

Студенты в основном избрали цитаты, в которых заложено аналитическое отношение к миру: «Человек не сможет добиться успеха в жизни, пока не осознает истинную причину своих ошибок» (Наполеон Хилл), «Жизнь никогда не меняется. Меняется только твой взгляд на нее» (Джефф Фостер), «Нет никаких ключей от счастья, дверь всегда открыта» (Мать Тереза), «Суть жизни – найти самого себя» (Икбал, индийский философ) и пр. Среди этой достаточно большой группы встретились только две цитаты из русской классики. Лев Толстой, жизнеутверждающая цитата, тематически идентичная цитатам предшествующих авторов: «Пора престать ждать неожиданностей и подарков от жизни, надо самому делать жизнь». Вторая цитата, принадлежащая Козьме Пруткову, восхищает своей ироничностью и нарочитой крестьянской сметливостью в сравнении с прямотой рассуждений других авторов: «Не будь врагом нового, будь другом старого».

Установка на отношение к окружающим также базируется в основном на высказываниях западных классиков: «Люби всех, доверяй избранным и никому не делай зла» (Уильям Шекспир), «Относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе» («Золотое правило нравственности» Аристотеля, Сократа, Платона, Сенеки и др.

древних философов), «Твои права заканчиваются там, где начинаются права другого человека» (Робеспьер). Ультимативному заявлению времен Французской революции противостоит ультралевый принцип-лозунг Марка Твена: «Танцуй так, как будто на тебя никто не смотрит. Пой так, как будто тебя никто не слышит. Люби так, как будто тебя никогда не предавали, и живи так, как будто Земля – это рай!»

Из российских классиков в этот перечень попало опять-таки только одно высказывание, принадлежащее А.Н. Островскому и развитое Ф.М. Достоевским: «Бедность не порок, слабость – преступление».

Как можно судить по содержанию и направленности цитат, всем им присуща гуманистическая направленность. И это не только свойственно русской национальной ценностной картине мира, но и является проявлением «всечеловеческого в национальном» [2]. Из этого следует, что российская молодежь избирает круг ценностей, которые можно определить как общие гуманистические ценности нового сетевого общества, рассматриваемого в качестве общества межкультурного. Это свидетельствует о становлении нового, практически сложившегося подхода к культурному наследию: выбор культурных ценностей молодым поколением расширился и вышел за рамки своей национальной культуры и литературы.

Проведенные исследования показали, что русская национальная ценностная картина мира – система открытая, она вбирает большое количество цитат зарубежных писателей, выражающих всеобщие гуманистические идеи и отражающих базовые межнациональные ценности, не противоречащие менталитету русского человека. Становление этой системы можно наблюдать экспериментально через ее проявление в дискурсе молодого поколения носителей русского языка [3; 4]. Художественная литература, являясь

элементом общемирового культурного наследия, отражает гуманистические ценности нового сетевого общества. Экспериментально доказано, что русская ценностная картина мира благодаря Интернету начала активно репрезентировать тексты, содержащие гуманистические ценности, наработанные мировой литературой. Отбирая цитаты, характеризующие ценности, участники эксперимента в количественном плане отдали предпочтение цитатам из произведений зарубежной литературы, но в выборе отталкивались от гуманистических ценностей русской литературы. По гуманистическим установкам все избранные цитаты входят в единую гуманистическую ценностную картину современного мира и характеризуют вклад русской литературы и российского культурного наследия в складывающееся мировое сетевое культурное сообщество.

Таким образом, сохраняемое художественной литературой культурное наследие в эпоху перехода к сетевому обществу претерпевает достаточно любопытное изменение: выкристаллизовываются ценностные культурные единицы, выраженные цитатами, афоризмами, пословицами, фразеологизмами и пр. знаковыми для культуры выражениями. Они востребованы носителями языка как культурные ментальные образцы, ими свободно оперируют носители языка в дискурсе, а школьная практика приучила к их вычленению и нормативному использованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Электронный ресурс]: https://studfiles.net/preview/1806336/page:13/ (дата обращения: 01.04.2020).

2. *Мишатина Н.Л.* Лингвоконцептология как теоретико-прикладное направление современной методики // Университетский научный журнал. 2012 № 2. С. 77–88. [Электронный ресурс]: http://elibrary.ru/item.asp?id=17706591 (дата обращения: 01.04.2020).

3. *Шапошникова Т.Л., Трунова Е.А., Гордиенко О.А., Егорова А.Ю.* Востребованность в студенческом возрасте обращения к гуманистическим идеям художественной литературы как направленность и результат духовного воспитания // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 5. С. 64. [Электронный ресурс]: https://science-education.ru/ru/article/view?id=29266 (дата обращения: 01.04.2020).

4. *Шапошникова Т.Л., Гордиенко О.А., Рус-Брюшинина И.В.* Фразеологизмы и цитаты активного употребления в системе ценностей «цифрового» мира (по результатам социологического опроса студентов) // Гуманитарные и социальные науки. 2019. №4. С. 159–170.

Т.Г. Шеметова
Университетская гимназия-интернат
МГУ имени М.В. Ломоносова

Пушкин и Бродский: от противостояния к сближению

T.G. Shemetova
University Gymnasium of Lomonosov Moscow State University

Pushkin and Brodsky: from Opposition to Similarities

Согласно теории литературной эволюции Ю.Тынянова[1], говорить о преемственности в искусстве можно только при явлениях ученичества или эпигонства, но главный принцип развития литературы – борьба с предшественниками. Имя Пушкина появляется в творчестве И. Бродского с завидным постоянством. Отталкиваясь от этого влияния, он

[1] *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255–269.

называет Баратынского своим любимым поэтом и выстраивает антитезу с Пушкиным: «…это гениальные стихи. Лучше, чем пушкинские»[1]. Но даже в этом противопоставлении Пушкин остается точкой отсчета, мерилом гармонии.

Возьмем, к примеру, стихотворение Пушкина «Я вас любил…», которое является отправной точкой лирических раздумий в шестом из «Двадцати сонетов к Марии Стюарт» И. Бродского. В жанровом отношении и то и другое – послания к возлюбленной. В противоположность пушкинскому первоисточнику лирический герой Бродского решает в отрицательном смысле гамлетовскую дилемму «быть или не быть» и уже выбирает висок, «в который вдарить». Но «задумчивость», помешавшая субъекту совершить роковой акт самоубийства, диктует поэту возвышение над собственными страданиями, как бы посмертный взгляд на земную жизнь. Мгновения любви невозвратимы и неповторимы («не сотворит – по Парменидy – дважды / сей жар в крови»[2]), потому что бытие, согласно мнению упомянутого древнегреческого философа, единственно и неуничтожимо, а значит, испытанное субъектом чувство объективно существует и будет существовать вне времени. В заключительных строках лирический герой как бы касается уст героини (ср. пушкинское «не совсем» угасшее чувство, длящееся в бесконечности бытия). В конце стихотворения Бродского исчезают вульгаризмы («пломбы в пасти»), на смену им приходит высокая лексика («бюст», «уст»), как бы символизирующая пушкинский «праязык».

Заглавие другого стихотворения Бродского – «Разговор с небожителем» – сближает его с цветаевским «Разговором с гением». Оба произведения восходят к пушкинскому «Пророку». Крайности поэтики Цветаевой («впадал то в

[1] *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Эксмо, 2006. С. 467.

[2] *Бродский И.* Часть речи. Избранные стихотворения. СПб.: Азбука классика, 2006. С. 181.

истовость, то в ересь»), чрезвычайно родственные поэтическому миру раннего Бродского, осознаются им как пройденный этап. Лирический герой смотрит на себя – земного – «свыше», отсюда сравнение себя с мышью, сопоставимое с метафорой «жизни мышья беготня» из стихотворения Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». Мышь еще и символ трусливой, потаенной жизни: «<…> жил <…> / как мышь в золе, / где хуже мыши / глодал петит родного словаря»[1].

Итог этой жизни возвращает нас к финальной сцене пушкинского «Пророка»: герой Бродского живет, «уже ни в ком / не видя места, коего глаголом / коснуться мог бы <…>». В отличие от лирической героини Цветаевой, он жалуется не на творческую немоту – отсутствие «глагола», а на отсутствие «сердец людей», нуждающихся в нем. Душа не мятущаяся пленница тела, как у Цветаевой, а сравнительно статичный «слепок с горестного дара» и «более ничем не обладала», являясь неким бесформенным обрамлением «глагола».

Личностное переосмысление вечных ценностей требует от поэта полной искренности. Отсюда совершенно немыслимый в контексте предшествующей литературной традиции оборот (впрочем, распадающийся на высокий и низкий стилевые элементы): «<…> кладу на мысль о камуфляже. / Там, на кресте»[2]. Это вызов, брошенный в лицо божественному посланнику: завет Спасителя не может быть «благой вестью», потому что его боль – это обычное состояние людей: «человек есть испытатель боли». Но, в отличие от божественного Сына, человек, сойдя с креста, идет «на вещи по второму кругу», спускаясь во мрак, а не поднимаясь ввысь.

---

[1] *Бродский И.* Часть речи. Избранные стихотворения. С. 109.
[2] *Бродский И.* Часть речи. Избранные стихотворения. С. 111.

Рефрен «Здесь, на земле» как бы знакомит «небожителя» с законами, противоречащими Его справедливым установлениям: с течением времени все «вещи» сливаются и приспосабливаются друг к другу. Лирическому герою удалось избежать этого неминуемого слияния с повседневностью: «ты не в масть / моим задаткам, комплексам и форам / зашел – и не предал их жалким формам / меня во власть»[1]. Но цена этой «неслиянности» – боль потери всего, что имел в жизни. И вот предстоит расставание с самой жизнью: поэт предчувствует еще большее испытание, поскольку у него уже есть своеобразный опыт «послесмертия»: «Ну что же, рой! / Рой глубже и, как вырванное с мясом, шей сердцу страх пред грустною порой, / пред смертным часом». Смерть и бессмертие пугают героя своим общим качеством – «мыслью об одиночестве». Эта перспектива «доступна глазу» поэта, но характерна его попытка «прокричать и посмотреть», не откликнется ли все-таки небесный адресат.

«Ночная тишь», как пушкинская жизнь-«мышь» из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы», не дает ответа на мучительные выкрики – весь мир спит в оконной раме. Вместо ответа – только слабый голос памяти. Лирический герой сожалеет об отсутствии в христианстве, к которому он, по всей видимости, склоняется, «божка воспоминаний». Рефреном проходит в стихотворении односоставное предложение «Ночная тишь» – символ ожидания, которое в ахматовской «Музе» оправдалось откликом сверхценного существа, а в стихотворении Бродского лишь подтверждает исходную мысль о «безадресности» речи поэта.

Молчание «небожителя» тем не менее воспринимается читателем как «знак согласия», поскольку в финале обращения к Ангелу интимизируются: «мой друг», «друг-небожитель». Жизненные мучения (по крайней мере, этой ночи)

[1] *Бродский И.* Часть речи. Избранные стихотворения. С. 113.

подходят к концу, встреча с желаемым «другом» близка, не зря герой так долго «жлобился о Господе». Прожив жизнь, герой все же пытается понять, «зачем так много черного на белом?» Горло, один из инструментов «божественного глагола», «исходит грифелем и мелом» – явная отсылка к «Грифельной оде» Мандельштама, а через него – к «Реке времен» Державина. Такая преемственность, по-видимому, помогает лирическому герою Бродского преодолеть мучительное одиночество. В финале стихотворения сбившаяся в «комок» мысль «о победе снега» – все-таки белого над черным! – и «отбросы света, падающие с неба», – отбросы то ли слов, то ли слез «небожителя», возможно, его ответ на все вопросы поэта-пророка.

Вопящий за стеной младенец и умирающий старик в окне больницы знаменуют непрерывность жизни. Весна – черное таянье «света», еще не пришла на смену белому – снегам. Ребенок еще не жил, а старик еще не умер, герой находится ровно посередине. Как герой «Божественной комедии» Данте, он знает о «земной жизни» все. Рефрен «Страстная. Ночь» и «Апрель. Страстная» – символ очищающих страданий и непрерывности жизни, заставляющий включить в орбиту сознания лирического героя «голоса» из стихотворений Ахматовой («Тридцать первое. Ночь. Понедельник») и Пастернака («На Страстной»). Стихотворение Бродского «Разговор с небожителем» по форме представляет собой монолог-исповедь, а по содержанию – бахтинский «диалог» со множеством собеседников, главный из которых – Пушкин, поскольку к нему обращено наибольшее количество аллюзий.

Еще одно произведение, в котором не сразу распознается жанр «разговора с небожителем», – стихотворение Бродского «У памятника А.С. Пушкину в Одессе». В первых пяти шестистишиях Бродский изображает «чужой

порт» – Одессу, связанную в пушкинской биографии с южной ссылкой. Вопреки этому романтическому топосу он создает образ лирического героя, близкий к более позднему периоду творчества предшественника – к пророку, «влачившемуся» в пустыне. Симптоматично наименование памятника Пушкину – «апостолом»: божественные коннотации памятник сохраняет, разделяя их с Пушкиным.

Одесский памятник, исполняя завет одноименного стихотворения Пушкина, «вознесся»: лирическому герою Бродского приходится «втаскивать» себя по лестнице, поднимаясь к нему. Но «апостол», в отличие от других высших существ, посещавших поэтов-пророков, сохраняет и большинство человеческих черт: он, в частности, «стынет» от сырости южной зимы. Изобразив точное расположение памятника: «спиной к отчизне и лицом к тому, / в чью так и не случилось бахрому / шагнуть ему», – автор подчеркивает неестественную для Пушкина-человека статичность. Поэт не трясет гордой головой, как памятник в стихотворении «Пушкину» Есенина, и не спрыгивает с постамента, как в «Юбилейном» Маяковского, а мерзнет, закованный в тяжелый чугун, застыв в строго очерченных границах: «<…> точно пахана / движений голос произнес: «Хана / Перемещеньям!»[1]

Голос «пахана»-хама, распоряжающийся судьбой поэта, принимающий за него жизненно важные решения, «делающий ему судьбу» (по выражению Ахматовой), – это автобиографическая тема Бродского. Отсюда «тоска родства», которую испытывает лирический герой по отношению к Пушкину. Противостояние поэта и державной власти как одна из тем пушкинского «Памятника» формирует и проблему «русской судьбы» в стихотворении Бродского. Лирический герой пытается расслышать «главный звук» от-

[1] *Бродский И.* Часть речи. Избранные стихотворения. С. 426.

чизны, раздающийся в мироздании. И в этом звуке «лязг оков» заглушает звон «сорока сороков» церквей.

Герой Бродского, в отличие от героев аналогичных по жанру и теме стихотворений Маяковского и Есенина, не обращается напрямую к Пушкину, а говорит о нем в третьем лице. Тем не менее во второй части стихотворения явственно ощущается вопросительная интонация, особенно в повторяющихся синтаксических фигурах предположения о судьбе поэта, оформленных в нарочито просторечном стиле: «Поди, и он <…>», «И он, видать», – как бы взыскующих подтверждения. Параллелизм судеб подчеркивается преобразованной синтаксической конструкцией: «И я там был, и я там в снег блевал». По сравнению с фольклорной присказкой «И я там был, мед-пиво пил», которую часто использовал в своих сказках Пушкин, она звучит сниженно и одновременно трагически.

В противовес «звенящей бронзе» Есенина, «спокойной к обиде меди» Маяковского, пушкинский памятник Бродского лишен позитивных коннотаций, поскольку отлит из отходов тяжелого чугуна, который метафорически тянет его ко дну: «И отлит был / из их отходов тот, кто не уплыл, / тот, чей, давясь, проговорил / “Прощай, свободная стихия” рот, / чтоб раствориться навсегда в тюрьме широт, / где нет ворот»[1]. Вместо «перемены мест» (путешествия или бегства по морю от «всевидящего ока») Пушкин навсегда остается в безбрежных пределах России.

Образ памятника, берущий свое начало в античной поэзии, был творчески переработан сначала Пушкиным, который сделал его символом каждодневного труда поэта, подвига «самостоянья». В литературе XX в. этот образ претерпел изменения, связанные с вхождением в национальный менталитет скульптурного образа Пушкина. В стихотворе-

[1] *Бродский И.* Часть речи. Избранные стихотворения. С. 427.

нии «У памятника А.С. Пушкину в Одессе» Бродский использовал возникший в XX в. жанр разговора с монументом и форму горацианской оды. Каждодневный мучительный труд поэта, его жажда соответствия первоначальной задаче – восстановлению «в веках» Божественного слова – вот что объединяет виднейших поэтов XIX и XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

Бродский И. Часть речи. Избранные стихотворения. СПб.: Азбука классика, 2006. 464 с.

Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Эксмо, 2006. 640 с.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 578 с.

А.Ф. Галимуллина
Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета

Современная русская проза Республики Татарстан в контексте диалога культур

A.F. Galimullina
Kazan (Volga Region) Federal University

Modern Russian Prose of the Republic of Tatarstan in the Context of Dialogue of Cultures

Отметим, что изучение литературных интерпретаций художественного пространства, локальных текстов в гуманитарных дисциплинах рубежа XX–XXI вв. является актуальной проблемой междисциплинарных исследований. В отечественных публикациях наряду со «столичными» городскими текстами в центре внимания исследователей находятся «локальные», «провинциальные» тексты Н.Ю. Детковой, В. Абашева, П. Вайля, М.Н. Гаврилиной, А.Н. Давыдова, Н.В. Осиповой, И.А. Разумовой, Е.А. Смышляева находятся «локальные», «провинциальные» тексты [Деткова 2009; Абашев 2000; Вайль 1999; Гаврилина 2013; Осипова 2002; Давыдов 1988; Разумова 2000; Смышляев 2018].

В трудах Р. Барта, К. Леви-Стросса, Н. Анцыферова, В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана сложилась методология изучения локальных текстов и семиотики города. В исследованиях Н.П. Анцыферова город рассматривается в контексте генезиса литературы и творчества известных писателей (например, Петербург А.С. Пушкина, Ф.М Достоевского), представители тартуско-московской школы В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман изучали петербургский, парижский и другие городские тексты через призму наиболее значимых для семиотики города понятий, таких как текст, миф, символ [Ацыферов 1991; Топоров 1995; Лотман 1984]. М.А. Гололобов и Н.Л. Потанина в ряде статей предприняли удачную попытку теоретического осмысления содержания определения «городской текст» и его интерпретации в современной теории литературы и художественной практике российских писателей [Гололобов 2008; Потанина 2012].

По образному замечанию Е.А. Смышляева, «В.Н. Топоров бросил методологический вызов России, и та ответила ему текстуальной революцией гуманитарного знания, породив многообразное количество «текстов» – московский, киевский, сибирский, алтайский, уральский, волжский, саратовский, кавказский, северный» [Смышляев 2018: 4]. Наиболее изученным в российском «провинциальном тексте» являются «воронежский текст», исследованию которого посвящены конференции и сборники статей, а также «челябинский» и «пермский» тексты, ставшие объектами целенаправленного и комплексного изучения ряда исследователей.

Национализация пространства и маркировка исторически значимых для «воображения» национальной картины мира географических мест соотносится одновременно с обозначением границ этнической идентичности. Если рассматривать эти национальные пространственно-временные концепты в рамках конструктивистской парадигмы, то

обнаруживаются разные механизмы мифологизации. Например, в изображении городов Казани, Москвы, древнего Булгара, также Крыма и татарской деревни появляется иерархическая система пространственных образов, которая наполнена символической семантикой.

Создавая свои произведения на русском языке, русские и русскоязычные прозаики Татарстана вписываются не только в многонациональный литературный процесс нашей республики, но и во всероссийский контекст. Этим и обусловлена основная сложность в оценке их творчества, да и их самоопределения. С удовлетворением можно отметить, что творчество многих русских писателей республики отличается хорошим художественным стилем, что отражает высокий интеллектуальный уровень и литературную эрудицию современных русских писателей нашей республики. В творчестве русских писателей Татарстана можно наблюдать две естественно сформировавшихся тенденции: мирное сосуществование радикального постмодернизма и литературы, ориентированной на классические традиции.

В литературно-художественных журналах на русском языке, таких как «Идель», «Казань», «Казанский альманах», издающихся в Казани, и «Аргамак» – в Набережных Челнах, ежемесячно публикуются рассказы, отрывки из повестей и романов. Многие казанские русские писатели неоднократно печатались во всероссийских журналах: «Дружба народов», «Новый мир», «Юность», «Октябрь», «День и Ночь» и других. Наиболее востребованными в этом плане являются писатели Борис Вайнер, Ахат Мушинский, Салават Юзеев, Альбина Абсалямова, Денис Осокин, Айрат Сахибзадинов, Евгений Сухов, Альбина Нури, Татьяна Шахматова, Ольга Кузьмичева-Дробышевская.

Среди русских писателей, развивающих лучшие традиции реалистической литературы, одновременно учитывающих

и традиции модернистской литературы с ее пристальным вниманием к внесоциальным, онтологическим и метафизическим мотивировкам человеческого поведения и сознания, можно назвать Равиля Бухараева, Ахата Мушинского, Бориса Вайнера, Рустема Сабирова, Рауля Мир-Хайдарова, Айрата Сахибзадинова, Салавата Юзеева, Нонну Орешину, Майю Валееву, Диаса Валеева, Рустема Кутуя, Льва Кожевникова, Владимира Корчагина, Александра Аввакумова, Владимира Лавришко, Альбину Абсалямову, Маргариту Небольсину, Татьяну Шахматову, Ольгу Кузьмичеву-Дробышевскую.

Так, произведения Ахата Хаевича Мушинского, опубликованные в сборнике «Яблони цветут в октябре», изданном в Татарском книжном издательстве в 2011 г. и включающем лучшие произведения автора разных лет: романы «Шейх и звездочет» и «Записки горбатого человека», повести и рассказы, – а также опубликованные в 2011 г. на страницах журналов «Казань» и «Казанский альманах» отрывки из романа «Белые волки», повествующего о хоккеистах, писателях, отличаются глубоким психологизмом. Произведения А. Мушинского можно отнести к интеллектуальной прозе, склонной к философичности. В прозе писателя выстраивается своеобразный казанский текст, в синтезе исторического, легендарного и современного раскрывается многомерность нашего города. А. Мушинский тщательно работает над словом, создавая яркие запоминающиеся образы; так, повесть «Прогулка за эдельвейсами. Из жизни альпинистов» погружает нас в романтику гор, показывая запоминающиеся и завораживающие горные пейзажи и разворачивающуюся на их фоне драматическую проверку героев на мужество, порядочность, на звание Человека.

В 2009 г. в московском издательстве «ВегаПринт» вышел роман «Небо земных надежд» Н.Н. Орешиной о проблемах военной авиации на рубеже 2000 г. и преемствен-

ности летного мастерства. В 2010 г. в Таткнигоиздате была опубликована ее книга воспоминаний с подзаголовком «О жизни и творчестве в небе и на земле». Суть и замысел передает само название книги – «Полет души». Произведения, собранные в книге, объединяет форма повествования «от первого лица», подлинность событий, имена и факты, психологическое осмысление их. За эту книгу в том же 2010 г. Нонне Орешиной была присуждена Всероссийская литературная премия имени Г.Р. Державина.

В 2011 г. в московском издательстве «Полигон-Пресс» была издана документально-художественная книга «В режиме вертикального взлета» с подзаголовком «Размышления летающего писателя», о событиях тридцатилетней давности. Автор вспоминает об уникальном самолете вертикального взлета и посадки Як-38. Н.Н. Орешина избрала темой своих очерков, повестей, романов узко специфическую тему, которая ориентирована прежде всего на профессиональных авиаторов, очень ревниво относящихся к вторжению извне, особенно со стороны женщины-журналиста, женщины-писательницы. Надо отдать должное писательнице: она сумела не только технически проникнуть, но и психологически прочувствовать эту специфическую профессию, требующую полной отдачи от своих специалистов, в то же время некой завороженности Небом.

Прозаические произведения Салавата Юзеева, Бориса Вайнера, Владимира Лавришко, Нонны Орешиной отражают присущую современной русской и мировой литературе тенденцию отхода от чистой художественности в сторону документального. Синтез художественного и документального позволяет писателям создать иллюзию реальности происходящих в их произведениях событий, приблизить повествование к современному читателю. О распространенности данного явления в современной литературе и культуре сви-

детельствует международная научная конференция «Синтез художественного и документального в литературе и искусстве», проводимая ИФМК КФУ (2010– 2020); в многочисленных докладах участников конференции рассматриваются литературные явления, объединенные под названием «non-fiction» / «нон-фикшин», как «человеческий документ», «литература факта», «документальная литература», «эго-документ», «наивное письмо», «документальные жанры».

Русские писатели, как и многие их собратья по перу в России и мире, используют и интернет-ресурсы для популяризации своего творчества, «выкладывая» свои прозаические произведения на сайте «Проза.ру», а также на популярных сайтах сетевых журналов. Так, роман Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых» (2008) был размещен на ресурсе литературно-философского интернет-журнала «Топос», что позволило существенно расширить аудиторию читателей. Однако с сожалением необходимо отметить, что зачастую русские писатели нашей республики остаются неизвестными широкому кругу читателей и исследователей, тогда как произведения русскоязычных писателей, живущих в Москве: Г. Яхиной, Р. Шарифуллина, И. Абузярова – издаются большими тиражами и пользуются большой популярностью среди читателей.

Показательно, что Б. Вайнер во вступлении к автобиографической повести о своем детстве «У дороги чибис», опубликованной в 2012 г. в восьмом номере журнала «Казанский альманах», предупреждает читателя: «Здесь нет ничего из чужой памяти – только то, что хранит моя; и никаких героев, кроме Частной жизни», – нацеливая читателя на соответствующее восприятие. Следует отметить, что Б. Вайнер в 2008 г. награжден званием «Заслуженный деятель искусств РТ», а с книгами прозы и стихов для детей «Бегемоты здесь не ходят» и «Нинзя из Самураевки», выпущенными Татарским

книжным издательством, дважды стал лауреатом республиканского конкурса «Книги года». В различных издательствах страны вышло более десятка его книг для взрослых и детей: «Оловянный, деревянный и стеклянный», «Волшебная книга», «Кого ищет медвежонок?», «Такие далекие джунгли» и др. Таким образом, русские писатели и к созданию детских книг подходят серьезно, по-взрослому.

В апреле 2012 г. состоялась презентация пятитомника собрания сочинений Равиля Раисовича Бухараева, выпущенного издательством «Вакыт», включающего «Книгу единства», «Книгу признания», «Книгу истории». Проза Р. Бухараева – это проза поэта, она ассоциативна, образна и метафорична, с большим вниманием к деталям, с философскими обобщениями, с тончайшими наблюдениями над человеческой душой. За объединение человечества писатель в 2011 г. был награжден «Орденом единства» ООН.

Особую группу документально-художественных повествований составляют книги о писателях. В частности, книга о Диасе Валееве «Либертус или Люцифер? К анализу творчества Диаса Валеева» (сост. Дина Каримовна Валеева, 2011), состоящая из воспоминаний, рецензий и критических статей о творчестве прозаика, драматурга, эссеиста и философа Диаса Валеева. В 2011 г. была издана первая книга о жизни и творчестве Рустема Адельшевича Кутуя, вышедшая к 75-летию писателя, – «Смысл жизни разгадать пытался я…». Автор-составитель, писательница Маргарита Небольсина, включила в сборник воспоминания, анализ творчества писателя, архивные документы, фотографии. Книга и конференция «Русскоязычная литература Республики Татарстан», проведенная Академией наук РТ в 2011 г., имели широкий резонанс среди литературоведов не только нашей республики, но и других регионов.

В художественно-документальной книге Альбины Абсалямовой «Никогда не угаснет: история жизни и творчества писателя Абдрахима Абсалямова, рассказанная его внучкой», изданной в Татарском книжном издательстве в 2011 г., использованы малоизвестные факты, документы, черновики, рукописи и письма писателя. Подробно освещен его жизненный путь, дан глубокий психологический портрет Абсалямова, раскрыты истоки его творческого пути. Художественно-документальное повествование, посвященное 100-летнему юбилею татарского классика, позволяет по-новому взглянуть на его творческую мастерскую. Поэтесса А. Абсалямова в последние четыре года активно осваивает и различные прозаические жанры: эссе «Алифба» в журнале «Октябрь» (2008), цикл рассказов «Мифы и предания Аси и Абики» (Казань, 2008), «Ключи и ворота» (2009), «Там, на неведомых дорожках» (Казань, 2011), «На деревню, к дедушке» (Казань, 2012), «Двадцать семь. Успеть сказать, пока не поздно» (о Габдулле Тукае).

Тему «маленького человека» в лучших традициях реалистической прозы разрабатывает Айдар Сахибзадинов, противопоставляя вечные идеалы дисгармоничности современного мира в повестях «Понятие крови» (Казань, 2009); «Память крови» (2011) и рассказах «Апологет» («Идель», 2008), «Провинциал» («Идель», 2009), «Костры» («Идель», 2010), «Тяжесть», «Все впереди» («Идель», 2012), эссе «Молодость: от Хрущева до наших дней» («Идель», 2010), «Записки кладовщика», «Апогет», «Мизантроп», «Костры». А. Сахибзадинов – лауреат журнала «Флорида» (2010) и всероссийской литературной премии имени Г.Р. Державина (2012).

Традиции реализма и неосентиментализма, иногда граничащего с натурализмом, «возрождают «слезную традицию», уходящую своими корнями в древние формы культуры, в обряды оплакивания и поминания» [Лейдерман 2001: 84]. Таков сюжет повести Дениса Осокина «Овсянки». В прозе Дениса

Осокина сплавляются эротические, некротические и мистические мотивы, стилизация под примитивизм, ярким признаком которого является «неостранение», восприятие чудесного как обыденного. Показательно, что одним из основных источников его произведений является фольклор, существенно переосмысленный и преломленный через индивидуально-авторское мировидение. Его повесть «Овсянки» (написана в 2007 г., впервые опубликована в журнале «Октябрь», 2008), вышла отдельной книгой в Москве в издательстве «Колибри» (2011) и стала основой одноименного художественного фильма (2010, режиссер Алексей Федорченко); повесть отмечена рядом премий: премией «Ника» за лучшую сценарную работу; вошла в лонг-лист премии Большая книга, шорт-лист премии Андрея Белого. Герои повести – представители финно-угорского племени меря, которое ассимилировалось среди русских, утратило свой язык, но сохранились географические названия, священные камни. История о любви, о потере близкого человека – жены представлена сквозь призму языческих верований и в то же время наполнена особой поэтичностью. В 2020 г. литературное творчество Д. Осокина отмечено высшей наградой в области культуры в Республике Татарстан: ему присуждена Республиканская премия им. Г. Тукая за книгу «Огородные пугала с ноября по март».

Казанский писатель и журналист Адель Хаиров в своих произведениях последних лет продолжает традиции Вен. Ерофеева в изображении маргинальных героев, создавая произведения, основанные на приемах комического, родственного раешному смеха: роман «Золото и Г» («Октябрь», 2008), поэма «Казань – Курочки» («Октябрь», 2008), прозаическая поэма «Тридцать кругов Рая и Ада» (Идель, 2010), рассказы «Муза и Бахус» («Казанский альманах», 2011), «Семендей», «Дыра» («Казанский альманах», 2012), «Алжирец» («Идель», 2012), «Я & alterego» (Идель, 2012).

Таким образом, в творчестве Л. Кожевникова, Д. Осокина, А. Хаирова намечается сознательная ориентация на литературу радикального постмодернизма. Однако, как показывает краткий обзор современной русской прозы Республики Татарстан, доминирующей и плодотворной тенденцией является поиск, в основе которого развитиелучших традиций реалистической литературы с привлечением опыта постмодернизма.

ЛИТЕРАТУРА

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.

Анцыферов Н.П. Душа Петербурга. СПб.: Лениздат, 1991. 333 с.

Вайль П. Гений места. М.: Колибри, 2008. 488 с.

Гаврилина Л.М. «Калининградский текст» как репрезентация региональной идентичности // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 88–99.

Гололобов М.А. Городской текст и ракурсы его интерпретации // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 1(57). С. 178–182

Давыдов А.Н. Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта // Культура русского севера. Л., 1988. С. 86–99.

Деткова Н.Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2009. № 18(156). Вып. 12. С. 63–69.

Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: В 3 кн. Кн. 3: В конце века (1986–1990-е годы): Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 160 с.

Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18. С. 30–45.

Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.

Осипова Н.В. Вятский текст в культурном контексте // Бинокль. 2002. № 5. С. 27–35.

Потанина Н.Л., Гололобов М.А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1(7). С. 32–37.

Разумова И.А. «Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв.) // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000. С. 324–334.

Смышляев Е.А. Современная поэзия Челябинска как локальный текст: Автореферат дисс. … канд. филол. наук. Челябинск, 2018. 27 с.

Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы». Введение в тему // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367.

Н.А. Горбунова
Школа № 3, г. Сальск, Ростовская область

Евангелие от Б. Пастернака

N.A. Gorbunova
School № 3, Salsk, Rostov region

The Gospel of B. Pasternak

Русскую культуру невозможно осмыслить в отрыве от истории России, которая была выпестована Православием. Вся наша культура строится на основе фольклора, античности и Библии. Главным, по мнению христианства, было

Слово, и Библия помогает его вернуть. Она помогает видеть человека с гуманитарных позиций. Каждое время требует истин, а значит, и обращения к библейским постулатам.

Но в течение многих десятилетий XX в. верность исторической памяти, вере отцов, общечеловеческим устоям требовала от писателей России мужества, подчас и жертвенности, свидетельствовала о внутренней свободе в условиях доносов и террора. Самым значительным в этом ключе произведением XX в. является «Доктор Живаго» Б. Пастернака.

Удивительна судьба этой книги, так далеко разбросавшей свои семена благодаря поднявшейся вокруг нее буре; книге, которую называли «гениальной неудачей», «полным провалом» и «главным романом XX века»; книге, ради которой Пастернак родился и которая стоила ему жизни (см. гл. 17 в: [Быков 2007]).

В 1946 г. Пастернак назвал роман «Доктор Живаго» выражением своих взглядов на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое[1]. Действительно, в «Докторе Живаго» Пастернак дает свою оценку человеческой жизни. Особенно его волнует тема веры в Бога: «Атмосфера вещи – мое христианство, в своей широте немного иное, чем толстовское, идущее от других сторон Евангелия в придачу к нравственным».

Пастернак считал, что с приходом Христа закончилась история народов, массы – и началась история личности. История того, как личность входит в мир, выполняет свою миссию и совершает важнейший выбор. По мнению поэта, задача каждого человека – выбрать, идти ли путем Христа или путем тех, кто кричал «распни» или умывал руки. Поэтому ключевые мысли романа связаны с христианством и с концепцией жертвенности. Пастернак верил, что творить

[1] *Пастернак Б.Л.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Избранные письма 1910–1960. М., 1992. С. 454.

новое и изменять мир можно, только жертвуя собой, а не остальными. Такой же точки зрения придерживается и его герой Юрий Живаго, который, по сути, является отражением автора.

Герой становится невольным участником тех исторических переломов, которые были суждены России в первой трети XX в. Живаго у Пастернака становится центром, вокруг которого вершится реальная история. Его внутренний мир проецируется на образ Богочеловека, а происходящие вокруг героя события повторяют евангельскую историю, понимаемую автором как драма, – драма незащищенности человека в мире. И параллелизм между судьбой Юрия Живаго и судьбой Иисуса Христа стал в романе важнейшим способом открытия нравственной сущности противоборства человека со своим временем и со смертью.

Отметим, что в имени Живаго воплощается символический план образа Христа, связанный с победой над смертью и всемирным злом. Сама фамилия героя ассоциируется с образом Христа («Ты есть сын Бога живаго»: «живаго» – форма родительного и винительного падежей в древнерусском языке). В фамилии Живаго заключена отсылка к знаменитой цитате из Евангелия: «Ты – Христос, Сын Бога Живаго» (Мф. 16: 15–16). Пастернак сознательно писал этого героя похожим на Христа: человеком, который отличается от других, который несет свой крест и готов ради этой миссии претерпевать самые тяжкие лишения. Таким образом, Пастернак через фамилию героя дает ключ к разгадке важнейших глубинных идей романа.

Герой Пастернака Юрий Живаго талантлив, умен, добр, он сохраняет свободу духа, он видит мир по-своему и не подстраивается ни под кого – он личность.

Юрий Живаго почти не принимает непосредственного участия в событиях, но понимание им жизни, всего проис-

ходящего основано на христианских ценностях: в основе сюжета – евангельская драма духовного выбора и крестной жертвы.

Он словно бы воспроизводит образ Иисуса Христа, сошедшего на землю в двадцатом веке. Параллели жизни доктора Живаго с жизнью в романе не декларируются, однако бесспорно то, что внутреннее восприятие жизни главным героем сродни восприятию окружающего мира «галилейским чудаком», вот уже две тысячи лет восходящим на «лысую гору», для того чтобы быть распятым на кресте, «ибо, – как Им Самим же было сказано, – кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою “ради Христа” или ближнего своего, тот обретет ее» (Мф. 16: 25). Пастернак, в самом высоком смысле, словно бы пишет свое Евангелие, свою Благую Весть о том, что в мир пришел Человек – и «вокруг него спаслись тысячи».

По мнению Пастернака, человек должен носить в себе идею бессмертия. Юрий Живаго считает, что бессмертие будет достигнуто человеком, если он станет «свободен от себя», примет на себя боль времени, примет все страдания человечества как свои. Юрий Живаго символизировал фигуру Христа. Образ Христа воплощает в себе страдание и самопожертвование ради миссии, которую он на себя взял.

В романе Сима Тунцева говорит Ларе, что «человек состоит из двух частей. Из Бога и работы… Последняя по времени, ничем другим пока не смененная, всем современным вдохновением совершаемая работа – христианство»[1]. Предназначение интеллигенции многими виделось подобным образом. Для Пастернака весьма важна следующая христианская идея: тот, кто послушен призывам Христа, употребляет усилие над самим собой, усердно преобразует всю свою жизнь (см.: [Птицын 2000: 12]).

[1] *Пастернак Б.Л.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1989. С. 405.

Идеей жизни как жертвы живут герои всего произведения. Доктор Живаго также не стремится к приобретению богатства или влияния, но спокойно переносит выпавшие на его долю испытания. Он не подстраивается под обстоятельства, он верен своим жизненным принципам. О жертвенности, в смысле следования своему долгу, свидетельствует и отказ Юрия посвятить себя всецело поэзии, выбор им пути практического служения людям.

Доктору часто ставят в вину его непринадлежность к враждующим лагерям: знаменитой стала раскритикованная в «новомировском» письме сцена из романа, в которой доктор обнаруживает одну и ту же ладанку с девяностым псалмом на груди у красного партизана и колчаковского телефониста. Но именно это Пастернаку дороже всего, ибо белые и красные давно стоят друг друга, они уравнялись в «колошматине и человекоубоине»; красные и белые убивают друг друга вовсе не за то, что стало главным для доктора, и вообще история для него существует в другом пространстве: «Что-то сдвинулось в мире. Кончился Рим, власть количества, оружием вмененная обязанность жить всей поголовностью, всем населением. Вожди и народы отошли в прошлое.

…Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной».

Доктор Живаго воплощает художественные идеи автора. Центром романа у Пастернака является образ художника с его неповторимым восприятием мира, отражающим индивидуальность автора.

Несмотря на физическую смерть, главный герой все же нашел «эликсир вечной жизни». В этом заключается главная мысль романа – идея духовного бессмертия, которую Пастернак понимал весьма буквально. Поэт считал, что личность, «субъективность» человека после его смерти

продолжает жить в созданных им книгах, музыке, спектаклях, а также в сознании и памяти других людей. Чем больше людей знают и помнят твое дело, твое творчество, тем больший след ты оставляешь в мире. «Человек в других людях и есть душа человека», – говорит устами Живаго его создатель, именно так понимая бессмертие.

В «Стихотворениях Юрия Живаго» идут, проникая друг в друга, два лирических сюжета: первый – сюжет чуда жизни; второй – сюжет роковой предопределенности человеческой судьбы.

Судьба смертного человека незаметно перетекла в судьбу бессмертного Иисуса Христа. Их объединило общее состояние души – поклонение «чуду жизни» и полная душевная самоотдача во имя утверждения и сохранения феномена бытия как этизированного существования.

Осознание того, что его творение будет своеобразным залогом бессмертия, что пути к отступлению нет, ярче всего выражено в стихотворении «Гамлет», входящем в сборник произведений Юрия Живаго. Это своеобразное Евангелие от Юрия Живаго, духовное завещание, в котором он прощается с миром:

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.

Последними строками романа являются строки поэтические: роман завершается стихотворением «Гефсиманский сад», воскресением Сына Божьего, бессмертием, жизнью в других людях.

Жизнь словно свеча, которая не может гореть для себя: «...Все мы стали людьми лишь в той мере, в какой людей любили и имели случай любить...».

Пастернак, наделив своего героя поэтическим даром, сделал его богоравным, поэтому становится явственной соотнесенность судьбы Живаго с судьбой Христа, а евангелие от Юрия Живаго становится евангелием от Пастернака.

ЛИТЕРАТУРА

Быков Д.Л. Борис Пастернак. М., 2007. 896 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»)

Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. / [Сост. и коммент. Е.В. Пастернак, К.М. Поливанова]; Редкол.: А.А. Вознесенский и др. М.: Худож. лит., 1989–1992.

Птицын И.А. Христианская символика в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Череповец, 2000.

Н.И. Горобец
Военный институт физической культуры, Санкт-Петербург

Памяти Ю.В. Бондарева: пути постижения военными курсантами художественного мира писателя-фронтовика

N.I. Gorobets
Military Institute of Physical Culture, St. Petersburg

In Memory of Yu.V. Bondarev: Ways of Comprehension by the Military Cadets of the Art World of the Front-Line Writer

15 марта 2020 г. исполнилось 96 лет Юрию Васильевичу Бондареву – нашему современнику, большому русскому советскому писателю, отразившему в своем творчестве

традиции русской прозы XIX в. в изображении картин войны и мира XX столетия.

Год назад, 28 марта 2019 г., в Санкт-Петербурге в Михайловской военной артиллерийской академии прошла Межвузовская научно-практическая конференция «Язык, культура, образование: художественная литература военно-исторической тематики в образовательном процессе вуза. К 95-летию со дня рождения Ю.В. Бондарева» [7]. В годы Великой Отечественной войны еще неизвестный писатель Ю. Бондарев, в качестве артиллериста, прошел долгий и трудный путь от Сталинграда до Чехословакии.

29 марта 2020 г. он ушел от нас. Но не буду писать о Юрии Васильевиче Бондареве, последнем из могикан, в прошедшем времени. Творчество писателя – наше настоящее. Эта мысль пронизывала доклады преподавателей высших военных учебных заведений Санкт-Петербурга, собравшихся в Михайловской академии, эта мысль со мной и сегодня.

Бондарев принадлежит (да, принадлежит!) к поколению, юность которого была опалена Великой Отечественной войной. И в своем творчестве он все время обращается к теме войны «как времени высшего духовного напряжения», показывая, что возвращение к мирной жизни его героев было «не менее тяжелым испытанием, чем кровавые бои», потому что «будничность, проза обыденной жизни казались им потерей, обрубающей крылья» [4: 246]. Об этом поколении, опаленном войной, и роман Юрия Бондарева «Берег» – эпическое полотно, состоящее из трех частей с символическими названиями: «По ту сторону», «Безумие», «Ностальгия». Произведение было написано в 1970 г. и «строится на сопоставлении двух эпох жизни, двух отношений к ней, двух измерений: юности и зрелости» [4: 247]. В этом и состоит актуальность прочтения и

интерпретации эпизодов романа курсантами, которых мудрый собеседник-автор приглашает к разговору о добре и зле, о подвиге и трусости, о благородстве и предательстве. Бондарев убеждает читателя, что у человека и на войне есть выбор между честью и бесчестием, героизмом и трусостью, любовью и ненавистью.

В рамках данной статьи остановимся на методических приемах анализа отдельных эпизодов романа «Берег».

Эпизод – часть художественного текста, имеющая определенную структурную роль в развитии сюжета. Содержание эпизода составляют поступки персонажей, небольшие происшествия или крупные события, дающие новое направление в развитии сюжета, который в произведениях больших эпических жанров строится на сцеплении ряда эпизодов. Работа над эпизодом позволяет в частном увидеть целое, постичь авторскую концепцию мира и человека.

Первым для анализа в курсантской аудитории стал трагический эпизод гибели одного из героев романа, Андрея Княжко.

План анализа эпизода

1. Озаглавьте данный эпизод.
2. Определите его тему и проблематику.
3. Расскажите, какие события происходят в эпизоде, кто в них участвует, какие стороны характера героев раскрываются.
4. Охарактеризуйте речевой строй эпизода (описание, повествование, рассуждение).
5. Охарактеризуйте эмоциональный пафос эпизода. Какие художественные средства служат автору для выражения своего отношения к изображаемому? Проиллюстрируйте примерами из текста.

Итак, анализ начинается с подбора обучающимися заголовков к эпизоду «Смерть Княжко», которые бы отразили

тему, авторскую идею. Выбор заголовков сопровождается обсуждением проблем истинного и ложного героизма на войне, чести и бесчестия, великодушия и мелочности, бескорыстия и подлости. Необходима лексическая работа, связанная с толкованием таких этических категорий, как честь, героизм, великодушие, бескорыстие, подвиг, самопожертвование и др. Восстанавливаем сюжетную канву эпизода, который озаглавили как «Героическая смерть Андрея Княжко» (вторая часть романа). События в ней происходят в конце войны, когда юных героев охватило непривычное чувство беспечности, праздника. Но война не закончилась, фашисты отчаянно сопротивляются, а потому смерть все еще рядом. Немцы засели в доме и ведут обстрел. Лейтенант Княжко принимает решение идти с белым флагом к дому, чтобы остановить кровопролитие своих солдат и немецких мальчишек, попавших под командование эсэсовца. А в это время другой герой романа, Меженин, практически провоцирует выстрел в Княжко залпом по дому, где скрываются немцы и куда шел Андрей Княжко с белым флагом, надеясь закончить кровопролитную бойню.

Бондарев назвал вторую часть романа «Безумие». Что хотел сказать автор этим названием? Важно акцентировать внимание обучающихся на том, что смерть Андрея Княжко помогает читателям понять авторскую мысль о войне как о безумии, явлении неестественном в мире весны и юности, а также увидеть враждебность между своими же людьми. Юрий Бондарев показывает, что смерть настигает на войне самых благородных, самоотверженных, таких как Княжко. Перечитываем леденящие душу строки о том, как Никитин «с колотившей все тело дрожью наклонился к голове Княжко, осторожно двумя руками повернул его лицо, бледное, забрызганное кровью, отрешенно спокойное и до непонятности юное, какого никогда не видел.

И почувствовал, как что-то душит его, застревает в горле, что он сейчас заплачет или засмеется от тоскливой боли, от несправедливости того, что свершилось, от отчаянной утраты самого себя» [1: 256]. Так гибнет на войне юность, совершая подвиг, оставаясь чистой, благородной. В этом эмоциональный пафос эпизода.

Гибель Андрея Княжко – это обвинение жестокости войны, это приговор войне. Вадим Никитин потрясен смертью друга, чудовищной несправедливостью судьбы. И он принимает от Андрея эстафету прямоты, непреклонной честности, благородства, бескомпромиссной правды и бросает в лицо Меженина и Гранатурова: «Княжко был смелее нас всех. И погиб потому, что был лучше нас. Да, лучше. Тихо, Меженин! Какого черта вы улыбаетесь? – крикнул Никитин и снова стукнул кулаком по столу. – Расстрелять безоружного немца и последний дурак, последний трус сумеет! Трусость! Это же идиотство! Глупо все было! Очередь в немца… А Княжко погиб… Не хотел крови. Он хотел прекратить бой! И мы, как трусы, как трусы…» [1: 269].

Вадим Никитин выражает авторское отношение к изображенным в данном эпизоде событиям. Бондарева и главного героя объединяет чувство боли от невосполнимой утраты. Однако автор не только скорбит о смерти Княжко, он побуждает читателей осмыслить, почему смерть выбрала Андрея. Этот проблемный вопрос мы выносим для обсуждения с курсантами. Да, для Андрея Княжко характерны высокая одухотворенность, благородство, он по-юношески горяч и часто наивен. Возможно, именно наивность, нетерпение, горячность стали причиной гибели. Прочитаем строки предсмертного письма Андрея Княжко к Галине Княжко: «Я был влюблен в девушек Тургенева… Ты права: на войне по-книжному ничего нет» [1: 274]. Сравним высказывание Андрея с поэтическими строками участника

Великой Отечественной войны поэта Михаила Кульчицкого, также погибшего в героические дни сражений: «Я раньше думал: “лейтенант” // звучит: “Налейте нам!” // И, зная топографию, // он топает по гравию. // Война – совсем не фейерверк, // а просто – трудная работа…» [3: 416]. Актуализируем для обсуждения вопрос: в чем сходство признаний Андрея Княжко и автора поэтических строк Михаила Кульчицкого? Наверное, в том, что есть такая профессия – защищать Родину.

Для обсуждения можно обратиться и к другому эпизоду романа «Берег», раскрывающему историю первой любви главного героя Вадима Никитина и немецкой девушки Эммы. В процессе анализа эпизода по предложенному плану [2: 274] ставим перед курсантами проблемный вопрос: можно ли назвать безумием неожиданно, «незаконно» вспыхнувшую любовь между советским офицером и немецкой девушкой?

Непростой вопрос, на который не может быть однозначного ответа. И в аудитории разгорелась дискуссия:

– Ведь они враги, из разных лагерей. Как мог позволить себе такое Никитин?

– А разве любовь спрашивает?

– Вадим Никитин полюбил спасенную им от бесчестия девушку.

– Настоящие человеческие чувства вне войны.

Для дальнейшего диалога можно обратиться к книге Д.С. Лихачева «Письма о добром», которая раскрывает духовный мир автора – литературоведа, философа, современника Бондарева. Бондарев и Лихачев – признанные мастера слова, ставшие символами духовного просвещения нации, совестью нашего времени, – близки в осмыслении основ бытия, назначения человека в мире. Вспомним, в книге Лихачева «Письма о добром» (главы «Честь истинная и ложная»,

«Будем счастливыми», «По велению совести», «Нравственные вершины и отношение к ним», «О памяти», «Путями доброты» и др.) представлены своеобразные нравственные заповеди:

– Память – преодоление времени, преодоление смерти.

– Жизнь – самая большая ценность, какой обладает человек.

– В народе самое главное – его идеалы.

– Жизнь – это и есть вечное созидание [5].

Что же самое главное в человеческой жизни? «Главным может быть у каждого что-то свое собственное, неповторимое. Главное, каким бы оно ни было индивидуальным у каждого человека, должно быть добрым и значительным» [5: 571].

Эти нравственные заповеди Лихачева перекликаются с размышлениями Бондарева, с его жизненным кредо, с его уроками.

1. О совестливости. Когда в журнале «Молодая гвардия» писателя попросили убрать острые моменты из повести «Батальоны просят огня», Юрий Бондарев подумал: «Господи, но что ж я буду делать со своей совестью?» [6].

2. О прощении, милосердии и любви. Немцы сделали много зла России. Никто их сюда в 41-м не приглашал – явились самозваными, с оружием. Та война была страшной. Но Бондарев оставил нам урок уважения к врагу – урок русского сожаления и любви (как в бондаревской истории о любви русского лейтенанта Никитина и немецкой девушки Эммы). Та война убивала миллионами и калечила поколениями… Юрий Бондарев, пропустивший всё это зверство и всю эту любовь как ремень портупеи под свой погон русского офицера, лечил изломанное. Своим творчеством Бондарев спасал наше человеческое… [6].

3. О патриотизме. «Я русский и моя Родина – моя мать». Россия не «эта страна», она не «территория», где рвут себе

маржу эффективные менеджеры – Иваны, не помнящие родства. Если матери угрожают – ее сыны берутся за оружие. Так просто, буднично ушло на войну за достоинство своей матери-Родины бондаревское поколение лейтенантов. С такой мыслью уходило служить и другое поколение – у нас был Афган. Каждый стоял там, где прикажет Родина [6].

4. О любви и добре. Ненависть и злоба – плохие советчики. Война разделяет людей. В конце концов побеждает разум. Ничто так не сближает народы, как культура. Высший идеал – сама жизнь. Вся русская классика пронизана мыслями о любви и добре [6].

У русского (и не только русского) читателя, как нам кажется, впереди еще много встреч с произведениями Ю.В. Бондарева. Отрадно, что эпизоды эпохального романа Бондарева «Берег» прочитаны иностранными курсантами, что состоялась их встреча с писателем бескомпромиссной честности, патриотом, человеком, в жизни и творчестве которого слово и дело не расходились в угоду конъюнктуре, моде. Низкий поклон Вам, Юрий Васильевич Бондарев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарев Ю.В.* Берег: Роман. М.: Терра – Книжный клуб, 2009. 464 с.

2. *Горобец Н.И.* Работа над эпизодом в процессе анализа эпического произведения // Конспект-4: Методические рекомендации к проведению уроков литературы в старших классах. Архангельск: Поморский государственный университет, 2005. С. 83–87.

3. *Кульчицкий М.* «Мечтатель, фантазер, лентяй – завистник» // Путешествие в страну Поэзия: В 2 кн. Кн. 2 / Сост. Л.А. Соловьева, Ю.Б. Соловьев. Л.: Лениздат, 1988. 575 с.

4. Литература. 11 кл.: Учебное пособие для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. Ч. 2 / Под ред. чл.-корр. РАО В.Г. Маранцмана. М.: Классик Стиль, 2002. 416 с.

5. *Лихачев Д.* Мысли о жизни. Письма о добром. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2016. 576 с.

6. Юрий Бондарев – писатель на все времена: https: //pandora-open.ru/2019-03-21/yurij-bondarev-pisatel-na-vse-vremena/ (дата обращения: 01.05.2020).

7. Язык, культура, образование: художественная литература военно-исторической тематики в образовательном процессе вуза. К 95-летию со дня рождения Ю.В. Бондарева: Материалы V Межвузовской научно-практической конференции (28 марта 2019 г.): В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. О.В. Миловановой, К.А. Павловой. СПб.: МВАА, 2019. 241 с.

Т.А. Загидулина
Красноярский государственный
педагогический университет имени В.П. Астафьева

Любовь без тела. Постапокалипсис 2.0 (на материале поэтических текстов Д. Петровского)

T.A. Zagidulina
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

Love without a Body. Post Apocalypse 2.0 (based on the poetry texts of D. Petrovsky)

Доклад посвящен творчеству Д. Петровского, одного из ярких представителей современной поэзии. Целью служит выявление ключевых точек трансформации традиционных для русской литературы постапокалиптических мотивов. Метод исследования, используемый в работе, междисциплинарен. Это не только и не столько филологический,

литературоведческий анализ, сколько осмысление текста в культурологической, философской, социологической парадигмах. Именно такой способ исследования позволяет выстроить максимально объективные модели мира, репрезентируемого в исследуемых текстах.

В докладе речь пойдет о творчестве Дмитрия Петровского, писателя, который не издает поэтических сборников. Его библиография невелика, но значительна: роман «Дорогая, я дома» вышел в 2018 г. (шот-лист премии Нацбест-2018), а в 2010 г. увидела свет книга «Роман с автоматом», которая попала в лонг-лист литпремии Национальный бестселлер. Сведений о других изданиях нет.

С творчеством Дмитрия Петровского можно ознакомиться в авторских телеграм-каналах «Республика Фиуме» (https://t.me/Ivorytowers), где также публикуются произведения других молодых современных поэтов, например Сергея Изотова, редко выходящих в этом качестве в оффлайн, и «Fantastic Plastic Machine» (https://t.me/Ivorytowers), канал общественно-политической направленности.

Стратегия распространения текстов молодых авторов отличается от пути, который еще 5–10 лет назад был традиционным. Издание печатных сборников, а именно их бумажных воплощений происходит и сейчас, однако стоит заметить, что тиражи их невелики, распространяются, как правило, среди аудитории, уже знакомой с творчеством интересующего автора. Бумажная книга для человека, в руке которого буквально поселился смартфон, является скорее артефактом, сувениром, овеществлением уже воспринятого и прочитанного текста.

Традиционный для русской и советской литературы постапокалиптический сюжет, где старый мир уничтожается до основания, стирается ради построения нового, иного, прекрасного мира (в советском варианте постапокалипсиса образовавшаяся пустота подлежит заполнению), пре-

ломляется в текстах Петровского нетривиально: после конца мира не останется ничего, кроме следов цифрового существования человека, не остается и перспектив возрождения или построения на освободившейся территории чего-то нового. Цифровое существование, по версии Петровского, не является тенью, а есть неотъемлемая часть души, где может уместиться и любовь, и гордость, и страх.

Подобное ви́дение, вероятно, обусловлено временем создания текстов: конец нулевых – начало двадцатых – период кардинальной смены культурной парадигмы, установления мира фиджитал, в котором нефизическое (диджитал) существование человека становится одной из основ его существования вообще. И речь не идет о бессмертной душе – теперь становится бессмертным сигнал, цифровое поле. Рассматривать эти тенденции стоит через призму антропологической теории поколений, теории небесспорной, как и любая новая мысль, но работающей, например, в рамках маркетинга и рекламы.

В 1991 г. вышла книга Уильяма Штрауса и Нила Хау «Поколения»[1], где была выдвинута гипотеза о поколенческих циклах в истории США, однако эта теория соответствует тенденциям, реализующимся в странах Европы, в том числе и в России.

В нашей стране одним из пионеров в изучении теории поколений стал российско-американский антрополог Алексей Юрчак[2].

Основанием теории поколений служит идея об общности ценностей и ориентиров людей, родившихся в один и тот же период. При всей очевидности формулировки на деле всё оказывается не таким однозначным.

[1] *Howe N., Strauss W.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991.

[2] *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.

Поколение Z – первое «цифровое поколение», или поколение «цифровых аборигенов», – не знает, что такое мир без виртуального пространства: оно его не видело. Есть и другой термин – «фиджитал-поколение» (от *англ*. phygital, соединение слов physical и digital), который также характеризует мир этой группы. То есть значительная часть бытия представителей существует в нефизическом пространстве, в качестве примера приведу строки из стихотворения Петровского «Телеграм»:

От нас не останется ничего
Ни лоскутка, ни кровавых капель
Но и после взрыва друг друга найдут
Сигналы
сквозь
трансатлантический кабель
(https://t.me/Ivorytowers)

Что может остаться от того, кто не существовал исключительно и в основном физически? Только сигнал. При этом конкретных и ощутимых вещей в физическом поле просто нет:

Ты ищешь смертельную красоту
Мне снится
прекрасное
Уничтоженье.

«Мир хочет любви и мир хочет войны» – строки из того же стихотворения. Глаголы указывают лишь на метафизическое, но не физическое бытие объектов.

Стихотворение «Телеграм» Петровского буквально наполнено эсхатологическими мотивами, характерными для рубежа веков, рубежа эпох. При популярности бытописания, биографии, нон-фикшн, часто идеологически ориентированных на осмысление советского прошлого, в современной литературе (Гузель Яхина, Александр Чудаков, Дмитрий Быков, Дина Рубина), автор обращается к таким

основополагающие понятиям, как любовь, война и смерть, сразу делая акцент на всевременности и вневременности, как, например, Е. Водолазкин в романах «Лавр» и «Авиатор»[1]. При этом любовь не конкретна и конкретна одновременно – любовь функционирует в тексте как идея любви. Именно поэтому автор характеризует субъекты как «два телеграм-канала»; телеграм-канал – это максимально анонимизированное интеллектуальное пространство, где на первом месте не конкретный человек, не личность, а слово в его идеальной субстанции – печатное слово. Это отрицает телесный момент, делая любовь идеальной –

В гулком тоннеле всемирной сети
Эхом катается каждое слово.

Такая идеальная любовь согласуется с идеей бессмертия. Бессмертна не душа – бессмертно слово. Бессмертие слова в качестве образа бессмертия присуще поколению Z – цифровому поколению (1997–2019 годы рождения).

Физического мира в пространстве анализируемого текста просто не существует:

Мы – нежности цифровые поля,
В выжженном до белизны горизонте
Под хлопьями ядерной вьюги
Останемся – два телеграм-канала
Которые
Вечно
любят друг друга.

Нефизическая стерильность обусловлена культурными напластованиями предыдущих эпох: уничтожение и последующая чистота – постапокалипсис 2.0. Вторая версия постапокалипсиса не подразумевает дальнейшего возрождения – очищение происходит ни для чего, и это постструк-

[1] *Ковтун Н.* Ухрония как структурообразующий прием в романе Евгения Водолазкина «Авиатор» // LITERATŪRA. 2018. № 60(2).

туралистская идея в чистом виде: цели и структуры нет, остается только пустота и хаотичные сигналы с той стороны времени, потому что время как таковое тоже перестает существовать. Примечательно, что еще в литературе начала нулевых постапокалипсис мыслился как пустота, подлежащая заполнению. Например, в романе В. Аксенова «Москва-ква-ква» прослеживается идея заполнения пустоты, причем заполнения иерархичного. Т. Загидулина пишет, что главная героиня романа Глика «находится в центре нового (будущего) культа – она должна стать “матерью Новой фазы”, началом мира и заполнить собой постапокалиптическую пустоту. Несмотря на то что в тексте представлен образ Сталина (каноничного Отца), он не находится в центре идеи Новой фазы. Вождь только наблюдает, существуя на периферии сюжета. Поэтому именно Глика пребывает в центре. Ее образ сюжетно соотнесен с образом блоковской Прекрасной Дамы (Вечная женственность – центральная идея русской философии начала XX века), что позволяет связывать ее с гностическим мифом о Софии»[1]. Современные представления о заполнении пустоты предельно ризоматичны («РИЗОМА от фр. rhizome – корневище) – понятие философии постмодерна, фиксирующее принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность для имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования»[2]). Однако мир романа В. Аксенова так и остается пустым: «В. Аксенов присваивает России признак постапокалиптической пустоты, которая не в состоянии наполниться ничем и никогда».

[1] *Загидулина Т.А.* Гностические основания деконструкции соцреалистических архетипов в романе В. Аксенова «Москва-ква-ква» // Сибирский филологический форум. 2018. №1. С. 11–24.

[2] *Грицанов А.* Ризома // Новейший философский словарь: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/gritsanov/1/j616.html

В стихотворениях Петровского иерархическое заполнение пустоты не предполагается, остаются только идеи, преобразованные в сигналы, любовь без тела:

В выжженном до белизны горизонте
Под хлопьями ядерной вьюги
Останемся – два телеграм-канала
Которые
Вечно
любят друг друга
(«Телеграм»);

Когда кто-то, кто все снимает, щелкнет и нас для сторис –
я буду шептать твое имя
А потом мы исчезнем с радаров
(7700)

Время в этом смысле обладает билатератеральной структурой (наличие – отсутствие), лирический герой находится между – за секунду до взрыва. Для того чтобы показать ощущение *между*, автор использует кинематографический прием буллет-тайм (полет пули), который встречается, например, в фильме «Матрица» братьев Вачовски. Это прием позволяет достичь визуального «облета» объекта, как бы застывшего в прыжке, именно так автор демонстрирует статичное мгновение:

Этот растянутый в вечности миг
Пахнущий солнцем, водою, крапивой
Избыточный, сочный, восторженный пик
Прекрасный, как мир
за секунду до взрыва

Та сторона времени, когда всё было (в экзистенциальном смысле), представлена в стихотворении конкретными образами, в том числе и пространственными: «Мой: Цезарь, Империя, вечный Рим», «Как глаз Саурона с иглы Останкино», «Любовь – как ядерный потенциал Триггер для воли крем-

левских башен»; пространственные образы не ограничиваются только территорией России, потому что пространство мыслится общим, глобальным, причем не в политическом, а в культурном смысле. Рим, кремлевские башни, Останкино стоят на одной ступени, и принципиальной разницы между ними нет. Больше нет мессианской функции России, центральной роли России, Россия мыслится как часть большого мира, существующая одновременно и везде как идея, наравне с идеей Империи. Мессианская функция замещается иной – функцией разрушения до нуля всего остального мира, потому что весь остальной мир уже умер. И такое попрание смерти смертью не имеет цели искупления, это чистое уничтожение, в котором ясно прослеживаются суицидальные мотивы, где после смерти только сигнал, только слово: «Ты скажешь тогда: загадай желанье / Пальчиком тыча в пустую высь / и одними губами, как заклинание / Я скажу: РУССКАЯ БОМБА ВЗОРВИСЬ!» («Русская бомба»), новая мортальность, где не предполагается бессмертия души, но предполагается бессмертие сигнала:

Когда транспондер нашего самолета
передаст семь-семь-ноль-ноль:
«Нештатная ситуация на борту»
Когда алкоголь и духи из дьюти фри-шопа смешаются с керосином
В разъедающую тела кислоту
Когда разломится напополам фюзеляж, и салон первого класса
Сожрут хищные лепестки турбин
Когда людскую массу будут месить железные балки
Вспарывая атлас загоревших в отпуске спин
На земле в новостях покажут наш вконтакт, телеграм, инстаграм
Семейные фото, где вы, усталые, пьете с родителями сто грамм

Первый звонок, выпускной, усталая гордая мама с красным или синим дипломом
Ты сам на работе у кулера, вроде живой, но как будто давно уже в коме
(7700);

Когда кто-то, кто все снимает, щелкнет и нас для сторис – я буду шептать твое имя
А потом мы исчезнем с радаров. Запомните нас такими
(7700).

В пустоте мира останется только атвономный сигнал, меняющий пространство и искажающий ткань реальности – любовь без тела, война без тела, смерть без тела: Постапокалипсис 2.0.

ЛИТЕРАТУРА

Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991.

Грицанов А. Ризома // Новейший философский словарь: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/gritsanov/1/j616.html

Загиудулина Т.А. Гностические основания деконструкции соцреалистических архетипов в романе В. Аксенова «Москва-ква-ква» // Сибирский филологический форум. 2018. № 1. С. 11–24.

Ковтун Н. Ухрония как структурообразующий прием в романе Евгения Водолазкина «Авиатор» // LITERATŪRA. 2018. № 60(2).

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.

Е.И. Зейферт
Российский государственный гуманитарный университет

«Зрелое преждевременное» произведение Аркадия Драгомощенко

E.I. Seifert
Russian State Humanitarian University

Arkady Dragomoschenko's "Mature Premature" Work

Наиболее энергичными, движущими другие произведения в пластах литературного процесса являются произведения, которые я называю «зрелыми преждевременными». Осознать вес и ценность таких произведений можно только по прошествии некоторого времени с момента их рождения – по следам их влияния на литературный процесс. При исследовании важно определить, продуктивно ли функционирует подобное произведение в качестве источника питания и какие импульсы оно посылает другим текстам.

«Зрелое преждевременное произведение» – эстетически целостное произведение, опередившее время, активно влияющее на последующие литературные произведения и закрывающее развитие потенциальных литературных форм, раньше которых оно возникло. Важно подчеркнуть, что «зрелое преждевременное произведение» является таковым не относительно периодизации творчества его автора, а относительно литературного процесса, синхронного такому произведению и последующего.

Приведем пример «зрелого преждевременного произведения». Пушкин своей исторической трагедией «Борис Годунов», появившейся до срока, закрыл пути развития романтической трагедии. Задуманная как «истинно-романтическое» произведение, историческая трагедия Пушкина была создана по реалистическим принципам. Гений Пушкина перешагнул современную ему литературу на несколько порядков: реалистическая драма возникла раньше, чем успела сформироваться жанровая модель романтической драмы. Русская романтическая драма и представлена не целыми полотнами, а эскизами, набросками, планами, а также жанром драматической сцены[1].

Каково наше привычное восприятие Аркадия Драгомощенко, возникшее благодаря усилиям исследователей его зрелой поэтики? «…Есть поэты, которые меняют сознание, сам способ мыслить. Это надолго. То есть требует времени. Таким был АТД. Пути, проложенные им в русской поэзии, отстоят от торных дорог на миллионы световых лет»[2], – пишет Скидан об уже ушедшем Драгомощенко в предисловии к своей книге критических статей о нем. Драгомощенко демонстрирует «иную логику письма» – и в лирическом творчестве, и в круге чтения, и во всей творческой деятельности. Он соредактор журнала «Комментарии», ломающего шаблон рецепции, он увлечен творчеством Р. Барта, Ж. Деррида, Ж. Батая, М. Бланшо и других радикально неординарных авторов. Ср.: «Небольшое отступление. На моей памяти Аркадий неизменно отзывался о Барте с восхищением. Только один пример. Когда вышел очередной номер “Комментариев” с фрагментами “Фрагментов любовной речи” в переводе Виктора Лапицкого, Аркадий

[1] *Лебедева О.Б.* Драматургические опыты В.А. Жуковского. Томск, 1992. С. 5–6.

[2] *Скидан А.В.* Предисловие // Сыр букв мел. Об Аркадии Драгомощенко. СПб.: Jaromir Hladik press, 2019. С. 5.

устроил у себя дома что-то вроде приема в честь этого события; в какой-то момент, процитировав один из фрагментов и потрясая журналом, он заявил: “А всё-таки Барт – главный!” А надо сказать, в “Комментариях”, соредактором которых был Аркадий, публиковались Бланшо, Батай, Деррида, Клоссовский…»[1]. С их работами поэт наиболее активно знакомится с 1984 г. в основном через Лин Хеджинян (получает от нее английские переводы их произведений в журналах и книгах), хотя и был знаком с отдельными работами, к примеру Р. Барта, вышедшими в СССР[2], ранее.

В качестве объекта пристального изучения возьмем лирические произведения Аркадия Драгомощенко 1960–1980-х. В центр внимания я ставлю как наиболее репрезентативные и очерчивающие контур «зрелого преждевременного произведения» стихи 1970–1980-х гг., опубликованные в самиздатском журнале «Часы», из них наиболее пристально рассматриваю лирический цикл «В легком теле прежнего рождения», прослеживаю «затвердевание» этой поэтической модели в публикациях 1980-х гг. в «Часах» и «Митином журнале», а также привлекаю рукописи 1960–1970-х гг. (возможно, знакомые читателю по авторскому чтению), предоставленные мне вдовой поэта Зинаидой Драгомощенко. Цель исследования – выявление содержания и структуры «зрелого преждевременного» произведения Аркадия Драгомощенко и их влияния на литературный процесс. Автора статьи интересуют не столько историко-литературные грани раннего / позднего Драгомощенко, сколько модель «зрелого преждевременного произведения» в лирике второй половины XX в., ее рост, развитие, контуры и наполнение в теоретико-литературном аспекте.

---

[1] *Скидан А.* Сыр букв мел. Об Аркадии Драгомощенко. С. 48.

[2] См., наприм.: *Барт Р.* Нулевая степень письма // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.

Драгомощенко оказал влияние на творчество большого количества авторов. Этот вопрос требует обстоятельного изучения. Присутствие черт поэтики Драгомощенко ощутимо сейчас в поэзии поколения 40-, 30- и 20-летних (Екатерина Захаркив, Никита Сафонов, Станислава Могилёва, Мария Малиновская, Михаил Бордуновский и др.). К примеру, в стихах С. Могилёвой находим инверсированный синтаксис верлибра, абстрактный пейзаж, металиричность, паратаксис, близость стихотворения к эссе («Войти в воду и плыть…», «Всё уводит…», «Освежеван ручной сон…»). Важно разграничивать типологическое (Евгения Риц) и генетическое (Василий Кондратьев) родство поэтики того или иного автора с поэтикой Драгомощенко.

Аркадий Драгомощенко создал лирику, не учитывать существование которой невозможно: она резонирует на всю последующую литературу. Безусловно, нечуткие направления и авторы могли «не заметить» лирику Драгомощенко, что говорит в первую очередь об их слабых рецепторах. Можно уверенно заявить, что после рождения «зрелых преждевременных произведений» Драгомощенко не возникли определенные произведения потенциально сильных авторов, увидевших новую траекторию развития своей поэзии. Драгомощенко мог закрыть развитие у «слышащих» авторов прежде всего традиционных по ходам лирического сюжета, не объемных (текст плюс богатый подтекст) силлабо-тонических произведений, открыв дорогу силлабо-тонике, тонике и верлибру с богатым подтекстом. Авангардно ориентированные поэты также могли поднять уровень своих радикальных устремлений.

«Зрелое преждевременное произведение» Драгомощенко, формирование которого занимает период от конца 1960-х до 1991 г., как метатекст отличается такими признаками, как преобладание верлибра при наличии в корпусе текстов то-

ники, в основном разноиктной; идеограмматичность письма; принцип «опустошения слова словом», подкрепленный неявной связью явлений и предметов; чередование поэтического и прозаического; манифестарность, поэтологические, металирические признаки; близость лирического стихотворения к эссе; диффузный комплекс буддистских и индуистских мотивов; барочность поэтического мышления; рилькеанские установки (поэт как слух, а не голос; тяготение к пустотности как пространству блаженства, пассивная отдача вещи миру и др.); концептуально усложненный синтаксис (паратаксис, инверсия, сочетание бессоюзия и инверсии, обилие синтаксической ткани); неординарная метафорика; намеренное отсутствие «изящных форм»; изображение абстрактного ландшафта. Раннее, до 1980 г. включительно, стихотворение Драгомощенко содержит комплекс этих признаков, но многие из них сначала факультативны. Поэтологичность пока занимает промежуточное положение между доминирующим и факультативным признаком. Исследуемая художественная форма на ранних этапах напитывается как доминантами идеограмматичностью, неожиданным сочетанием интенций, тем и модальностей, буддистским мировоззрением, рилькеанскими мотивами, нейтрализацией одного мотива другим, последующим, чередованием стихов и прозы, уникальной метафорой, паратаксисом, инверсией. Затем, в течение 1980-х, она усиливает факультативные черты до преобладающих, не ослабляя прежние доминанты, – развивает конкретный пейзаж в метафизический, опирается на лидирующий верлибр, становится металирической и даже приближает лирику к эссе, убедительно принимает барочность как вариант «самоуничтожения» поэтического произведения, усложняет свой синтаксис. И зрелым, и преждевременным произведение является не относительно историко-литературного развития творчества конкретного

поэта, а относительно литературного процесса и в первую очередь рецепции, однако пристальный интерес автора статьи к ранней поэтике Драгомощенко очевиден. Его «зрелое преждевременное произведение» формируется на фазах ранней и начала зрелой его поэтики.

Усложненность, обилие синтаксиса и преобладающее изображение абстрактного ландшафта проявляются у раннего Драгомощенко дискретно: ранние стихи его то синтаксически обильны, то более просты; ранний пейзаж уже содержит в себе ирреальные элементы, но они не доминируют над реальными. Если ранние стихи Драгомощенко содержат немало зрительных элементов, то поздняя его поэтика становится умозрительной, поэт словно предлагает читателю не рассматривать ланндшафты, а искать их внутри себя или по меньшей мере сопоставлять увиденное с внутренним, дематериализуя видимое.

Можно проследить формирование «зрелого преждевременного произведения», созданного Драгомощенко. На раннем этапе, до 1984 г., наблюдается «распыленность» признаков рождающейся метамодели между разными стихотворениями, в том числе в пределах лирического цикла, а после 1984 г. – всё более стремительное сгущение этих элементов в пределах одного стихотворения, переход на метауровень, конечно, из-за риска избыточности не достигающий максимального наполнения чертами метамодели. Сгущение признаков происходит благодаря тому, что модель находит формы своего завершения, в первую очередь пространственно-временные и интонационно-синтаксические. Обмен ассоциативными связями внутри «зрелого преждевременного стихотворения» ускоряется. В 1991 г. окончательно завершенная метамодель благодаря выходу книги «Небо соответствий» становится наиболее резонансной. Но и до этого точечное влияние «зрелого преждевре-

менного произведения» даже в списках, очевидно, достигало наиболее одаренных авторов: эту рецепцию важно изучить в перспективе.

Судя по публикациям в «Часах», подобное произведение сложилось у Драгомощенко задолго до его тесных контактов с американской «языковой школой» («language school»).

Стихотворения других знаковых поэтов 1960–1980-х гг. (Геннадий Айги, Геннадий Алексеев, Вс. Некрасов, Виктор Кривулин, Виктор Соснора, Алексей Парщиков, Сергей Завьялов и др.) нуждаются в пристальном исследовании на предмет того, выступили ли они в свое время «зрелыми преждевременными»; гипотетически это убедительно. В перспективе также исследование прозы большого и среднего объема у Аркадия Драгомощенко как «зрелой и преждевременной», обстоятельное рассмотрение литературного контекста Драгомощенко на предмет возникновения / невозникновения произведений, «облученных» влиянием его «зрелого преждевременного произведения», текстологические разыскания и тщательное сопоставление рукописей и опубликованных произведений поэта.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.

Лебедева О.Б. Драматургические опыты В.А. Жуковского. Томск, 1992. 204 с.

Скидан А.В. Предисловие // Сыр букв мел. Об Аркадии Драгомощенко. СПб.: Jaromir Hladik press, 2019. 112 с.

И.Н. Коржова
МГУ имени М.В. Ломоносова

«Своя земля и в горсти мила»: об отражении одного обычая в поэзии военных лет

I.N. Korzhova
Lomonosov Moscow State University

“Your Own Land is Sweet Even in a Handful”: On the Reflection of One Custom in the War Years Poetry

Наша память еще сохраняет, а специальная литература фиксирует [1; 6; 9; 11] широко распространенный русский обычай брать с собой горсть земли, отправляясь надолго или навсегда в чужие края. Целей у такого действия было несколько: «Переселенцы перед отъездом брали с собой горсть 3<емли>, чтобы прижиться на новом месте и не скучать по родным местам (рус.). Так же поступали паломники и богомольцы: они захватывали с собой родной землицы, чтобы в случае внезапной смерти ее посыпали на глаза или на могилу умершему. Покидая родные края, люди прятали щепотку 3. в ладанке или узелке, носили ее на груди как оберег от всех бед» [8: 319]. Также, расширяя ареал «своего», насыпали взятую землю под подошву или смешивали с почвой у нового дома. О жизнестойкости обычая в XX в. говорит исследование быта русских эми-

грантов [3]. Сбереженная частица родной земли использовалась ими прежде всего в похоронном обряде.

Но и в советской России обычай не был забыт. Нашим материалом станут отразившие его стихотворения 1941–1945 гг. Фикциальная природа источников не позволяет делать однозначный вывод о формах бытования обычая в реальной практике, но, безусловно, подтверждает его активную жизнь в культурной памяти. Объектом исследования станет художественная рецепция традиции.

В неизменном виде черты обычая проступают в стихотворении С. Обрадовича «Беженцы». Описание их скорбного пути отмечено деталью: «Лишь горсть земли с родной окраины / Таят у сердца как зарок» [5: 437]. В стихотворении С. Кирсанова «Горсть земли» сакральный образ ставится в центр произведения. В нем устрашающе меняются условия совершения обряда. Горсть земли обретается в бою: «Мина грохнулась, завыв, / чернозем вскопала, – / горсть земли – в огонь и взрыв – / около упала» [4: 5]. Происходит ли схватка на родной в узком смысле земле, автору неважно, и этот факт переворачивает представление о своем и чужом. Родной становится не та земля, что взрастила человека, но та, которую он оберегает.

С. Кирсанов соединил исследуемый обычай еще с одним – нерушимой клятвой земле: «горстке слово дал свое, / что вернусь обратно» [4: 5]. То же действие упоминает С. Обрадович: его беженцы хранят землю как «зарок». Объединяет тексты и сходное завершение, раскрывающее суть обета: «Земле прапрадедов хозяин / ее вернет в победный срок» [5: 437] – «ее опять слеплю / с остальной землею» [4: 5]. Возвращение земли становится важнейшей частью описываемого обычая. Прежние функции реликвии (символическое пребывание на Родине, возможность быть похороненным в своей земле, защита оберегом) полностью потеснены но-

вой – дать зримое воплощение зарока, укрепить чувство ответственности и мужество.

В некоторых стихотворениях трансформация обычая заходит дальше: горсть земли замещается другим предметом. Но поскольку речь идет не о случайном памятном знаке, но о предмете, отражающем в себе черты Родины, общая метонимическая основа обряда сохраняется. В песне «Севастопольский камень» на стихи А. Жарова (публикуется также под названием «Заветный камень») роль сакрального знака выполняет кусочек гранита от утеса. На создание стихов поэта вдохновил очерк Л.В. Соловьева «Севастопольский камень». Прозаическая форма позволяет более прямо обозначить новые функции ношения памятного знака: «...приду в Севастополь обратно, своей рукой положу этот камень на место, крепко впаяю на цемент, и тогда отдохнет мое сердце. А до тех пор буду носить его на груди – пусть он жжет меня, и тревожит, и не дает мне покоя ни днем ни ночью…» [10]. Хотя жанр очерка позволяет говорить об отражении реально практикуемого обряда, текст Л.В. Соловьева близок к фиксации предания, некоторые его моменты и вовсе фантастичны: камень прожигает тельняшку, умножает смелость своих обладателей. Трансформация обычая связана с полным забвением прежней функции – обеспечивать погребение в родной земле. Многие хранители камня умирают, но перед смертью передают дорогую реликвию. В стихотворении А. Жарова сохранены все трансформированные компоненты: клятва; магическое действие гранита, воспламеняющего сердце; необходимость вернуть камень.

Иное замещение горсти земли находит герой С. Гудзенко в стихотворении «Сентиментальный нежный друг…». Память о родном Киеве сохранил кленовый лист. Включение этого текста в исследование было бы произвольным, если бы поэт не связал свои действия с древним обыча-

ем, отойти от которого его заставила стремительность отступления: «Ведь это всё, что я унёс из Киева тогда. / <…> Я не припал к родной земле, Не взял в дорогу горсть земли» [2: 78]. Гудзенко сохраняет принцип эквивалентности части целому, но основывает его не на метонимии, а на метафоре: «И только он, кленовый лист, / Хранил воспоминаний дрожь / (Его сорвал осенний дождь). / Но жилки красные на нем напомнили мне кровь дорог…» [2: 78].

Поддерживающие принцип соответствия, замены земли гранитом и листом все же говорят об утрате глубинных, мифопоэтических основ обряда, в основе которого было стремление соединиться с матерью сырой землей, включиться в ряд прошлых и будущих рождений (ведь в родной земле были захоронены предки).

Иные изменения претерпевает обычай в стихотворении Я. Смелякова «Судья», в котором горсть отвоеванной земли навсегда остается в руке погибшего солдата. Даже здесь отражена не финальная часть исконного обряда (захоронение в родной земле), а первая – сохранение земли как памяти. Поэт в духе древнейших представлений истолковывает смерть как переселение в иную землю, и эта аналогия позволяет ему описать предсмертный жест как соблюдение обычая: «И, уходя в страну иную / от мест родных невдалеке, / он землю теплую, сырую / зажал в костнеющей руке» [5: 592]. Единственная инверсия нового, военного обряда связана с тем, что солдат забирает с собой не потерянную, а отвоеванную землю. Только смерть и победа могут оправдать отступление от необходимости соединить горсть земли со всей землей.

Происхождение исследуемого обычая, по мнению Б. Успенского, связано с языковой особенностью: «слово “земля” по-русски объединяет абстрактное и конкретное значение, означая как территорию (terra), так и материальную суб-

станцию (humus)» [11: 384]. На игре этими значениями основан художественный эффект ряда стихотворений военной поры. Выражение «горсть земли» и без упоминания об обряде остается культурным сигналом метонимической замены большого пространства Родины ее частью.

Как перифраз выражение «горсть земли» появилось в стихотворении К. Симонова «Родина», герой которого в узком локальном пейзаже видит «ту горсть земли, которая годится, чтоб видеть в ней приметы всей земли» [5: 572]. Перифраз повторен в созданном с несомненной оглядкой на Симонова стихотворении И. Эренбурга «Мир велик, а перед самой смертью…». У последнего фраза не столь однозначно указывает на пейзаж, да и эпитеты делают образ *горсти земли* амбивалентным: она и вещество, и пространство. Смутные аллюзии указывают на связанные с ней обычаи: «Остается только эта горстка, / Теплая и темная, как сердце, / Хоть ее и называли черствой, / Горсть земли, похожей на другую, – / Сколько в ней любви и суеверья!» [5: 744]. Похожая двойственность характерна и для стихотворения Н. Рыленкова «Русская песня». Пейзаж на наших глазах сужается, обнаруживая как свой предел замыкание на почве в самом буквальном смысле: «А рядом поле то, / Что кровью полито, / Где ком земли сырой / Дороже золота» [7: 122]. Отметим, что Н. Рыленков возвращается к образу сырой рождающей земли в самом буквальном и трагическом, но и самом близком фольклору смысле.

Неожиданна трансформация уже не обряда, а оборота «горсть земли» в стихотворении И. Уткина «Родине». Оно завершается уверением: «Россия… за малую горстку / Из белого моря снегов / Все прелести жизни заморской / Отдать россиянин готов!» [12: 44] Слово «горсть» снова перифрастически называет воссозданный пейзаж, на сей раз зимний, что и объясняет замену земли на снег. Снег нельзя

ни сохранить, ни забрать с собой, и это лишает образ всех связей с обрядом, остается только последняя, очевидно базовая, – принцип метонимии.

Таким образом, анализ военной поэзии позволяет говорить, что исследуемый обычай продолжает существовать если не в бытовой практике, то в культурной памяти. Но в его структуре появляются новые черты: обретение горсти земли в момент боя, актуализация обычая при переходе земли к врагу, возможность замены земли иным предметом, утрата связи с похоронным обрядом, клятва земле и, главное, необходимость вернуть горсть земли. В то же время оборот «горсть земли» отделяется от обряда и становится перифразом для обозначения локального пейзажа. Выражение изначально было связано с установлением эквивалентности между частью и целым, и при воплощении в узком пейзаже черт Родины происходит перенос наименования по функции.

ЛИТЕРАТУРА

Богатырев П.Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда // Этнографическое обозрение. 1916. Кн. CXI–CXII. № 3–4. С. 42–80.

Гудзенко С. Стихи и поэмы. М., 1956. 272 с.

Живанович М. Чемодан русского беженца: горсть родной земли, книги, иконы // Столетие двух эмиграция. 1919–2019. М., 2019. С. 163–178.

Кирсанов С. Стихи войны. М., 1945. 134 с.

Лирика 40-х годов. Фрунзе, 1977. 768 с.

Прыжов И.Г. Очерки, статьи, письма. М.; Л., 1934. 486 с.

Рыленков Н. Стихотворения и поэмы. М., 1956. 335 с.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999. 697 с.

Соболев А. Обряд прощания с землей перед исповедью. Заговоры и духовные стихи. Владимир, 1914. 40 с.

Соловьев Л.В. Севастопольский камень [Электронный ресурс]: https://www.litmir.me/br/?b=264769&p=1

Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. 608 с.

Уткин И. Стихотворения и поэмы. 1966. М., 1966. 384 с.

Н.Б. Король
ГрГУ имени Я. Купалы

Феномен двойничества в романе Е. Водолазкина «Брисбен»

N.B. Karol
Yanka Kupala State University of Grodno

The Phenomenon of Duality in E. Vodolazkin's Novel "Brisbane"

Подробно явление двойничества рассмотрел в своих работах М.М. Бахтин на примере романов Ф.М. Достоевского[1]. Интерес же вызывает функционирование указанного феномена в текстах современных авторов. Так, двойничество, восходящее к мифологическому архетипу, проявляется и в произведениях XXI в., в частности, в романах Евгения Водолазкина. Магистральной идеей его последнего на сегодняшний день романа «Брисбен» (2019) является идея

[1] *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русский словарь, 2002. 505 с.

цикличности, нелинейности времени, связанная с проблемой вечности и смерти. Соответственно, возникающие в тексте оппозиции «жизнь / смерть», «вечность / смертность» находят выражение не только в романном сюжете, но и в персонажной структуре.

Двойничество у Водолазкина строится не на классических для полифонии двойниках-антагонистах (в терминологии С.З. Агранович[1]), а, скорее, на дублерах, функционирование которых в тексте и определяет в итоге основные принципы моделирования системы персонажей в романе. В тексте возникают явления, которые представляют собой грани одной основополагающей темы, дополняют и замещают друг друга и абсолютно лишены противопоставления (любовь, творчество, вечность, религия).

В романе рассказывается о жизни знаменитого музыканта Глеба Яновского, который в зените своей артистической славы сталкивается с болезнью Паркинсона. Сюжетная линия данного героя, вокруг которого и образуется парадигма персонажей-двойников, как внешних, так и внутренних (в соответствии с концепцией Е.М. Мелетинского[2]), связана с восприятием смерти и времени. Несмотря на то что тема религии, являющаяся магистральной для творчества Е. Водолазкина, остается значимой в романе, она отходит на задний план, предоставляя место чувственному восприятию мира и смерти в том числе. В связи с этим, в романе актуализируется параллель любовь / вечность / творчество, которой и обусловлена вся система персонажей, так или иначе отражающих грань одной из трех частей.

Бинарность проявляется уже в характере Глеба: герой изначально внутренне противоречив (его борьба между представлением о вечности и бессмысленности бытия),

[1] *Агранович С.З.* Двойничество. Самара: Самарский университет, 2001. С. 60–71.

[2] *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Наука, 2000. С. 203.

что порождает внешнего двойника Глеба, Егора, который подчеркивает отрицательную сторону центрального персонажа. Данный герой олицетворяет собой все противоположное божественному началу, в характере Егора заложена властность и жестокость, он несет собой смерть: попытка убийства Артура Акопяна во время игры в жмурки и собственного брата, а также убийство владельца «Жигулей». Пересечение Егором границы земного и сакрального мира связано с насилием, потому он не заслуживает вечности и умирает. Соответственно, мотив двойничества необходим как способ отражения эволюции Глеба, а также определенных черт его личности, которые гиперболизируются и воплощаются в отдельных персонажей.

Внешним двойником-дублером Глеба является девочка Вера, умирающая от неизлечимой болезни. Эти два героя тематически и концептуально связаны их попытками преодоления страха смерти, в том числе с помощью искусства. Тема перехода в иной мир, умирания и преодоления времени распадается на двух персонажей. При этом отражаются указанные идеи в данных героях по-разному, но не противоположно: сюжетная линия Веры дополняет линию Глеба и наоборот. Персонажи ищут спасение и утешение именно в творчестве. Они оба виртуозно владеют музыкальными инструментами: Глеб – гитарой, а Вера – навыками игры на фортепиано. Ощущение линейного движения времени становится причиной страха смерти, время же в творчестве теряет свою четкость, искусство не имеет начала и конца.

Смерть понималась главным героем как уход в небытие, что полностью нивелировало значимость жизни, так как все в итоге превращается в ничто. Данная картина мира, характерная для мировосприятия современного человека в эпоху экзистенциального кризиса, в романе полностью разрушается. Смерть как конечную точку существования

Водолазкин отрицает, воспринимая ее как путь трансгрессии из профанного земного мира в мир небесный. Таким же выходом за грань физически существующего является и творчество: «<…> беря в руки инструмент, Глеб перемещался туда, где времени нет»[1]. Вера же, пытаясь привыкнуть к мысли о смерти, играет «Адажио» Альбинони, часто звучащее на похоронах: «А почему ты тогда играла Альбинони? <…> – Потому что я боюсь умереть»[2]. Таким образом, тема трансгрессии распадается: через обоих персонажей-двойников воплощается идея творчества как связи с вечным божественным началом.

Мысль о том, что «жизнь – это привыкание к смерти» является магистральной для рассматриваемого романа: циклически повторяемое событие умирания готовит главного персонажа к его собственному концу. В случае Веры долгой «подготовки» быть не может, она изначально живет на границе между миром физическим и духовным. Соответственно, к сближению персонажей приводит и их потребность в опыте друг друга: болезнь не позволяет Глебу играть на гитаре, в связи с чем утрачивается его связь с вечностью. Создание дуэта описываемых двойников (голос Глеба и игра Веры) становится символом не только разрушения границ между ними, но и возвращения Глеба к гармонии искусства.

На смысловом уровне текста герои смыкаются в еще одной точке: Глеб видит в Вере своего ребенка. Тема продолжения рода как пути к бессмертию, раскрытая еще в «Лавре», таким образом, находит своеобразное отражение и в «Брисбене». Закономерно, рассматриваемая идея неразрывно связана и с темой любви. Так, еще одной парой двойников являются Катя и Анна, связь между которыми восходит к ветхозаветной легенде о сестрах Лии и Рахиль. Как известно, Рахиль была лю-

[1] *Водолазкин Е.Г.* Брисбен. М.: АСТ, 2019. С. 162.
[2] *Водолазкин Е.Г.* Брисбен. С. 257.

бимой женой Иакова, но долгое время не могла иметь детей, тогда как Лия родила шестерых мальчиков, стараясь завоевать внимание мужа. Катерина, будучи бесплодной, мечтает о ребенке, потому готова терпеть измену мужа даже с собственной сестрой Анной. Мотив телесности и полового акта возникает и по отношению к данным героям, также выступая в функции полного преодоления границ. В противоположность Кате, Анна, коррелируя с образом Лии, становится первым физическим опытом Глеба, дает ему ребенка (Веру) и борется за его внимание, однако проигрывает.

Катерина и Анна – противоположные стороны идеи любви как вечности: любовь духовная (Катерина / Рахиль) и физическая (Анна / Лия). Глеб на протяжении всего повествования отдает предпочтении Катерине, т. е. любви духовной. Вечность и жизнь у Водолазкина неразрывно связаны с женщиной, поэтому в тексте, помимо основных, присутствует больше количество двойников – возлюбленных главного героя: Елена Марковна, Валя Адаменко, Арина, Анна Лебедь, Катерина и др. – все они, так или иначе, реализуют телесную или духовную связь с Глебом. И если первые влюбленности героя в его учительниц по-детски невинны, то Валя Адаменко зарождает в персонаже мысли о телесности. На пересечение границы детской чистоты указывает и фамилия героини – Адаменко, отсылающая к библейскому мифу о первородном грехе. Заместителем яблока в тексте выступает персик, ассоциирующийся у главного героя с возлюбленной: «При мысли о персике он неожиданно подумал о совершенно запретном <…>. Он и Валя»[1].

В противоположность данным героиням существуют Арина и Катерина как символы вечного и незыблемого. Одержимость главного героя Анной прерывается следующей мыслью: «Глеб вспомнил погибшую Арину – и понял,

[1] *Водолазкин Е.Г.* Брисбен. С. 90

что она и была его единственной любовью»[1]. Связь Глеба с Ариной основана исключительно на метафизическом контакте: девушка приходит к герою во сне. Именно смерть Арины открывает перед Глебом, с одной стороны, бессмысленность существования, а с другой, мысли о вечности, так как девушка продолжает жить во снах героя и его памяти. Катерина же эти мысли воплощает, сопровождая главного героя на протяжении практически всей его жизни и полностью сливаясь с ним духовно. Чтобы не оказаться после смерти в разных местах с возлюбленным, она принимает православие, тем самым открывая их с Глебом отношения в вечность. Таким образом, смысл выбора Глеба между любовью духовной и физической расширяется до выбора между вечностью и смертью.

В «Брисбене» представлена своеобразная система внутреннего двойничества, основанная не на духовном расколе персонажа и его психической болезни, а на устранении времени. Так, время в романе двоично, событие наррации происходит сразу в двух временных плоскостях и от двух разных рассказчиков. В «прошлом» и «настоящем» как будто живут отдельные герои, хотя повествование ведется об одном и том же лице. В зависимости от этапа своего жизни Глеб меняется, представляя собой разных людей: наивный мальчик, влюбленный студент, муж, любящий отец и т. д. При этом основная тема романа изменяется вслед за эволюцией героя – от ощущения бессмысленности существования к пониманию отсутствия времени. Соответственно, Глеб становится двойником самому себе, только в разных временных пластах, что опять же подчеркивает идею нелинейности жизни.

Таким образом, система персонажей в романе «Брисбен» представляет собой парадигму двойников, которая несет на себе отпечаток магистральной идеи всего творчества

[1] *Водолазкин Е.Г.* Брисбен. С. 119.

Е. Водолазкина – идеи отсутствия времени и смерти. Подобная структура соответствует полифонической концепции, в соответствии с которой герои являются отражением друг друга и воплощают грани одной идеи, с тем отличием, что в «Брисбене» это двойничество стирает противоположности и утверждает вечность бытия.

ЛИТЕРАТУРА

Агранович С.З. Двойничество. Самара: Самарский университет, 2001. 132 с.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русский словарь, 2002. 505 с.

Водолазкин Е.Г. Брисбен. М.: АСТ, 2019. 410 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 2000. 407 с.

Е.А. Кравченкова
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Концепт «Пушкин» в рэп-поэзии И. Алексеева

E.A. Kravchenkova
Pushkin State Russian Language Institute

The Concept ‘Pushkin’ in I. Alekseev’s Rap

Начиная разговор о современной рэп-поэзии, необходимо обратиться к предыдущей эпохе развития русской песенной лирики – к року. В научном сборнике «Русская рок-поэзия: текст и контекст» Ю. Доманский, Т. Ивлева, Е. Козицкая определяют рок-композицию как синтез трех

взаимодействующих начал: музыки, текста и шоу с доминантой текста, более того, с возможностью рок-текста как факта литературы функционировать, а следовательно и изучаться, самостоятельно[1]. Обратим внимание на слово «самостоятельно» в приведенном определении и перенесем на рэп этот же принцип анализа текстов, т. е. как эстетически и этически законченных стихотворений, которые можно рассматривать отдельно от музыкальной составляющей, особенностей аранжировки или сценического воплощения композиции.

Мнение рэп-исполнителей о Пушкине, в частности, высказано в интервью группы «Кровосток» от 2015 г., где один из основных участников коллектива Доктор Фельдман (наст. имя Дмитрий Файн) свысока комментирует: «Фигура, однозначно устраивающая меня в русской литературе, – это Пушкин. Александр Сергеевич. Со всеми остальными ребятами уже что-то не совсем так, имеется в виду возможность описать радость»[2].

Как широко известно, «концепт – один из наиболее популярных и наименее однозначно дефинируемых терминов современной лингвистики»[3]. В данной статье о рэп-поэзии концепт определяется как «чтото (и в сознании, и в языке), что определяет (называет, представляет в виде образа) некоторые явления (понятия, действия, состояния), принципиально важные для бытия людей и их общения (в том числе и речевого), причем это чтото имеет как всеобщую, так и

[1] *Ивлева Т., Козицкая Е., Доманский Ю.* От редколегии // Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сб. науч. тр. Тверь: ТГУ, 1998. С. 5.

[2] Интервью «Кровостока» о русской литературе и современном искусстве. [Электронный ресурс]: http://www.rap.ru/news/6536 (дата обращения: 05.05.2020).

[3] *Грузберг Л.А.* Концепт // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 308.

национально детерминированную значимость и временную устойчивость» (Ю.Е. Прохоров)[1].

Одной из реализаций концепта «Пушкин» можно считать представление рэперов о том, что авторитет классика бесспорен при решении всех остросовременных проблем.

Noize MC (Иван Алексеев) в треке «Пушкинский рэп» (2011) продолжает традицию демифологизации Пушкина: бронзовый памятник, навечно закрепленный после «Речи Достоевского о Пушкине» 1880 г. в высокой культуре как идеальный поэт, как бесспорный гений, испытывает на себе постоянное желание писателей вернуть Пушкину человеческий облик, соизмерить Пушкина с живым человеком, «а не с мумией»: «Я люблю вас, но живого, а не мумию. Навели хрестоматийный глянец» (В. Маяковский, «Юбилейное»)[2].

Пушкинский текст, связанный с карнавализацией и травестией классика в элитарном (академическом) и бытовом сознании русского читателя, выявляется писателями и литературоведами во множестве произведений XX в. – в «Пушкинском доме» А. Битова, романе «Кысь» Т. Толстой, поэме «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева, повести «Заповедник» С. Довлатова и в ставшем классическим центоне Вс. Некрасова «Я помню чудное мгновенье…»[3].

Иван Алексеев в «Пушкинском рэпе»[4] поднимает тему расизма футбольных фанатов, актуальную в России повсеместно и всегда. Припев («хук», как называется эта часть текста в рэп-культуре) звучит так:

---

[1] *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М.: Флинта, 2009. С. 89.

[2] *Маяковский В.В.* Юбилейное. [Электронный ресурс]: v-v-mayakovsky.ru/books/item/f00/s00/z0000003/st012.shtml (дата обращения: 05.05.2020).

[3] *Некрасов Вс.* Я помню чудное мгновенье… [Электронный ресурс]: www.vavilon.ru/texts/prim/nekrasov1-5.html (дата обращения: 05.05.2020).

[4] *Noize MC* Пушкинский рэп / Аудио [Электронный ресурс]: https://www.gl5.ru/noize-mc-pushkinskij-rep.html (дата обращения: 05.05.2020).

Так откуда берутся грамотеи такие,
Что думают, будто расизм и Россия –
Это слова однокоренные?
Знайте, Пушкин против таких, как вы, йоу.
На непохожих людей смотришь хмуро?
Что-то там мямлишь про русскую культуру?
Так вот тебе от этой культуры ответ,
Или что, типа Пушкин не русский поэт?

В речитативе актуализируется именно не чисто славянское происхождение Пушкина – правнук Абрама Петровича Ганнибала имел часть и африканской крови, что стало особенно важным в культуре в начале 2010-х гг. в связи с разгулом националистических движений в среде фанатов. Отметим также, что рэп как стиль написания текстов, манера исполнения и субкультура пришел из чернокожих районов Нью-Йорка и в современном виде появился в 1970-х гг. среди афроамериканцев[1].

И. Алексеев строит текст на противопоставлении Пушкина как обычного, равного нам человека и как великого поэта. Начинается трек с обыденной фразы знакомства:

Меня зовут Александр Сергеевич Пушкин… –

и продолжается уже хрестоматийным:

Я памятник себе нерукотворный воздвиг…

Здесь обычное, приземленное отношение к Пушкину соотносится с ерофеевским «Вот так и я – как немножко напьюсь, так сразу к нему подступаю: “А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?”»[2].

---

[1] *Кожелупенко Т.П.* Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп текстах. [Электронный ресурс]: https://search.rsl.ru/ru/record/01003467769 (дата обращения: 05.05.2020).

[2] *Ерофеев Вен.* Москва – Петушки. [Электронный ресурс]: http://www.e-kniga.ru/Erofeev/moskva5.html (дата обращения: 05.05.2020).

Обратим внимание, что портрет Пушкина строится именно на чертах негроидной расы (темная кожа, черные кудрявые волосы) и полностью отсутствуют признаки принадлежности поэта европейской культуре и его русскости (бакенбарды, голубые глаза):

Моя кожа не похожа на начинку ватрушки.
Смуглое лицо, черных кудрей завитушки –
Спасибо прадедушке за все эти фишки…

Хотя именно в обыденном сознании после завершения мифологизации классика бакенбарды – это основная портретная характеристика поэта. Вспомним довлатовское: «На каждом шагу я видел изображения Пушкина. Даже возле таинственной кирпичной будочки с надписью “Огнеопасно!”. Сходство исчерпывалось бакенбардами. Размеры их варьировались произвольно» («Заповедник»)[1].

Алексеев вспоминает и о прозвище Пушкина в лицее – *Смесь обезьяны с тигром*, которое связано с неукротимым нравом поэта в подростковом возрасте и с оскорбительными выпадами в адрес внешности Пушкина со стороны Дантеса, о чем подробно говорил Ю.М. Лотман[2]:

Не слишком большого умишка обладатели
Обзываться обезьяной считали обязательным.
И даже в лицее злопыхатели нередко
Шутили, что мои предки вчера слезли с ветки.

Лотман, правда, сглаживает неевропейские черты портрета, резюмируя в заметке: «Однако кличка, которая в своей первооснове, то есть применительно к французскому характеру, никаких зрительных ассоциаций не имела, будучи отнесена к Пушкину, получала дополнительные смыслы в

[1] *Довлатов С.* Заповедник. [Электронный ресурс]: https://e-libra.ru/read/82616-zapovednik.html (дата обращения: 05.05.2020).

[2] *Лотман Ю.М.* Смесь обезьяны с тигром. [Электронный ресурс]: pushkin-lit.ru/pushkin/articles/lotman/obezyana-s-tigrom.htm (дата обращения: 05.05.2020).

связи с некоторыми особенностями мимики и внешности поэта. Одновременно, получив, видимо, широкую огласку, она давала поверхностному наблюдателю готовый штамп восприятия именно внешности». Для воплощения творческой задачи трека Алексеев намеренно на первый план выдвигает связь лицейского прозвища с внешностью.

Таким образом, И. Алексеев (Noize MC) призывает Пушкина решить острые проблемы общества. Рэп-поэта интересуют и факты биографии классика, и особенности его портрета, и хрестоматийная лирика, и рецепция молодыми Пушкина. Развитие концепта «Пушкин» в рэп-поэзии проходит на протяжении всех 2010-х гг. и, скорее всего, не завершено.

ЛИТЕРАТУРА

Noize MC (Иван Алексеев). Пушкинский рэп. / Аудио [Электронный ресурс]: https://www.gl5.ru/noize-mc-pushkinskij-rep.html

Грузберг Л.А. Концепт // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

Довлатов С. Заповедник. [Электронный ресурс]: https://e-libra.ru/read/82616-zapovednik.html

Ерофеев Вен. Москва – Петушки. [Электронный ресурс]: http://www.e-kniga.ru/Erofeev/moskva5.html

Ивлева Т, Козицкая Е., Доманский Ю. От редколегии // Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сб. науч. тр. Тверь: ТГУ, 1998. С. 5.

Ивлева Т.Г. Пушкин и Достоевский в творческом сознании Бориса Гребенщикова // Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сб. науч. тр. Тверь: ТГУ, 1998. С. 38–43.

Интервью «Кровостока» о русской литературе и современном искусстве. [Электронный ресурс]: http://www.rap.ru/news/6536

Кожелупенко Т.П. Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп текстах. [Электронный ресурс]: https://search.rsl.ru/ru/record/01003467769

Лотман Ю.М. Смесь обезьяны с тигром. [Электронный ресурс]: pushkin-lit.ru/pushkin/articles/lotman/obezyana-s-tigrom.htm

Маяковский В.В. Юбилейное. [Электронный ресурс]: v-v-mayakovsky.ru/books/item/f00/s00/z0000003/st012.shtml

Некрасов Вс. Я помню чудное мгновенье… [Электронный ресурс]: www.vavilon.ru/texts/prim/nekrasov1-5.html

Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта, 2009. 176 с.

Д.В. Кротова
МГУ имени М.В. Ломоносова

Поэтика телесности в лирике В. Шаламова

D.V. Krotova
Lomonosov Moscow State University

The Poetics of Corporeality in V. Shalamov's Poetry

В стихотворениях В. Шаламова категория телесности играет особенно значимую роль. Поэтика Шаламова наследует ряд акмеистических художественных закономерностей, и среди них внимание к физической грани бытия. Осмысление феномена тела, телесной жизни встречаем у О. Мандельштама («Дано мне тело – что мне делать с ним…») и Н. Гумилева («Душа и тело»), жестовыми, мимическими деталями наполнена лирика А. Ахматовой. В поэзии Шаламова телесное начало играет столь же значимую роль, что и духовно-душевные аспекты жизни личности, одно неотделимо от другого. Духовное зачастую реализу-

ется и раскрывается именно сквозь призму телесного, как, например, в следующем стихотворении:

Хранитель языка –
Отнюдь не небожитель,
И каждая строка
Нуждается в защите.

Нуждается в тепле
И в меховой одежде,
В некрашеном столе
И пламенной надежде.

Притом добро тепла
Тепла добра важнее.
В борьбе добра и зла
Наш аргумент сильнее.

Характерны слова: «…добро тепла // Тепла добра важнее». Эти строки не следует трактовать буквально, вырывая из контекста, как утверждение, что категории физического мира (тепло) более значимы, чем духовные. Ведь идея стихотворения заключается именно в осмыслении благих начал духа – добра и творчества. Но само по себе приведенное шаламовское утверждение весьма репрезентативно.

С точки зрения соотношения «духовное – телесное», «абстрактное – физическое» весьма интересно стихотворение Шаламова «Рассказ о Данте», где спасение человеческой жизни и избавление тела от страданий оказывается несравнимо важнее, чем соблюдение формально понятого благочестия.

Равноправное, паритетное соединение душевного и телесного начал характеризует лирическое «я» Шаламова. Внутренне всегда находит выражение у Шаламова сквозь призму внешнего, физического. «Я» Шаламова – это тело в той же мере, что и душа. Названная особенность поэтического самоощущения Шаламова особенно ярко высвечивается при сравнении с поэтической традицией Серебряного века, на-

следником которой Шаламов себя справедливо считал. Так, у символистов духовной сфере заведомо отдается приоритет перед физической; мир вещественный воспринимается как отражение высших сущностей. Поэтому лирический герой К. Бальмонта, А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова предстает прежде всего в своей духовной, а не физической ипостаси. Акмеисты «реабилитируют» вещественный, материальный мир, для лирического героя Н. Гумилева или О. Мандельштама значимость телесной ипостаси значительно повышается. Шаламов же доводит эту тенденцию до предельно яркого выражения, поскольку для его поэтического «я» характерно теснейшее сплетение, неразрывное соединение душевного и телесного аспектов. Душевные переживания практически всегда воплощаются у Шаламова сквозь призму физического, образ страдающей души (а лирический герой Шаламова практически всегда несет в себе муку и боль) и страдающего тела в поэзии Шаламова неразрывно слиты. В качестве ярчайших примеров можно привести стихотворения «Я разорву кустов кольцо…», «Златые горы», «Реквием», «Я здесь живу…», «О тебе мы судим разно…» и др.

Если акмеистам свойственно воспринимать тело как совершенное Божье творение («Дано мне тело…» Мандельштама), то у Шаламова в интерпретации телесности появляются чаще всего иные акценты – это страдающее, а зачастую и изуродованное тело («Желание», «Перед небом» и др.).

Категория телесности у Шаламова настолько значима, что сквозь призму человеческого тела осмысливаются образы растений, ветра и даже камней («Кусты разогнутся с придушенным стоном…», «Гроза», «Стланик», «Близнецы»[1]). Иногда «телесностью» наделяются даже явления не физического мира: феномены умопостигаемые в его

[1] Стихотворение не входит в наиболее полное на сегодняшний день собрание сочинений В. Шаламова (в 7 т.; М., 2013). Источник цитирования: РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 3.

лирике порой «обретают тело», осмысливаются как обладающие телесными свойствами. Речь идет, например, о стихотворении «Скоро мне при свете свечки…», где сами слова из письма жены можно «греть у печки», и буквы «точат слезы».

Особая категория в лирике Шаламова – категория «памяти тела». К. Батюшков в своем известном стихотворении противопоставлял «память сердца» и «память рассудка». Шаламов же размышляет о телесной памяти, которая оказывается порой сильнее всех иных. Так, разлуку с любимой прежде всего «жгучей болью помнит кожа» (стихотворение «Затлеют щеки, вспыхнут руки…»). Разум не всегда может удержать все, что было, всю массу «добрых дел и злых имен». Память тела же намного более надежная и цепкая (размышлениям об этом посвящено стихотворение «Память»).

Одно из возможных объяснений столь весомой роли образов телесности у Шаламова биографическое. Почти двадцать лет лагерей, тяжелейшего труда, невыносимых условий, болезней как неизбежного следствия жизни на пределе человеческих возможностей – все это заставляло переживать каждый день как страдание, физическое и душевное. Следствием этого является и та онтология телесности, которая развернута в лирике Шаламова. Другое возможное объяснение столь высокой значимости образов тела, связано, как уже отмечалось, с акмеистической традицией, наследником которой Шаламов себя в полной мере ощущал.

М.В. Михайлова
МГУ имени М.В. Ломоносова

«Печальник писательской братии» – Федор Дмитриевич Батюшков

M.V. Mikhailova
Lomonosov Moscow State University

“Sad Writer’s Brotherhood” – Fyodor Dmitrievich Batyushkov

В марте 2020 в петроградском журнале «Вестник литературы» появилась заметка-некролог, в которой были такие строки: «Особо чувствительна смерть Ф.Д<митриеви>ча для литературных организаций, потерявших в его лице неутомимого работника, истого печальника писательской братии, бессменного председателя, умевшего объединять людей противоположных взглядов и примирять несогласия… Но ближе всего был для Батюшкова Литературный фонд, председателем которого он состоял. Нуждающиеся в помощи находили в нем постоянного и усердного ходатая…»[1].

Кем же был ушедший в мир иной 100 лет назад упомянутый деятель? Федор Дмитриевич Батюшков (1857–1920) –литературовед, критик, театральный деятель, педагог, внучатый племянник поэта К. Батюшкова. Сейчас его имя основательно забыто, ссылки на его работы в филоло-

[1] Вестник литературы. 1920. №3.

гических исследованиях редки, хотя он энергично работал на филологической ниве более 20 лет. Он был учеником А.Н. Веселовского, специализировался на западноевропейской литературе Средних веков, преподавал после защиты магистерской диссертации в Санкт-Петербургском университете и на Высших Женских курсах. Потом резко сменил сферу деятельности, став аналитиком и рецензентом современной литературы. С его именем связаны серьезные печатные издания: «Журнал Министерства народного просвещения», журналы «Мир Божий», «Вестник Европы», «Жизнь для всех», «Образование», «Вопросы философии и психологии», «Ежегодник императорских театров», газеты «Новости», «Речь», «Биржевые ведомости» и др. Он автор статей в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, «Русской литературе XX века. 1890–1910» (под ред. С.А. Венгерова), «Истории русской литературы XIX века» (под ред. Д.Н. Овсянико-Куликовского). Некоторые из статей он собрал в двух выпусках «Критических очерков и заметок» (1900 и 1902).

В его работах привлекает умение соединить интерес к сопоставительному анализу литературы (он всегда ищет перекличек между западноевропейской и русской!), внимание к литературе XIX в. и чутье критика по отношению к произведениям рубежа XIX–XX вв. Особенно продуктивным представляется то, что он умел оценивать произведения прошлого сквозь призму современности. Так, например, статью о Е. Баратынском он начинает с цитаты поэта, которую комментирует следующими словами: под этим тезисом «подписался бы любой из современных нам индивидуалистов, прошедший школу Штирнера и Ницше»[1]. Его разбор наследия этого поэта продуктивен имен-

[1] *Батюшков Ф.Д.* Евгений Абрамович Баратынский (1800–1944) // История русской литературы XIX века. Т. 2. М., 1909. С. 47.

но с точки зрения овладения принципами биографической, психологической и историко-культурной школ литературоведения. Подробно остановившись на знаменитом эпизоде, послужившем причиной исключения 17-летнего мальчика из Пажеского корпуса, Батюшков справедливо задается вопросом, почему же это событие не подтолкнуло его к обличению «условий жизни и той среды, где так легко погибнуть человеку, общества, на которое он имел возможность посмотреть и со стороны, сам принадлежа ему <…>». И ученый отвечает на этот вопрос, апеллируя к психологии поэта: «...сатира была совершенно не в характере Баратынского»[1]. Далее, делая упор на многообразии мотивов в лирике художника, он пишет о разноплановости переполнявших его душу «начинаний» (тот и сентименталист, и скептик, и эпикуреец и пр.). Именно эта мысль становится главной при характеристике творчества Баратынского, и она же позволяет историку литературы выявить эволюцию личности художника, в конце концов нащупавшего то, что более всего присуще его натуре: пессимизм, тоску и разочарование.

Батюшков довольно строг к отдельным произведениям поэта. Так, в поэме «Бал» ему кажется несколько облегченным решение автора представить увлечение главного героя Арсения княгиней как эпизод, как простое недоразумение. В результате «разочарованность Арсения» выглядит некоторой натяжкой. Герой, только на какое-то мгновение поднявшийся «на высоту демонического характера, презирающего свет и ложные обольщения чувств», а потом быстренько повернувшийся «в сторону идиллии»[2], представляется Батюшкову обманувшим ожидания читателя. Такую интерпретацию персонажа можно, конечно, оспорить. Но она выглядит

[1] *Батюшков Ф.Д.* Евгений Абрамович Баратынский (1800–1944). С. 50.
[2] *Батюшков Ф.Д.* Евгений Абрамович Баратынский (1800–1944). С. 51.

достаточно убедительной. И уж, конечно, убедителен вывод автора, в котором прочерчены связи поэта с началом XX столетия. Звучит этот вывод так: «…он одновременно нам близок и далек: далек, ибо его облик до некоторой степени укладывается в рамки старинного портрета 20-30-х годов прошлого века, с отзвуками настроений французской литературы XVIII столетия: сентиментализм Руссо, умеренный насмешкой Вольтера, портрета человека с легким налетом спокойного, барского, хотя и “высокого” равнодушия к запросам действительности, эпикурейца-созерцателя, с благородной душой и грустной задумчивостью, в комфортабельной обстановке жизни; близок – по ярко осознанной индивидуальности, по вечности некоторых тем <…>, по умению самостоятельно мыслить, <…> и по чеканке стиха, сильного, меткого, образно-выразительного»[1].

Особый интерес представляют, несомненно, статьи Батюшкова о Бунине и Брюсове. Но, возможно, самое существенное в его наследии связано с именем Короленко, с которым его долгие годы соединяли дружеские отношения. Свою концепцию творчества художника он изложил в писавшейся почти 7 лет – с 1913 по1919 г. – книге «В.Г. Короленко как человек и писатель», где охарактеризовал метод художника как «скорбное познание»[2] действительности, давшее ему возможность проникать в «темную, не поддающуюся анализу психическую жизнь человека»[3]. Надо указать, что наиболее интенсивное общение, перешедшее в дружбу между критиком и художником, наблюдалось в конце 90-х – начале 900-х гг., когда ценные советы Батюшкова, обсуждение с ним процесса написания произведений могли даже привести к корректировке замысла и возникновению новых вариантов отдельных произведений.

[1] *Батюшков Ф.Д.* Евгений Абрамович Баратынский (1800–1944). С. 53.
[2] *Батюшков Ф.Д.* В. Г. Короленко как человек и писатель. М., 1922. С. 52.
[3] *Батюшков Ф.Д.* В. Г. Короленко как человек и писатель. С. 30.

Интерес к творчеству Короленко у Батюшкова подпитывался его интересом к изображению народа. Он выделил «сложность дарования» Короленко, подтверждая свой тезис детальным разбором рассказа «Лес шумит», который критик сюжетно возводит к Тургеневу, но по тонкости раскрытия «внутреннего мира действующего лица <…>, скорее угадываемого, чем изложенного в словах», делает абсолютно новаторским, принадлежащим перу писателя, у которого «нужно постоянно читать между строк»[1]. Но главное, что обнаруживает Батюшков у Короленко, это то, что тот «символист». В пользу этого утверждения, по мнению критика, говорит умение писателя свободно пользоваться «вымыслом, образностью очертаний и фантастическими преданиями»[2].

Именно в связи с творчеством Короленко он начал размышлять о смене поколений в искусстве. Опираясь на то, что тот назвал свое первое произведение «Эпизоды из жизни “искателя”» (1879), Батюшков вывел некоторые характеристики, определяющие общественное настроение 80-х гг. XIX в. С тех пор писатели не принимают позы учителей, не хотят быть проповедниками. Поняв, что общественные прогнозы не осуществились, они обратились к самой жизни, начали вновь искать ответы на насущные вопросы, никого не уча и не возвещая об истинах в последней инстанции.

А теперь уточним, почему использовано применительно к этому человеку определение, данное в заголовке. После 1917 г. Батюшкову, естественно, прибавилось дел на общественном поприще. Бесконечные заседания, комиссии, вечера памяти и пр. Он вошел в Совет по делам искусств при Временном правительстве, стал главным уполномоченным по Петроградским государственным театрам, членом комис-

[1] *Батюшков Ф.Д.* Критические очерки и заметки о современниках. Ч. 2. СПб., 1902. С. 46.

[2] Там же.

сии по ликвидации Главного управления по делам печати, председателем Комитета по ликвидации дел драматической цензуры, вошел в редакционную коллегию экспертов издательства «Всемирная литература», редактировал сочинения Вольтера, Бальзака, Лесажа. В это же время он формирует фонд Театральной библиотеки и организует музей при ней, начинает сам там работать помощником библиотекаря и научным сотрудником. Но главным, пожалуй, поприщем оставалась для него помощь нуждающимся.

И, возвращаясь к началу статьи, необходимо указать, скольким он успел помочь за неполные два года своей деятельности при советской власти. Осенью 1919 г. он как представитель ЦК петроградского Объединенного союза профессиональных литературных организаций совместно с другими литераторами посещает заместителя наркома просвещения Петрограда З. Гринберга, чтобы ходатайствовать об освобождении арестованных по делу так называемого «Тактического центра и объединенных в нем организаций» (куда входили, помимо прочих, С. Трубецкой и С. Мельгунов), а затем по этому же поводу в составе делегации приезжает в Москву, где посещает А. Луначарского, Е. Стасову, Л. Каменева. Будучи председателем Фонда народной литературы им. В. Короленко, он ратует за издание общедоступных произведений научно-популярной и художественной литературы. И даже не имеет смысла перечислять, скольким литераторам смог помочь в эти голодные годы Литературный фонд!

Все это согласовалось с научной и жизненной позицией Батюшкова, всегда выступавшего на стороне «гуманитарного прогресса», призывавшего опираться на миросозерцания различных эпох – от античности и христианства до научных концепций современности, позицией, которой он придерживался всю жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

Батюшков Ф.Д. Критические очерки и заметки о современниках. Ч. 2. СПб., 1902.

Батюшков Ф.Д. Евгений Абрамович Баратынский (1800–1944) // История русской литературы XIX века. Т. 2. М., 1909.

Батюшков Ф.Д. В. Г. Короленко как человек и писатель. М., 1922.

Вестник литературы. 1920. № 3.

Русское богатство. 1900. № 7.

Н.А. Николина, З.Ю. Петрова, Н.А. Фатеева
Московский педагогический государственный университет,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Славянские мифонимы в зеркале компаративных тропов современной русской прозы

N.A. Nikolina, Z.Yu. Petrova, N.A. Fateeva
Moscow State Pedagogical University,
Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences

Slavic Mythonyms in the Mirror of Comparative Tropes of the Modern Russian Prose[1]

Для современной русской прозы характерно частое обращение к прецедентным феноменам. Как отмечает В.В. Красных, «за прецедентным феноменом всегда стоит некое пред-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX – начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

ставление о нем, общее <…> для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену прозрачными, понятными, коннотативно окрашенными» [2002: 216]. Среди прецедентных феноменов, используемых в современной прозе, выделяются славянские мифонимы, которые включаются в состав метафор и сравнений.

К мифонимам относятся названия языческих богов, демонов, героев мифов, а также предметов, которые первоначально получили в народной культуре сакральную значимость. Славянская мифология получила отражение в народных сказках, многие персонажи и реалии которых изначально связаны с мифами[1].

Метафоры и сравнения современной русской прозы включают:

1. имена славянских языческих богов: *Перун*, *Ярило*, *Хорс*, например:

> «лучи красного солнца топырились во все стороны, будто кудри сказочного *Ярилы*» (А. Рекемчук. Мамонты), «Поют птицы, утро празднуют. *Хорс* выходит на голубую пажить. В его лучах распрямляется трава» (А. Рубанов. Финист – Ясный Сокол);

2. названия демонов, или языческих антропоморфных существ низшего уровня: *леший*, *домовой*, *водяной, кикимора*, *мавка*, *русалка*, *упырь*, *вурдалак*, например:

> «Батя, как хмельной *домовой*, был громыхалой – всегда у него дверцы хлопали, посуда брякала» (А. Иванов. Золото бунта), «Алый румянец облил щеки, глаза яркие, сверкают, как у *мавки*» (А. Рубанов. Финист – Ясный Сокол);

[1] Многие мифонимы, функционирующие в русской языковой картине мира наряду с другими культурно-коннотативными языковыми единицами, содержатся в словарях [Гудков 2020] и [Брилева, Вольская, Гудков и др. 2014].

3. имена сказочных персонажей: *Царевна-Лягушка*, *Василиса Прекрасная*, *Кощей* (*Кащей*) *Бессмертный*, *Баба-Яга*, *Дед Мороз* и др.:

> «Ее папенька, Гамлет Суренович, похож на *Кащея* лицом и характером» (Слава Сэ. Ева), «Когда она напивалась, то громила нас с мамашей, как Цицерон Катилину <…>. И у этой ходячей войны, *бабы Яги* с Будапештской улицы города-героя Ленинграда, была единственная поэтическая струнка в осатаневшей душе…» (Т. Москвина. Пускай безумствует мечта!);

4. названия сказочных животных: *Лиса Патрикеевна*, *лисичка-сестричка*, *мышка-норушка, Сивка-Бурка, рыба-кит* и др., например:

> «– Какая же ты хитрая, Маришка, – с невыразимой нежностью говорит он. – *Лиса Патрикеевна*… Я-то думал, меня ничем не взять» (В. Рыбаков. Хроники смутного времени), «И вдруг он сталкивается не с тварью дрожащей, не с потной от страха *мышкой-норушкой* <…>. Нет, перед ним – тигрица, великая возлюбленная <…>» (Ю. Буйда. Щина);

5. названия предметов, связанных со славянской мифологией: *колобок*, *скатерть-самобранка*, *молодильные яблоки* и др.:

> «Так он и ушел, как *колобок*, ото всех проблем, которых сам для себя не хотел» (А. Берсенева. Возраст третьей любви), «и уже мой офицерский бушлат, выстояв, принял на себя эту хрупкую птичку с сумкой-ридикюльчиком, которая на деле оказался *скатертью-самобранкой*» (С. Есин. Марбург), «Идешь по улице, и незнакомый, совсем не твой мужчина цепляет тебя взглядом. Молчаливое, даже некасательное дело, но дивный миг пребывания в чужом глазу – как *молодильное яблоко*» (Г. Щербакова. Lovestoрия).

Наибольшее количество употреблений содержат вторая и третья группы. Метафоры и сравнения, включающие мифонимы и сказочные образы, соотносятся с разными предметами сравнения. Названия антропоморфных существ и животных преимущественно характеризуют человека. При их помощи изображается: а) внешность человека: «Глядеть страшно:

лобастая голова, усы, глазки маленькие, ни дать ни взять – *водяной»* (Б. Екимов. Чикомасов), «Пока мы так сидели, размышляя, не пора ли вылезать и начинать шевелить мозгами, откуда-то из темноты вышла в бикини *русалка* с распущенными по плечам смолистыми волосами и молча уставилась на нас» (Б. Левин. Инородное тело), б) движения, действия: «По нескольку человек они перебирались на эти матрасы <…>, а одна какая-нибудь женщина все ворочалась без сна, натягивая на бедра задиравшийся халат, изгибаясь и шлепаясь, будто толстая печальная *русалка*» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки), в) характер, внутренние качества: «Неприятная баба. <…> Я даже сочувствовал Сергею, что у него такая *Яга*» (Л. Зорин. Юпитер), г) жизненные ситуации: «А сама вечером уже позвонила Дине, чтобы я тут не сидел один с грязным бельем. Как *Кощей Бессмертный*. Интересно, кто ему стирал, когда от него уходили жены?» (А. Геласимов. Рахиль), «В штабном вагоне ее не жалко, а тут вдруг проняло. Будто два разных человека: там – бесчувственная *лягушка*, а тут – *Василиса*, которая сбросила лягушачью кожу» (А. Приставкин. Вагончик мой дальний).

В современных текстах при образной характеристике лиц может не совпадать родовая принадлежность антропоморфного существа, название которого является образом сравнения, и лица, выступающего в функции предмета сравнения. Так, Кощею Бессмертному может уподобляться женщина: «Отыскивая свою ошибку в отношениях с бессмертной, как *Кощей*, свекровью, Маргарита теперь предполагала <…>» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки), русалке – мужчина: «Сами они – и рыбаки, и люди из горкома – были похожи на корявых бычков: по-южному загорелые, большелобые, пыльные длинные брюки закрывали их башмаки и превращали в *русалок* мужского пола» (Э. Лимонов. Книга воды).

При характеристике природных реалий и артефактов эти названия образуют антропоморфные и зооморфные тропы: «Стояли в воде кривые березы; как руки *кикимор*, высовывались, изгибаясь, корни упавших сосен; шатры елок облепляла ряска» (А. Иванов. Сердце Пармы), «Бывает, я иду вдоль мокрых стволов, трогая их, будто выстроившихся в шеренгу *русалок*» (Д. Гуцко. Осенний человек), «Рыжая “шапка” старого “Москвича” выросла перед ней как *сивка-бурка*» (К. Сурикова. Ира – дура).

Образы сравнения, представленные названиями сказочных предметов, используются в основном для характеристики различных предметов и природных реалий: «В полумраке светилось отверстие в потолке, на кошме лежала *скатерть-самобранка*, то бишь глиняное блюдо, и в нем аппетитно дымились сочные, жирные куски мяса» (В. Скрипкин. Тинга), «Из туч вывалилась луна *колобком*, ясная, полная» (А. Азольский. Лопушок), однако в ряде случаев могут характеризовать и невещественные сущности – различные впечатления, ситуации, человеческие способности (см. выше примеры с образом *молодильное яблоко*).

Особое место в составе тропов с названиями сказочных предметов занимают метафоры и сравнения, включающие лексему *колобок*. Эта лексема выделяется из группы обозначений предметов, так как во многих случаях в контекстах ее метафорических и сравнительных употреблений актуализируются древние представления о персонификации колобка, наделении его антропоморфными качествами. При характеристике человека образ сравнения *колобок* рисует его во многих аспектах: а) поведение в определенных жизненных ситуациях: «и кто только в Колюниных идолах, кумирах и вождях не перебывал, но от всех он укатывался, как *колобок*» (А. Варламов. Купавна), б) внешность: «Был какой-то низкорослый *колобок* в джинсе, рожа близорукого филина» (А. Измайлов.

Трюкач), в) движения: «Что происходит? – по лестнице *колобком* скатился Смирнов» (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но…). Помимо человека, образ сравнения *колобок* может характеризовать и части его тела, чаще всего лицо: «Белосельцев полуобморочно устремился со всеми к сцене, успевая заметить побледневшее, как мучнистый *колобок*, лицо Премьера» (А. Проханов. Господин Гексоген), и природные объекты – светила: «Солнце, вкатившись горячим *колобком* на крыши закаменских деревянных домов, выглядывало из-за дымящихся труб» (В. Астафьев. Прокляты и убиты).

На базе компаративных тропов с мифонимами в современной прозе образуются производные-окказионализмы: «Что-то его ждет дома, то бишь в “гробу с музыкой”, где *кощей-бессмертная* старушка над “попугайчиками” чахнет» (А. Измайлов. Трюкач).

Мифонимы в ряде случаев выносятся в сильную позицию текста – его заглавие, где их семантика обогащается, например «Финист – ясный сокол» А. Рубанова, «Молодильные яблоки» Е. Некрасовой.

«Мифонимы, имена мифологических (мифических) персонажей не только актуализируют в памяти знания тех или иных мифов; мифонимы являются вербальными репрезентатами мифологем – единиц сознания, <…> заключающих в себе конкретно-чувственное воплощение образов коллективного бессознательного» [Ковшова 2019: 190].

Рассматриваемые компаративные тропы выполняют в современной прозе различные функции: служат средством характеристики персонажей, реалий, изображаемой среды; устанавливают межтекстовые связи; создают национально-исторический и региональный колорит; выражают оценку описываемых лиц и предметов.

Сравнения и метафоры, включающие славянские мифонимы, актуализируют в современных текстах историческую

память и обнаруживают устойчивость метафорической картины мира, закрепленной в фольклоре и русской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство // Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. М.: Гнозис, 2014.

Гудков Д.Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе // Лингвокультурологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2020.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок // Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Красных В.В. Энтопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.

И.Б. Ничипоров
МГУ имени М.В. Ломоносова

Русская литература в зеркале религиозно-философской мысли XX в.

I.B. Nichiporov
Lomonosov Moscow State University

Russian Literature in the Mirror of Religious and Philosophical Thought of the 20th century

Религиозно-философская мысль XX в. – от Серебряного века до Русского Зарубежья – внесла значительный вклад в осмысление русской литературы, в исследование *духовной*

биографии художника как мировоззренческой и эстетической категории. Свойственное отечественной словесности взаимопроникновение философского и художественного дискурсов нередко выражалось в обращении русских мыслителей XIX–XX вв. к интерпретации литературного материала, что открывало путь к образному воплощению их собственных идей и интуиций – в работах Вл. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова, Л. Шестова, И. Ильина, Б. Вышеславцева и др.

Состоящие из пяти объемных статей «Этюды о Пушкине»[1] **С.Л. Франка**, которые создавались в преддверии и после юбилейного 1937 г., представляют опыт построения *истории религиозной жизни поэта*, позволяют увидеть личность и наследие Пушкина в контексте исторических путей России и Европы, их духовного и культурного развития. *В концепции Франка религиозность Пушкина не ассоциировалась напрямую с церковным чувством, с явными обращениями к Богу и небесным силам, но незримо откристаллизовывалась в творческом преломлении разнообразных жизненных впечатлений*. Как полагает Франк, проступающая с годами «чистота… религиозно-эстетического чувства» поэта обусловлена преодолением языческих и пантеистических интенций, вследствие чего «языческий, мятежный, чувственный и героический Пушкин… вместе с тем обнаруживается нам как один из глубочайших гениев русского христианского духа».

В сочинениях **Н.А. Бердяева** религиозно-философские и антропологические идеи раскрываются в сопряжении с разнообразными литературоведческими штудиями, среди которых важное место занимают, в частности, опыты монографического и сопоставительного анализа художе-

[1] *Франк С.Л.* Этюды о Пушкине. 3-е из. Paris: YMCA-PRESS, 1987. Тексты С.Л. Франка приведены по этому изданию.

ственных миров Достоевского и Толстого, а также А. Белого, воплотившего в своей романистике пульсацию предреволюционной современности.

Постановочный характер для формирования бердяевской антропологии литературного творчества имеет статья «Откровение о человеке в творчестве Достоевского» (1918), многие идеи которой получили развитие в книге «Миросозерцание Достоевского» (1921). «Антропологические опыты и эксперименты» Достоевского образуют, по Бердяеву, первооснову его творчества и значительно превышают узко понимаемую эстетическую ценность созданных им произведений. В центростремительном мире Достоевского «ничего и нет, кроме человека, все раскрывается лишь в нем, все подчинено лишь ему»[1] . Как художник-христианин, парадоксально сочетающий в своей творческой психологии экстатическую дионисичность с обостренным аналитизмом, Достоевский «всегда ведет процесс с Богом о судьбе человеческой личности… Бог у него раскрывается в глубине человека и через человека».

В книге «Миросозерцание Достоевского» примечателен контрастно-сопоставительный фон, на котором рельефно прорисованы антропологические интуиции Достоевского. Если Достоевский «воспринимает жизнь из человеческого духа», «его мысль занята антропологией, а не теологией», его вглядывание в образ человека пронизано «иступленной любовью к лику Христа», поскольку именно «через Бого-Человека может быть восстановлен человеческий образ», то Толстой, как полагает Бердяев, «воспринимает

[1] Тексты работ Н.А. Бердяева о Достоевском, Толстом, Белом, за исключением «Миросозерцания Достоевского», приводятся по изд.: *Бердяев Н.* Типы религиозной мысли в России. Paris: YMCA-PRESS, 1989. Текст «Миросозерцания Достоевского» приводится по электронному ресурсу: http://modernlib.ru/books/berdyaev_nikolay_aleksandrovich/mirosozercanie_dostoevskogo/read_1/

жизнь из души природы… прежде всего видит устойчивый, природный строй человеческой жизни, ее растительно-животные процессы». Логика подобного сопоставления неизбежно приводит Бердяева к схематизации, к тому, чтобы Толстого периода «Казаков», ранних «народных» рассказов 1850–1860-х гг. фактически отождествить с Толстым последующих периодов творчества, когда антропологический «поворот» будет настолько ощутимым, что на определенном этапе приведет даже к попытке ревизии христианского вероучения. Несколько абсолютизируя «целостное» восприятие человека в художественном мире Достоевского, Бердяев столь же радикально противопоставляет ему Гоголя и А. Белого на том основании, что «Гоголь воспринимает образ человека разложившимся, у него нет людей, вместо людей – странные хари и морды. В этом близко Гоголю искусство А. Белого. Достоевский же целостно воспринимал образ человека, открывал его в самом последнем и падшем». В историко-литературном плане подобные обобщения выглядят дискуссионно, однако их эвристическая ценность заключается в уяснении *магистральных художественно-философских путей антропологического исследования, проложенных как в классической, так и в модернистской культуре*. Отчасти в продолжение идей Д. Мережковского («Л. Толстой и Достоевский», 1900–1902) *Бердяев соотносит художественную антропологию Достоевского, его обостренное чувствование личности Христа с религиозным сознанием Л. Толстого* («Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого», 1911; «Духовное христианство и сектантство в России», 1916; «Л. Толстой», 1928).

Антропологический аспект оказывается ключевым и при обращении Бердяева к текущей литературе, одним из ярких явлений которой стали романы А. Белого: в статьях «Русский соблазн (По поводу “Серебряного голубя” А. Бе-

лого)» (1910), «Астральный роман (Размышление по поводу романа А. Белого “Петербург”)» (1916). Бердяев стал одним из первых глубоких аналитиков романа «Петербург» – знакового явления в модернистской прозе начала века. Опережая ход литературоведческой мысли, он назвал А. Белого «кубистом в литературе», показал обозначившиеся в его творчестве перспективы сближения эстетических систем символизма и авангарда, предложил ценные наблюдения о стилистике символистской прозы, при этом в центр своих размышлений выдвинул *антропологический аспект* созданной А. Белым художественной реальности. Затрагивая сферу психологии творчества и вглядываясь в отношения между автором и его художественным миром, Бердяев приходит к выводу о том, что в романе Белого, чье «искусство есть его собственное бытие», «нет катарсиса, есть всегда что-то слишком мучительное, потому что сам он, как художник, не возвышается над той стихией, которую изображает, не преодолевает ее, он сам погружен в космический вихрь и распыление, сам в кошмаре».

В наследии **С.Н. Булгакова** статьям о русской литературе[1] не принадлежит центрального места, однако, создававшиеся в разные десятилетия, они вошли в контекст религиозно-философской критики Серебряного века и эмиграции, отразили искания значительной части творческой интеллигенции первой трети XX в. и стали свидетельством о духовной эволюции их автора. Осмысление религиозных устремлений русских писателей, персонажей их произведений выводит у Булгакова к постижению аксиологических диапазонов художественного творчества, а также к самопознанию в пространстве истории, современности и вечности.

[1] Тексты статей С.Н. Булгакова приводятся по электронному ресурсу: http://az.lib.ru/b/bulgakow_s_n/

Аксиологический подход к литературе, творческой индивидуальности художника обозначается уже в ранней статье «Чехов как мыслитель» (1904), созданной на материале публичных лекций о Чехове в Ялте и Петербурге. Основополагающими в размышлениях о личности художника становятся у Булгакова *интуиции о Божественном даре, суде совести, духовной жизни писателя*. В поле пристального внимания критика попадают прежде всего те чеховские рассказы, повести, драмы, где течением будней испытывается то теплящееся, то угасающее религиозное чувство героев. «Скучная история» и «Иванов», «Студент» и «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Палата № 6», «крестьянские» произведения («Святою ночью», «Мужики», «В овраге») не просто поднимают «вопрос о нравственной слабости, бессилии добра в душе среднего человека», воссоздают порой «историю религиозного банкротства живой и благородной человеческой души», но и сквозь бессодержательные, случайные разговоры и поступки запечатлевают исповедальное самораскрытие духовно погибающих, потерявших Бога персонажей. В калейдоскопе разнообразных судеб литературных героев Булгаковым прорисовывается парадоксальный *духовный портрет автора* – «вдумчивого экспериментатора», являющего «веру тоскующую, рвущуюся и неспокойную, но, однако, по-своему крепкую и незыблемую». Созданию развернутого *духовного и социального портрета литературного персонажа* посвящена статья «Иван Карамазов как философский тип» (1901). Булгаков как критик, мыслитель, художник идет по пути глубокого проникновения в образную ткань романа Достоевского. Искусно оперируя текстовым материалом, выстраивая из него самобытное здание религиозно-философской концепции, автор статьи «вживается» в психологическую материю переживаний персонажа, отчасти «принимает» его взгляд на мир. Изнутри этого знакомого бывшему

марксисту опыта философского атеизма Булгаков выявляет, как в герое Достоевского разворачивается борьба атеистического аморализма и нравственных мук за убийство отца, как он болеет «вопросом о происхождении и значении зла в мире и разумности мирового порядка», «жадно ищет веры», «с честной неустрашимостью и с жестокой последовательностью» осознает, что «критерий добра и зла… не может быть получен без метафизической или религиозной санкции».

В 1910–1912 гг. Булгаковым был написан цикл статей о личности, учении и творчестве Л. Толстого. Сквозным сюжетом состоящего из трех разделов очерка 1910 г. «Л.Н. Толстой» («На смерть Толстого», «Толстой и Церковь», «Человек и художник») становятся *коллизии расхождений и столкновений проповедника и творца в личности художника*. Образная экспозиция, рисующая посмертное «возвращение» Толстого в материнское лоно родной земли, предваряет раздумья о том, что в нем выразила себя «первобытная душа русской природы и русского народа». Щемящие воспоминания о лично пережитых автором чувствах от участия в яснополянском нецерковном погребении наполняют статью исповедальным звучанием, побуждают воспринять все происходящее не только в трагическом свете, но и как «горький урок правдивости и последовательности» в исканиях Толстого. Неуемной внутренней силой заряжен у Булгакова духовный портрет «умирающего Льва», который был застигнут «смертью в пути», но «не изнемог до конца», поскольку «величие религиозной личности Толстого, но вместе и ее противоречивость и незавершенность, именно и выражается в том, что сам он никогда не мог успокоиться и установиться на своем учении, но постоянно выходил за его узкие рамки… В нем, кроме догматического вероучителя, жил дивный прозорливец искусства, томился огненный дух, вечно мятущийся, вечно трепетный и вопрошающий».

Постигая онтологическую природу творчества, Булгаков вглядывается в перепутья религиозных исканий писателей и их персонажей, при этом понимает веру как тревожный, мучительный, но спасительный в своих вершинных проявлениях путь к богочеловеческой личности Христа. Охватывающие широкие горизонты культуры, духовной, общественной жизни минувшего столетия, работы Булгакова стали выдающимся плодом религиозно-философской мысли об искусстве и литературе.

Итак, обращенные к художественной литературе работы русских мыслителей насыщены многими литературоведческими, философскими, социоисторическими идеями и ожидают подробного осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ничипоров И.* Русская литература и Православие: пути диалога. М.: Синопсис, 2019.

П.Е. Спиваковский
МГУ имени М.В. Ломоносова

Метамодернистский трагизм в эпоху радикального кризиса культуры (роман Татьяны Толстой «Кысь»)

P.Ye. Spivakovsky
Lomonosov Moscow State University

Metamodernist Tragic Element at the Time of the Radical Culture Crisis (in the novel “Slynx” by Tatyana Tolstaya)

Роман «Кысь» (1986–2000) посвящен трагическому надлому русской культуры после глобальной термоядерной катастрофы, вследствие чего возникает практически безнадеж-

ный разрыв между поколениями, рожденными до Взрыва и после него.

Особо важной в этой ситуации оказывается фигура главного героя романа: трагически глубоким оказывается здесь не представитель интеллигенции (в «Кыси» это Прежние), а культурно и этически неадекватный голубчик Бенедикт. Однако парадоксальным образом именно погруженность героя в примитивную архаическую мифологию открывает для него перспективу метамодернистски понимаемой глубины[1].

В знаменитой книге Фредрика Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма»[2], обычно считающейся некой «суммой» постмодернистской теории, отмечается, что постмодернизм характеризуется *ослаблением историчности, исчезновением аффекта и отсутствием глубины*[3]. Для метамодернистских текстов, напротив, характерна особая форма глубины, depthiness (на русский язык этот термин переводится словом «глубиноподобие»). Один из основоположников теории метамодернизма, Тимотеус Вермюлен, предлагает метафорический образ подводного пловца, использующего маску с трубкой. Этот пловец противопоставляется как глубоководному дайверу (метафорический аналог модерниста, претендующего на постижение максимально возможных глубин бытия), так и серферу, скользящему по поверхности воды (метафорический аналог постмодерниста, сознательно избегающего погружения вглубь)[4]. Плавание вблизи по-

[1] См.: Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма / Под ред. Р. ван ден Аккера и др. М., 2019; *Спиваковский П.Е.* Метамодернизм: контуры глубины // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. № 4. С. 196–211.

[2] См.: *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М., 2019.

[3] См.: Там же. С. 93, 99.

[4] См.: *Vermeulen T.* The New “Depthiness” // e-flux. 2015. № 61: http://www.e-flux.com/journal/the-new-depthiness/ (дата обращения: 30.04.2020).

верхности с короткой трубкой не предполагает, что мы *доподлинно знаем* лишь отчасти воспринимаемые нами подводные глубины. Однако мы *чувствуем*, что они есть, мы догадываемся о том, что глубина существует, и в какой-то степени можем ее ощутить. При этом совершенно отсутствуют претензии на *знание* этих глубин, характерные для менталитета модернистов: эпистемологическая позиция метамодернистов намного точнее и осторожнее.

В этом плане неслучайно, что Толстая любит изображать почти анекдотический генезис мифов, возникающих в сознании детей («Любишь – не любишь», «Свидание с птицей») или крайне некультурных людей («Любишь – не любишь», «Кысь»). При этом, казалось бы, изначально дискредитированная в глазах читателя мифология внезапно обретает силу и бытийную весомость. Весьма показателен в этом плане эпизод, когда вроде бы сугубо мифическая кысь[1], о которой Бенедикт непрестанно думает, является герою, а затем и, трансгрессивно преодолевая свою, казалось бы, фатальную невидимость, вселяется в него:

> Ударит снегом в спину, опутает, повалит, вздернет на сук: задергаешься, забьешься, а она уж почуяла, кысь-то, – она почуяла…
> <…> Тело-то у ней длинное, гибкое, головка плоская, уши прижаты… Гнать ее!.. Сама она бледная, плотная такая, без цвету, – вот как сумерки, али как рыба, али как у кота на животе кожа, меж ног… Нет, нет!.. Нет!!!
> …Под когтями-то у ней чешется, все чешется… А видеть ее нельзя, нельзя видеть-то ее…
> <…>
> Отожмурил глаза <…>, а она уж тут, ее и с раскрытыми глазами видишь! Причмокивает немножко, и лицо скривила…»[2].

[1] На вопрос интервьюера: «Кысь. которой до смерти боится Бенедикт, это и есть внутренний страх?» – Толстая ответила весьма двусмысленно: «Это много чего… Она в лесу живет, и если о ней думать, то она придет» (*Толстая Т.Н.* Мюмзики и Нострадамус // Толстая Н.Н., Толстая Т.Н. Двое: разное. М., 2001. С. 433).

[2] *Толстая Т.Н.* Кысь. М., 2001. С. 253–254.

По Бенедикту, мир вокруг него «кысецентричен», и устрашающая экспансия этого беспощадного хтонического существа становится неизбежной, как судьба.

Экзистенциальная острота переживания трагического не доступна ни одному другому герою романа. Прежние, пусть даже это носители высокой культуры, показаны людьми достаточно поверхностными и неглубокими. Склонный к велеречивой риторике Никита Иванович или мечтающий о новом призвании варягов и ксероксах диссидент Лев Львович живут в мире собственных иллюзий. А когда Прежние собираются на похороны, выясняется, что в их сообществе царит советская, и к тому же бюрократизированная, пошлость.

По сути, только Бенедикт создает в романе «Кысь» *культуру настоящего*. Да, она во многих отношениях убога, как убого созданное Бенедиктом скульптурное изображение пушкина (со строчной), но одновременно перед нами духовный автопортрет Бенедикта и всего того типа культуры, к которой он принадлежит. В описываемое время культура обречена на крайне длительный период синкретического примитивизма, где безраздельно царствует мифология архаического типа, но даже и этот жутковатый мир, со зверообразными лицами голубчиков, живой, чего нельзя сказать про омертвелый ретроутопический, хотя этически и намного более вменяемый мир Прежних.

Широко известно высказывание Т. Толстой о «споре» между простым народом и интеллигенцией. «<…> я – на стороне интеллигента, а не народа <…>. Интеллигент – это тот, кто хочет блага не только для себя, а народ – только для себя лично. Интеллигент борется за чужие права, а народ – за свои собственные, и так далее»[1]. Казалось бы, такую же аксиологическую систему читателю следовало ожидать и в романе «Кысь», однако на его страницах происходит нечто почти противоположное.

[1] *Толстая Т.Н.* Мюмзики и Нострадамус. С. 433.

В фигуре Бенедикта мы видим представителя нового «мужичьего» демократизма. Демократизма бесперспективного, поскольку он не способен породить ничего хотя бы отдаленно напоминающего демократию. Не случайно Бенедикт так падок на разного рода социокультурные искушения: его сознание слишком примитивно и наивно. С другой стороны, мощнейшее «докультурное» остранение, характерное для сознания голубчиков, позволяет им проблематизировать многие «незыблемые» аксиологические каноны, становясь, таким образом, невольным орудием постницшевской «переоценки всех ценностей», в этическом плане часто деструктивной, но иногда позволяющей взглянуть на мир «новыми глазами», адогматически переосмыслить его.

Так, Бенедикт, даже несмотря на постепенное превращение в пугающую репрессивную фигуру кыси, не теряет трагической глубины, органично совмещая в себе преступное и трагическое. И несмотря на то что ему чужда традиционная этика, даже став кысью, и тут же вслед за тем санитаром, герой не оказывается таким чудовищем, каким является, например, перерожденец Тетеря, воплощение куда более последовательного зла, причем зла крайне агрессивного, а на идеологическом уровне – тоталитарного. Показательно, насколько релятивизированная этическая система Бенедикта отличается как от почти нескрываемо репрессивной псевдоэтики «злодея» Кудеяра Кудеяровича, так и от высококультурного, но вполне заурядного морализма Прежних.

Релятивный характер мышления Бенедикта порождает, в частности, и трагизм его мировосприятия. Враждуя с собой, пугаясь самого себя, герой мечется между возвышенным идеалом своей «вечной невесты» Княжьей Птицей Паулин и своими «земными», отнюдь не бескорыстными интересами. Страстная любовь к книге и слову приводят

Бенедикта к предательству Никиты Ивановича, но даже и на этом пути герой не теряет ценимой Толстой способности к восприятию мифической глубины бытия, которая недоступна позитивистам Прежним:

> Я только книгу хотел, – ничего больше, – только книгу, только слово, всегда только слово, – дайте мне его, нет его у меня! Вот, смотри, нет его у меня!.. Вот, смотри, голый, разутый, стою перед тобой, – ни в портянке не завалялось, ни под рубахой не таю! Не спрятал подмышкой! Не запуталось в бороде! Внутри, – смотри – и внутри нет его, – уж всего вывернуло наизнанку, нет там ничего! Кишки одни! Голодно мне! Мука мне!..[1] –

произносит в своем внутреннем монологе Бенедикт, обращаясь к изваянному им уродливому и шестипалому «почвенному» пушкину, не похожему ни на своего реального прототипа, ни на скульптуру А.М. Опекушина. Сам актант такого обращения глубоко трагичен уже потому, что «реальный» Пушкин для Бенедикта непостижим. Пытаясь изобразить Пушкина, он изваял зеркало – шестипалое художественное отображение своего культурного типа, а путь в высококультурное зазеркалье для героя закрыт. Боль и экзистенциальное отчаяние пронизывают сознание Бенедикта, поэтому даже в акторе злодея-санитара с мозолями от крюка, которым убивают людей, герой способен вызывать сострадание. Он во многом жертва своего незнания, отчасти похожий на пока еще зрячего, но по сути слепого Эдипа, который, становясь радикальным трансгрессором, ни в малейшей степени не подозревает, что творит.

ЛИТЕРАТУРА

Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М., 2019.

Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма / Под ред. Р. ван ден Аккера и др. М., 2019.

[1] *Толстая Т.Н.* Кысь. С. 368.

Спиваковский П.Е. Метамодернизм: контуры глубины. Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. № 4. С. 196–211.

Толстая Т.Н. Кысь. М., 2001.

Толстая Т.Н. Мюмзики и Нострадамус // Толстая Н.Н., Толстая Т.Н. Двое: разное. М., 2001. С. 426–434.

Vermeulen T. The New "Depthiness" // e-flux. 2015. № 61: http://www.e-flux.com/journal/the-new-depthiness/ (дата обращения: 30.04.2020).

Н.Л. Блищ
Институт русского языка и культуры
МГУ имени Ломоносова

Национальный характер белоруса в зеркале русской прозы XX века: мифы и стереотипы

N.L. Blishch
Institute of Russian Language and Culture
Lomonosov Moscow State University

Belarussian National Character in the Mirror of the 20th century Russian Prose: Myths and Prevailing Stereotypes

Изображение белорусского характера в русской литературе связано со сложным процессом осмысления понятия «белорусскости» как важного компонента общеславянской ментальности. «Белорусский характер» для русского культурного сознания – это своего рода культурнопсихологическое «зеркало», необходимое для самоидентификации. Особенности ментальности и черты национального характера белорусов, запечатленные в современной русской литературе связаны в первую очередь с традицией XIX в.

Николай Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» был первым из русских писателей, кто назвал своего персонажа белорусом, вкладывая в это определение геополитический смысл.

Перманентные конфликты с Польшей обусловили формирование негативного стереотипа в русской литературе и создание отрицательного собирательного образа Польши еще в литературе Древней Руси. Принято считать, что выделение белорусов как этнокультурной общности произошло во время российской реакции на польско-белорусское восстание 1863 г.: после подавления восстания население присоединенных пограничных земель намеренно рисовалось отсталым и обездоленным, а объединение с имперской Россией должно было в перспективе принести ему процветание и прогресс.

Русский поэт Николай Некрасов, будучи, как известно, причастным к актуальной российской журналистике, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» воплощает идею «осчастливливания» «желтоволосого», «сгорбленного» белоруса (скорее это синоним мужика-крестьянина вообще), который тянется к водке и рассказывает о своем «счастье»: «А счастье наше – в хлебушке: / Я дома в Белоруссии / С мякиною, с кострикою / Ячменный хлеб жевал; / Бывало, вопишь голосом, / Как роженица корчишься, / Как схватит животы. / А ныне, милость божия! / – Досыта у Губонина / Дают ржаного хлебушка, / Жую – не нажуюсь!»[1]

Непосредственное желание вполне красноречиво: счастье для оголодавшего неграмотного мужика в том, чтобы удовлетворить первейшие потребности. На фоне образов мужиков «трудной судьбы» из российской глубинки белорус рисуется простодушным.

Этнографические описания белорусов были не вполне приязненные. Подчеркивалась неразвитость: «И жизнь белоруса, и его творческая деятельность резко отмечены печатью неразвитости, отсталости, забитости»[2]. Этнограф

[1] *Некрасов Н.А.* Полн. Собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 2. Л., 1981. С. 47.

[2] *Багданович А.Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: Этнографические очерки. Гродно: Губернская типография, 1895. С. 136. (Репринт 1995 г.)

Н. Янчук об отличительной черте белорусского национального характера писал: «Водка и пьянство – вот второе, после невежества, несчастье белоруса»[1]. Отмечались высокие адаптивные качества: «Съ малолѣтства ознакомленные съ недостатками всякаго рода, равнодушно переносятъ недостатокъ, голодъ, стужу и всякую нужду»[2].

В рассказе «Ева» Г.И. Чулков создает мифопоэтическую легенду о молчаливых белорусских богатырях. Героиня его рассказа оказывается в белорусских молчаливых землях, где «пашут, боронят, сеют, убирают поля глухонемые богатыри»[3], а эти «крепкие могилевские поля молчат»[4].

В русской литературе рубежа XIX–XX вв. образы белорусов встречаются в произведениях А. Чехова, И. Бунина, А. Куприна, М. Кузмина, А. Ремизова, Ф. Сологуба и мн. др. В большинстве случаев в сознании писателей белорус – это житель черты оседлости с характерным набором примет еврейского народа, обитавшего в многочисленных местечках по Днепру и Западной Двине.

Иван Бунин в романе «Жизнь Арсеньева» дает панораму зимнего вечернего Витебска: «Город показался мне древним и нерусским. <…> Я шел как очарованный в этой толпе, в этом столь древнем городе, во всей его чудной новизне для меня»[5]. Городские жители поражают героя своей «чудной новизной»: «...то и дело встречались старые евреи, в лапсердаках, в белых чулках, в башмаках, с пейсами, похожими на

---

[1] *Янчук Н.* По Минской губернии (заметки из поездки в 1866 году). М., 2013. С. 26. (Репринт.)

[2] *Без-Корнилович М.О.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии, с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. СПб., 1855.

[3] *Чулков Г.* Ева // Избранные произведения современных писателей. Бесплатное приложение к «Новому журналу для всех» за 1911 г. СПб., 1911. С. 133.

[4] Там же.

[5] *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева. М., 1984. С. 418.

трубчатые, вьющиеся бараньи рога, бескровные, с печально-вопросительными сплошь темными глазами»[1].

Современный писатель Мих. Шишкин в книге «Русская Швейцария», рассказывая о первых национал-сионистских объединениях, поминает и уроженца «белорусского Пинска» Хайима Вейцмана – первого президента Израиля.

Во многих случаях ощутима аналогия с персонажами-поляками, за которыми весь XIX в. тянулся шлейф политической неблагонадежности из-за обостренного национального самосознания и склонности к бунту. А. Ремизов восхищался переводом повести «Тристан и Изольда», сделанным в XVI в. «бело-русским человеком», написал национальность автора перевода через дефис, явно акцентируя значение «русский».

В автобиографической книге Ремизова «Иверень» героями становятся политические ссыльные. Главный герой сдружился в Усть-Сысольске со ссыльными из Вильны – паном Яном и паном Анжеем, о которых иронично замечает: «мастера башмачники, тонкую обувь на холеную польскую ногу в Вильне выделывали»[2].

Друзья Ремизова по ссылке Б. Савинков и И. Каляев (члены Боевой террористической организации) занимались переводами на русский язык польских поэтов. Первым переводным опытом Ремизова стала миниатюра Ст. Пшибышевского «Тоска», сделанная совместно с И. Каляевым. Ремизов зафиксирует слуховые впечатления от чтения этой миниатюры соавтором: «В его чтении русских звуков не слышу, Варшава и его мать полька, а отцовское не узнаешь, и почему Ка-ля-ев, трудно понять»[3]. Интересно, что и в речи Савинкова Ремизов слышал нечто похожее: «А по произношению слов какая-то польско-русская смесь, и не

[1] Там же.

[2] *Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000. С. 224.

[3] *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 8. С. 144.

скажешь наверняка: русский ли, воспитавшийся в Варшаве, или поляк, говорящий по-русски»[1].

Смеем предположить, что, возможно, Ремизов слышал не польскую речь, а какой-то белорусский диалект: «Для моего московского уха ополяченное русское, как древлянам поляне: все только настраивается, а музыки нет»[2].

Таким образом, в литературной традиции определились два ракурса изображения белорусов: мифопоэтический (молчаливый трудолюбивый богатырь, мистические колдуны и колдуньи) и геополитический в трех вариантах – 1) «неразвитый простодушный крестьянин», 2) «предприимчивый житель черты оседлости» и 3) «неблагонадежный поляк»).

В повести современной писательницы М. Палей «Хутор» мотив отсталости усилен гротескным преувеличением. Подруга главной героини происходила «из нищей белорусской деревни (где и через тридцать пять лет после войны жители, не обременяя душу рукомойниками, поливали себе на руки просто изо рта, а когда вода во рту заканчивалась, брали алюминиевую кружку и вновь заполняли ротовую полость, причем объясняли данное положение именно войной и разрухой…»[3].

Еще более склонной к гиперболизации отсталости белорусов оказывается Л. Улицкая в рассказе «Цю-рих». Главная героиня рассказа Лидия родилась в Белоруссии «в избе с земляным полом и соломенной крышей, до пятнадцати лет ходила либо в валенках, либо босиком, а штаны первые завела уже в Москве, когда по большому везению попала в прислуги к хорошей барыне, а до того ходила без порток, как все белорусские крестьянки…»[4].

---

[1] *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 8. С. 155.
[2] *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 8. С. 440.
[3] *Палей М.* Хутор // Новый мир. 2004. № 9. С. 35.
[4] *Улицкая Л.* Цю-юрихъ. М., 2006. С. 149.

В современной российской литературе мотив «отсталости» присоединенных земель трансформируется в мотив социалистического заповедника. Так, в романе А. Илличевского «Математик» главный герой Максим Покровский, обладатель Филдсовской медали, приезжает с отцом в белорусскую глубинку (в романе назван точный, не вымышленный адрес – Гомельская область, Светлогорский район, Паричский сельский совет), где почти 70 лет назад погиб его дед, чтобы найти там братскую могилу и почтить память предка.

Достопримечательности деревни Печищи (в реальности это агрогородок Паричи) показаны как образцы советской эпохи, более того они работают на миф об идеальном порядке в стране, которой управляет настоящий хозяин. И образцовый конезавод, и ухоженные колхозные строения, и Ленин на постаменте, и четырехметровая статуя женщины с ребенком на руках у здания сельского совета, и братская могила с гранитной глыбой и барельефом героя – все выписано предельно достоверно. Особенный колорит агрогородскому пейзажу придает кафе с названием «Париж».

Мотив молчаливого и покорного, безмерно терпеливого работника-белоруса, превозмогающего болезни и физические тяготы, первым закрепил все тот же Некрасов в стихотворении «Железная дорога». С сострадательным пафосом поэт изображает изможденного лихорадкой больного белоруса с язвами на руках, колтуном в русых волосах, с распухшими ногами: «Он и теперь еще: тупо молчит / И механически ржавой лопатою / Мерзлую землю долбит»![1]

Показателен образ армейского сослуживца автобиографического героя в цикле рассказов Олега Лекманова «Из дембельского альбома»: Ваня Кудаш – «полнощекий и нежнокожий белорус» из Слонима. Литературовед Лекманов дополняет портрет белоруса почти парафразом к

[1] *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 5. Л.: Наука, 1982. С. 55–56.

некрасовским строкам: «От немецких влажных морозов у него гнили и распухали ноги»[1].

Рецепция белоруса в новом контексте отражена у Лекманова предельно конкретно: «…земляки пристроили Ваню на хлебное место в полковой свинарник, но на третьем периоде его оттуда с треском выкинули за перепродажу гарнизонного бензина местным водителям»[2]. Ореол мученического долготерпения белоруса замещается атрибутами приспособленчества и мошенничества.

Окончательное развенчание ореола тихого труженика-белоруса происходит в творчестве Татьяны Толстой, в цикле рассказов «Легкие миры». В начале появляются вполне себе безобидные работники-нелегалы: «Стерильность в Нью-Джерси обеспечивали только двое, белорусы по фамилии Жук и Курочка, живущие тут без разрешения и поэтому нанимавшиеся ко всем русским американцам на любую тяготу: от починки крыши до уборки дома»[3]. В качестве конкурентного преимущества работников Толстая выдвигает такой аргумент: «не чурались вообще никакой грязи»[4]. Однако акцентирует внимание на алчности героев: «Драли они с нас безбожно». С сарказмом пишет о мошенничестве: «Понимая свою незаменимость, они ловко, жестоко и слаженно работали по одной и той же схеме: назначали примерную, вполне приемлемую цену, предупреждали, что возможны будут уточнения, и незадолго до конца работы, когда все было разворочено и сдвинуто, уточняли цену до чудовищной цифры – разводили лохов»[5].

В русле гоголевских традиций Толстая наделяет своих героев-белорусов комическими фамилиями: «Терминаторы

[1] *Лекманов О.* Из дембельского альбома // Новый мир. 2007 №9. С. 81.
[2] *Лекманов О.* Из дембельского альбома. С. 82.
[3] *Толстая Т.Н.* Легкие миры. М.: АСТ, 2015. С. 213.
[4] Там же.
[5] *Толстая Т.Н.* Легкие миры. С. 214.

были супругами, причем жена была как раз Жук, а муж, против всякого ожидания, Курочка, и это была, кажется, не единственная их перверсия»[1].

Как точно заметил М.М. Бахтин, понимание «рождается на границе». Но и непонимание – как оборотная сторона распознавания и попыток идентификации – зависит от границ. Границ не в прямом «демаркационном», а в духовном смысле. Граница между русским и белорусским культурными мирами выражена не так отчетливо и зримо, как между Россией и Китаем. Территориальное соседство и языковая близость делают ее порой почти виртуальной. Но именно размытость границы, модальность неопределенности, затушеванность потенциальных контрастов и делает проблему взаимопознания славянских народов и литературного взаимоотражения особенно неоднозначной.

ЛИТЕРАТУРА

Багданович А.Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: Этнографические очерки. Гродно: Губернская типография, 1895. (Репринт 1995 г.)

Без-Корнилович М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии, с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. СПб., 1855.

Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. М., 1984.

Лекманов О. Из дембельского альбома // Новый мир. 2007. №9.

Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. / [Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); редкол.: М.Б. Храпченко (гл. ред.) и др.]. Т. 5: Кому на Руси жить хорошо / [Подгот. текста и коммент. О.Б. Алексеевой и др.; ред. Т.А. Беседина, А.И. Груздев]. 1982. 685, [2] с., [1] л. портр.

Палей М. Хутор // Новый мир. 2004. №9. С. 35.

[1] Там же.

Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000.

Толстая Т.Н. Легкие миры. М.: АСТ, 2015.

Улицкая Л. Цю-юрихъ. М., 2006.

Чулков Г. Ева // Избранные произведения современных писателей. Бесплатное приложение к «Новому журналу для всех» за 1911 г. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1911.

Янчук Н. По Минской губернии (заметки из поездки в 1866 году). М., 2013. (Репринт.)

М.П. Жигалова
Брестский государственный
технический университет, Беларусь

Голос родины, семьи и рода в творчестве русскоязычной поэтессы Беларуси Валентины Поликаниной

M.P. Zhigalova
Brest State Technical University, Belarus

The Voice of the Motherland, Family and Family in the Work of Russian-language Poet of Belarus Valentina Polikanina

Каждый человек хоть раз в жизни, наверное, задумывался над тем, как важен для него тот уголочек земли, где прошло его детство, с которым связаны самые чистые и самые

светлые воспоминания, где впервые он осознал значимость и важность отношений с родными и близкими людьми.

Родина, родители, дом, семья – это те корни каждого человека, без которых невозможно жить, определить свое место в этом стремительном беге времени. И стихи русскоязычной поэтессы Беларуси В. Поликаниной[1] помогают читателю не только понять, но и прочувствовать, «забрать» это понимание в свою жизнь.

Жизненные и творческие дороги В.П. Поликаниной так многогранны, так разнообразны и насыщены, что невольно подумалось о том, что их хватило бы на несколько судеб. А они вместились в одну, яркую и значимую не только для самой поэтессы, но и для ее семьи, рода и государства. Может быть, поэтому для сильной личности, какой и является В.П. Поликанина, всегда самым лучшим учителем была сама жизнь. Поэтому любовь к людям и слово-творчество для нее – это та живительная сила, тот неисчерпаемый родник, который рождает, сохраняет и развивает ее поэтическую энергию.

Поэзия Валентины Поликаниной, как отмечают многие исследователи, обладает удивительным свойством: глубоко проникать в душу и сердце человека и отражать значимую суть вещей. Может быть, поэтому художественный текстПоликаниной всегда неповторим, уникален, так как в нем отражена «энергия общезначимых культурных проблем». Он всегда воспринимается как эстетический объект и запоминается читателю именно в этом качестве. Правда, со временем он может уже выступать и как исторический документ, т. е. как свидетельство социально-политических явлений определенной эпохи, как показатель психологии

[1] Подробно о жизни и творчестве В. Поликаниной читайте в кн.: *Жигалова М.П.* Загадочная сила притяжения. Творчество Валентины Поликаниной: теория и практика анализа: Монография. Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 246 с.

целого народа, как памятник культуры и эстетической мысли социума. Происходит это потому, что в художественном произведенииПоликаниной отражен не только опыт автора, но и опыт предшествующих поколений.

С особой любовью поэтесса говорит о малой родине, выстраивая некую особую формулу успеха, без которой человеку трудно найти свое место в жизни. Беларусь для Поликаниной – родной край, однако воспоминания о старой святой Руси не дают покоя. Об этом ее стихотворение «Благо – наша земля…»[1]. И, действительно, Земля – это благо, но для каждого человека оно всегда какое-то свое. Для одного это Земля, Родина, Отечество. Для другого – «малая родина», т. е. поселок или город, где родился и вырос. Для третьего земля – это почва, на которой сеют хлеб, строят дома. Для кого-то земля – это вся наша необъятная планета. Но, какой бы она ни была для каждого из нас, она всегда благо, счастье, потому что это великий и бесценный дар, мать-кормилица, которая всегда защищала народ от несчастий и бед. От строки к строке автор, кажется, убеждает читателя, что всё это, действительно, так. А значит, родная земля – это святыня, которую надо не только беречь и защищать, но которой нужно и самоотверженно служить. И в то же время наша святая земля – это место, где измученная душа обретает покой и гармонию, где можно слиться с природой и исцелиться, где легче дышится, где отпускаются грехи, где после долгого пути скитаний по миру можно обрести настоящее счастье, искреннее тепло и гармонию души. Такие мысли приходят, когда читаешь стихотворение «Благо – наша земля…». Думается, что оно не случайно символизирует вечное единство славянских народов, в первую очередь русского и белорусского.

[1] *Поликанина В.П.* Не сдавайся времени, душа!: Книга поэзии и прозы. Минск: Мастацкая літаратура, 2013. С. 179.

Стихотворение «Благо – наша земля…» носит характер лирического раздумья о родной земле своих предков. И то, что данное стихотворение не имеет названия, лишь подтверждает мысль о том, что Родина – это что-то личное, не пафосное, свое. «Благо – наша земля. Черноземна, щедра, минералиста…». Многоточие в первой строке после ряда прилагательных («черноземна», «щедра», «минералиста») лишь дополняет мысли читателя о богатстве российских просторов и богатстве человеческих душ. Горячая исповедь лирической героини слышится и во второй строфе. Здесь преобладают глаголы («взгляну», «потянется», «обниму», «поплывет») и существительные («очи», «влага», «стены храмов», «любовь», «простор», «хоругви», «флаги», «грусть», «вера»). Это помогает убедить читателя в том, что Святая Русь богата в первую очередь щедрыми человеческими душами, теплотой человеческих отношений.

Анализ ключевых слов позволяет сформулировать тему и идею стихотворения: Великая единая Русь – вскормленная Богом земля, которая достойна любви и преклонения. А доминантные слова в третьей строфе – существительные, в четвертой – существительные и глаголы («чувствовать», «скиталась», «буду знать», «жива» и т. д.) дополняют мысль о том, что каждый человек должен бережно относиться к своей земле, этому сокровищу, дарованному Богом. Смысловое кольцо первой и последней строк стихотворения не дает нам развернутого ответа на вопросы, как это необходимо делать. А значит, каждый будет искать свои ответы, зная важность и ценность развития и сохранения родной земли.

Доверительный тон, исповедальный характер данного стихотворения подтверждаются минимальным количеством антропонимов и углубляют тему спасительной, исцеляющей любви к Родине. Анализ ключевых слов позволяет сформулировать концепцию данного стихотворения: великая и

единая Русь, вскормленная Богом земля, и неизбывная вера человека в ее силу. Это подтверждается и на фонетическом уровне. Сочетание твердых взрывных согласных звуков с мягкими сонорными и свистящими согласными («грусть», «к рубежу», «ширь», «с ливнями», «ветрами») создает ассоциацию двойственности восприятия существующего мира.

Перед читателем предстает, с одной стороны, мир всего священного, небесного, дарующего покой, спасающего душу. А с другой стороны, мир человеческого, земного, грешного, необъяснимого, ежедневно испытывающего человека на прочность. Взаимодействие этих двух миров, их соединение для лирической героини и есть ее Родина, единая, великая, славная и святая.

Лексико-морфологическое наполнение стихотворения (использование эпитетов: «колокольная», «неизбывная вера», «осиянные купола»; книжных, устаревших слов: «очи», «хоругви»), тропы и фигуры (метафоры: «ухабы судьбы», «дышишь рассветами» и др.); перифраза: («слезная влага»), характеризующие монолог лирической героини, воспринимаются читателем как дань уважения и благодарности родной земле, которая является безгрешной и чистой. Перекрестное положение родной земли на стыке двух миров, двух реальностей еще раз подтверждается чередованием конкретных («земля», «стены», «храм», «флаги», «ветры», «купола», «ливни», «рассветы») и абстрактных существительных («неравенство», «судьба», «любовь», «грусть», «вера», «сила»). А значит, чувства и мысли лирической героини переплетаются с историческими и современными реалиями, событиями и чувствами настоящего и прошлого. Основная часть глаголов представлена в проспективном плане («не отрекусь», «добреду», «взгляну», «исполнятся», «буду чувствовать», «буду верить») и императивной модальности («дай засмотреться», «дай

услышать»), что указывает на то, что лирическая героиня продолжает двигаться навстречу верному ориентиру.

Проспективный план связан с действительной реальностью, с настоящим временем, в котором, собственно, и звучит монолог лирической героини, ее обращение к родной земле. И лишь пунктиром обозначена прошлая жизнь героини в единственном глаголе прошедшего времени «скиталась». И результат этих скитаний и поисков – все стихотворение, написанное пятистопным анапестом в форме исповеди, обращения. Многозначный образ земли в первой строке наделен характеристиками «черноземна», «щедра», «минералиста» как земля-почва, благодатная, Богом щедро одаренная, способная к богатому урожаю. Но автор показывает нам, что и урожай может быть разным, не только материальным, но и духовным. Это славянские корни, от которых обещает не отречься лирическая героиня.

Во второй строке образ земли персонифицирован, так как речь идет уже не о земле как почве, а об Отечестве, что указывает на неразрывность данных понятий для героини: она проходит путь долгих скитаний по пустыням судьбы, чтобы прийти туда, откуда когда-то и начинала свой путь, – в край с черноземной плодородной почвой, в край благословенный и святой. Гармония тела и духа, неразрывность земли и тех, кто на ней живет, – вот что утверждается в данном стихотворении, которое является продолжением философских традиций описания гармоничного развития мира в единстве и соборности. Едины душа и тело, едины земля и небо, едины Родина и народ и едина великая Святая Русь. Вот к чему пришла лирическая героиня и к чему рано или поздно приходит каждый человек.

Своими воспоминаниями о родных и близких людях, о доме маминых родителей, о мамином доме, как о приюте вдохновенья, делится с читателями Поликанина и в стихот-

ворении «Дом детства». Дом в стихотворении – это не просто некий материальный объект, не просто здание. Дом напрямую связан с душой человека, его судьбой. Лирическая героиня уверена в том, что дом родителей невозможно забыть, к нему прирастаешь душой и сердцем: «Войти в тот дом – чтоб, подчинясь законам, / Уткнуться лбом в заштопанный рукав, / Светло припасть к мерцающим иконам, / Как в глупом детстве – к знающим рукам…». Разные чувства переживает лирическая героиня, приехав в дом, где жили родные люди: «От прошлого тебя не отрывая, / Немая дрожь касается руки, / И сердце безутешно открывает / Надрывной болью старые замки». Глаголы «войти», «уткнуться», «припасть» говорят о воспоминаниях героини (все вещи напоминают о родных людях, даже «заштопанный рукав»), о ее преклонении перед высокими духовными символами дома – «мерцающими иконами», той святостью, которой он был наполнен и которую каждый несет с собой по жизни. Здесь, в доме маминых родителей, знакомом с детства, лирическая героиня ощущает покой и умиротворение, и, кажется, здесь она забывает о быстротечности жизни, что несется «шалеющей пролеткой». Лирическая героиня уверена, что «мамин дом» – хранитель ее судьбы. Быстротечность жизни и постоянство, вечное тепло родного очага – так можно сформулировать тему и философский смысл произведения.

В стихотворении «Корни»[1] поэтесса знакомит читателей и с христианской культурой, постигая, трансформируя и интерпретируя ее. «Корни» – это и образ-символ связи с землей, с семьей. Так обычно говорят о человеке, который имеет дом, семью, родню, помогающими ему твердо стоять на ногах. В эпиграфе автор дает пояснение, что имеет две родины, которые неразрывны. Ключевые и доминантные слова («язык – русский, сердцем белоруска», «нарочанская синь»,

[1] *Поликанина В.П.* Не сдавайся времени, душа! С. 93.

«земли святые», «оршанские травы»), природа, архитектура, могилы предков помогают определить тему – родина и идею – она прекрасна. Так Поликанина дает понять читателю, что для нее значит родина. Заметим, что стихотворение можно отнести не только к патриотической лирике, но и к философской, потому что автор ставит вопрос о национальной самоидентификации. Лирическая героиня представлена натурой, в душе которой мирно уживаются качества двух менталитетов, черты характеров русского и белорусского народов. Стихотворение является автобиографическим, о чем свидетельствует последняя строка: «Навсегда останусь кричевской с рожденья». Строфы-двустишия подчеркивают тесное переплетение в сознании лирической героини двух культур, двух родин, при этом такая частная «разрубленность» на строфы дает ощущение пространства, расстояния между названиями, географическими объектами. Многообразие топонимов («Днепром», «Полоцк», «витебской и пинской», «оршанским», «могилевским», «Славгородом», «Брестом», «Гомеля», «Гродно», «Парижем», «Ригой», «Минске», «Немигой») помогает лирической героине выразить свою любовь к Беларуси и тем славным местам, в которых бывала. Стихотворение пронизано противопоставлениями: «Хоть язык мой – русский, сердцем – белоруска», «То стремлюсь забыться нарочанской синью, /То спешу я в Полоцк, к лику Евфросиньи», «По оршанским травам ходит дождь с косою, / А по могилевским – бегала босою…». Одновременно автор противопоставляет «чужие» города «родным», показывает различия в духе и атмосфере этих мест: «Дух мечты витает над Парижем, Ригой, / А заря восходит – в Минске, над Немигой». И здесь заря воспринимается как символ молодости, начала жизни, обновления.

Да, неумолимо мчится время, унося с собой каждый миг, каждую секунду нашей жизни. Оно и удивительно, и жестоко. Мы движемся вперед, меняется все окружающее и сам че-

ловек. Время захватывает и несет нас в своем бурном потоке, и кажется, что ему все подчинено. Но есть в мире ценности, над которыми время не властно. Одна из них – любовь к отчему дому, благодарная память о нем, почитание родных и близких, потому что это эстафета для будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

Жигалова М.П. Загадочная сила притяжения. Творчество Валентины Поликаниной: теория и практика анализа: Монография. Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 246 с.

Поликанина В.П. Не сдавайся времени, душа!: Книга поэзии и прозы. Минск: Мастацкая літаратура, 2013. 334 с.

А.П. Забровский
Институт русского языка и культуры
МГУ имени М.В. Ломоносова

Русская классическая литература в творческих рефлексиях Юкио Мисимы

A.P. Zabrovskiy
Institute of Russian Language and Culture
Lomonosov Moscow State University

Russian Classical Literature in Yukio Mishima's Creative Reflections

В качестве эпиграфа к книге «Исповедь маски» автор взял цитату из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Такой выбор не мог не привлечь внимание русского

филолога. Почему автором сделан такой выбор? Почему именно к этой книге? И почему именно слова о красоте? Вот те вопросы, которые появляются при начале ознакомления с книгой Юкио Мисимы. Вдохновленные вышеозначенным эпиграфом, попробуем найти «русские мотивы» в творчестве этого неординарного писателя.

Юкио Мисима считается самым известным японским писателем XX столетия. Без всяких сомнений, он гениальный писатель, разносторонний человек, «японский Леонардо да Винчи», но странной и трагической судьбы. Безусловно, писатель и его тексты – это одно и то же. Потому что, по нашему мнению, человек – это не его физическая оболочка, а судьба человека – это не только события, которые с ним совершаются. Человек – это сознание. Сознание не может быть непосредственным объектом изучения, но это не значит, что его невозможно изучать. Когда речь идет о писателе, сознание его выражается в текстах.

Настоящее имя Юкио Мисимы Кимитакэ Хираока, а псевдоним автор взял, когда ему было 16 лет. Согласно традиционному семейному укладу Японии, старшей женщиной в доме родителей Кимитакэ считалась не его мать, а бабушка, мать его отца Нацуко. Это была властная и волевая женщина, считавшая, что имеет право решать судьбу внуков. Когда Кимитакэ отняли от материнской груди, Нацуко забрала его в свой дом. Следует отметить, что в русской истории так поступали царицы Елизавета I и Екатерина II. Зная о внимании Нацуко к русской литературе, не исключено, что такие значимые женские личности русской истории оказали влияние на модель поведения Нацуко. В доме деда была собрана богатая библиотека, состоявшая не из свитков, которые были в ходу в традиционном японском быту, а из книг. Дед Кимитакэ Дзетаро собрал самые выдающиеся произведения русской и европейской

литературы, как в японских переводах, так и на языке оригиналов. Бабушка обучила мальчика грамоте, и он рано приобщился к чтению. Нацуко часто читала внуку вслух романы русских писателей, и позже Мисима признается, что наибольшее влияние на него оказала именно русская литература; особо он выделял Достоевского. Хотя есть и другое его признание, что самое большое влияние на него оказало творчество Томаса Манна. И пока еще немногочисленные российские исследователи творчества Мисимы идут именно по этому пути. Но, с нашей точки зрения, такого рода признания не всегда бывают достоверными в полной мере. Например, Булгаков считал своими учителями Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Однако при более глубоком изучении его произведений, в особенности романа «Мастер и Маргарита», выясняется, что от Салтыкова и Гоголя там не так уж много. А весь роман, на всех уровнях текста, пронизан пушкинским творчеством [7].

Вообще процессы глубинного взаимодействия с литературой, принадлежащей другим культурам, выявляется не так просто. В своей литературной среде Мисима стоял особняком. Его творчество вобрало в себя контекст не только всей предшествующей японской литературы, но и всей европейской, с нашей точки зрения, преимущественно русской литературы. Это случай органического усвоения культурного наследия прошлого и оригинальное его претворение в соответствии с новой идейно-художественной задачей. Исследуя творчество Мисимы, нужно искать не только формы преемственности, но и точки отталкивания, семантико-текстуальные диссонансы и контрапункты. Мисиму считают «западником», т. е. японским писателем, ориентирующимся на западную культуру. В этом есть свой резон, но, повторяю, с нашей точки зрения, Мисима-художник сформировался все-таки на традициях русской классической литературы.

Можно по-разному вводить в текст, условно говоря, «следы» других писателей, принадлежащих к разными эпохам и выстраивающих определенную смысловую структуру теста. Например, Булгаков. У него есть сознательное введение в текст фактов европейской культуры, но их не так уж много. Большинство же фактов, по нашему мнению, были неосознаваемы Булгаковым, потому что он находился не рядом с европейской или русской культурой, а внутри. Думается, что именно подобного рода писателем был и Мисима. Русская литература занимала немалое место в подсознании писателя. И нам кажется, что наиболее надежной основой подлинно научных исследований творчества Мисимы должно быть постижение его глубоких, органических связей с русской литературой. Нужно пытаться выстроить многоуровневый концептуальный ряд изучения русской литературной традиции в творчестве Мисимы.

Д. Благой в свое время писал: «Ни один, даже самый гениальный писатель… не создает своих произведений на голом месте. Каждое новое литературное явление есть не только творения данного писателя, но вместе с тем и плод накопления… коллективного литературного опыта. Любое литературное произведение при всей его самоценности… является органическим звеном длительной цепи развития, прежде всего, данной национальной литературы, а затем и литературного движения человечества» [8].

Художественная классика, более чем какое-либо еще явление культуры, являет собой средоточие различных временных пластов, в ней аккумулируются предшествующие этапы эстетического развития человечества: классика соприкасается своими интерпретациями с современностью и закладывает основы дальнейшего художественного развития общества.

Чрезвычайно интересным представляется вопрос о художественной рефлексии культуры, т. е. о преломлении

одних художественных произведений в идейно-образном контексте других, когда идеи, мотивы, образы классики, несущие (чаще всего имплицитно) информацию о своих культурных первоисточниках, вызывают в сознании читателя ассоциативные связи, создающие ощущение культурной объемности, внутренней интеллектуальной перспективы. Согласно М.М. Бахтину, каждый текст представляет собой как бы своеобразную монаду, отражающую в себе все тексты в пределах одной смысловой сферы.

На наш взгляд, рассуждая о творчестве Мисимы, уместно будет вспомнить работу Г. Гессе «Немного о теологии». По мысли Гессе, трагедии никогда не предотвращают, они являются не несчастными случаями, а столкновением двух противоположных миров: добра и зла. Мы полагаем, что совпадения в творчестве Мисимы являются не результатом прямого влияния – это пример одинакового подхода к жизни, совпадение типов мышления, формирующихся независимо друг от друга, несмотря на социальные и культурные различия. Такое явление нередко наблюдается у авторов, разделенных многими поколениями. В качестве примера такого независимого совпадающего типа мышления хочется привести описание двух психологических портретов из произведений Г. Газданова и Ю. Мисимы:

> …я <…> не владел способностью немедленного реагирования на то, что происходило вокруг меня. Эта способность чрезвычайно редко во мне проявлялась – и только тогда, когда то, что я видел, совпадало с моим внутренним состоянием… Но во всех случаях, когда дело касалось моей участи или опасностей, мне угрожавших, заметнее всего становилась моя своеобразная глухота, которая образовывалась вследствие все той же неспособности немедленного душевного отклика на то, что со мной случалось. Она отделяла меня от жизни обычных волнений и энтузиазма… [3: 129].

> Для меня все было совершенно очевидно: мои чувства тоже страдают заиканием, они всегда запаздывают…. Не-

> большой сдвиг во времени, незначительная задержка нарушают во мне связь между явлением и эмоцией, и это несоответствие является для меня наиболее естественным состоянием. Если я скорблю, то скорбь моя не вызвана каким-либо конкретным поводом, она приходит ко мне самопроизвольно и беспричинно…» [4: 45].

Разделенные временем и пространством, принадлежащие к разным культурам, герои обладают тем не менее сходной способностью мировосприятия. И можно с полной уверенностью считать это сходство не искусственно смоделированным, а проявлением совпадения типов мышления, о котором говорил Г. Гессе.

Учась в университете, Кимитакэ увлекся немецкой философией и литературой. В сочинениях Ф. Ницше писатель, в попытках формирования собственной системы мироощущения, нашел ответы на некоторые свои вопросы. По мнению ряда исследователей, именно теория Ницше о вечном противостоянии добра и зла, о борьбе за выживание как о главной движущей силе цивилизации, позволили Мисиме выстроить свое понимание мира. По его мнению, жизненный путь японца был движением к совершенству, а цель – служение отечеству и императору. «Нет ничего превыше чести, но высшая честь – отдать свою жизнь родине и императору». И вот здесь нельзя не вспомнить «Капитанскую дочку» Пушкина, эпиграфом к которой послужила народная поговорка: «Береги честь смолоду». Созвучные мотивы мы находим и у Л. Толстого в романе «Война и мир»:

> …мгновенно исчезла всякая мысль о себе: он весь поглощен был чувством счастия, происходящего от близости государя. ...Он был счастлив, как любовник, дождавшийся ожидаемого свидания. …он чувствовал восторженным чутьем его приближение. …он чувствовал это потому, что по мере приближения все светлее, радостнее и значительнее, и праздничнее делалось вокруг него. Все ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распростра-

> няя вокруг себя лучи кроткого и величественного света, и вот он уже чувствует себя захваченным этими лучами… Государь поравнялся с Ростовым и остановился. Лицо Александра было еще прекраснее, чем на смотру три дня тому назад… …Денисов в эту ночь праздновал производство свое в майоры, и Ростов, уже довольно выпивший, в конце пирушки предложил тост за здоровье государя, но «не государя императора, как говорят на официальных обедах, – сказал он, – а за здоровье государя, доброго, обворожительного и великого человека; пьем за его здоровье и за верную победу над французами!» …Мы все умрем, с наслаждением умрем за него. Так, господа? …И Ростов встал и пошел бродить между костров, мечтая о том, какое было бы счастие умереть, не спасая жизнь (об этом он и не смел мечтать), а просто умереть в глазах государя. Он действительно был влюблен и в царя, и в славу русского оружия, и в надежду будущего торжества. И не он один испытывал это чувство в те памятные дни, предшествовавшие Аустерлицкому сражению: девять десятых людей русской армии в то время были влюблены, хотя и менее восторженно, в своего царя и в славу русского оружия [6].

Первый роман Мисимы «Исповедь маски» появился в июле 1949 г. Первый роман крупного писателя всегда оказывается в той или иной степени «программным произведением» для всего последующего творчества. В нем, как правило, в свернутом виде представлены темы и проблемы будущих произведений. По законам семантического прочтения, сильные позиции в тексте занимают названия и эпиграфы. В «Исповеди Маски» изложен в художественной форме дневник самого Мисимы. Перед нами именно «критическая исповедь» (по выражению Мисимы) – утроенный самим собой публичный суд. И Достоевский для Мисимы – пример беспощадности писателя к самому себе. Когда открываешь роман, сразу же обращает на себя внимание некая странность. Странность не в том, что роман предварен эпиграфом из «Братьев Карамазовых», а странность в том, что это развернутый эпиграф. Такое не часто встретишь

в мировой литературе. Эта развернутость, этот монолог Мити Карамазова уже сам по себе является программой:

> Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я при том не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну иль нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей. А впрочем, что у кого болит, тот о том и говорит [5: 123].

Вторая странность в том, что Мисима исключил из монолога Мити слова:

> Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну иль нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей.

И, наконец, третья странность. Мисима не упоминает вторую известную всему миру слова о красоте из романа Достоевского «Идиот», которые, по словам Ипполита, принадлежат князю Мышкину, – «красота спасет мир».

В этих двух фразах отражено противоречие самого Достоевского. Похоже, что этого противоречия не было у самого Мисимы, считавшего Красоту порождением ада:

> Красивый ландшафт – это и есть ад верно? – сказал Касиваги. Несет первое, что взбредет в голову, с раздражением подумал я, но все же попытался взглянуть на пейзаж глазами Касиваги, стараясь усмотреть в нем что-нибудь инфернальное. И не без успеха. В тихой картине природы, покрытой молодой зеленью, я уловил дыхание ада. Оно давало почувствовать себя и днем и ночью, всегда и везде – достаточно было только о нем подумать. Стоило призвать ад, и он сразу оказывался тут как тут [4: 131].

Любопытен факт: Томас Манн, творчеством которого восхищался Мисима и который, по его же собственному признанию, как писатель сформировался под влиянием русской литературы, многие годы бился над вопросом: какова природа искусства, от Бога она иди от Дьявола? И пришел к выводу, что любое искусство, даже такое, как искусство Моцарта, носит демонический характер. Нам кажется, здесь где-то скрывается ответ на вопрос: почему красота мучительна и почему ее нужно уничтожить, как это сделал Мидзогути с Золотым Храмом.

По словам Касиваги, другого героя «золотого Храма»:

> Можно, пожалуй, сказать, что никакой красоты не существует. Сказать-то можно, но наше собственное сознание придает этой химере силу и реальность. Красота не дает сознанию утешения. Она служит ему любовницей, женой, но только не утешительницей. Однако этот брачный союз приносит свое дитя. Плод брака эфемерен, словно мыльный пузырь, и также бессмыслен. Его принято называть искусством [4].

Но ведь уничтожая произведение искусства, этот «мыльный пузырь», Мидзогути в известном смысле уничтожал и автора. Кто бы знал и помнил имя Моцарт, если бы не его произведения? В каком-то смысле это ситуация «Моцарта и Сальери». И вот что любопытно: только после прочтения «Золотого Храма» я понял, что в пушкинском творении не только «гений и злодейство – две вещи несовместные», не только тема «зависти» посредственности к гению, но

и тема покушения на Красоту и, следовательно, на ее истинного создателя… только вот какого? Бога или Дьявола? Если Красота – зло, то и убийца Красоты – зло. Зло карает зло! Ситуация «Мастера и Маргариты». Но ведь Воланд у Булгакова делает и добро, как пушкинский Пугачев.

> Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как выглядела бы земля, если бы с нее исчезли тени? («Мастер и Маргарита»)

О неразрывности двух этих понятий говорит один из героев «Золотого Храма», Касиваги:

> Не кажется ли тебе, что порядок в стране во время войны удавалось поддерживать только потому, что из насильственной смерти сделали своего рода представление? Публичную казнь человечество отменило якобы для того, чтобы не ожесточать людские сердца. Чушь собачья! ...Зрелище страданий и крови, предсмертные стоны ближнего учат человека смирению, делают его душу тоньше, светлее и мягче. Корни зверства и кровожадности надо искать не здесь. Жестокость рождается совсем в иные минуты – например, в такой вот славный весенний день, когда сидишь на подстриженном газоне и рассматриваешь солнечные пятна на травке, а как по-твоему? Все жутчайшие кошмары, произошедшие в истории человечества, начинались именно так. Вид же корчащегося в предсмертной агонии, окровавленного тела – причем среди бела дня, заметь, – придает кошмару конкретность, материальность. Это уже не наша мука… Чужую боль мы не чувствуем [4].

Возвращаясь к размышлениям о Красоте, в книге «Золотой Храм» мы становимся свидетелями как преклонение героя перед Красотой (Храма) сменяется ненавистью:

> Красота… – начал я и зашелся в жестоком приступе заикания. Помню, в этот миг у меня промелькнуло подозрение, вне всякого сомнения, нелепое, что в моем заикании повинно именно преклонение перед Прекрасным. Красота – теперь злейший мой враг! [4: 239].

Попытки понять истоки красоты, является ли она «добром» или «злом», можно проследить в произведениях, тем более в стихах, авторов многих эпох и народов. Нам же представляется интересным размышление на эту тему еще одного русского писателя, А.П. Чехова. В рассказе «Красавицы» Чехов описывает двух девушек, «настоящих», «замечательных» красавиц. Таковыми их считали все герои рассказа. Но красота их оказывала странное действие на окружающих:

> Ощущал я красоту как-то странно. Не желание, не восторг и не наслаждение возбуждала во мне Маша, а тяжелую, хотя и приятную грусть… …и было во мне такое чувство, как будто мы все… потеряли что-то важное и нужное для жизни, чего уже больше никогда не найдем.

И далее:

> …ее редкая красота случайна, не нужна и, как всё на земле, не долговечна, или, быть может, моя грусть была тем особенным чувством, которое возбуждается в человеке созерцанием настоящей красоты, бог знает! [9: 174].

Такое многообразие чувств вызывает Красота, которая, по мнению Ницше, является «обещанием счастья». Но такое восприятие касается красоты, которую мы можем созерцать. В произведениях различных писателей мы видим совсем иное восприятие красоты музыки.

> …ему (Касиваги) претит долговечная красота. Поэтому он с презрением относился к литературе и архитектуре, но зато любил музыку, что отзвучит и тут же исчезнет, или икебану, которой суждено постоять день-другой и увянуть… Однако что за странное явление – прекрасная музыка! Быстротечная красота, рожденная музыкантом, превращает вполне конкретный отрезок времени в чистейшую беспредельность; точное воспроизведение ее вновь невозможно; она исчезает, едва успев возникнуть, и все же это истинный символ земной жизни, истинное ее детище. Нет ничего более близкого к жизни, чем музыка; Золотой Храм не менее прекрасен, но он бесконечно далек от жизни и взирает на нее с презрением. Стоило Касиваги доиграть «Дворцовую колесницу», и мелодия, эта вообра-

> жаемая жизнь, тут же оборвалась, умерла; осталось лишь безобразное тело музыканта и его черные мысли – причем от смерти музыки тело и мысли не пострадали, не претерпели ни малейших изменений» [4: 154].
>
> Самым прекрасным, самым пронзительным чувствам, которые я когда-либо испытывал, я обязан был музыке; но ее волшебство и мгновенное существование есть лишь то, к чему я бесплодно стремлюсь, – и жить я так не могу. Очень часто в концерте я внезапно начинал понимать то, что до тех пор казалось мне неуловимым; музыка вдруг пробуждала во мне такие странные физические ощущения, к которым я считал себя неспособным, но с последними замиравшими звуками оркестра эти ощущения исчезали, и я опять оставался в неизвестности и неуверенности, мне часто присущими [3: 48].

Первый отрывок принадлежит перу Мисимы, второй – Газданову. Два таких непохожих писателя со сходным восприятием красоты музыки. Совпадение ли это или проявление «коллективного бессознательного», о котором говорил Юнг и со словами которого соглашался Мисима:

> …Но штука в том, что не существует личного, *индивидуального* (курсив наш. – *А.З*) сознания. Это – море, поле, одним словом, общее условие существования человечества [4: 239].

Поскольку сам Мисима – это множество масок, которые он периодически меняет (любой писатель, берущий псевдоним, автоматически надевает маску или несколько масок), то и самого Мисиму можно рассматривать как литературный персонаж. И этот персонаж очень сильно напоминает Свидригайлова, который сам как бы состоит из множества масок, в которых сам он запутался, т. е. потерял свое истинное лицо. И только самоубийство может уничтожить маски… Сюда же можно отнести и Ставрогина, который также кончает самоубийством. Но у Достоевского самоубийство «бесов» – не спектакль, а просто пошлость: один стреляется под лестницей грязной гостиницы, другой вешается за дверью. Мисима же устраивает последний свой спектакль по самурайскому сценарию, но получается все плохо…

Мы не рассматривали «следы» творчества А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и многих других русских писателей в творчестве Ю. Мисимы. Согласно У. Эко каждое произведение представлено как некая конфигурация символов, как открытая для множества интерпретаций система, не имеющая строгой принципиальности. Именно эта «принципиальная неопределенность» порождает возможность множества «прочтений» или смыслов. «Увидеть» русскую литературу в его произведениях – тема серьезной и значимой работы, которая дает простор для размышлений и изучения многим филологам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Надеждин Н.Я.* Мисима Юкио: Ничего выше чести. М.: Майор: Изд-е Осипенко А.И., 2009. 192 с.: ил., фот. (Серия книг «Неформальные биографии»)

2. *Чхартишвили Г.* Жизнь и смерть Юкио Мисимы, или Как уничтожить храм. [Электронный ресурс]: http://lib.ru/RUSS_DETEKTIW/BAKUNIN/s_misima.txt

3. *Газданов Г.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1: Романы. Рассказы, Литературно-критические эссе. Рецензии и заметки. М.: Эллис Лак, 2009. 880 с.

4. *Мисима Ю.* Золотой храм: роман / Пер. с яп. Г. Чхартишвили. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 288 с.

5. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 9: Братья Карамазовы. Ч. I–III. Л.: Наука, 1991. 697 с.

6. *Толстой Л.Н.* Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 2 т. М.: Художественная литература, 1953.

7. *Забровский А.П.* Пушкинский контекст в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». М.: Множительный центр факультета иностранных языков МГУ, 1997. 170 с.

8. *Благой Д.Д.* Диалектика литературной преемственности // Благой Д.Д. От Кантемира до наших дней: В 2 т. М., 1979.

9. *Чехов А.П.* Красавицы // Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1964.

А.В. Злочевская
МГУ имени М.В. Ломоносова

Чешская и словацкая русистика 1995–2015 гг.

A.V. Zlochevskaya
Lomonosov Moscow State University

Czech and Slovak Russian Studies of the 1995–2015 s.

Конец XX – начало XXI в. в истории чешской и словацкой русистики стал временем «перелома»: пережив в 1990-е гг. кризис и резкий спад как издательской, так и научно-исследовательской активности, сегодня она находится на подъеме. Вышли в свет более 20 учебников и учебных пособий, около 20 словарей и справочников, 4 хрестоматии и антология по вопросам изучения и переводов русской литературы, а также около 80 научных сборников и более 100 монографий, индивидуальных и коллективных, посвященных литературному процессу в России в целом, а также отдельным его периодам, персоналиям и жанрам.

Свидетельством возрождения интереса к русской литературе следует признать и начало издания в 2008 г. двух новых собственно русистских журналов: «Rossica Olomucensia» в университете им. Палацкого в Оломоуце и «Nová

rusistika» в университете им. Масарика в Брно. Показателем повышения статуса русистики стало и назначение в прошлом году деканом философского факультета Оломоуцкого университета бывшего заведующего кафедрой русистики профессора Зд. Пехала.

После «бархатного развода» 1 января 1993 г., когда Чехословакия разделилась на два государства, обе национальные русистики сохранили тесные связи, вместе с тем каждая из них продолжала развиваться самостоятельным путем. Поэтому если чешскую и словацкую русистики и нельзя рассматривать как единое целое, то как некую общность с тесными внутренними связями, безусловно, следует.

Отличительная особенность как чешской, так и словацкой современной русистики – стремление анализировать то или иное явление литературы не изолированно, но в синхронном и диахронном аспектах одновременно, во взаимодействии с литературным контекстом эпохи, с наследием предшественников и новациями последователей.

Чрезвычайно продуктивную активность в этом плане проявляют слависты из Брно. Под руководством профессоров И. Поспишила, Й. Догнала, Д. Кшицовой и др. осуществлен крупный международный проект: с 1991 по 2012 г. регулярно проводились конференции с участием ученых из Чехии, Словакии, России, Польши, Германии и др., посвященные проблемам межлитературных связей, в том числе вопросу о месте русской словесности в мировом художественном процессе. По материалам конференций было опубликовано 16 сборников Litteraria Humanitas. Отдельные тома этой серии целиком посвящены русским писателям (А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю) и филологам (А. Веселовскому, Р. Якобсону), а также известным чешским русистам (А. Врзалу, М. Микулашеку).

Весьма актуальный ракурс исследования мирового литературного процесса разрабатывают чешские слависты из университета в Брно в серии научных сборников «Возрождение ценностей: искусство и литература», в основу которых легли материалы прошедших в Брно в 2013–2018 гг. Международных конференций с участием ученых из Чехии, Словакии, России, Беларуси, Украины, Германии, Польши, Венгрии, Израиля и др.

Перед нами весьма продуктивная попытка осмыслить движение литературного процесса в контексте аксиологической проблематики. Такой подход более чем актуален. Довольно долго мы, увлекаясь идеями амби- и поливалентности и радикальной плюралистичности, с энтузиазмом и даже наслаждением разбрасывали камни – теперь, очевидно, настало время их собирать. Тема аксиологии в литературе раскрывается авторами сборников многопланово и разносторонне. Авторы исследуют различные варианты утверждения положительных ценностей, таких как Бог и религия, моральные устои, достоинства национального характера и др. При этом исследуются не только случаи утверждения ценностей, но и их разрушения, а также иронического травестирования.

Главным носителем положительной аксиологии в мировом художественном процессе вполне ожидаемо оказалась русская литература XIX–XX вв.: творчество Ф. Достоевского, И. Тургенева, В. Гаршина, М. Цветаевой, А. Солженицына, И. Шмелева и др.

Компаративистский подход в изучении русской словесности следует признать доминантным в современной литературоведческой русистике Чехии и Словакии.

Так, методологию изучения русской литературы в контексте мирового художественного процесса применили словацкие ученые – в своих последних книгах профессор

А. Червеняк, а также коллектив русистов в серии научных сборников «Славянский романтизм» (Банска Быстрица, 2000–2005).

Современная словацкая литературоведческая русистика развивается чрезвычайно продуктивно, исследуя различные аспекты многогранного феномена русской литературы: авторы из университета Коменского в Братиславе – в аспекте эстетическом; ученые университета мировой литературы АН Словакии – эстетико-философском; русисты из университета Константина Философа в Нитре – эстетико-антропологическом; русисты из университета Матейя Бела в Банске Бистрице – жанрово-антропологическом; русисты из университета в Прешове – социокультурном.

Масштабный проект по изучению истории русской литературы нового времени осуществлен русистами из Университета им. Коменского и Института мировой литературы АН в Братиславе, а также из университета в Прешове. Кроме коллективной монографии «Русская литература XVIII–XXI вв.» (2013), составной его частью стал «Словарь русской литературы XI–XX вв.» – свыше 550 персоналий (2007). Этим итоговым событиям предшествовало несколько важных этапов: сперва состоялась плодотворная научная дискуссия по концептуальным вопросам развития русской литературы – в рамках международной конференции «Традиции и перспективы русистики» (2003), и был сделан первый шаг – издан «Краткий словарь русской литературы XI–XX вв.» (2003).

Интерес к русской литературе XIX в. традиционно занимает важное место в чешской и словацкой русистике. Как писал профессор А. Элиаш о «Евгении Онегине», «несмотря на бесспорный и давно признанный статус литературной классики», в своем славянском варианте этот роман «не перестает будоражить наше культурное сообщество сознанием чего-то недоговоренного или по крайней мере

не вполне выраженного»[1]. Эти слова словацкого ученого можно отнести и к рецепции всей русской словесности. Ощущение неполноты постижения оказывается весьма продуктивным, ибо стимулирует дальнейшее развитие современной русистики как в Словацкой, так и в Чешской республиках.

Очень продуктивно, несмотря на общий спад интереса к нашей литературе, прошло в обеих республиках празднование 200-летия со дня рождения Пушкина – вышло в свет около десятка книг. Опубликовано также около двух десятков монографий и научных сборников, посвященных творчеству Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и А.П. Чехова.

Закономерно, однако, что в постсоветский период внимание чешских и словацких русистов обращено на изучение ранее не приоритетных (литература модернизма и авангарда рубежа XIX–XX вв., творчество Л. Андреева, А. Белого, М. Булгакова, А. Платонова и др.) или вообще запретных тем, таких как литература эмиграции, самиздата и «андеграунда».

Так исследованию русского модернизма и авангарда посвящены работы ведущих русистов Чехии и Словакии профессоров Т. Гланца, Д. Кшицовой, Й. Догнала, С. Паштековой, Е. Малити, М. Кусы, А. Элиаша и др.

Новый взгляд на творчество А. Белого, М. Булгакова, В. Высоцкого, Вен. Ерофеева и др. – в монографиях русистов нового поколения Я. Ворела, Н. Муранской, Х. Филиповой, И. Рычловой и др. Литературе андеграунда посвящена монография талантливого исследователя из университета в Прешове В. Купко (2000). Очень интересны последние изыскания молодых славистов из Университета

[1] *Eliáš A. a kol.* A.S. Puškin na Slovensku (1988–2015). Bratislava: Univerzita Komenského, 2018. S. 15.

в Остраве. Вышли в свет две коллективные монографии. Обе отличает необычный ракурс сопоставительных изысканий: польской и русской песенной поэзии в монографии 2015 г. и литературной эссеистики русских и польских символистов – в книге 2017 г.

Коллектив молодых ученых, при участии славистов старшего поколения, под руководством М. Пржигоды из Карлова университета в Праге запустили интересный проект «Культурные, духовные и этические корни России». Пока вышли в свет 3 сборника: в 2005, 2006 и 2009 г. Историко-культурный процесс в России – от крещения княгини Ольги до второй половины XX в. – рассматривается авторами как уникальный духовно-культурный комплекс, возникший в результате усвоения русским индоевропейским менталитетом инонациональных влияний: византийского, западноевропейского и др. Прослеживается движение русской мысли, общественной и философской, от идей «третьего Рима», славянофильства и русского мессианства до философских концепций П. Флоренского и А. Лосева.

Открывают для себя культурную деятельность русской эмиграции как чешские, так и словацкие русисты. Достижения здесь весьма внушительные: собран и аналитически осмыслен огромный материал о жизни русских изгнанников в Чехословакии.

Изучение русской эмиграции – традиционное для русистов из Праги направление научных интересов. Так, ныне покойная профессор Л. Белошевска продолжила свои изыскания в этой области, выпустив с коллективом авторов две книги: двухтомный труд о культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике с 1919 по 1939 г. в 2000–2001 гг., а в 2011 г. солидный сборник материалов по истории русской эмиграции в Чехословакии: воспоминания, дневники, беседы и др. Две монографии о

судьбах русской эмиграции в Праге и ее окрестностях с 1921 до 1952 г. опубликовала Анастасия Копршивова. Вышел свет солидный двухтомник работ чешских и словацких авторов о культурной жизни русских «в рассеянии сущих» – театральной и концертной деятельности.

Словацкие ученые из Прешова под руководством профессора Л. Харбуловой в 2006 г. выпустили в свет научный сборник о русской, украинской и белорусской эмиграция в восточной Словакии 1919–1945 гг.: личности, биографии, общественно-культурная деятельность, вклад в культуру Словакии. Теме литература русской эмиграции «первой волны» в контексте словацкой литературы посвящена монография исследовательницы из Прешова О. Гузиовой.

Опубликованы несколько монографий, посвященных жизни и творчеству русских литераторов-эмигрантов. Так патриарх словацкой русистики О. Марушьяк в последний год своей жизни издал книгу под эффектным названием «Преследуемый и нападающий: жизнь и творчество А. Солженицына». Профессор брненского университета М. Сикора выпустил в свет две монографии о жизни и творчестве Набокова – русскоязычного и англоязычного периода, в которых набоковская проза рассматривается как единство метафизики, этики и эстетики. Интересные исследования опубликовали молодые авторы из университета Коменского в Братиславе: И. Посохин – о Сергее Довлатове, а И. Другова – об Иосифе Бродском.

Русская литература рассматривается русистами Чехии и Словакии в контексте движения мирового литературного процесса. При этом рецептивный подход остается в центре внимания.

Научная деятельность чешских и словацких ученых двух последних десятилетий – убедительное свидетельство творческой активности современной русистики в по-

стсоциалистических странах Европы. Первые десятилетия XXI в. если и нельзя назвать периодом расцвета чешской и словацкой русистики, то во всяком случае весьма продуктивным периодом в ее истории. Созданы прекрасные предпосылки для рождения «нового образа» русской литературы, освобожденного от «панидеологизма», характерного для «советского» периода, и обогащенного исследованием прежде табуированных или малоизученных пластов литературного наследия русских писателей, критиков и философов.

ЛИТЕРАТУРА

Злочевская А.В. Чешская монография о драматургии Венедикта Ерофеева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2002. № 6. С. 176–180.

Злочевская А.В. Традиции и перспективы русистики // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2005. № 1. С. 161–165.

Злочевская А.В. Európske literárne avantgardy 20. storočia // Вестник Московского унтверситета. Сер. 9. Филология. 2007. № 2. С. 150–156.

Злочевская А.В. Čechov medzi nami // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2007. № 6. С. 156–159.

Злочевская А.В. Kšicová D. Od moderny k avantgardě. Rusko-české paralely // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 3. С. 150–153.

Злочевская А.В. Новейшие исследования чешских славистов в области русско-польских литературных связей // Stephanos. 2019. № 2. С. 32–38.

О.Б. Кафанова
Санкт-Петербургский институт бизнес-инноваций

Поэзия С. Есенина в современной Франции: новые переводы[1]

O.B. Kafanova
St. Petersburg Institute of Business and Innovation

S. Yesenin's Poetic Heritage in Modern France: New Translations

В 2020 г. исполняется 125 лет со дня рождения Сергея Есенина, слава которого распространилась далеко за пределами России. 4 февраля в РЦНК в Париже состоялся Есенинский вечер, посвященный юбилейной дате[2].

Участницей круглого стола стала Н.И. Шубникова-Гусева, доктор филологических наук, возглавляющая центр исследований жизни и творчества Сергея Есенина ИМЛИ РАН, которая представила новую «Энциклопедию Есенина». Исследователь русской крестьянской поэзии доктор Канского Университета Мишель Никё рассказал о первых

[1] Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-013-00684 «Классика в диалоге с современностью: теоретические и методические аспекты изучения русской литературы».

[2] О литературно-музыкальном Есенинском в РЦНК в Париже вечере к 125-летию великого поэта: https://crsc.fr/o-literaturno-muzykalnom-eseninskom-vechere-v-rcnk-v-parizhe-k-125-letiju-velikogo-pojeta/?lang=ru (дата обращения: 05.05.2020).

переводах С.А. Есенина на французский язык. Захар Прилепин, известный писатель, филолог и журналист, представил свой новый роман из серии ЖЗЛ «Есенин. Обещая встречу впереди». Другие мероприятия по поводу юбилея пока отложены из-за пандемии.

В восприятии есенинской поэзии во Франции важная роль всегда принадлежала переводчикам. Именно они выступали также в роли критиков и интерпретаторов творчества поэта. Основные этапы переводческой рецепции Есенина дал Мишель Никё. Он ввел термин «горизонт ожидания», соответствие которому является залогом успеха: произведение не должно быть чуждым вкусам и интересам публики, но одновременно должно отвечать потребности в новизне[1].

Существуют две главные «волны» интереса к Есенину во Франции: первая началась еще при жизни поэта, когда появились переводы его сочинений на французском языке благодаря его личному знакомству с бельгийским переводчиком Францем Элленсом, его женой Марией Милославской, а также посредничеству и помощи Ильи Эренбурга[2].

В середине прошлого века к лирике Есенина обратилась Софи Лафит (Lafitte), урожденная Гликман-Тумаркина, ставшая женой известного французского общественного деятеля. Ей принадлежит книга 1959 г. «Serge Essenine (Une étude. Choix de textes, bibliographie, portraits) –«Сергей Есенин. (Очерк. Тексты, библиография, портреты)». В своей монографии она провозгласила вступление Есенина в пантеон всемирной поэзии и проиллюстрировала это

[1] *Niqueux M.* Comment Essénine passa en France // Chemin des livres. 2008. Octobre. № 16. P. 12–21.

[2] *Никё М.* С. Есенин в бельгийских журналах 1921–1922 гг. Новые материалы // Есенин и мировая культура: Материалы Международной научной конференции, посвященной 112-летию со дня рождения С.А. Есенина. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2008. С. 88–100.

подборкой из 40 стихотворений. Софи Лафит много сделала для распространения русской литературы и культуры во Франции: в 1948 г. благодаря ей открылся Славянский отдел Национальной библиотеки Франции, пополнению которого она способствовала вплоть до 1962 г.

В последние два десятилетия наблюдается переиздание и появление новых переводов Есенина. При этом переводчиками выступают не выходцы из СССР (как раньше), а иностранцы, ценящие русскую литературу. Материалы предисловий и комментариев демонстрируют возросший уровень анализа, который касается не только идейно-содержательной стороны, но и поэтики есенинской лирики.

Активным переводчиком и комментатором Есенина в последние пятнадцать лет стал Христиан Пигетти (Pighetti), который выпустил в 2004 г. двуязычный сборник «Дневник поэта» Есенина («Journal d'un poète»), переизданный в 2014 г. В аннотации к этой книге говорится, что Сергей Есенин, бесспорно, «самый популярный поэт России»[1].

На книгу Пигетти откликнулась газета «L'Humanité», поместившая на первой странице обширную статью «Есенин, советский Рембо» («Essenine, un Rimbaud soviétique»). По-видимому, сходство двух поэтов французский критик, скрывший свое имя под инициалами M.L., увидел не только в эпатажном поведении, но и в рано проявившейся гениальности, выразившейся в поэтических открытиях, предвосхитивших развитие новых литературных направлений. Главную особенность поэзии Есенина он увидел в «меланхолическом или страстном лиризме», который раскрывает «привязанность к земле и слияние с природой»[2]. Некото-

[1] Journal d'un poète (édition bilingue français/russe; traduction et présentation Christiane Pighetti): https:// halldulivre.com/livre/9782729121273-journal-d-un-poete-serguei-essenine/ (дата обращения: 10.05.2020).

[2] Essenine, un Rimbaud soviétique // L'Humanité. 2004. Mardi. 30 Novembre. P. 1.

рые оплошности переводчика, по мнению критика, извинительны, поскольку перевод Есенина является «тяжелым испытанием», потому что русский поэт имеет «склонность перепрыгивать из одного регистра в другой»[1].

Не менее интересным новым изданием Есенина во Франции стал двуязычный сборник «Черный человек» («L'Homme noir de Serge Essénine»), подготовленный и представленный Анри Абрилем (Abril) в 2005 г. Испанец по происхождению, Абриль учился славистике и сравнительному литературоведению в Москве в МГУ. Он сам поэт, пишет стихи на русском языке, является переводчиком многих русских поэтов, начиная с Александра Пушкина до Ивана Жданова. Это очень интересный поэт и переводчик, сформировавшийся на пересечении трех языков: французского, русского и испанского.

Сборник Абриля был переиздан в 2015 г. По утверждению французских критиков, он предлагает самое обширное во Франции собрание стихотворений Есенина (90), из которых 50 представляют собой новые тексты. Отмечается стремление переводчика передать «как можно точнее русскую просодию посредством метода "функциональной эквивалентности"»[2]. Еще один критик заявил, что Абриль «совершил в своем сборнике подвиг, восстановив на французском языке русскую музыку поэта, ничего или почти ничего при этом не утратив»[3].

Абриль начинает свой сборник со вступительной статьи под названием «Мифы Сергея Есенина» («Les Mythes de Serge Essenine»), в которой он не только рассказывает французскому читателю о судьбе и поэзии русского поэта, но и выражает свою собственную концепцию его личности и творче-

[1] Ibid.

[2] *Despax Jean-Luc* (Aujourd'hui Poème, 63): http://henri-abril.fr/traductions-poetes-russes-henri-abril (дата обращения: 15.03.2020).

[3] *Lequesne Paul* (Le Monde des Livres, 2005): http://henri-abril.fr/traductions-poetes-russes-henri-abril (дата обращения: 15.03.2020).

ства. Начинается статья с эпиграфа, представляющего строфу из стихотворения «Мне осталась одна забота». Три строфы этого стихотворения помещены и на обложке книги. Уже обращение к этому позднему стихотворению как «лицу» поэта говорит о том, что Есенин для Абриля – сложная неприкаянная личность, имеющая славу «хулигана», потерявшая веру и страдающая без веры. Это удел поэта вообще, который «царапает и ласкает» одновременно. Вместе с тем главная черта поэтики Есенина представлена как попытка «повенчать белую розу и черную жабу», иными словами, соединить высокое и низкое, прекрасное и безобразное, чистое и грязное.

Наконец, последним по времени переводом Есенина стал небольшой сборник Христиана Муза (Mouze) «Sergeï Essénine. Poèmes» (1910–1925), появившийся в 2015 г. Х. Муз известен не только как переводчик, знаток русской поэзии и популяризатор ее во Франции, но и как автор, поэт. Он снабжает двуязычное издание выбранных им стихотворений Есенина, созданных с 1910 по 1925 г., кратким послесловием, а лаконичное предисловие делает О. Галлон[1].

Таким образом, в последние 15–20 лет значительно расширился «горизонт ожидания» французского читателя Есенина. И заслуга в этом принадлежит «проводникам» – талантливым переводчикам Анри Абрилю, Христиану Пигетти, Христиану Музу, которые, по сути, создали авторские сборники поэзии Есенина, следуя своему собственному видению личности русского поэта и предлагая свой анализ его поэтических открытий. Переводная множественность, свойственная некоторым стихотворениям Есенина, определяет многогранное бытование произведения в иноязычной среде, способствуя совершенствованию переводческих стратегий и помогая более адекватному постижению его поэтики.

[1] Sergueï Essénine. Poèmes (1910–1925) / Traduction de Christian Mouze, Paris : La Barque, 2015.

ЛИТЕРАТУРА

Есенин С. Полн. собр. соч.: В 7 т. Т. 7. Кн. 1. 1999. М.: Наука-Голос.

Никё М. С. Есенин в бельгийских журналах 1921–1922 гг. Новые материалы // Есенин и мировая культура: Материалы Международной научной конференции, посвященной 112-летию со дня рождения С.А. Есенина. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2008. С. 88–100.

Abril H. Les mythes de Serge Essénine // Sergueï Essénine. L'Homme noir (1910–1925) / Choix, présentation et traduction de Henri Abril. Strasbourg: Circé, 2015. P. 8.

Essenine, un Rimbaud soviétique // L'Humanité. 2004. Mardi. 30 Novembre. P. 1.

Niqueux M. Comment Essénine passa en France // Chemin des livres. 2008. Octobre. № 16. P. 12–21.

Essénine Sergueï. Poèmes (1910–1925) / Traduction de Christian Mouze, Paris: La Barque, 2015.

Электронные ресурсы

О литературно-музыкальном Есенинском в РЦНК в Париже вечере к 125-летию великого поэта https://crsc.fr/o-literaturno-muzykalnom-eseninskom-vechere-v-rcnk-v-parizhe-k-125-leti-ju-velikogo-pojeta/?lang=ru (дата обращения: 05.05.2020).

Despax Jean-Luc (Aujourd'hui Poème, 63): http://henri-abril.fr/traductions-poetes-russes-henri-abril (дата обращения: 15.03.2020).

Journal d'un poète (édition bilingue français/russe; traduction et présentation Christiane Pighetti): https:// halldulivre.com/livre/9782729121273-journal-d-un-poete-serguei-essenine/ (дата обращения: 10.05.2020).

Lequesne Paul (Le Monde des Livres, 2005) http://henri-abril.fr/traductions-poetes-russes-henri-abril (дата обращения: 15.03.2020).

М. Кнежевич
Университет города Нови Сад, Республика Сербия

Русский язык и литература в Сербии

M. Knezevic
University in Novi Sad, Republic of Serbia

Russian Language and Literature in Serbia

Язык и литература являются отражением культуры народа. Язык показывает идентичность народа. Он представляет собой не только средство коммуникации – он передает дух народа, эмоции, характер. Сохранить язык означает сохранить идентичность – личную, образовательную, культурную, национальную. Литературные произведения отражают этические и эстетические ценности народа, традиции, моральные принципы, воспитывают и облагораживают, расширяют знания о прошлом и настоящем, прокладывают дорогу в будущее. Русский язык – это язык великого народа, русские литературные произведения – творения великих людей, великих просторов, которые раскрывают широту души и укрепляют ум.

Во время своего развития сербский язык и литература встретились и проникли в русский язык и литературу, что также повлияло на формирование понимания общей национальной и культурной самобытности двух народов. Связи между двумя народами в образовании и культуре известны

с XVIII в. Фундамент сербской системы образования заложили русские учителя Максим Суворов и Эммануил Козачинский, прибывшие в 1726 г. в город Карловац с большим количеством книг, в том числе с букварем Феофана Прокоповича [3: 13] и грамматикой Мелетия Смотрицкого. Обе книги несколько раз переиздавались, были переведены на сербский и долгое время служили основными учебными пособиями для гуманитарного, в том числе учительского, образования. Школа Максима Суворова некоторое время работала в Карловаце, а затем переместилась в Белград [9].

В эпоху романтизма русский поэт А.С. Пушкин поддерживал дух сербского народа своими стихами, посвященными вождю антитурецкого восстания Карагеоргию, дочери Карагеоргия, с которой поэт встречался в Кишиневе, воеводе Милошу Обреновичу. Знакомая всем с детства «Сказка о рыбаке и рыбке» написана по мотивам сербской народной сказки. Пушкин был одним из первых, кто поэтически прославил сербский народ и его героев, в свою очередь творчество Пушкина стало образцом для сербских романтиков. Пушкин знал сербскую народную литературу и переводил сербские эпические песни. Сербские народные песни и русские былины показывают близость обычаев и традиций двух народов. Эпические народные песни учат нас моральным ценностям жизни: чести, мужеству, героизму, любви, но и прощению, уважению к человеке и вере в Бога.

И русский реализм, пришедший к сербским читателям с произведениями Н.В. Гоголя, повлиял на сербских писателей. По словам Йована Скерлича, «у русских писателей есть что-то особенное и интимное, что лучше всех могут понять и почувствовать славяне» [12: 58].

Под сильным влиянием Гоголя развивалось творчество первого сербского писателя реалиста Милована Глишича.

По влиятельности и популярности у сербской интеллигенции XIX в. с Гоголем мог бы соперничать только И.С. Тургенев. Социалист Светозар Маркович советовал молодым сербским писателям читать Тургенева, Гоголя, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и Д.И. Писарева. Известный сербский беллетрист Янко Веселинович отмечал свою связь с творчеством русских писателей: «Русские ближе всего к нам; особенно те, которые пишут о мещанской жизни и деревне, как, например, Гоголь, М. Вовчок, Ю. Федькович и др. Мы их читаем и понимаем так хорошо, как будто дело происходит у нас» [1: 137]. Знатоком русской литературы был Пера Тодорович, который переводил на сербский Чернышевского и Писарева и был воодушевлен эстетическими манифестами реализма. «Дневник одного сербского добровольца» П. Тодоровича близок «Севастопольским рассказам» Л.Н. Толстого, посвященным событиям Крымской войны [13].

Современные учебные программы в Республике Сербии представлены русскими авторами и их работами во всех классах начальной и средней школ: Лев Николаевич Толстой – «Два товарища», «Воробей и Ласточка». «Девочка и ворона», «Анна Каренина», «Война и мир»; Александр Сергеевич Пушкин – «Сказка о рыбаке и рыбке», «Я вас любил...», «Цыганы», «Евгений Онегин»; Максим Горький – «Воробьишко»; Антон Павлович Чехов – «Шутка», «Тоска», «Дядя Ваня»; Михаил Александрович Шолохов – «Тихий Дон»; Владимир Владимирович Маяковский – «Облако в штанах»; Федор Михайлович Достоевский – «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы»; Михаил Афанасьевич Булгаков – «Мастер и Маргарита»; Борис Леонидович Пастернак – «Доктор Живаго»; Анна Андреевна Ахматова, Марина Ивановна Цветаева, Иосиф Александрович Бродский.

Русская литература очень популярна в Сербии. Русские литературные произведения также представлены на сцене в Сербии. Антон Павлович Чехов, Михаил Афанасьевич Булгаков все еще находятся на сербской сцене сегодня. Изучая русский язык и литературу, мы узнаем о связях русского и сербского народов, их общей истории и традициях.

Можно сказать, что русский язык в Сербии не получил того места, которое ему принадлежит как слявянскому языку и языку великих людей, которые основали первые школы в Сербии и создали образование. В современной образовательной системе первое место занимает английский язык, затем идут немецкий, французский и русский языки, чаще всего по выбору. В некоторых городах, таких как Нови Сад, Сремски Карловцы, Белград, Ниш, в некоторых деревнях русский язык преподается в школе. Однако русский язык занял свое место на факультетах высших учебных заведений и в деятельности сербско-русских объединений. В рамках своей деятельности ассоциации пропагандируют русский язык, русскую литературу, русскую культуру, сотрудничают с образовательными и культурными учреждениями Российской Федерации, поддерживают связи с российской интеллектуальной элитой.

Связи двух народов неразрывны. В Сербии основаны и зарегистрированы Общества сербско-русской дружбы, основной целью которых являестя ознакомление с сербской культурой и традицией. Граждане добровольно объединяются, организуют музыкальные вечера, посвященные русскому народу. Русские приезжают по вызову наших обществ, организуют презентации книг, фильмов, музыки. Гражданские ассоциации во многих городах демонстрируют прочную связь между двумя славянскими народами. Работа этих ассоциаций является добровольной, они связаны любовью и верой в русских, которые помогли сербскому народу вы-

жить в критические времена. Российский центр науки и культуры в Белграде сотрудничает с ассоциациями и помогает им в их работе. Помимо сербско-русских объединений преподавание русского языка поддерживает православная церковь. В Сомборе каждый июль в помещении Церковного муниципалитета проводятся курсы русского языка для детей и взрослых под названием «Россия в сердце Сомбора».

Заключение

Русская литература изучается в школах Республики Сербии. Русско литературное слово, культура, русская духовность сопровождают молодых людей от их первой встречи с книгой до момента получения высшего образования.

Поколения растут на произведениях русских писателей. Славянская культура, воплощенная в воспитательно-образовательной системе Сербии, играет незаменимую роль в формировании нравственных норм, ценностей, в упрочении близости двух славянских народов. В Сербии помнят и ценят вклад русских в образование, культуру, архитектуру в период между двумя мировыми войнами. С деятельностью русской интеллигенции связано создание театров, балетных и музыкальных школ, оперы, заметно в архитектуре сербских городов.

И в Первой, и во Второй мировой войне, несмотря на политику правящей элиты, сербы искали опору в своей вере в братскую Россию. Вторая мировая война укрепила связи между нашими народами. Множество русских кладбищ в Сербии напоминают нам о борьбе с фашизмом и свидетельствуют о бескорыстной помощи русских в периоды всех войн, в которых Сербия вынуждена была сражаться. Сербские и русские люди в самих тяжелых испытаниях всегда были вместе и сочувствовали друг другу.

Это подтвердилось и в новейших исторических событиях 1990-х гг. Поэтому мы с полным правом можем сказать,

что Россия всегда поддерживала сербский народ. И сегодня, когда остро стоит проблема Косова, колыбели сербского народа, Россия отстаивает государственное единство Сербии, подтверждая, что культурно-исторические связи сербского и русского народов не слабеют.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вученов Д.* Эпоха реализма. Идеалистический реализм Янка Веселиновича. Белград: Нолит,1972.

2. *Деретич Й.* История сербской литературы. Белград: Требник, 1996. 594 с.

3. *Кирилович Д.* Букварь Феофана Прокопивача у сербов // Сборник Матицы сербской по литературе и языку. Кн. 3. Нови Сад: Матица сербская, 1956. С. 12–25.

4. *Кнежевич М.* Сербские народные эпические песни как источник этических ценностей в сохранении славянской культуры // Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Доклады и приложения. М.: МГУ, 2009.

5. *Кнежевич М.* Сербские народные эпические песни и русские былины в сохранении славянской культуры // Доклады философского факультета. Кн. 1. Пале: Университет Восточное Сараево, 2013. С. 672–679.

6. *Кнежевич М.* Стеван В. Попович в сербской культуре. Сомбор: Педагогический факультет, 2006. 241 с.

7. *Кнежевич М.* Этика эпических народных песен как образец воспитательно-образовательной деятельности // Этическое измерение образования. Ягодина: Университет в Крагуеваце, 2008. С. 123–131.

8. *Попович М.* Романтизм. 1. Белград: Нолит, 1975. 243 с.

9. *Скерлич Й.* История новой сербской литературы. Белград: Просвещение, 1967. 581 с.

10. *Тодорович П.* Дневник одного добровольца. Белград: Просвещение, 1964. 99 с.

Н.А. Черникова
Университетская гимназия МГУ имени М.В. Ломоносова

Болгарская русистика на пути к А.И. Солженицыну

N.A. Chernikova
University Gymnasium of Lomonosov Moscow State University

Bulgarian Russian Studies on the Path to A. Solzhenitsyn

А.И. Солженицын – писатель, творческий и жизненный путь которого является объектом пристального внимания как российской, так и зарубежной литературоведческой науки. Творчество этого автора изучается с большим интересом и в Болгарии.

Болгарский исследователь В. Донев, пытаясь объяснить уникальность Солженицына как прозаика, характеризует творческий процесс писателя с помощью метафоры, определяющей исключительность его вклада в мировую культуру: «Солженицын создает язык времени»[1]. Г. Марков также отмечает, что Солженицын – художник, в котором отразилась целая эпоха: «Есть писатели, которые объединяют судьбу своих литературных персонажей со своей судьбой, писатели, которые становятся личностями эпохи, писатели, для которых творец и гражданин – одно и то же»[2].

[1] *Донев В.* Александр Солженицин. Класика срещу канон [Александр Солженицын. Классика против канона]. София, 2011. С. 11.
[2] *Марков Г.* Нашият Солженицин [Наш Солженицын]: https://kultura.bg/

О Солженицыне в Болгарии заговорили в 1962 г., когда общественность познакомилась с его повестью «Один день Ивана Денисовича». Это произведение, как отмечает А. Наков, сразу же вызвало общественный резонанс: «Совершенно неожиданно поздней осенью 1962 года у нас появился “посланник”. Этим “посланником” стала повесть “Один день Ивана Денисовича”»[1]. Болгарский переводчик В. Райчев стал первым, кто представил Солженицына болгарскому читателю. Второе издание этого произведения появилось лишь в 1990 г. в издательстве «Интерпринт»; в сборник вошло еще пять рассказов Солженицына: «Матренин двор», «Захар-Калита», «Пасхальный крестный ход», «Как жаль», «Правая кисть»[2].

Донев обращает внимание на то, что именно повесть «Один день Ивана Денисовича» обозначила начало новой эпохи бытования русской национальной литературы в Болгарии: «В действительности с выходом повести совершается перелом в художественной мысли 60-х годов. <…> Солженицын изображает испытания человеческого духа и страдания русского народа»[3]. Другой болгарский критик, М. Касабов, отмечает, что это произведение можно по праву считать книгой, которая объединяет два близких народа: «Если говорить о преемственности, существующей между Россией и Болгарией, то в значительной степени произведение “Один день Ивана Денисовича” могло бы стать книгой нашего прошлого»[4].

---

[1] *Наков А.* Какво четем от Ал. Солженицин на български? [Что читаем у А. Солженицына на болгарском?] // Болгарская русистика. София, 2003. № 3–4. С. 53.

[2] Там же.

[3] *Донев В.* Александр Солженицин. Класика срещу канон. С. 11.

[4] *Касабов М.* Книга от нашето минало [Книга нашего прошлого]: https://kultura.bg/

После 1989 г. начинается, как считает болгарский критик Наков, период новой «оттепели» в судьбе прозы и публицистики Солженицына в Болгарии. В журнале «Факел» за 1990 г. сразу же было напечатано самое масштабное произведение писателя – «Архипелаг ГУЛАГ»[1]. М. Кирова вспоминает, какие трудности возникли в связи с публикацией этого произведения: «Еще в 1989 году журнал “Факел” объявил, что будет публиковать “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына. Коммунистическое правительство попыталось сорвать хитроумный план и, не придумав ничего лучше, заявило, что в Болгарии недостаточно бумаги, сократив в конечном счете тираж журнала с 25 000 тыс. экземпляров до 2000 тыс.»[2].

Примерно в это же время болгарский переводчик Б. Мисирков представляет публике неполный перевод автобиографических очерков «Бодался теленок с дубом» (№ 3 «Современника за 1990 г.). Полный перевод был опубликован лишь спустя восемь лет, в 1998 г.

Затем, в 1993 г., в Болгарии выходит книга «Раковый корпус», а уже через два года, в 1995, в болгарском городе Перник появился перевод романа «В круге первом». Наков отмечает, что единственным не переведенным на болгарский язык масштабным произведением на сегодняшний момент остается историческая эпопея «Красное колесо»: «...эта книга не знакома читательской аудитории и вряд ли будет переведена на болгарский язык в ближайшие годы»[3] .

С именем Солженицына также связаны политические события, которые не остались без внимания в Болгарии: Пражская весна (1968) и присуждение автору Нобелевской премии (1970). Как отмечает Христова, болгарская общественность внимательно следила за кампанией против писателя.

---

[1] *Касабов М.* Книга от нашето минало. С. 54.

[2] *Кирова М.* Русская литература в Болгарии после 1989: http://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/16285

[3] *Наков А.* Какво четем от Ал. Солженицин на български? С. 55.

В период с 16 по 24 ноября 1970 г. в Софии была проведена Вторая Национальная конференция болгарских писателей. На последнем, пятом заседании речь шла о «культурном скандале», который известен как «дело Солженицына». Христова констатирует, что такое молниеносное включение этого вопроса в программу мероприятия было обусловлено обычной логикой поведения Москвы по отношению к Софии: «Кто представляет интересы Советского Союза? В подобных случаях имелась проверенная машина. В случае с Александром Солженицыным она действовала как всегда точно и безупречно: из Москвы звонят для “братской” поддержки в Софию, София послушно выполняет»[1].

По утверждению Христовой, правительство Болгарии оказало давление на писателей, которые вынуждены были выступить против присуждения премии Солженицыну. Марков, например, вспоминает, что он в числе других болгарских авторов, современников Солженицына, не мог напрямую высказывать свою точку зрения о творчестве писателя в силу объективных причин и был вынужден отдать свой голос против него: «Я вынужден отметить, что Союз болгарских писателей не мог выражать точку зрения всей нашей национальной литературы <…>»[2].

В конце конференции были озвучены результаты: большая часть присутствующих подписала декларацию, четыре члена союза «воздержались» (Х. Ганев, В. Петров, Г. Гочев, М. Ганчев), и лишь один писатель выступил «против» (Б. Димитров). 8 января 1971 г. Болгарская коммунистическая партия наказала авторов, которые не поддержали общее решение, исключив их из Союза болгарских писателей. Все «непокорные» писатели были реабилитированы только в 1984 г.[3]

[1] *Христова Н.* Българският скандал. Солженицин [Болгарский «скандал». Солженицын] (1970–1974 гг.). София, 2000. С. 30.
[2] *Марков Г.* Нашият Солженицин: https://kultura.bg/
[3] Там же. С. 41.

В 1973 г. в Болгарии снова заговорили о Солженицыне в связи с публикацией «Архипелага ГУЛАГа» на Западе (первый том вышел в Париже в декабре 1973 г.)[1]. Уже после высылки писателя из СССР, 6 февраля 1974 г., было опубликовано письмо Союза болгарских писателей, написанное как ответ на выход его художественного исследования: «“Архипелаг” получил чрезвычайно высокие оценки – самовольные хранители литературных ценностей объявили его, с одной стороны, “книгой века”, с другой – “ключевым произведением” его автора. <…> А произведения “Раковый корпус”, “В круге первом” и “Август Четырнадцатого” передавали свой откровенный антисоветизм и ненависть к идеям коммунизма, показали его недружелюбное и даже ненавистное отношение к советскому государству и советскому человеку»[2].

В последние годы при изучении русской литературы XX–XXI вв. в Болгарии творчество Солженицына во многом воспринимается как связующее звено, объединяющее болгарскую и русскую литературы. В 2008 г. Солженицыну была присуждена награда, имеющая большое значение для болгарской культуры и единения двух стран: автор был удостоен учрежденной в Болгарии Международной литературной премии имени Христо Ботева, известного болгарского поэта[3].

Профессор Иллинойского университета Р. Темпест, председатель жюри, болгарин по матери, присудил награду именно Солженицыну, назвав его объединяющим звеном культуры России, Болгарии и Америки: «Для меня он один из тех писателей, которых очень немного в болгарской, российской и американской истории. Тех писателей, которые

[1] *Марков Г.* Нашият Солженицин. С. 73.

[2] Письмо Союза болгарских писателей: http://glasove.com/

[3] Ботевска награда за Александър Солженицин [Международная премия имени Христо Ботева]: https://news.bg/

создают художественные миры, целые планеты, и именно эти планеты имеют свое собственное маленькое человечество»[1]. Эти слова Темпеста выразили отношение многих болгарских читателей к творческому гению Солженицына.

Таким образом, необходимо отметить, что Солженицын воспринимается в Болгарии не только как писатель, который оставил богатое литературное наследие, но и как фигура планетарного гуманитарного масштаба.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ботевска награда за Александър Солженицин: https://news.bg/culture/botevska-nagrada-za-aleksandar-solzhenitsin.html

2. *Донев В.* Александр Солженицин. Класика срещу канон. София, 2011. 129 с.

3. *Марков Г.* Нашият Солженицин: https://kultura.bg/

4. *Касабов М.* Книга от нашето минало: https://kultura.bg/

5. *Кирова М.* Русская литература в Болгарии после 1989: http://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/16285.

6. *Наков А.* Какво четем от Ал. Солженицин на български? // Болгарская русистика. София, 2003. № 3–4. С. 53–58.

7. Письмо Союза болгарских писателей: http://glasove.com/categories/kultura-i-obshtestvo/news/deklaratsiya-na-sbp-po-povod-arhipelag-gulag-na-aleksandur-solzhenitsin

8. *Христова Н.* Българският скандал. Солженицин (1970–1974 гг.). София, 2000. 195 с.

[1] Ботевска награда за Александър Солженицин: https://news.bg/

Цин Юань

Восточно-китайский педагогический университет,
Шанхай, Китай

«Свое» и «чужое» в системе персонажей сборника А.П. Хейдока «Звезды Маньчжурии»

Qing Yuan
East China Normal University, Shanghai, China

"Own" and "Others" in the System of Characters of the Collected stories A.P. Heydok "Stars of Manchuria"

Сборник «Звезды Маньчжурии» (1934) А.П. Хейдока принес ему репутацию ярчайшего прозаика Русского Харбина и оставил заметный след в литературе дальневосточного русского зарубежья: «Самый загадочный прозаический сборник русского Харбина – "Звезды Маньчжурии" Хейдока – можно расценить как попытку русского эмигранта интегрироваться в чужую культурную среду»[1]. В книгу вошли 16 рассказов, которые основаны на опыте изучения Хейдоком китайской жизни, истории, философии, культуры.

В сборнике представлено около 40 персонажей, которые являются выходцами из разных стран, имеют разное вероисповедание, социальный статус, мировоззрение и часто

[1] *Иващенко Е.Г.* Пересечение культурных традиций в сборнике А. Хейдока «Звезды Маньчжурии» // Русский Харбин, запечатленный в слове: http://www.hejdok.ru/index.html

противопоставлены по признаку *свой / чужой*. Необходимо заметить, что эта оппозиция присутствует во многих произведениях писателей русской эмиграции. Не стал исключением здесь и сборник А.П. Хейдока. И это не случайно. Противопоставление *свое / чужое*, по оценке Ю.С. Степанова, «в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения»[1].

В сборнике «Звезды Маньчжурии» героев условно можно разделить на три группы. К первой следует отнести представителей разных социальных групп (китайских крестьян и нищих, русских военных и интеллигентов и т. д.), которые живут повседневными заботами; ко второй – многочисленных призраков, духов, обладающих сверхъестественной силой (маньчжурская принцесса, женщина на белом коне и др.); и к третьей – своеобразных посредников между ними (монахов, колдунов, лам). Последние наделены функциями персонажей-медиаторов, мистическим образом связывающих «свой», реальный мир с «чужим», потусторонним. В большинстве рассказов Хейдока «свое» герои обычно узнают сквозь призму «чужого».

В рассказах писателя часто показан традиционный уклад китайской жизни. Многие из крестьян были неграмотными, жили тяжелым трудом, как, например, Вей Чентин (рассказ «Кабан»), и не искали никакой выгоды себе («Вей Чентин глуп: он продает зерно, когда оно дешево, и верит сплетням жены»[2]), но они просты, честны, довольны своей судьбой. В то же время Хейдок показывает хитрого Фу-ко-у, который, чтобы убить любовника молодой жены, подставляет Бушуева, заставив его думать, что тот стреляет в кабана,

[1] *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. С. 126.

[2] *Хейдок А.П.* Звезды Маньчжурии. Владивосток: Рубеж, 2011: http://www.hejdok.ru/w_manchjur.html

а не в человека. Фу-ко-у предает друга ради собственных целей, несмотря на мораль. Но, с другой стороны, Фу-ко-у придерживается традиционных представлений о китайской семье: жениться надо для того, чтобы иметь детей.

Концепт «терпение» в традиционной китайской культуре также влияет на действия Фу-ко-у: «Не уделяй внимания мелочи, чтобы она не заслонила главного»[1]. Именно он является носителем китайской – «своей» – народной мудрости, постоянно используя в своей речи колоритные поговорки: «Бедняка на людной пристани никто не замечает, а богача отыскивают даже в лесу и справляются о его здоровье»; «Не делай кривым того, что прямо, а прямым того, что криво»[2].

Хейдок прожил в Китае более двадцати лет и хорошо знал своих героев. Обычные китайцы показаны им добрыми, терпеливыми и сдержанными, полностью включенными в национальные духовные, культурные традиции, хотя писатель допускает, что среди них есть непорядочные и корыстные люди. Такие представления Хейдока отражают в целом условия китайской жизни в то время, но из-за узости эмигрантской среды, в которой находился писатель, его точка зрения все же формирует односторонний взгляд на бытие простых китайцев.

В сборнике «Маньчжурская принцесса» также много русских героев, в большинстве своем эмигрантов (интеллигентов, воинов, охотников, золотоискателей). Хейдок подробно описывает их духовный опыт и жизненный путь. Писатель часто изображает русские черты характера в контрасте с китайскими. Для русских характерными являются смелость, отвага, удаль, презрение материальных ценностей. В «Маньчжурской принцессе» Багров один яростно сражается и с десятками маньчжурских солдат, и с медведями в лесу. В «Пес-

[1] *Хейдок А.П.* Звезды Маньчжурии.
[2] Там же.

ни Валгунты» Остваг также бесстрашно принял бой с восемью врагами и победил. Но эти свойства русского характера кажутся практичным китайцам «чужими» и невостребованными в социальных условиях того времени: «…Люди без родины и денег, которым больше всего следовало бы задумываться о целости своих сапог и о своих тощих животных»[1].

Хейдок показывает крайнюю бедность русских эмигрантов, а также их внутреннее разочарование и духовное опустошение. Большинство из них пережили войну. Например, Илья («Нечто») сражался с шестнадцати лет и справедливо вопрошал у жизни: «Где тут путь к радостям человеческим?» И этот вопрос отражает типичность судеб русских людей того времени. Вадим и Алеша («Призрак Алексея Бельского») потеряли свои дома во время войны, а затем оказались в Белой армии. После ее поражения отправились в Маньчжурию за золотом. По сути, герои еще не начинали жить: «Терять ему было в привычку. Разве он не потерял всего раньше, там, в России?»[2]

В «Черной палатке» Ахшарумов без войны не представляет себе будущей жизни: «Мне все равно нечего было делать на этом свете, и если бы ты не поторопился, я сам бы пустил себе пулю в лоб... Для чего жить?»[3] Главный герой в «Миами» находится под невообразимым психологическим давлением: «…Все обиды российского изгнанника кипели во мне»[4]. Большинство русских эмигрантов были востребованы на поле битвы, но когда война закончилась, они внезапно оказались на социальном дне и снова вынуждены были бороться за свое существование.

Несмотря на национальные различия, образы китайцев и русских в сборнике – это персонажи «своего», ре-

[1] *Хейдок А.П.* Звезды Маньчжурии.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

ального мира. Ему противостоят персонажи из «чужого», потустороннего пространства. Они обладают таинственной силой, их появление часто сопровождается смертью и влияет на выбор людей. Например, в горах художник Багров («Маньчжурская принцесса») встретил призрак принцессы Маньчжурии, который пробудил в нем воспоминания о прошлой жизни, и эта мистическая встреча стала переломным моментом в судьбе героя. При этом, будучи в земном образе, принцесса олицетворяет для писателя прекрасный идеал восточной женщины: мягкой и сдержанной. Она отдала свою славу и богатство ради любви, охотно жила дикой жизнью в первобытном лесу с любимым человеком. Хотя внешне принцесса кажется слабой, у нее сильное сердце, которое может справиться со всеми жизненными испытаниями.

Похожа на призрак принцессы еще и «Женщина на белом коне» из рассказа «Нечто». Ее появление способствует тому, что главный герой Стимс сходит с ума и находит долгожданное «нечто» – смерть. «Маньчжурская принцесса» и «Женщина на белом коне» лишь призраки в сознании людей, но под их мистическим влиянием смерть не кажется чем-то ужасным, а становится высшим благом для героев.

Другой тип персонажей из «чужого» мира может предсказывать смерть. После ухода из жизни Алексей Бельский превратился в призрак, который спасает Вадиму жизнь, напомнив об опасности. Душа девушки Миами точно предсказала время смерти ее возлюбленному Кузьмину. Таинственные, сверхъестественные силы из «чужого» мира появляются в реальном мире и влияют на будущее.

Ю.М. Лотман писал: «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”). <…> Граница может отделять живых от мертвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессио-

нальный или какой-либо иной характер»[1]. Ю.М. Лотман характеризует понятие границы как двусмысленное, так как граница и разделяет, и объединяет: «Граница необходима обеим граничащим культурам, и никакое “мы” не может существовать без “они”»[2].

В сборнике к персонажам-медиаторам, которые могут перемещаться между «своим» и «чужим» мирами, можно отнести монаха из ордена фа-ши, колдуна, духовидца и ламу. Они способны общаться с богами и призраками, знакомы с древней мудростью и могут решать проблемы, которые не могут решить люди из «своего» мира. Барон Штернберг спрашивал о своей судьбе у ламы, с помощью колдуна Кузьмин смог встретиться с духом Миами. В «Шествие мертвых» монах может поговорить с властителем Царства Мертвых, чтобы он отпустил дух усопших и позволил им встать и идти к родному городу.

Оппозиция *свое / чужое* в «Звездах Маньчжурии» Хейдока составляет основную художественную и философскую тональность сборника. Она обуславливает характер взаимоотношений героев из «своего» (реального) и «чужого» (мистического) мира. Также можно выделить персонажей-медиаторов, соединяющих эти миры. Граница между «своим» и «чужим» весьма подвижна, что позволяет говорить о едином уникальном художественном пространстве «Звезд Маньчжурии».

ЛИТЕРАТУРА

Иващенко Е.Г. Пересечение культурных традиций в сборнике А. Хейдока «Звезды Маньчжурии» // Русский Харбин, запечатленный в слове: http://www.hejdok.ru/index.html

[1] *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 175.

[2] *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. С. 191.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.

Хейдок А.П. Звезды Маньчжурии. Владивосток: Рубеж, 2011: http://www.hejdok.ru/w_manchjur.html

О.С. Астахова
Московский государственный педагогический университет

Актуальность наследия ученого-методиста В.М. Чистякова в современной практике преподавания РКИ (к 130-летию со дня рождения)

O.S. Astakhova
Moscow State Pedagogical University

The Relevance of The Heritage of Methodologist V. Chistyakov in the Modern Practice of Teaching Russian as a Foreign Language (to the 130th Anniversary of His Birth)

Василий Матвеевич Чистяков – один из выдающихся лингвометодистов XX в. Его наследие насчитывает более 150 методических работ, ценность которых подкреплена многолетней практической базой, собранной за многие годы педагогической практики ученого.

В.М. Чистякова можно назвать уникальным методистом в преподавании РКИ: работая в Фергане, он изучил узбекский язык, что позволило ему в полной мере реализовать принцип сопоставления в обучении русскому языку [4; 5] и добиться значимых успехов в области методики результатов. Несколько поколений учащихся в Средней Азии

студентов изучали русской язык по его учебникам. Но и сегодня можно с уверенностью сказать, что наследие Чистякова является не просто «историей» методики преподавания русского языка, а практически значимым материалом для современного учебного процесса.

Особого внимания заслуживает разработанный Чистяковым принцип учета родного языка учащихся, его грамматических и лексических особенностей. В своих многочисленных работах ученый доказал целесообразность сопоставления фактов родного языка учащихся и русского. Ученый подчеркивал, что те навыки, которые для носителя русского языка являются автоматизированными и неосознаваемыми, для изучающих русский язык могут представлять достаточную сложность. Он рекомендовал преподавателям с особым тщанием относиться к отбору языкового материала и не недооценивать роль педагогической рефлексии в учебном процессе.

Считаем важным подчеркнуть, что Василий Матвеевич большую роль отводил произносительным навыкам обучающихся. Так, он предлагал уже с самых первых уроков уделять время прослушиванию русской речи. Проведенная им работа, основанная на анализе фонетической системы русского языка и сопоставлении ее с родным языком обучающихся тюркской языковой группы, позволяет преподносить фонетический материал структурированно, предупреждая возможные произносительные интерференциональные проблемы у обучающихся.

Особо ценными для современной методики РКИ являются взгляды Чистякова на место работы, направленной на овладение собственно русским словом, в процессе обучения. Ученый подчеркивал важность контекстуальной подачи лексемы, а также анализа функционирования лексемы в различных фразах и предложениях. Такой подход созву-

чен современным тенденциям в обучении РКИ, предусматривающим системную подачу лексического материала в разных сферах общения.

Фундаментальный труд Чистякова «Основы методики русского языка в нерусских школах», изданный в 1941 г. [5], не потерял свою актуальность и сегодня. В работе изложены принципы преподавания русского языка вне зависимости от языковой и культурной принадлежности обучающихся. Яркой чертой этого труда, как, впрочем, и всех трудов Василия Матвеевича, является утверждение важности конкретики в преподавании. Он неоднократно подчеркивает, что на уроках необходимо давать лишь тот материал, который на данный момент не вызывает споров среди описывающих русский язык лингвистов. Например, количество частей речи, отмечал он, на момент написания им первых учебников до сих пор до конца не было установлено. Следовательно, такие спорные моменты пока не должны быть отражены в учебной литературе. Еще одним важным конкретизирующим процесс обучения моментом методист считал вопрос терминологии. Он акцентировал внимание на необходимости упорядочить и подробно описать методическую терминологию, широко используемую на уроках русского языка. Причем особенно важным ученый считал четкое понимание терминов не только преподавателями, но и самими учащимися. На наш взгляд, такая «прозрачность» образовательного процесса и в сегодняшней практике преподавания РКИ может способствовать более результативному изучению языка. Опора на «Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)», составленный Э.Г. Азимовым и А.Н. Щукиным, значительно облегчит современным педагогам подачу языкового материала и анализ совершаемых обучаемыми ошибок непосредственно на занятиях.

Большой вклад внес Чистяков в описание учебного процесса как многоуровневой совместной деятельности преподавателя и учащихся. Для сегодняшней методики, призванной решать вопросы, связанные не просто с преподаванием языка как системы, а с интеграцией учащихся в межкультурную коммуникацию, являются особенно ценными размышления В.М. Чистякова о связи изучения языка с психологией (в частности, с национальными особенностями мышления) и некоторыми культуроведческими аспектами лингвистики.

Немалое значение Чистяков придавал и воспитательной функции русского языка. Важно, что ценностный аспект русского языка он предлагал учащимся постигать в процессе чтения русской классической литературы. Языковой материал, рассматриваемый и анализируемый непосредственно в художественном тексте, ученый рекомендовал разбирать с точки зрения грамматики и затем использовать в качестве образца речевого акта. Такой ценностный, так называемый «аксиологический» подход к русскому языку как не просто к «инструменту» общения, а способу познания одной из главной ценностей русского народа, способу приобщения к русской культуре сегодня является одним из ведущих в практике преподавания русского языка и русского как иностранного: аксиологическая лингвометодика – одно из главных направлений, разрабатываемых кафедрой методики преподавания русского языка МПГУ [2].

В своих трудах Чистяков предлагает алгоритм лексической работы на занятиях, который предусматривает не только количественное расширение словарного запаса учащихся (запись новых слов, группирование их по темам, работа с синонимами и антонимами и пр.), но и его качественное расширение, формирующее у учащихся понимание, как новая лексема сочетается с другими, как

функционирует в различных речевых ситуациях, какова ее коннотативная окраска. Такой подход к введению новых слов отражает и сегодняшнюю нацеленность преподавания РКИ на формирование вторичной языковой личности учащихся, т. е. готовой к межкультурной коммуникации личности, способной не просто поделиться информацией на изучаемом языке или усвоить ее, а самовыразиться через изучаемый язык.

Сегодня не оставляет сомнения необходимость обучения студентов самостоятельно выстроенной монологической речи, которая характеризуется логической и смысловой связностью. Чистяков еще в первой половине XX в. в пособиях, адресованных преподавателям русского языка, подчеркивал важность обучения продуктивным формам речи, утверждая, что именно умение построить новое цельное высказывание и определяет степень владения языком. В работе «О содержании преподавания русского языка» ученый не единожды пишет о важности речевых упражнений, направленных на составление самостоятельного устного и письменного текста.

Что касается грамматики, то Василий Матвеевич являлся одним из зачинателей системного подхода в обучении русскому языку [3]. В работе «О методах преподавания грамматики русского языка в нерусских школах» методист пишет: «Практическая роль преподавания грамматики… предполагает тесную ее связь с лексикой». Ученый большую роль отводит наблюдению за изучаемыми грамматическими явлениями в разных контекстах и последующему после объяснения преподавателя переводу предложений, содержащих данное грамматическое явление, с родного языка на русский. Помимо лексики, ученый проводит связь между грамматикой и стилистикой русского языка, предлагая упражнения особого типа, назначение которых – фор-

мирование практически уместного применения знаний в конкретных языковых ситуациях. Таким образом, согласно взглядам Чистякова, грамматика является не прямой целью преподавания русского языка, а только средством преподавания, решающим задачу формирования коммуникативной компетенции у обучающихся.

Выдающийся ученый В.М. Чистяков во многом опередил свое время, предлагая инновационные приемы изучения русского языка и формулируя принципы обучения, актуальные и сегодня. Нацеленность на формирование коммуникативной компетенции, приверженность системному подходу в преподавании русского языка, освещение его ценностного значения – те направления в работах Василия Матвеевича, которые являются базой для современной лингвометодики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гилажиева Ф.А.* Педагогическое наследие В.М. Чистякова и его отражение в теории и практике преподавания русского языка нерусским: Автореферат дисс. … канд. пед. наук: 13.00.01. Казань, 1999.

2. *Дейкина А.Д.* Аксиологическая методика преподавания русского языка: Монография. М.: МПГУ, 2019. 212 с.

3. *Чистяков В.М.* Справочники по русской грамматике: В помощь заочникам педагогических училищ (нерусских). М.: Наркомпрос РСФСР, 1937.

4. *Чистяков В.М.* Учебник русского языка: Для узбекской средней школы: В 2 ч. Ташкент, 1933 (др. изд.: 1934, 1939).

5. *Чистяков В.М.* Основы методики русского языка в нерусских школах: Пособие для учителей. М.: Учпедгиз, 1941.

6. *Янченко В.Д.* Уроки Чистякова (К 125-летию со дня рождения ученого) // Русский язык в школе. 2015. № 5. С. 37–41.

О.А. Волошина
МГУ имени М.В. Ломоносова

«Морфологическая артикуляция» как форма человеческого языка (к 175-летию со дня рождения И.А. Бодуэна де Куртенэ)

O.A. Voloshina
Lomonosov Moscow State University

"Morphological Articulation" as a Form of Human Language (on I.A. Baudouin de Courtenay 175th Anniversary)

Научное творчество Яна Ингаци Бодуэна де Куртенэ разнообразно и не вписывается ни в одно направление развития науки о языке, потому что значительно превосходит любую научную школу тематикой работ, масштабом поставленных задач и предложенных решений. Трудно назвать область лингвистических исследований, которую Бодуэн де Куртенэ оставил без внимания: знаменательны его работы по фонетике и фонологии, по истории языкознания и теории языка, по диалектологии[1] и дет-

[1] Бодуэн де Куртенэ активно разрабатывал методы полевых исследований: транскрипции речи информантов, описания и структурирования полученного материала, картографирования языковых явлений и т. п. Показательно, что диссертацию «Опыт фонетики резьянских говоров» Бодуэн де Куртенэ защитил на диалектном материале.

ской речи[1], пионерские наблюдения над психической и социальной природой языка и др. Широта научного кругозора Бодуэна поистине поражает. Не случайно его ученики, работавшие в самых разных областях науки о языке, развивавшие самые разные темы, могли всегда сослаться на своего учителя как на пионера исследуемой темы – In initio erat Бодуэн де Куртенэ.

В предлагаемой работе рассматривается одно важнейшее положение Бодуэна-теоретика: членение языковой структуры на значимые элементы – морфемы. Во-первых, речь сегментируется на единицы, из которых могут создаваться новые сложные синтагмы в новых комбинациях. Во-вторых, эти сегменты имеют значение, вот почему важнейшей единицей языковой системы является не звук, не слог, а морфема – минимальная значимая единица языка. Значение (семантика) пронизывает всю языковую структуру, является важнейшим организующим принципом языковой формы.

Именно поэтому для Бодуэна морфема (или слово) членится не на звуки, а на фонемы – единицы, обладающие смыслоразличительной функцией, работающие на смыслоразличение. Важнейшая способность языковой формы разлагаться на значимые единицы и создает человеческий язык, способствует «человечению языка». Бодуэн пишет: «Структурность языка, форма языка, так сказать морфологическая артикуляция, состоящая в членении предложения на слова, слов же – на значащие части, совершенно чужда

[1] Бодуэн записывал речь своих многочисленных детей и внуков, оставив в архиве более 400 тетрадок с описанием фактов детского словотворчества и наблюдений над детской речью. В речи детей Бодуэн видел ту стихию языкового творчества, которую пытался запечатлеть и объяснить в своих работах.

животным, чужда свойственным им неделимым звуковым проявлениям[1].

Организация ранее неоформленной субстанции звуковых проявлений с помощью собственно языковой формы была важнейшим шагом на пути человечения языка» [Бодуэн 1963: 263].

Нечленораздельные звуковые сигналы, которые используют животные в коммуникации, не предполагают сегментации на единицы, а человеческий язык оперирует исходными единицами, комбинации которых выражают самые разные смыслы. Однако для Бодуэна важно, что единицы, на которые членится человеческая речь, обладают значением. Человеческий язык – это «обширное царство значений, свойственных словам, т. е. ассоциируемых с представлениями звуков и артикуляций» [Бодуэн 1963: 260–261]. «Во всех частях и частицах языка, как бы много физического мы в нем ни находили, пульсирует и может пульсировать лишь чисто психическая жизнь» [Бодуэн 1963: 260]. Попытка обнаружить в функционировании языка психическую и социальную природу отличала теорию языка Бодуэна от воззрений его современников. Как известно, стремление включить языкознание в состав более крупной науки (гуманитарной или естественной), порождало в языкознании XIX в. самые разные направления и научные парадигмы. Рассмотрение языкознания в составе филологии оправданно вызывало критику передовых теоретиков языкознания. В частности, А. Шлейхер считал противо-

[1] Бодуэн очень внимательно относился к научной терминологии, выступал с предложениями упорядочить, структурировать лингвистическую терминологию. Бодуэн ввел в науку о языке несколько важнейших терминов, таких как *фонема*, *морфема* и др. Любопытно, что, называя членораздельный характер человеческой речи *морфологической артикуляцией*, он подчеркивал способность единиц языка сегментироваться (артикулироваться от лат. articulo ‘расчленяю’) на морфемы – значимые элементы языковой формы.

поставление языкознания (глоттики) и филологии самой важной своей заслугой как ученого. А Шлейхер предлагал рассматривать языкознание в составе естественных наук, используя в лингвистике терминологию и методологию самой передовой науки середины XIX в. – биологии. Бодуэн же уверен в психологической и социальной природе языка, которую можно изучать только в контексте антропоцентрических наук.

Не случайно термина *звук* Бодуэну недостаточно: «Пока мы имеем дело с преходящим говорением и слушанием, нам достаточно термина *звук*, обозначающего простейшую фонационную, или произносительную, единицу, вызывающую единое акустическо-фонетическое впечатление. Но если мы встанем на почву действительности языка, существующего в своей непрерывности только психически, только как мир представлений, нам уже не будет достаточно понятия *звука*, и мы будем искать другого термина, могущего обозначить психический эквивалент звука. Именно таким термином и является термин *фонема*» [Бодуэн 1963: 351].

Звук характеризуется артикуляционно-акустическими признаками, но не все признаки звука будут одинаково важны для носителей языка. Некоторые признаки оказываются чрезвычайно важными для смыслоразличения: например, твердость или мягкость согласных русского языка (*ко**н** – ко**нь**, пло**т** – пло**ть**, **л**ук – **л**юк* и др.) или звонкость и глухость согласных (***д**ом – **т**ом, ко**с**а – ко**з**а* и др.). Однако другие признаки звука не будут существенными, их изменение воспринимается говорящими и слушающими лишь как незначительный оттенок звука. Например, можно произносить смычные согласные с придыханием, однако это не будет существенным для носителей русского языка, ведь придыхательность / непридыхательность не является смыслоразличительным признаком русских согласных.

Таким образом, с точки зрения способности работать на смыслоразличение признаки звуков будут различаться для носителей русского языка.

Все единицы языка работают на выражение значения, однако сами звуки не обладают значением, они лишь выполняют смыслоразличительную функцию, т.е. от них зависит значение более крупных единиц языка – морфем и слов. По Бодуэну, звучащая речь членится не на звуки незначимые единицы языка, а на фонемы – единицы, которые осмысляются в сознании говорящих, работают на выражение значения в составе более крупной единицы – морфемы и слова. Фонемы выделяются в языке при рассмотрении «звуков с морфологической, психической точки зрения», когда исследуется «их значение в механизме языка, для чутья народа» [Бодуэн 1963: 81]. Очевидно, что фонема противопоставляется звуку с точки зрения психологического (по Бодуэну, морфологического) подхода к языку, с точки зрения выражаемых значений. Фонема, таким образом, соединяет два уровня языковой системы: фонетический и морфологический. Фонема работает лишь в составе морфологии, а морфология для Бодуэна – это сама структура языка, организация языковых форм, обеспечивающая работу языкового механизма.

Морфема оказывается для Бодуэна языковой единицей, структурирующей язык. На базе морфемы как минимальной значимой единицы языка выстраивается и языковая форма (словообразование и словоизменение) и семантика (минимальная значимая единица и семантические комплексы). Именно морфема оказывается исходной единицей – «клеткой» языкового организма: как клетка может делиться, порождая к жизни организм, так и морфема является исходной единицей формирования многочисленных языковых структур. Вот как писал Михаил Панов о значении морфемы в языковой теории:

Оказалось:
клетка живая.
Из нее можно вырастить:
овес, белку, носорога, стрекозу, человека.
Вот так-то и в слове нашел Бодуэн живое:
морфему.
Растет в ней мысль.
Напрягает вокруг себя
думательное поле.
И тянет к себе и влечет:
в себя; в слово; в мысль.
О морфеме
первый стал думать Бодуэн
[Панов 2001: 39].

Значение морфемы, ее способность создавать вокруг себя «думательное поле» переводит языкознание в разряд антропоцентрических наук о психических процессах и ментальной деятельности человека. Для Бодуэна важно, что морфема – часть слова, «обладающая самостоятельной психической жизнью и далее неделимая с этой точки зрения (то есть с точки зрения самостоятельной психической жизни)» [Бодуэн 1963: 272]. Осознание места морфемы в языковой структуре и функции морфемы в языковом механизме привело Бодуэна к пониманию психической и социальной природы языка: «Так как основа языка является чисто психической, центрально-мозговой, то, следовательно, языкознание относится к психологическим наукам. Но так как язык может реализоваться только в обществе и так как психическое развитие человека вообще возможно только в общении с другими людьми, следовательно, мы имеем право сказать, что языкознание – наука психологично-социологическая» [Бодуэн 1963: 217].

Таким образом, членимость языковой синтагмы на морфемы, в терминологии Бодуэна – *морфологическая артикуляция*, с одной стороны, является важнейшим структу-

рообразующим свойством человеческого языка, а с другой стороны, семантика морфемы, способность оперировать разнообразными значениями позволяет языковым формам отражать самое разнообразное содержание, выполнять коммуникативную, когнитивную, эмотивную и др. функции. Морфема, поставленная Бодуэном в центр языковой системы, позволила рассматривать лингвистику в контексте новых направлений в мировой науке – структурализма, психологии, социологии и когнитивистики.

ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Панов М.В. Олени навстречу. Вторая книга стихов. М., 2001.

Е.М. Захарова
МГУ имени М.В. Ломоносова, ИМЛИ имени А.М. Горького РАН

165 лет со дня рождения И.Ф. Анненского: научная и творческая рецепция

E.M. Zakharova
Lomonosov Moscow State University, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

165 years since the Birth of I.F. Annensky: Scientific and Creative Reception

В 1992 г. американский литературовед-компаративист Р. Уэллек предложил классификацию всех направлений русской литературной критики: были выделены дидакти-

ческая, органическая, символистская и формальная[1] группы. В исследованиях, посвященных текущей литературной ситуации, данная типология распространяется и на XX–XXI вв.[2] Такой подход обеспечивается тем, что сами критики подчеркивают свою приверженность традициям минувших эпох. Так, например, Л.А. Аннинский, признавая в роли учителей Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, М.О. Гершензона, Н.А. Бердяева, в своем творчестве опирается на предложенные символистами методы и приемы[3]. Одной из фигур, чье влияние также распространяется далеко за рамки своего времени, является Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909).

Выступая прежде всего как литератор, Анненский в конце жизни опубликовал двухтомное собрание литературно-критических статей «Книга отражений». Директор мужской Царскосельской гимназии, переводчик, драматург и поэт, он занимался кроме того изучением греческих трагедий, французских символистов и педагогическими вопросами.

Широкую известность, пришедшую посмертно, Анненскому принесли поэтические сборники «Тихие песни» (1904) и «Кипарисовый ларец» (1910). В настоящее время исследователи обращаются к разнообразному в жанровом отношении творческому наследию литератора. В 2009 г. в честь юбилейных празднований со дня рождения писателя в Литературном институте имени А.М. Горького проводились научно-литературные чтения, по итогам которых издан сборник статей и материалов. 160-летие Анненского также было отмечено проведением Всероссийской научной конференции с международным участием в ИРЛИ

[1] *Wellek R.* The Essential Characteristics of Russian Literary Criticism // Comparative Literature Studies. 1992. Vol. 29. № 2. P. 115–140.

[2] *Менцель Б.* Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. СПб.: 2006. С. 64–77.

[3] Там же. С. 58.

РАН (Пушкинский Дом). Свидетельством поддерживаемого интереса к биографическому пути и трудам Анненского служат в том числе и регулярно обновляемые электронные ресурсы: «Мир Иннокентия Анненского» (http://annensky.lib.ru/index.htm) – открытое цифровое собрание текстов Анненского и материалов о нем, а также персональный сайт (http://annenskiy.lit-info.ru/).

Пополняющийся на протяжении более ста лет корпус литературоведческих работ о поэтических, переводных, критических текстах Анненского позволяет предложить типологию самых распространенных направлений исследования.

В фокусе внимания наиболее объемного круга монографий и статей находится поэтическое и драматургическое творчество. В книге «Тихие песни» (1904), а также посмертно изданных сборниках «Кипарисовый ларец» (1910) и «Посмертные стихи», выявляют черты импрессионизма[1] и экзистенциализма[2]. Парадоксален тот факт, что влияние самого Анненского-поэта уже после его смерти на себе испытали акмеисты.

Взгляд на библиографию работ, посвященных Анненскому, не оставит незамеченным то обстоятельство, что значимая доля внимания исследователей направлена на жизнеописание и выявление подробностей биографического пути автора[3].

---

[1] *Никонов В.А.* Анненский // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. Т. 1: Аарне–Гаврилов. М., 1962. Стб. 237.

[2] *Спивак Р.С.* И. Анненский-лирик как русский экзистенциалист // Иннокентий Федорович Анненский, 1855–1909: материалы и исследования: по итогам международных научно-литературных чтений, посвященных 150-летию со дня рождения И.Ф. Анненского М., 2009. С. 57–66.

[3] *Федоров А.В.* Иннокентий Анненский. Личность и творчество. Л., 1984; Иннокентий Анненский глазами современников // К 300-летию Царского Села: Сб. СПб., 2011; *Экштут. С.* Красные когти Судьбы: Иннокентий Анненский в коридоре эпохи. М., 2017.

Наименее разработанным следует признать вопрос, хотя и начавшийся со статьи Н. Гумилева в 1909 г., о специфике литературно-критического пути Анненского[1].

Заявленная типология позволяет предположить, что среди проблем, требующих внимания со стороны литературоведов, одной из наиболее острых является критическая деятельность Анненского. Поиск ответа на вопрос о том, какое влияние она оказалась на последующую критическую традицию, может стать инструментом для анализа «Книги отражений».

Сопоставительный анализ литературно-критических систем не только выявляет сходства и различия, но и открывает возможности для выводов относительно методологических закономерностей, а также избираемых авторами приемов. Примером может служить предложенное в монографии «История русской литературной критики» сравнение «филологической критики» Ирины Бенционовны Роднянской (род. в 1935 г.) с эстетическим направлением Серебряного века, а именно с традициями Анненского[2].

Более пристальный взгляд на совокупность литературно-критических работ Анненского и формы их творческой рецепции позволит обнаружить сущность воздействия на конкретных авторов, жанровые формы, в том числе книги статей. Первая и вторая книги являются примером того, как разнородные очерки, написанные и опубликованные на страницах газет и журналов в разное время, благодаря воле автора обретают вторую жизнь под одной обложкой, получая статус структурно-семантического единства. Более пристальный взгляд на совокупность литературно-крити-

[1] См. напр.: *Пономарева Г.М.* Критическая проза И.Ф. Анненского (проблемы генезиса): Автореферат дисс.... канд. филол. наук. Тарту, 1986.

[2] История русской литературной критики: Учеб. для вузов / В.В. Прозоров, О.О. Милованова, Е.Г. Елина и др.; под ред. В.В. Прозорова. М., 2002. С. 345.

ческих работ Анненского и формы их журнального осмысления, а также научной и творческой рецепции позволит обнаружить сущность воздействия критика на поэтику и методологию конкретных авторов, а также определенные жанровые формы, в том числе книги статей. Анализ прижизненных журнальных рецензий в совокупности с работами литературоведов более позднего периода обнаруживает тенденцию взгляда на «Книги отражений» в качестве структурно-семантического единства, связанного благодаря комплексу внутренних и внешних компонентов[1].

ЛИТЕРАТУРА

Wellek R. The Essential Characteristics of Russian Literary Criticism // Comparative Literature Studies. 1992. Vol. 29. № 2. P. 115–140.

Иннокентий Анненский глазами современников / К 300-летию Царского Села: Сборник / Сост., подг. текста Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой, М.А. Выграненко; вступит. ст. Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой; коммент. Л.Г. Кихней, Г.Н. Шелогуровой, М.А. Выграненко. СПб., 2011.

История русской литературной критики: Учеб. для вузов / В.В. Прозоров, О.О. Милованова, Е.Г. Елина и др.; под ред. В.В. Прозорова. М., 2002.

Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. СПб., 2006.

Никонов В.А. Анненский // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. Т. 1: Аарне–Гаврилов. М.: Сов. энцикл., 1962. Стб. 237.

Пономарева Г.М. Критическая проза И.Ф. Анненского (проблемы генезиса): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1986.

Экштут С. Красные когти Судьбы: Иннокентий Анненский в коридоре эпохи. М.: Кучково поле. 2017.

[1] Работа выполнена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00003).

Спивак Р.С. И. Анненский-лирик как русский экзистенциалист // Иннокентий Федорович Анненский, 1855–1909: материалы и исследования : по итогам международных научно-литературных чтений, посвященных 150-летию со дня рождения И.Ф. нненского / Лит. ин-т им. А.М. Горького. М., 2009. С. 57–66.

Федоров А.В. Иннокентий Анненский. Личность и творчество: Монография. Л.: Художественная литература, 1984. 255 с.

В.В. Каверина
МГУ имени М.В. Ломоносова

Феномен Д.Э. Розенталя: правописание конструкций с союзом *как*

V.V. Kaverina
Lomonosov Moscow State University

Phenomenon D.E. Rosenthal: Spelling Constructions with Union *как*

Какими справочниками по русскому языку пользовались до появления сайта gramota.ru? Помнил ли кто, кроме специалистов, в последние два-три десятилетия XX в. о «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г.? О том, что это единственный принятый на государственном уровне свод правил? Нет! А какие своды правил стояли на полках школьников и учителей, издательств и школьных библиотек? Правильно, это были книги Д.Э. Розенталя, в первую очередь «Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати». И правила в этих книгах

заметно отличались от принятых Академией наук СССР и двумя министерствами в 1956 г. А хорошо это или плохо?

Думается, подмена свода, составленного солидным коллективом авторов и узаконенного правительственными учреждениями, справочником одного, и не очень маститого, автора, безусловно, необоснованна. Но, может быть, эта книга настолько хороша, что достойна заменить государственный свод правил?

Обратимся к одному из самых востребованных мест справочника Розенталя – правилу правописания конструкций с союзом *как.* В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. сказано очень лаконично: «Запятыми выделяются сравнительные обороты, начинающиеся союзами: *как, словно, точно, будто (как будто), что, как и, чем, нежели*… Сравнительные обороты, ставшие устойчивыми оборотами речи, запятыми не выделяются, например: *Молодые супруги были счастливы, и жизнь их текла как по маслу* [Правила 1956: 85]. К правилу сделано 3 примечания: о конструкциях *не кто иной, как* и *не что иное, как*; о «составных сказуемых, присоединяемых посредством союзов: *как, словно, точно, будто* и т. п.» и об отсутствии запятой «перед *как* и *чем* в оборотах *не более как, (не) раньше чем, (не) больше чем* и т. п., если они употребляются не при сравнении» [Правила 1956: 85–86].

Однако все мы помним, что пунктуация при сравнительных оборотах очень сложная и регулируется не одним пунктом правил. Но в своде 1956 г. этого нет. Зато есть в справочнике Розенталя. Правило здесь начинается так: «Запятыми выделяются или отделяются сравнительные обороты, начинающиеся союзом *как*» [Розенталь 1970: 128]. С самого начала здесь обнаруживается неточность, ведь далее говорится обо всех случаях употребления конструкций с союзом *как*, часть которых не является сравни-

тельными оборотами. Так, в п. 4 описаны ситуации, когда «оборот выражается сочетанием *как правило, как исключение, как обычно, как всегда, как прежде, как сейчас, как теперь, как нарочно* и т. п. (некоторые из них имеют характер вводных слов)» [Розенталь 1970: 129]. Не являются сравнительными оборотами также рассмотренные в п. 5 конструкции на «*не кто иной, как и не что иное, как*, например: *Спереди Рейнский водопад не что иное, как невысокий водяной уступ* (Жуковский); *На мгновенье ему показалось даже, что это не кто иной, как Валько, мог дать Володе Осьмухину такое задание* (Фадеев)» [Розенталь 1970: 129]. В приведенных примерах данные структуры входят в состав сказуемого и подлежащего, что вообще наиболее для них характерно.

Другие три пункта описывают сравнительные обороты, которые зачем-то разделены на три вида по неравнозначным признакам: «1) если они обозначают, уподобление, без других оттенков значения (*как* имеет значение «подобно»)… 2) если в основной части предложения имеется указательное слово *так, такой, тот, столь*… 3) если оборот начинается сочетанием *как и*…» [Розенталь 1970: 128–129]. Кроме того, в п. 2 представлены скорее придаточные предложения: «например: *Ямщик был в таком же изумлении от его щедрости, как и сам француз от предложения Дубровского* (Пушкин); *Нигде при взаимной встрече не раскланиваются так благородно и непринужденно, как на Невском проспекте* (Гоголь)…» [Розенталь 1970: 128–129]

Еще более спорным является правило, когда «Обороты с союзом *как* не выделяются запятыми». Крайне сомнительны критерии п. 1 – «если на первый план в обороте выступает значение обстоятельства образа действия»; если отвечает «на вопрос *как?*»; «обычно такие обороты можно заменить творительным падежом существительного или

наречием, например: *Как град посыпалась картечь* (Лермонтов) (ср.: *посыпалась градом*)… *Как демон коварна и зла* (Лермонтов) (ср.: *демонически коварна*)» [Розенталь 1970: 129]. Приведенные примеры ничем не отличаются от иллюстрации к п. 1 предыдущего правила, где запятая необходима: «*Как чайка, парус там белеет в высоте* (Фет)». Точно так же сравнительный оборот отвечает на вопрос *как?*, и его можно заменить творительным падежом: *белеет чайкой*.

Непонятно разграничение пп. 2 и 3. В п. 2 описаны случаи, «если основное значение оборота – приравнивание или отождествление, например: ...*Ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей*... (Лермонтов) (ср.: ...*любил меня, считая своей собственностью*)» [Розенталь 1970: 129]. От таких случаев трудно отличить те, в которых «союз *как* имеет значение “в качестве” или оборот с союзом *как* (приложение) характеризует предмет с какой-либо одной стороны» [Розенталь 1970: 129]. Пример «*Богат, хорош собою, Ленский везде был принят как жених* (Пушкин)» вполне можно трактовать и с помощью п. 2 – в значении «приравнивания или отождествления».

Не вызывает сомнения отсутствие запятой в п. 4 – «если оборот образует именную часть составной сказуемого… или по смыслу тесно связан со сказуемым (обычно в этих случаях сказуемое не имеет законченного смысла без сравнительного оборота), например: *Одни как изумруд, другие как коралл* (Крылов)» [Розенталь 1970: 130]. Однако отнесение данных конструкций к сравнительным оборотам неправомочно.

Не являются сравнительными оборотами, т. е. выражают не сравнение, а скорее отождествление (п. 2), конструкции из п. 5: «*Я воспитал в себе это чувство праздника не как отдыха и просто средства для дальнейшей борьбы, а как*

желанной цели, завершения высшего творчества жизни (Пришвин); *Он [Андрей Белый] отдавался языку именно как шаман, отдающийся самовозбуждению* (Федин)» [Розенталь 1970: 130]. А описаны они правилом: «если сравнительному обороту предшествует отрицание *не* или слова *совсем, совершенно, почти, вроде, точь-в-точь, именно, прямо, просто* и т. п.» [Розенталь 1970: 130].

В п. 6 представлено правило о необособлении устойчивых сочетаний, список которых небесспорен начиная с первого, очень известного примера «*У льва как гору с плеч свалило* (Крылов)», в котором нет сравнительного оборота, а конструкция с союзом *как* входит в состав главного члена односоставного предложения. То же находим в конструкциях: «*болезнь как рукой сняло*», «*ему все как с гуся вода*», «*поминай как звали*». Кроме того, не все из приведенных большим списком устойчивых сочетаний можно уверенно признать таковыми, как то: *блестит как зеркало*, *бросился как безумный, глядел как волк, далек как небо от земли, дрожал как в лихорадке, качается как пьяный, темно как ночью* [Розенталь 1970: 130–131]. Вообще, критерии устойчивости сочетаний непонятны и не определены в данном издании. Многие другие конструкции не являются сравнительными оборотами, а тесно связаны со сказуемым или даже входят в него: *расти как грибы после дождя, свалился как снег на голову, сидел как на иголках, сидел как на угольях, повторял как в бреду, слушал как завороженный, смотрел как зачарованный, спал как убитый, чувствовать себя как дома, шел как на казнь* [Розенталь 1970: 130–131].

Даже этот краткий анализ показывает, насколько противоречивы и несовершенны правила в книге Розенталя, выдержавшей множество переизданий с 1967 г. до наших дней. Тем более необъяснима популярность данного справочника, что с 1949 г. существует другое руководство в

помощь редакторам и корректорам – «Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати» К.И. Былинского, Н.Н. Никольского. После выхода правил 1956 г. справочник был приведен в соответствие с государственным сводом. На наш взгляд, эта работа гораздо удачнее широко известной книги Розенталя. Покажем это на примере рассматриваемого правила.

Во-первых, интересующий нас раздел называется абсолютно корректно: «XXII. СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ, НАЧИНАЮЩИЕСЯ С “КАК”». Здесь в одном месте описаны все случаи употребления союза *как*: при однородных членах, вводных словах, придаточных предложениях и сравнительных оборотах. В двух пунктах изложены условия, при которых запятая не ставится: «6. Не ставится запятая перед *как* в обороте, близком по значению к именной части составного сказуемого или к обстоятельству образа действия, а также в сравнениях, ставших застывшими оборотами: *хлеб сделался как камень; белый как снег / побледнел как смерть; полетел как стрела; упал как подкошенный; упал как сноп / льет как из ведра / мечется как угорелый; вертится как белка в колесе / все идет как по маслу; крепок как дуб; здоров как бык / свеж как огурчик\ встретились как ни в чем не бывало; сделать как следует\ отвечать как попало / поступайте как угодно* и др. 7. Не выделяется запятыми оборот с союзом *как*, если он близок по смыслу к выражению со словами *в качестве* или *с такой-то стороны*: *Героическая оборона Севастополя войдет в историю Великой Отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких ее страниц. Докладчик охарактеризовал его как лучшего нашего художника. Это молчание можно истолковать как признание всех уличающих фактов. Д понял его заявление как отказ от данного им обещания. Ваши требования рассматри-*

ваются как чрезмерные. Тов. Петров известен на заводе как лучший мастер по отливке деталей. Мы приняли эти слова как похвалу» [Былинский, Никольский 1970: 134].

Впрочем, и данный справочник не лишен недостатков. Именно здесь дается один из самых спорных пунктов правила: «Приложения с союзом *как* выделяются запятыми, если имеют значение причины: *Вести поезд назначили тов. Казакова, как лучшего машиниста дороги* (так как он лучший машинист). *За советом мы обратились к мастеру Петрову, как лучшему знатоку отливки деталей* (так как он лучший знаток). *Тов. Шмелеву, как не члену профсоюза, отказали в его просьбе* (так как он не член профсоюза). *А.М. Горький, как гениальный художник, пользуется мировой славой* (так как он гениальный художник). Если же приложение имеет значение “в качестве”, то запятыми не выделяется: Лев Толстой как художник гениален (в качестве художника). С А.М. Горьким как писателем я познакомился уже давно (в качестве писателя)» [Былинский, Никольский 1970: 134]. Однако это уже тема другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Былинский К.И., Никольский Н.Н. Справочник по правописанию и пунктуации для работников печати. М.: Издательство Московского университета, 1970. 344 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. 176 с.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати. М.: Книга, 1971. 304 с.

В.М. Касьянова
МГУ имени М.В. Ломоносова

Книга, в которой отразились два века русской литературы (к 120-летию со дня рождения Д.Э. Розенталя)

V.M. Kasyanova
Lomonosov Moscow State University

The Book, which Reflected Two Centuries of Russian Literature (to the 120th birthday of D.E. Rosenthal)

24 февраля 2020 года исполнилось 120 лет со дня рождения российского языковеда Д.Э. Розенталя (1900–1994). Это имя можно отнести к разряду прецедентных: ведь те, кто 50–40–30–20 лет назад готовился к вступительным экзаменам по русскому языку и литературе, непременно слышали советы купить Розенталя, читать Розенталя, заниматься по Розенталю. Но вряд ли кто знал имя-отчество «главного грамотея страны» [1], а когда узнавал, удивлялся их необычности: Дитмар Эльяшевич. Не интересовались абитуриенты и историей жизни Розенталя, для которого русский язык был не родной. Позднее ученый, владевший двенадцатью европейскими языками, признавался: «говорю я по-русски, считаю по-польски, а эмоции мысленно выражаю по-итальянски» [1]. И мало кому известно, что

именно Дитмар Эльяшевич написал самый первый вузовский учебник итальянского.

Но главное дело его жизни – практическая стилистика русского языка, которой Д.Э. Розенталь (вместе с профессором К.И. Былинским) начал заниматься в 1950-е гг., и систематизация правил современного русского правописания. Розенталь – автор более 150 учебников, пособий, справочников, словарей, популярных книг, а также исследовательских работ по русскому языку, культуре речи, стилистике, правописанию, лингводидактике. Многие ученые имеют и больше научных трудов, однако Дитмару Эльяшевичу посчастливилось стать главным законодателем «высокой моды» в русском языке [2]. Пособия Д.Э. Розенталя, адресованные школьникам и абитуриентам, отличают выверенная до тонкостей систематизация правил, безупречное в плане логики их изложение, наличие указателей, помогающих быстро сориентироваться в книге. А еще иллюстрации – огромное количество примеров, позволяющих не только осмыслить теорию, но и погрузиться в мир русского слова. Сам Д.Э. Розенталь в интервью журналисту заметил: «Правила существовали всегда, еще со времен Ломоносова. Мне же досталась самая черновая работа: отыскать источники, выбрать, добавить, систематизировать, подобрать примеры» [1].

Какие же примеры, иллюстрирующие правила русского языка, приводит в своих пособиях Д.Э. Розенталь? Конечно, сравнивая его книги с современными, можно заметить определенное количество примеров, имеющих социально-политическую окрашенность, что объясняется ситуацией в области образования в 50–60-е гг. Розенталь не скрывал: «Я обязан был использовать идеологические примеры. Примерно 30% лексики должны были быть определенной направленности, и цензор за этим строго следил» [1]. Но не эти приме-

ры составляют ядро его книг, основной массив – многочисленные цитаты из великой русской литературы XIX–XX вв.

В своих пособиях для юношества Д.Э. Розенталь показывает во всем великолепии «великий и могучий, правдивый и свободный» русский язык – язык, который, по мнению М.В. Ломоносова, «велик пред всеми в Европе», язык, который боготворил А.С. Пушкин, считая его «первым училищем для юной души». Перед учащимися развертывается удивительный мир не только русского языка, но и русской литературы. Старшеклассники учатся вдумчиво читать, погружаться в язык, открывать для себя тайны слова. Дитмар Эльяшевич Розенталь сумел удивительным образом соединить мир русского языка и мир литературы, образовав новый мир – мир русской словесности, постижение которого и формирует настоящую грамотность.

Анализ иллюстративного материала, представленного в книге «Русский язык: Учебное пособие для школьников старших классов и поступающих в вузы» [3], впервые опубликованной еще в 1975 г., позволяет увидеть много интересного. Вот лишь краткая статистика. В пособии использовано почти 2 500 цитат из произведений 144 авторов, причем большая их часть – классики, именами которых мы гордимся. Первое место по цитируемости делят И.С. Тургенев и А.С. Пушкин (более 250 цитат каждый), далее следуют не менее известные литераторы XIX и XX вв., чьи произведения стали хрестоматийными: М. Горький, А.П. Чехов, Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, И.А. Крылов, М.А. Шолохов, А.А. Фадеев, С.Т. Аксаков, Н.А. Некрасов, К.Г. Паустовский, М.М. Пришвин, В.Г. Короленко, А.И. Куприн, Н.А. Островский, В.П. Катаев, К.А. Федин, И.А. Гончаров, А.Н. Толстой, А.С. Грибоедов. Возможно, кто-то с иронией отзовется о таких писателях, как А.А. Фадеев и К.А. Федин, о ведь нельзя закрыть глаза ни на эпоху, когда создавалось данное пособие,

ни на школьную программу того времени. Тем не менее около 1 800 цитат из произведений перечисленных авторов составляют более 70 % всего иллюстративного материала, который нужно осмыслить, проанализировать, переработать. Современные же школьники идут по более простой дороге: примеров мало, они короткие, невыразительные, часто придуманы составителями пособий, поэтому усилия и время на их восприятие минимальны (правда, и полученные в результате знания также минимальны).

Есть и «второй эшелон», включающий имена Д. Фурманова, А. Гайдара, Б. Полевого, И.А. Бунина, Ф.И. Тютчева, В.Я. Брюсова, А.А. Блока, В.В. Маяковского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского, А.А. Фета и других писателей и поэтов. Есть немногочисленные, но яркие цитаты из А.Н. Островского, В.А. Жуковского, А.Т. Твардовского, Н.А. Заболоцкого, Н.С. Лескова и др. Да, критики могут упрекнуть автора в небольшом количестве примеров из поэзии А.А. Ахматовой (2 цитаты), в отсутствии стихотворных строк М.И. Цветаевой, в том, что ученикам не предоставлена возможность изучать правила русского языка, опираясь на цитаты из А.И. Солженицына. Нет и современных писателей, нет писателей зарубежных. Но всему этому можно найти объяснения, именно объяснения, а не оправдания, ибо в оправданиях великий труд Д.Э. Розенталя не нуждается.

Около 3 % иллюстративного материала составляют русские пословицы – яркие, пронизывающие, доходчивые, заставляющие по-новому посмотреть на мир вокруг: *Не отведав горького, не узнаешь сладкого / Конь вырвется – догонишь, а слова сказанного не воротишь / Пустая мельница и без ветра мелет / Ноги носят, а руки кормят* и др.

Задача «главного грамотея» заключалась в том, чтобы молодежь приобщилась к огромной стране под названием «русский язык». Красота русского языка и в его неповтори-

мой поэзии. Не случайно в пособии так много поэтических строк: это Пушкин (*Последняя туча рассеянной бури! Одна ты несешься по ясной лазури, одна ты наводишь унылую тень, одна ты печалишь ликующий день / Друзья мои, прекрасен наш союз! Он, как душа, неразделим и вечен* и др.), и Лермонтов (*Внизу Арагва и Кура по корням шепчущих кустов бежали дружно и легко / Мне было весело вдохнуть в мою измученную грудь ночную свежесть тех лесов*), это Фет (*С вечера всё спится, на дворе темно, лист сухой валится, ночью ветер злится да стучит в окно*) и Тютчев (*Смотри, как роща зеленеет, палящим солнцем облита, а в ней какою негой веет от каждой ветки и куста*), романтичный Жуковский (*Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?*) и поэт-трибун Маяковский (*Наше оружие наши песни. Наше золото звенящие голоса*). Розенталь словно приоткрывает перед учащимися дверь в новый, чудесный мир, показывая им нечто новое, пока еще неподвластное уму: *Есть целый мир в душе твоей таинственно волшебных дум* (Тютчев).

А знаменитые крыловские басни! Они оживают под пером «великого грамотея» и еще крепче входят в сознание учащегося, формируя тот самый национальный менталитет: *Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться? / Невежды судят точно так: в чем толку не поймут, то все у них пустяк*. Наверное, мало кто в ответ на вопрос о постановке тире в бессоюзном сложном предложении не вспомнит знаменитое крыловское: *Сыр выпал – с ним была плутовка такова*.

Удивительные по краткости и мудрости грибоедовские афоризмы также представлены на страницах данного пособия: *Свежо предание, а верится с трудом / У нас уж исстари ведется, что по отцу и сыну честь / Да! Злые языки страшнее пистолета* и др. Можно только изумляться, как актуальны они на протяжении более чем двухсот лет!

А цитаты из произведений И.С.Тургенева? Сколько прелести в описаниях русской природы, открывающих новые страницы языка вдумчивому ученику! *Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звезды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса*. Розенталь не боится использовать предложения с самыми разными лексическими единицами, в том числе диалектизмами и просторечиями – ведь все это русский национальный язык, которым должен владеть человек: *Мы поехали в лес, или, как у нас говорится, в «заказ» / Ермолай, шмыгая и переваливаясь, улепетывал верст пятьдесят в сутки*. Именно в таких примерах отражается «живость» русского языка, которая покоряла М.В. Ломоносова.

В предлагаемых для анализа предложениях встречаются архаизмы: *Вечор, ты помнишь, вьюга злилась* (Пушкин) / *Студент этот, по имени Михалевич, энтузиаст и стихотворец, искренне полюбил Лаврецкого* (Тургенев); есть и примеры высокой лексики: *Ты внемлешь грохоту громов, и гласу бури и валов, и крику сельских пастухов* (Пушкин).

Задача учителя-словесника состоит не только в том, чтобы отработать правила постановки знаков препинания. Главное – научить школьника вчитываться в Слово, понимать, что же хотел сказать автор. И в пособиях Розенталя оживает жизнь русского человека XIX в., такая далекая и зачастую уже непонятная современным школьникам: *«Женщина или девушка на велосипеде – это ужасно», – говорил Беликов / В селе не переводилась лихорадка и была топкая грязь* – это примеры из произведений Чехова. А вот Гоголь: *Какую-то особенную ветхость заметил Чичиков на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно, старо, многие крыши сквозили, как решето, на иных оставался только конёк вверху да жерди по сторонам в*

виде ребер. Целые картины русской жизни развертываются перед глазами современных школьников: *Вот уездный городок с деревянными кривыми домишками бесконечными заборами, купеческими необитаемыми каменными строениями* (Тургенев) / *Колесо чугунное вертится и гудит и ветром обдает* (Некрасов) / *Не удалось Артему устроить брата учеником в депо, моложе пятнадцати лет не брали* (Н. Островский). А представить то время часто нелегко, потому что забываются реалии: *Бричка бежит, а Егорушка видит всё одно и то же: небо, равнину, холмы* / *Тарантас взвизгнул, тронулся, колокольчики заплакали, бубенчики засмеялись* – два предложения из Чехова. Но понятна ли современным старшеклассникам разница между бричкой и тарантасом? Настоящий учитель-филолог, безусловно, обратит на это внимание. А вот еще иллюстрации: *В трех верстах от станции стало накрапывать* (Пушкин) / *Никто, исключая камердинера, не видел его ненапудренным* (Тургенев) / *Червонец был запачкан и в пыли* (Крылов) и др.

Большой ценностью обладают психологические наблюдения писателей-классиков: *Людей одиноких по натуре, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете немало* (Чехов) и др. И не устареют советы русского физиолога, лауреата Нобелевской премии И.П. Павлова: *Никогда не беритесь за последующее, не усвоив предыдущего*.

В пособии Розенталя находит отражение старая и новая история России: *Киселёв участвовал в войнах с Наполеоном, но ни разу не был не только ранен, но даже поцарапан* (Паустовский) / *Ходил Стенька Разин в Астрахань-город* (Пушкин) и др. А вот примеры истории новейшей, связанной с кровавыми войнами: *Они уже не только по обличью, а и по звуку различали свои и немецкие самолеты* (Фадеев) / *Где трава от росы и от крови сырая, где зрачки пулеметов свирепо глядят,*

в полный рост над окопом переднего края поднялся победитель-солдат (Сурков) и др. В любом случае в памяти долго будут жить слова Лермонтова: *Да, были люди в наше время.*

Нельзя не вернуться к тезису о том, что автор должен был ввести в пособие определенное количество идеологически правильных иллюстраций. И они есть, например: *Товарищ, товарищ! В труде и в бою храни беззаветно Отчизну свою* (Михалков) / *Я писать обязан по мандату долга* (Маяковский) / *Я сын трудового народа* (Катаев). Но разве должны эти постулаты забыться, разве есть право зачеркнуть подвиги наших прадедов?

Наконец, прекрасные описания русской природы. Возможно, увлекаясь сюжетом книги, школьники пропускали их. Но в процессе осмысления орфографических и пунктуационных норм волей-неволей приходится вчитываться в каждое слово. Сколько разнообразных тропов: метафор, эпитетов, сравнений – проходит перед учащимися! В этом и состоит реальное развитие речи, достичь которого можно, только если приучиться внимательно читать текст, наслаждаясь красотой литературно-художественного стиля: *Внизу, как зеркало стальное, синеют озера струи* (Тютчев) / *Вы проходите мимо дерева – оно не шелохнется, оно нежится* (Тургенев) / *Луна взошла сильно багровая и хмурая, точно больная* (Чехов) и др.

Дитмар Эльяшевич Розенталь всю свою долгую жизнь посвятил русскому языку, и его пособия навсегда останутся в золотом фонде методики преподавания русского языка, потому что их автору было понятно и близко убеждение русского писателя А.И. Куприна: «Язык – это история народа... это путь цивилизации и культуры... Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью».

И в наше непростое время хочется быть оптимистом и повторять вслед за Пушкиным: «Да здравствует солнце да скроется тьма!» – потому что союз филологов, учите-

лей-словесников и любителей русского языка, как душа, неразделим и вечен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самый главный грамотей. Профессор Розенталь: «Русский язык мне не родной» (Интервью МК): https://gailochka.livejournal.com/142469.html Gailochka

2. *Эллан Пасика* (Мельбурн) «Патологически грамотный» Розенталь: http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=2950

3. Русский язык: Учебное пособие для школьников старших классов и поступающих в вузы. М.: Оникс, Мир и Образование, 2010.

Н.В. Куфаева
Московский педагогический государственный университет

Уникальный вклад С.И. Абакумова в развитие методики преподавания русского языка (к 130-летию со дня рождения)

N.V. Kufaeva
Moscow State Pedagogical University

Unique Contribution of S.I. Abakumov to the Development of Russian Language Teaching Methods (to the 130th Anniversary of His Birth)

Выдающимся деятелем в области методики преподавания русского языка является ученый-методист, лингвист первой половины XX в. Сергей Иванович Абакумов. Научную деятельность видного представителя отечественной науки можно определить, как уникальный путь творческого, эрудированного и талантливого исследователя, оказавшего значи-

тельное влияние на развитие широкого перечня методических положений и решение многих научно-методических проблем. Сергей Иванович был ярким сторонником сохранения традиций народного образования, но при этом всегда был открыт для передовой практики преподавания русского языка, поэтому его идеи и научно-методические разработки обладают высоким исследовательским потенциалом, актуальностью и практическим значением даже в сегодняшние дни.

С.И. Абакумов родился 4 июня (23 мая по старому стилю) 1890 г. в городе Чебоксары в семье конторского служащего. Вскоре семья будущего слависта переехала в Казань, где и началась его педагогическая и научная деятельность. В 1908 г. Абакумов окончил Казанское первое Реальное училище и поступил на историко-филологический факультет Императорского Казанского университета. Уже тогда, в студенческие годы, Сергей Иванович проявил себя как человек пытливого ума, обладающий незаурядными исследовательскими способностями. В последний год обучения им было написано конкурсное сочинение «Богатырское слово в записке Буслаева и Барсова», за которое он получил золотую медаль[1].

Окончив университет с дипломом I степени, Абакумов всецело посвятил себя педагогическому делу (преподавал русский язык и литературу в гимназиях и школах Казани), однако научные изыскания не заставили себя долго ждать. Уже в 1913 г. юный педагог, став профессорским стипендиатом на кафедре русской литературы, издает свои первые результаты научного творчества в сфере литературоведения и преподавания литературы в школе. В казанском журнале «Вестник образования и воспитания» появились такие работы Абакумова, как «Несколько слов о Лермонтовской юбилейной литературе» (1914. № 10) и «Об отношении Державина к народной поэзии» (1916. № 5–6). В 1922 г. в

[1] *Янченко В.Д.* История в очерках о педагогах и методистах русского языка XX века: Монография. М.: Прометей, 2006. С. 187.

Казани вышло в свет издание Абакумова «Н.А. Добролюбов как сатирик».

В 1923 г. в жизни Абакумова начался новый этап, отразившийся на научной деятельности ученого: он переехал в Москву и полностью посвятил себя проблемам русского языка и методическим вопросам его преподавания в школе[1]. При этом научная работа Сергея Ивановича всегда основывалась на прочном практическом и долголетнем опыте обучения русскому языку в средней школе и в вузах. Научные интересы Абакумова отражены в трудах, которые были посвящены общим вопросам преподавания русского языка в школе, методике грамматики, орфографии и пунктуации, развитию речи учащихся, организации учебного процесса, школьным программам обучения русскому языку и школьному учебнику. Значимыми работами методиста-словесника считаются:

- Учебник русской грамматики: Опыт применения принципов научной грамматики к школьно-грамматической практике (1923);
- Творческое чтение: Опыт методики чтения художественных произведений в школах начального типа (1925);
- Знаки препинания: Пособие для шк. семилетки и для самообразования (1926);
- Рабочая книга по орфографии: Сборник материалов и задач для самостоят. орфограф. упражнений / С.И. Абакумов, В.Н. Клюев (1927);
- Как писать сочинения: Пособие для учащихся и для самообразования: С лит. образцами и практ. Упражнениями (1928);
- Как вести работу по развитию речи в начальной школе [Разработана С.И. Абакумовым, П.О. Афанасьевым] (1933);
- Сборник упражнений по правописанию: для неполной средней и средней школы: Утв. НКП РСФСР (1938);

[1] *Дейкина А.Д., Янченко В.Д.* История методики преподавания русского языка в биографических очерках: учебное пособие. М.: МПГУ, 2017. С. 152.

- Современный русский литературный язык: Допущено ВКВШ при СНК СССР в качестве учеб. пособия для пед. и учител. ин-тов (1942);
- Методика пунктуации / проф. С.И. Абакумов, чл.-кор. АПН РСФСР (1947) и многие другие.

Трудовая биография Абакумова также характеризуется своей многогранностью. С 1923 по 1930 г. Сергей Иванович преподавал русский язык и литературу на рабфаках Сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева и Московского государственного университета. Затем стал заведовать кафедрой русского языка заочного сектора Института хлебопечения (1930–1933). С 1933 г. до начала Великой Отечественной войны Сергей Иванович был доцентом МГПИ имени В.И. Ленина, а также вел научную работу в Московском областном пединституте. Во время войны он работал в Сталинградском педагогическом институте (1941–1942) и был заведующим кафедрой русского языка Монгольского университета в г. Улан-Баторе (1942–1943). В течение долгих лет, с 1930 по 1942 г., Сергей Иванович активно работал в составе коллективов по подготовке школьных программ по русскому языку. Он чувствовал острую необходимость достижения таких целей изучения русского языка в школе (которые до сих пор остаются актуальными), как: овладение учащимися нормами грамматически правильной и стилистически упорядоченной литературной речи, обогащение речи учащихся и развитие их речевых способностей, обучение их умению пользоваться богатствами русского языка.

В 1938 г. Абакумову была присвоена ученая степень кандидата филологических наук без защиты кандидатской диссертации. А в 1940 г. за исследование «Пунктуация в памятниках русской письменности XI–XVI вв.» он был удостоен ученой степени доктора филологических наук.

С 1944 по 1949 г. Абакумов являлся заведующим кафедрой русского языка МОПИ имени Н.К. Крупской, а также числился сотрудником НИИ методов обучения АПН

РСФСР. С 1945 по 1949 г. Абакумов был редактором журнала «Русский язык в школе» и старался на его страницах публиковать статьи, которые знакомили учителей с передовой практикой преподавания русского языка в школе.

Главную цель обучения русскому языку Сергей Иванович видел в представлении школьникам русского языка как целостной системы. В научных трудах он не раз указывал, на связь разделов русского языка, на важность преподнесения материала с учетом системных взаимоотношений между разделами родного языка (связь грамматики с орфографией и пунктуацией, морфологией и синтаксисом). При этом Абакумов считал, что главное назначение всех разделов русского языка заключается в передаче смысловой стороны речи. В одной из своих научных статей он отметил, что «все… занятия на уроках родного языка должны расцениваться только как вспомогательные средства для развития речи»[1]. Поэтому в методическом наследии Сергея Ивановича особое место занимают такие вопросы, как семантические признаки грамматических явлений, семантические основы в работе над орфографией и пунктуацией. В качестве важнейших упражнений по развитию речи и обучению лексике русского языка Сергей Иванович выделял словарную и грамматико-стилистическую работы, подразумевающие под собой объяснение функций языковых явлений с подбором синонимических замен.

Один из интересных и ценных подходов в обучении русскому языку, которому уделил внимание Абакумов, основывался на изучении фразеологических оборотов через их структуру и этимологический состав. Важность обучения школьников фразеологической системе языка методист-славист объяснял содержащимися в ней готовыми

[1] *Абакумов С.И.* Развитие речи учащихся // Бюллетень Казанского губернского отдела народного образования при губернском совете РК и КД. 1919. № 7–8. С. 27.

способами выражения мысли, что является безусловным фактором обогащения словаря обучающихся[1].

Научная деятельность Абакумова не ограничивалась школьным курсом русского языка. Также он уделял внимание проблемам обучения русскому языку в вузах и подготовке педагогических кадров. В его учебном пособии для педагогических и учительских институтов – «Современный русский литературный язык» (1942) – были подробно и систематизированно представлены все разделы программы обучения, а также дан краткий обзор истории грамматических учений. При этом в основу этого учебника были положены лекции автора, прочитанные им на факультетах русского языка и литературы МГПИ имени В.И. Ленина и МОПИ имени Н.К. Крупской. «Ясность изложения, простой язык книги, соответствие ее содержания программе, научность изложения материала и практическая его направленность создали пособию заслуженно хорошую репутацию как среди студенчества, так и среди преподавателей педвузов»[2].

Важно отметить, что С.И. Абакумов являлся поистине критически мыслящим человеком, оставившим заметный след как в лингвистической науке, так и в методике преподавания русского языка. Его жизненная стратегия, линия самостоятельной научной деятельности, способность в нужные моменты «плыть против течения» позволили ему решить многие вопросы и проблемы в научно-методической области знаний. Сергей Иванович ушел из жизни 7 мая 1949 г., наметив перспективные направления развития методики преподавания русского языка, которые на протяжении последующих десятилетий активно разрабатывались его коллегами и последователями научных воззрений.

---

[1] *Абакумов С.И.* Устойчивые сочетания слов // Русский язык в школе. 1936. №1. С. 14.

[2] *Янченко В.Д.* История в очерках о педагогах и методистах русского языка XX века: Монография. М.: Прометей, 2006. С. 188–189.

ЛИТЕРАТУРА

Абакумов С.И. Развитие речи учащихся // Бюллетень Казанского губернского отдела народного образования при губернском совете РК и КД. 1919. № 7–8.

Абакумов С.И. Устойчивые сочетания слов // Русский язык в школе. 1936. № 1.

Дейкина А.Д., Янченко В.Д. История методики преподавания русского языка в биографических очерках: учебное пособие. М.: МПГУ, 2017. 348 с.

Янченко В.Д. История в очерках о педагогах и методистах русского языка XX века: Монография. М.: Прометей, 2006. 327 с.

Н.В. Николенкова
МГУ имени М.В. Ломоносова

Я.К. Грот и его филологическое наследие в курсе истории русского литературного языка (к 135-летию принятия первых правил орфографии)

N.V. Nikolenkova
Lomonosov Moscow State University

Ya.K. Grot and His Philological Heritage in the Course of the History of the Russian Literary Language (on the 135th anniversary of the adoption of the first spelling rules)

В обязательных дисциплинах филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова нет курса с условным названием «История русистики». Многие фамилии видных ученых прошлых веков встречаются при изучении линг-

вистических предметов отрывочно и только в том случае, когда, например, нельзя обойти вниманием факт какого-то открытия (так, например, сообщается, что «звуковое значение ѧ,ѫ, ъ и ь установил в начале XIX в. русский ученый А.Х. Востоков» [Ремнева 2004: 73]). Сомнительно, что, встретив незнакомую фамилию, каждый студент обратится хотя бы к Википедии, чтобы узнать, чем еще знаменит А.Х. Востоков, а рассмотреть его вклад в формирование русистики и славистики в рамках преподавания старославянского языка практически невозможно.

Однако в учебном плане русского отделения есть курс, который позволяет давать сведения не только о памятниках письменности и отраженных в них нормах литературного языка, но и об отдельных книжниках, внесших вклад в его развитие. Это история русского литературного языка, дисциплина читается год (лекции на вечернем отделении в объеме 70 часов в год много лет читает автор доклада, еще 70 часов учебный план отводит на семинарские занятия). Утвержденная программа доводит наш курс до рубежа XX–XXI вв., т. е. рассматривается период в десять веков.

Имя академика Я.К. Грота возникает, безусловно, при изучении периода конца XIX и начала XX в., когда в российском обществе ведутся дискуссии о необходимости реформировать русское правописание. Именно тогда Я.К. Грот пишет книгу «Русское правописание», которую циркуляром от 21 мая 1885 г. Министерство народного просвещения делает обязательным пособием – практически первым сводом правил орфографии и пунктуации. Еще несколько лет назад мы получали вопросы от студентов – почему именно Грот? Студенты-филологи не знали ни имени одного из крупнейших исследователей языка, ни его вклада в отечественную русистику. С сожалением необходимо сказать, что имя Грота не всплывало ни во время

курса истории литературы, ни в процессе изучения современного русского языка и его истории. Имена современных исследователей, продолжающих традиции ученых позапрошлого века и выводящих их на новый, современный уровень, вытесняют своих предшественников. К примеру, в списке литературы университетского учебника «Историческая грамматика русского языка» место нашлось только для А.И. Соболевского и И.В. Ягича [Галинская 2015: 412]. Желание показать студентам вклад ученых XIX в. в русистику заставило нас немного видоизменить курс и включить работы Я.К. Грота в некоторые разделы нашей программы истории литературного языка.

В первую очередь имя Грота возникает у нас при изучении тем, связанных с формированием нового типа литературного языка в XVIII – начале XIX в. Работа Грота «Карамзин в истории русского литературного языка» [Грот 1867] уже с первых строк обозначает Н.М. Карамзина как «преобразователя литературного языка», причем, что важно, Грот указывает на факт признания этого уже современниками писателя. Именно Грот, отбирая в том числе отзывы современников Карамзина, первым отмечает вклад последнего, например, в изменение русского синтаксиса [Грот 1867: 1]. Грот сравнивает язык произведений Карамзина и его современников, пытается проследить изменение языка самого писателя. Из работы Грота мы можем узнать подробности полемики о путях развития литературного языка в начале XIX в. Еще одним важным наблюдением ученого является замечание, что «иностранные слова… неумѣренно» включал в свои сочинения не сам Карамзин, а его последователи [Грот 1867: 19]. И в этой же работе Грот проводит разбор «простонародных» слов в сочинениях Н.М. Карамзина. Именно в этом сочинении Грота указано на рекомендацию писателя, обращенную к Дмитриеву в 1793 г., – исключить из одного стихотворения «отвра-

тительное» слово «парень». Во всех монографиях и учебных пособиях по истории литературного языка XX и начала XXI в. ссылка на данный эпизод присутствует, однако работа Грота не упомянута (к примеру, [Камчатнов 2005: 430]).

Вторым по важности литератором, которого Я.К. Грот считает реформатором литературного языка – правда, лишь в высоком штиле – был Г.Р. Державин. Грот издает в 1864–1883 гг. монументальное девятитомное собрание сочинений Державина с биографией поэта. Об этом труде Грота исследователи вспоминают чаще [Камчатнов 2005: 395], мы же стараемся уделить внимание собственно филологической стороне этой работы – комментариям Грота к текстам Державина. Разбор их дает возможность проследить развитие этой традиции в XVIII–XIX вв., так как Грот очевидно ориентируется на тип комментариев, которые предлагает к своим сатирам и переводам князь Антиох Кантемир. Гроту часто приходится объяснять мало известное слово, например: «зрѣть карду съ тучными волами – *кардой* называется въ понизовыхъ провинціяхъ зимняя загорода для скота, куда въ красный день выпускаютъ скотину» [Грот 1866: 667]. Этот пример показывает интерес Грота к лексикографической деятельности и к изучению живого русского языка.

Совершенно естественно, что при рассказе о словарях XIX в. мы обязательно включаем разбор Я.К. Гротом словаря В.И. Даля [Грот 1870]. В этом разборе есть достаточно серьезная критика словарной работы Даля, о чем практически никогда не говорится в современных работах, посвященных создателю словаря великорусского языка. В частности, о предложениях Даля создать новые слова, которые когда-нибудь смогут вытеснить заимствованные: «вмѣсто горизонтъ рекомендуетъ онъ напр.: *завѣсъ*, *закрой*, *озоръ*, *овидъ*; вм. кокетка – *миловидница*, *красовитка*, *жеманница*, *хорошуха*, *казотка*; вм. пуристъ – *чистякъ*» [Грот 1870: 21]. Грот сомневается

в возможности для таких слов войти в язык, их новизна «бросается в глаза». Другой чертой словаря Даля он называет отсутствие правил отбора слов, что приводит к появлению в его словаре слов не великорусских (*вовкулака*), и даже инородческих – финских, татарских *(конда*, *мянда*, *аба*) [Грот 1870: 28].

Результаты анализа словаря Даля Грот использует в собственной филологической работе, когда становится редактором первых томов Академического словаря русского языка [Грот 1891]. С его точки зрения, составление словника и отбор слов для словаря – первая важная стадия лексикографической работы. Многие идеи, высказанныеГротом, были реализованы позже, уже советскими лингвистами, например, именно он первым отметил, что отечественной филологии «недостаетъ… словарей отдѣльныхъ писателей» [Грот 1867: 3].

Грот старался следить за современным ему процессом развития и изучения отечественной словесности. Его первой орфографической работой стал отклик на Орфографический конгресс 1862 г. («По поводу толков о правописании» [Грот 1899: 802–810]), в статье он говорит о том, что потребность в изменениях письменности есть, а сторонникам исторического принципа письма (тем, кто ссылается на кириллицу) замечает, что она изменена уже полтора столетия как. Однако общий подход Грота к филологической работе заставляет его провести тщательный исторический анализ истории русской орфографии (знаменитая книга «Спорные вопросы русского правописания»), после этого академик меняет точку зрения и уже в «Русском правописании» отстаивает этимологический принцип как основной для русской орфографии.

Такое последовательное включение ряда работ Я.К. Грота в программу курса истории русского литературного языка позволяет решить несколько задач, помимо знакомства с именем выдающегося русского филолога XIX в. Это дает возможность показать направления филологических иссле-

дований в позапрошлом веке и указать на преемственность в этой работе ведущих филологов советского времени.

ЛИТЕРАТУРА

Галинская 2015 – *Галинская Е.А.* Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М., 2015.

Грот 1866 – Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Том третій. Стихотворенія. СПб., 1866.

Грот 1867 – Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка. СПб., 1867.

Грот 1870 – Толковый словарь живаго великорускаго языка, В.И. Даля. Записка Я.К. Грота. СПб., 1870.

Грот 1891 – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. (ред. акад. Я.К. Грот]. Т. I. СПб., 1891.

Грот 1899 – Филологическія разысканія. Т. I, II. СПб., 1899.

Камчатнов 2005 – *Камчатнов А.М.* История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М., 2005.

Ремнева 2004 – *Ремнева М.Л.* Старославянский язык. М., 2004.

Н.Н. Пуряева
МГУ имени М.В. Ломоносова

145 лет со дня рождения Лидии Алексеевны Чарской (1875–1937)

N.N. Puriaeva
Lomonosov Moscow State University

145 Anniversary of Lydia Charskaya (1875–1937)

Многое в биографии этой известной детской писательницы рубежа XIX–XX вв. кажется зыбким, неясным, зачарованным. Начать с даты рождения, которую Лидия Алек-

сеевна неоднократно корректировала, указывая 1878 и даже 1879 г. Так же вольно она обходилась и с другими фактами своей биографии.

В феврале 1885 г. Лидию отправили в Павловский институт благородных девиц, который она закончила в 1893 г., в числе лучших учениц получив из рук императрицы памятную награду. Через год Лидия Воронова вышла замуж за ротмистра Бориса Чурилова, однако брак не удался, и в 1901 г. последовал развод. Еще до того, в 1897 г., Лидия совершила один из эксцентрических своих шагов – поступила на драматические курсы при Императорском петербургском театральном училище, а по окончании была принята в труппу Александринского театра.

Псевдоним *Чарская* появился еще во время учебы на драматических курсах. Он не принес своей обладательнице сценической известности, зато прославил ее как детскую писательницу не только на всю Россию, но и за ее пределами. До 1917 г. в свет вышло более 80 произведений Чарской, многие из которых были переведены на французский, немецкий, английский языки.

Итак, служба в театре, где Чарской доставались второстепенные роли, не обеспечивала дохода ей и маленькому сыну, а потому, согласно легенде, молодая женщина обратилась в поиске работы в издательство М.О. Вольфа, предложив себя в качестве переписчицы. Якобы предоставив в качестве подтверждения красивого почерка свои дневники, Чарская получила от Вольфа предложение их напечатать, и так появилась первая книга, сразу принесшая писательнице известности, – «Записки институтки» (1901).

Произведения Чарской несмотря на быстро проявившиеся клишированность сюжета и незамысловатость литературного языка находили прямую дорогу к сердцам маленьких читателей. Героини ее повестей становились образцами

для подражания. Марина Цветаева посвятила одно из ранних стихотворений княжне Джавахе, героине одноименной повести Чарской.

Согласно информации комиссии при Московском обществе распространения знаний, в 1911 г. Чарская находилась на третьем месте по популярности среди юных читателей, уступая Гоголю и Пушкину, но опережая Твена и Тургенева. Некоторые произведения писательницы были официально рекомендованы для включения в состав библиотек учебных заведений, например уже упоминавшаяся повесть «Княжна Джаваха», историческая повесть «Смелая жизнь» о героине Отечественной войны 1812 года Н.А. Дуровой.

Отдельного упоминания заслуживает небольшая книга Чарской «Профанация стыда» (1909), в которой писательница решительно высказалась против применения телесных наказаний в учебных заведениях.

Неожиданно резко на этом фоне прозвучала статья К.И. Чуковского, опубликованная в газете «Речь» (1912), в которой он объявлял Чарскую «гением пошлости», однако будущий классик советской детской литературы был одинок в своих взглядах. Авторитет и популярность Чарской продолжали расти. В интервью В. Русакову она отвечала: «Я не умею сидеть сложа руки. Пишу потому, что в литературной работе нахожу высшее наслаждение, потому, что чувствую постоянную потребность писать – не могу не писать... Если бы у меня отняли возможность писать, – я перестала бы жить... Без людей, без общества я могла бы прожить; без чернил, пера, бумаги это немыслимо!»

Последним дореволюционным произведением Чарской стала неоконченная повесть «Мотылек»: журнал Вольфа «Задушевное слово», в котором Чарская сотрудничала с самого начала своей литературной карьеры, закрылся в 1918 г.

В новом государстве Чарскую ждала совсем иная судьба. Согласно «Инструкции политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре и изъятии устаревшей литературы из общественных библиотек», появившейся в 1920 г., книги писательницы покинули библиотечные полки, чтобы вернуться к маленьким читателям лишь спустя 70 лет.

Под псевдонимом *Н. Иванова* Чарская выпустила несколько книг («Мастер Пепка – делай крепко!», «Про ленивого мышонка – острого Зубренка», «Балаганчик», «Девочка и белочка», «Пров-рыболов»), однако ее герои уже не вписывались в новый идеологический контекст.

Судьба продолжала сыпать на голову писательницы новые удары. В Гражданскую войну без вести пропал ее сын. В 1924, после 26 лет службы, Чарская была уволена из Александринского театра. Последние годы жизни она сильно болела и очень нуждалась. Коллеги по писательскому цеху старались по возможности облегчить ее жизнь. К.И. Чуковский хлопотал о назначении ей пайка и дров…

Возрождение интереса к творчеству Чарской началось в 1990-е гг., и она стала едва ли не первым из детских дореволюционных авторов, чьи книги начали переиздавать в новое время. Начало этому положило издательство «Детская литература», опубликовавшее в 1991 г. повести «Записки институтки» и «Смелая жизнь».

ЛИТЕРАТУРА

Приходько В. «Скачи, мой конь, во весть опор…» // Чарская Л.А. Смелая жизнь. М., 1991.

Трофимова Е.И. Л.А.Чарская // Русские писатели 1800–1917. Т. 6. М., 2019.

Чуковский К.И. Лидия Чарская // Чуковский К.И. Соч.: В 2 т. Т. 1., М., 1990.

Е.А. Черных
Институт русского языка имени В.В. Виноградова

История кирилло-мефодиевской миссии в трудах Л.П. Жуковской: К 100-летию со дня рождения

E.A. Chernykh
Vinogradov Russian Language Institute

The History of the Cyrillo-Methodian Mission in L.P. Zhukovskaya's Works: To the 100th Anniversary of the Birth

В 2020 г. отмечается 100-летие со дня рождения выдающегося лингвиста-палеослависта XX в. Лидии Петровны Жуковской. Благодаря ее исследованиям были созданы предпосылки для восстановления прерванной в России в советскую эпоху историко-филологической традиции библеистики. Центральными в трудах лингвиста оказались проблемы кирилло-мефодиевского письменного наследия и «поздних местных наслоений в нем»[1], в первую очередь – вопросы текстологии славянских списков Евангелия-апракос[2]. Разработанная мето-

[1] *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 128.

[2] Евангелие-апракос, или служебное, литургическое Евангелие, – сборник отрывков из Евангелия для чтения во время богослужений. Термин «апракос» (от греч. ἄπρακτος 'недельный') воспринят современной филологией от средневековой книжности; *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. Гл. 1.2: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/tekstologija-slavjanskoj-biblii/1 (дата обращения: 13.04.2020); *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. С. 241. Прим. 31.

дика исследования древнейших славянских памятников письменности и подготовленные в результате ее применения на беспрецедентно обширном фактическом материале теоретические положения явились достижениями в палеославистике, не теряющими своего значения, которые сыграют свою роль в дальнейшем изучении названной проблематики[1].

Критическому анализу и рецепции научного наследия Л.П. Жуковской посвящены десятки исследований[2]. В докладе анализируются наблюдения выдающегося филолога-слависта по вопросам истории кирилло-мефодиевской миссии в славянских землях.

В конце 1986 г. была опубликована статья Жуковской «М.В. Ломоносов о русском языке и письме»[3]. Комментируя историко-филологические наблюдения выдающегося русского ученого-энциклопедиста М.В. Ломоносова по вопросам кирилло-мефодиевского наследия, Жуковская излагает собственные наблюдения по отдельным аспектам проблемы.

В первую очередь она делает ряд замечаний в связи с употреблением М.В. Ломоносовым терминов «славенский» («Slavonica lingua»)[4], «древний славено-моравский» («antiqua Slaveno-Moravica lingua»)[5] и просто «древнеморавский»

---

[1] *Верещагин Е.М., Толстой Н.И.* [Рец.]: Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Вопросы языкознания. 1978. №6. С. 130–135; *Крутова М.С.* Древнерусские письменные источники в научных трудах Лидии Петровны Жуковской: http://www.voskres.ru/bratstvo/krutova.htm (дата обращения: 05.04.2020) и др.

[2] *Аксенова Г.В.* Вопросы сохранения культурного наследия Древней Руси в трудах Л.П. Жуковской (1920–1994): к 100-летию со дня рождения // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. Калуга, 2019. С. 123–126.

[3] *Жуковская Л.П.* М.В. Ломоносов о русском языке и письме // Русская речь. 1986. №6. С. 11–18.

[4] *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 587–591.

[5] *Ломоносов М.В.* Отзыв о плане работ А.-Л. Шлёцера. 1764 июня 26 (№271): http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/document/organizaciya-rabot-po-gumanitarnym/science-16.htm (дата обращения: 13.04.2020).

(«Antiqua Moravica dictio»)[1] применительно к языку древнейших славянских памятников, за которым в современной славистике закрепилось название «старославянский»[2]. Жуковская подчеркивает, что, определяя как «славенский» язык, на который были переведены с греческого языка первые церковные книги, впоследствии переписывавшиеся на Руси и у южных славян – болгар и сербов – на протяжении столетий, М.В. Ломоносов пользовался терминологией своего времени: «Словом славенский тогда называли славянский язык вообще, противопоставляя его какому-либо неславянскому языку, а не только диалект древних новгородских словен и не язык предков современных словенцев – жителей Словении с центром в городе Любляне – одной из семи республик Югославии»[3]. Лингвист отмечает: М.В. Ломоносов понимал определение «славенский» так же, как и древнерусский летописец, сообщивший в «Повести временных лет», в статье под 6545 годом (1037 г.), что князь Ярослав Мудрый «собра письце многы и прекладаше от грек на словеньское писмо»[4]. Она замечает, что, по традиции используя определение «славенский» по отношению к языку первых славянских памятников, М.В. Ломоносов еще в 1749–1750 гг. в споре с Г.Ф. Миллером «проводил строгое различие между славянскими языками и между русским и старославянским языком»[5] следующим образом: «…уже с древнейших времен польский язык отличается как от русского, так и от церковно-славянского диалекта (“a slavica ecclesiastica illa dialecto”). Ведь церковный диалект, который живет у всех народов славянского племени и греческого вероисповедания, есть собственно древний моравский

[1] Там же.

[2] Ср.: *Живов В.М.* История языка русской письменности: В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 77–79.

[3] *Жуковская Л.П.* М.В. Ломоносов о русском языке и письме. С. 11.

[4] Там же. Летопись Лаврентьевская, владимирский летописный свод 1305 г., по сп. 1377 г. 51 в.

[5] *Жуковская Л.П.* М.В. Ломоносов о русском языке и письме. С. 11.

язык, употребление которого у славянских народов никогда не было всеобщим»[1]. По мнению Жуковской, употребленные М.В. Ломоносовым термины «древний славено-моравский» и просто «древнеморавский» в отношении языка кирилло-мефодиевских переводов свидетельствуют о том, что таким образом «одаренный мыслящий языковед» давал глубокую научную оценку роли разных славянских диалектов в процессе формирования «первого литературного языка – старославянского – в период деятельности Константина и Мефодия»[2].

Обратившись к проблеме формирования и развития языка кирилло-мефодиевских переводов, Жуковская упоминает ряд фактов биографии солунских братьев: монашеское имя Константина – «Кирилл», он был «выдающимся ученым», его прозвище – «философ (буквально “любитель мудрости”)», духовный сан Мефодия – «архиепископ моравский», он умер в 885 г.[3] Затем совершает краткий экскурс в историю их христианско-просветительской деятельности у

[1] *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 49–50. Замечания на ответы Миллера написаны после 8 марта 1750 г. на полях протокола Чрезвычайного собрания Академии наук 6 марта 1750 г.: http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/nauka/miller-proishozhdenie-imeni/science-5.htm (дата обращения: 03.05.2020).

[2] *Жуковская Л.П.* М.В. Ломоносов о русском языке и письме. С. 12. Старославянский язык определяется как «древнейший литературный славянский язык, сложившийся на базе южнославянского и отчасти западнославянского диалектов» (*Жуковская Л.П.* Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968. С. 203). О необходимости конкретизации тезиса «литературный» применительно к языку первых переводных славянских памятников см.: *Максимович К.А.* К оценке вклада Кирилла и Мефодия в создание общеславянского книжно-письменного языка // Paleoslavica. 2001. Vol. IX. С. 222–239.

[3] В издании допущена опечатка в дате кончины св. Кирилла: он умер 14 февраля 869 г. (см.: Житие Константина Философа // Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 66).

западных славян[1]. В 863 г. Константин «по распоряжению византийского императора… должен был выполнить просьбу великоморавского князя Коцела: организовать в его державе богослужение на родном славянском языке»[2]. Ученый определяет следующие предпосылки кирилло-мефодиевской миссии: в середине IX в. у славян не было собственного алфавита (они использовали не приспособленные для передачи звуков славянской речи греческие или латинские буквы), а «могущественнейшая» Великоморавская держава испытывала притеснения со стороны навязывавших ей христианизацию на латинском языке зальцбургских епископов[3].

На дискуссионные вопросы о начале деятельности солунских братьев, направленной на христианское просвещение славян: о времени и месте создания первой славянской азбуки, первых переводов богослужебных текстов, о соотношении славянских азбук, о происхождении названия «кириллица» – лингвист отвечает уверенно: еще будучи в Греции, Константин Философ составил первую славянскую азбуку – глаголицу, впоследствии замененную кириллицей, в которой были использованы «пригодные для славянских звуков» буквы греческого алфавита и которая сохранилась в основном своем составе до наших дней; название «кириллица» происходит от монашеского имени составителя первой азбуки. Разрабатывая азбуку, Константин опирался на свое знание славянского диалекта города Солуни, где он вырос. С помощью глаголицы он начал переводить с греческого языка «необходимые для богослужения молитвы и книги»[4]. Однако основная переводческая и просветительская деятельность Кирилла и Мефодия осуществлялась уже непосредственно на «древних славян-

[1] *Жуковская Л.П.* М.В. Ломоносов о русском языке и письме. С. 12.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Жуковская Л.П.* М.В. Ломоносов о русском языке и письме. С. 12.

ских территориях»: сначала в столице Великой Моравии, а затем в Паннонии братья в окружении своих учеников – будущих писцов книг, священников и переводчиков («последних у Мефодия было около 70 человек») – переводили на славянский язык христианскую литературу[1].

Жуковская делится общими соображениями по вопросам редакций и реконструкции языка кирилло-мефодиевских переводов 860-х гг.

В переводах церковных книг, или кирилло-мефодиевских переводах, «помимо формирования на основе греческого языка специальной славянской терминологии, Константин и Мефодий использовали грамматические формы и общую славянскую лексику, но также неизбежно должны были употреблять специфические языковые особенности моравской речи, отличные от известного им солунского диалекта. Иначе они не выполнили бы свою задачу создания славянского богослужения именно для мораван.

Лишь в дальнейшем, когда после смерти Мефодия ученики обоих братьев были вынуждены перебраться в Болгарию, моравизмы и паннонизмы там стали заменять южнославянскими словами и специфические звуки последовательно передавать буквами, изобретенными еще в Греции на основе солунского славянского диалекта. Впоследствии, после официального принятия христианства на Руси (988 г.), при переписывании русскими писцами с инославянских оригиналов древнерусских книг, в них появились восточнославянские признаки»[2]. Таким образом, Жуковская касается вопроса о рецепции кирилло-мефодиевского наследия в Болгарии и на Руси.

На основании приведенных наблюдений по истории кирилло-мефодиевской миссии она делает вывод, что

[1] *Жуковская Л.П.* М.В. Ломоносов о русском языке и письме. С. 12–13.
[2] Там же. С. 13.

М.В. Ломоносов определял язык древнейших славянских памятников как «древнеморавский», чтобы подчеркнуть историческую параллель между Моравией и Древней Русью: контингент моравских и паннонских писцов и переводчиков формировался из местного славяноязычного населения, и в Древней Руси на рубеже X–XI вв. князь Владимир, утвердив христианство в качестве государственной религии, начал «ставить по городам церкви и попов и людей на крещение приводить по всем городам и селам»[1], а также брать у высокопоставленных придворных детей и отдавать их «на ученье книжное»[2]. По мнению ученого, внимание М.В. Ломоносова к «моравскому вкладу» в язык первых старославянских книг» обусловлено знанием эмоционального сообщения древнерусского летописца[3].

Таким образом, прокомментировав термины, использованные М.В. Ломоносовым для определения языка первых славянских памятников, Л.П. Жуковская изложила собственные наблюдения по вопросам истории кирилло-мефодиевской миссии в Великой Моравии, языка кирилло-мефодиевских переводов (в частности, рассмотрела вопрос о роли разных славянских диалектов в формировании старославянского языка) и рецепции кирилло-мефодиевского наследия в Болгарии и на Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксенова Г.В.* Вопросы сохранения культурного наследия Древней Руси в трудах Л.П. Жуковской (1920–1994): к 100-летию со дня рождения // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. Калуга, 2019. С. 119–126.

2. *Аксенова Г.В.* Труды Л.П. Жуковской в области палеолингвистики и палеографии // Жуковская Л.П. Развитие славяно-рус-

[1] Там же. Летопись Лаврентьевская. Л.41а-б.
[2] Там же. Л. 41б.
[3] Там же.

ской палеографии: в дореволюционной России и в СССР. М., 2020. С. 283–293.

3. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. 254 с.: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/tekstologija-slavjanskoj-biblii/

4. *Верещагин Е.М., Толстой Н.И.* [Рец.]: Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 130–135.

5. *Живов В.М.* История языка русской письменности: В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 77–79.

6. *Жуковская Л.П.* Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языкознания. 1963. Вып. 7. С. 73–81.

7. *Жуковская Л.П.* Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968. С. 199–332.

8. *Жуковская Л.П.* Текстологическое исследование наследия Кирилла Философа // Константин-Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му. София, 1971. С. 31–40.

9. *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

10. *Жуковская Л.П.* М.В. Ломоносов о русском языке и письме // Русская речь. 1986. № 6. С. 11–18.

11. *Крутова М.С.* Древнерусские письменные источники в научных трудах Лидии Петровны Жуковской: http://www.voskres.ru/bratstvo/krutova.htm

12. *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.

13. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 42–79; Т. 7. М.; Л., 1952. С. 585–592.

14. *Ломоносов М.В.* Отзыв о плане работ А.-Л. Шлёцера. 1764 июня 26 (№ 271): http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/document/organizaciya-rabot-po-gumanitarnym/science-16.htm

15. *Максимович К.А.* К оценке вклада Кирилла и Мефодия в создание общеславянского книжно-письменного языка // Paleoslavica. 2001. Vol. IX. С. 222–239.

Ю.А. Южакова, М.В. Сомова
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

К 100-летию выдающегося методиста Г.Н. Приступы

Yu.A. Yuzhakova, M.V. Somova
Ryazan State University named after S.A. Yesenin

To the 100th Anniversary of the Outstanding Methodist G.N. Pristupa

Нам хочется рассказать о человеке, жизнь и работа которого связана с Рязанским педагогическим институтом, сейчас Рязанским государственным университетом имени С.А. Есенина. Имя заслуженного деятеля науки, доктора педагогических наук профессора Григория Наумовича Приступы хорошо известно методистам, его считают продолжателем идей Д.Э. Розенталя.

К сожалению, стало традицией вспоминать о выдающихся людях только после их юбилея. Имя Г.Н. Приступы мы в нашем университете помним всегда и опираемся на его труды на занятиях по методике русского языка, говоря о принципах обучения орфографии и об общих подходах к типологии урока русского языка и его организации, на занятиях по русскому языку при изучении орфографии, а также культуры речи учащихся. С приходом Приступы в наш институт методика преподавания русского языка ста-

ла, как и курс современного языка, основной дисциплиной, формирующей будущего учителя.

Более 50 лет он отдал самому главному делу свой жизни: разработке принципов и методов обучения правописанию в средней школе; 30 лет проработал в Рязанском государственном педагогическом институте. Им написано 150 научно-методических статей и около тридцати книг, среди которых двенадцать монографий. Идеи и труды Приступы признают и используют в России и мире все, кто продолжает его дело – обучает русской орфографии и культуре речи.

В 1964 г. Приступа переезжает в Рязань и работает в Рязанском государственном педагогическом институте на кафедре русского языка факультета русского языка и литературы. В 1970 г. защищает докторскую диссертацию «Принципы и методы совершенствования орфографических навыков в средней школе». В 1976 г. образовался факультет педагогики и методики начального обучения, а в 1979 – кафедра методики начального обучения, у истоков которой стоял Приступа.

За время работы в Рязгоспединституте им написано и опубликовано более 20 книг и 80 научно-методических статей. Среди его научных публикаций монографии «Словарная работа в связи с изучением литературы в средней школе» (1967), «Методика русского языка» (1971), «Основы методики орфографии в школе» (1975), «Современный урок: учебное пособие» (1989), «Практикум по орфографии и пунктуации: пособие для студентов» (1994) и другие.

Его статьи были опубликованы в разное время в журнале «Русский язык в школе». Нельзя не назвать некоторые из его книг: «Занятия по орфографии в старших классах» (1964), «Вопросы формирования орфографических навыков в средней школе» (1965), «Основы методики орфографии» (1973).

Учебник Приступы «Теория и практика русского языка» (издан в 1993 г. в 3-х частях), предназначенный для «студентов педагогических и филологических специальностей», до сих пор востребован. А ведь прошло уже почти 30 лет после его издания, появилось множество более современных и, возможно, более академичных изданий. Конечно, пособие Приступы является теперь лишь «дополнительной литературой», но наши студенты отмечают, что в нем очень доступно и понятно объясняется сложный материал по методике преподавания русского языка. В первой части учебника четко разграничиваются методы и принципы обучения, что особенно важно для будущих учителей русского языка. Вторая часть рассказывает о «Типах уроков». Приступа останавливается на различных типах уроков русского языка: уроке объяснения учебного материала, уроке закрепления и повторения материала и развития навыков, уроке обобщения материала и совершенствования навыков, уроке проверки знаний (контрольном уроке) и уроке работы над ошибками. Казалось бы, все давно известно, но даже в условиях современного подхода к обучению русскому языку, в рамках ФГОС, как выяснилось, учебное пособие востребовано, а материал, изложенный в нем, актуален и интересен. Без компьютерных технологий, без интерактивной доски и презентаций!

В третьей части автор говорит о развитии речи учащихся. Наверное, нет необходимости говорить о важности этого раздела при изучении русского языка в современной школе. Особенно хотелось бы отметить то внимание, которое Приступа уделяет понятию, названному им «единым речевым режимом»: необходимо, чтобы к культуре речи, грамотности учащихся пристальный интерес был не только со стороны учителей-словесников, но и преподавателей-предметников, чтобы на уроках географии, биологии,

химии, физики, истории и других оценивались не только знания фактического материала, но и то, как этот материал преподносится учениками. «Борьба за культуру речи есть неотъемлемая часть борьбы за общую культуру. Высокая грамотность и культура речи – это культура мышления, культура умственного труда» [3, 3: 62]. Можно ли считать этот лозунг неактуальным сегодня?

В учебном пособии приведены интересные типы упражнений, их система, есть орфоэпический словарик, орфографический словарик терминов, встречающихся в учебной литературе для средних учебных заведений, словарик употребления слов (Правильно / Неправильно), словарик синонимов и фразеологический словарик. Надо сказать, что современные студенты педагогических специальностей, знакомясь с этими материалами, демонстрируют неподдельный, живой интерес, отмечая, что некоторые материалы им ранее были не известны.

У Григория Наумовича остались две любимых дочери. Людмила Григорьевна, окончив Московский университет, защитила кандидатскую диссертацию и пошла по стопам отца. Лидия Григорьевна Трейтяк, выпускница Воронежского университета, стала хорошим математиком, в городе ее многие знают.

Дочь Григория Наумовича вспоминает, как однажды в доме Приступы раздался телефонный звонок и неизвестный голос, поприветствовав коллегу, представился:

– Вам звОнит профессор...

– Этого не может быть, – ответил Приступа и положил трубку.

Звонок повторился, но снова Григорий Наумович не стал поддерживать разговор, и лишь в третий раз высказал именитому коллеге, что совершенно недопустимо так издеваться над языком, такой ошибки никак не может быть

у человека, занимающегося наукой, пусть даже и не лингвистикой, но еще более недопустимо так порочить свое не только научное имя.

Никогда не любил Григорий Наумович Приступа разговоров о войне, а между тем в его жизни Великая Отечественная оставила глубокий след. Как и миллионы сверстников, Григорий Наумович добровольцем отправился на фронт. Воевал разведчиком-наблюдателем в 373-м отдельном артиллерийском дивизионе 1-й отдельной стрелковой бригады 8-й армии, участвовал в боях за Москву, Ленинград, а 9 мая 1945 года встретил в Прибалтике. За всю войну он пять раз был ранен, при этом, как отмечается в наградных листах, при легких ранениях не покидал поле боя и продолжал сражаться. Григорий Приступа награжден орденом Славы 3-й степени, девятью медалями, среди которых медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда».

В прошлом году в нашем университете прошла III Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной методики преподавания русского языка в школе и вузе», посвященная важнейшей отрасли современного образования – обучению русскому языку – и приуроченная к 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, доктора педагогических наук профессора Григория Наумовича Приступы. Количество участников данной конференции, очных и заочных, лишний раз доказывает, что Григория Наумовича знают и помнят его последователи.

Представители более чем 20 регионов России и 7 иностранных государств (Словакия, Венгрия, Польша, Беларусь, Казахстан, Китай, Тайвань) приняли участие в работе конференции. Среди тех, кто выступил с докладами, 22 доктора наук – ведущие ученые-методисты МПГУ, РАО, ученые-филологи из МГУ имени М.В. Ломоносова, Юж-

ного федерального университета, Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Оренбургского государственного педагогического университета, Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования и других ведущих вузов страны, школьные учителя.

Пленарное заседание было посвящено анализу методического наследия профессора Г.Н. Приступы и роли его научной школы в развитии теоретических и практических вопросов методики преподавания русского языка как родного. Профессор Н.И. Демидова, ученица Г.Н. Приступы, представила научную школу своего учителя, поделилась воспоминаниям о нем. Современному видению методического наследия Г.Н. Приступы были посвящены доклады профессоров О.А. Скрябиной (РГУ имени С.А. Есенина), А.Д. Дейкиной (МПГУ), О.Е. Дроздовой (МПГУ) М.Ю. Сидоровой (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва), заместителя главного редактора журнала «Русский язык в школе» кандидат педагогических наук А.Е. Куманяевой. Участники конференции отметили, что в Рязани прошел крупнейший форум методистов и филологов за последние несколько лет.

На секционных заседаниях обсуждались актуальные направления в методологии современной методики и практике обучения родному языку в школе и вузе, проблемы подготовки учителя к профессии, использование образовательных педагогических технологий, а также инновационных подходов в обучении русскому языку в рамках реализации требований ФГОС, проблемы речевого развития студентов и учащихся и многие другие насущные проблемы.

Методическое наследие Григория Наумовича Приступы содержит богатейший потенциал, изучение которого открывает возможности для появления новых методических

концепций и технологий обучения русскому языку в школе и вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы современной методики преподавания русского языка в школе и вузе: сб. трудов III Международной научно-практической конференции / Науч. ред. О.А. Скрябина; РГУ имени С.А. Есенина. Рязань: Концепция, 2018. 400 с.

2. Г.Н. Приступа. Биобиблиографический указатель / Сост. Т.А. Устинова. Рязань, 1998: http://library.rsu.edu.ru/blog/wp-content/uploads/2015/03/pristupa.pdf (дата обращения: 07.04.2020).

3. *Приступа Г.Н.* Теория и практика урока русского языка: Пособие для студентов педвузов и университетов: В 3 ч. Рязань, 1993.

РАИСА РОМАНОВНА КУЗНЕЦОВА –
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ПЕДАГОГ:
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Е.Н. Ковтун
МГУ имени М.В. Ломоносова

Научная деятельность Раисы Романовны Кузнецовой в истории отечественной литературоведческой богемистики[1]

E.N. Kovtun
Lomonosov Moscow State University

R.R. Kuznetsova's Scientific Activity in the History of Russian Bohemistic Studies

Раиса Романовна Кузнецова (1920–2001) принадлежит к старшему поколению послевоенных славистов, воссоздававших традиции отечественного славяноведения после вызванного политическими обстоятельствами кризиса в данной области знания в 1930-е гг. Она была в числе тех, кто возродил университетскую славянскую филологию, заложил основы современной научной школы изучения инославянских языков и литератур. Славистика стала профессией, которой Раиса Романовна отдала себя искренне, полно и целеустремленно.

[1] В рамках конференции проводился Круглый стол посвященный столетию со дня рождения Р.Р. Кузнецовой. Большая часть матераилов Круглого стола опубликована в: Stephanos. 2020. №3(41): www.stephanos.ru

Москвичка по рождению, в ранней юности увлекшаяся литературой и писавшая стихи, Р.Р. Кузнецова с 1939 г. училась в Московском институте философии, литературы и истории имени Н.Г. Чернышевского (ИФЛИ). В числе ее учителей были Н.К. Гудзий, Д.Д. Благой, Л.И. Тимофеев, П.Г. Богатырев, Г.Н. Поспелов. Учебу прервала война и эвакуация в Татарстан, где Р.Р. Кузнецова стала участницей трудового фронта, работала в колхозе бригадиром полеводческой бригады, преподавала в школе русский язык и литературу. Впоследствии была награждена медалями: «В память 800-летия Москвы» (1947), «Ветеран труда» (1985), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1993).

Заканчивала в 1945 г. Раиса Романовна уже филологический факультет Московского государственного университета. Здесь же в 1949 г. окончила и аспирантуру (научный руководитель – П.Г. Богатырев). В качестве темы кандидатской диссертации (степень кандидата наук присвоена в 1953 г.) Раиса Романовна избрала творчество чешской пролетарской писательницы Марии Майеровой (1882–1967), которую знала лично и считала своим добрым другом.

Более пятидесяти лет Раиса Романовна Кузнецова отдала работе на филологическом факультете МГУ. В 1950–1951 гг. она заведовала кафедрой славянских литератур, с 1955 г. была доцентом, с 1972 г. – профессором кафедры славянской филологии, в 1994 г. получила звание заслуженного профессора Московского университета. Р.Р. Кузнецова преподавала историю чешской, а в течение ряда лет и словацкой литературы, историю чешской литературной критики, читала специальные курсы о чешской прозе 1920–1930-х и 1970–1980-х гг., чешском романтизме и чешской сатире, вела спецсеминары, руководила написанием курсовых и дипломных сочинений. Она вырастила

десятки молодых специалистов, связавших в дальнейшем собственные жизни с чешским языком, культурой и литературой. В числе учеников Р.Р. Кузнецовой шесть кандидатов и три доктора наук, в том числе видные представители советской и российской богемистики Л.Н. Будагова, Л.Н. Титова, Р.Л. Филиппчикова. В 1975–2001 гг. Р.Р. Кузнецова была членом Диссертационного совета ВАК при МГУ.

Раисе Романовне Кузнецовой выпала честь вместе с другими вчерашними русистами создавать отечественную литературоведческую богемистику. В ее работах, как и в трудах С.В. Никольского, Е.З. Цыбенко, Н.Ф. Копыстянской и других представителей послевоенного поколения славистов, формировались базовые методологические принципы изучения новейших инославянских литератур. Многое в этой методологии обусловило время: Р.Р. Кузнецова была убежденным и искренним советским человеком. Но все же основные характеристики ее исследовательской деятельности – как и у большинства ее коллег по Московскому, Ленинградскому, Киевскому, Минскому, Львовскому, Черновицкому университетам, по Институту славяноведения и балканистики АН СССР – не имеют прямой привязки только лишь к политическому контексту эпохи. Это научные принципы, которые отечественное славяноведение бережно хранит и поныне, стремясь передать все новым славистам: высокий профессионализм, глубокое знание изучаемого материала, широта социально-исторического контекста, рассматриваемого при анализе литературных произведений, а главное – пристальное внимание не только к содержанию, но и к поэтике, художественной архитектонике литературного текста.

Р.Р. Кузнецова стала автором более ста шестидесяти печатных работ. Свои первые научные труды она опубликовала в конце 1940-х гг. От изучения произведений М. Маейровой

(ей посвящена монография «Мария Майерова: Жизнь и творчество», 1982) и Ю. Фучика (книга о нем, принадлежащая перу Р.Р. Кузнецовой, была переведена на китайский язык) научный поиск привел Раису Романовну к современникам этих писателей, представителям чешской межвоенной литературы (1920–1930-е гг.). И хотя в центре внимания исследовательницы всегда оставались представители «левых» художественных течений, Раиса Романовна умела видеть достоинства и тех авторов, которые не до конца вписывались в жесткую соцреалистическую парадигму. Она прививала своим ученикам интерес к произведениям Ф. Шрамека, В. Ванчуры, В. Незвала, К. Чапека, учила за лозунгами эпохи различать специфику авторской манеры, движение жанровых структур, общие законы развития литературы.

Раиса Романовна Кузнецова ввела в отечественный научный оборот богатейший чешский историко-литературный материал, большую часть которого она самостоятельно отыскивала в чехословацких архивах, где копировала и микрофильмировала, например, страницы журнала, издаваемого известным чешским литературным критиком первой половины XX в. Ф.Кс. Шальдой, знакомилась с работами современных чешских литературоведов, изучала газетные публикации. Широки были контакты Раисы Романовны с чешскими писателями, публицистами, историками литературы, которые, в свою очередь, высоко ценили общение с ней. Ее приглашали для чтения лекций ведущие вузы ЧССР: Карлов университет (Прага), университет Т.Г. Масарика (Брно), университет Я.А. Коменского (Братислава). За вклад в изучение и популяризацию чешской литературы Р.Р. Кузнецова была награждена серебряной медалью Карлова университета (1985), стала лауреатом Международной литературной премии имени Витезслава Незвала Союза чешских писателей (1980). И на родине Раиса Романовна была не менее активна

в своих культурных и литературных контактах, с 1985 г. являлась членом Союза писателей СССР.

С защиты в 1971 г. докторской диссертации «Чешский роман 30-х годов XX века» романный жанр стал центром исследовательских интересов Р.Р. Кузнецовой. Истории и жанровой специфике чешского и словацкого романа XX столетия посвящены ее монографии «Становление романа-эпопеи нового типа в чешской прозе» (М., 1975), «Чешский межвоенный роман: Эволюция жанра и стиля» (М., 1980), «Роман 70-х годов в Чехословакии» (1980) и «Роман 70–80-х годов в Чехословакии» (М., 1988).

В чешской литературе межвоенного периода Раиса Романовна подробно анализировала творчество К. Чапека, В. Ванчуры, М. Майеровой, М. Пуймановой, И. Ольбрахта, Я. Кратохвила, К. Нового, Б. Клички, Я. Глазаровой, К. Конрада и других писателей-реалистов. В сфере ее исследовательского внимания находились проблемы эволюции реализма как ведущего художественного течения в чешской и иных славянских литературах XX в., формирования первой волны чешской соцреалистической прозы, так непохожей на послевоенный чешский социалистический реализм, отразившей активный художественный поиск писателями нового содержания и поэтики, соответствующих и новейшим социально-политическим тенденциям эпохи, и историческим судьбам строящих собственное государство чешского и словацкого народов. Р.Р. Кузнецову привлекало жанровое и стилевое разнообразие романных структур, проникновение в художественную литературу документализма и кинематографизма – и одновременно функциональность использования чешскими писателями художественной условности, вымысла, фантастики. Одним из объектов научного интереса исследовательницы всегда оставалась сатира как яркое средство выражения авторской позиции

и критики мещанской идеологии. Занималась Раиса Романовна и творчеством Я. Гашека, в 1983 . принимала личное участие в проходивших в ЧССР юбилейных мероприятиях в честь 100-летия выдающегося чешского сатирика.

В монографиях Р.Р. Кузнецовой о чешском и словацком романе 1970–1980-х гг. нашли отражение размышления исследовательницы о представленности в нем традиций предшествующего исторического периода, о взаимоотношениях романного и иных жанров, в том числе малых, о балладном начале в творчестве И. Кршенека, Ф. Ставиноги, Я. Поничана, Я. Йоганидеса, об исторической прозе, проблемах деревенской литературы, о становлении романа-эпопеи, об отражении в литературе характера современника и изменения его духовного мира. В этих книгах тщательно анализируются произведения Я. Козака, З. Плугаржа, И. Марека, М. Рафая, Й. Фрайса, Б. Роттеровой, А. Беднара, В. Швенковой, Я. Паппа, Э. Дзвоника, Я. Йонаша, В. Шикулы, Л. Баллека, П. Яроша и других писателей разных поколений. Отдельная глава в монографии о романе 1970–1980-х гг. в Чехословакии посвящена рассмотрению послевоенной чешской сатиры (на примере романа И. Марека «Мой дядюшка Одиссей») в свете развития ею национальной сатирической традиции со времен Я. Неруды. И сколь бы ни изменилась ныне историческая обстановка, нельзя не видеть сохраняющейся актуальности суждений Раисы Романовны, например, об оправданной критике чешскими писателями обывательского сознания с присущим ему «равнодушием и тщеславием, сосредоточенностью на устройстве своего быта, накопительством, желанием во что бы то ни стало быть “на уровне” в смысле владения определенным “комплектом” вещей…»[1].

[1] *Кузнецова Р.Р.* Роман 70–80-х годов в Чехословакии. М., 1988. С. 225.

Кроме перечисленных трудов, научное значение до сегодняшнего дня сохраняют созданные Р.Р. Кузнецовой первые (и поныне единственные в отечественной вузовской практике) учебник «История чешской литературы» (1987), охватывающий период с IX в. до конца 1980-х гг., и учебное пособие по истории чешской литературной критики (2001), как и написанные ею разделы коллективного научного труда «Очерки истории чешской литературы» (Институт славяноведения АН СССР, 1964). Творческую активность Раиса Романовна сохраняла на протяжении всей своей жизни. В последние годы в сфере ее внимания находились славянские межлитературные контакты, чешская диссидентская литература и постмодернистская проза.

Автор этих строк, как и все многочисленные ученики Раисы Романовны Кузнецовой, имел счастливую возможность в полной мере узнать ее профессиональную и человеческую щедрость, ощутить ее внимание к молодым славистам, уважение к их мыслям и научным интересам, постоянную готовность помочь в выборе пути. Раиса Романовна навсегда останется для своих выпускников образцом настоящего ученого, профессора Московского университета, олицетворением лучших традиций советской и российской славистики.

ЛИТЕРАТУРА

Материалы научных чтений памяти заслуженных профессоров МГУ имени М.В. Ломоносова Р.Р. Кузнецовой и А.Г. Широковой. М., 2004.

Машкова А.Г., Ковтун Е.Н. Кузнецова Раиса Романовна // Филологический факультет Московского университета: Энциклопедический словарь / Гл. ред. М.Л. Ремнева. М., 2005. С. 155–156.

Московский университет в женских лицах: биогр. слов. / Авт., рук. проекта, науч. ред. Г.Ф. Беляева, Н.С. Зеленская. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.

http://www.philol.msu.ru/~slavphil/staff/kuznecova.html

100 лет со дня рождения Раисы Романовны Кузнецовой (1920–2001) / Л.Н. Будагова, А.Г. Машкова, Н. Шведова, И.А. Герчикова, Е.Н. Ковтун, Т.Ю. Кравченко, Т.Ю. Баранчеева // Stephanos. 2020. №3(41). С. 106–131.

А.Г. Шешкен
МГУ имени М.В. Ломоносова

Македонский роман: формирование и эволюция жанра

A.G. Sheshken
Lomonosov Moscow State University

The Macedonian Novel: The Formation and Evolution of the Genre

Жанр романа традиционно считается одним из важных признаков зрелости национальной литературы. Именно с романом и его динамичным развитием связывают современные исследователи основные достижения инославянских литератур XX в. Такого мнения придерживалась, в частности, ведущий богемист кафедры славянской филологии профессор Р.Р. Кузнецова в своих многочисленных трудах, посвященных чешской литературе (Чешский межвоенный роман: Эволюция жанра и стиля. М., 1980; Роман 70-х годов в Чехословакии. М., 1980; Роман 70-80-х годов в Чехословакии. М., 1988). В том же ключе высказывались авторитетные исследователи (отечественные и зарубежные) польской, болгарской и югославянских литератур.

История романного жанра в македонской литературе начинается в середине XX в. и тесно связана с процессом становления литературы на национальном языке. Как известно, только в результате победы над фашизмом и обретения в 1945 г. государственности в составе ФНРЮ македонцы были признаны как нация и получили возможность беспрепятственно развивать свою культуру. Македонская литература вступает в период бурного развития и эффективного («ускоренного») обогащения изобразительных средств и формирования национальной жанровой системы. Это, прежде всего, относится к прозе, у которой, в отличие от лирики и драмы, не было предшествующего опыта. На страницах первого литературного журнала на македонском языке «Нов ден» (1945–1950) рождается малый жанр – рассказ (В. Малеский, К. Чашуле, Й. Бошковский, С. Яневский и др.). Затем в короткий срок были написаны первая повесть (С. Яневский «Улица», 1950) и роман (С. Яневский «Село за семью ясенями» / «Село зад седумте јасени», 1952). Вскоре С. Попов опубликовал роман «Залатанная жизнь» («Крпен живот», 1953 / 1954). Тематика первых романов была сосредоточена вокруг актуальных общественных процессов и идеи социальной справедливости. Так, первый македонский роман «Село за семью ясенями» С. Яневского стал одновременно первым романом на тему коллективизации деревни в литературах Югославии (в контексте которых македонская литература развивалась в 1945–1991 гг.). Автор опирался на опыт русской (советской) литературы, усваивая «язык прозы» и «школу жанра». В этом процессе значительной была роль перевода. Первым произведением крупного эпического жанра на македонском языке стал роман М. Горького «Мать» (переведен в 1946 г.). Переведены были «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Разгром» А. Фадеева и «Поднятая цели-

на» М. Шолохова, которая оказала ощутимое влияние на роман С. Яневского. Темой романа С. Попова «Залатанная жизнь» стала беспросветная нужда довоенной жизни, чудовищная социальная несправедливость, калечащей жизни людей.

Рождение романа в македонской литературе происходило в русле доминирующей в те годы эстетики соцреализма. По типу повествования произведения С. Яневского и С. Попова это социально-бытовые реалистические романы. Они отличаются остротой сюжета и конфликта (классового) и четко обозначенной идейной направленностью, что отразилось на характеристике образов героев. Эти романы имели разную литературную судьбу: «Село за семью ясенями» в основном имеет историко-литературное значение. Роман С. Попова прочно вошел в круг чтения македонцев, став одной из самых популярных книг.

Спустя всего пять лет картина жанра существенно изменилась. Расширилось проблемно-тематическое поле романа, усложнился характер конфликта, в центр повествования выдвинулся более сложный и противоречивый герой (иногда почти «антигерой»), повысилось внимание к его внутреннему миру, совершенствовался язык и стиль повествования. Литература пришла к пониманию ограниченности идейной, классовой мотивировки характеров. Это стало следствием радикальной смены эстетических ориентиров. Соцреализм был отвергнут как эстетика и художественная практика, на смену ему пришла концепция «социалистического эстетизма», утвердившаяся после III съезда СП Югославии (1952). Эклектичная в своей основе, эта концепция отбросила критерий идейности, осуждая «ангажированность» творчества, отказалась от воспитательной роли искусства и образа положительного героя времени и поставила во главу угла тезис о свободе

культуры, признание ценности наследия западноевропейской художественной мысли, прежде всего модернизма и аванграда. В обстановке литературно-критических споров, охвативших все литературы бывшей Югославии (полемика «реалистов» и «модернистов» середина 1950–1960-х гг.), в македонской прозе рождаются новые жанровые формы.

В результате освоения опыта европейского романа эпохи модернизма появляется первый македонский «модернистский» роман «Две Марии» (1956) С. Яневского. В нем автор обращается к изображению внутреннего мира «негероического» героя, конфликтный узел сосредоточен вокруг проблемы вины и нравственного выбора. Романы Д. Солева («Под раскаленным небом», 1957) и В. Малеского («То, что было небом», 1958), тематически связанные с темой войны и революции, обращаются к осмыслению нравственных проблем. Роман «То, что было небом» В. Малеского стал первым македонским философско-психологическим романом. Плодотворным для автора было обращение к опыту европейской и американской литературы экзистенциализма и осмысление традиции Ф.М. Достоевского, с которым македонский писатель ведет в романе напряженный творческий диалог.

Зарождается и успешно развивается исторический роман. С. Попов обращается к героям и эпизодам национального прошлого, связанным с борьбой против османского владычества («Толе Паша», 1956; «Смуглая Ангя», 1958). Это исторический роман традиционной структуры вальтер-скоттовского типа, в котором исторические факты сочетались с вымыслом, а реалистические приемы – с романтическими. Наряду с опытом европейского романа, С. Попов учитывает и достижения исторической прозы югославского писателя И. Андрича.

В македонском романе 1960-х гг. преобладает экзистенциалистская проблематика с универсализмом содержания. Развивается роман личностной структуры, важным элементом которого является «поток сознания» и погружение в глубины подсознательного, с элементами притчи. Это по сути роман-метафора. Писатели «моделируют» и заостряют до предела ситуацию, заставляя героя делать выбор между добром и злом, оплачивая моральный выбор ценой жизни (С. Яневский «И боль и гнев», 1964; Д. Солев «Короткая весна Моно Самоникова», 1964). Все это стало основой для появления композиционно сложных структур повествования.

Расцвет романа в македонской литературе приходится на 1970–1980-е гг., когда роман становится в ней ведущим жанром. В эти годы создаются произведения, относящиеся к вершинным достижениям национального искусства слова (С. Яневский «Упрямцы», 1971; В. Малеский «Узелки памяти», посм. 1990; Д. Солев «Заря за углом», 1984 и др.). Писатели сосредоточены на изображении национальных основ бытия, постижении и изображении национальных жизненных типов. Весьма плодотворным для них стало сочетание в художественной ткани произведений исторической конкретики и богатой национальной мифологии, соединение в духе «фантастического реализма» материального и трансцендентного уровней бытия. Самым ярким образцом романного жанра в македонской литературе является роман «Пырей» (1980) П.М. Андреевского, отразивший трагизм истории народа и выдвинувший в центр повествования тип личности, способной выстоять в самых тяжелых испытаниях, сохранив отзычивое сердце и щедрость души. Роман обладает внутренним эпическим потенциалом, который ему обеспечивает образ главной героини, при том что автор избегает широкого охвата собы-

тий. Велика, главная героиня романа, противостоит в своем созидательном восприятии жизни (вопреки страшным ударам судьбы) бессмысленности и абсурду войны и силам разрушения. Это один из самых сильных и колоритных в македонской литературе народных характеров.

В эти же годы в македонской литературе начинает формироваться постмодернизм, в русле которого появляются произведения, ставшие заметным явлением национальной литературы. Ряд из них был удостоен международных премий в разных номинациях (В. Андоновский, Г. Смилевский).

Таким образом, македонский роман за относительно короткий срок сформировался как жанр, продемонстрировал интенсивность развития и обогащения и превратился в ключевой жанр национальной литературы. К нему обращались ведущие национальные писатели. Именно в этом жанре были воплощены яркие национальные жизненные типы. Роман вышел за национальные рамки: произведения македонских романистов получают международное признание и переводятся за пределами страны, в том числе на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Георгиевски Х.* Македонскиот роман 1952–1982. Скопје, 1983.

2. *Шешкен А.Г.* Македонская литература XX века. Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие. М., 2007.

3. *Шешкен А.Г.* Ф.М. Достоевски и формирањето на македонскиот филозофско-психолошки роман // Семинар за македонски јазик, литература и култура. XXXII Научна дискусија. Охрид, 2006. С. 209–219.

З.И. Антропова
Куприяновская основная общеобразовательная школа

Использование приемов «Формирующего оценивания» в развитии речевой грамотности учащихся

Z.I. Antropova
Kupriyanovsk Comprehensive School

The Use of "Formative Assessment" Techniques in the Development of Students' Speech Literacy

Современное общество. Современные дети. Современная техника. Современное общение. Сегодня общение через электронную Сеть стало основным. Дети заменили книги на гаджеты, перестали читать художественную литературу, предпочтя тексты аудиозаписям. Следствие всего этого – тотальная безграмотность.

Если пройтись по просторам Интернета и изучить переписку в социальных сетях, можно обнаружить множество ошибок разного характера: речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных. Зачастую многие даже не разделяют тексты на предложения, сокращают и искажают слова. Это никого нисколько не волнует. Слово, написанное с ошибкой, – норма речи для большинства пользователей интернет-ресурсов, владеющих русским языком.

Мы слышим безграмотную речь с экрана телевизора. Хотя, казалось бы, речь диктора должна быть эталоном для всех.

Также для учащихся нашей школы характерен еще и билингвизм. Проживая в национальной Республике Марий Эл, дети изучают родной язык марийский и русский язык как неродной. Несмотря на это, они свободно общаются на русском языке, хотя допускают типичные для детей-мари ошибки.

Марийский язык отличается от русского рядом специфичных для него звуков гласных [ӱ], [ӧ] и согласного звука [ҥ]. Также звуки марийского языка произносятся мягче, чем звуки русского языка. «В марийском языке произношение гласных почти не зависит от ударения. Марийский [ы] почти не слышится при произношении. В русском языке звуки [ж],[ш], [ц] всегда твердые и звук [и] после них произносится как [ы]: ж[ы]знь, а учащиеся-мари произносят ж[и]знь, так как эти согласные в марийском языке нетвердые. Если в русском языке в словах с приставками, оканчивающимися на согласный, начинающихся на букву и произносятся [ы] и пишется буква ы: предыстория [предыстория], наши дети произносят [предистория] и пишут так же. Русские звуки [э], [о] в безударном положении сильно видоизменяются, а в марийском языке они произносятся почти чистыми, поэтому учащиеся-мари “окают”. Также есть разница и в произношении согласных звуков. Это обусловлено тем, что в марийском языке не было звонких согласных. Например, при произношении [д] в русском языке язык опускается к нижним зубам, а марийский упирается к верхним зубам. В марийском языке [в] – губно-губной, а в русском языке – губно-зубной звук. Если марийский [т] упирается на нижние зубы и близок к [ч], то русский – на верхние, поэтому наши дети часто гово-

рят “учичель” вместо “учитель”. Ударение и в марийском, и русском языке разноместное, но в марийском языке все имена имеют ударение в последнем слоге, из-за этого допускается ошибка в произношении имен по-русски»[1].

В марийском языке также отсутствует категория рода, поэтому у учащихся возникают трудности с согласованием существительных с прилагательными, местоимениями и глаголами прошедшего времени. Зачастую путаются падежные окончания существительных предложного падежа: вместо «в предложении» дети пишут «в предложений».

Возникает вопрос: «Как помочь учащимся овладеть грамотной речью?»

Формирование речевой культуры – основная задача, которая стоит сегодня перед школой, перед учителем.

Хочу поделиться опытом работы над данной проблемой. Как учитель-практик, постоянно ищу пути повышения грамотности учащихся, изучаю современные педагогические технологии и различные методики. Меня заинтересовали методы и приемы технологии «Формирующего оценивания». На основе методики «Рубрика» мной разработан комплекс заданий, способствующих формированию грамотной речи учащихся, мотивирующих на осознанный подход к овладению знаниями.

Прием «Записываю. Слушаю. Исправляю» используется для формирования устной речи. Учащиеся выразительно читают текст и записывают его на диктофон. Затем аудиозапись воспроизводится и оценивается по определенным критериям, которые разрабатываются совместно с детьми.

[1] *Семенова Л.Н.* Типичные (обусловленные влиянием родного языка) ошибки у изучающих русский язык как неродной. Способы предупреждения ошибок // Социальная сеть работников образования [nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk]: https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2018/01/23/tipichnye-obuslovlennye-vliyaniem-rodnogo-yazyka-oshibki-u (дата обращения: 15.11.2018).

Каждый имеет возможность внимательно прослушать и выявить как свои, так и ошибки товарищей. Ошибки исправляются в совместной беседе учителя с учащимися, затем классифицируются. Этот прием позволяет ребенку провести анализ грамотности собственной речи и дает возможность поставить цель повысить свою речевую культуру. При этом ребенок также приобретает навыки определения видов ошибок: речевых, грамматических, орфоэпических. Так как рубрикаторы составляются на основе критериев к ОГЭ в устой форме, ребенок уже с 5 класса имеет возможность готовить себя к экзамену.

Для формирования грамотной письменной речи в своей практике использую разные формы диктантов: текстовые, словарные. Текстовые и словарные диктанты, написанные учащимися под диктовку учителя, проверяются детьми. Каждый ребенок сам проверяет свою работу по эталону, данному учителем, оценивает ее и выставляет себе отметку по рубрикатору, разработанному по нормам оценивания диктантов.

Ошибки классифицируются. Орфограммы прописываются к каждой ошибке, допущенной учеником. Каждое слово, написанное неверно, переписывается десять раз в специальный словарик. Затем диктанты перепроверяются учителем. Выявляются ошибки, пропущенные учащимися при самостоятельной проверке по эталону. Учитель выставляет отметку за внимательность при проверке диктантов. Данная работа помогает сформировать орфографическую зоркость учащихся.

Таблица 1.

Рубрикатор оценивания текстового диктанта (учителем)

Уровень достижений	Критерии = планируемый результат = предметная задача	Дескрипторы – показатели достижения результата	Баллы
Образцовый «5»	В тексте выявлены все ошибки или пропущена 1 ошибка	I – 12–11	3 балла
Адекватный «4»	В тексте пропущено 2–3 ошибки или выявлено 10–9 ошибок	I – 10–9	2 балла
Нуждается в исправлении «3»	В тексте пропущено 4–5 ошибок или выявлено 8–7 ошибок	I – 8–7	1 балл
Не соответствует требованиям «2»	В тексте пропущено 6 и более ошибок или выявлено 1–6 ошибок	I – 1–6	0 баллов

Диктанты с намеренно допущенными ошибками даются учащимся учителем или же составляются детьми друг для друга. Проверяются они также по эталону, составленному учителем или детьми.

Если систематически использовать на уроках русского языка данные формы работы, результат не заставит себя ждать. Учащиеся осознано подходят к заучиванию орфографических и пунктуационных правил, к применению их в практической деятельности. Формирование речевой культуры учащихся – это не только работа учителя, это осознанная работа самого ребенка. Технология «Формирующего оценивания» позволяет достичь поставленной цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Квач В.В.* Нужно ли практиковать в школе орфографическое проговаривание // Начальная школа. 1995. № 11.

2. *Пинская М.А.* Формирующее оценивание: оценивание в классе. М., 2010.

3. Семенова Л.Н. Типичные (обусловленные влиянием родного языка) ошибки у изучающих русский язык как неродной. Способы предупреждения ошибок // Социальная сеть работников образования [nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk]: https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2018/01/23/tipichnye-obuslovlennye-vliyaniem-rodnogo-yazyka-oshibki-u (дата обращения: 15.03.2019).

4. *Тоцкий П.С.* Орфография без правил. М., 1991.

5. *Фишман Ю.* Виды диктантов // Могу писать: https://mogu-pisat.ru/stat/metod/?ELEMENT_ID=1409262 (дата обращения: 15.03.2019).

К.М. Борисова
Центр педагогического мастерства, Москва

Рассуждение на лингвистическую тему на текстовой основе на уроке славянской письменности

K.M. Borisova
Pedagogical Mastery Center, Moscow

Based on the Text Discussion on the Linguistic Topic on the Slavic Writing Lesson

История родного языка является неотъемлемой частью истории родной страны и ее культуры. И, конечно, в системе изучения русского языка необходимо уделять внимание

истории русского языка, благодаря чему школьники могут и осознать ценность языка как части родной культуры, и узнать новые сведения о языке и истории, и лучше понять систему современного языка. Об этом писал еще два века назад выдающийся филолог и методист Федор Иванович Буслаев[1].

В качестве одной из форм работы в данном направлении является урок славянской письменности, который можно проводить и в рамках основного курса в конце учебного года, и в рамках факультатива. На подобных уроках, помимо знакомства с историей языка, можно реализовать еще один важный аспект обучения русскому языку – обучение рассуждению на лингвистическую тему. Обучение рассуждению на лингвистическую тему формирует и предметные УУД, и метапредметные, так как в процессе осмысления лингвистических понятий и явлений происходит формирование самого навыка строить рассуждение, который необходим не только на уроках русского языка, но и на всех остальных, а также необходим для успешного освоения программ общего образования и дальнейшей жизни.

Несомненно, при обучении рассуждению на лингвистическую тему на уроках славянской письменности особое значение приобретают тексты. Работа с текстом является деятельностью, без которой немыслим ни один урок русского языка. Так, выдающийся отечественный методист А.П. Еремеева отмечает, что в тексте содержится «вся информация о внешнем и внутреннем мире человека, запечатленная средствами языка»[2]. Идея о главенствующей роли текста в системе обучения

[1] *Буслаев Ф.И.* О преподавании отечественного языка // Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: учеб. пос. для ст-в пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Сост. И.Ф. Протченко, А.А. Ходякова. М., 1992.

[2] *Еремеева А.П.* Антропоцентрический подход в лингвистических и методических исследованиях // Полифония методических подходов к обучению русскому языку. М.: МПГУ; Ярославль: РЕМДЕР, 2012. С. 20.

русскому языку легла в основу текстоцентрического подхода лингвометодики, который обосновали и развили в своих работах такие ученые, как Н.С. Болотнова, А.Д. Дейкина, А.П. Еремеева, Н.А. Ипполитова, О.Н. Левушкина, Т.М. Пахнова, Л.А. Ходякова и другие. При обучении рассуждению на лингвистическую тему текст является одновременно и средством, и объектом обучения. Учащиеся черпают из текстов информацию о языке, анализируют тексты, наблюдая над языковыми явлениями, сами при этом строят тексты (устные и письменные), выстраивая собственное рассуждение.

При этом мы предлагаем использовать разные тексты: учебно-научные и художественные, звучащие и написанные, сплошные и несплошные. Отметим, что сплошным мы называем «текст, не прерываемый включенными в отдельные строки формулами, таблицами, заголовками, иллюстрациями»[1], а несплошным – текст, в котором «информация предъявляется невербальным или не только вербальным способом»[2]. Таким образом, на предлагаемом уроке активизируется работа с разными жанрами и формами речи, задействуются разные способы восприятия и обработки информации, разные виды восприятия текста – аудиальное и визуальное.

Рассмотрим методы и приемы организации обучения рассуждению на лингвистическую тему при работе с текстами на уроке славянской письменности, который можно проводить для учащихся основной школы разных классов в зависимости от уровня подготовленности. На уроке предлагается знакомство с историей появления славянской письменности, а также с историей некоторых букв кириллицы.

Начать урок можно с вводного слова учителя о славянской письменности, сопровождаемого показом слайдов-иллюстраций. Таким образом активизируется работа со звуча-

[1] *Бунеева Е.В* Технология продуктивного чтения: ее сущность и особенности использования в образовании детей дошкольного и школьного возраста / Е.В. Бунеева, О.В. Чиндилова. М.: Баласс, 2014. С. 36.
[2] Там же. С. 37.

щим словом учителя. При этом можно перед прослушиванием дать ученикам задание выделить главную информацию при прослушивании и составить конспект. А после прослушивания предложить ученикам обсудить услышанное, озвучить свои записи. В процессе обсуждения учитель фиксирует ключевые тезисы на доске или включает слайд со своим вариантом конспекта. Предполагается следующая запись:

> 863 год – Князь Великой Моравии Ростислав попросил византийского императора Михаила III прислать учителей-миссионеров, проповедующих христианство на языке, понятном славянам.
>
> Константин (в монашестве Кирилл) и Мефодий из города Фессалоники, или Солунь (ныне Салоники).
>
> 11 (24) мая 863 года было объявлено о создании новой азбуки – День славянской письменности.

Далее работа с еще одним текстом, на этот раз несплошным. Учащиеся анализируют схему и делают вывод, что славянская письменность опиралась, с одной стороны, на славянский разговорный язык, а с другой – на греческую письменность. Можно показать учащимся изображения букв греческого алфавита, чтобы они сравнили их с буквами кириллицы.

Ценным источником для практической работы на подобных уроках являются художественные тексты, особое место среди которых занимают классические тексты русской литературы. Так, в повести А.П. Чехова «Три года» находим следующий фрагмент:

> – Твердо, веди, аз! – слышалось со всех сторон (буквами в амбаре обозначались цены и номера товаров). – Рцы, иже, твердо!

В рамках описываемого урока ученики выполняют такое задание по этому фрагменту: «Напишите буквы, названные в тексте. Что должен был крикнуть приказчик, чтобы назвать товар, который обозначен буквами К, Л, Г? Д, П, М?» Во вре-

мя выполнения этого задания учащиеся могут пользоваться таблицей с изображениями и названиями букв кириллицы.

Еще один текст, который целесообразно использовать на уроке знакомства славянской письменности, зафиксирован в словаре «Пословицы русского народа» В.И. Даля:

Ер да еры – упали с горы,
Ерь да ять – некому поднять[1].

Опираясь на этот текст, можно построить обсуждение упомянутых в нем букв кириллицы. Также нужно обратить внимание учащихся на то, что графически похожие буквы имеют и схожие название (ер – ъ, еры – ы, ерь – ь).

Кроме того, интересным опытом на уроке знакомства с историей славянской письменности становится прочтение текста в дореформенной орфографии. Сначала учащиеся обращают внимание на графические особенности этого текста, его отличия от современной графики и орфографии: буквы ѣ, і, буква ъ на конце слов после согласных.

Бѣлый, блѣдный, бѣдный бѣсъ
Убѣжалъ голодный въ лѣсъ.
Лѣшимъ по лѣсу онъ бѣгалъ,
Рѣдькой съ хрѣномъ пообѣдалъ
И за горькій тотъ обѣдъ
Далъ обѣтъ надѣлать бѣдъ.

Далее учитель спрашивает, какая буква встречается чаще других в этом тексте (ѣ), просит определить, в какой морфеме употреблена эта буква (в корне), и спрашивает, для чего мог использоваться подобный текст. Если ученики затрудняются с ответом, учитель показывает продолжение текста:

Вѣдай, братъ, что клѣть и клѣтка,
Рѣшето, рѣшетка, сѣтка,
Вѣжа и желѣзо съ ять, –
Такъ и надобно писать.

[1] Пословицы русского народа: Сборник В.И. Даля. М.: Художественная литература, 1989.

После этого ученики делают вывод о том, что этот текст является мнемоническим приемом для запоминания слов с этимологическим ятем. Также уместно рассказать основные сведения о реформе графики и орфографии русского языка 1917/1918 гг.

В качестве домашнего задания учащиеся пишут сочинение-рассуждение на одну из следующих тем:

Как и почему менялась кириллица?

Почему Кирилла и Мефодия почитают все славяне?

Темы сочинений представляют собой проблемные вопросы, содержат слово «почему», чтобы помочь учащимся построить именно рассуждение. При объяснении домашнего задания нужно обязательно напомнить разницу между типами речи и подчеркнуть, что в рамках данного задания нужно построить текст-рассуждение, а не повествование.

Таким образом, на уроке знакомства с историей славянской письменности реализуются различные виды работы с текстом и формируются навыки рассуждения на лингвистическую тему. При этом необычная для обычных уроков тема – история языка – служит дополнительной мотивацией, увлекает учеников. Кроме того, на этом уроке учащиеся имеют дело с текстами различных видов и форм из различных источников. С опорой на текст они узнают об истории славянской письменности, строят свои рассуждения о языке, знакомятся с новыми для них буквами кириллицы, при этом буквы предстают не оторванными от всей системы языка, а реализуются в текстах, в том числе в тексте дореформенной орфографии.

ЛИТЕРАТУРА

Бунеева Е.В. Технология продуктивного чтения: ее сущность и особенности использования в образовании детей дошкольного и школьного возраста / Е.В. Бунеева, О.В. Чиндилова. М.: Баласс, 2014. 43 с.

Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка // Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: учеб. пос. для ст-в пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Сост. И.Ф. Протченко, А.А. Ходякова. М., 1992.

Иванов В.В. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе / В.В. Иванов, З.А. Потиха. М.: Просвещение, 1978. 160 с.

Еремеева А.П. Антропоцентрический подход в лингвистических и методических исследованиях // Полифония методических подходов к обучению русскому языку. М.: МПГУ; Ярославль: РЕМДЕР, 2012. С. 19–22.

Пословицы русского народа: Сборник В.И. Даля. М.: Художественная литература, 1989.

Е.А. Гольцева
Московский педагогический государственный университет

Чтение и понимание авторской позиции в художественном тексте на уроке русского языка (на материале рассказа А.П. Чехова «Кто виноват?»)

Elena Goltseva
Moscow Pedagogical State University

Reading and Understanding of the Author's Position in the Literary Text in the Russian Language Lesson (based on the story of A.P. Chekhov "Who is Guilty?")

В современной школьной методике русского языка художественный текст рассматривается как пространство (языковое, культурное, научное, информационное), включаясь в которое ученик усваивает новые знания и ценно-

сти, духовную культуру народа, уточняет нравственные и эстетические позиции. Школьный курс русского языка представляет две системы, взаимосвязанные между собой: языковое образование и речевое развитие. Языковая компетенция является для учащегося тем фундаментом, на котором происходит формирование речевых умений, в том числе работа с текстом, что создает таким образом условия для свободного владения языком. Эффективная текстовая деятельность учащихся помогает им впоследствии включиться в социальную коммуникацию, стать органической частью общественного опыта и сознания.

Основной задачей образования на сегодняшний день выступает формирование зрелой личности, обладающей целостным мировоззрением, объединяющим опыт традиций отечественной культуры и возможность адаптации к современной ситуации. Тезис о единстве культуры и текста выдвигает Н.С. Болотнова: «…универсальная форма коммуникации, признанной не только хранить, но и передавать информацию последующим поколениям…»[1].

На уроках русского языка учитель ставит перед собой задачу научить подходить к этому процессу не только формально, но и творчески: ведь умения текстовоспроизведения и текстообразования необходимы учащемуся не только в школе. Текстоориентированный подход в методике неразрывно связан с овладением коммуникативной и учебно-познавательной компетенциями; кроме того в процессе овладения происходит развитие творческого потенциала личности учащегося[2]. Обучение русскому языку в современной школе – сложный процесс, в котором затрагиваются несколько

[1] *Болотнова Н.С.* Филологический анализ текста: учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 116.

[2] *Шанский Н.М.* Филологический анализ художественного текста: Пособие для студентов пед. вузов / Н.М. Шанский, Ш.А. Махмудов. СПб.: Специальная литература, 1999. 319 с.

аспектов и решаются две основные задачи: формирование практических навыков владения русским языком во всех аспектах речевой деятельности и получение знаний о системе русского языка. Эти задачи находятся в центре внимания ученых-методистов и учителей-практиков. Различные аспекты этих методик отражены в трудах Н.М. Шанского, М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской, А.Д. Дейкиной и др.

В данной статье рассмотрим приемы работы с художественным текстом рассказа А.П. Чехова: в школьном образовании тексты рассказов этого писателя занимают особое место. Еще в 1974 г. в журнале «Русский язык в школе» вышла статья известного филолога и чеховеда А.П. Чудакова о восприятии чеховского мира, где он отмечает, что «главный эффект чеховского повествования – изобразить мир в формах не только мысли, но и речи самих героев этого мира»[1]. Ви́дение окружающего мира через сознание воспринимающего лица оказалось новаторской чертой, которую А.П. Чехов пронес через все свои произведения.

О роли чеховского наследия в вузе и школе рассуждает и исследователь О.М. Скибина в статье «Чехов в школьном изучении: достижения или провалы?»[2]. Однако нам кажется, что упор на анализ художественного текста необходимо сделать на уроках не только литературы, но и русского языка. Именно на них анализируется структура с лингвистической точки зрения, и с помощью ключевых слов (маркеров) можно выявить скрытые смыслы и понять позицию автора.

Рассмотрим позицию автора в рассказе А.П. Чехова «Кто виноват?». Отметим, что этот и другие рассказы рекомендуется включить в систему уроков, формирующих понимание авторской позиции и всего текста в целом. Прочтение

[1] *Чудаков А.П.* Слово в художественном мире Чехова // Русский язык в школе. 1974. №4. С. 10

[2] *Скибина О.М.* Чехов в школьном изучении: достижения или провалы? // Вестник ОГУ. 2004. №11. С. 34–38.

рассказа (фрагментов) может быть как домашней работой накануне урока, так и частью анализа непосредственно на уроке русского языка.

Перед началом работы с текстом учащихся необходимо познакомить с системой анализа художественных средств. Они помогут «выявить» особо значимые детали, призванные передать «новое видение мира и человека в его целостности»[1]. В зависимости от принадлежности к разным уровням языковой структуры выделяются лексические, лексико-морфологические, лексико-синтаксические, синтаксические и интонационные маркеры имплицитности[2]. Среди текстовых средств выделяются внутритекстовые взаимодействия, к которым относятся: повторы, ключевые слова, стилизация (усеченные формы имен прилагательных, устаревшие формы, архаизмы).

Итак, в начале урока учащимся предлагается поразмышлять над заглавием. Заголовок – первый шаг к восприятию текста, он формирует в сознании учащихся образ ситуации, о которой пишет автор. Специфика заглавия текста заключается в том, что оно является составной частью текста, элементом его структуры и, занимая сильную позицию в тексте, привлекает внимание учащихся.

В рассказе важную роль играют лексемы. А.П. Чехов подмечает внешность Петра Демьяныча: «похожий на несвежего копченого сига»; в «Словаре русского языка»[3] лексема *сиг* имеет значение «северная промысловая рыба семейства лососевых». Иронично, но человека автор сравнивает с несвежей рыбой, а котенка называет молодым

[1] *Чудаков А.П.* Слово в художественном мире Чехова // Русский язык в школе. 1974. №4. С. 13.

[2] *Гладкая Е.Ф.* Языковые маркеры невербализованных смыслов в лирике: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 17 с.

[3] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Русский язык, 1990. 917 с.

мечтателем, употребляет по отношению к нему эпитет «достойный» («мерещилось молодому мечтателю», «достойным своих кровожадных предков»[1]).

В процессе работы с данным текстом можно активизировать знания учащихся по теме «Лексикология». Так, сначала предложить вспомнить, что такое просторечные слова, затем попросить найти в тексте примеры таких слов и выражений («Сичаас!», «каналья», «дурак», «стервец!»). После этого учащиеся делают вывод о том, что в данном случае просторечные слова несут в себе характеризующую и пренебрежительную функцию. Авторскую оценку ситуации можно проследить в выражении «от своих прародителей тигров (зри Дарвина)», которое указывает читателю на решительность и смелость животного, но вместе с тем и комичность ситуации: котенок ведет себя совсем не так, как его предки. Оценка проявляется также в олицетворении неживых предметов: «у блюдечка вырастали лапки, оно начинало двигаться», «мясо бежало в сторону» – здесь учащиеся должны понимать, что происходящее в рассказе им видится глазами котенка.

Выражение «чужая душа – потемки», которое можно расценить и как фразеологизм, и как пословицу, создает дополнительные смыслы в художественном тексте и выполняет характеризующую функцию. Внедрение в текст рассказа этого выражения несет в себе имплицитную характеристику авторской позиции и смысл рассказа: «Чужая душа – потемки, а кошачья и подавно…»[2]. Использованный фразеологизм можно найти в «Школьном словаре живых русских пословиц» под редакцией В.М. Мокиенко: «…трудно предугадать, что может думать, как может поступить другой человек, что у него на душе»[3]. Ирония и от-

[1] *Чехов А.П.* Кто виноват? // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 5. [Рассказы, юморески], 1886–1886. М.: Наука, 1976. С. 457.

[2] Там же.

[3] *Мокиенко В.М и др.* Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2002. С. 95.

рицательная характеристика направлены автором на Петра Демьяныча. Как педагог и преподаватель латинского языка, он нетерпелив, вспыльчив и груб: комично это проявляется в котенке, который боится мышей в зрелом возрасте; трагично – отзывается в душе у рассказчика, ведь именно «благодаря» своему дядюшке он ненавидит латынь.

Средством обозначения интонационных средств в художественном тексте будут служить специальные графические маркеры – знаки препинания. Например, интонация незавершенности стимулирует читателя к поиску глубинного, невысказанного смысла. Маркером интонации незавершенности в рассказе может быть многоточие, которое в данном случае выполняет интригующую функцию: «Мы его приучать будем... Ставь его против мышеловки... Вот так... Дай ему понюхать и поглядеть... Вот так...».

Воздействующую функцию в тексте будут выполнять восклицательные знаки и лексический повтор (текстовые маркеры и фонетические маркеры). Учащимся предлагается заполнить таблицу и выявить функцию этих маркеров самостоятельно; также можно дать это задание в качестве домашней работы:

средство	лексический повтор	восклицательные предложения
примеры	«Вот так... *Дай ему понюхать и поглядеть...* Вот так...» *«*Ушла*!* Ушла*!»* «Гляди*: это мышь!* Гляди же! Ну? Гляди*, тебе говорят!*»	«Стой, подлец этакий*!* Мыши, дурак, испугался*!* Гляди: это мышь*!* Гляди же*!* Ну? Гляди, тебе говорят*!*» «Какая же это кошка*?!* Это гадость, дрянь*!* Пороть*!* Около мышеловки пороть*!*»

примеры	«Стой! – крикнул дядя, хватая его за хвост. – Стой, *подлец этакий!*» «Вот тебе! Вот тебе!»	«– Ага-а! … Пойма-а-алась, по-одлая! Постой же, я покажу тебе, как есть синтаксис!»
функция	воздействующая	воздействующая

Подобные таблицы на другие маркеры можно дать учащимся в качестве домашней работы: найти в тексте значимые сравнения, эпитеты, метафоры и т. д.

Таким образом, анализ художественного текста рассказа на уроке русского языка помогает учащимся расширить свои знания о языке, понять позицию автора и, как следствие, смысл произведения.

ЛИТЕРАТУРА

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие.4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009.

Гладкая Е.Ф. Языковые маркеры невербализованных смыслов в лирике: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М, 2007. 17 с.

Мокиенко В.М и др. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2002. 352 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Русский язык, 1990. 917 с.

Скибина О.М. Чехов в школьном изучении: достижения или провалы? // Вестник ОГУ. 2004. № 11. С. 34–38.

Чехов А.П. Кто виноват? // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Т. 5. [Рассказы, юморески], 1886–1886. М.: Наука, 1976. С. 457–460.

Чудаков А.П. Слово в художественном мире Чехова // Русский язык в школе. 1974. № 4. С. 7–13.

Шанский Н.М. Филологический анализ художественного текста: Пособие для студентов пед. вузов / Н.М. Шанский, Ш.А. Махмудов. СПб.: Специальная литература, 1999. 319 с.

И.В. Демина
Средняя школа № 61, г. Иваново

Организация общешкольного проекта по русскому языку как форма управления проектно-исследовательской деятельностью учащихся

I.V. Demina
Secondary School № 61, Ivanovo

The School-Wide Dictionary Project Is Management Form for Design and Research Activities of Students

Проектная деятельность – педагогическая технология, ориентированная не на получение готовых знаний, а на их применение и приобретение новых знаний путем самообразования. Метод дает простор для творческой инициативы учащихся, родителей и педагога, подразумевает их дружеское сотрудничество, что создает положительную мотивацию ребенка к учебе. Именно в школе ученик получает исследовательские навыки ориентирования в потоке информации, учится анализировать ее, обобщать, сопоставлять факты, делать выводы и заключения.

Таким образом, наша задача – показать, как организовать общешкольный проект. Рассмотрим алгоритм организации проектно-исследовательской деятельности по русскому языку, который можно применить на уроках и во внеурочной деятельности.

Общешкольный проект – это система нескольких отдельных проектов, объединенных одной целью. В основе каждого проекта лежит проблема. Целью проектной деятельности становится поиск способов решения проблемы.

В самом общем виде при осуществлении проекта можно выделить следующие этапы:

1. погружение в проект;
2. организация деятельности;
3. осуществление деятельности;
4. презентация результатов.

Рассмотрим описание двух общешкольных словарных проектов.

ОБЩЕШКОЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ ПРОЕКТ № 1

«СОКРОВИЩНИЦЫ РЕЧИ – СЛОВАРИ»
МЕТОДИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ

Цель: изучить и познакомить учащихся с толковыми словарями и их создателями.

Задачи:

- знакомство с историей создания словаря В.И. Даля и биографией ученого:
- знакомство с историей создания словаря и биографией С.И. Ожегова;
- привлечение внимания учащихся 4–11 классов к работе со словарями;
- разработка памятки по работе со словарями, в том числе в сети Интернет;
- повышение интереса к работе со словарями у учащихся и их родителей;
- воспитание бережного отношения к слову и его значению;
- воспитание культурной работы со словарем, в том числе в сети Интернет.

Приемы:

1. теоретическое изучение проблемы, изучение литературных источников;
2. наблюдение, беседа;
3. обобщение и систематизация материала;
4. защита проекта.

Общие умения и навыки:

- умения видеть проблемы; задавать вопросы; классифицировать;
- умения и навыки наблюдения; проведения экспериментов;
- умения делать выводы и умозаключения;
- умения и навыки структурирования материала; работы с текстом;
- умение доказывать и защищать свои идеи.

Актуальность:

В повседневной жизни мы должны употреблять слова таким образом, чтобы как можно точнее передать смысл сказанного. Тем, кто стремится говорить правильно, словарь просто необходим. Таким образом, словарь – это огромный труд ученого и исследователя, призванный помочь разобраться в значении и сфере употребления того или иного слова. Это сокровищница нашей речи.

Предмет проекта: Толковые словари русского языка.

Объект проекта: история создания толковых словарей (В. Даля и С. Ожегова) и биография их создателей.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПРОЕКТА

Первый этап – подготовительный: выбор темы проекта, определение и подготовка объекта и предмета, разработка целей и задач, подготовка инструментария, обучение участников проекта, выбор методов и приемов.

Второй этап – конструирующий: изучение биографии В. Даля и С. Ожегова, инструкции по выполнению заданий проекта «Интересные страницы словаря».

Третий этап – корректирующий: создание презентаций на основе проведенного исследования, сбор материалов проекта «Интересные страницы словаря»;

Четвертый этап – контрольный: защита проекта «Интересные страницы словаря», стендовый доклад, показ и защита презентации.

Пятый этап – заключительный: подведение итогов и оформление результатов – презентация результатов проекта на главном стенде школы, размещение отчета о мероприятии на сайте школы, разработка памятки «Как работать с толковым словарем?», разработка памятки «Электронные версии словарей». Фотоотчет.

Результаты:

- знакомство учащихся и родителей с биографией В. Даля и С. Ожегова;
- проведение словарного урока;
- разработка алгоритма работы со словарями, в том числе в сети Интернет;
- представление результатов исследования на ученической конференции;
- проведение общешкольного словарного проекта.

ПЕРЕЧЕНЬ МАТЕРИАЛОВ

1. **Исследовательский проект** – небольшое исследование, имеющее структуру, приближенную к подлинным научным исследованием. Исследовательская работа М. Юрьевой (ученицы 7 кл.) на тему: «Сокровищницы речи – словари С.И. Ожегова» (участницы IX ученической конференции)[1].

2. **Творческий проект** – результат совместной деятельности всех участников проекта. Всем желающим было предложено принять участие в проекте «Интересные страницы

[1] *Юрьева М.* Сокровищницы речи – словари С.И. Ожегова //«Слово зажигается от слова…» (К. Ваншенкин): материалы девятой ученической научно-практической конференции «Родной язык в пространстве русского мира современной России». Иваново, 19–20 февраля 2016. Иваново, 2016. С. 264.

словаря». Они должны были красочно оформить страницу из словаря В. Даля; Результат работы – презентация рукотворных словарей нескольких классов.

3. **Информационные проекты.** Этот тип проектов направлен на сбор информации о каком-то объекте, ознакомление участников проекта с этой информацией, ее анализ и обобщение фактов. В наш проект вошли две такие работы: презентация М. Юрьевой (ученицы 7 кл.) на тему: «Сокровищницы речи – словари С.И. Ожегова и презентация А. Кузьминой (ученицы 7 кл.) к стендовому докладу «В.И. Даль – составитель сокровищницы меткого народного слова».

4. **Практико-ориентированные проекты** – проекты, которые отличает четко обозначенный результат деятельности. Причем этот результат обязательно ориентирован на социальные интересы самих участников. Примером такой работы является обсуждение и разработка учащимися «Памятки “Электронные версии словарей”» и «Памятки “Как работать с толковым словарем?”».

5. **Игровой проект.** В таком проекте структура только намечается и остается открытой до окончания проекта. Участники принимают на себя определенные роли, обусловленные характером и содержанием проекта. Это могут быть литературные персонажи или выдуманные герои. Примером является словарный квест на тему: «Словарь В.И. Даля – сокровищница меткого народного слова»). **Цель данного квеста:**

- познакомить учащихся с «Толковым словарем живого великорусского языка» В. Даля;
- сформировать умение пользоваться «Толковым словарем живого великорусского языка» В. Даля;
- воспитать у учащихся уважение к русскому слову.

ОЦЕНКА ПРОЕКТА

1. Работа М. Юрьевой «Сокровищницы речи – словари С.И. Ожегова» получила диплом лауреата IX ученической конференции и была опубликована.

2. Проект «Сокровищницы речи – словари» победил во Всероссийском словарном конкурсе общешкольных словарных проектов.

3. Учащиеся нашей школы приняли участие в работе ученической конференции в городе Волгограде «Если Вы любите Россию, вы должны рваться служить ей» (Слово о России). Они представили свой проект на конкурсе презентаций «Молодые исследователи Словарной Вселенной» и получили диплом 3 степени.

ОБЩЕШКОЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ ПРОЕКТ № 2

«ИСТОРИЯ В СЛОВЕ М.ДУДИНА – СЛОВО М. ДУДИНА В ИСТОРИИ»
МЕТОДИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ

Цель: изучить и познакомить учащихся с творчеством Михаила Дудина, словарным богатством его стихотворений.

Задачи:

- знакомство с историей создания стихотворений и биографией М. Дудина;
- привлечение внимания учащихся 6–8 классов к работе со словарями;
- разработка памятки по работе со словарями, в том числе в сети Интернет;
- повышение интереса к работе со словарями у учащихся и их родителей;
- воспитание бережного отношения к слову и его значению;
- воспитание культурной работы со словарем, в том числе в сети Интернет.

Приемы:

1. Теоретическое изучение проблемы, изучение различных источников;

2. Наблюдение, беседа.

3. Обобщение и систематизация материала.

4. Защита проекта.

Общие умения и навыки:

- умения видеть проблемы; задавать вопросы; выдвигать гипотезы;
- умения и навыки наблюдения; проведения экспериментов;
- умения делать выводы и умозаключения;
- умения и навыки структурирования материала; работы с текстом;
- умение доказывать и защищать свои идеи.

Актуальность:

При изучении творчества писателя или поэта нам необходимо познакомиться со словарным богатством его произведений; это особенно актуально, если автор произведений не является нашим современником. В тексте мы часто встречаем слова, обозначающие предметы и явления ушедшей эпохи. Для каждого слова разработана словарная статья, в которой показано число случаев его употребления в текстах поэта, сформулированы его значения, проиллюстрированные цитатами и снабженные полным перечнем словоупотреблений, содержащим указание на грамматические формы и ссылки на все тексты, в которых встречается данное слово; отдельно показано функционирование слова в составе фразеологических сочетаний.

Предмет проекта: Словарь поэта Михаила Дудина.

Объект проекта: история создания стихотворений и биография М. Дудина.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПРОЕКТА

Первый этап – подготовительный: выбор темы проекта, определение и подготовка объекта и предмета, разработка целей и задач, подготовка инструментария, обучение участников проекта, выбор методов и приемов.

Второй этап – конструирующий: изучение биографии М. Дудина, знакомство с различными изданиями словарей писателей, разъяснение инструкций по выполнению заданий проекта «Словарь поэта Михаила Дудина».

Третий этап – корректирующий: создание презентаций на основе проведенного исследования, сбор материалов проекта «Словарь поэта Михаила Дудина»;

Четвертый этап – контрольный: защита проекта «Словарь поэта Михаила Дудина», стендовый доклад, показ и защита презентаций.

Пятый этап – заключительный: подведение итогов и оформление результатов – презентация результатов проекта на главном стенде школы, размещение отчета о мероприятии на сайте школы, разработка памятки «Электронные версии словарей писателей». Фотоотчет.

Результаты:

- знакомство учащихся и родителей с биографией М. Дудина;
- участие во всероссийском конкурсе словарных проектов;
- разработка алгоритма работы со словарями, в том числе в сети Интернет;
- представление результатов на X городской ученической конференции;
- участие в городских мероприятиях, посвященных 100-летию со дня рождения Михаила Дудина;
- проведение общешкольного словарного проекта.

ПЕРЕЧЕНЬ МАТЕРИАЛОВ

Исследовательские работы: Л. Крыловой (ученицы 7 кл.) на тему: «Слово о солдате в лирике М. Дудина» (участницы X ученической конференции), А. Кузьминой (ученицы 8 кл.) на тему: «Стихи, стихи, бойцы моей души…» (участницы X ученической), Ю. Тихомировой (ученицы 8 кл.) на тему: «Подвигу твоему, Ленинград!» (участницы X ученической конференции).

Технологическая карта образовательного квеста И.В. Деминой на тему: «В гостях у словарей».

Сценарий образовательного квеста И.В. Деминой «В гостях у словарей».

Отчет о проведении мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения Михаила Дудина, размещенный на сайте школы (конкурс чтецов, конкурс рисунков, заочная экскурсия по родным местам поэта).

Презентации к уроку литературы: М. Дергунова «Русский советский поэт, переводчик – Михаил Александрович Дудин (к 100-летию со дня рождения)», А. Кузьминой «Стихи поэта-фронтовика Михаила Александровича Дудина – бойцы Ленинградского фронта», Ю. Тихомировой «Подвигу твоему, Ленинград! Поэзия Михаила Александровича Дудина (к 100-летию со дня рождения поэта)».

Отчет об интерактивном уроке в архиве на тему «Солдат-поэт», посвященном М. Дудину, размещенный на сайте школы и на сайте государственного архива Ивановской области.

Фотоотчет об общешкольном словарном проекте (Стендовый доклад, презентация проекта «Словарь поэта Михаила Дудина», защита проекта).

Памятка «Электронные версии словарей языка писателей и отдельных произведений».

Фотоотчет об исследовательской работе в музее на выставке, посвященной жизни и творчеству М. Дудина.

Словарь поэта Михаила Дудина (сканированные страницы словаря).

ОЦЕНКА ПРОЕКТА

1. Сценарий образовательного квеста был представлен на Всероссийском конкурсе методических разработок «Словарный урок».

2. Участие в V Всероссийском конкурсе презентаций «Гордость Отчизны» с тремя проектами: 1) М. Дергунов (диплом за 4 место), 2) Ю. Тихомирова (диплом за 4 место), 3) Кузьмина А. (диплом лауреата 2 степени).

3. Участие в Общероссийском конкурсе словарных проектов «История в слове, слово в истории», проводимого в рамках ежегодного конкурса «Словарная столица России» – диплом за 2 место и публикация словарного проекта.

Таким образом, современный учитель должен сделать все возможное, чтобы ученик испытал радость от прило-

женных усилий, пережил успех достижения цели. Разработка проекта – это путь к саморазвитию личности через осознание собственных потребностей, через самореализацию в предметной деятельности. Реализация проектной деятельности требует универсальной формы, такой как общешкольный проект.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.Н. Исследовательская деятельность как технология становления личности обучающихся // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2011. № 2. С. 23–25.

Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов-на-Дону, 2000. 352 с.

Гин А.А. Приемы педагогической техники: Свобода выбора. Открытость. Деятельность. Обрат. связь. Идеальность: Пособие для учителя. М.: Вита-Пресс, 1999. 88 с.

Рожкова О.Ю., Евстифеева О.В. От школьного исследования к целостному образовательному пространству // Инновационные программы и проекты в образовании. 2011. № 5. С. 37–43.

Современный образовательный процесс: основные понятия и термины: [краткий терминологический словарь] / М-во образования Российской Федерации, Нижнетагильская гос. социально-пед. акад., Каф. рус. яз. Каф. методики технологии и предпринимательства; [Олешков М.Ю., Уваров В.М.]. М.: Компания Спутник+, 2006. 189, [1] с.

Юрьева М. «Сокровищницы речи – словари С.И. Ожегова» //«Слово зажигается от слова…» (К. Ваншенкин): Материалы девятой ученической научно-практической конференции «Родной язык в пространстве русского мира современной России». Иваново, 19–20 февраля 2016. Иваново, 2016. 360 с.

Е.Н. Денисенко
Дипломатическая академия МИД России

Международная просветительская акция «Пушкинский диктант». Типология заданий

E.N. Denisenko
The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

International Education Action “Pushkinsky Diktant”. Typology of Tasks

Международная просветительская общественная акция «Пушкинский диктант» проводится с 2014 г. В 2014 г. «Болдинский диктант» – родоначальник современной масштабной акции – собрал более 1000 участников. В 2017 г.участников, детей и взрослых, было более 10000. В 2016 г. «Пушкинский диктант» перешагнул границы России, и в нем приняли участие школьники из Германии и Таджикистана. В 2019 г. в акции приняли участие более 17 тысяч человек из 15 стран мира.

Все любители русского языка и русской литературы, сторонники поддержки и продвижения русского языка в России и за рубежом могут участвовать в написании этой творческой работы.

Ежегодно организаторы готовят комплекты заданий для учащихся разных групп (3–4-х, 5–6-х, 7–8-х, 9–11-х классов) и для взрослых, также готовятся комплекты заданий для русского как иностранного.

Комплект заданий готовится на конкурсной основе. В конкурсе заданий и материалов к акции принимают участие все, кто может предложить свои варианты творческих заданий, посвященных русскому языку и литературе и роли Пушкина в его становлении и развитии.

Целью Акции является популяризация русского языка, литературы и культуры среди широких масс населения, начиная с дошкольников и заканчивая взрослыми, проживающими как в России, так и за рубежом, путем привлечения внимания к творчеству А.С. Пушкина.

Акция формирует позитивную мотивацию у детей и взрослых к чтению русской классики, изучению русского языка, повышению уровня функциональной грамотности.

Организаторам интересны мнения участников диктанта: все отмечают положительную просветительскую и объединяющую роль «Пушкинского диктанта».

Тема Акции 2020 года – «Путешествие с А.С. Пушкиным». В русском языке есть слово «первопроходец» – так называют человека, который первым проходит по новым местам. Часто ценой новых открытий была жизнь первооткрывателей. Мы имеет возможность совершить путешествие с А.С. Пушкиным без опасностей и трудностей, которые ожидали путешественников.

Благодаря Акции создалась неформальная площадка для повышения уровня образованности населения, в том числе проведение просветительской работы и распространение научных знаний о русском языке, литературе и культуре среди широких масс населения как в России, так и за рубежом. Именно задания, их креативность стали той составляющей, которая позволила существовать Акции с 2014 г.

В 2019 г. на Всероссийский (с международным участием) конкурс материалов для «Пушкинского диктанта-2019» было прислано 25 работ из 13 регионов Российской Федерации (г. Москвы, Астраханской, Ивановской, Калужской, Ря-

занской, Ульяновской, Ярославской областей, Краснодарского, Ставропольского краев, республик Бурятия, Татарстан, Хакассия, Чувашия) и из Республики Беларусь. В конкурсе участвовали вузовские преподаватели, школьные учителя русского языка и литературы, студенты вузов и школьники.

С целью повышения методической и лингвистической и культурологической грамотности участников проекта была составлена лингводидактическая матрица видов упражнений, предложены их виды.

ВИДЫ ЗАДАНИЙ «ПУШКИНСКОГО ДИКТАНТА» ДЛЯ РУССКОГО КАК РОДНОГО

Литературно-языковая разминка по произведениям А.С. Пушкина. В качестве ответа предлагается одно слово. Пример такого вида заданий:

> Каким книжным, поэтическим, устаревшим словом называют родной дом, домашний очаг, символизируемый в образе древнеримских богов, покровителей домашнего очага?

Лингвокультурологический комментарий отрывка из текста. Необходимо прочитать текст и выполнить задания, либо ответить на вопросы. Например:

> Они хранили в жизни мирной
> Привычки милой старины;
> У них на масленице жирной
> Водились русские блины;
> Два раза в год они говели;
> Любили круглые качели,
> Подблюдны песни, хоровод;
> В день Троицын, когда народ
> Зевая слушает молебен,
> Умильно на пучок зари
> Они роняли слезки три;
> Им квас как воздух был потребен,
> И за столом у них гостям
> Носили блюда по чинам.

Вопросы

Назовите произведение А.С. Пушкина, из которого взят данный отрывок.

Назовите персонажей, о которых в нем идет речь.

Какие песни называют «подблюдными»?

Что значит «роняли слезки три» на «пучок зари»?

Что означает «носить блюда по чинам»?

Афоризмы о А.С. Пушкине. Пример такого вида заданий:

Выберите из приведенного перечня авторов высказываний об А.С. Пушкине:

Иннокентий Анненский, А.А. Ахматова, К. Бальмонт, А.А. Блок, Н.В. Гоголь, А. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Дм. Мережковский, А.И. Солженицын, А.Т. Твардовский, Н. Тэффи, Ф.И. Тютчев. Запишите *Фамилию, имя, отчество* автора высказывания в скобках. «Пушкин – наше всё».

Логика сюжета. Расположите героев в порядке появления их в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Подобные задания даются со зрительной опорой.

«Слово – цитата – значение». **Ономастический диктант** по роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Задание звучит так:

объясните значение слов. Например: Энеида («Да помнил хоть не без греха, из *Энеиды* два стиха») – объясните выделенной слово.

При формировании пакета заданий по русскому как иностранному использовалась зрительная наглядность, как абстрактная, так и образная: картинки, таблицы, графики, кроссворды. В качестве ориентиров для создания заданий выступают два аспекта: во-первых, речевой образец (в иной интерпретации – модель) и, во-вторых, грамматические закономерности участвующих в построении речевого образца компонентов – грамматически корректно оформленных слов, а также грамматических элементов, позволяющих объединить такие слова во фразу.

ВИДЫ ЗАДАНИЙ «ПУШКИНСКОГО ДИКТАНТА» ДЛЯ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО

Языковые упражнения идентификации и дифференциации. Пример:

> Соедините предложения, приведенные в левой и правой частях колонок, для получения связанных утверждений. Возможные вопросы: какого героя нет в сказках А.С. Пушкина? В каких сказках есть эти животные?

Языковые упражнения в субституции. Пример:

> Составьте предложение из слов, используя таблицу, или из первых букв названий предметов, животных составьте слово. Напишите слово, его лексическое значение и полное название сказки, из которой взято это слово.

Языковые упражнения в трансформации основаны на тексте, содержание уточняется вопросами, на которые даются ответы, с использованием другой речевой модели.

> **Условно-речевые упражнения** – **имитативные**: согласитесь с данными утверждениями и обоснуйте свое согласие, используя образец. Напишите свое согласие / несогласие на высказывание.
>
> **Условно-речевые упражнения** – **трансформационные**: Передайте содержание диалога в форме монолога по образцу. Перескажите сюжет. Как называется сказка / поэма?
>
> **Речевые упражнения** – **композиционные**: составьте небольшой рассказ по теме, представьте, что вы режиссер-постановщик. Выберите элементы декораций, героев, реквизит, необходимые для постановки. Вся информация подается в таблице.
>
> **Речевые упражнения** – **дискутивные**: прокомментируйте пословицу, найдите аналог в родном языке.
>
> **Речевые упражнения** – **репродуктивные**: просмотрите текст и составьте детальный его пересказ на основе ключевых словосочетаний и выражений.

«Пушкинский диктант» – акция, которая позволяет проверить эрудицию. Все задания, содержание, смыслы, их историко-культурный контекст, преследуют цель формирования

чувства патриотизма, высоких нравственных установок и качеств личности, опирающихся на гуманистические ценности, уважение к культурному наследию России и ее истории.

ЛИТЕРАТУРА

Бабалова Л.Л. Практикум по грамматике (РКИ, уровни А2, В1): http://rustest-online.ru/

Глазунова О.И. Программа по русскому как иностранному / О.И. Глазунова, Д.В. Колесова, Т.И. Попова. М.: Русский язык. Курсы, 2017. 216 с.

Шибко Н.Л. Общие вопросы методики преподавания РКИ. СПб.: Златоуст, 2014. 336 с.

О.Н. Игуменова
Школа № 1568 имени Пабло Неруды

Культурная языковая среда как одно из средств речевого развития детей

O.N. Igumenova
Secondary School № 1568 named after Pablo Neruda

Cultural Language Environment as One of the Means of Children's Speech Development

Тема общения на протяжении всей истории человечества была неотъемлемой частью существования, важной составляющей жизни людей. В современном обществе эта тема особенно актуализируется в связи с изменениями самой жизни, с возрастающим ее темпом и новыми формами социального взаимодействия.

Безусловно, главным средством общения является речь.

Но, несмотря на постоянную необходимость людей в вербальном взаимодействии, наблюдается снижение уровня современного русского языка (обеднение словаря, упрощение грамматического строя, небрежное обращение со словом и даже намеренное искажение литературных норм).

Что же влияет на формирование и развитие речи ребенка? И как избежать пагубного влияния?

Средством развития речи в широком смысле является культурная языковая среда. Подражание речи взрослых является самым продуктивным механизмом овладения родным языком. Подражая окружающим, дети перенимают особенности произношения, словообразования, грамматики языка, в том числе и ошибки, которые встречаются в их речи.

М.М. Алексеева в работе «Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников» отмечает: «Поэтому к речи педагога предъявляются высокие требования: содержательность и одновременно точность, логичность; соответствие возрасту детей; лексическая, фонетическая, грамматическая, орфоэпическая правильность; образность; выразительность, эмоциональная насыщенность, богатство интонаций, неторопливость, достаточная громкость; знание и соблюдение правил речевого этикета; соответствие слова воспитателя его делам»[1].

Безусловно, огромное влияние на развитие речевых навыков оказывают и средства массовой информации. В сознании человека сформировано убеждение, что речь журналиста, диктора является образцовой.

«Консервативные» передачи до сих пор придерживаются этих принципов. Ведущие обладают грамотной речью, соблюдают орфоэпические нормы, не допускают речевых

[1] *Алексеева М.М., Яшина В.И.* Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников. 3-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2000. С. 70.

и грамматических ошибок. Но в последнее время формат телевидения сильно изменился. В отдельных программах (даже в политике целых каналов) можно наблюдать полное пренебрежение литературными нормами, законами языка.

В.Д. Черняк в статье «О языке СМИ и не только о нем» пишет: «Молодых журналистов отличает нежелание вдумываться в текст, написанный или произнесенный, отсутствие серьезной подготовки к выходу в эфир, скудный словарный запас, “общая серость”, “дистрофия артикуляционного аппарата”, отсутствие навыков связной устной речи. Когда журналист произносит: “Это открытие сделал Кулиби́н” или “В Петергофе открылся дворец Монре́по”, он не просто допускает ошибку в ударении, но обнаруживает и недостаток культурного багажа, и неразвитость языкового чутья, и отсутствие речевого вкуса»[1].

Но самое сильное влияние на речь ребенка и на сознание в целом оказывает Интернет. Глобальная сеть является самым популярным ресурсом. Это связано, прежде всего, с доступностью информации, с широким ее выбором, с отсутствием ограничений. А наиболее популярными в Сети стали блогеры, которые предлагают зрителям сомнительный так называемый «контент». И по форме, и по содержанию. Зачастую «плоский» юмор вайнов сопровождают сленг, жаргонизмы и даже нецензурная лексика.

И здесь необходима помощь взрослых! Задача родителей состоит, с одной стороны, в отборе информационного материала в широком смысле слова (телепрограммы, страницы в сети Интернет, книги, печатные издания и так далее). С другой, в необходимости создавать культурно-языковую среду.

Как бы банально или несовременно это ни звучало, прежде всего, это традиции семейного чтения.

---

[1] *Черняк В.Д.* О языке СМИ и не только о нем // Universum: Вестник Герценовского университета. 2008. № 3. С. 63.

Пример родителей и значимых взрослых в жизни ребенка может способствовать развитию интереса к литературе, к художественному слову и, как следствие, формированию богатой разнообразной речи с красивыми сложными конструкциями по образцам речи великих классиков.

На формирование речевых навыков влияет систематическое посещение культурных мероприятий (театров, музеев, выставок…). Это и обогащение «звучащей» речи, и знакомство с невербальными формами языка.

Последний, но наиболее важный пункт – социальная языковая среда. Речь близких и друзей либо обедняет речь ребенка, либо шлифует ее, делает более богатой, разнообразной, а соответственно, повышает интеллектуальный уровень, формирует глубокое мышление, а также влияет на развитие нравственных и моральных ценностей.

Л.С. Выготский, рассуждая об изучении нескольких языков, писал: «Есть все фактические и теоретические основания утверждать, что не только интеллектуальное развитие ребенка, но и формирование его характера, эмоций и личности в целом находится в непосредственной зависимости от речи»[1].

Таким образом, одним из средств речевого развития детей является культурная языковая среда, которая формируется прежде всего из общения в широком смысле ребенка со взрослыми (родителями, родственниками, педагогами) и влияет на развитие личности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева М.М., Яшина В.И. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников: Учеб. пособие для студ. высш. и сред, пед. учеб. заведений. 3-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 400 с.

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т.3: Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. С. 397.

Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с., ил.

Черняк В.Д. О языке СМИ и не только о нем // Universum: Вестник Герценовского университета. 2008. № 3. С. 62–66.

И.В. Калинина
Лицей № 4, г. Дмитров

«Духовное краеведение Северного Подмосковья («Книга странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова) в Иерусалим и гору Афонскую»)

I.V. Kalinina
Lyceum № 4, Dmitrov

Spiritual Local Studies of the Northern Suburbs (“Book of travels of hieromonk Nikolo-Peschnosh monastery Hieronymus (Sukhanov) to Jerusalem and Mount Athos”)

В Дмитровской центральной библиотеке прошла презентация «Книги странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова) в Иерусалим и гору Афонскую». Ученики 6 «Б» класса побывали на этом мероприятии и остались под глубоким впечатлением. Мы узнали, что книга вышла в свет благодаря усилиям многих. Прежде всего это творческий союз Ирины Викторовны Пятилетовой, автора ряда книг по краеведению, православ-

ным местам Дмитровского края, и Зинаиды Злотниковой, директора центральной библиотечной системы.

Рукописная «Книга странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова) в Иерусалим и гору Афонскую», которая передает нам духовный образ русского монаха и паломника XIX в., была создана в единственном экземпляре. В 2009 г. И.В. Пятилетова, исследователь и журналист, в поисках литературы о градостроительстве Дмитрова, обнаружила рукопись этой книги Иеронима Суханова в «Ленинке» – Государственной Российской библиотеке. И началась долгая, кропотливая, вдумчивая работа с рукописью. Сложность состояла в том, что рукописный текст был написан без пробелов между словами. Меценатом работы с рукописью, потом издания книги стал общественный фонд «Святая Русь».

Подобные книги – это часть нашей общей истории, и мы должны прилагать усилия для сохранения ее литературных свидетельств того времени. Важно, чтобы книгу прочитали как можно больше людей, в том числе дети и подростки, так как это сохранение истории, традиций.

Изучая литературу на уроках в школе, мы знакомимся с таким жанром, как «путешествия, путевые заметки» (мы прочитали рассказ В. Астафьева «Васюткино озеро», повесть Д. Дефо «Приключения Робинзона Крузо», Р. Стивенсона «Таинственный остров»). Конечно, опыт литературоведческого анализа учеников 5–6 классов еще очень скромен, но мы попытались расширить кругозор и познакомиться с трудом нашего земляка о. Иеронима

Вот мы и начали знакомство с этой книгой и ее автором, а затем совершили «паломничество» в Николо-Пешношский монастырь.

Кто же такой иеромонах Иероним Суханов?

Иеромонах Иероним, в миру Иоан, родился в городе Торжке в 1807 г. О своих родителях, Иоане и Марии Сухановых, отец Иероним говорил, что они были благочестивыми.

Иоан (Иероним) – второй ребенок из девяти в большой семье Сухановых. Его отец Иван Степанович (Стефанович) Суханов был торжским купцом. Известно, что отец Ивана Степановича и дед Иеронима – Стефан Суханов – был изрядным, по словам Иеронима, иконописцем в Торжке. Он не только писал, но и реставрировал древние иконы, находившиеся в храмах Торжка. Так, в церкви Рождества Иоана Предтечи в 1809 г. им была поновлена живопись на большой старинной местночтимой иконе Божьей матери Неопалимая Купина.

За полгода до смерти со Стефаном Сухановым случилось история, которую отец Иероним позже запишет в одной из своих книг. Последней работой Стефана была икона святого Николая Чудотворца, деланная им на заказ для новоторжского купца Акима Колтырёва. Не докончив работу, Стефан смертельно заболел, слег, собрался умирать, но сильно страдал из-за того, что икона не дописана. И тут однажды во сне ему является сам Николай Чудотворец, утешает Стефана и говорит: «Не скорби, скоро поправишься, и как икону мою допишешь, тогда и помрешь». Так и случилось.

Когда в 1841 г. Иеороним отправился в Торжок навестить своих родителей, он посетил Рождественское кладбище, где были похоронены его предки: Сухановы, Голузины (супруга деда Стефана), Свешниковы (мать Иеронима, в девичестве Свешникова). По дороге в Торжок Иероним посетил городское кладбище в Вышнем Волочке, где год назад нашел упокоение его брат Михаил. «Супруга Михаила с горести в 36 дней скончалась в Торжке, оставив двух младенцев-сирот моему родителю» – такую запись сделал иеромонах Иероним в своих «Записках» (1841), посвященных паломничеству по монастырям и храмам России.

Известны четыре рукописные книги пешношского иеромонаха Иеронима: «Летопись Николо-Пешношского монастыря» (хранится в Музее-заповеднике Дмитровского Кремля), «Синодик Николо-Пешношского монастыря» (хранится в Николо-Пешношском монастыре), «Записки путешествий по России» и «Книга странствий во Иерусалим, гору Афонскую» (хранятся в Государственной библиотеке).

Каждая из книг Иеронима (Суханова) – бесценный источник для исследований по теме русского монашества, но его «Книга странствий» в этом ряду является исключением. Если привести слова, записанные Иеронимом в «Книге» вокруг изображения прекрасного цветка: «Монашество – есть цвет христианства», – то продолжением к ним в данном контексте могут стать следующие: «Книга странствий – венец духовных трудов иеромонаха Иеронима (Суханова)».

В Николо-Пешношский монастырь Иоан Суханов пришел 28 сентября 1825 г. по благословению родителей в возрасте 18 лет. Но, как он потом вспоминал, Пешноша ему тогда (в будущем любимая и дорогая сердцу Пешноша) не показалась. Его сердце искало в монашестве большей строгости и большего уединения. Поэтому Иоан написал в Торжок родителям письмо, испрашивая благословения перейти на остров Валаамский или Соловецкий. Но родители написали ему ответ: «Чадо, если приступаешь работать Господу Богу, уготови душу твою во искушение. Мы благословили тебя однажды и навсегда жить на Пешнуше, а в другие монастыри другого благословения у нас нет для тебя. Терпи!»

«Я пришел в монастырь жить в юных летах, аки младенец, неискусен слова и правды. И тогда я начал прилепляться не к молодым, но к совершенным старцам, имущим чувствия обучена долгим житием и учением всему. И от них слышать о многом хорошем и полезном, о сей обители и старцах», – напишет позже иеромонах Иероним.

22 декабря 1827 г. Иоан был принят в число пешношского братства.

24 декабря 1829 г. – пострижен в рясу.

9 декабря 1835 г. представлен был к мантии, а пострижен 22 ноября 1836 г.

29 июня 1839 г. в Москве на Саввинском подворье епископом Виталием Дмитровским он был возведен в сан иеродиакона.

20 июля 1850 г. там же епископом Филофеем Дмитровским посвящен в иеромонахи.

Сам Иероним – личность заметная. В обители в первой половине XIX в. совершалось не только строительство в прямом смысле этого слова, но и духовное «делание». «Историческое описание» свидетельствует об отце Иерониме: «Не без пользы для обители и, упоминаем, не без пользы для души его протекли 52 года его иноческой жизни. От природы умный, с твердою волею, с пылким характером, он, придя в обитель, как сам говаривал, почти полуграмотным, посредством самообразования достиг того, что мог складно и довольно правильно писать; самоучкою выучился рисовать и вполне отчетливо снимать виды монастыря… верно делал снимки с древностей и даже довольно правильно рисовал портреты. Это-то знание свое он вполне и посвятил св. обители. С самого начала своего поступления в монастырь, знакомясь с опытными старцами, он с удовольствием расспрашивал и выслушивал рассказы их о самих себе, о старцах почивших, о разных событиях, совершавшихся когда-либо в Пешноше; придя в келию, он все заносил на бумагу; записывал и то, чему сам был свидетелем… он в 1850 году привел всё то в порядок, и с этого года повел подробную летопись монастыря…».

Благочестивое желание видеть Святые места в Иерусалиме и на горе Афонской возродилось в сердце Иеронима

почти с начала вступления в монастырь, но различные обстоятельства не дозволяли долгое время этому намерению исполниться. Но он шел к этому, преодолевая препятствия и странствуя по России.

До 1858 г. о. Иероним посетил более ста обителей и святых мест в 15 губерниях. В этот год он принял окончательное решение – отправиться на Афон, принять схиму и остаться там до окончания дней своих.

21 июля 1858 г. пешношский иеромонах оставил свою родную Пешношу и отправился через Москву в Одессу, а оттуда 13 сентября пароходом продолжил свое путешествие к далеким берегам Святой Земли.

15 сентября – в Константинополе, 25 сентября – на пароходе «Владимир» он отправляется к порту Яффа. 13 октября 60 человек русских паломников верхом (кто на коне, кто на осле, кто на муле) выдвинулись в путь к Иерусалиму, которого достигли на другой день. Переполненный восторгом от сознания, что он находится в святом граде и, не сумев безмятежно спокойно спать после долгой и тяжелой дороги, Иероним отправляется в Храм Гроба Господня: « Господи! В каком я тогда находился чувствии, о том изъяснить невозможно. Поистине благодатное присутствие Божие ощущала душа моя!»

«Книга странствий» состоит из Предисловия и трех частей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Обозрение Царьграда; Предание; Первый вход во Храм; Покахание храма; О пребывании в Иерусалиме; Об архангельском монастыре; Название 12 месяцев и часовые буквы в Турции; Курс деньгам в Иерусалиме; Иерусалимские вести: 1859 год, Весна; О страстной неделе; Пасха; Въезд в Иерусалим Великого князя Константина Николаевича; О вещах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О Святых местах в Палестине.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О посещении Святого Афона в Греции.

Во время всех дней своего странствия отец Иероним вел путевые заметки и зарисовывал увиденные в пути древние памятники и монастыри, храмы и пещеры, города и селения. На страницах его рукописи около 500 иллюстраций. Рассматривая рисунки, мы можем узнать, как выглядели Иерусалим и его окрестности 150 лет тому назад. Отец Иероним дает подробное описание природы, животного мира, географии мест, расположения гор, рек. Например, в 35 подглавке отец Иероним рассказывает, каких животных используют в Палестине для переездов и перевоза грузов. Их шесть видов: «верблюды – это степные корабли, на них все грузы перевозят. Коней – для езды верховой и прочих работ. Мулов – эти способны по горам ездить, но бегу не имеют и весьма мстительны. Ослы здесь бывают средние или малые. Они не осторожны при горных уступах. Буйволов для колесной езды. Быки для работы». «Мне случалось на мулах ездить верхом, и за медлительность их наказывать “ударением”. Вскоре животные мне отомстили. Во-первых, когда я на нее (это была она) садился, она вдруг бросилась, и тогда я упал и сильно ударился о землю задом, а потом еще версту шел с ношею пешком. В другой раз, она же вдруг бросилась под низкое и масличное дерево, и не знаю, как Господь спас меня от беды сей».

Или: «В Палестине три рода растений: травянистые, кустарные и древесные.

А) Пшеница, ячмень чечевица, горох, бобы, огурцы, капуста, лук, дыни, арбузы, репа и прочие благовонные растения, стакти (ладан), ритина, фимиам;

Б) цветы левкои, нарциссы, анемоны, тюльпаны, тацеты (один из видов нарцисса), лилии, розы, аспалаф, каперс;

В кусты терновника трех родов, хлопчатник, виноград разных родов, плющ, кактус;

Г) сливы, черешни, яблони, лимоны, апельсины, абрикосы, персики, груши, тамарины, орехи миндальные и простые, гранаты, тутовые и прочие».

Удивила нас, читателей, и таблица названий числительных на русском, греческом, еврейском, арабском, турецком и римском.

Ничто не осталось без внимания Иеронима, даже фенологические наблюдения. Вот как описана весна: «В Иерусалиме зима похожа на русский месяц сентябрь или октябрь, и весна наступает неприметно. Мы ее почувствовали только с 17 дня по теплому западному ветру и по прилету ласточек и стрижей (еще по оживлению мух и блох). Это потом уже начали показываться цветики желтые и малиновые, зацвели подобно русским яблоням (без листьев). Я приметил в Иерусалиме и в окрестностях его прибывающих в зимнее время птиц. Число родов следующее: великие: белые журавли, аисты, куры; средние: вороны (2 родов), ястребы, грачи короткохвостые, вороны, галки, голуби, горлицы, дерябы, луговки (чибисы); мелкие: воробьи, жаворонки с хохлами, соловьи, коростели, щеглы, синицы, трясогузки, дрозды серые, зяблики, горихвостки, скворцы 2 родов и другие (цвета серого и чужого), мне неизвестные».

Монах приводит в книге исторические факты Святой земли, рассказывает о своих впечатлениях въезда в Иерусалим Великого князя Константина Николаевича; дает доступное объяснение другим религиям. И все свои впечатления Иеромонах Иероним сопровождает рисунками. Особенно впечатляют зарисовками архитектурных сооружений. Поражают и портретные зарисовки. И все это с детальной прорисовкой!

Конечно, ученикам еще не все понятно в этой книге, потому что их кругозор не столь велик. Однако некоторые страницы, посвященные священным обрядам, читаются с огромным вниманием. К таким страницам относятся, например, те, где дается подробное описание появления священного огня в день Пасхи. Такое живое, эмоциональное восприятие этой церемонии подчеркивают выразительные сравнения: «народы, едва только заметили появление чудесного огня, вдруг, как бурный ветер, восшумели от бурной радости, ударили во все тяжкие билы…», «а огонь, как огненная река, разлился по всему храму». «Оный огонь, или свет блестящий, рассыпается по гробовой мраморной крышке, подобно мелкому рассыпанному бисеру, в виде белого, голубого, алого и других цветов. Он потом становится красным и претворяется в огонь вещественный. И вначале он не жжет и не опаляет, и от сего чудного огня свечи зажигаются. Этому свидетелем был я – верный самовидец сего Святого огня». Как много здесь поэзии, а ведь об этом пишет аскетичный сдержанный человек, монах!

Прочитав первую часть «Книги странствий» иеромонаха Иеронима, мы поставили себе цель – дочитать ее до конца. Православным людям нужно знать о Святых местах. Путешествие к Святым местам – это всегда путь к себе, к лучшему, что есть в нас, к искре Божией.

В результате знакомства с книгой сняли фильм о Николо-Пешношском монастыре на площадке киностудии Лицея в Пешношском монастыре, приняли участие в ежегодных Звездинских чтениях.

ЛИТЕРАТУРА

Книга странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова) в 1858 и 1859 гг в Иерусалим и гору Афонскую / Под ред. И. Пятилетовой; РГБ; общественный фонд

«Святая Русь»; Дмитровская центральная межпоселенческая библиотека. М., 2014.

Николо-Пешношский мужской монастырь. Коломна: Лига, 2014.

Интернет-ресурсы

http://info.idmitrov.ru/np_monastir_svyatini.html

http://www.vidania.ru/photo/lugovoy/peshnoshsky/index.html

http://www.pravoslavie.ru/put/3579.htm

http://demografia.viperson.ru/wind.php?ID=501548&soch=1

http://feldjager.narod.ru/photo.files/dmitrov_3.htm

http://rusk.ru/st.php?idar=112104

http://sobory.ru/article/index.html?object=00506

http://www.zhemkov.ru/index.php?rub=gall&gall_id=247

http://club.foto.ru/gallery/full_screen_image.php?type=gallery&path=2008/12/05&photo_id=1239973&background_color=1A1A1A&cat_id=30

Е.А. Пряхина
Школа № 1531 имени С.К. Годовикова, Москва

Уроки языкознания

E.A. Pryakhina,
School № 1531 named after S.K. Godovikova

Linguistics Lessons

Александр Александрович Реформатский еще в 1964 г. написал предисловие к своему учебнику по курсу языкознания, где говорил о том, что «данный курс должен служить

для того, чтобы ознакомить студентов с системой понятий и терминов, которыми пользуется любая языковедческая дисциплина и без которых трудно слушать и понимать соответствующие специальные курсы. Этот курс должен быть подлинным “введением” в весь цикл лингвистических предметов вуза»[1]. Позже учебник по языкознанию не раз переиздавался, уточнялся материал, но до сих пор большинство университетов нашей страны предлагает студентам в качестве дополнительного материала и изучения данной дисциплины учебник А.А. Реформатского. И мы все понимаем значимость этого курса для студентов лингвистических и филологических факультетов, но я преподаю языкознание старшеклассникам, и это не курс языкознания в его классическом варианте. Я бы хотела поделиться своим опытом работы и, может быть, предложить несколько идей для такого спецкурса или просто для уроков русского языка.

Зачем этот курс нужен школьникам, если самые заинтересованные, мотивированные поступят на филологический факультет и узнают все о языке? Этими вопросами я задавалась, еще когда училась на филологическом факультете и знала о том, что в некоторых школах такие курсы существуют, но, когда пришла в школу работать, мне предложили вести этот курс. Я думала целый день, брать спецкурс или не брать. За это время я просмотрела все программы данного курса в разных школах, изучила цели и задачи, варианты программ. Так, например, в ГБОУ Школа 2030 города Москвы программа называется «Курс по подготовке к олимпиадам: «Введение в ЯЗЫКОЗНАНИЕ». Отсюда сразу понятна и цель: подготовить школьников 9 и 10 класса к олимпиадам. Программа рассчитана на один учебный год. И все школьные программы были рассчитаны на это, да и наша школа тоже особо не выделялась.

[1] *Реформатский А.А.* Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

На первом уроке «Языкознания» (у нас спецкурс рассчитан на 11 класс) я задала ребятам вопрос, казалось бы, самый банальный для знакомства «Куда вы хотите поступить?» Думаете, все шли на филологический факультет? Или хоть половина? Нет. Передо мной сидели будущие фотохудожники, художники, историки, юристы, финансисты и даже биологи. Нет, конечно, заинтересованные в филологии тоже были, но их было всего двое. Вы, я надеюсь, понимаете, что такое два филолога на курсе «Языкознание». А я уже радостно думала, что мне очень пригодятся мои университетские лекции, но увы. Когда я стала спрашивать о том, на чем сделать акцент в наших занятиях, услышала много разных версий, которые разнились с целью курса, с моей идеей. Передо мной сидели одиннадцатиклассники, у которых языкознание стояло в расписании 7 уроком. Имею ли я право не учесть их мнение? Я решила, что мы, конечно, будем идти по программе, но последние 15 минут урока каждый раз я буду тратить на самые интересные факты о языке. Да, они ждали эти 15 минут. Им было интересно. Мне было интересно тоже. Наши уроки стали непохожими на стандартные уроки, мы убирали парты в конец кабинета, садились в круг, мы передавали друг другу слово, говорили о том, что нашли в энциклопедиях, в Интернете, что нам рассказали наши родные и близкие. Задача, которую я поставила себе, была не в том, чтобы просто рассказать о языкознании, а заинтересовать их, научить любить свой язык, исследовать его от и до, или хотя бы положить этому начало.

Итак, как строился урок.

1. Объяснение материала (лекция, задания).

2. Работа в группах и индивидуально над языковыми задачками.

3. Работа под кодовым названием «Вместе»: рассказ о том, что нашли по теме урока (тему урока я давала заранее

или загадывала загадку, разгадав которую они узнавали о предстоящей теме урока).

Задачей детей было не просто найти сухие определения, но что-то совершенно необычное, интересное, манящее. Они искали первый раз нехотя, но после первого занятия по такой схеме ждали уже следующего. Задача учителя на уроках в старших классах не только донести материал, но и прислушаться к ученикам и быть им уже наставником. Они знали, что на уроке языкознания их всегда выслушают, у них будет возможность задать все вопросы. И когда они приносили то, о чем не знала я, это вызывало только радость. Ведь, как говорил Виссарион Белинский: «Ученик никогда не превзойдет учителя, если видит в нем образец, а не соперника».

ЛИТЕРАТУРА

Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

Н.Е. Симоненко
Средняя общеобразовательная школа № 655, Санкт-Петербург

Становление речевых навыков у учащихся 9 классов

N.E. Simonenko
Secondary School № 655, St. Petersburg

Formation of Speech Skills in Students of the 9th Classes

Найдено ли педагогической общественностью в XXI в. средство для тех, кто читает и рассуждает с неохотой? Как овладеть инструментом, который развернет учеников к

такой первородной форме, как чтение? Навыки чтения и коммуникации отработаны в начальной школе, но «дремлют» у девятиклассников и не рассматриваются ими как престижная и поощряемая компетенция. Кроме того, в урочное время из-за объема научной информации и критической наполняемости классов их отрабатывать нет возможности. Это скажет любой практикующий учитель.

В 2017–2018 учебном году возникла идея проекта «Вы_читайте». Произошло это во время обучения на Летней школе в МГУ для учителей – руководителей школьных СМИ. Сегодня проект успешно реализован в школе. С чего же все начиналось? С определения навыков, которые «проседали» у девятиклассников во время устного экзамена: умения понимать информацию, транслировать, аргументировать свою точку зрения в неподготовленном высказывании. Возможно ли сегодня активизировать стратегии смыслового чтения? Не ставя единственной целью сдать устный экзамен, а нацеливаясь на развитие у учащихся навыков точного выражения мыслей, неподготовленного рассказа, ответов на вопросы, овладения рациональными приемами работы с информацией? Для непосвященных этот список покажется удивительным, – ведь вслух читает взрослый, по сути, человек! Но не будем забывать о нашем времени информационных технологий, когда ребенок просто пробегает глазами текст, лишь выхватывая слова. А чтение вслух – момент уединения, время, когда соблазны мира отложены в сторону. Чтение вслух порождает эмпатию.

Спонтанная речь учащихся (а школьная практика и устный экзамен проверяют именно неподготовленную речь) неинформативна. Обычно девятиклассникам не просто высказываться, обсуждать проблемные вопросы; импровизировать – и при этом не уходить в многословие, не нарушать логику. Повторы, подмена темы вместо прямого и

аргументированного ответа на вопрос, информация, зачастую устаревшая, излишняя или искаженная. Подростку в спонтанном диалоге нужно научиться обосновывать свою точку зрения. Это важно, ведь диалог раскрывает личность в своей уникальности, в своей картине мира. В диалоге совершается поиск смысла ценностей. Истоки диалога восходят к Древней Греции, где считалось, что речь воздействует на чувства и разум. Это предполагает позицию педагога в качестве собеседника, садовника, Данко. Часто ли нам удается так общаться с воспитанниками в школе? Ответ очевиден: нет! Поэтому в проекте специально знакомили ребят с друзьями-помощниками диалога, учили задавать уточняющие вопросы, учитывать реакцию партнера и немедленно принимать меры, если возникает ощущение, что партнер понимает реплику неправильно. Ученик выносит вовне процедуры своего мышления, сопоставляет факты, моделирует, открывает в знакомых понятиях новые грани, неожиданные связи, новые смыслы.

Какими способами мы поддерживали интерес к чтению вслух и к говорению, т. е. к проекту «Вы_читайте»?

27 января в рамках проекта был реализован школьный подпроект «Мы вам читаем» среди учащихся 5 и 9 классов, посвященный снятию блокады Ленинграда. Он являлся краткосрочным, проводился в три этапа:

1) формирование творческих команд из 11 девушек-девятиклассниц, 11 юношей, 11 педагогов;
2) индивидуальная подготовка чтецов и риторов,
3) выступление в коллективах 11 классов.

Творческая команда – педагог, два девятиклассника – провели в каждом из 11 классов урок-реквием: компиляцию, где юноша рассказывал о блокадных годах, девушка читала отрывок из повести Ю. Яковлева «Девочка с Васильевского острова», учитель декламировал стихотворение

о блокаде. Творческие группы мы назвали по имени военных операций: «Искра», «Багратион», «Суворов», «Синявинские высоты», «Невский пятачок», «Ржевский рубеж». Массовость выступающих была результатом нашего проекта. Ценность подпроекта – в единении педагогов и учащихся, в реализации выработанных в ходе проекта навыков выразительного чтения и подробного пересказа у девятиклассников.

Еще один важный продукт проекта – «Звуковое письмо» ветерану о патриотизме молодого поколения. Рассуждение дается ребятам не просто, аналоги событий, о которых они должны рассказывать, пока отсутствуют в жизненном опыте учащихся. Поэтому ценно получать такие послания.

Продукты проекта: индивидуальные тексты-повествования «Расскажите об уроке, который запомнился более всего». Архив можно использовать в озвучивании *Праздника Последнего Звонка*. Еще один *Продукт проекта* – описание семейных фото прошлых лет. Архив пригодится для озвучивания френд-ленты к Дню Матери, а в условиях дистанта – на *Празднике Прощания со школой*.

Во время функционирования проекта проводился мониторинг уровня сформированности компетенций у учащихся в течение первого полугодия 9 класса. Таким образом, модель апробированного проекта позволила усилить степень индивидуализации обучения, педагогу – оперативно получать информацию о формировании компетенций, прогнозировать промежуточные и конечные результаты их формирования, вносить коррективы. Учащиеся, глядя на таблицу результативности, постепенно изменяли свое отношение к еженедельным тренингам. Ведь подростки пытаются решать проблему передачи своего эмоционального состояния в виртуальной коммуникации посредством использования специальных символов – «смайликов»; про-

исходит обеднение и сокращение словарного запаса за счет вытеснения из него литературной лексики и замены ее сниженной и просторечной лексикой. А в процессе участия в проекте девятиклассники заговорили, «раскрылись».

Назовем факторы мотивации учащихся для создания аудиофайлов. Это интерес к трансляции собственных возможностей, желание реализовать свой творческий потенциал, низкий порог входа (для записи не требуется отдельная студия, дорогая и сложная техника, график записи гибкий, дедлайны устанавливаются лояльные).

После устного собеседования проанализированы качественные показатели контрольных классов, участвовавших в проекте, и тех, кто готовился по традиционным технологиям. Около 70 % участников апробации при чтении текста вслух допустили орфоэпические ошибки, среди участников проекта – 40 учащихся. Речь более чем 50 % обучающихся бедна, в ней используются однотипные синтаксические конструкции, содержатся ненужные, не имеющие отношения к теме сведения, загромождающие высказывание, делающие его запутанным и сумбурным, непоследовательным и перегруженным лишними и утомительными перечислениями, отвлекающими внимание от главной мысли. В речи неоправданно растянуты паузы как между предложениями, так и внутри одного предложения. Все это свидетельствует о несформированности беглой спонтанной устной речи у девятиклассников. Среди участников проекта таких текстов меньше на треть.

Какова дальнейшая судьба архива аудиозаписей? Проект «Вы_читайте» помогает отбирать, верифицировать, реализовывать дополнительный творческий потенциал учащихся путем использования аудиофайлов в программах школьного радиовещания. Радиожурналисты отбирают из аудиоконтента тексты к тематической радиопередаче,

анонсируют участие в будущих выпусках, а девятиклассники ждут общения с радиослушателями.

Данные виды текстов можно использовать в разных жанрах радиожурналистики. Например, *новостной*, новость короткой строкой. Здесь используется навык выразительного чтения. *Групповая дискуссия* – формат, где группа от 2 и более человек ведет дискуссию на заданную тему, участники могут обсуждать что-то, не встречаясь, и, может, даже не будучи знакомы, потому что использование радиоконтента – это новый удобный тренд. *Документалистика* – аудиорепортаж на определенную тему. Например, годовщина исторического события или юбилей исторического деятеля. Эти тексты присутствуют в архиве в виде пересказов. Так школьное радио становится площадкой для трансляции мнений самого широкого спектра.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Егораева Г.Т.* ОГЭ 2018. Русский язык. Тренажер. Устное собеседование. М.: Экзамен, 2018.

2. Итоговое собеседование по русскому языку // ФИПИ: http://www.fipi.ru/oge-i-gve-9/demoversii-specifikacii-kodifikatory (дата обращения: 20.01.2018).

3. *Лотман Ю.М.* Текст в процессе движения: автор – аудитория, замысел – текст // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПБ, 2000. С. 203–219.

4. *Нарушевич А.Г.* Подготовка к ИС в 9 классе: http://navlyaklukovni.ucoz.ru/3/itogovoe_sobesedovanie_v_9_klasse.pdf

5. Чтение с листа, с экрана и на слух: опыт России и других стран: сборник материалов для руководителей программ по продвижению чтения / Сост.: Е.Ю. Гениева. Ю.П. Мелентьева. М.: РШБА, 2009. 256 с.

И.В. Сыско
Средняя школа № 4, Иваново

Историко-лингвистическое комментирование текста «Слова о полку Игореве» как способ приобщения учащихся к языковой культуре народа

I.V. Sysko
Secondary School № 4, Ivanovo

Historical and Linguistic Commentary on "The Word about Igor's Regiment" as a Way of Introducing Students to the Linguistic Culture of the People

В основе языка русской народности лежит древнерусский язык (IX–XIV вв.). В середине первого периода его развития (IX – первая пол. XII в.) зародилась древнерусская литература, просуществовавшая почти семь веков. Последний этап ее существования совпал с формированием русской нации. Большая часть наследия древнерусских авторов погибла в огне пожаров истории, до нас дошли лишь прекрасные осколки великой мозаики. Так литература, стоящая у истоков формирования русского языка и нации, почти утратила связь с современным читателем. Школьная программа предполагает ознакомление с отдельными произведениями древнерусских авторов, данными в переводах или переложении на современный язык. Без понимания мировоззрения рус-

ского народа, отраженного в языке и литературе, невозможно сформировать полноценную языковую личность. Поэтому в ходе изучения произведений древнерусской литературы следует обращаться к текстам на древнерусском языке, привлекая элементы историко-лингвистического комментария. Рассмотрим приемы этой работы на примере изучения «Слова о полку Игореве» в 9 классе.

В учебнике литературы под ред. В.Я Коровиной предлагается текст «Слова …» в поэтическом переводе Н.А.Заболоцкого. Из того же источника взяты фрагменты экзаменационных заданий. И всё же наиболее полноценным будет изучение памятника в переводе Д.С.Лихачёва. Чтение и анализ произведения осуществляется на основе раздаточного материала, где представлен древнерусский текст и построчный перевод на современный русский язык (см. пример ниже).

Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова	**Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Олега**
Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?	Хорошо бы нам, братья, начать словами старыми печальную повесть о войске Игоря, Игоря Святославовича?

Такая форма работы дает учащимся возможность увидеть текст памятника, услышать фрагменты его звучания в аудиозаписи, из уст учителя или учащегося. В ходе комментированного чтения учитель обращает внимание на архаические элементы, без которых затрудняется понимание замысла произведения. Историко-лингвистический комментарий языкового факта позволяет частично преодолеть языковой барьер и приобщиться к духовной культуре прошлого, уяснив современное звучание памятника литературы.

В тексте «Слова…» присутствуют архаизмы, ныне полностью вышедшие из активного употребления и непонятные без соответствующих справок (*зегзица*, *аркучи*, *бебрянъ рукавъ* и т. п.); либо сохранившиеся в качестве корневых производных слов (*не лѣпо*, *боянъ*, *шизый*, *пардуже гнѣздо*, *носады* и т. п.). Комментирование лексического значения слов, бывших в активном употреблении, приближает нас к нравственным идеалам наших предков, приобщает к их социально-эстетическим идеалам. Во многих архаизмах таится обширная картина прошлого.

Обратимся к эпитету из плача Ярославны: «утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». «На жестоцѣм» теле – мускулистом, твердом, мощном, закаленном в тренировках и бою. Такова главная черта внешнего облика русичей, что «подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяны, конець копия въскръмлени». Тем трагичнее и ярче в сравнении с «мужем» нежная женщина, которая «зегзицею незнаема рано кычеть... аркучи». Автор сравнивает ее с беззащитной, испуганной, одинокой птицей, издающей отрывистый тоскливый крик. Переводчики упоминают конкретную птицу – кукушку или чайку, лишь частично отражая этот образ.

Еще более интересна и познавательна работа с великими цитатами из «Слова…»: «растѣкашется мысію по древу», «луце жъ бы потяту быти, неже полонену бытии», «хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону», «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!», «падоша стязи Игоревы», «Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево» и т. п. Мягкая, плавная, певучая древнерусская речь самого автора, чувствительной Ярославны, смелого Игоря, мудрого Святослава то шепчет, то переливается в устах автора и героев, так как хранит фонетические черты звукового богатства древнерусского языка, насыщенного большим количеством гласных, позже утраченных.

Особая этика общения предков отразилась в устаревших ныне формах звательного падежа: «братіе и дружино»; «О Руская земле!»; «яр туре Всеволодѣ!»; «о моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!». Национальной традицией того времени было уважительное отношение к собеседнику через разнообразие слов-обращений. Этим, вероятно, объясняется востребованность формы звательного падежа, ныне сохранившегося именно в обращениях как синтаксической единице.

Прокомментируем подробнее цитату из обращения Ярославны к ветру: «възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано». В короткой фразе чувствуется трепетное отношение к природной стихии – ветру, – как к живому существу. Женщина просит своего господина не быть таким суровым и нежно, мягко, не причиняя боли, как ребенка, по волнам переправить к ней любимого мужа. Для обращения к любимому человеку бытовало обращение «ладо м., лада об.» – муж, супруг, один из четы (словарь В.И. Даля). Вышедшее из употребления слово таит разнообразие значений, отражающих гармоничные взаимоотношения супругов: взаимопонимание, нежность, кротость, единение сердец – всё то, без чего невозможна счастливая семья. Эта особенность семантики архаизма усиливает трагизм истории о походе Игоря: «Жены рускія въсплакашась, аркучи: “Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати”». Отражая суть сложившейся жизненной ситуации, Ярославна в своем плаче использует плюсквамперфект (давнопрошедшее время), обозначающий действие в прошедшем, предшествующее другому действию (глагол «быти», в аористе обозначающий законченное действие, и причастие действительного залога прошедшего времени на *-л-*: «а быхъ не слала»). Ныне пере-

водится как форма сослагательного наклонения 1 л. ед.ч. Фонетический, грамматический, лексический, синтаксический строй высказывания в единстве служат созданию непревзойденного по силе чувства и мысли художественного образа. Любой перевод (тем более поэтический) приводит к искажению такой образности.

Общее поступательное движение языка осуществляется за счет накопления лексических ресурсов, с одной стороны, и освобождения словаря от лишних слов, с другой. В ходе истории пополняются стилистические ресурсы, совершенствуется грамматический строй языка. Освобождение словаря, упрощение грамматической системы закономерно и необходимо. Наряду с этим наблюдаются языковые утраты: немало точных, поэтических слов кануло в прошлое. Возможно, так язык реагирует на упрощение или видоизменение традиционных социально-этических идеалов носителей языка, например, во взаимоотношениях между мужем и женой, отцом и сыном, товарищами по оружию; изменилось отношение человека к природе, Родине, Богу. Эти неизбежные потери можно восполнить, обращаясь к чтению произведений древнерусской литературы, проникая в тайны художественных образов через древнерусское слово.

ЛИТЕРАТУРА

Слово о полку Игореве: древнерусский текст // Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Л.; М., 1938. С. 155–158.

Слово о полку Игореве: перевод на современный русский язык Д.С.Лихачева. М.: Просвещение, 1984.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1989.

Слово о полку Игореве, словарь-справочник: http://www.slovarionline.ru/slovar_spravochnik_slovo_o_polku_igoreve/

Кретова В.Н. Собинникова В.И. Историческое комментирование фонетики и грамматики русского языка. Воронеж: ВГУ, 1987.

Припадчев А.А. Историческая грамматика русского языка. Воронеж: ВГУ, 1996.

Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык: В 3 ч. Ч. I. М.: Просвещение, 1981. С. 56–63.

А.В. Шаманская
Гимназия № 27 имени Героя Советского Союза
В.Е. Смирнова, Барнаул

Изучение глагольных форм современного русского языка в 6-м классе через призму знакомства со старыми славянскими азбуками

A.V. Shamanskaya
Gymnasium № 27 named after Hero of the Soviet Union
V.E. Smirnov, Barnaul

Learning Verb Forms of Modern Russian in the 6th Grade through Familiarity with Old Slavic Alphabets

Знакомство с древней славянской азбукой и пусть даже поверхностное, фрагментарное изучение особенностей языкового строя прошлых веков способствуют не только более глубокому пониманию современного языкового устройства, но и формированию национальной идентичности, что крайне важно в эпоху тотальной культурной интеграции.

Прежде всего изучение языковых явлений прошлого необходимо на уроках русского языка. Выход за пределы современной языковой парадигмы, наглядная демонстрация языковых изменений с течением времени не только способствуют более глубинному постижению школьниками законов языка как системы, но и стимулируют интерес к изучению предмета в целом.

Включение элементов знакомства с древней славянской письменностью возможно и необходимо при изучении любого раздела науки о языке: фонетики, лексики, морфемики, словообразования, морфологии, синтаксиса, а кроме того и в изучение орфографии. Такие уроки целесообразно вводить уже с начальной школы, когда в учащихся еще сильно неподдельное любопытство, интерес ко всему сущему – возраст «что? зачем? почему?»

Первые этапы знакомства с азбукой посвящены созданию и закреплению в сознании школьников образности современных буквенных символов русского алфавита в соотношении с их старинными прообразами. Живой отклик вызывает понимание того, что за каждой буквой старой азбуки стоит слово. Происходит некий переворот в сознании учащихся: знание того, что слова состоят из букв, вступает в диссонанс со знанием того, что буквы, оказывается, уже представляют собой сокращенные до одного символа слова. Образ буквы обретает смысловую нагрузку, которой был лишен, скрываемый за цветными картинками в детских букварях, где *а – арбуз*, *е – ель*, *м – машина*, *т – телефон*.

Наша задача показать уникальность азбуки среди всех известных способов буквенного письма, ее отличие от других алфавитов не только практически совершенным воплощением принципа однозначности графического отображения: один звук – одна буква. В Азбуке, и только в ней, есть содержание. До наших дней дошло так называемое азбучное

Послание. Текст составлен из названий букв славянского алфавита. Название каждой буквы несет определенный смысл.

> Азъ буки веде. Глаголъ добро есте. Живите зело, земля, и, иже како люди, мыслите нашъ онъ покои. Рцы слово твердо – укъ фъретъ херъ. Цы, черве, шта ъра юсъ яти!

Рассмотрим три первые буквы азбуки – *Аз*, *Буки*, *Веди*. *Азъ* – ‘я’. *Буки* (*букы*) – ‘буквы, письмена’. *Веди* (*веде*) – ‘познал’, совершенное прошедшее время от ‘ведити’ – *знать*, *ведать*. Объединяя названия первых трех букв Азбуки, получаем следующую фразу: *Аз буки веде* – ‘я знаю буквы’. Объединяются во фразы и все последующие буквы Азбуки: *Глагол* – ‘слово’, причем не только изреченное, но и написанное.

Добро – ‘достояние, нажитое богатство’. *Есть* (*есте*) – 3 л., ед.ч. от глагола ‘быть’. *Глагол добро есте* – ‘слово – это достояние’. Современный перевод *Послания*:

> Я знаю буквы. Письмо – это достояние. Трудитесь усердно, земляне, как подобает разумным людям – постигайте мироздание! Несите слово убежденно – знание – дар Божий! Дерзайте, вникайте, чтобы сущего свет постичь!

Пусть в современном алфавите не сохранились многие буквы азбуки, а также были утрачены исходные названия сохранившихся букв, каждый образованный человек должен знать исходный вариант азбуки, ведь язык, как хранилище вековой народной памяти, хранит память и о старой азбуке, и наша задача – научить детей видеть языковые взаимосвязи слов через призму веков. Вот, например, как объяснить ребенку значение корня в слове *наука*?

Однако, обратившись к старой азбуке, мы найдем там букву, одноименную с корнем данного существительного и узнаем, что *ук* по-старославянски ‘учение’. Однокоренными ему являются *наука*, *учение*, *неук* (‘невежда, неуч’) (устар.) Значит, наука – это *научение*. В том числе научение самой жизнью. Тогда совсем по-другому будет воспринято

общеизвестное выражение «будет тебе наука». Наука здесь означает не ученость, а наученность.

Мы представляем свой опыт включения фрагментов изучения истории славянской письменности на уроках русского языка в 6 классе в цикле уроков по теме «Глагол».

Глагол имеет большое количество форм. Общеизвестно, что понятие *форма слова* довольно размыто в школьной программе изучения русского языка. Поэтому образование глагольных форм, узнавание их, будучи необходимым базовым умением, вызывает большие сложности у обучающихся.

Начинаем с того, что задаемся вопросом о том, что такое «глагол». Каковы современное толкование и исконное значение этого слова. Обращаемся к азбуке, в которой находим, прежде всего, букву *Глагол*, узнаем, что слово *глагол* изначально означало «слово, сказанное и написанное». Далее мы обращаемся к тексту азбучного послания

ФОРМЫ ГЛАГОЛА

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В современном русском языке формы повелительного наклонения образуются от основы настоящего / будущего времени с помощью суффикса *-и-* или нулевого суффикса и нулевой флексии в единственном числе и флексии *-те* во множественном. Вместе с учащимися вспоминаем глаголы, которые образуют данную форму первым способом.

Образуем данную форму у предложенных учителем глаголов:

> смотреть – смотри, уйти – уйди, увлечь – увлеки, облечь – облеки, изречь – изреки.

Рассматриваем внимательно глагол «изречь». Вспоминаем словообразование и задаемся вопросом, как образован данный глагол. Образован он приставочным способом от глагола «речь», средством словообразования является приставка *-из-*.

Найдя исходный глагол в данной словообразовательной цепи, мы можем образовать и его форму повелительного наклонения. По аналогии с производным глаголом образуем форму повелительного наклонения единственного числа для глагола *речь – реки*.

Таким образом, буква *Р* (ЭР), название которой в современном русском алфавите лишено образности, является только знаком и не несет в себе смысловой нагрузки, в старом азбучном варианте имеет конкретное значение. Спрашиваем у учащихся – какое? Призыв к действию. Если *речь*, *рещи* означает ‘говорить’, значит, каким синонимом мы можем заменить данное слово – *рцы* –[1]. Учащиеся подбирают синоним в современном русском языке – *говори*.

Предлагаем учащимся совместно сделать выводы:

Данное слово относится к части речи *глагол*.

Этот глагол находится в форме повелительного наклонения, единственного числа.

Реки – современная огласовка формы *рцы* (более верно *рьцы* по ст.-слав.) – повелительная форма (*говори*) старославянского глагола *рещи* (‘говорить’).

Между «р» и «ц» был гласный звук, являющийся частью корня и впоследствии утраченный. Приводим примеры подобной «утраты» в глаголах современного русского языка, так называемые беглые гласные *тереть – три* (в просторечном варианте гласный сохраняется «тери»), *умереть – умри* и так далее.

Орфографическое оформление. Написание *цы* говорит о том, что в то время не существовало правила написания *ц* в сочетании с буквой *и*. Писалось так, как слышалось.

Если не брать во внимание орфографическое оформление, можно сделать вывод о том, что форма повелитель-

[1] *Верещагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. С. 269–273.

ного наклонения в современном русском языке похожа на аналогичную форму церковнославянского языка.

Таким же образом анализируются другие «глагольные» буквицы старой азбуки. Глубина анализа зависит от уровня подготовленности аудитории. Это может быть как совместное исследование, о котором говорилось выше, так и демонстрация цепочки уже готовых умозаключений с их обсуждением.

Надо сказать, что уроки с включением элементов исторической грамматики русского языка не только служат решению конкретных методических задач, но и способствуют формированию образности, способности думать, размышлять, формируют начальные исследовательские компетенции.

Знакомство школьников с исконной славянской письменностью в образовательном процессе необходимо для формирования многих навыков, умений и представлений. Такой экскурс в историю формирует понимание языка как развивающегося явления, а также помогает установить и упрочить в сознании школьников культурно-исторические, историко-лингвистические, культурно-лингвистические существовавшие когда-то и существующие сейчас взаимосвязи[1].

Таким образом, изучение славянской письменности способствует формированию более целостной картины мира, что и является конечной целью школьного образования.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997.

Тематические уроки к Дню славянской письменности и культуры: учебно-методическое пособие для гимназий, лицеев и средних общеобразовательных школ / Православная Гимназия

[1] Тематические уроки к Дню славянской письменности и культуры: учебно-методическое пособие для гимназий, лицеев и средних общеобразовательных школ. 2-е изд. Новосибирск, 2011. С. 7.

во имя Преподобного Сергия Радонежского. 2-е изд. Новосибирск: НИПКиПРО, 2011. 20 с.: ил.

Е.Н. Юдова
Средняя школа № 4, Сухиничи, Калужская обл.

Методическая разработка мероприятия в рамках программы дополнительного образования по русскому языку и литературе ВидеоМост (телемост) Россия – Белоруссия «Славянский мир: общность языка и культуры»

E.N. Yudova
Medium General Education School № 4, Sukhinichi, Kaluga Region

Methodological Development of the Event in the Framework of the Program of Additional Education in the Russian Language and Literature Video Bridge (tele bridge) Russia – Belarus “Slavic World: Common Language and Culture”

Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятями деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество.

Василий Ключевский

Введение

Ежегодно 24 мая во всех славянских странах отмечают День славянской письменности и культуры и торжественно прославляют создателей славянской письменности святых

Кирилла и Мефодия – учителей словенских. День памяти этих святых как День славянской письменности и культуры начали праздновать в Болгарии еще в XIX в., а затем эта традиция перешла и в другие страны: Россию, Украину, Белоруссию, Молдову.

Праздник славянской письменности напоминает об истоках нашей духовности, о том, что русская культура наследует древние и великие традиции славянской культуры, о роли письменности в ее становлении и развитии.

В настоящее время этому празднику посвящаются научные форумы, проводятся фестивали, выставки, книжные ярмарки, поэтические чтения, смотры художественной самодеятельности, концерты и другие разнообразные культурные мероприятия.

Также традиционно в честь праздника проводится Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» и проходит церемония награждения лауреатов Международной премии святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, учрежденной Московской Патриархией и Славянским фондом России. Ею награждаются государственные и общественные деятели, деятели литературы и искусства за сохранение и развитие кирилло-мефодиевского наследия. Лауреатам премии вручается бронзовая скульптура святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, диплом и памятная медаль[1].

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, появление специализированного аппаратного и программного обеспечения позволили найти альтернативную форму общения в разных сферах. Одно из эффективных средств дистанционного общения и интерактивного обмена информацией – служба телеконференций.

[1] 24 мая – День славянской письменности и культуры. Виртуальная выставка: http://bibliopskov.ru/24may.htm (дата обращения: 20.04.2020).

Телеконференция – мероприятие, в котором групповая коммуникация осуществляется между территориально распределенными участниками с помощью соответствующей технологии. Ее участники могут видеть и слышать друг друга в реальном времени, а также обмениваться данными и совместно их обрабатывать. Режим реального времени предоставил возможность обсуждения заявленных тем всем участникам: перейти к просмотру тезисов выступающих, размещенных в Сети, задать вопросы другим участникам, принять участие в чате, разместить свои высказывания или тексты на форуме[1].

Телемост – от *теле-* (греч. ‘далеко’) и *мост* – совокупность технических и организационных мер, направленных на обеспечение двухсторонней аудио- и видеосвязи между двумя и более удаленными объектами средствами телевизионной техники и спутниковой связи, один из видов групповой телекоммуникации.

Идея реализовать такую форму вместо обычных (классно-урочных) занятий в рамках программы дополнительного образования по русскому языку и литературе пришла после участия в Олимпиаде Союзного государства «Россия и Беларусь: историческая и духовная общность», которая проводится с 2010 г.

Актуальность данного мероприятия не вызывает сомнений в свете сложившихся обстоятельств за последние месяцы, политическая ситуация данного момента тоже способствует этому (пандемия, охватившая весь мир, отношения Россия – Белоруссия).

Цель – способствовать единству славянского мира, воспитывать подрастающее поколение в лучших славянских традициях, в уважении к родному языку и самобытным культурным ценностям.

---

[1] *Полунин А.* Услуги видеоконференцсвязи: вчера, сегодня, завтра: http://www.linkc.ru (дата обращения: 30.04.2020).

Задачи:

– создать коммуникативную среду для формирования и воспитания нравственной личности;

– содействовать укреплению дружеских связей молодежи Республики Беларусь и Российской Федерации;

– распространять знания о русском языке, древнерусской письменности;

– ознакомить учащихся с основными вехами истории древнерусской книжности;

– показать значение деятельности Кирилла и Мефодия для мировой книжной культуры;

– прививать интерес и любовь к книге;

– приобщать к изучению исторического и культурного наследия Респубики Беларусь и Российской Федерации.

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ВИДЕОМОСТА (ТЕЛЕМОСТА)

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Организатором телемоста выступает Муниципальное казенное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа №4» имени Героя Советского Союза В.С. Знаменского, г. Сухиничи, Калужская область, РФ.

2. К участию приглашаются образовательные учреждения Белоруссии.

3. Участники – учащиеся 7–10 классов, члены кружка или другого творческого объединения по русскому языку, заинтересованные лица.

4. Участники телемоста должны иметь возможность выхода в Интернет, доступ к платформе zoom.us, проектор, экран. (Вариант в режиме самоизоляции: персональный компьютер, видеокамеры, микрофон, звуковые колонки или наушники.)

5. Классная комната или зал с возможностью собрать определенное количество участников. (Вариант в режиме самоизоляции предусматривает организацию работы дома.)

ПОРЯДОК ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ТЕЛЕМОСТА

ПЕРВЫЙ ЭТАП (ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ)

1. Назначить куратора мероприятия с организующей стороны.

2. Связаться с образовательными организациями Белоруссии, выявить школу или гимназию, желающую принять участие в телемосте, обсудить план и условия проведения (обеспечить материалом по электронной почте).

3. Подобрать учащихся в команды для участия с обеих сторон (10–15 человек).

4. Определить дату, время, а также круг литературы, которую участники будут использовать для подготовки.

5. Организовать работу по подготовке команд к телемосту (бейджики каждому участнику, подготовить «Визитную карточку» – устное выступление ил и видеоэкскурсия).

6. За несколько дней до официальной встречи участники проводят пробный сеанс связи.

ВТОРОЙ ЭТАП (ПРОВЕДЕНИЕ ТЕЛЕМОСТА)

СЦЕНАРНЫЙ ПЛАН ТЕЛЕМОСТА

1. Вступительное слово ведущих (кураторы или старшеклассники) о мероприятии и плане его проведения. До 10 минут.

2. «Визитная карточка» (рассказ о своей образовательной организации и городе). Не более 7 минут.

3. Выступления по плану (устные, с использованием презентаций, видеоряда и т. п.) до 7 минут:

- Как отмечают Дни славянской письменности и культуры в России
- Как отмечают Дни славянской письменности и культуры в Белоруссии
- Города и монастыри России, связанные с историей славянской письменности
- Города и монастыри Белоруссии, связанные с историей славянской письменности
- Белорусский алфавит: истоки, развитие
- Рукописные книги в России

- Рукописные книги в Белоруссии
- Первые печатные книги в России
- Первые печатные книги в Белоруссии

Вторая участвующая сторона отбирает информацию самостоятельно в рамках заявленных тем.

В ходе выступлений предусмотрена возможность живого общения: задать вопросы, получить интересующую информацию.

ТРЕТИЙ ЭТАП (ЗАВЕРШАЮЩИЙ)

Подведение итогов, непосредственное общение участников при помощи системы видео-конференц-связи, перспектива дальнейшего сотрудничества.

Фотографии на память, обмен дипломами участника (дипломы подготавливаются заранее от каждой организации и отправляются по электронной почте).

ЛИТЕРАТУРА

1. 24 мая – День славянской письменности и культуры Виртуальная выставка: http://bibliopskov.ru/24may.htm (дата обращения: 20.04.2020).

2. День славянской письменности и культуры… Международные праздники: https://www.calend.ru/holidays/0/0/433/(дата обращения: 20.04.2020).

3. *Шабанов В.Б. и др.* Опыт организации научных мероприятий в формате: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-organizatsii-nauchnyh-meropriyatiy-v-formate-telekonferentsii-s-primeneniem-sredstv-videokonferentssvyazi-v-vedomstvennom (дата обращения: 30.04.2020).

4. *Полунин А.* Услуги видеоконференцсвязи: вчера, сегодня, завтра: http://www.linkc.ru (дата обращения: 30.04.2020).

5. Сценарий праздника славянской письменности и культуры:https://urok.1sept.ru/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/579107/ (дата обращения: 30.04.2020).

Содержание

Пленарное заседание

Садовничий В.А. Выступление на пленарном заседании 3

Васильева О.Ю. Л.В. Щерба и российское образование 11

Ценности славянской культуры в филологии, истории, философии и теологии

Андреева Е.А. Защитники веры: образы Романа Ольговича Рязанского и Войшелка Литовского в «Степенной книге».....15

Владимирова Т.Е. Слово как языкотворчество и ключ к самопознанию.....23

Вольская Н.Н. Образы «своих» в «Теребенёвской азбуке» 30

Громова М.М. Словения в русскоязычных изданиях словенской детской литературы.....39

Мущинская В.В. Украинские пословичные параллели в электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц.....45

Михайлова М.В., Назарова А.В. Трагедия русского мира в осмыслении Е.Н. Чирикова 51

Рядовых Н.А. Христианское осмысление ценности здоровья (на материале текстов православных акафистов) 57

Фалалеева О.В. К.И. Галчинский и Россия.....63

Ващенко Д.Ю., Шалаева Т.В. К этимологии венгерской лексемы veréb ‘воробей, Passer’.....69

Шарафадина К.И. Реальный субстрат этноботанического мотива в тургеневском метатексте: точники и контексты 75

История славянской письменности

Бакшаева А.А. Христинопольский Апостол XII века: история рукописи 85

Белякова Е.В. Заповедь Иоанна Златоустого о законе церковном (к проблеме распространения канонических памятников) 90

Вернер И.В. Источниковедческое и лингвистическое значение одной лексической правки Евфимия Чудовского в Новом Завете (ГИМ, Син. греч. 472 и 473).....98

Галинская Е.А. Вариативность орфографических навыков новгородских писцов в конце XVI века 106

Ермолова М.В. К вопросу о функционировании кратких форм причастий страдательного залога прошедшего времени в западнорусских летописях (в сопоставлении с материалом русских говоров и других славянских языков).....112

Кузовенкова А.И. Переводы Ареопагитик XVIII–XX веков: от соединения двух языковых систем к стилизации.....118

Кузьминова Е.А. Библейская книжная справа XVI–XVII вв.: итоги и перспективы исследования 125

Пентковская Т.В. О языке русского перевода Корана Петровской эпохи.....134

Шелкова И.А. Омонимы с корнями вар-[1-2] в русском языке XI–XVII вв. 144

Русский язык в современном мире

Теоретические аспекты русистики

Баданина И.В. Выражение этнической и гражданской идентичности в русском языке.....151

Ваджибов М.Д. Об обогащении современного русского языка в условиях дагестанского полиязычия 157

Лина Ван. Дискурсивы в устном научном дискурсе (на материале лекции).....163

Кортава Т.В. Отголоски политики «коренизации» конца 20-х – начала 30-х годов XX века на постсоветском пространстве.....170

Теуш О.А. Наименования поселений и их частей в диалектах Европейского севера России как отражение этнической идентичности населения.....176

Шаронов И.А. Коммуникативы в русском речевом этикете 185

Шишонина Н.В. Код исторической памяти как летопись названий российских улиц 192

Юдина Н.В., Ковалева Т.А. Языковая политика России сквозь призму наружной рекламы.....196

Проблемы методики преподавания русского языка

Айзатуллин Р.Т. Дискурсивные слова vs дискурсивные маркеры? Общие и отличительные признаки 203

Богомолов А.Н. Лингвокультурный проект как средство адаптации инофонов в сетевой русскоязычной среде 210

Бхатнагар Мину. Русский язык в эпоху пандемии COVID-19 221

Елистратова К.А. Концепт «русский язык» в русском языковом сознании 228

Курохтина Т.Н. Русскоязычные вкрапления в текстах украинских блогеров (на примере социальной сети Инстаграм).....237

Ларюшкина Л.Е. «Мой царь!»? «Мой раб!»? (о проблемах реализации предмета «Русский родной язык»).....246

Сидорова М.Ю. Лингвистические проблемы преподавания русского как языка специальности 253

Синёва О.В. Языковой портрет класса общеобразовательной школы г. Москвы и современные требования к профессиональным компетенциям педагога.....262

Хамраева Е.А. Игровое обучение и театрализация для детей-билингвов на уроке русского языка 273

Чалова О.В. Специфика обучения русскому языку и литературе в Филиале МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Душанбе (Республика Таджикистан).....281

Юрманова С.А., Нетёсина М.С. О месте русского языка в образовательном пространстве среднеазиатских государств – участников СНГ (по материалам общедоступных источников сети Интернет).....286

Русский язык за рубежом

Акбаба Т. Глаголы передачи интерпретированной информации: обучение их употреблению в турецкой аудитории.....296

Акимова Э.Н. Русский язык на Балканах: современное состояние.....302

Буйняк М. Учебник русской словесности для гимназий с углубленным изучением русского языка в Словакии.....310

Дунаева Л.А. Дистанционное обучение русскому языку как иностранному: теория и реальность 318

Желлали Э. Ибрагим кызы. Статус русского языка в Грузии 325

Гмира Т., Маркова Е.М. Русский язык в школьном образовании Словакии 330

Трубина О.Б. Русский язык в Италии: о состоянии и перспективах 338

Юнья Ян. Русский язык в Китае (краткий анализ).....344

Русская литература в современном мире
Актуальные проблемы изучения русской классической литературы

Айсакова Е.А. Особенности абзацного членения рассказа А.П. Чехова «Гриша».....347

Банерджи Ранджана. Можем ли бросить русских писателей-классиков с парохода современности? 354

Горбунова Л.Г. Поэма «Агасвер» в контексте духовно-нравственных исканий В.К. Кюхельбекера 360

Гуревич П.Ю. Образы пластических искусств в неканоническом художественном мире Г.Р. Державина 368

Гусева А.Х. Библиографические памятники русской литературы в аспекте цифровой дидактики 377

Доманский В.А. Русско-украинский переводческий дискурс: текст и контекст 383

Ефименко Н.И. Развитие читательской грамотности школьников (аспект восприятия художественного текста).....389

Потемкин С.Б. Переводы Чехова и мировая литература 399

Шапошникова Т.Л., Гордиенко О.А., Егорова А.Ю., Трунова Е.А. Русская литература сквозь призму сетевого общества и культурного наследия.....401

Шеметова Т.Г. Пушкин и Бродский: от противостояния к сближению 407

Актуальные проблемы изучения русской литературы XX–XXI веков

Галимуллина А.Ф. Современная русская проза Республики Татарстан в контексте диалога культур.....415

Горбунова Н.А. Евангелие от Б. Пастернака 425

Горобец Н.И. Памяти Ю.В. Бондарева: пути постижения военными курсантами художественного мира писателя-фронтовика 431

Загидулина Т.А. Любовь без тела. Постапокалипсис 2.0 (на материале поэтических текстов Д. Петровского) 439

Зейферт Е.И. «Зрелое преждевременное» произведение Аркадия Драгомощенко 448

Коржова И.Н. «Своя земля и в горсти мила»: об отражении одного обычая в поэзии военных лет..... 455

Король Н.Б. Феномен двойничества в романе Е. Водолазкина «Брисбен» 461

Кравченкова Е.А. Концепт «Пушкин» в рэп-поэзии И. Алексеева.....467

Кротова Д.В. Поэтика телесности в лирике В. Шаламова 473

Михайлова М.В. «Печальник писательской братии» – Федор Дмитриевич Батюшков 477

Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Славянские мифонимы в зеркале компаративных тропов современной русской прозы 483

Ничипоров И.Б. Русская литература в зеркале религиозно-философской мысли XX в. 489

Спиваковский П.Е. Метамодернистский трагизм в эпоху радикального кризиса культуры (роман Татьяны Толстой «Кысь») 496

Русская литература за рубежом

Блищ Н.Л. Национальный характер белоруса в зеркале русской прозы XX века: мифы и стереотипы 503

Жигалова М.П. Голос родины, семьи и рода в творчестве русскоязычной поэтессы Беларуси Валентины Поликаниной..... 511

Забровский А.П. Русская классическая литература в творческих рефлексиях Юкио Мисимы 519

Злочевская А.В. Чешская и словацкая русистика 1995–2015 гг.....532

Кафанова О.Б. Поэзия С. Есенина в современной Франции: новые переводы 540

Кнежевич М. Русский язык и литература в Сербии 546

Черникова Н.А. Болгарская русистика на пути к А.И. Солженицыну.....552

Юань Цин. «Свое» и «чужое» в системе персонажей сборника А.П. Хейдока «Звезды Маньчжурии» 558

Выдающиеся деятели русской словесности: Юбилейные даты 2020 года

Астахова О.С. Актуальность наследия ученого-методиста В.М. Чистякова в современной практике преподавания РКИ (к 130-летию со дня рождения).....565

Волошина О.А. «Морфологическая артикуляция» как форма человеческого языка (к 175-летию со дня рождения И.А. Бодуэна де Куртенэ).....571

Захарова Е.М. 165 лет со дня рождения И.Ф. Анненского: научная и творческая рецепция.....577

Каверина В.В. Феномен Д.Э. Розенталя: правописание конструкций с союзом как 582

Касьянова В.М. Книга, в которой отразились два века русской литературы (к 120-летию со дня рождения Д.Э. Розенталя).....589

Куфаева Н.В. Уникальный вклад С.И. Абакумова в развитие методики преподавания русского языка (к 130-летию со дня рождения).....597

Николенкова Н.В. Я.К. Грот и его филологическое наследие в курсе истории русского литературного языка (к 135-летию принятия первых правил орфографии).....603

Пуряева Н.Н. 145 лет со дня рождения Лидии Алексеевны Чарской (1875–1937) 608

Черных Е.А. История кирилло-мефодиевской миссии в трудах Л.П. Жуковской: К 100-летию со дня рождения 612

Южакова Ю.А., Сомова М.В. К 100-летию выдающегося методиста Г.Н. Приступы 620

Раиса Романовна Кузнецова – исследователь и педагог: К 100-летию со дня рождения

Ковтун Е.Н. Научная деятельность Раисы Романовны Кузнецовой в истории отечественной литературоведческой богемистики 627

Шешкен А.Г. Македонский роман: формирование и эволюция жанра..... 634

Урок славянской письменности

Антропова З.И. Использование приемов «Формирующего оценивания» в развитии речевой грамотности учащихся 640

Борисова К.М. Рассуждение на лингвистическую тему на текстовой основе на уроке славянской письменности..... 645

Гольцева Е.А. Чтение и понимание авторской позиции в художественном тексте на уроке русского языка (на материале рассказа А.П. Чехова «Кто виноват?»)..... 651

Демина И.В. Организация общешкольного проекта по русскому языку как форма управления проектно-исследовательской деятельностью учащихся..... 658

Денисенко Е.Н. Международная просветительская акция «Пушкинский диктант». Типология заданий 668

Игуменова О.Н. Культурная языковая среда как одно из средств речевого развития детей 673

Калинина И.В. «Духовное краеведение Северного Подмосковья («Книга странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова) в Иерусалим и гору Афонскую») 677

Пряхина Е.А. Уроки языкознания 686

Симоненко Н.Е. Становление речевых навыков у учащихся 9 классов 689

Сыско И.В. Историко-лингвистическое комментирование текста «Слова о полку Игореве» как способ приобщения учащихся к языковой культуре народа.....695

Шаманская А.В. Изучение глагольных форм современного русского языка в 6-м классе через призму знакомства со старыми славянскими азбуками.....700

Юдова Е.Н. Методическая разработка мероприятия в рамках программы дополнительного образования по русскому языку и литературе ВидеоМост (телемост) Россия – Белоруссия «Славянский мир: общность языка и культуры» 706

Content

Plenary Session

Sadovnichy V.A. Plenary Speech 3

Vasilieva O.Yu. L.V. Shcherba and Russian Education 11

The Values of Slavic Culture in Philology, History, Philosophy and Theology

Andreeva E.A. Defenders of Faith:
the Images of the Roman Olgovich of Ryazan and Voishelk Lithuanian in "The Book of Royal Degrees" 15

Vladimirova T.Ye. Word as Language Creation and a Key to Self-knowledge 23

Volskaya N.N. The Images of "Their" in "Terebenevskiy ABC" 30

Gromova M.M. Slovenia in Russian-language Editions of Slovenian Children's Literature 39

Mushchinskaia V.V. Ukrainian Proverbial Parallels in the Electronic Dictionary of Modern Active East Slavic Proverbs 45

Mikhailova M.V., Nazarova A.V. The Tragedy of the Russian World in the E.N. Chirikov's Perception..... 51

Ryadovykh N.A. Christian Understanding of the Value of Health (based on the texts of Orthodox akathists)..... 57

Falaleeva O.V. K.I. Galchynski and Russia 63

Vaschenko D., Shalaeva T. On the Etymology of the Hungarian Word ***veréb*** 'sparrow, Passer'..... 69

Sharafadina K.I. The Real Substratum of the Ethnobotanical Motif in Turgenev's Metatext: Sources and Contexts 75

History of Slavic Writing

Bakshaeva A.A. The The Apostolus Christinopolitanus from the 12th century: The Manuscript History 85

Belyakova E.V. Commandment of John Chrysostom on Church Law (to the problem of the spread of canon law texts).....90

Verner I.V. Source-studying and Linguistic Value of One of Evfimij Chudovsky's Lexical Revision in the New Testament (GIM, Syn. greek 472 and 473).....98

Galinskaya E.A. Variability of Spelling Skills of Novgorod Scribes at late 16th century 106

Ermolova M.V. On the Functioning of the Short Passive Participles in the West-Russian Chronicles (in comparison with the material of Russian dialects and other Slavic languages) 112

Kuzovenkova A.I. Corpus Areopagiticum Translations of 18–20th centuries: From the Combination of Two Language Systems to Stylization 118

Kuzminova E.A. The Bible Book Correction of the 16th–17th centuries: Results and Prospects of the Study 125

Pentkovskaya T.V. The Language the Quran Translated into Russian under Peter the Great 134

Shelkova I.A. The Homonyms with Radicals вар-1-2 in the Russian Language of the 11th–17th centuries 144

Russian Language in the Modern World
Theoretical Aspects of Russian Language Studies

Badanina I.V. The Expression of Ethnic and Civil Identity in the Russian Language 151

V*adzhibov M.D.* On the Enrichment of Modern Russian Language in the Conditions of the Dagestan Multilingualism 157

Lina Wang. Discursive in oral scientific discourse (based on the lecture material) 163

Kortava T.V. Echoes of the Korenization Policy of the late 1920s and early 1930s in the Post-Soviet Space 170

Teush O.A. Names of Settlements and their Parts in Dialects of the European North of Russia as a Reflection of the Ethnic Identity of the Population 176

Sharonov I.A. Communicatives in Russian Speech Etiquette 185

Shishonina N.V. The Code of Historical Memory as a Chronicle of the Names of Russian Streets 192

Yudina N.V., Kovaleva T.A. Russian Language Policy from the Perspective of Outdoor Advertising 196

Problems of Russian Language Teaching Methodology

Ayzatullin R.T. Discursive Words Vs Discourse Markers? Common and Distinctive Features 203

Bogomolov A.N. Lingocultural Project as Means of Adaptation of Foreign Language Learners in the E-learning Russian Language Environment 210

Bhatnagar Meenu. Russian Language in the Era of COVID-19 Pandemic 221

Elistratova K.A. Concept "Russian Language" in Russian Language Consciousness 228

Kurokhtina T.N. Russian-language Inclusions in the Texts of the Ukrainian Bloggers (based on the Instagram blogs) 237

Laryushkina L.Ye. "My king!"? "My slave!"? (about problems of realization of the subject "Russian Native Language") 246

Sidorova M.Yu. Linguistic Issues in Teaching Russian for Special Purposes 253

Siniova O.V. Language Portrait of a Class in a Secondary School in Moscow and Modern Requirements for Professional Competence of a Teacher 262

Khamraeva E.A. Game Training and Theatricalization for Bilingual Children in a Russian Lesson 273

Chalova O.V. Specifics of Teaching Russian Language and Literature in the MSU Branch in Dushanbe (Republic of Tajikistan) 281

Iurmanova S.A., Netesina M.S. The Role of the Russian Language in the Educational Process of the Central AsianStates – Participants of the CIS (based on the materials publicly available on the Internet) 286

Russian Language Abroad

Akbaba T. Interpreted Information Transmission Verbs: Teaching Using Them to Turkish Audience 296

Akimova E.N. Russian Language in the Balkans: Current Status 302

Bujňák M. Russian Language Textbook for Schools with Russian Language Teaching in Slovakia 310

Dunaeva L.A. Distance Learning Russian as a Foreign Language: Theory and Reality 318

Zhellali E. Ibragim kizi. Status of Russian Language in Georgia 325

Gmira T., Markova E.M. Russian Language in School Education in Slovakia 330

Trubina O.B. Russian Language in Italy: on the State and Prospects 338

Yunya Yang. Russian Language in China (brief review) 344

Russian Literature in the Modern World
Actual Problems of Studying Russian Classical Literature

Aysakova E.A. Peculiarities of the Paragraph Division of the Story of A.P. Chekhov "Grisha" 347

Banerjee Ranjana. Could We throw the Russian Classics Writers from the Ship of Modernity? 354

Gorbunova L.G. The Poem "Agasver" in the Context of Spiritual and Moral Search of V.K. Kuchelbecker 360

Gurevich P.Yu. Images of Plastic Arts in the Non-Canonical Art World of G.R. Derzhavin 368

Guseva A.H. Bibliographic Monuments of The Russian Literature in the Aspect of Digital Didactics 377

Domanskii V.A. Russian-Ukrainian Translation Discourse: Text and Context 383

Yefimenko N.I. Development of Reading Literacy among Schoolchildren (aspect of perception of literary text) 389

Potemkin S.B. Chekhov's Translations and the World Literature 399

Shaposhnikova T.L., Gordienko O.A., Egorova A.Y., Trunova E.A. Russian Literature through the Prism of Network Society and Cultural Heritage 401

Shemetova T.G. Pushkin and Brodsky: from Opposition to Similarities 407

Actual Problems of Studying Russian Literature of the 20th–21st centuries

Galimullina A.F. Modern Russian Prose of the Republic of Tatarstan in the Context of Dialogue of Cultures 415

Gorbunova N.A. The Gospel of B. Pasternak 425

Gorobets N.I. In Memory of Yu.V. Bondarev: Ways of Comprehension by the Military Cadets of the Art World of the Front-Line Writer 431

Zagidulina T.A. Love without a Body. Post Apocalypse 2.0 (based on the poetry texts of D. Petrovsky) 439

Seifert E.I. Arkady Dragomoschenko's "Mature Premature" Work.....448

Korzhova I.N. "Your Own Land is Sweet Even in a Handful": On the Reflection of One Custom in the War Years Poetry 455

Karol N.B. The Phenomenon of Duality in E. Vodolazkin's Novel "Brisbane" 461

Kravchenkova E.A. The Concept 'Pushkin' in I. Alekseev's Rap.....467

Krotova D.V. The Poetics of Corporeality in V. Shalamov's Poetry ...473

Mikhailova M.V. "Sad Writer's Brotherhood" – Fyodor Dmitrievich Batyushkov.....477

Nikolina N.A., Petrova Z.Yu., Fateeva N.A. Slavic Mythonyms in the Mirror of Comparative Tropes of the Modern Russian Prose.....483

Nichiporov I.B. Russian Literature in the Mirror of Religious and Philosophical Thought of the 20th century.....489

Spivakovsky P.Ye. Metamodernist Tragic Element at the Time of the Radical Culture Crisis (in the novel "Slynx" by Tatyana Tolstaya) 496

Russian Literature Abroad

Blishch N.L. Belarussian National Character in the Mirror of the 20th century Russian Prose: Myths and Prevailing Stereotypes.....503

Zhigalova M.P. The Voice of the Motherland, Family and Family in the Work of Russian-language Poet of Belarus Valentina Polikanina.....511

Zabrovskiy A.P. Russian Classical Literature in Yukio Mishima's Creative Reflections 519

Zlochevskaya A.V. Czech and Slovak Russian Studies of the 1995–2015 s. 532

Kafanova O.B. S. Yesenin's Poetic Heritage in Modern France: New Translations.....540

Knezevic M. Russian Language and Literature in Serbia.....546

Chernikova N.A. Bulgarian Russian Studies on the Path to A. Solzhenitsyn 552

Yuan Qing. “Own” and “Others” in the System of Characters of the Collected stories A.P. Heydok “Stars of Manchuria”..... 558

Outstanding Personalities of Russian Literature: Anniversary Dates 2020

Astakhova O.S. The Relevance of The Heritage of Methodologist V. Chistyakov in the Modern Practice of Teaching Russian as a Foreign Language (to the 130th Anniversary of His Birth) 565

Voloshina O.A. “Morphological Articulation” as a Form of Human Language (on I.A. Baudouin de Courtenay 175th Anniversary)..... 571

Zakharova E.M. 165 years since the Birth of I.F. Annensky: Scientific and Creative Reception 577

Kaverina V.V. Phenomenon D.E. Rosenthal: Spelling Constructions with Union *как*..... 582

Kasyanova V.M. The Book, which Reflected Two Centuries of Russian Literature (to the 120th birthday of D.E. Rosenthal)..... 589

Kufaeva N.V. Unique Contribution of S.I. Abakumov to the Development of Russian Language Teaching Methods (to the 130th Anniversary of His Birth) 597

Nikolenkova N.V. Ya.K. Grot and His Philological Heritage in the Course of the History of the Russian Literary Language (on the 135th anniversary of the adoption of the first spelling rules).....603

Puriaeva N.N. 145 Anniversary of Lydia Charskaya (1875–1937) 608

Chernykh E.A. The History of the Cyrillo-Methodian Mission in L.P. Zhukovskaya’s Works: To the 100th Anniversary of the Birth 612

Yuzhakova Yu.A., Somova M.V. To the 100th Anniversary of the Outstanding Methodist G.N. Pristupa 620

Raisa Romanova Kuznetsova – Researcher and Teacher: To the 100th Anniversary of Her Birth

Kovtun E.N. R.R. Kuznetsova’s Scientific Activity in the History of Russian Bohemistic Studies.....627

Sheshken A.G. The Macedonian Novel: The Formation and Evolution of the Genre 634

Slavic Writing Lesson

Antropova Z.I. The Use of "Formative Assessment" Techniques in the Development of Students' Speech Literacy 640

Borisova K.M. Based on the Text Discussion on the Linguistic Topic on the Slavic Writing Lesson 645

Goltseva E. Reading and Understanding of the Author's Position in the Literary Text in the Russian Language Lesson (based on the story of A.P. Chekhov "Who is Guilty?") 651

Demina I.V. The School-Wide Dictionary Project Is Management Form for Design and Research Activities of Students 658

Denisenko E.N. International Education Action "Pushkinsky Diktant". Typology of Tasks 668

Igumenova O.N. Cultural Language Environment as One of the Means of Children's Speech Development 673

Kalinina I.V. Spiritual Local Studies of the Northern Suburbs ("Book of travels of hieromonk Nikolo-Peschnosh monastery Hieronymus (Sukhanov) to Jerusalem and Mount Athos") 677

Pryakhina E.A. Linguistics Lessons 686

Simonenko N.E. Formation of Speech Skills in Students of the 9th Classes 689

Sysko I.V. Historical and Linguistic Commentary on "The Word about Igor's Regiment" as a Way of Introducing Students to the Linguistic Culture of the People 695

Shamanskaya A.V. Learning Verb Forms of Modern Russian in the 6th Grade through Familiarity with Old Slavic Alphabets 700

Yudova E.N. Methodological Development of the Event in the Framework of the Program of Additional Education in the Russian Language and Literature Video Bridge (tele bridge) Russia – Belarus "Slavic World: Common Language and Culture" 706

Электронное сетевое издание
Научное издание

**Русский язык и литература в славянском мире:
История и современность**

Материалы Международной
научно-практической конференции

Оригинал-макет подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова
Подписано в печать 29.07.2020 г.
Усл. печ. л. 50,4. Изд. № 11626.

Издательство Московского университета
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91;
e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации
Тел.: (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: http://msupress.com